Павел Митюшёв

М-ОСТРОВ

Глава 8.
Траектория

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1
М67

Митюшёв П.В.
М67 М-остров. Глава 8: Простая линия в нелинейном пространстве (Траектория). – М.: Мибук, 2026. – 560 с.: ил.

Книга «М-остров» предлагает комфортное спокойное чтение, в котором многоцветный мир, сплетённый из бесчисленного множества тончайших жизненных историй, обретает объём и наполняется смыслом. Глава 8-я посвящена феномену «третьей карты» и некоторым другим насущным вопросам. Для неустановленного круга лиц.

ББК 84 (2=411.2) 6
УДК 821.161.1

© П.В. Митюшёв, 2026

ОБЩЕЕ ОГЛАВЛЕНИЕ:

М-остров

(ЗЕМЛЯ)
1. Точка входа
2. Краткий обзор истории открытия и исследования Новой Земли
3. Москва

(КЛАСТЕР)
4. Топонимический кластер
5. Шар
6. Лоция Мерша
7. Динамическая модель шара

(ТРАЕКТОРИЯ)
► 8. Простая линия в нелинейном пространстве

(ПРИБЛИЖЕНИЕ)
9. Земля после синдрома
10. Пылинка
11. Молодые ль вы

(АКТИВАЦИЯ)
12. Бабочка
13. Как метеоролог пытался страну спасти
14. Активация

(ПОЛЕ)
15. Теория понятийного поля
16. Лирика

(ОКЕАН)
17. Подводная часть айсберга
18. Исходная точка

СОДЕРЖАНИЕ ГЛАВЫ 8:

8. Простая линия в нелинейном пространстве ……. 6
Брахистохрона …… 6
Уравнение Милеску-Спафария …… 28
Пробные тропы …… 36
Исходная диспозиция ……. 36
Первый. Петлин …… 38
Второй. Аблин …….. 47
Третий. Байков …….. 49
Что принесла птичка …… 50
Четвёртый. Милованов …….. 52
Под небом Поднебесной …….. 54
Золотой гвоздь …… 75
Библиотека Пандоры ……. 87
Два взгляда …… 87
Башня …….. 88
Дипломат …… 90
Музыкант ……. 98
Воронка ……... 105
Свадьба …… 107
Брат жениха …… 109
Открывшийся ресурс …… 113
Случайная неизбежность …… 114
Бунт …… 115
Новое русло …… 119
Перемены …… 122
Навстречу утренним лучам …… 122
Первый игрок ……. 124
Фарфор …… 124
Госзаказ …… 136
Госзаказ-2 …… 144
Что от всего этого осталось ……. 147
Последнее …… 154
Под музыку Вивальди …….. 168
Делец ……. 168
Деятель ……. 170
Дилер ……. 174
Должник …… 180
Договорщик ……. 189
Динозавр …….. 198
Демиург ……. 200
Занавес ……. 213
Мост из радуги …….. 222
Меркурий ……. 222
Витсен …….. 238
Авриль …….. 241
Нёвиль …….. 242
Идес-Бранд ……. 243
Лейбниц …… 252
Делиль …….. 259

Спарвенфельд …… 263
Дефо …… 265
Ланг …… 273
Последний герой …….. 275
Вёсны и осени Готлиба Байера …… 275
Настоящая жизнь …… 275
Кодовое слово …….. 286
Ad astra …… 290
Ad astra-2 …… 299
Первые цветы …… 303
Шесть девяток …….. 308
Уравнение с тремя известными …… 308
«И» …… 315
Цветение сливы …… 319
Проблески перемен …….. 323
Мартини …… 323
Купле …… 324
Лейбниц …… 325
Режи …… 328
Байер …… 330
Леонтьев …….. 333
Прыжок в бездну …… 336
Небо …….. 340
Следы ветра …….. 353
Зри шинуа …… 353
Между Венерой и Амуром …… 370
Пре-шинуазри …… 370
Высокое шинуазри …… 374
Пост-шинуазри …… 378
Огонь сатира …….. 393
Прямо комедия …….. 418
Просто сказка …… 431
Чисто лирика …….. 443
Воздух …….. 451
Лал …… 459
Добыча …… 459
На самых верхах …… 464
Двоелалие …… 471
Размер имеет значение …… 477
Эстафета …… 482
Чистой воды Водокшан …….. 488
Грани …… 528
Тонкая ниточка …….. 530
Пунктир …… 530
Мириады сияющих миров …… 536
Точка схождения …… 553
Хризантема ветров …… 555
Земные шнуры …… 559

8. Простая линия в нелинейном пространстве

Брахистохрона – Уравнение Милеску-Спафария – Пробные тропы – Под небом Поднебесной – Золотой гвоздь – Библиотека Пандоры – Перемены – Следы ветра – Лал – Тонкая ниточка

Брахистохрона

И там была она, «Вторая Тобольская карта» с Новой Землёй на самом её краю, что вынырнула из норы времени одним прекрасным днём 1673 – и предстала пред нами во всей своей красе в третьей главе («Москва»). Точный день и месяц рождения карты нам, увы, не известны. Зато доподлинно известно, что 25 июня того же года под Маастрихтом был убит самый знаменитый в мире гасконец, мушкетёр короля шевалье д'Артаньян.

Причём, одним выстрелом были убиты сразу оба – и «д'Артаньян» Дюма («Десять лет спустя», книга третья), и реальный Шарль д'Артаньян, малосимпатичный вояка эпохи «короля-Солнца» (Archives Nationales, MC/RS//1115).

Не знаю как другим, а мне в «Трёх мушкетёрах» всегда казалось немного странным, что мушкетёры там от своих мушкетов решительно дистанцированы. Упоминания мушкетов в книге можно пересчитать по пальцам, и те как правило связаны с экипировкой неприятеля, в крайнем случае – слуг. На протяжении четырёх сотен страниц д'Артаньян лишь единожды прикасается к этому постылому предмету, и то в совершенно крайних обстоятельствах, и то не к собственному мушкету, а к трофейному – да и это происходит лишь предположительно (прямого указания в тексте нет, глава «Совет мушкетёров»).

Вот шпага – другое дело. Это аутентично. А также – дёшево, надёжно и практично. И эстетично. А ещё – динамично, сценично и, главное, кинематографично.

Если представление о внутренней сущности д'Артаньяна сформировалось у меня (как и у сотен миллионов жителей нашей планеты) по книгам Дюма, то моё представление о внешнем облике мушкетёров имеет, как я теперь понимаю, другой источник. Это – картина Рембрандта «Автопортрет с Саскией», репродукцию которой, вырезанную из журнала «Огонёк», я в детстве любил разглядывать вместе с другими красивыми картинками, собранными мамой в голубую картонную папку с тесёмками.

Так и как же выглядит «настоящий мушкетёр»? А вот как. Во-первых, у него, действительно, нет никакого мушкета. Зато есть: красавица на коленях, кубок с вином в руке, шпага на боку и пышные страусиные перья на шляпе. Смотрите сами.

[Илл. 08-01-01-1. Рембрандт, «Автопортрет с Саскией», 1635. Галерея старых мастеров, Дрезден, № 1559. Сейчас эту картину почему-то стали называть «Блудный сын в таверне». Возможно, чтобы отвлечь внимание от наспех закрашенных павлиньих перьев на фоне стены]

Вот вам четыре составляющие внешнего облика любого мушкетёра – «женщины», «вино», «шпага» и «перья на шляпе». Комплект необходимый и достаточный.

Вполне допускаю, что данная картина Рембрандта открыла глаза на мушкетёрскую сущность не только мне. Не удивлюсь, если узнаю, что и для некоторых поэтов-песенников она также стала главным источником информации по соответствующей теме.

На картине (1635) Рембрандту 29 лет – ровно столько, сколько исполнилось в том году и д'Артаньяну, поскольку он был точным ровесником великого художника. А то, что Рембрандт – художник великий, знали тогда в Амстердаме все поголовно – и аптекари, и стеклодувы, и торговки рыбой, и ягдташмайстеры. И, само собой, потенциальные заказчики картин.

Но скоро положение дел изменится. После «Ночного дозора» (со множеством там мушкетов, 1642), воспринятого публикой, как возмутительный провал, жизнь художника стремительно покатится под откос. И уже через несколько лет он окажется без заказчиков, без учеников, без жены, без дома и без средств к существованию. Останутся только кисти и краски, никому теперь не нужные. Хоронить его придёт один человек, дочь.

Но именно в эту последнюю треть жизни Рембрандт напишет свои «Святое семейство», «Сусанну и старцев», «Даму с веером», «Артаксеркса, Амана и Эсфирь», «Возвращение блудного сына» – да практически все картины, что станут абсолютными вершинами в истории живописи, от одной только мысли о возможности обладания которыми у мультимиллиардеров всех стран по загривку начинают бегать мурашки.

И есть с чего. Эти картины действительно великие. Они революционны по технике, неисчерпаемы по заложенным смыслам, невероятны по точности передачи человеческих эмоций. При этом все они по понятным причинам достаточно пессимистичны, если не сказать депрессивны. И уж в любом случае – как минимум минорны.

А вот «Автопортрет с Саскией» (1635) – это позитив в чистом виде. Просто квинтэссенция позитива, где праздник жизни реально бьёт фонтаном. Вот почему в детстве я эту картину разглядывать любил, а «Возвращение блудного сына» – нет.

Из явленых на «Автопортрете с Саскией» четырёх «мушкетёрских атрибутов», главным мне тогда представлялся «бокал с вином». Что с чисто зрительской точки зрения было вполне оправдано. Это самый высоко расположенный на картине объект, находящийся точно на центральной оси и парящий над всем прочим. Чья главенствующая роль особо подчёркнута динамикой взмаха руки (все остальные предметы здесь статичны). Короче, вино на картине привлекало моё внимание в первую очередь (как, думаю, и задумывалось художником), и уж только потом – золотые шишечки на гарде шпаги.

[Илл. 08-01-01-2. Белое вино в бокале «мушкетёра». Рембрандт, «Автопортрет с Саскией». Деталь]

Вино было белое (хотя зрительно оно слегка окрашено розоватой подсветкой от густо-карминного «мушкетёрского» камзола). Если продолжать параллель с д'Артаньяном, то в бокале (типа «прямой пилснер») должно было плескаться луарское «Божанси» – любимое вино отважного гасконца.

Отважного, но неразборчивого. Даже на фоне не слишком знаменитых вин Луары, «Божанси» – вино мало заметное. В своём «Большом кулинарном словаре» Дюма отнёс его к «ординарным» винам. Это самая низкая категория из пяти, включающих (по нисходящей): «лучшие вина», «тонкие вина», «лучшие ординарные», «хорошие ординарные» и просто «ординарные» (наш случай).

С другой стороны, Дюма включил «Божанси» в свою «сборную мечты» – нетленный «Список вин, которыми должен быть заполнен погреб гостеприимного хозяина в наши дни» (где не может насчитываться менее 139 наименований, включая «Божанси»).

Откуда такая двойственность в оценке? Думаю, вот откуда. Вкусовые качества «Божанси» трезво оценены Дюма отнесением его к низшей категории. А в избран-

ный список это вино он включил в соответствии с его исключительным литературным рейтингом.

В «Трёх мушкетёрах» Дюма наградил своего героя таким странным вкусом не без некоторой, я полагаю, скрытой интриги. Действие романа начинается 7 апреля 1625 в городе Мён-сюр-Луар (в русском переводе – «Менг»), где восемнадцатилетний д'Артаньян затевает драку с проезжим господином. В результате чего получает лопатой по голове, лишается шпаги и рекомендательного письма, но зато мельком видит женщину, каких в своей Гаскони он не видывал даже во сне. В общем, полный короб впечатлений.

Весь следующий день д'Артаньян отлёживается на постоялом дворе, залечивая раны чудодейственным бальзамом и потребляя – внимание – «единственно розмарин, масло и вино» («ce romarin, cette huile et ce vin, seule dépense du maotre»).

А теперь вспомним, что накануне д'Артаньян въезжал в Мён-сюр-Луар через «ворота Божанси» («porte de Beaugency»). Это – въезд в город со стороны близлежащей одноимённой деревни, вокруг которой расположены местные виноградники. Так что в свой первый «взрослый» день жизни д'Артаньян пил, вне всяких сомнений, именно «белое Божанси». Читателю это название не сообщается, но герою оно определённо должно было быть известно, хотя бы из гостиничного счёта. И очень похоже, что пристрастие д'Артаньяна к этому вину возникло не столько из-за его вкуса, сколько из-за ассоциаций с невероятными впечатлениям того судьбоносного дня.

Так случилось, что я тоже как-то проезжал через Мён-сюр-Луар, и тоже пил местное вино в деревенском трактире неподалёку.

Привёл меня сюда не вымышленный д'Артаньян, а вполне реальный Франсуа Вийон, который за пять с половиной столетий до этого мотал здесь срок в подвале угловой башни епископского замка.

Поглазев вглубь темницы через разломанное наружное окно («Я – Франсуа, чему не рад: // увы, казнят злодея. // И столько весит этот зад // узнает скоро шея»), мы с женой и друзьями, впечатлённые увиденной темнотой, двинулись дальше. Дорога шла среди виноградников. Неизвестное количество раз повернув на неизвестных развилках, мы оказались у маленького деревенского ресторанчика, вход в который скрывался под водопадом цветущих глициний.

Тот обед стал самой волнующей моей встречей с французской кухней в моей жизни. И натюрморт накрытого стола венчало тогда именно луарское вино – что звучит несколько странно, согласен, но это так. Есть свидетельства.

Сласть земли перенимая,
тучных пчёл гудят стада.
Первое в Турени мая,
праздник Мира и Труда.

Праздник – точно. На заправке
ни души. Лишь тишь да блажь.
Спит феллах, курнувший травки,
мысленно обняв «калаш».

Никого. Проходит крыса.
В тазик капает вода.
Глаз открылся – и закрылся.
Праздник мира и труда.

Пардон, это не совсем то. Хотя и близко. А оно – вот оно:

***
Деревенский ресторан.
После мессы весь народ,
исцелясь душевных ран,
сунуть хочет что-то в рот.

Полдень бьёт. Обедать если –
времени – едва-едва.
Мять меню, елозя в кресле,
хватит – всё закроют в два.

Солнца луч на парусине.
В склянке ландышей букет.
Хлеб в соломенной корзине,
крупно ломаный «багет».

Здесь имеет каждый повар,
между тем я доложу,
личный кулинарный говор –
и в Турени, и в Анжу.
И тем они и ценны.

Всегда смотрите цены.

Аппетитней меню
ренуаровских «ню».

Свежа спаржа,
как утренняя секретарша.

Со слёзкой *рилетты* –
из рыбы котлеты.

Риллонов блюдо:
прощай, валюта!

Кастрюля мидий –
как в лучшем МИДе.

Луковый суп –
съел на весу б!

С Амбуаза ветчина
средь ветчин – величина.

Карасей в сметане
просто мы сметали.

По грудке утиной –
сироп паутиной.
Хитра приправа,
как доктор права.

Ловят снедь утиную
тут же, за плотиною.
Не филе утиное –
песня лебединая!

Сидр пьют из чайных чашек –
от холестерина бляшек.
Крепче – «sec», а слаще – «doux»,
знает даже какаду.

Не забудем «кальвадос»:
пил Атос его – а то-с!
Пить в процессе – «trou-norman».
У кого какой карман.

Выбирала вина
нам сама Афина.
Чистое «анжуйское»,
качество – буржуйское.

Первая пробка
вылезла робко.

Вторая пробка –
протоптана тропка.

А третья пробка –
гуляй, Европка!

Кончили не *фантой* –
крем-брюлле с лавандой:
под хрустящей корочкою,
с пеночкою горочкою.

Tart-Tatin – великий торт
из магических реторт.

Всё! …и кофе с каплей сливок.
Густ и чёрен. Но не липок.

Два часа – а как два мига!
Я предупреждал, амиго.

Час французской кухни.
Деньги – раз! – и ухни.

Насчёт Атоса. Но сперва насчёт денег. Обед, как вы уже наверно догадались, влетел нам в копеечку. И тут скажу так. В своей жизни я столько потратил совершенно, абсолютно впустую. А это – осталось со мной навсегда.

А теперь насчёт Атоса. При всей алкогольной феерии мушкетёрской жизни, герои Дюма за потреблением крепких спиртных напитков практически не замечены. Продукты перегонки встречаются в «мушкетёрских» книгах Дюма реже, чем даже мушкеты. На все три романа (в сумме – пять книг) приходится лишь два случая открытого употребления сорокаградусного зелья. Третий случай, когда изысканное общество в гостях у коменданта Бастилии якобы пьёт «коньяк» – это просто подарок нам переводчика: в оригинале там значатся «vins fins», «тонкие вина» («Десять лет спустя», глава «Политические соперники»).

Итого, два раза. В обоих случаях это – «eau-de-vie», водка неуточнённого типа. Первый раз её пьёт некий «кавалерист» («Три мушкетёра», глава «Бастион Сен-Жерве»), второй раз – солдаты д'Артаньяна (но не он сам, «Десять лет спустя», глава «Как д'Артаньян уладил…»). Пьют эти солдаты некую «eau-de-vie aromatisée», «ароматизированную водку».

Здесь надо вспомнить, что во времена мушкетёров «яблочная водка» (весьма ароматная) хоть и существовала, но самого слова «кальвадос» ещё не было, по крайней мере в широком употреблении. Так что «ароматизированная водка» мушкетёров вполне подходит под наш «кальвадос». Атос же в том возлиянии участия хоть и не принимал, но находился неподалёку (распоряжался насчёт лошадей). После чего, скорее всего, пропустил-таки стаканчик-другой, знаем мы его. Но это, повторюсь, редчайшее исключение.

А вот вино – это да. Своих высоких барочных бокалов мушкетёры из рук можно сказать не выпускают. Но и с вином есть некоторые нюансы.

Если в трёх словах, то – «всё было проще». Главные отличия винного мира Франции в «мушкетёрский» век от мира нынешнего определялись тем, что стеклянные бутылки ещё не использовались как основная тара для хранения вина (по причине отсутствия в нужном количестве и ненадёжности способов укупорки). Вино хранили в бочках и наливали в бутылки (или кувшины) непосредственно перед подачей на стол. Этот маленький нюанс имел два гигантских следствия. 1) Не существовало «игристых» (в нашем понимании) вин. 2) Не существовало вин «выдержанных». Вино пили молодым (по нынешним понятиям – «сырой виноматериал»), потому что потом оно скисало.

Соответственно, не существовало ни «винтажей», ни «мийезимов», ни «таблиц выдержки», ни «декантирования», ни «аппеласьонов», ни «терруаров», ни «доме-

нов», ни «шато», ни «крю», ни «кло», ни «кюве», у вин не было ни «тела», ни «носа», ни «раскрывающегося послевкусия». Было просто: «Хозяйка, подай своего лучшего вина».

Причём, по умолчанию – вина белого. Львиную долю винного оборота составляло именно белое вино.

Кроме как «хорошее – плохое», вина различались лишь по региону производства – исторической области, в лучшем случае – городу. Зарубежные вина (испанские, греческие, кипрские, канарские) были преимущественно креплёные. Да, они имели определённое хождение – но вот только изобретены они были ближе к концу XVII века, тогда как д'Артаньян въехал в «ворота Божанси» в его начале.

Скучная картина, вы не находите? Впрочем, Дюма, в ущерб исторической правде (и в угоду коммерческой целесообразности), несколько подсластил пилюлю. Кроме собственно региональных вин – «бургундского», «бордоского», «анжуйского» (читай: «луарского»), «шампанского» (ещё не-игристого) – он угощает мушкетёров (и нас с вами) более тонкими категориями. Мы видим бургундский «Шамбертен» (красное, «пино нуар»; упоминается много раз; мне до сих пор его попробовать не случилось: дорого), луарское «Вуврэ» («Десять лет спустя», глава «Герцог де Бофор»; а вот его я как раз пил, и именно в коммуне Вуврэ), бургундский «Макон» («Двадцать лет спустя», глава «Один из сорока способов…»). Мы также видим большой спектр сладких креплёных импортных вин (по нынешней терминологии – «винных напитков», они же «недоброды») – малагу, херес, мускат, мальвазию и, конечно, портвейн. Особенно портвейн (ещё не существовавший), которому посвящена отдельная глава. И, наконец, Дюма делает мушкетёрам просто королевский подарок. Авторской волей он переносит их на «машине винного времени» на два века вперёд и даёт пригубить «выдержанные вина» – «старое бургундское» («Три мушкетёра», глава «Где говорится об экипировке…»), а потом – чего уж там! – и «старое анжуйское» (не практикуемое до сих пор, видимо это по-прежнему ещё дело будущего; «Десять лет спустя», глава «Из коей явствует, что французский лавочник…»).

Надеюсь, теперь понятно почему винная вольница «Трёх мушкетёров» столь захватывала меня в детстве. Не из-за одного же только Рембрандта.

Действительно, не один же ведь только Рембрандт. Есть, к примеру, ещё целая вселенная «фламандского натюрморта», десятки великолепных художников, много десятков. Пусть не всегда мы можем всех их вспомнить по именам, но их картины, уверен, стоят перед глазами у каждого: амбуазская ветчина, свежий хлеб, сочная дичь, устрицы, кастрюли мидий, персики, инжир, виноград. Готовая «Книга о вкусной и здоровой пище». Неизбывный лимон, лучше Дня Благодарения настраивающий на рождественский лад серпантином своей цедры. И, конечно, великолепные вина.

Даже так: в смысле живописной подачи вин, «малые фламандцы» идут, пожалуй, перед Рембрандтом. Возможно, именно их вина и создали тот образ «праздника жизни», что распространился потом на «мушкетёров» Дюма.

Как говорят в театре – «короля делает свита». Точно так же в живописи «вино делается бокалом». Умеешь рисовать стекло – сможешь выдать любой напиток. И

«Вуврэ», и «Шамбертен», и анжуйское «отливающее янтарём», и «сверкающий топазами» херес.

Любопытно, что вкусы того времени предписывали для белых вин использовать бокалы скорее приземистые («рёмер», «беркмайер», даже «бокал-блюдце»). А для красных, наоборот – высокие и очень высокие («флейты»), чья высота, если держать их за ножку, подчас физически не позволяла (при реальной длине руки) пользоваться ими по назначению. Но это особо никому не мешало – пили-то тогда всё равно практически одно белое. Второстепенная роль тогдашних красных вин отчасти просвечивает и в технике их изображении. Даже у безукоризненных профессионалов красное вино выглядит на картинах несколько застывшим и плоским, каким-то мертвенным.

Думаю, что пришло время взглянуть своими глазами на всю эту роскошь. Ограничусь одним художником – Виллемом Кальфом, ведущим мастером «роскошного натюрморта».

[Илл. 08-01-02-1. Виллем Кальф, «Натюрморт с фарфоровой чашкой», 1660-е. Фонд Кустодиа, Париж, № 388]

[Илл. 08-01-03-1. «Натюрморт с сосудом для имбиря», 1669. Художественный музей Индианаполиса, № 45.9]

[Илл. 08-01-04-1. «Натюрморт наутилусом». Музей Тиссена-Борнемисы, Мадрид, № 203 (1962.10)]

Если бокалы на разных картинах Кальфа кажутся вам в чём-то схожими, то это не так. Эти бокалы не «похожи» друг на друга – это реально одни и те же бокалы. И вообще предметы, составляющие композиции. Тут надо вспомнить о специфике данного художественного явления в целом.

«Фламандский натюрморт» представляет собой продукт сугубо конвейерного мышления. Для начала, существовала жесточайшая специализация внутри жан-

ра. У «натюрморта вообще» имелось более десятка узких подвидов (не буду утомлять перечислением; «роскошный натюрморт» – это один из них). Каждая группа производителей подвизалась в чём-то одном. Часто картины делали всем кланом – участвовали жёны, зятья, свёкры, кумовья, крестники, дети и внуки. Удачно получившиеся (то есть – быстро купленные) предметы кочевали затем из картины в картину. Научился изображать блик на янтарной виноградине? Садись и рисуй сто, тысячу виноградин. Завали янтарным виноградом все Верхние и Нижние Ланды. А красный виноград оставь двоюродному брату.

Коронные предметы конкретно Кальфа – бокал-рёмер (небольшая овальная чаша на толстенной стеклянной ножке, покрытой шариками и шишечками), высоченный бокал-флейта, кубок-наутилус (из спиралевидной раковины), плоское серебряное блюдо, столовый нож с прозрачной рукоятью, карманный компас, ковёр с кистями, мраморная столешница, фарфоровые сахарница, чашка и ваза, небольшие кусочки золота (присмотритесь). Чистое барокко.

А собственно вино – вот оно. В ассортименте.

[Илл. 08-01-02-2. Белое вино во «фламандском натюрморте». См. 03-07-02-1, деталь]

[Илл. 08-01-03-2. Вино – белое и красное. См. 03-07-03-1, деталь]

[Илл. 08-01-05-1. Вино белое, красное и жёлтое. «Натюрморт с сахарницей», 1660-е. Частное собрание. Деталь]

Картины с бокалами Кальфа стоят сейчас огромных денег. Впрочем, картины с бокалами некоторых современных (относительно) художников ничуть не дешевле. Это и зовётся «многообразие мира».

[Илл. 08-01-06-1. «Натюрморт с бокалами и зелёным сифоном», 1960-е. Деталь. Музей современного искусства, Гуанчжоу]

[Илл. 08-01-06-2. Там же. Деталь]

[Илл. 08-01-07-1. Вазочка-креманка венецианского стекла. Там же. Деталь]

Всё, о чём мы говорили выше – это «натюрморт». «Nature morte», «мёртвая природа».

Так этот жанр называют французы. А вот на немецком, голландском, фламандском, фризском, английском и других языках этот жанр обозначается совсем иным словосочетанием – «тихая жизнь» («stillleben», «stilleven», «still life»). Что, как мне кажется, более точно отражает самую суть явления.

Действительно, никакая это не «мёртвая природа», это просто «тихая жизнь» XVII века.

Но жизнь в XVII веке трудно назвать такой уж «тихой». Пока жители Европы тихо и беззаботно предавались своим любимым забавам в «Тридцатилетней» и других войнах, незаметно надвинулось нечто грандиозное и неосмыслимое – «Великая научная революция». Всего за несколько десятков лет на нашей планете возникла «наука».

Ещё только вчера самые светлые умы решали вопрос о количестве демонов, умещающихся на кончике иглы – и вот уже пожалуйста, «это» прёт отовсюду: математический анализ, теорема Ферма, дифференциальное и интегральное исчисление, основная теорема алгебры, декартовы системы координат, аналитическая геометрия, вариационное исчисление, теория рядов, теория вероятности, закон больших чисел, теория эволют и эвольвент, закон обратных квадратов, теоретическая механика, молекулярная физика, гидростатика, волновая теория света, теория упругости, теория колебаний, законы преломления. Изготовлена, наконец,

работающая счётная машина (калькулятор). Вселенная стала прозрачной до последнего винтика и управляемой. В просматриваемой перспективе – подчинённой.

И всё это – XVII век. Декарт, Ферма, Паскаль, Бойль, Гюйгенс, Гук, Ньютон, Лейбниц, Бернулли (Иоганн и Якоб), Лопиталь. Каждый из них – это просто «взрыв мозга». А тут они – все и сразу.

Человечество тысячелетиями стяжало богатства, грабило и воевало. Материальные ценности в результате этого функционирования переходили из рук в руки, но от этого, по большому счёту, ничего не менялось. Теперь же случилось необратимое – знание вырвалось из под спуда. И скоро оно изменит всё. Для начала – общее устройство мира.

Но от общего давайте вернёмся к частному – к названию этого эпизода. «Брахистохрона» – это не возбудитель редкой тропической болезни, это вид математической кривой. Весьма специфической.

Поначалу я собирался назвать данный эпизод «Лемниската», потом – «Таутохрона», потом – «Спира Мирабилис». Это тоже кривые, тоже «выведенные» в XVII веке, и тоже при непосредственном участии братьев Бернулли. «Спира Мирабилис» («Spira Mirabilis») – это «логарифмическая спираль», по закону которой протекают многие природные процессы. В частности, раковина «наутилуса» (с натюрмортов Кальфа) – это именно «логарифмическая спираль». Спиральные галактики, спирали тайфунов, «спираль Весны» – это всё тоже она. А «лемниската» – это я даже затрудняюсь коротко объяснить что. Есть две произвольные точки, и произведение расстояний до них от любой точки «лемнискаты» – одинаково. Выглядит это, как знак «бесконечности». Кому в реальной жизни это может быть нужно? Без понятия.

Но «лемниската» – это ещё что. Вот «кубики Ньютона» – это вообще какая-то запредельная чушь. Начать с того, что это никакие не «кубики», а кривые, графически показывающие решения различных кубических уравнений. А уравнений этих – как грязи, и каждому соответствует своя кривая, порой весьма прихотливая. Так вот, Ньютон эти уравнения порешивал, а потом эти кривые зарисовывал и складывал в стопку, пока не надоело. Наделал он их очень много. А, главное – ни зачем. Так они и лежали в шкафу, пока человечеству не потребовались позарез компьютерные шрифты («Гарамон», «Баскервиль» и иже), которые, как выяснилось, очень удобно генерировать посредством этих самых так называемых «кубиков». Вот вам и «Юрьев день». Триста лет не было нужно, а теперь – на вес золота.

Но я в своём выборе остановился всё-таки на «брахистохроне». Простая задача: есть вершина горы и есть точка у её подножия. Вопрос: каким должен быть профиль склона, чтобы лыжник скатился максимально быстро? Очевидный ответ: «прямая» – ответ не верный. Надо считать.

Считать, по инициативе Бернулли, взялись одновременно многие достойные люди. Все двигались разными путями, у всех получилось одно. «Самый быстрый профиль» – это отрезок перевёрнутой циклоиды. Данную кривую и назвали «брахистохрона», «траектория быстрейшего спуска». Интуитивно это кажется противоестественным. Например, при некотором соотношении высоты и ширины горы,

«брахистохрона» будет сначала опускаться ниже уровня финиша, а потом подниматься к нему. И всё равно – это самый быстрый путь. Доказано Якобом Бернулли, Иоганном Бернулли, Ньютоном, Лейбницем, Лопиталем, Жан-Клодом Килли и другими достойными людьми.

Да, я забыл ещё сказать про «таутохрону». Это – профиль склона, время скатывания по которому не зависит от точки старта. Как это может быть? А вот так. Если ваш склон «таутохронен», то даже если вы будете стартовать в метре от финиша, а ваш соперник – с заоблочной вершины, всё равно вы с ним пересечёте ленточку одновременно. Дело в том, что уклон «таутохроны» чем ниже тем меньше. И стартовав вблизи финиша, вы покатитесь очень медленно, почти никак. А ваш соперник понесётся издалека, но – как вихрь.

Для разных видов действующей силы вид «таутохроны» будет разный. Конкретно для силы всемирного тяготения («сила тяжести») «таутохроной» будет являтся уже знакомая нам «перевёрнутая циклоида» (на отрезке до нижней своей точки), то есть всё та же «брахистохрона».

Так что я её и выбрал. Итак, «Брахистохрона». Не самый, может быть, короткий – но определённо самый быстрый путь от «Второй Тобольской карты» до «Великой научной революции».

Причём если кто-то начнёт читать с середины, времени он себе этим не сэкономит.

Уравнение Милеску-Спафария

Упомянутая выше Великая Научная революция бушевала в самом сердце Европы. Но даже и на дальней её окраине по воде пробежала рябь. В Московском царстве в 1672 нарисовалась одна знаменательная книга.

В ней автор обосновывал ни больше ни меньше, как неободимость дополнения (а то и замены) девяти античных Муз, представляющих искусства – семью Музами новыми, представляющими науки. И хотя «старые» Музы («девять аполлоновых Дев») формально отвергнуты не были – но они были решительно задвинуты на задний план.

Сочинение называлось «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествех». Несмотря на то, что произведение было произведено тиражом в два экземпляра, популярность оно обрело несказанную – возможно благодаря ясности и прозрачности проводимой в нём мысли. Ибо все его тезисы сводилось к одному простому уравнению.

В естесственных науках «уравнением» называют тот или иной закон природы, записанный в математическом виде. В «Книге избранной вкратце…» этот закон был записан отменным полууставам на ста тридцати страницах следующим образом. Даю экстракт (в логической последовательности).

> Всякое учение подобает во память быти и содержатися единому от другаго, понеже аще не во память пребывает учение, всуе труждаемся, аще и безчисленныя книги прочитаем и аще едино учение познаваем, другаго же не свемы; хромое таковое учение явится. Сего ради сице изобразиша девять мус. (л. 9)
>
> Девять убо мусы суть, <…> яко удобнейшая сладость учения познаватися. <...> Оттуду же и седмь оная возпеваемая свободная художества. (л. 1-1 об.)
>
> Тем всяк, иже <…> сия седмь свободныя мудрости проходя и почитая в пространствии, любезныя бразды на твердом благоверия камени адаманте сердца твоего острословесною графиею трости омакая в киноварь красныя доброты, в память отеческого милования да напишет. (л. 54-54 об.*)
>
> Сего ради мусы вместо всех учений и мудростей разумеется. (л. 12)
>
> («Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествех». Рукопись. РНБ, Отдел рукописей, ф. 550, Q.XVII.13. Звёздочкой (*) отмечены цитаты по рукописи: ГИМ, Синодальное собр., № 527.)

В современных терминах этот закон, как я его понял, можно сформулировать так:

> Объём «бытия» равен сумме преобразований «универсума» операторами «муз» и «художеств».

В математической же записи это утверждение выглядит ещё проще:

$$\mathrm{Ex} - \sum_{i=1}^{m} M_i\{\mathbf{U}\} - \sum_{j=1}^{n} X_j\{\mathbf{U}\} = 0$$

[Илл. 08-02-01-1. Уравнение Милеску-Спафария, описывающее «цивилизационный скачок». Ex – суммарный объём пространства «бытия». M_i *– операторы «старых муз»,* X_j *– операторы «новых муз» (сиречь – «свободные художества», они же «науки»).* ***U*** *– тензор «универсума». Суммирование идёт как по всем «музам», так и по всем «художествам». В данном приближении* m = *9,* n = *7]*

Задействованные выше величины требуют некоторого пояснения. «Бытие» понимается здесь, как «сущее» («Existence», «Being» – но не «Genesis»). «Универсум» задаётся как тензор бесконечного ранга; операторы «муз» и «художеств» (искусств и наук) в общем случае не являются линейными.

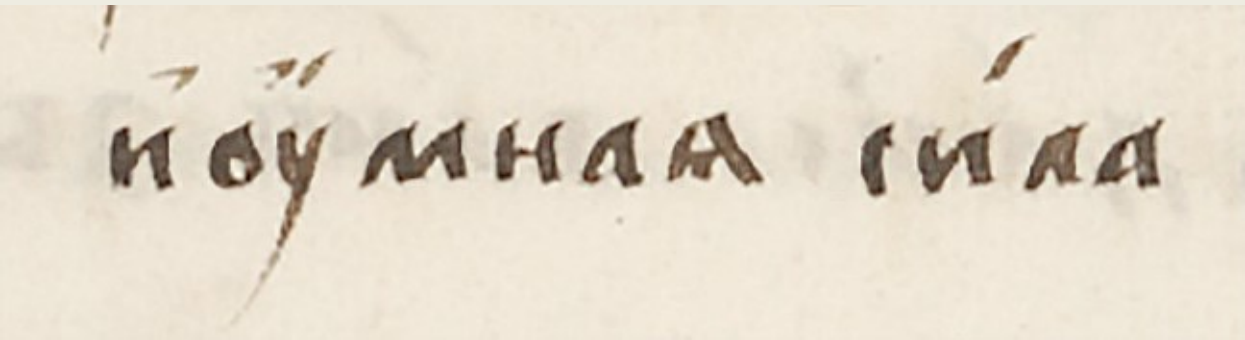
В трёхмерном мире (классическая модель) имеется девять «муз»; «художеств», соответственно, семь. Строго говоря, по смыслу задачи речь должна бы идти об *изменении* «объёма бытия» (в результате «цивилизационного скачка»). Однако, очевидно предполагается, что по умолчанию стационарный (до-цивилизационный) член пренебрежимо мал. Кроме того показано (и в этом главная заслуга автора «Книги…»), что в первом приближении вкладом «муз» в уравнение также можно пренебречь.

Физический смысл данного уравнения прост. Доступная в каждый конкретный момент времени область «мироздания» складывается из «реальности», пропущенной через «фильтры» отдельных наук и искусств (или – в других терминах – «преломлённой» через «призмы» наук и искусств). Эти разрозненные «солнечные зайчики» на земле, проникающие к нам через считанные разрывы в чёрных тучах невежества – это не бог весть что, но это всё, на что человек может рассчитывать.

Науки же предлагается брать в расчёт следующие. Три из них соответствуют гуманитарным наукам (грамматика, риторика и диалектика), три – естественным (арифметика, геометрия и астрономия). Ещё одна дисциплина (музыка) хотя формально и относится к искусствам, но в данном контексте рассматривается как некий специальный раздел математики, оперирующий с «небесными» пропорциями. Итого, их семь. И вот что можно о них сказать «вкратце».

Грамматика. Благодаря ей «видится бо яко безмерное есть словес собрание» (л. 15). Ею «составляхуся вся чиновная творения и сплетаемыя стихи и вся прочитаемыя книги» (л. 18 об.). И, наконец, она «всешестныя багряницы и многоценных маргаритов доброты возприемает и прочим подавает» (л. 17-17 об.). Короче, вещь решительно необходимая.

Риторика. Это – «умная сила» (л. 24 об.). Тут лучше уже не скажешь.



[Илл. 08-02-02-1. Риторика, как «… умная сила». «Книга избранная вкратце…», 1672. Рукопись. РНБ, ОР, Q.XVII.13, л. 24 об. Фрагмент]

Диалектика. Согласно автору, данное «художество любопрения» имеет статус «орудия орудиев» (л. 28 об.). Она вот что делает – «не сущее осуществовати являет» (л. 31 об.).

Арифметика. «Художество» строгое, поэтому автору здесь было уже не до «любопрения». Чтобы сдвинуть с места корабль доказательности, ему пришлось для начала дать аксиоматику. Например, «аще равная равным прилагаются, всякая равная суть» (л. 7 об.). И хотя этот тезис интуитивно хорошо понятен, я подозреваю, что его сходу сможет озвучить далеко не каждый студент-математик.

Музыка. Тут всё идёт от пропорций. Где есть «шесть», там ищи и «три» (но никак не «пять»). Чтобы не ходить далеко за примером: «Исайа от шестикрылных серафимов возпеваемую Троицу слышати сподобися» (л. 47).

Геометрия. Этим словом здесь обозначается целый куст наук – от тригонометрии до географии включительно. Особенно автор напирает на последнюю, знанием которой очевидно втайне гордится: Америка у него находится «во Асии и во Европе» (л. 57 об.). Зато Китая в Азии у него пока всё ещё нет (л. 55).

Астрономия. Автор чётко разделяет «астрологию» и «астрономию», явно отдавая приоритет первой. «Астрология учит о совершенстве звезд и их ползе, астрономия же учит о движении звезды» (л. 62). Забегая вперёд скажу, что этот подход ему ещё аукнется.

Так что вот они – наши «волшебные стёкла», сквозь которые мы видим мир. И мало что есть на свете важнее их. Понеже,

> Понеже раждается слово в сердце; а еже како разлияся сугубое, сиречь части некия душевныя и телесныя; а еже тричастное погибе, душевныя три части суть: словесное, яростное и желателное. (л. 54 об.-55*)

К этому трудно что-либо добавить. Разве что самые последние строки «Книги избранной вкратце…», подводящие итог всему сочинению и ещё раз подтверждающие ведущий статус «семи новых муз». Для большей доходчивости написано это в стихах.

> Аполлоне, новыя тебе мусы явно зовут.
> О них же Спатарий рече и остро пишет.
> Прийди, Аполлоне, не жалей Еликона горы.

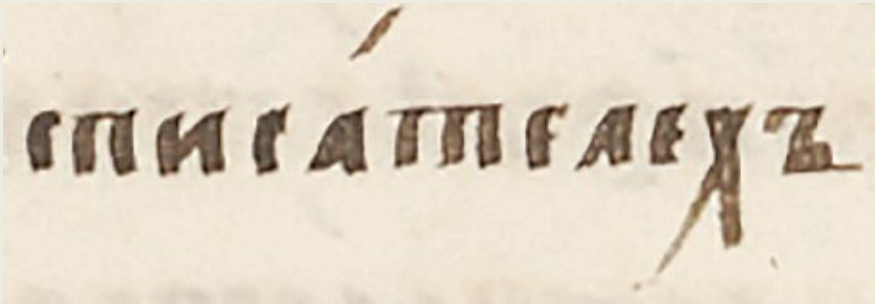
И источников древних и лик твой оставити.
И ясный зде источник и гора паче веселая.
И мусикою новою всякая веселятся. (л. 65-65 об.)

Кто такой «Спатарий»? А это и есть автор – образованный 36-летний молдавский боярин Николау Милеску. «Спафарий» – это его прозвище, со временем заменившее фамилию.

И вот он-то и написал эту знаменитую «Книгу избранную вкратце…». Ну, как написал? Правильнее сказать – прочитал и пересказал.

Если бы Спафария спросили, сам ли он сочинял свои книги – он, возможно, не понял бы вопроса. Что значит «сочинял»? Книгу нельзя «сочинить». Новые книги возникают так: берутся старые (одна или несколько), переводятся или пересказываются, компилируются, к этому добавляются некоторые свои суждения – и вот вам новая книга. Роль творца состоит единственно в подборе источников и соблюдении оптимальной их пропорции. Это как в поварском искусстве – пшеницу для макарон ты сам не растил, и базилик для приправы сам не собирал. А умопомрачительная «паста-маринара» – твоя.

Тут весьма показательна одна описка Спафария. В том месте, где он говорит об авторах книг, у него возникает говорящий неологизм – «списатели». Да, в этом и заключается суть профессии. Именно так.



[Илл. 08-02-03-1. «Списатели» у Спафария. Там же, л. 15 об. Фрагмент]

Собственно, Спафарий себя и позиционировал не как «писатель», а как «книгостроитель». Выбрать правильные источники и донести их мысли до масс – вот главное его искусство и главная цель. А почему эти «массы» не читают сами исходники? А чёрт их знает. Может, языками не владеют, или – просто не читают.

По поводу конкретно «Книги избранной вкратце…». Написана она была сразу на русском языке. При этом достоверно известно, что на тот момент (1672) Спафарий русского языка практически не знал. Ситуацию делает ещё более интересной тот факт, что главный источник этой книги («Сказание о седми свободных мудростех», XVII) – обретался также на русском.

А потому работа Спафария происходила, очевидно, следующим образом. Сначала кто-то зачитывал ему «Сказание», поясняя непонятные русские слова с помощью «лингва-франка», то есть – греческого. Спафарий услышанное обдумывал, уяснял, взвешивал, сводил в уме сюжетные концы со смысловыми концами – а потом диктовал на неком «южном славянском» языке результирующий текст, поясняя русскому писцу непонятные тому слова опять же на греческом. И тут уве-

ренно сказать кто, что и как понимал в этом и так-то сложном тексте – ну решительно невозможно. При таком рабочем процессе автор имеет ввиду одно, говорит другое, писцу слышится третье, понимает он четвёртое – и добросовестно пишет (поскольку уплачено) уже и сам не знает что. Автор же, не владея языком, проверить качество результата не в состоянии. В итоге мы имеем достаточно фантазийную кладку из слов на тему.

Что скрывать – произведённый в результате текст получился у Спафария достаточно тяжёлым. Да вы сами имели возможность его видеть. Что, разумеется, ни в коей мере не умаляет ценности заявленных в нём позиций.

А то, что у текста имелся некий источник – это влиять на нашу оценку книги Спафария не должно. Поскольку понятие «авторства» – понятие не столь очевидное. Кто может сказать в каких случаях из сложения чужих заготовок родится оригинальное произведения, а в каких эпигонское?

К примеру, тот же «роскошный натюрморт», как жанр в целом. Ценность картины здесь в значительной степени определяется красотой самих предметов, изображённых на полотне. И, по-хорошему, Виллем Кальф должен был бы делиться своими гонорарами со стеклодувом, изготовившим тот роскошный бокал-рёмер, что наполняет сиянием (и смыслом) множество картин художника.

Но можно пойти и дальше. На картине Кальфа «Натюрморт с фарфоровой чашкой» (1660-е) центром притяжения является чашка тончайшего китайского фарфора. «Китайского» – потому что на тот момент нигде в мире, кроме Китая, фарфор делать ещё не умели. Эту картину Кальфа мы уже видели, но посмотрим снова.

[Илл. 08-02-04-1. Виллем Кальф, «Натюрморт с фарфоровой чашкой», 1660-е. Фонд Кустодиа, Париж, № 388. Фрагмент]

Чашка действительно бесподобна. Но, во-первых, она очень даже «подобна», потому что это продукт серийного производства, скорее всего с фабрик провинции Цзянси. Но дело даже не в этом. Картина Кальфа хороша благодаря изображённой на ней чашке. Но сама чашка хороша благодаря своей росписи, в первую очередь – мастерски изображённому на ней лаковому ковшику. А ковшик хорош благодаря изображённым на нём белым цветам-амариллисам.

[Илл. 08-02-04-2. Виллем Кальф. Амариллисы, нарисованные на ковшике, нарисованном на чашке, нарисованной на картине. Там же.]

Итого: один художник рисует на ковшике цветы, второй рисует на чашке этот ковшик с цветами, а третий рисует на холсте эту чашку с нарисованным на ней ковшиком с нарисованными на нём цветами. И в какой тут момент родился шедевр?

Похожий вопрос можно задать и относительно фотографий с достопримечательностями. Вклад в эти снимки фотографов-любителей следовало бы, в принципе, отделять от вклада самих архитектурных хитов. Но кому, скажите, до этого есть дело.

И наверное это правильно. В любом новом содержится какой-то вклад предыдущего. Нелья писать книгу и делать вид, что ты первый, кто догадался водить пером по бумаге (вариант: стучать по клавишам).

Все хорошо знают, что писать следует только о том, что хорошо знаешь. Но подавляющую долю всего, что знает человек, он знает из других книг. Собственный опыт отдельного индивидуума исчезающе мал (по сравнению) и случаен. И если цель – это приблизиться к «небу», то класть маленький камушек своего личного

опыта следует на вершину горы (из других таких же камней) – а не там, где он тебе подвернулся.

Весь этот разовор, напомню, начался с вопроса – «сам ли Спафарий сочинял свои книги»? Из чего должно бы следовать, что книг этих было как минимум несколько.

Так оно и есть. Думаю, сейчас самое время сказать пару слов об этом ярком человеке и его показательной судьбе.

Спафарий прожил долгую жизнь, 96% которой можно уверенно разделить на две не смешивающиеся половины: «до» и «после».

«До» (1636 – 1675). Первые 39 лет. Сын молдавского боярина, получил блестящее европейское образование. Кроме родного молдавского, свободно владел основными языками общения (латынь, греческий, турецкий, арабский, итальянский). Сделал успешную карьеру при молдавских и румынских господарях, объездил половину Европы (Брандебург, Варшава, Падуя, Париж, Стамбул, Стокгольм). Публиковался в Париже. В возрасте 35 лет, полный исследовательского драйва, приехал в Москву в статусе доверенного лица Иерусалимского патриарха (1671). Здесь он сходу развил бурную деятельность просветителя, за два-три года наклепав чуть не десяток культовых книг для царской библиотеки. «Книга избранная вкратце…» – это только одна из них, и даже не самая известная. Его (sic) «Хрисмологион» стал реально настольной книгой московской элиты. Ещё бы. Кто откажется от книги с пророчествами, предсказывающими славу и величие именно твоему тейпу. Или, например, его «Книга о сивиллах» (1673). В ней уже не только пророчества, но и игривые материи не были обойдены. Первая же появившаяся в книге «сивилла» (конкретно – сивилла Персидская) «зраку была младообразного, красотою зело добра» («Книга о сивиллах», РГБ ОР, ф. 246, д. 227, л. 26.). Соответствующая картинка (там же, между л. 24 об. и л. 25) рассеивает последние сомнения.

В Москве Спафарий быстро обзаводится влиятельным покровителем (без этого здесь никак) – Артамоном Матвеевым, чьего маленького сына он начинает учить всяким разным языкам. Ведь языки – это не просто «языки», это – возможность видеть мир с разных точек зрения и сравнивать. Жизнь у Спафария явно на подъёме. Его читают, его чтят. Он нашёл правильное для себя место.

«После» (1678 – 1708). Последние 30 лет. Спафарий уже неплохо знает русский язык, и получил непыльное место в Посольском приказе. Но тут его покровитель вдруг «погорел». И все двери, ведшие в светлое будущее, мгновенно захлопнулись.

Оно бы и чёрт с ним, на Московии свет клином не сошёлся – но к тому времени Спафарий уже как-то здесь прижился. И жизнь его потекла дальше – ни шатко ни валко. Так тридцать лет незаметно и прошли. Звонкий европейский учёный превратился в неповоротливого и боящегося лишний раз чихнуть приказного служаку. Причём никаким особым гонениям Спафарий даже и не подвергался, его просто «уравняли» с остальными. С ним случилось то, чего так опасался Кёниг, и чего ему просто чудом удалось избежать: Спафарий увяз в административном болоте. Это уравнение не имело решения. Вторая половина жизни прошла никак.

К счастью, были ещё 4% жизни Спафария – три года, лежащие в зазоре между «до» и «после». И эти три года, пронёсшиеся как один день, стали его звёздным часом, даровав ему бессмертие.

С 1675 по 1677 Николай Спафарий совершил путешествие в Китай.

Пробные тропы

Исходная диспозиция

Спафарий не был первым западным человеком, увидевшим своими глазами Поднебесную. К моменту его путешествия (1675) Великий шёлковый путь исправно функционировал уже как минимум полторы тысячи лет. И уже более полутора сотен лет как к нему добавился и прямой морской путь из разных европейских портов. Откуда, думаете, взялись в Амстердаме те великолепные фарфоровые чашки и вазы, что радовали наш глаз на картинах Виллема Кальфа? Птичка принесла?

Новизна же путешествия Спафария заключалась в том, что он дошёл до Пекина конкретно через Сибирь. Но и здесь он не был первым. Коротко освежу историю вопроса.

Классический «шёлковый путь» пролегал через Бухару. Путь был неплохой, но у него имелся один досадный изъян – он не имел никакого отношения к Московскому царству.

Новые возможности у московских царей открылись после проникновения русских вооружённых отрядов за Уральский хребет и быстрого их там продвижения вдоль рек. На глазах буквально одного поколения (менее сорока лет, начиная с 1580-х) ситуация здесь радикально изменилась. Территории вплоть до Байкала стали контролироваться новопришлыми людьми. Ну и естественно родилась идея попытаться добраться до Китая каким-нибудь «своим» путём, севернее «бухарского». И четыре раза (до Спафария) эта затея удавалась.

В каждом из этих путешествий участвовало много людей (от десяти – до ста и более), и имена некоторых из них даже сохранились. Тем не менее, я буду ассоциировать каждое предприятие лишь с одним в каждом случае человеком – тем, от кого человечество узнало о соответствующем путешествии и его деталях – и обрело в результате новые знания. Как правило, это будет руководитель экспедиции.

Начну, как всегда, с предупреждения. Так называемого «путешествия в Китай казака Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева», якобы имевшего место при Иване Грозном (ну, разумеется) – такого путешествия никогда не было. Это чистый исторический фейк. Не хочу больше терять на это время; попавшиеся на данную удочку, буде пожелают, имеют все возможности разобраться с этим глюком самостоятельно.

Итак, до Спафария было четыре путешественника, которым удавалось достичь Пекина через Сибирь. Вот они: Иван Петлин (1618, Томск); Сеиткул Аблин (1653, Тобольск; а также 1658 и 1668); Фёдор Байков (1654, Тобольск); Игнатий Милованов (1670, Нерчинск). В скобках указаны года и точки старта экспедиций.

Все эти путешествия (кроме последнего) имеют ряд схожих черт. Общая идея по маршруту была такова – подняться вверх по той или иной западно-сибирской реке до её истоков, там вступить в контакт с теми или иными дружественными кочевыми правителями (киргизскими, калмыцкими, ойротскими, монгольскими) – а они уже там как-нибудь проводят известными им путями до границ Китая.

Так что в принципе предполагался тот же «бухарский путь», только с заменой его начальной (среднеазиатской) части на более северную. На деле, правда, выходило не совсем так. Если «бухарцы» обходили пустыню Гоби по южной её границе (и попадали в Цзюцюань (Сокчи), а оттуда – в Чанъань (Сиань), минуя Стену) – то условные «монголы» вели наших путешественников по северной окраине пустыни, которую пересекали потом в проторенном ими месте (попадая в Калган, а оттуда – в Пекин).

Любопытно, что в какой бы точке путешественники ни стартовали, их степные части маршрутов оказывались потом близки. Дело в том, что истоки великих западно-сибирских рек – Иртыша, Оби и Енисея – находятся все недалеко друг от друга. Так что по какой из рек ни поднимайся, всё равно выйдешь в степь в западном углу современной Монголии.

Между экспедициями имелось и организационное сходство. Не рискуя идти самостоятельно, путешественники дожидались оказии – какого-нибудь посольства кочевников, возвращающегося через Сибирь домой. С ними и шли. А там уж местный хан давал (за соответствующую мзду) и провожатых, и охрану, и провиант, и всё остальное.

Нахождение же в самом Китае протекало по одному и тому же сценарию. Караван утыкался в Великую стену и шёл вдоль неё до ближайших ворот. У ворот всех останавливали. По общим правилам, торговцы и барышники внутрь страны не допускались, а для коммерции были устроены специальные рынки снаружи от стены. А потому, чтобы иметь шанс быть пропущенными внутрь, все новоприбывшие сказывались «послами» от правителей неких далёких стран. Тогда караван всё равно останавливали, а в Пекин посылали гонцов, которые недели через две-три возвращались со столичным решением – пускать очередных «послов» или нет. Если решение было положительным, то караван брался на полное государственное обеспечение и под конвоем препровождался в столицу. Там его размещали на «посольском дворе» – тоже под охраной, со снабжением, и без права выхода в город. Далее соответствующие чиновники уже на месте разбирались с бумагами и реальным статусом прибывших. После чего «послы» либо высылались обратно (тем же манером, под охраной), либо допускались на церемонию периодического выхода императора к подданным – и уже после этого отправлялись восвояси. На все эти процедуры уходило много времени, иногда месяцы. В течение которых предполагаемым «послам» либо разрешался ограниченный выход в город, либо нет. При этом мне не известно ни одного случая, чтобы в составе русского «посольства» того периода имелся хоть кто-то, знающий китайский язык.

Я так подробно это рассказываю, чтобы читатели могли составить собственное мнение о возможностях путешественников видеть жизнь Китая изнутри. Но кое-что они всё-таки видели. И тут всё зависело от личной любознательности прибывших и их открытости к чему-то новому.

Это о том, что было общего. Но у каждого путешествия была и своя изюминка.

Первый. Петлин (1618)

Первым русским человеком, достоверно побывавшим в Пекине и чей рассказ об этом до нас дошёл – был Иван Петлин. Находился он в Пекине четыре дня, с первого по четвёртое сентября 1618.

Мало того. Петлин стал одновременно и последним русским, кто видел Китай эпохи империи Мин. Вскоре после его путешествия Китай завоюют маньчжуры, присоединят его к Маньчжурии, образуют империю Цин – и это будет уже не тот, многотысячелетний, «китайский» Китай. Классический Китай закончится.

А Петлин его ещё увидел.

Ну, собственно «видел» он не так уж и много. Однако, он уловил (и смог выразить) самую суть явления: Китай – это нечто совершенно грандиозное, это – страна будущего. После своего любимого Томска, после енисейских острогов и заимок, после кочевых стойбищ и даже относительно обустроенных центров монгольских улусов – короче, после всего, что Петлин видел в своей жизни и принимал это за норму – он попал словно на другую планету. Увиденное здесь ему было просто не с чем сопоставить. Провинциальный заштатный китайский городок (Калган) он попытался было сравнивать со стольной Москвой, но оставил это занятие, поняв, что это вещи попросту несравнимые («Роспись» Петлина, РГАДА, ф. 126, оп. 1, 1618 год, д. 1, л. 14). Масштабы, обустроенность, уровень развития и экономический драйв открытой им страны его просто раздавили.

От Великой стены до Пекина путь Петлина пролегал через несколько городов, нет смысла их здесь называть. И вот его беглые впечатления. Здесь важны не детали, а общее ощущение. Первый город: «высок и хорош и мудрён делом». Второй: «каменной, высок и велик», «тово краше и хорошие, украшен всякими узорочьи и мудростьми». Третий: «каменной, велик и высок», «пустово места нет, всё дворы и лавки каменные». Четвёртый: «каменной, велик и высок». Пятый: «велик и высок», «а лавки в городе от ворот до ворот», «а тот город тех городов всякими товары и узорочьи и овощами и харчами насыпан» (там же, лл. 13-18).

А вот – насколько это всё населено и обжито: «А людей добре множеством много», «поутру не продерёшься промежу люд», «а люди в городе ходят нарядно: в отласном и в бархатном и в камчатом» (там же).

Богатство ассортимента китайских магазинов – это отдельная статья. «А в лавках товаров всяких узорчных много множество», «а в ряд войдёшь, ино манне уподобишься» – и так далее, и тому подобное. Не избалованный у себя на родине продуктовым разнообразием, Петлин видит на здешних развалах все известные ему овощи и фрукты – но это только вершина айсберга: «а иных овощей мы и не знаем какие» (там же).

И это он ещё не добрался до столицы.

В столице официальная часть «посольства» Петлина реализовалась быстро. При первой же встрече китайские чиновники уяснили, что перед ними никакой не «посол», что у него нет ни царской грамоты, ни подношений, что его направил сюда какой-то там «воевода» (так оно в реальности и было), и что он, строго говоря, вообще непонятно кто. Поскольку тут ни о какой аудиенции не могло идти и речи, то

уже через четыре дня после прибытия он был выпровожен назад – снабжённый, правда, письмом, составленным от имени императора, в котором Сын Неба благосклонно журил своего далёкого и бестолкового «вассала» (московского царя) за его милую, но неумелую попытку выразить свою преданность.

Итак, что мы в результате имеем. Сообщение от очевидца о Великой стене, о Запретном («Магнитовом») городе внутри Пекина («Большого Китая», он же «Крым»), об ассортименте продуктовых и вещевых рынков, о посольском протоколе, о тлеющих ароматических палочках.

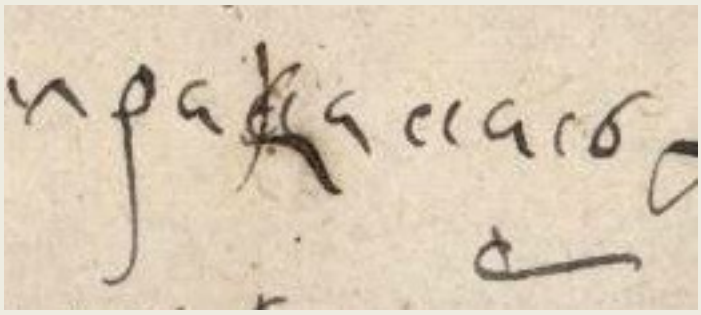
А главное – описание пути, пройденного автором самолично. Пути, в котором главный интерес представлял, понятно, отрезок от Томска до Великой стены.

Отрезок этот занял у Петлина три месяца, включая остановки в монгольских улусах. Вышел он из Томска девятого мая 1618.

Томск стоит на реке Томь недалеко от места её впадения в Обь. Но Петлин пошёл вверх не по Оби, а по Томи, так что вскоре он оказался уже в ареале Енисея, где пересёк его верхние левые притоки Абакан и Хемчик. После чего перевалил через некий хребет и оказался буквально на краю света.

До этого места он всё удалялся и удалялся от людей, после этого места он начнёт приближаться к людям. Здесь же располагался абсолютный «полюс пустоты», на самом дальнем краю бескрайних монгольских степей. Это было то, что называется «нигде».

В «нигде» Петлин обнаружил огромное солёное озеро, почти море, в водах которого по его сведениям рождались сами собой камни-самоцветы. Вдоль впадающей в озеро реки Петлин двинулся на восток. Озеро он не называет никак, реку называет «река Кесь».



[Илл. 08-03-01-1. «[А имя то]й реке Кесь». Подлинник «Росписи» Петлина, РГАДА, ф. 126, оп. 1, 1618 год, д. 1, л. 5]

Это место сейчас уверенно идентифицировано. «Озеро» – это «Убсу-нур», что на самом северо-западе Монголии. «Река Кесь», впадающая в него с востока – «Тес-Хем».

Две недели шёл Петлин вверх по этой реке, пока не достиг кочевья Алтын-хана, после чего монголы соседних улусов уже просто передавали его с рук на руки.

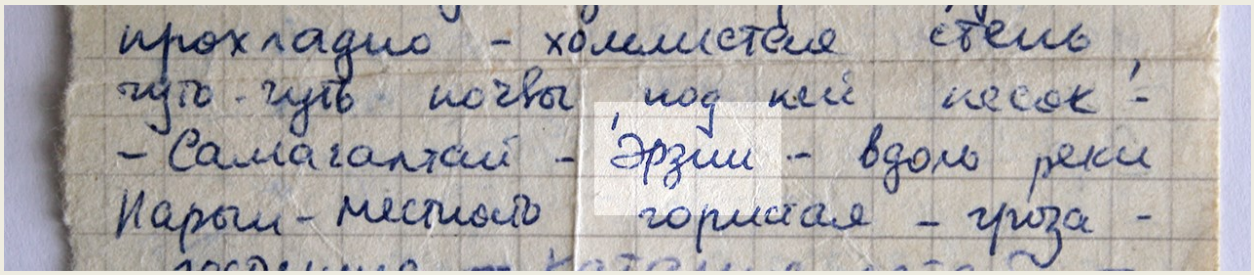
Путь же от озера до Алтын-хана пролегал не непосредственно вдоль петляющего русла Тес-Хема, а по хребту, идущему параллельно реке («а дорога всё итти по

каменю», л. 5). Так что это был сначала тувинский хребет «Танну-Ола», а потом (после впадения в Тес-Хем реки Эрзин) хребет «Сангилен».

И вправду мистическое место.

Когда мне на мгновение вдруг показалось, что я эти места вроде бы как видел, я от этого ощущения поначалу отмахнулся. Но потом не поленился и проверил по своим путевым записям – и смутное ощущение подтвердилось.

Да, получалось, что я некогда, действительно, проезжал по дороге вдоль реки Тес-Хем, по тому самому месту, где проходил караван Петлина – и останавливался в посёлке Эрзин, где караван Петлина должен был свернуть в долину реки Нарын, чтобы «итти по каменю».


прохладно – холмистая степь
чуть-чуть почва под ней песок –
– Самагалтай – Эрзин – вдоль реки
Нарын – местность горная – гроза –

[Илл. 08-03-02-1. «Эрзин» – это и река, и посёлок, расположенный в месте впадения этой реки в Тес-Хем. Фрагмент моего путевого дневника. Личный архив]

Чудеса продолжались. Выяснилось, что тогда я тоже свернул в долину Нарына, в верховьях которой уткнулся в некий золотой прииск. Это была одинокая ветхая изба, скорее даже сарай. Внутри никого не было. Я хотел напиться и снял крышку с оцинкованного ведра для воды. Но воды там не оказалось, а были какие-то тёмные кусочки, занимавшие примерно треть ведра. Как выяснилось позже, это было золото, приготовленное для сдачи инкассаторам.

Когда старатели вернулись с работы, они мне всё показали. И золото, и обрезы (у каждого под подушкой), и бочонок солёных маслят, заготовленных ими после дождя и так хорошо пошедших после бани. У меня сохранилось даже несколько фотографий этого места.

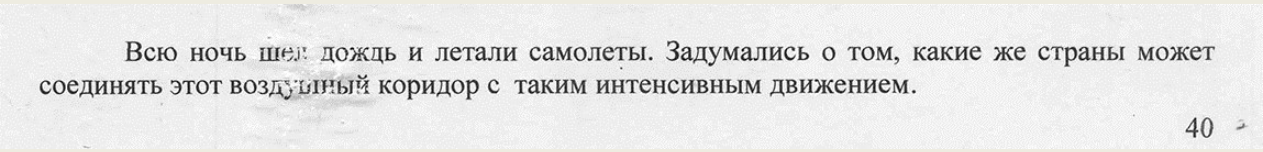
[Илл. 08-03-03-1. Изба старателей на реке Нарын, Тува. Именно по этой долине, судя по всему, двигался караван Петлина (буквально по золоту) летом 1618. Уточню на всякий случай: рек под названием «Нарын» существует великое множество, и даже в этом регионе такая не одна. Данный «Нарын» – это небольшой левый приток реки Эрзин, впадающей в свою очередь в Тес-Хем. Буквально «речка с мелью, во глубине сибирских руд», тувинская «Вача». Фото автора]

[Илл. 08-03-04-1. Золотой прииск на реке Нарын в южной части Тувы. Всего здесь при мне работало десять человек на семи бульдозерах. Снимали грунт слой за слоем – и мыли. Средний выход, со слов старателей, был один грамм на десять кубических метров грунта. Фото автора]

Я прожил на прииске два дня, ожидая оказии – бульдозера дорожников, идущего в нужном направлении. Запомнилась невероятно яркая, ослепительная до боли в глазах луна – и поля серебристых эдельвейсов, которые я считал исчезнувшими даже из Красной книги.

А вот другая история, также связывающая эти места с темой Китая. Как-то я просматривал материалы по одному современному путешествию, проходившему примерно в тех же местах. И натолкнулся на следующий пассаж. Седьмого июля путешественники встали на ночёвку на некоем острове «в шести километрах ниже устья реки Каргы». И вот что в тексте было дальше:

> Всю ночь шёл дождь – и летали самолёты. [Мы] задумались о том, какие же страны может соединять этот воздушный коридор с таким интенсивным движением.



Всю ночь шел дождь и летали самолеты. Задумались о том, какие же страны может соединять этот воздушный коридор с таким интенсивным движением.

40

[Илл. 08-03-05-1. Хороший вопрос: кто вообще может летать над «полюсом пустоты»? Ирина Черняйкина, «К истокам Енисея», отчёт о путешествии. Архив МГЦТК, док. 7208, л. 40]

На этих словах я чуть не подпрыгнул. Мне захотелось воскликнуть: «Это мы, мы! Это мы тут летаем!» А дело было вот в чём.

Однажды мы с женой летели домой из Шанхая. И я, как обычно, снимал через окно красивые виды с воздуха. Мы пересекли пустыню Гоби, насладились меандрами верховьев Селенги, потом пошли лесистые горы. В разрыве облаков внизу открылась некая река. Я щёлкнул и её. Уже дома я идентифицировал отснятые места. И оказалось, что на снимке – река Каа-Хем, конкретно – в шести километрах выше устья Каргы. Решив несложный треугольник, я определил тогдашнюю локацию самолёта.

И вот теперь, читая отчёт, я испытал «дежа вю» – ведь выходило, что мы в момент съёмки пролетали буквально над тем самым местом, где за несколько лет до этого в палатке мокли путешественники, задаваясь сакраментальным вопросом – кто же в таком глухом месте может ещё и летать? Вот этот снимок.

[Илл. 08-03-06-1. Тува, река Каа-Хем в 6 км (по прямой) выше устья Каргы. Фото автора]

Место, запечатлённое на снимке, находится в каких-нибудь ста километрах от дороги, которой летом 1618 Петлин шёл по краю Тувы в Китай. И здесь же, как оказалось, проходит теперь основная (воздушная) дорога из Китая обратно – четыреста лет спустя. Привет всем от Петлина.

Теперь об источниках. До нас дошли тексты двух версий «Росписи» Петлина, написанных им в разное время (своеобразные отчёты о путешествии – один в подлиннике, другой в различных беллетризированных списках), а также его «Расспросные речи» (официальный документ, записанный с его слов; в списке).

А ещё до нас дошло невероятное количество ранних переводов этих документов на разные европейские языки, опубликованных массовыми тиражами в разных странах. Причём, произошло это чуть ли не раньше, чем русские подлинники легли в сундуки соответствующих московских Приказов.

Первым здесь был, конечно, великий Сэмюэль Пёрчес, о котором я уже как-то рассказывал. В 1625 он выпустил в Лондоне свои невероятные «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes» в четырёх томах, в составе которых содержался перевод «Росписи» Петлина (v. 3, ch. 11, p. 799-802).

Ещё через три года «Роспись» вышла во Франкфурте сразу на немецком и латинском языках (De Bry, «Der Orientalischen Indien», ser. II, v. XII, s. 171-173, 1628), а ещё через шесть лет – в Париже на французском (Pierre Bergeron, «Traicté des Tartares», chap. 18, p. 191-205, 1634).

Шведы в этой «петлинской» гонке несколько отстали, но тоже вполне вписались в рассматриваемый нами период (и тренд). Ещё до путешествия Спафария они успели выпустить в свет свою версию «Росписи» Петлина, причём в двух разных переводах (первый – Johann Kankel, «Een kort Beskriffning Uppå Trenne Resor och Peregrinationer…» s. 246-257, 1667).

Эти переводы мало того, что сделали путешествие Петлина общечеловеческим достоянием (и достижением), но ещё и внесли определённость (каждый свою) в вопрос о загадочных «самоцветах», рождающихся в водах озера Убсу-нур.

Так, в английском варианте мы видим «рубины или сапфиры» («in which Lake Rubies or Saphires grow», Purchas, p. 799), во французском и немецком – «яшму и сапфиры» («des Iaspes & Saphirs qui croissent là», Bergeron, p. 193; «grossen See da Jaspis unnd Sapphiren wachsen», De Bry, p. 171). А шведы, хоть и долго шли, но ближе других подошли к воротам истины. У них мы видим «камень… с разноцветным сиянием» («Steen… medh Färgor beprydt», Kankel, s. 246). Что лучше других вариантов соответствует розмысловскому «камню, испускающему разных цветов искры».

Излишне говорить, что на родине Петлина все его материалы были сразу строжайше засекречены. Причём в данном случае власти превзошли сами себя. Обычно секретность материалов предполагала, что к ним закрыт доступ всем, кроме специальных уполномоченных лиц, действующих по государственной надобности и с государственной санкции. В случае же с Петлиным, его отчёты умудрились закрыть и от себя самих – так, что вскоре все напрочь забыли о самом их существовании. Забыли настолько, что когда решено было отправить в Китай официальный караван, то организаторы были искренне убеждены, что готовят первый караван в истории. Казалось бы, легко можно было узнать всё про Петлина из европейских изданий – но, судя по результату, опускаться до этого никто здесь не стал. Так что о самом факте путешествия Петлина страна узнала (повторно) только двести лет спустя – и то только благодаря архивистам и библиофилам.

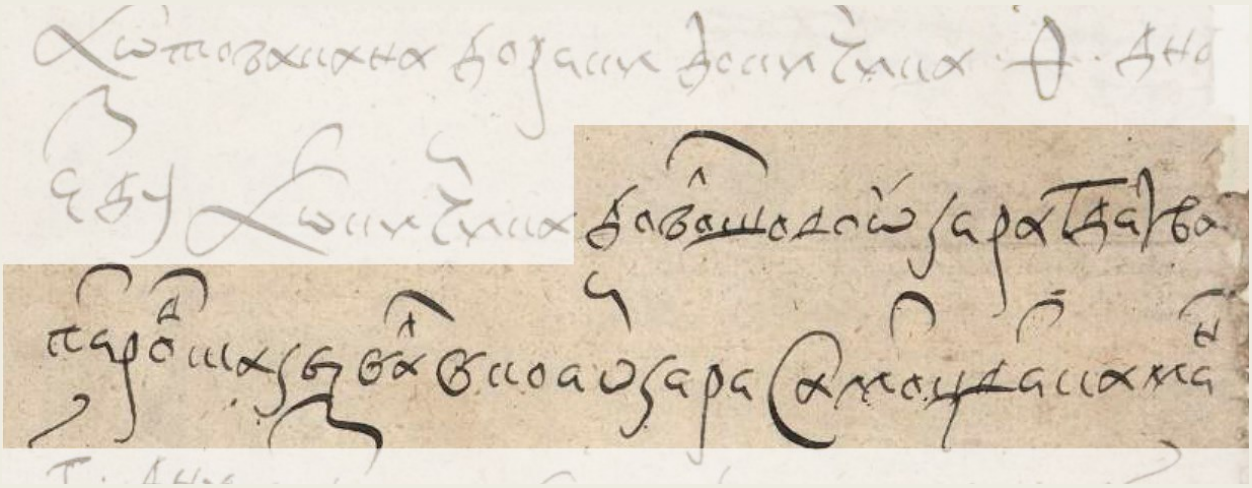
А как же официальное письмо от китайского императора, посланное с Петлиным, спросите вы? А очень просто. Его никто и не собирался читать. Грамоту на красивой бумаге и с красивыми печатями положили на полку, где она, никому не нуж-

ная, провалялась более полувека. Только в 1675 Николай Спафарий попытался, было, организовать её прочтение, но адекватность найденного им переводчика, судя по результату, вызывает большие сомнения. После чего эту грамоту всё-таки потеряли. Впрочем, практического смысла в ней всё равно уже не было – Китай к тому времени стал другим государством.

Хотя некоторый след эта грамота всё-таки оставила. Факт существования данного документа породил одну остроумную гипотезу, не лишённую при этом правдоподобия. Выражение «китайская грамота» я всегда понимал, как «нечто недоступное, как китайская грамотность», в смысле – «граматика, письменность». Гипотеза же предполагает, что это выражение всего лишь отсылает к конкретному прецеденту – китайской грамоте (официальной бумаге), отправленной с Петлиным из Пекина в Москву – прочтение которой оказалось выше возможностей целого государства. Возникновение данной идиомы и стало по факту единственной реакцией системы на первое собственное путешествие в Китай.

Хотя – нет, вру. Была ещё одна реакция, причём практически мгновенная. Не успел Петлин со своим отчётом ещё толком доехать до Москвы, как в Тобольск (а оттуда в Томск) уже полетела директива – срочно искать в озере Убсу-нур «самоцветы», о которых Петлин вскользь упомянул в своей «Росписи».

Строго говоря, никаких самоцветов Петлин сам там не видел, и на месте ни от кого о них не слышал. В своей «Росписи» он лишь говорит о том, что некогда (ещё до своего путешествия) он слышал о существовании здесь самоцветов от «Ивана Петрова». Буквально там написано следующее: «где Иван Петров сказывал, в коем озере самотцвет камен» (л. 5).



[Илл. 08-03-07-1. «…до большово озера, где Иван Петров сказывал, в коем озере самотцвет камен». Никаких других информационных сливов касательно «самоцветородности» озера Убсу-нур мне не известно. «Роспись» Петлина, л. 5]

О каком «Иване Петрове» в данном случае идёт речь догадаться нетрудно. Это – тюменский десятник «литовского списку» Иван Текутьев, ездивший к озеру Убсу-Нур (но не дальше) за пару лет до Петлина. А «Петров» он потому, что по имени-отчеству он был Иван Петрович – то есть, в соответствии с тогдашней письменной практикой – «Иван, Петров сын». Откуда уже недалеко и до просто «Ивана Петрова». В документах он значится и так, и так.

Любопытно, что хотя от той поездки «Ивана Петрова» на Убсу-Нур сохранились и «Расспросные речи», и «Отписки» – но там нигде ни о каких «самоцветах» нет ни слова. Соответственно, когда поднялась волна «самоцветной лихорадки», то официальные власти в своей переписке ссылались не на Петрова, а на «Петлина, ссылающегося на Петрова».

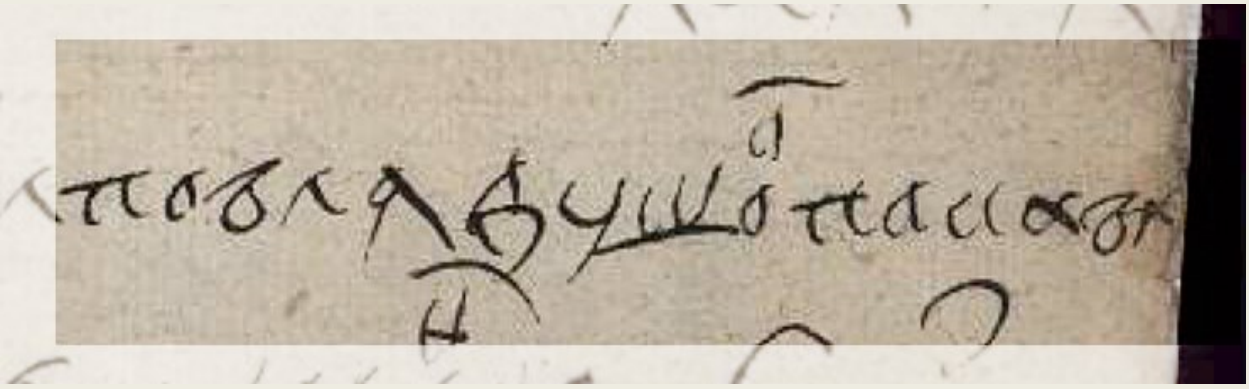
И вот из Москвы в Тобольск полетел Указ (не сохранился). А оттуда в Томск – «Отписка» от тобольского воеводы Куракина к томскому воеводе Боборыкину (сохранилась в копии) – о «посылке человека к озеру для привоза самоцветных камней». Вот как это звучало:

> Велено проведать <…> да буде в том озере узорочное каменье <…> и нам бы тово каменья велеть набрать сколько могут, дабы и прислать то каменье к Москве.
>
> Человека или дву <…> послать для каменья на то озеро, где самоцвет-камень и иное узорочье, и велеть, пришед на то озеро, набрать самоцветново каменья большово, и середнева, и меньшова, и всяково узорочья, какое в том озере узорочье есть. <…> То каменье и всякое узорочье велеть у них взять и переписать.
>
> («Отписка» Куракина к Боборыкину, сентябрь 1619 – август 1620. СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 4, кн. 17 «Списки Томской архивы, ч. 1», док. 60, л. 75-75 об. Копия XVIII века)

Это, собственно, всё. По поводу данной государственной инициативы науке ничего больше не известно.

В любом случае, эта конкретная реакция на «Роспись» Петлина была быстрой и живой. Но, похоже, что из всех девятнадцати листов его отчёта, плотно заполненных текстом, в столице прочитаны были лишь начальные пять строчек – от слов «Ехали они из Томи» до «самотцвет камен». Всё остальное оказалось не интересно.

Так Китай и прошёл в тот раз мимо. Мимо прошла страна, где ирдень-камень ночью светит что солнце, реки текут медовые, у полат верхи вызолочены и «поблядушок по кабакам много».



[Илл. 08-03-08-1. «Роспись» Петлина, л. 14. Фрагмент]

Второй. Аблин (1653)

Да, зрение вас не обмануло. Следующее после Петлина проникновение в Китай со стороны Сибири произошло только тридцать пять лет спустя, треть века.

Совершил его Сеиткул Аблин – бухарский купец, осевший в Тобольске. Возможно, что до начала нашей истории он уже ходил в Китай по классическому «бухарскому» шёлковому пути. Во всяком случае в Тобольске он считался специалистом по торговле с Китаем.

В каком-то смысле, Аблина можно назвать «отцом» второго витка русской активности по достижению Китая. Закрутилось всё достаточно случайно.

Летом 1652 Аблин привёз в Москву из Тобольска китайские товары. Тем же караваном в столицу прибыло и монгольское посольство.

Импортная продукция вызвала здесь большой ажиотаж. Аблина, как эксперта, подробно обо всём допросили. По результатам, было принято решение – послать в Тобольск царского эмиссара для закупки там китайских товаров. Которых, со слов Аблина, в Тобольске была тьма-тьмущая – и которые (печалька!) до Москвы почему-то не доходили.

Эмиссаром был назначен некто Фёдор Байков, который в мае 1553 приехал в Тобольск, привезя с собой огромную казну для царских закупок китайского импорта. Первой его заботой, впрочем, стали не закупки, а то – куда спрятать казну чтобы сразу не растащили. Решено было для этих целей использовать самое надёжное место – пороховой погреб.

Тут так и напрашивается сюжет, что на следующий же день в погребе кто-то «неудачно покурил» и казна в результате испарилась, будучи «выброшена в пропасть». Но – нет, ничего такого не случилось. Курение, хоть уже и практиковалось, ещё не набрало нужной силы.

Кроме казны, Байков получил полномочия посылать людей в Китай. И вот уже через месяц, девятого июля 1653, в Китай из Тобольска отправился на пробу Сеиткул Аблин – который весь этот процесс (и с закупками, и с Москвой, и с самим Байковым,), собственно, и запустил.

Формально караваном руководил Пётр Ярыжкин, Аблин значился заместителем.

По возвращении из Китая, с путешественников были сняты, как положено, «Расспросные речи». Которые вскоре все были утеряны, совершенно с концами. Так что никаких прямых документов по этому путешествию не сохранилось. Косвенные же свидетельства кое-какие имеются.

Аблин ехал в Китай с тем же самым монгольским посольством, возвращавшимся теперь домой. Судя по тому, что мы знаем, их путь шёл не вдоль Енисея (как у Петлина), а вдоль Иртыша, на котором и стоит город Тобольск. Истоки Иртыша находятся в монгольской части Алтая. Перевалив через горы, путешественники должны были оказаться в районе всё того же озера Убсу-нур. Дальше всё протекало по алгоритму Петлина (с коррекцией на погодные условия и сезонный кочевой цикл местных племён).

Путешествие получилось на удивление удачным. В Пекине Ярыжкина с Аблиным принял сам император (хотя никакими послами они не являлись и никаких грамот не имели), после чего им было позволено свободно провести в столице свои закупки. Что, собственно, и требовалось. Назад Аблин вернулся с полными подводами китайского дефицита.

Впоследствии Аблин ещё как минимум дважды повторил данную торговую операцию – в 1658 (с Перфильевым) и в 1668. Оба раза – тихо, деловито и вполне успешно. Надеюсь, что он закончил свои дни в покое и достатке, окружённый многочисленной и любящей семьёй.

Знания о Китае, которые он дал миру, лежат к области его основной компетенции – экспортно-импортных операций. Причём в первую очередь «импортных».

На экспорт (кроме, понятно, «мягкой рухляди») шёл тот же самый импорт, но ввезённый на Русь из Европы – шерстяные ткани (сукно), тонкая механика (часы), стекло (зеркала). Сохранился даже специальный указ царя Алексея Михайловича «О посылке с тобольским служилым бухарцем Сеиткулом Аблиным *иностранных* товаров для продажи в Цинской империи» (от 7 марта 1666, курсив мой).

А вот импорт – это была воистину могучая и необузданная стихия. Песня шёлковых морей и атласных океанов.

Аблин не удосужился описать свои дорожные тяготы, а вот китайские шелка были расписаны в деталях, со знанием дела и вкусом к этому делу.

Бархаты, атласы, бязи, камки, мухаяры (с поталью и без), кутни, зендени, выбайки, дараги, соломянки, полазы, пестряди. Всё это шло в разный цвет (вишнёв, лазорев, таусинен, красный, жолт, черн, зелён, алый, гвоздишен, рудожелт), в разный рисунок (гладкий, клетчат, смирный, травчат) и разную выделку (золотная, двоелишная, с пряденым золотом). Во всех мыслимых сочетаниях.

Но так ведь это, собственно, и являлось реальным «Китаем» на Руси, а не всякие там «хуаншани», «конфуции» и «дацзыбао».

И последнее. Одно крохотное слово, получившее впоследствии большую жизнь.

Аблин был, видимо, первым, кто самолично привёз в Москву самолично опробованный и закупленный «от производителя» совершенно новый продукт – «траву чай». Соответствующая позиция содержится в Описи товаров, которые он вёз из первого своего путешествия (составлена весной 1657 в Тобольской приказной избе. РГАДА, ф. 214, оп. 3, стлб. 535, д. 6580, л. 88).

Вот он, самый первый «сибит травы чаю», рачительно заткнутый Аблиным между темзуей и мамрумом.

Третий. Байков (1654)

Поначалу предполагалось, что Фёдор Байков будет в Тобольске только закупать. Но аппетит приходит во время еды. Не дождавшись даже возвращения Аблина,

власти следом послали в Пекин и самого Байкова. Причём в статусе полноценного царского посла, снабдив его соответствующей (красивой) бумагой, а также подарками и инструкциями.

Байков выехал из Тобольска через год после Аблина, в июне 1654. Так что разрыв между их путешествиями был минимален. Но это было совершенно непохожее предприятие.

Огромный обоз, более ста человек. Стрельцы, гребцы, конюшие, кашевары, кравчие. Целый рой примазавшихся купцов, даже индийские торговцы подсуетились. Если Петлин добрался до Пекина за три с половиной месяца, то Байков шествовал в одну только сторону чуть не два года.

Но так ведь он был не просто, а «царский посол». Это положение, а также ведомственные инструкции, сослужили ему плохую службу. Соответствующее статусу чванство не было понято в Пекине. К императору Байкова не пустили, подношений не взяли, выходить в город не разрешили – а продержав на посольском дворе полгода, отправили не солоно хлебавши восвояси.

Так что «видел» Байков в Китае мало что. Даже про размеры Пекина (у него «Канбалык»), в котором он прожил полгода, он не смог сказать ничего определённого («[мне] про то подлинно неведомо»).

С иностранными языками в русском посольстве дело обстояло не очень. Разговоры с китайцами происходили следующим образом. Сначала находили кого-то из местных, кто мог с китайского перевести на монгольский. Потом свой «бухаретянин» Ирки-мулла переводил сказанное с монгольского на татарский. И, наконец, Пётр Малинин переводил услышанное с татарского уже на русский для Байкова («Статейный список – 2», л. 123). Буквально как у Бельмондо в фильме «Великолепный».

Когда в Пекин приехало голландское посольство, Байков несколько подвоспрял. Голландцы не знали русского языка, однако предложили общаться на языке международном – латыни. И тут выяснилось, что из ста с лишним человек, прибывших с Байковым, никто не знает даже и её (там же, л. 132). Ситуация была хоть и комичной, но патовой.

Однако Байков, чувствуя к чему клонится его миссия, каким-то образом исхитрился выпросить у голландцев письмо, в котором они «официально подтверждали», что видели Байкова в Пекине. Так, на всякий случай. А то в Москве скажут ещё, что он вообще никуда не ездил.

В одном документе запротоколировано любопытное утверждение Байкова, сделанное им уже после путешествия – что он «грамоте не умеет». А поскольку штатной единицы писца ему не выделялось («де у него подъячего не было»), то и нечего, мол, требовать от него письменных отчётов (РГАДА, ф. 214, оп. 3, стлб. 535, д. 6580, л. 89). Ещё один яркий штрих к общей картине посольства.

Но несмотря ни на что, Байков всё равно принёс на родину некоторые новые сведения о Китае. Например, что в Пекине преспокойно проживают европейцы («немцы: французские, ливонские, шпанские, италианские», С-2, л. 130), и мало

того – они под носом у императора успешно обращают местных злых язычников в добрых христиан.

На удивление выпукло, как если бы это делал очевидец, описана у Байкова внутренность Запретного города (где он оказаться вроде бы не мог).

За рядом сведений, содержащихся в его отчётах, определённо просматривается личный опыт. Так, глаз путешественника зацепился за непривычный для него (но рутинный для местных) декоративный мотив – стилизованных драконов («А на хоромех и на платье и на судах деланы всё змеи»). Возможно, это была реакция на знаменитое изразцовое панно «Девять драконов, играющих жемчужиной» из восточного крыла Запретного города.

Байков чётко понимает (и фиксирует) различие между пекинскими маньчжурами и пекинскими же китайцами. Первые (которых мало) – это хозяева жизни, им – всё; вторые (основная масса) – исключительно на задних ролях, им – черновая работа. Упоминает Байков и «далай-ламу», причём довольно адекватно характеризует его статус.

Не прошли мимо внимания русского посла и женские ножки – у китаянок «ноги малы, что ребячьи… де их нарошно замаривают», в то время как у маньчжурок «ноги полные».

И, наконец, он поднял на новую ступень тему чая, незадолго до него начатую Аблиным. Байков снабжает нас уже некоторой по этому вопросу конкретикой: «А чай родится на дереве, а купят батман чаю по 2 золотника» (пол кило за восемь грамм серебра, С-2, л. 126; С-1).

Но всё равно, результат путешествия Байкова не очень-то соответствовал ожиданиям. Показательно, что за то время, пока он торжественно ходил в Китай, Аблин успел два раза обернуться между Пекином и Москвой. Частный предприниматель, что с него возьмёшь.

Путешествие Байков закрепилось в истории, как «первое официальное посольство» в Китай. Ключевое слово – «официальное».

Что принесла птичка (1669)

Итак, всё что на Руси знали в то время о Китае – знали со слов Петлина, Аблина и Байкова. Но был ещё один любопытный источник, появившийся в 1669 и получивший название «Ведомость о Китайской земле». Инициатива создания документа приписывается тобольскому воеводе «со товарищи».

Ранее я специально оговаривал, что во всех путешествиях в Китай де-факто принимали участие десятки и даже сотни людей. Записок они, по понятным причинам, не оставили. Опыт их мог раствориться полностью – но не растворился.

Все возвращавшиеся из Китая рано или поздно оказывались в Тобольске. И здесь догадались (и ввели в практику) снимать с путешественников показания, своеобразные неофициальные «Расспросные речи». Так набралось известное количе-

ство материалов на тему Китая, на основе которых и была потом составлена «Ведомость».

Книга получилась исключительно толковой. Составителям удалось совместить несовместимое – краткость и ёмкость. Записи делались тезисно, по темам. И всё по делу.

Сказать вам по правде, просеивание всевозможных «Статейных списков», «Расспросных речей», «Наказных памятей» и целых гор разнообразных «Отписок» в надежде добыть из них крупицы хоть чего-то содержательного – занятие ещё то. А вот «Ведомость» я проглотил на одном дыхании.

Содержащаяся в ней информация сочетает в себе непосредственность и конкретность личных впечатлений – с объективностью и надёжностью обобщённого опыта. Я бы назвал эту книгу «Инструкцией для отправляющихся в Китай». До нас «Ведомость» дошла в ряде списков.

Несколько цитат. Не помешает перед отъездом:

> …А ядят они <…> крошеное мясо не лошками – двемя розными спичками круглыми, толщиною с лебяжье перо, а длиною вершков в шесть.
>
> …Да в садах же деревье великое, а на них овощь, что яблоко, величиною з голову человеческую, а человеку ево съесть одному невозможно; а находит на яблоко, а сладко таково, подобно меду, а отзыв огурешной, а семя яблошное, а цветом посветлее лимону, и тот овощь китайцы любят [больше] всех овощей.
>
> …А виноградных питей всяких много. <…> И продают вино без заповеди на базаре всяк.
>
> …А харчевники ходят с харчем печеным, и с пирогами, и с вином, и с доросою, что делаетца у них изо пшена, а носят в крошнях железные и медяные горшки на решетках, а под ними уголье, и как надобе, подгревают. <…> А человеку одному напитца и сыту быть мочно на 6 денег.
>
> …А трость ростет подле моря, желта, вверх сажень з десять, а толщиною в обоймо и гораздо болши, а в ней пусто, а против колен днами крепко.
>
> …А каменье в Китаех есть лал; величиною с человеческую голову, с корою, и бывает каменье в ыных болшое, а в ыных малое.
>
> …А от Москвы де в Китаи мочно поспеть и ис Китаи назад к Москве поворотитца одным годом.
>
> …А дожди, и град, и молния, и гром, и бури, и ветры и радуга в тамошней стороне болши русского…
>
> …А кошки и коты розными цветы есть, а мелки.
>
> («Ведомость о Китайской земле», 1669, Тобольск)

[Илл. 08-03-09-1. «А кошки и коты…». В Китае, как мы узнаём, они имеются всех цветов радуги, но, к сожалению, мелкие. Список «Ведомости о Китайской земле» в составе «Служебной чертёжной книги» Ремезова. РНБ, Отдел рукописей, ф. 885, Эрм. 237, л. 112 об.]

«Ведомость о Китайской земле» не является авторским материалом. Это – «коллективное бессознательное».

Четвёртый. Милованов (1670)

И последнее путешествие перед Спафарием. Оно отличается от всех предыдущих тем, что если раньше стартовая точка всегда находилась в Западной Сибири, то на этот раз она впервые переместилась в Восточную.

Игнатий Милованов служил в Нерчинском остроге, стоявшем на одном из истоков реки Амур. А прямо за Амуром начиналась уже Маньчжурия (читай: китайская империя Цин).

При слове «Нерчинск» на ум сразу приходят строки 27-28 из пушкинского «Царя Никиты и сорока его дочерей». Точнее, строки 47-48, и далее. Короче, вот эти:

Как узнал о том народ –
Всякий тут разинул рот.
Ахал, охал, дивовался,
А иной хоть и смеялся –
Да тихонько, чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть.

А Милованову и «махать» никуда не нужно было. Он в Нерчинске жил.

Данное путешествие отношение к московским властям имело отдалённое. Милованов был послан в Пекин велением-хотением местного воеводы, не посчитавшего даже нужным снабдить его хоть какими-то официальными бумагами. Милованов был послан просто с устным поручением (ультимативного характера) от начальника острога к Сыну Неба (для памяти всё-таки записанным, так называемая «Наказная память»). Отправились, как всегда, с китайской оказией.

Если Байков добирался до Пекина два года, а Петлин три с половиной месяца – то Милованов был в столице Китая уже через тридцать три дня после выезда. Включая время на постройку плотов для переправы через встречающиеся реки.

Секрет такой стремительности лежит на поверхности – отсутствие централизованной составляющей. Путешественники просто вскочили в сёдла (всего пять или

шесть человек, тут есть расхождения) – и поскакали. Ни обозов, ни «смотрящих», ни духовников, ни постельничьих.

Главное дорожное впечатление Милованова – это уровень обжитости и обустроенности китайских земель южнее Великой стены: «а промеж городами всё пашни… а пустого места нет» («Доезд» Милованова).

Несмотря на отсутствие бумаг, у Милованова в Пекине всё прошло замечательно. Император не просто его принял (всего через три недели по прибытии, что быстро), но принял крайне благосклонно. Имела место прямая аудиенция и даже факт личного разговора (император милостиво спросил у приехавших об их возрасте). После чего было отдано распоряжение обеспечить Милованову и его спутникам свободное перемещение по Пекину, с правом совершать здесь любые торговые операции (кроме покупки оружия).

До чего же, наверно, было обидно Милованову получить эту невероятную возможность – и оказаться неспособным ей воспользоваться, поскольку он приехал сюда без свободных денег и без товаров на продажу. Так что только ходили и смотрели. И облизывались.

Ещё через две недели Милованова отпустили назад, не забыв одарить как его самого, так и всех его спутников.

В результате, график путешествия выглядел так. Из Нерчинска в Пекин – месяц с небольшим, в Пекине – полтора месяца, из Пекина в Нерчинск – ещё около месяца. Всё уложилось между 18 апрелем до 11 августом 1670. Просто блеск.

Зачем Милованов ездил вообще – это уже как-то растворилось. Но новый путь он определённо опробовал.

Позже Милованову довелось побывать в Пекине и ещё раз – в ноябре 1675, в качестве гонца, в рамках путешествия Спафария. Но это уже не считается.

Из самого неожиданного в 1670. В Пекине обнаружилась не просто христианская, а конкретно православная часовня, которой занимались «трое гречан». С маковками, окладами, киотами, Николой Чудотворцем и прочими милыми сердцу атрибутами. И никто этим «гречанам» препятствий здесь не чинил.

Из самого ожидаемого, но никем до Милованова не отмеченного. В Пекине обнаружились русские эмигранты, по разным причинам вынужденные бежать со своей родины в Китай. В «Расспросных речах» Милованова сохранились имена двух из них – Пахом Пущин и Ананий Урусланов. Они рассказали, что в Пекине женились, обзавелись домами и нашли хорошую работу. К Милованову они приходили просто так – пообщаться с соотечественниками.

Вот, пожалуй, и всё, что имелось из русских путешествий в Китай к началу 1670-х.

Под небом Поднебесной

Может сложиться впечатление, что к началу 1670-х путешествия из Москвы в Пекин стали рутинный делом. Это не так. Подобные путешествия оставались единичными, разделялись десятилетиями и каждое являлось уникальной акцией с непредсказуемым исходом.

Очередной такой акцией стало путешествие молдавского боярина Николау Милеску (Спафария). В 1675 он был отправлен из Москвы в Пекин в качестве главы официального посольства.

У этого мероприятия имелось два новых момента. Во-первых, данное путешествие должно было стать первым сквозным единовременным проходом непосредственно от Москвы до Пекина (до этого всегда начинали из Сибири – Тобольска, Томска, Нерчинска). А во-вторых (что вряд ли специально планировалось), впервые в Китай из Москвы отправлялся реально образованный человек. Раньше в Пекине всегда оказывались простые служилые люди, у которых даже умение писать буквы рассматривалось как невероятная премудрость. Сейчас же посольство возглавил человек, объездивший пол Европы, видевший Стокгольм, Париж, Берлин, Вену, Стамбул, говоривший на полудюжине языков (к которым к тому времени добавился и русский), прочитавший (и написавший) множество книг, знавший тригонометрию и астрономию, и умевший точно выражать тонкие нюансы сложных мыслей.

Для самого же Спафария это стало вершиной карьеры, да и жизни. Именно благодаря этому путешествию он вошёл в историю и обрёл в ней бессмертие.

К слову, поиск «бессмертия» как раз являлся одной из пружин, толкнувших посольство в путь. В смысле – поиск эликсира бессмертия. Под это дело был даже отряжен специальный лекарь и алхимик – «буде обыщутца лекарства и корени <…> от всех болезней они вящее, и им тех лекарств и корени купить» («Наказная память», РГАДА, ф. 62, оп. 1, реестр 2, 1674 г., док. 1, л. 113). Тема была отнюдь не праздной: царю, как вскоре выяснится, на тот момент оставалось жить меньше года.

Из заданий, кроме традиционно «посольских» и «торговых», Спафарий получил ещё и такие: привезти семена новых ценных растений, навербовать строителей каменных мостов, выведать маршрут из Астрахани в Бухару (к традиционному «шёлковому пути» было всё-таки больше доверия) и добыть, наконец, китайскую «грамматику».

В выборе маршрута Спафарий стеснён не был. Ему были предоставлены схемы движения Байкова, Аблина и Милованова – но действовать предлагалось по ситуации.

Выехали из Москвы в марте 1675. Время было выбрано идеально, так что до Тобольска по зимнему ещё следу домчались с ветерком, всего за месяц. На сложном участке «между солями» (Сольвычегодском и Соликамском) реку Сысолу пересекли, судя по всему, в районе Визинги.

В Тобольске, по результатам целого месяца расспросов, было решено двигаться самым восточным путём, по возможности огибая с севера все третьи страны. На

выбор этого пути также оказали влияние и рекомендации католического учёного Юрия Крижанича, который в то время проживал в Тобольске (в ссылке) уже пятнадцатый год. За эти годы Крижанич собрал множество сведений о Сибири вообще, и о путях в Китай в частности. Он даже снабдил тогда Спафария двумя своими сочинениями на данные темы. Дальнейшая судьба этих рукописей неизвестна.

Сам Спафарий оставил нам детальнейшее описание своего маршрута. Желающие могут проследить путь буквально по часам и километрам по его «Статейному списку» и «Путевому дневнику». В общих чертах это выглядело так.

Из Тобольска по рекам (с одним волоком) добрались до Байкала. По нему каботажно доплыли до устья реки Селенги. Далее был совершён сухопутный переход к Нерчинскому острогу. Отсюда начиналась территория с неопределённым статусом, сразу за которой шёл уже Китай.

Конечно, от Тобольска до Селенги путь был уже достаточно натоптан. А последний отрезок – от Нерчинска до Пекина – за пять лет до этого проезжал Милованов. И даже отрезок от Селенги до Нерчинска люди хоть и редко, но ходили – по реке Хилок. Однако путь этот был неудобный и тяжёлый – по крайней мере протопопу Аввакуму, прошедшему этим маршрутом двадцатью годами раньше, он очень не понравился («По Хилке по реке… от водяные тяготы люди изгибали, и у меня ноги и живот синь был. Два лета в водах бродили, а зимами чрез волоки волочилися», см. «Житие»).

А вот Спафарий проложил здесь новый и удобный, как ему представлялось, путь. Вот его ноу-хау, ещё гладишь пригодится: Ильинская заимка на реке Селенга (ныне Улан-Удэ) – вверх по реке Уда до Еравнинского острога – Теленбинское (Шакское) озеро – река Чита, впадающая в Ингоду у заимки Плотбище (ныне город Чита).

Дальнейший путь от Читы до Нерчинского острога по реке Ингоде был уже известен и до Спафария («Весною на плотах по Ингоде реке поплыли на низ… Река мелкая, плоты тяжелые», Аввакум).

В масштабах всего путешествия из Москвы в Пекин эти пятьсот километров от Селенги до Читы были вроде бы мелочь. Но именно они удобно и своевременно связали Байкал с Даурией (верхним Амуром).

В Нерчинском остроге Спафарий задерживаться не стал, а сразу двинулся дальше на юго-восток по «ничейным» землям – и уже через три недели оказался в густо населённом регионе Маньчжурии (так называемые «Наунские сёла», в районе нынешнего города Цицикар, он же Наун), где его и встретили китайские представители. После чего посольство было препровождено обычным порядком в Пекин.

По дороге развлекались тем, что пели китайцам по их просьбе «Дунай, Дунай» («Статейный список», л. 100), слушали рассказы о «змиях великих», обитающих в окрестных горах и пожирающих всё живое в округе (под видом местных жителей, крадущих по ночам лошадей, л. 95) и ныряли в весенние озёра за ракушками (ожидаемого жемчуга не нашли; а ведь «в том озере сказывают… великие раковины по блюду белому большому», в которых «иногда сыщетца такой жемчюг, что и по ночам даёт свет», л. 93 об. – 94).

После пересечения Великой стены подобные «чудеса» закончились – и начались чудеса настоящие.

Главное ощущение, обрушившееся на Спафария с первых же его шагов по Китаю, не отличается оригинальностью – что только доказывает его объективность: «Китай грандиозен и превосходит по развитию все прочие страны мира».

До сих пор мы слышали подобные высказывания от людей, которых удивить было нетрудно. Здесь же мы имеем совершенно иной случай. Который вызывает к жизни один простой вопрос. Прежде чем к нему перейти, дадим всё-таки Спафанию высказаться.

> Сколько видит зрение человека, везде сёла и деревни. («Ст. сп.», л. 105)
>
> А сёл столь много проехали, как станешь круг себя считать, больши пятидесят с одного места видеть. (л. 110)
>
> Китайское государтво <…> городами и людми наполнено, что в том не имеет на свете равности. («Описание Китая», гл. 3, л. 7)
>
> Сёла великие, что больше наших городов, и толикое множество есть, что и числа знати нельзя. И только одним словом сказати про Китай, что если бы была та Стена большая обведена кругом всего Китайского государства, мочно бы было говорить, что всего Китая один город, потому что город от города в виду, и село от села [ещё] ближе, и место везде жилое, а пустово ничево нет. (гл. 6, л. 14 об.)
>
> А что премножество людей, что есть в Китае, и сказати нельзя, потому что не токмо по городам и по сёлам, но и по рекам и по всяким дорогам всегда великое множество ходят, будто войско идёт или ярмонка какая. (гл. 6, л. 15)
>
> Везде Китайская земля весела, и при море и на суше, поля и реки везде хорошие и деланы, и не можешь ведати – от естества (naturam) таки изрядные, или от китайского художества, и невозможно сказати – обилиями превосходят или красоты. <…> И мощно говорить, что Китай на земле есть яко дорогой камень в персне, и болши сыщешь богатства в одном Китае, нежели во всех иных землях. (гл. 7, л. 16 об.)

В устах человека, повидавшего мир, эти заявления дорогого стоят. А теперь тот простой вопрос. Нет никаких сомнений, что в 1675 Китай реально являлся самой мощной и развитой державой на планете, опередившей всех и вся – так почему же тогда всего век спустя он реально оказался «страной третьего мира»? Ну, максимум «второго с половиной»?

А вот почему. В 1675 в Китае было всё, абсолютно всё, и даже больше этого – кроме одной маленькой вещицы. А именно – такого нового явления, как «фундаментальная наука». Во время своего становления она представлялась посторонним (например, китайским властям) баловством чистоплюев и игрой ума праздных бездельников. А через сто лет, когда стало, наконец, ясно что есть что – кидаться вдогон было уже поздно.

Помните «Брахистохрону»? Эти забавные кривые «лемниската» и «спира мирабилис», эти «биномы Ньютона», и его же «кубики», и «теорема о среднем», и «распределение нормальной вероятности» – вся эта скучная эфемерная чушь оказалась на деле броненосным ледоколом истории – неостановимым, неотвратимым и критически необходимым. А кто это вовремя не понял – пусть пеняет на себя.

Но давайте вернёмся в Китай образца 1675-го. До «Опиумных войн» у нас есть ещё полтора века.

Точнее – образца уже 1676-го. Год прошёл с момента выезда Спафария из Москвы. И в мае 1676 он в сопровождении китайских приставов прибыл в Пекин.

Первое, что тут обнадёживает – у него это уже именно Пекин («Пежин» – что, кстати, фонетически точнее передаёт оригинальное звучание – Beijin, «Северная столица»). Так что со всеми этими «Канбалыками», «Большими Китаями» и «Крымами» в русской письменной практике было, наконец, покончено.

Из обнадёживающего это было, пожалуй, всё. В Пекине миссия Спафария сразу крепко забуксовала. Читать эту часть его «Статейного списка» – истинное мучение. В течение четырёх месяцев кряду идёт непрерывное, ежедневное, многочасовое переливание из пустого в порожнее на тему протокола. Результат? Контакта не получилось, выход в город был дозволен очень ограниченный, торговля (на которую был весь расчёт) протекла вяло, передать императору лично царскую грамоту не удалось, в выдаче ответного письма от императора вообще было отказано – и в конце концов посольству было «предложено» покинуть Пекин даже не в «течение двадцати четырёх часов» (как мы привыкли читать), а реально в течение двенадцати (утром пришёл чиновник и сообщил, что до заката солнца посольство должно пересечь городскую черту). Дипломатическим успехом назвать это сложно.

Хотя Спафарий старался. Его поведение сочетало в себе словесную изворотливость и фактическую несговорчивость. Выданная ему инструкция вроде бы это ему и вменяла. Но на практике данная тактика непрерывно приводила к патовым ситуациям в совершенно мелочёвых вопросах. На каком-то этапе даже его собственная команда взбунтовалась («Ст. сп.», л. 254 об. – 255). При очередном отказе Спафария сделать какой-то там очередной поклон, сопровождавшие его дворяне и «сыны боярские» просто не выдержали: «Да ну поклонись ты уже!». Аналогично, при отказе Спафария принять какую-то бумагу, команда прямо заявила китайской стороне: «Если он её так и не примет – мы примем вместо него». На что Спафарий резонно заметил: «А в Москве – тоже ВЫ будете за это отчитываться?»

Личная встреча с императором один раз всё-таки имела место. Спафарию через переводчиков император задал несколько протокольных вопросов о здоровье царя (который к тому моменту уже полгода как умер), его возрасте и тому подобное. К удивлению придворных, император снизошёл и до пары личных вопросов к Спафарию. В изложении последнего это выглядело так (о себе он говорит здесь в третьем лице):

> И после того <…> к посланнику пришли и спрашивали, сколько ему, посланнику, лет. Также говорили, что слышал де бугдыхан, что ты человек

> ученой, и велел де спросить учился ли философию и в математических и про триугономерие учился ли ж?
>
> И посланник говорил, что возрастом есть лет с 40, а про учение сказал, что учился. <…> А хан де спрашивал для того, что он, хан, у езуитов учился триугольномерию и про звездословие <…> А опричь того хан не спрашивал ничего. («Ст. сп.», л. 219 об.)

Эта высоко учёная беседа общую ситуацию, впрочем, не выправила. Посольство было выставлено из Пекина достаточно резко. В-общем, недовольными остались все.

А ведь как всё хорошо начиналось. В первый же день пребывания в Пекине к Спафарию пришёл европеец примерно его лет и его ментального склада, свободно (как и Спафарий) говоривший на латыни. Это был голландский миссионер Фердинанд Вербист, который не просто хорошо знал китайский язык и местные обычаи, но и был полностью посвящён во все тонкости жизни императорского двора, ибо сам являлся руководителем одного из китайских министерств, а кроме того имел (в отличие от прочих китайских министров) прямой ежедневный доступ лично к императору. О лучшем консультанте и помощнике Спафарий и мечтать не мог. Тем более, что Вербист, в полной мере отдавая себе отчёт о наличии «конфликта интересов», тем не менее давал Спафарию реально полезные советы и рекомендации по тактике ведения переговоров с китайской стороной. А в ряде случаев и просто снабжал Спафария информационным инсайдом (типа, «чиновники от лица императора говорят Спафарию одно, а вот ему, Вербисту, сам император говорил по этому поводу совсем другое»). Правда, через некоторое время Вербист стал сдержаннее в своих советах (о чём честно предупредил Спафария), так как выяснилось, что кто-то из членов русского посольства «стучит» на него, Вербиста, китайцам. Но всё равно, помощь Вербиста была просто неоценимой.

Такая исключительная благорасположенность миссионера объяснялась, очевидно, тем, что он, будучи оторванным от Европы долгие годы и не очень ориентируясь в реальном положении там дел, несколько переоценивал Московское царство вообще, и его возможности в качестве транспортной артерии из Европы в Китай, в частности. О подобной переоценке говорят такие факты, как, например, просьба Вербиста к Спафарию изготовить в Москве по чертежу какую-то специальную шестерёнку для часов и прислать (!) её в Пекин (л. 160).

Но даже наличие такого бесценного консультанта, как Вербист, не помогло Спафарию добиться хоть каких-то результатов. Весь контакт свёлся к нескольким малозначимым эпизодам.

Например, по протоколу к Спафарию был прислан художник рисовать его портрет («персону»). До этого Спафарий был один раз в Запретном городе (15 июня) на церемонии выхода императора к подданным и данникам. Туда Спафарий явился тогда в парадном облачении, а именно – в «шубе собольей под золотой объярью». А должен вам сказать, что лето в Пекине не просто жаркое, а порой очень жаркое. Так что Спафарий весь день обливался потом и терпел, блюдя посольскую честь. И вот теперь художник просто умолял его позировать для портрета в той же самой, потрясшей давеча воображение всех присутствовавших своей неуместностью, одежде – да ещё и с обнажённой золотой саблей в руке. Так что

пришлось Спафарию терпеть это мучение повторно – да ещё в течение нескольких сеансов.

Зато некоторым членам его команды, наоборот, повезло. Император почему-то заинтересовался умением участников посольства нырять. Так что Спафарий четыре раза отряжал группу ныряльщиков, которые не без приятства для себя в жару развлекали императорский двор своеобразным водным представлением на озере в летней резиденции.

О невероятном разнообразии цветов и рисунков китайских тканей я уже говорил. На этом фоне заслуживает упоминания факт, что как только на глаза китайцам попался новый для них мотив узора (на какой-то посольской одежде), то тут же к Спафарию был прислан художник со смиренной просьбой разрешить этот новый мотив скопировать (л. 211 об.). Красоты много не бывает.

Была ещё одна важная наука, открытая Спафарием в Пекине. Наука эта не является исключительно китайской, но Спафарий прочувствовал её во всей полноте именно здесь. И он, в назидании потомкам, в своём отчёте запечатлел её в словах и буквах. Наука эта называется «законы рынка».

Почему цену на наш товар предлагают ниже, чем предлагали кому-то в прошлом году? Потому что то было зимой, а сейчас лето, а вы продаёте меха (закон сезонного спроса).

А почему тогда цена на сафьян тоже ниже, чем в прошлом году? Потому, что два месяца назад в Калган пришёл большой караван «бухарцев», привёзших точно такой же сафьян (закон насыщения спроса).

А почему тогда мех горностая стал, наоборот, дороже? Потому, что горностаев везут через Монголию, а там недавно началась междуусобная война (влияние на рынок геополитических факторов).

Хорошо, а вот почему тогда к нам приходят покупатели и все хотят одну и ту же цену, и никто не торгуется? А потому, что вас самих-то в город не выпускают и покупатели имеют возможность сбивать таким образом цену (практика ценового сговора).

А почему тогда нам по секрету сообщили, что и рады бы купить дороже, да боятся? А это потому, что чиновники сами положили глаз на ваши товары и пригрозили купцам в случае чего расправой (эффект административного демпинга).

И так далее, всё по учебнику.

И, наконец, Спафарий развеял миф о том, что в Китае не существует виноградного вина. Оказалось, что оно всё-таки существует – правда, производимое местными иностранцами. Продегустировал его Спафарий во время всё того же приёма у императора.

> И одна была на столе чаша великая серебреная, и в ней было вино виноградное, а наливали в чашки золотые лошкою серебреною долгою. <...> А питье было виноградное самое доброе, что доброе ренское, а то питье делают езуиты про хана по вся годы. (л. 221 – 221 об.)

Всё это, конечно, хорошо – но суммарный итог у нас получается такой. Единственная осязаемая вещь, полученная в результате посольства Спафария, это – проложенный новый путь, позволяющий обогнуть все промежуточные страны. Но и то. Спафарий в Пекине начал осознавать, что другой путь – из Селенгинского острога через Монголию на Калган – он и короче и проще (л. 249 об., 285 об.). В будущем жизнь подтвердит это предположение. Все последующие караваны, за редкими исключениями, пойдут в Пекин именно через Селенгинск.

Всё как-то не складывалось. Даже добыть заказанную ему в Москве «китайскую грамматику» Спафарий не смог.

> И посланник [Спафарий] езуиту [Вербисту] говорил, чтоб он сыскал грамматику китайскую.
>
> И он [Вербист] говорил, что де сыскать китайскую грамоту здесь невозможно, для того что у них граматики нет и еще не делана; а он де, алихахава, пошлет к великому государю книгу от себя, что он делал в Китаех. (л. 232 об.)

Фразу Вербиста о том, что «у них граматики нет и ещё не делана» не следует понимать буквально. Обычные толковые словари в Пекине, само собой, имелись в ассортименте. Но что от них толку для европейца, если там значения одних иероглифов объясняются с помощью других иероглифов.

Понятно, что Спафария интересовал какой-нибудь китайско-«европейский» словарь. Но таковых в Пекине не нашлось. А прав ли был Вербист когда утверждал (как его понял Спафарий), что на тот момент (лето 1676) таких вообще не существовало в природе?

В целом – да, но с некоторыми оговорками. Полноценный «португальско-китайский» словарь Маттео Риччи (1588) в расчёт брать нельзя, поскольку его единственная рукопись едва добравшись до Европы сразу канула с концами – и выплыла лишь в середине XX века в архиве Ордена иезуитов. А трёхтомный словарь Николя Триго, отпечатанный в Нанкине в 1626, представлял собой не «словарь», а «фонетик», показывающий специальными латинскими буквами (прообраз современного «пиньина») только звучание иероглифов. По-сути это была китайская книга для китайцев. А из то, что в принципе могло бы заинтересовать Спафария, было вот что.

За пол века до Спафария, около 1620, испанским миссионером Мельхиором Мансано на Филиппинах был составлен словарь «Arte de la lengua chio chiu», включающий пару тысяч слов и выражений. Трогательно разлинованная тетрадка, заполненная с любовью. Но это был отнюдь не «китайский», а «хоккен-испанский» словарь, зафиксировавший язык, на котором говорили на Тайване и в нынешней провинции Фуцзянь, а также на многих островах южных морей. К «китайскому мандаринскому» этот язык имел весьма отдалённое отношение. С другой стороны, язык «хоккен» для письма использует китайские иероглифы (как и многие другие языки – корейский, японский и проч.), причём нередко в близких значениях. Так что типовая строчка в словаре Мансао представляла собой запись латиницей звучания некого слова на «хоккен» (например, «lang»), соответствующий этому слову китайский иероглиф (в данном случае «人») и перевод слова «lang» на ис-

панский язык («el hombre», «мужчина»). Резюме: говорить по-китайски с помощью этого словаря научиться было нельзя, а писать и читать – очень даже. Однако, рукопись Мансао так и осталась рукописью (Universitat de Barcelona, Ms. 1027).

Тридцатью годами позже, в самом начале 1650-х, появился словарь уже собственно «мандаринского» языка – китайско-латинская «Grammatica Sinica». Осуществил этот благородный труд иезуит Мартино Мартини во время своего четырёхлетнего (с долгими остановками) плавания из Ханчжоу в Европу. В 1655 он привёз свою рукопись в Рим, показал всем кому было интересно – и забрал её с собой назад в Китай, где вскоре и умер. Рукопись Мартини исчезла. Однако в Европе с неё успели тогда снять ряд копий, получивших ограниченное хождение. Впервые «Grammatica Sinica» была опубликована лишь сорок лет спустя, в 1696, да и то как-то стыдливо – в виде приложения к одному из переизданий пестрого сборника разных географических сведений – и то будучи вставленной лишь в отдельные экземпляры тиража (к настоящему моменту можно с уверенностью говорить о двух таких экземплярах). Причём, при публикации рукописи содержащиеся в ней изображения иероглифов издатели опустили, оставив только их звучание.

И, наконец, третий прецедент. За пять лет до путешествия Спафария, в 1670, в Амстердаме вышло очередное переиздание большой книги Атанаса Кирхера «China Illustrata» – на этот раз во французском переводе. И вот в её состав – опять-таки в формате «приложения» – был включён (без указания автора) словарь «Dictionaire Chinois & François», составленный польским миссионером Михалем Боймом. Исходно словарь Бойма был «китайско-латинским», но поскольку вся публикация была переводной, то он превратился в «китайско-французский». Это издание было уже настоящим массовым. Казалось бы – иди, покупай и учи. Но здесь, опять-таки, изображений самих иероглифов мы не видим, только их звучание.

Общий вывод таков: пособий на каком-либо европейском языке, с помощью которых можно было бы научиться читать китайские тексты – таких пособий в свободном обороте на лето 1676, действительно, не существовало.

Так что Спафарий не выполнил данное ему задание по уважительной причине. Но кто в Москве будет на это смотреть?

Короче, посольство Спафария провалилось по всем пунктам. Так почему же тогда мы говорим о нём, как об огромном шаге вперёд?

А потому, что в результате именно этого путешествия на свет появилась одна книга.

Книга эта имеет мудрёное название – «Описание первой части Вселенной… и так далее» (сокращённо – «Описание Китая»). Работу над этой книгой Спафарий закончил на обратном пути – 17 ноября 1677, то есть не доехав ещё до Москвы.

Я, признаться, уже давал оттуда цитаты – не скрывая, но особо и не афишируя источник. Так, большая часть отзывов Спафария о густонаселённости и обустроенности Китая была именно оттуда.

Значение «Описания Китая» трудно переоценить, поскольку именно эта книга впервые дала русским людям развёрнутую и адекватную картину реального Ки-

тая. До этого в массовом сознании после земель татар и калмыков сразу начинались «горы стеклянные», «люди с пёсьими головами», «птицы райские гамаюн», «василиски с хоботом от пупа» и «черви родящие песок золотой». А в книге Спафария мы видим абсолютно реальную страну абсолютно нереальных успехов.

Ну, строго говоря, это не совсем «книга Спафария». Это – книга Мартино Мартини «Nuovo Atlas Sinensis». Того самого Мартини, что составил первый китайский словарь, «Grammatica Sinica».

На основе десятилетнего опыта разъездов по Китаю Мартини создал «Атлас», состоящий из карт и пояснительных текстов. Всё это было издано в Амстердаме массовым тиражом за двадцать два года до Спафария, в 1655. Спафарий же эту книгу просто перевёл на русский язык (который он к тому времени более-менее, наконец, освоил).

И опять не верно. Спафарий книгу Мартини перевёл не «просто», а значительно (и достаточно произвольно) её сократив, и ещё перемешав при этом между собой разные её части. Так, «Предисловие» Мартини (в латинском издании с. 1-26) превратилось в двадцать первых глав книги Спафария, а семнадцать (по числу провинций) разделов «Основной части» Мартини (с. 27-171), являющихся пояснениями к соответствующим картам – они преобразились у Спафария в тридцать восемь последних глав его книги.

Так что правильнее будет сказать так. «Описание Китая» Спафария – это фрагментарный локализованный перевод «Nuovo Atlas Sinensis» Мартини, снабжённый точечными личными вставками.

Насколько «точечными» и насколько «личными»? За исключением тех нескольких мест книги, которые касаются территорий к северу от Китая, это – короткие вставные предложения, как бы персонифицирующие текст. Типа: «а казаки наши… сказывают» (гл. 4, л. 9), «жемчуг сыщетца, как и мы сыскали» (гл. 4, л. 10), «такие овощи [«суку»] взяты к Москве с нами» (гл. 29, л. 70), «[плоды «личи»] в Китае ели и с собой привезли» (гл. 47, л. 126). Ну и, конечно, такие: «Со всяким благополучием Великого государя Его царского величества, и умножением и славой всего Российского царства от конца и до конца земли… и т.п.» (гл. 58, л. 157).

А всё остальное (за упомянутыми исключениями) – взято у Мартини. Даже название с ярко выраженным местным колоритом – «Описание первыя части Вселенныя, именуемой Азии… и т.д.» – даже оно является прямой производной от первых слов «Атласа»:

> Desctiptio… Asiam omnium, quas globus hic noster terraqueus continet... ab ipsis rerum initiis.
>
> (Описание… Азия на земном шаре... существовала от испокон веку).

Что позволяет несколько скорректировать понимание русского названия. Под «первой частью» в нём, выходит, подразумевалось – «первая по времени освоения».

Каким образом «Atlas» Мартини попал в руки к Спафарию – точно неизвестно. Но наиболее вероятный вариант следующий. При подготовке путешествия, в Посоль-

ском приказе Спафарию были выданы некоторые печатные материалы. В частности:

> Взял 2 книги Китайского государства описание, что взяты из оптеки <…> и статейного Фёдора Байкова списку список в тетрадях ис Посольского приказу взял и росписался я, Николай Спофарий, своею рукою.
>
> («Расписка» Спафария о получении книг, РГАДА, ф. 62, оп. 1, кн. 3, л. 153 об. – 154. Список).

Яркое выражение «списку список» в данном случае не является тавтологией и употреблено по делу – речь идёт о «списке» (копии) со «Статейного списка» (посольского отчёта).

Так вот, одна из этих «2-х книг» – это путевые записки Джоана Нейгофа, незадолго до того изданные в Амстердаме и описывающие пребывание в Китае того самого «голландского посольства», с которым Фёдор Байков столкнулся в своё время в Пекине и у которого выпросил «официальный документ», подтверждающий его, Байкова, там нахождение.

А вот вторая книга – это, предположительно, и есть тот самый «Nouvo Atlas Sinensis» Мартини.

То есть, получается, Спафарию и ездить-то не надо было ни в какой Китай, чтобы эту книгу перевести? В Москве бы всё спокойно и сделал.

А вот не получается. И не сделал бы.

До сих пор я не говорил, а сейчас скажу. «Описание Китая» произвело на русских читателей столь неизгладимое впечатление потому, что перевод книги Мартини был сделан не только с полным пониманием предмета, но и с личной внутренней мотивацией. Яркий оригинал ещё отнюдь не гарантирует яркого перевода – а здесь получилось именно так.

Всё правильно. Чтобы суметь перевести книгу итальянского миссионера адекватно, Спафарию потребовалось самому совершить долгое, трудное, опасное и упоительное путешествие в описываемую страну. Так, собственно, и должны делаться все переводы.

И всё-таки, что конкретно дал перевод Спафария «миру и Городу» (человечеству и Москве)?

Сначала «миру». Перевод книги Мартини на русский язык, выполненный Спафарием (так и оставшийся рукописным), оказался столь удачен, что с него вскоре были сделаны обратные переводы на ряд европейских языков (немецкий, греческий, частично на французский и голландский).

Причиной тому были не только литературные достоинства русского текста. Причиной была пятая глава – в отличие от большинства остальных вполне себе оригинальная. В ней Спафарий (именно Спафарий) давал краткую сводку всех известных ему сухопутных путей из Европы в Китай.

Всего таких путей у него семь. Три первые – общеизвестные (через Каракорум, через Бухару и «путь Байкова» через север Монголии), так что тут не было ничего неожиданного. А вот затем шла сенсация на сенсации. Четыре совершенно новых пути, все начинавшиеся от восточного берега Байкала (л. 11 об. – 13).

Путь № 4. От Селенгинского острога напрямую через Монголию в Калган. Сам Спафарий по нему не пошёл, но буквально перед ним его опробовали русские купцы – и небезуспешно. Требовалось, правда, утрясти некоторые мелкие вопросы с местными ханами, но это была «Дорога С Большим Потенциалом» (спойлер: скоро она станет основной.)

Путь № 5. Река Селенга – река Уда – Нерчинский острог – «Наунские сёла». Путь, по которому только что прошёл сам Спафарий. И горячо его рекомендовал.

Путь № 6. Пока чисто гипотетический, но не лишённый разумности. В Нерчинском остроге предлагалось садиться на лодки и плыть вниз по Шилке, а затем по Амуру – до Албазинского острога, что недалеко от нынешней «Сковородки» (Сковородино). А оттуда уже рукой подать до «Наунских сёл». Получается чуть дальше, чем № 5, но зато – а) не топаешь посуху, а плывёшь, б) огибаешь по реке хребет Большой Хинган. И хоть он на самом деле не такой уж и большой, но всё-таки – Хинган.

Путь № 7. Просто игра ума. Соображения, которые оказались не верными. Пропускаем.

Итого, к существовавшим трём трудным путям в Китай Спафарий добавил сразу три лёгких. Реально сенсация.

А теперь о том, что дала книга Спафария «Городу», то бишь Москве. Да чего уж там – всему русскому коллективному сознанию. Тут всё просто – в смысле «Китая» она дала буквально всё. Спафарий явился в прямом смысле слова «апостолом Мартини» на территории будущей бывшей «одной шестой части суши». Всё, что было известно здесь о Китае, долгое время было известно единственно из его вольного перевода «Атласа» Мартини, о существовании которого читатели «Описания Китая» (и разных его производных) даже не подозревали. Не знаю с чего и начать. Здесь всё абсолютно реально и совершенно сказочно.

«Описание Китая» при жизни Спафария ни разу не публиковалось (как и ещё двести лет после), однако циркулировало в многочисленных списках. Цитировать буду по рукописи, которую ряд специалистов (например, правнук Дженни Марлинг-Шварц) считают «протографом», то есть собственно оригиналом рукописи Спафария (РГБ, Отдел рукописей, ф. 92, док. 107). В цитатах я сохранил колоритные особенности оригинала, лишь там внося косметическую правку (типа согласования падежей и исправления очевидных описок), где без этого затруднялось понимание смысла. Разбиение на предложения (отсутствующее в оригинале) моё. Чтобы облегчить сопоставление с другими списками «Описания Китая», ссылки даю в формате «глава : лист».

И вот что входит со страниц этой книги в наш открытый для всего нового ум:

– ВЕЛИКАЯ СТЕНА и ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД (тут Спафарий добавил ещё собственных красок, по личному опыту; 17:40 об. и 23:54).

– ВЕЛИКИЙ КАНАЛ, протянувшийся параллельно морю вдоль всей страны (40:106 об.).

– ЖЁЛТАЯ РЕКА – с указанием, что её дно находится выше уровня окружающих берегов – и только дамбы не дают ей затопить всю Великую равнину (а когда их умышленно разрушают – как в 1642 или 1938 – то и дают; 31:76).

– ШЛЮЗЫ на реках, позволяющие поднимать корабли посредством перекрытия русла выдвигающимися брусьями и заполнения секции самотёчной водой (29:71).

– Нереальные по качеству ДОРОГИ – мощёные, широкие, прямые и ровные, как стол – для чего срываются горы и засыпаются овраги (15:36 об.).

– ПЛАВУЧИЕ («ходячие») ГОРОДА, состоящие из тысяч домов-лодок, на которых протекает вся жизнь озёрных «горожан» (речь, конечно, об «Озёрном крае», 6:15).

– Точная МЕДИЦИНСКАЯ ДИАГНОСТИКА по пульсу, видов которого различают здесь множество (12:30).

– Практика ВЫРАЩИВАНИЯ РЫБ по типу домашней птицы – с закупкой на специальных фермах мальков, их выкармливанием и созданием условий для безмятежного наплавывания веса (7:17).

– «ОДНОКОЛЁСНЫЕ ТЕЛЕГИ» (тачки), на которых один человек может перевозить огромное количество поклажи – породивших (по мнению автора) миф о «самодвижущихся повозках», якобы ходящих в Китае по суше под парусами, как корабли по морю (21:49 об.). Что подозрительно перекликается с историей о буйном набеге Вещего Олега на Константинополь, когда «повелѣ Олегъ воемъ своим колеса изъдѣлати и въставити корабля на колеса. И бывшю покосну вѣтру, успяша парусы с поля, и идяше къ городу» («Повесть временных лет», год 907).

– «Прекрасные ГРОБНИЦЫ древних царей» В СИАНЕ (27:64), упоминание о которых тем интересней, что именно там триста лет спустя будет обнаружена совершенно циклопическая гробница императора Ши Хуанди с его «терракотовой армией». К слову, находящиеся к северу от города многочисленные пирамиды (наподобие египетских), превратившиеся от времени в холмы, до сих пор не вскрыты археологами.

– ФАРФОР, «землю» для которого возят за тридевять земель от места добычи «в страну Кианксии» (Цзянси – то есть туда, где была изготовлена чашка для картины Виллема Кальфа; 43:114 об.)

– Существование в Китае многих не-родственных языков. В частности – отличие ЯЗЫКА «ХОККИЕН» провинции Фуцзянь от собственно «китайского» («язык их рознится с ыными и писмо», 46:125).

– Особый СТАТУС КОШЕК в Китае.

> А кошки в Пежинской стране суть белые, и волосы у них долгие, что у немецких маленьких собак, и уши долгие, и теми жены китайские тешатся, а мышей не ловят. (21:50)

– «ТРАВА СЧАСТЬЯ» (без комментариев).

> Тут же родится на горах трава такая – хто её ест, тотчас всякую печаль отгоняет и причиняет радость и смех. (27:64)

– Диковинный фрукт «ЛИЧИ» – так понравившийся Спафарию, что его через все тридевять земель повезли с собой в Москву.

> А наипаче в сей стране родится множество овощей *лихии* по-китайски, которого по достоинству называют «царём всего овоща», а родится тот овощ на превысоких и превеликих древесах, на которых висят кисти будто виноградные грозди. Только ретко висит тот овощ на кисте. А величиной есть з грецкой орех. На верху скорлупа тонкая, которую и руками ламают, а внутри есть овощ белой. [Приписка на полях: «в Китае ели и с собой привезли».] (46:126)

– Волшебная «ЛЁГКАЯ ВОДА» (на самом деле хорошо знакомая Ирине Черняйкиной и другим специалистам по WWR, «white water rafting»).

> Тут же река Кема, а в той реке та *лёгкая вода*, что никакое судно не может плавати, тотчас утонет, будто на воздухе. (28:68 об.)

– Диво дивное – ОКУЛЬТУРЕННЫЙ РЕВЕНЬ (считавшийся почему-то исключительно диким растением). Этот самый ревень был вообще каким-то больным пунктиком. У меня порой создавалось ощущение, что на Руси кроме него никакого другого интереса в Китае долгое время не видели. Понятно, что Спафарий посчитал необходимым вставить в текст Мартини и личные наблюдения по этому архиважному вопросу: «В тот же город [Сокчи, Socheu] и наши тобольские русские люди приходили и купили ревень, и те места пустынные» (28:69). Город «Сокчи» (ныне Цзюцюань) это – самый дальний край Внутренней Монголии, именно здесь находится главный китайский космодром. И вот, оказывается, ревень можно выращивать, как репу.

> В той стране родятся и многие лекарственные корения, паче ревень, который не родится дикой, как чают иные, только сеют в садах с великим бережением. Китайцы именуют его «тайхоан» и вешают его на стенах, потому что на солнце потеряет силу свою. И с той травы (видимо: с того города), да из другого китайского [города] именем Сукчень везут ревень. Во всю Европу приходит, потому что торговые люди и чрез Астрахань или чрез Персиду возят. Потому что в ыных местах не родится и не садят. Так что там родится. По Ангаре и по Селенге-реке [тоже есть], только не копытчатой. (26:62)

– ТЕХНОЛОГИЯ ПИСЬМА – с перечислением всех «четырёх драгоценностей учёного»: бумаги, кисти, туши (в брикете) и тушечницы (камня для растирки туши).

> [В Китае] не сыщешь и меж мужиков кого который бы до 15-го лета возраста своего не учился грамоте, и не сыщешь кого который бы не знал писати. (12:30)

> А пишут они не пером, как наши пушут, только живопишут кистью, как живописцы. А чернилниц у них нет – только чернила на каменю трут, и тут же на каменю кистью помажут. <…> А пишут не так, как наши – прямо на бумаге, только начинают сверху, будто столп, и ходят на низ. Чтут что турки – от права к леву. (12:31)

> В том городе [«Гоэйхеу», то есть Хойчжоу – он же Туньси, он же Хуаншань] делают чернила китайские зело добрые, а делают они не жидкие – будто ступочки, и на них делают (теснят) всякие травы, и писма, и всякие звери, также и имя хто делал, потому что у них то ремесло чесное. А трут они на камени и мешают с водой, и после кистью что живописцы пишут. (43:114)

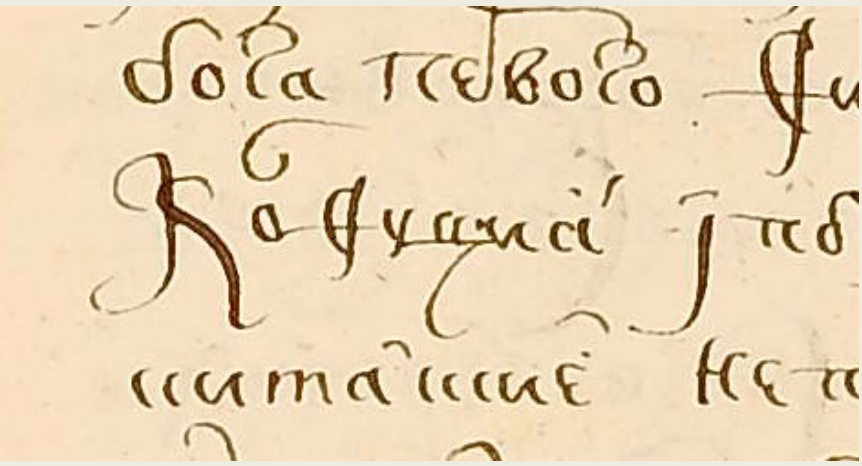
– Засахаренные «АПЕЛЬСИННЫЕ ДОЛЬКИ».

> Здесь родятся померанцы такие, что на свете таких нет, потому что вкусом есть что мушкатной виноград и не токмо свежий зело добрый вкусом, но и между древ давят и с сахаром нарезают и не токмо в Китае, но и в чюжие государства посылают. (46:128)

– КОНФУЦИЙ. Это звучит неправдоподобно, но русские люди услышали о Конфуции (благодаря Спафарию) раньше, чем о Данте. В «Описании Китая» Конфуций встречается неоднократно – всегда в качестве духовного лидера и высшего наставника нации, «начальника веры».

> Имеют вместо бога – первого философа и началника их веры именем Конфуциа, и поучение и приказ того [исполняют]. <…> Кумирицу построили своему началнику и богу Кунфуцию. (19:44)

> В том месте родился славный бог и философ китайский имянем Конфуцый. (30:72 об.)



[Илл. 08-04-01-1. Старанием Спафария «Конфуций» едет в Москву. «Описание Китая», ноябрь 1677. РГБ, ОР, ф. 92, д. 107, л. 44]

– РАЙ. Спафарий подарил нам также и самую известную китайскую поговорку: «На небе – Рай, а на земле – Сучжоу и Ханчжоу». В смысле: не гоняйся за призраками.

Удивительно, насколько точно Спафарию удалось в рамках возможного передать тонкие материи оригинала. Сначала процитирую, а потом поясню. У Спафария это выглядит вот так:

> Се есть что есть выше неба, то есть на земли Сухеу и Ханкхеу. (41:108)

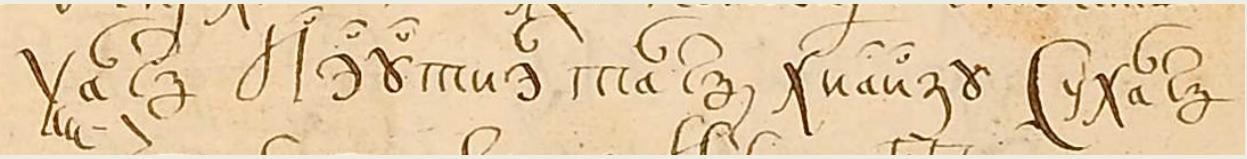
Да, в его переводе пропал «рай» – но это не его вина, поскольку так было в латинском оригинале у Мартини:

> Quod supra est caelum, hoc in terris est Sucheu & Hangcheu.
>
> («Atlas Sinensis», 1655, с. 100)

У Мартини же «рай» исчез по той причине, что он прочитал два стоящие рядом иероглифа «天» и «堂» («небо» и «зал») буквально. А поскольку «зал» сюда никаким боком не вписывался, то он его просто выбросил, оставив одно «небо». На самом же деле это идиома – «Небесный Зал» (天堂), означающая китайский аналог «рая».

Так что Спафарий здесь оказался просто молодцом. Но ещё более удивительно, что он умудрился снабдить русских людей достаточно точном звучанием китайского оригинала. Судите сами:

> Пословица у них есть такая: «Ксанг йэу тиэн танг – хиа йзу Су Ханг». (41:108)



[Илл. 08-04-02-1. Тут всё понятно: «Ксанг йэу тиэн танг – хиа йзу Су Ханг». Там же, л. 108]

С учётом того, что в современном русском воспроизведении эта поговорка звучит примерно как «Шан йоу тень тан – ся йоу Су Хан», то результат Спафария следует признать просто прекрасным. Милая описка (перепутал буквы «Э» и «З» в слове «йэу») только подчёркивает совершенство фонетического слепка. А то, что у него мы видим «хиа» вместо «сиа» – так это опять описка в издании Мартини (где напечатано «hia» вместо требуемого «xia»).

Итак, Сучжоу и Ханчжоу – это рай на земле. В оригинале, как мы видели, названия обоих городов даны не целиком, а аббревиатурами – «Су» (苏) и «Хан» (杭). При этом то же самое «Су» используется в китайском языке, как аббревиатура для обозначения государства СССР, а «Хан» (правда, в другом написании) – как аббревиатура для Ханты-Мансийска. На этом интересном прочтении («На небе – Рай, а на земле – СССР и Ханты-Мансийск») мы, пожалуй, и остановимся.

– ЧАЙ. Хотя упоминание чая мы видели уже у Сеиткула Аблина (1653) и у Фёдора Байкова (1654), но подробностей там было очень мало. У Спафария же на эту те-

му мы находим сведения практически исчерпывающие. Не только о самом чае (о растении, методах сбора, последующей обработке листьев, способах хранения и использования), и не только о его экономическом бытовании (разбросе цен, разнообразии сортов, социальном статусе потребления), но и о примыкающих к этой теме вещах – специфической посуде для чая и требованиях к воде для заварки.

Всеми этими драгоценными сведениями с русской аудиторией делится (через Спафария) Мартино Мартини (1655). В Европе же к тому времени чай был известен уже скоро сто лет как (с 1569). Первым об этом феномене публично сообщил португалец Гаспар да Круз, самолично опробовавший в Китае некий странный напиток, произведший на него двойственное впечатление. Некоторая растерянность да Круза, столкнувшегося с совершенно новым для него явлением, видна из дважды употреблённого слова «tamalavez» (по-своему, своего рода), весьма редкого в португальском языке.

> Каждому гостю здесь предлагают фарфоровую чашку (uma porcelana) с тёплой жидкостью (agoa morna), которую они называют «чаем» (Cha), представляющую собой нечто красное (tamalavez vermelha) и чрезвычайно полезное (muy medicinal), и они пьют это постоянно, готовя из предварительно обработанной травы (cozimento de ervas), по-своему (опять «tamalavez») горьковатой. <...> Меня этим угощали [в Китае] множество раз.
>
> (Gaspar da Cruz, «Tratado das coisas da China», 1569, гл. 13. Перевод мой.)

И вот теперь чай появился и в русском литературном пространстве. Причём с подачи человека, знакомого с чаем не понаслышке. Сколь ни было резким выпроваживание Спафария из Пекина, китайские чиновники не забыли, тем не менее, передать с ним к царскому столу «8 лукошек чаю» (а потом ещё четыре, «Статейный список», л. 238 об.). Да и самому Спафарию было выделено «2 лукошка» для личного пользования (л. 244). Так что Спафарий знал, о чём переводил. В «Описании Китая» это главы 41 и 43.

> Трава чай ни дерево есть ни трава – но прутья, которые во многих мелких прутьях родятся.
>
> Цвет <…> желтоват и летом прежде цветёт. А сей цвет не много пахнет. После цвет будто бы маленько ростёт – вначале зелено, а после черно.
>
> А для ради варки чая збирают листьё первое весновое мелкое, которое всё руками потихоньку збирают.
>
> А после того кладут в болшие котлы и делают помаленьку огня под те железные котлы, покамест погреются листы чайные. И тогда на доску гладкую [кладут], и руками те листы крутят и опять на огонь кладут – покамест вовсе скрутят и иссушат. И после того кладут в болшие оловяники, и берегут крепко от всякие мокроты, и чтоб не отдыхали те листы, хотя долгое время стоят.

> Однако ж де когда в кипящую воду кладут опять – те листы чая озеленеют и розойдутся по-прежнему. И, буде есть доброе – благоуханием наполнят и озеленеют. И когда привыкнешь – гораздо укусно.
>
> И китайцы то питие зело похвалают, и сила и лекарства от него всегда извещают. Потому что день и ночь они пьют, и гостей своих потчивают.
>
> А таки розныи чаи родятся в Китае, что есть чай продаётся фунт по деньге, а есть чай, что продают по два червонных и болши.
>
> И китайцы говорят, что для того у них нет камчужной болезни да каменя. (43:114 об. – 115)

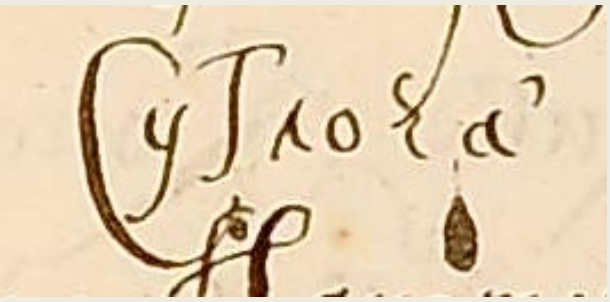
А вот – достаточно грубые (и дорогущие) чашки из «исинской» глины, специально для чая. И – ключевая вода, поставляемая для заваривания во все концы империи.

> Тут же в городе Книхине делают чашки зело хорошие, которыми китайцы пьют чай свой, и хотя не так тонкие, что те, что делают в Киангии, однако ж де здешние дороже купят – для того что, сказывают, что воздаёт от себя чаю некоторое благоухание. Тут же есть источник славный, имянем Гоей, в котором вода какая славная у китайцев потому, что для варения чаю провозят в Пежин и продают. (41:110 об.)

И, наконец, на арену впервые выходит поименованный «сорт» чая – «Сугло» («Sungluo», будущий знаменитый британский «Сингл»), прадедушка нынешнего «Мао фена» с горы Хуаншань.

> А имена розные у китайцов имеют по розным городам где родится, и для того в том городе именуется «Суглочай». (43:115)

В русских рукописных копиях «Описания Китая» чай «Сугло» быстро превратится в «смуглый чай».

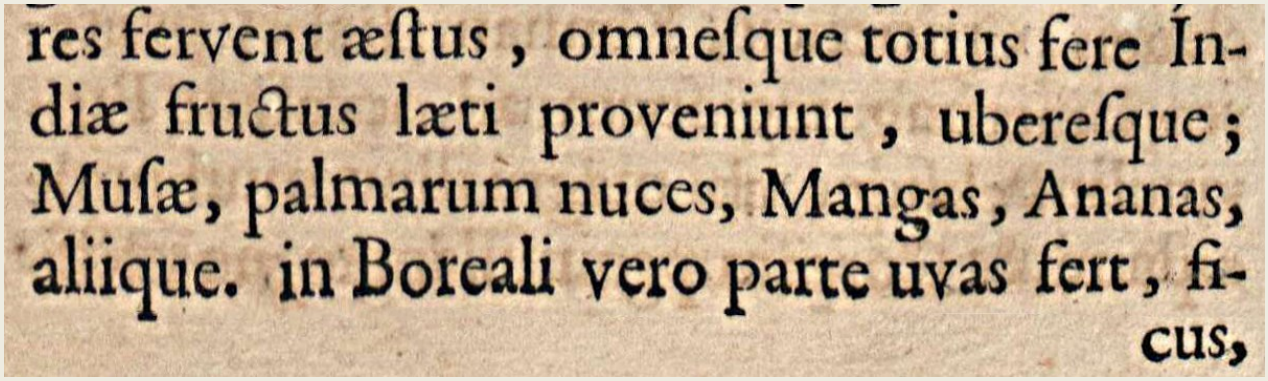


[Илл. 08-04-03-1. Чай – он уже не просто «чай», он различается по видам и сортам. Это, например, знаменитый в будущем «Сугло чай», Там же, л. 115]

– МУЗЫ. Для исследователя является не частой удачей, когда среди множества разнонаправленных сил и факторов, толкающих персонажа от точки к точке, обнаруживается деталь, которая наглядно и просто фиксирует результат действия сложных раскладов. Как так случилось, что Спафарий перевёл книгу Мартини столь охотно и хорошо? Вот вам ответ: был случайно затронут личный интерес.

Как мы знаем, Спафарий был зациклен на греческих Музах. За три года до путешествия в Китай он написал целое сочинение на эту тему с изложением собственного видения роли Муз в текущий момент истории – «Книгу избранную вкратце о девятих мусах». Помните – «Аполлоне, новыя тебе мусы явно зовут…» и так далее?

И вот он начинает переводить «Atlas» Мартини. И на второй странице наталкивается на колоритное место с перечислением диковинных тропических фруктов, растущий в Китае – бананов, кокосов, манго, ананасов. Простой и выигрышный текст. Но Спафарий его почему-то полностью игнорирует, ограничившись расплывчатым «все индейские овощи тут обильно родятця» (7:16). А давайте заглянем в оригинал.

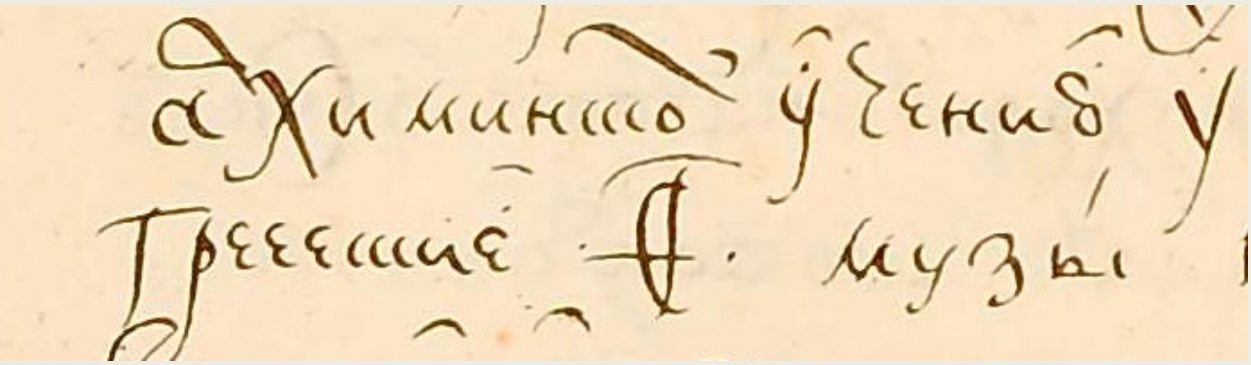

res fervent æſtus, omneſque totius fere Indiæ fructus læti proveniunt, uberesque; Muſæ, palmarum nuces, Mangas, Ananas, aliique. in Boreali vero parte uvas fert, ficus,

[Илл. 08-04-04-1. Список тропических фруктов из «Атласа» Мартини («…omnesque totius fere Indiae, fructus laeti proveniunt, uberesque; Musae, palmarum nuces, Mangas, Ananas»). Латинское издание,1655, л. 2]

Так вот в чём, оказывается, дело. В списке фруктов, через запятую, необъяснимым образом появляются дорогие его сердцу Музы («Musae, palmarum nuces, Mangas, Ananas»). Это реально какое-то наваждение. Спафарий смущён, он сбит с толку, всё его существо отказывается такое переводить. Может быть он даже и знает, что словом «Musae» в латыни обозначаются также и «бананы» – но в подобных ситуациях решение принимает не голова, а сердце. В книге Мартини Спафарию явились его «Музы». Какие тут могут быть «бананы»?

Ладно, это было наваждение. Бывает. Но через несколько десятков страниц Музы появляются у Мартини опять. Теперь уже определённо в собственно качестве, никаких бананов. Девять сестёр-девственниц, практикующих алхимию. И пусть гора, на которой они обитают, называется не «Еликон», а «Кеухин», речь идёт вне всякого сомнения о тех самых «греческих Музах».

> Тут же есть <…> и гора, которая именуется «Кеухин». Се есть «Девицы», потому что пишут, что 9 сёстр-девиц на той горе не токмо девство хранили, но и алхиминскому учению училися. Именно те будет *греческие 9 Музы*. (36:90 об., курсив мой)



[Илл. 08-04-05-1. «Греческие 9 Музы», владеющие «алхиминским учением». «Описание Китая», РГБ, ОР, ф. 92, д. 107, л. 90 об. Обратите внимание, сколь похоже Спафарий пишет буквы «е» и «ч»]

У Мартини гора названа «Kieuchin». Такого географического объекта сейчас нет. Эта невысокая гора (скорее холм) находилась на правом берегу Янцзы, в юго-западном пригороде современного города Ухань. При массовой застройке района она была срыта. По-китайски название горы звучало, я полагаю, как «Jie sheng nu» («九生女», «Девять Девственниц»).

Крайне показательно, что хотя у Мартини отождествление «девяти сестёр-алхиминь» с «Музами» сделано скорее гипотетически («Должны ли мы верить тому, что это китайские Музы?», «Credemusne has fuisse Sinarum Musas?», Мартини, л. 75) – у Спафария всякие сомнения на этот счёт решительно отметены. «Описание Китая» – это книга о стране, где обитают его, Спафария, Музы. Какие тут могут быть вопросы? Всё остальное в данной истории является производной этого простого факта.

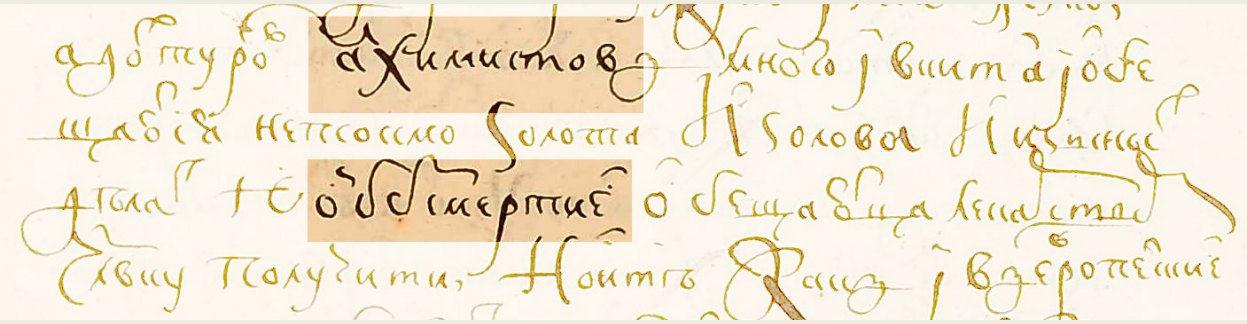
– И, наконец – БЕССМЕРТИЕ, за которым Спафария, собственно, и посылали в это путешествие на край рассвета. Ну так и что, нашёл?

Для себя – да (об этом я уже говорил), для заказчиков – как бы тоже. В теории.

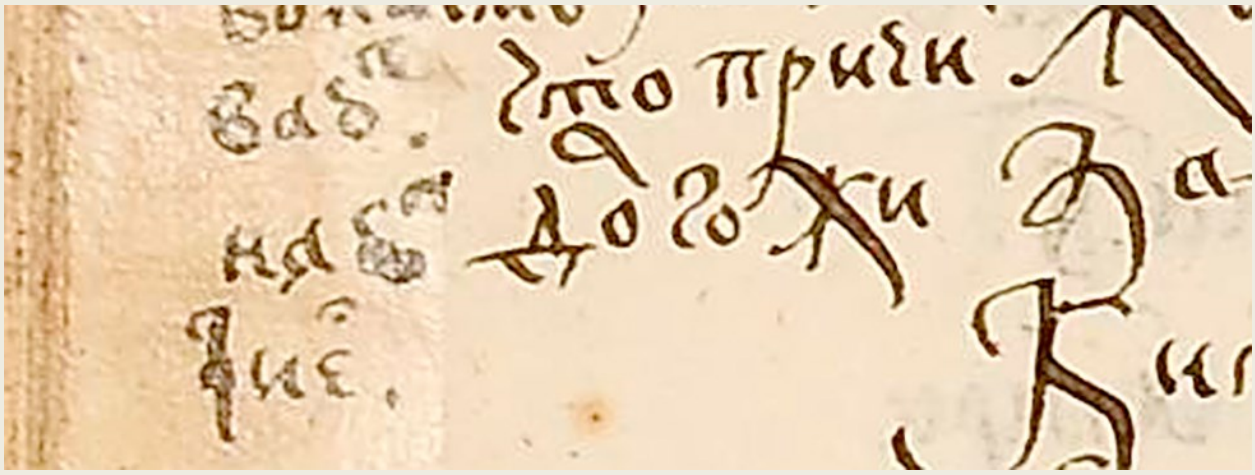
В теории, существует препарат, даже два – синтетический и натуральный. Синтетический производят алхимики (то есть – Музы). Натуральный растёт сам, но его трудно найти, а потому он «зело дорого» стоит. Никаких следов того, что Спафарий довёз до Москвы реальные образцы, я не обнаружил. А в книге – да, всё пожалуйста.

> А *дохтуров-алхимистов* много и в Китае, и обещаются не токмо золота из олова и из иных делать, но от *безсмертие* обещаютца лекарства человеку получити. (12:30)
>
> Трут дохтуры слюду и тот порох дают в вине больным. И сказывают, что причиняет *долгожитие*. (12:30 об., вставка на полях)
>
> А дороже всего у них и прехвальный корень есть *Гинзен*, которой родится неподалеку от устья Амура. <…> И великую помочь подаёт также многажды и тем, что *при смерти лежат и многижды исцелевают*. А что здравому человеку дать – гораздо вредит, потому что умножит пары те-

лесные и кровь. И продают дорого, за фунт кореня дают три фунта сребра. (12:30–30 об.)

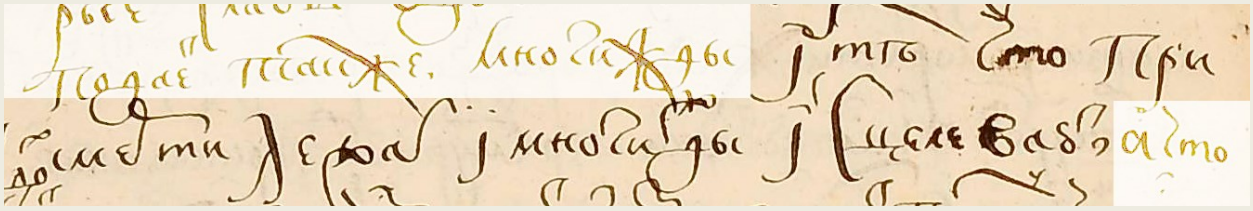


[Илл. 08-04-06-1. «Алхимисты», обещающие «от безсмертия лекарство». Там же, л. 30]



[Илл. 08-04-06-2. Средство, что «причиняет долгожитие». Там же, л. 30 об.]

[Илл. 08-04-06-3. «Корень есть Гинзен». Там же, л. 30]



[Илл. 08-04-06-4. «И те, что при смерти лежат и многижды исцелевают». Там же, л. 30 об.]

Что ж, пришло время подвести итоги экспедиции Спафария в целом. Их два.

1. Появившаяся в результате путешествия переводная книга «Описание Китая» стала реально хитом (сохранилось множество списков) и задала уровень понимания «одной шестой части населения суши» на многие-многие десятилетия вперёд.

2. Московские власти, чьи расчёты не оправдались, расценили путешествие, как провал. На обратном пути Спафарий был фактически арестован вскоре после пересечения Байкала, имущество экспедиции было опечатано, в Москве Спафарий попал под следствие, а потом (когда удалось отбиться) – в фактическую опалу. Дальнейшие перспективы для него закрылись, и как мы знаем – навсегда.

Всё это, разумеется, в высшей степени несправедливо – но, с другой стороны, по-своему логично. «Корона» не получала чего хотела – «Корона» соответственно отреагировала. А всякие там разные «знания» – это не по её части.

Но даже и эта самая «Корона» – так ли уж ей не досталось от Спафария «ничего»?

Золотой гвоздь

В 1677 Спафарий вернулся из Китая. После этого прошло ещё восемьдесят лет. Мир изменился. Появился Петербург. «Приказы» сделались «Коллегиями». Чай начал робко перемещаться из аптек в гостинные.

Итак, 1757. В Петербурге живёт 14-летняя девочка, Катя Воронцова. Она несчастный ребёнок. Мама её умерла, папа оказался гулякой и плейбоем, так что её воспитывают дядя и тётя. Семья, впрочем, благополучная. Вместе с собственной дочкой они учат девочку танцам, рисованию, языкам, манерам. Всё как обычно.

Но в 1757 у Кати в голове что-то вдруг перещёлкивает. Сам строй её личности разом меняется и вскоре её нельзя уже узнать. Из тихого и мечтательного ребёнка она превращается в человека решительного и деятельного, отъявленную подпольщицу, яростную заговорщицу, политическую авантюристку, готовую свергать царей и идти на эшафот. В девятнадцать лет она устраивает в Петербурге государственный переворот, шутя свергает действующего императора и сажает на трон свою лучшую подругу. Гвардейские полки, поднятые ею, движутся к правительственной резиденции, сподвижник императора генерал Измайлов объясняет главе государства безнадёжность его положения и рекомендует подписать отречение – и вот подруга нашей героини уже на троне. Подругу зовут Екатерина II, девушку – Екатерина Дашкова (в девичестве Воронцова).

Оценка роли Дашковой в приходе Екатерины II к власти у разных авторов разнится, но при этом лежит в диапазоне от «одна из наиболее деятельных участниц заговора» до «инициатор и руководитель переворота». В любом случае, сама императрица, составляя списки лиц, которым она обязана своим восшествием на престол, на первых порах всегда включает Дашкову в безусловный «шорт-лист» (Указ от 3 августа 1762, и др.).

И что же могло так изменить нашу героиню в четырнадцать лет? Уже в зрелом возрасте она даёт на этот вопрос прямой и определённый ответ. Структуру её личности изменили тогда книги, оказавшиеся случайно у неё под рукой в нужный момент. А если точно – в четырнадцать лет, когда она заболела корью.

Ограниченная в привычных занятиях, Катя начала читать – и очень скоро у неё развилась буквально маниакальная страсть к чтению. Причём к чтению не всякому, а «серьёзному». В первую очередь – о политике и путешествиях.

Всё это мы знаем из её знаменитых «Записок». В текущем эпизоде я буду часто к ним обращаться, так что лучше сразу проговорить некоторые моменты.

Дашкова писала свои «Записки» когда ей было уже за 60. Работа заняла два года, 1804 и 1805. В течение всего этого времени у неё гостила молоденькая англичанка Марта Вильмот, добровольно взявшая на себя функции литературного секретаря.

«Записки» писались Дашковой сразу по-французски, в расчёте на публикацию в Европе (и то только после смерти автора). В результате полу-детективной истории оригинал «Записок» оказался уничтоженным. Однако сохранились две рукописные копии – обе выполненные Мартой Вильмот под присмотром Дашковой. Одна из копий хранится сейчас в Петербурге (Архив СПбИИ, ф. 36, оп. 1, д. 749),

другая – в Британской Библиотеке (Brook's papers, Add. Ms. 31911). Эти рукописи в ряде мест отличаются друг от друга, при этом обе имеют следы правки рукой Дашковой. Рукопись из Британской Библиотеки предположительно более поздняя – и, соответственно, более точно отражающая окончательный вариант.

Британская версия «Записок» была опубликована первой. Она вышла в 1840 в английском переводе Марты Вильмот и носит следы определённой литературной обработки. Для научных целей больше подходит английский перевод Кирила Фитцлайона (с одним «л», Kiril Fitzlyon, 1958, 1995 и др.), являющийся на настоящий момент наиболее точным из имеющихся.

Петербуржская версия «Записок» была опубликована только в 1881, зато сразу в оригинале (то есть на французском). Именно с этой публикации делаются современные русские переводы.

Всё это нужно знать затем, чтобы не удивляться, когда один и тот же эпизод «Записок» Дашковой в разных изданиях оказывается выглядящим по-разному. Я буду придерживаться британской версии «Записок» в переводе Фитцлайона, представляющейся мне более убедительной.

А теперь можно уже посмотреть, что точно написала Дашкова про причину происшедшего с ней в четырнадцать лет «преображения». Цитирую по изданию 1995.

> ***
> Именно благодаря кори… я стала тем, кем стала (made me what I am). <…> Как только болезнь немного отступила, я с головой бросилась в чтение (threw myself into reading, с. 33).
>
> ***
> Чтение делало меня счастливой (reading <…> made me happy). <…> Я просто с ума сходила по чтению (I was passionately fond of reading, с. 33).
>
> ***
> Никакие драгоценности не доставляли мне столько удовольствия, как книги (never would the finest piece of jewerly have given me as much pleasure, с. 35).

А вот и те горячие сюжеты, проглатываемые Дашковой ночью при свече. Это отнюдь не «мальчики» – а «политика» и «путешествия».

> ***
> Политика меня интересовала всегда – начиная с самого раннего возраста.
>
> (Politics have always interested me, ever since my earliest years, с. 34).
>
> ***
> Все приходившие к нам иностранцы были допрашиваемы мной с пристрастием. Я засыпала их вопросами об их странах и формах там правления – и напрашивающиеся сравнения со своей собственной страной вызывали во мне страстное желание путешествовать.

> (All the strangers… were tormented by my relentless curiosity. I questioned them on their respective countries, theirs forms of government, and the comparisons which I made to my country often made me ardently desire to travel. с. 35)

При таком раскладе хорошо было бы знать, что именно читала тогда Дашкова «о политике и путешествиях».

Как только наша героиня обрела некоторую финансовую самостоятельность (попросту: вышла замуж за князя Дашкова и сама стала «княгиней»), она начала покупать книги в огромных количествах. Однако исходно она читала то, что было в библиотеке у дяди и тёти. А у них было вот что.

У тёти, Анны Скавронской, была родная сестра – в девичестве Марта Скавронская, а после крещения (1742) и замужества ставшая Екатериной Корф. В самом начале 1757 эта сестра умирает. От неё остаётся книга, которая по всей видимости переходит к её сестре, то есть – к тёте Дашковой, в доме которой 14-летняя девочка и живёт.

Прямых сведений о поступлении книги Марты в библиотеку Воронцовых-Скавронских нет, но есть надёжные тому признаки. Книга Марты была рукописная и была посвящена Китаю. Уже после смерти Марты рукопись была переплетена, будучи при этом объединённой с двумя другими рукописями, также связанными с Китаем – «Поучением хана Юнджена» и «Ведомостью о Китайских губерниях», переведёнными петербуржским китаистом Алексеем Леонтьевым. Данные переводы на тот момент были недавно закончены и ещё не изданы. Причём эти два последние сочинения были: а) узкоспециальными, б) переведёнными по казённому заказу для служебного пользования. Всё это указывает на то, что вся подборка рукописей о Китае делалась человеком, работающим в области международных отношений. А муж Анны Скавронской (Михаил Воронцов, дядя Дашковой) как раз и служил в это время в Коллегии иностранных дел на руководящей должности, и по роду службы возился (тут уже есть прямые свидетельства) с различными китайскими документами и материалами. Всё вместе это достаточно уверенно указывает на Михаила Воронцова и его жену Анну Скавронскую, как на составителей всего означенного тома. Время этого составления – учитывая даты написания исходных работ, даты завершения их переводов, даты их последующей публикации (после чего сохранение рукописных версий становилось не нужным), и время отхода Воронцова от службных дел (по болезни и опале) – всё это указывает на 1757, как на наиболее вероятную дату появления книги Марты в доме Воронцовых.

То есть мы вернулись к тому, с чего начали – книга Марты Скавронской оказывается в руках Кати Воронцовой (Дашковой) как раз в момент её взрывного увлечения чтением.

А теперь посмотрим, что это была за книга такая. А это была рукописная копия «Описания Китая» Спафария. Вот уж действительно – пороховая смесь «политики и путешествий». Ничего кроме политики и путешествий.

Так, оказывается, вот оно – чтение юной Дашковой, сделавшее её «what she is». Книга, ставшая триггером, который одним щелчком перекинул психику впечатлительной девочки в совершенно иное измерение.

Экземпляр «Описания Китая», о котором идёт речь, сохранился (РГБ, Отдел рукописей, ф. 96, д. 35). Марта Скавронская не просто им «владела» – этот экземпляр был изготовлен по её заказу и на её деньги. К слову, Марта заказала себе эту книгу в том же самом возрасте, в каком Дашкова её потом прочёт – в те же «четырнадцать лет». Владельческая надпись гласит:

> Тщанием и ревностною охотою сиятелнейшия фрейлины Марфы Карловны Сковронской сия книга География или Историография о народе китайском преписася. (л. 200)

И дата:

> Зачася июлия 12 дня 1735 году. (л. 5)

Двадцать два года спустя этот экземпляр «Описания Китая» Катя Воронцова (Дашкова) рассеянно возьмёт в руки – и не пройдёт и пяти лет, как генерал Михаил Львович Измайлов привезёт мятежным гвардейцам отречение императора от престола. Так работает история.

Жизнь Дашковой пошла дальше по такому сценарию, что она оказалась интегрированной в разные европейские культуры – французскую, британскую, немецкую, итальянскую. Но её китайский бэкграунд, однако, никуда не делся. Первая, так сказать, «любовь».

В её библиотеке (которую она уже формировала сама) завелись сочинения Конфуция (Woronzoff-Dashkoff, SEER, 72, 1, 1994, p. 67).

Китайский чай (не удивлюсь, если зелёный) был неотъемлемой частью её ежедневного быта, даже в путешествиях.

> [В Риме, 1780] поездки продолжались часов до трёх <…> так как вскоре приезжали художники на чашку китайского чая, который мне присылали с каждым курьером из России (с. 173)

Тут следует понимать, что в 1760–1790 чай в России ещё отнюдь не был обязательным ежедневным атрибутом и продолжал оставаться редкостью и экзотикой.

В период работы над «Записками» (1804-1805) Дашкова регулярно делала своей английской помощнице небольшие подарки. Это были своего рода знаки приязни – но также и отчаянная и трогательная попытка сохранить от выноса на свалку (ожидаемого от скорых наследников) тех вещей, что были особенно дороги ей по воспоминаниям молодости. И среди таких подарков мы видим не венецианское стекло, и не сервский фарфор – а «китайскую чашку» (Дневник Марты Вильмот, запись от 25 ноября 1804). Причём эта чашка не просто, что называется, «оказалась под рукой». Дашкова, уже плохо себя чувствовавшая, специально её разыскивала в заброшенной комнате среди разного хлама («rummaging her former Apartment»).

Или вот ещё. Значительная часть работы над «Записками» протекла в поместье Дашковой «Троицкое» на берегу реки Протвы, в ста километрах к югу от Москвы. Барский дом, церковь, купальни, оранжерея. Всё как положено. А ещё – китайский храм, возвышающийся посреди поля цветущих роз. В его тени обитатели усадьбы проводили лучшие дни среднерусского лета.

> Троицкое теперь в самом расцвете красоты. В одном из уголков имения стоит небольшая китайская беседка, называемая храмом. Перед ней расстилается поле, на котором не растет ничего, кроме цветущих и невыразимо благоухающих роз <…> Я часто сижу в решетчатой беседке (храм — для нее слишком громкое название), спасая лицо от тучи комаров и ос с помощью москитной сетки, которая делается из очень легкой итальянской кисеи. Я и сплю под пологом из такой кисеи и нахожу, что он вполне отвечает своему назначению. В прошлом году я ужасно страдала от мерзких жужжащих насекомых, а теперь, благодаря сетке, мое лицо не покрыто волдырями. <…> Хорошая погода <…> для меня настоящее блаженство, вот я и сижу, буквально открыв рот <…> и созерцаю эту благодать.
>
> (Письмо Марты Вильмот матери от 13 июля 1805)

Три года спустя мы видимо всё то же самое.

> Однообразие моих утренних занятий <…> нарушилось чудесной погодой, и я не могла удержаться, чтобы не провести всё утро, читая по-итальянски «Замок в Отранто», в китайской беседке среди розовых кустов.
>
> (Дневник Марты Вильмот, запись от 6 августа 1808)

Через полтора года княгиня Дашкова умрёт. Её неуёмная жизненная энергия («ци») полностью утечёт в Долину Высокого Неба.

Но энергия эта не исчезнет. В девяти «ли» к востоку от «китайского храма» воздух однажды сгустится и выпадет на землю «Институтом Высоких Энергий», чей синхротрон начнёт крутить по гигантскому огненному кольцу протонный вихрь с энергией в семьдесят миллиардов электрон-вольт. И от столкновений первопричин искрами посыпятся новые сущности.

В сущности, исходный «китайский» импульс, задавший траекторию судьбы Дашковой, она особо и не скрывает. В самом начале своих «Записок» она рассказывает одну прочитанную в юности историю, связанную с китайской политикой и с путешествиями в Китай – которая, с её слов, произвела на неё неизгладимое впечатление.

Сама история тут не так важна – важно то, какое действие она оказала тогда на ум подростка. Это произошло как раз во время зарождения интереса Дашковой к чтению («when still a child»). Катя регулярно рылась в служебных дипломатических бумагах своего дяди, что ей позволялось («I obtained my uncle’s permission to rummage among the papers which were in his safekeeping as Chancellor, in search of treaties, negotiations etc., with other Courts»). Так вот, из всего найденного, в её памяти больше всего запечатлелись две истории, одна из которых как раз наша «китай-

ская» (вторая была связана с Персией). И, как уверяет нас Дашкова, это было как раз тем, что (цитирую):

> [Это] буквально поразило моё детское воображение и оказало влияние на формирования взрослого сознания.
>
> (made to strike the imagination of a child and give food for thought even to more mature minds. с. 34)

О важности для Дашковой данной «китайской истории» можно судить не только на основании её собственных слов, но и по ряду внешних признаков. Эта история – одна из двух прочитанных ей в детстве историй, которые Дашкова помнила в мелких деталях даже пол века спустя. Поначалу рассказ обо всём этом в «Записки» не вошёл (в «петербуржской» версии его ещё нет), но когда на стадии редактирования (в августе 1805) данный эпизод всплыл в памяти Дашковой, она посчитала необходимым вставить его в самое начало книги – пусть даже ценой потери темпа повествования. «Китайская история» была помещена ей сразу за тезисом о её юношеском интересе к «политике» и являлась (по мысли Дашковой) самым ярким примером этого интереса. Сама история оказалась задокументированой дважды – в основном тексте «Записок» (в «британской» версии; Фитцлайон, с. 34), а также в дневнике Марты Вильмот (запись от 11 августа 1805), которой Дашкова её дополнительно поведала.

Я не собирался пересказывать саму историю, но всё-таки сделаю это – ввиду такой её значимости для судьбы Дашковой. Это – вполне заурядный, но курьёзный случай из ранней русско-китайской дипломатической практики. Варианты «Записок» и «Дневника» несколько расходятся. Даю интегральную версию события (З – «Записки», Д – «Дневник»).

Некий русский посол привёз в Пекин поздравление («congratulations», З) китайскому императору. Ему долго не удавалось вручить грамоту адресату лично («Emperour refused to receive Letters», Д). И хотя в конце концов это удалось и приём был оказан в целом благожелательный («envoy treated politely», Д), но никаких намеченных целей послу достичь так и не удалось. Тем не менее, по возвращении посла, из Москвы была послана в Пекин благодарность за хороший (якобы) приём. На что был получен ответ императора – в том смысле, что «не стоит благодарности, поскольку согласно китайской традиции даже последнему нищему дозволяется вручить императору своё письмо, когда император проезжает верхом» («when we ride abroad every Beggar is at liberty to look at us and to present a paper», Д). Вот, собственно, и всё. Анекдот на тему феерического расхождения в восприятии сторонами одного и того же факта.

Я, признаться, не очень понимаю, что в этом всём могло произвести на Дашкову такое впечатление. Но по факту – произвело.

А раз произвело, то неплохо бы понять, какой реальный случай лёг в основу данной истории.

Обе версии события (из «Записок» и из «Дневника») содержат ряд фактических ошибок, что затрудняет идентификацию. Тем не менее я уверен, что основой для этого анекдота послужило пребывание в Пекине посла Льва Измайлова (с ноября 1720 по март 1721), привёзшего приветствие (по тогдашней терминологии «по-

здравление») от Петра I. Как это уже бывало, началось всё с препирательств по поводу процедуры вручения грамоты. Измайлов (будущий отец генерала Измайлова, доставившего в 1762 в лагерь мятежников отречение Петра III) – так вот, Измайлов настаивал на передаче грамоты лично из рук в руки, а такого китайский протокол не предусматривал в принципе. За одним исключением – которое и было Измайлову предложено. По старинному установлению дозволялось подавать императору прошение во время его верхового проезда по улицам. Измайлов от такой схемы отказался.

Как мы знаем, всё кончилось хорошо, но посольство стояло тогда на грани полного срыва. Весьма показательно, что эпизод с китайским предложением передачи грамоты на улице Измайлов в своём отчёте скрыл. А поведал нам об этом итальянский миссионер Маттео Рипа, лично присутствовавший при том разговоре. В своих записках, опубликованных много позже, он рассказал об этом так:

> Тогда главный евнух сказал, что если он [Измайлов] непременно хочет передать письмо непосредственно в руки Императора (proprie mani dell' Imperadore), то для этого существует следующий способ: он должен подъехать на лошади к Императору по пути следования того из загородной резиденции в Пекин (dalla Villa a Pekin), встать на колени перед Его Величеством, который при этом будет находиться в седле (andava in sedia) – и передать ему своё письмо.
>
> (Matteo Ripa, «Storia della Fondazione della Congregazione…», 1832, т. 2, с. 60)

В «Статейном списке» Измайлова об этом нет ни слова. Зато в нём Измайлов выдаёт, в свою очередь, некоторые секреты протекания посольства одного из своих предшественников – Николая Спафария.

Помните как выглядел в отчёте Спафария эпизод его разговора с китайским императором в 1676? Император тогда спросил Спафария, учился ли он «в математических и про триугономерие», а Спафарий ответил что «учился». На том разговор и закончился.

Но, оказывается, всё было несколько иначе. Об этом Измайлову рассказали китайские чиновники, поднявшие для этого в архивах старые стенограммы. Оказывается, разговор протекал следующим образом.

> Когда к ним посланной был <…> Николай Спафарий, и богдыханово де величество изволил ево взять перед себя и спрашивал ево, что учился ль он остронномии, и он сказал, что учился; и как ево спросил [император] об одной звезде, которая называетца Золотой гвоздь, и он ответствовал зело грубо, что де я на небе не бывал и имён звёздам не знаю.
>
> («Статейный список» Измайлова, РГАДА, ф. 62, оп. 1, реестр 3, 1719 г., д. 2, л. 58)

Так что, выходит, Спафарий сам тогда вбил золотой гвоздь в крышку гроба своей миссии.

И вот теперь, сорок четыре года спустя, в Пекине появляется Измайлов. А император – он всё тот же самый, Канси. И у Сына Неба возникает некое «дежа вю». Опять русское посольство, та же помпа при въезде, те же претензии по протоколу. Целая жизнь прошла, а ничего не изменилось. Какой тогда во всём смысл?

И на Измайлова как-то естественно перекинулась дипломатическая тень от Спафария. Не зря чиновники напомнили ему тот эпизод с «золотым гвоздём».

Параллели в приёме двух посольств наблюдаются даже стилистические. Людям Спафария было предложено показать своё умение плавать и нырять. С Измайловым было примерно то же самое, но поскольку дело происходило зимой, то плавание заменили коньки.

> [10 декабря 1720] Ханское величество приказал ево, посланника, спросить, что не умеет ли кто из обретающихся при нем людей по льду бегать на коньках. И посланник сказал, что имею одного такого. («Статейный список» Измайлова, л. 97 об.)

Короче, Измайлов начал в Пекине восприниматься, как «Спафарий-2». И, как следствие, ему была предложена процедура встречи с императором «на дороге». Есть три объяснения внутренней логики такого решения, все три верные.

Объяснение первое. Спафарий, напомню, сказал, что «имён звёзд не знает, Золотого гвоздя не ведает». В конфуцианстве термин «знание имён» понимается как «следование правильному порядку вещей». Так что человек, отказывающийся «знать имена», тем самым заявляет, что он плевать хотел на все мировые законы и установления. А это уже само по себе одобрить никак нельзя.

Но есть здесь и дополнительный нюанс. Хотя «Золотого гвоздя» как такового в китайской космологии нет, но у алтайцев, монголов и маньчжуров он очень даже есть. На территориях к северу от Китая так зовётся Полярная звезда («Алдын кадаг» в современном тувинском, «Алтан гадас» в монгольском и так далее). Так что вопрос императора Канси (этнического маньчжура) был вне всякого сомнения про Полярную звезду. А если мы заглянем во вторую главу книги Конфуция «Беседы и суждения», то первое, что мы там увидим, будет следующее «суждение»: «Кто управляет страной посредством добродетели, тот подобен Полярной звезде – он сам неподвижен, а всё вращается вокруг него» («Лунь юй», 2:1). То есть император Канси спрашивал не о «звезде вообще» – он спрашивал о «своей звезде».

Так что Спафарий одной фразой умудрился оскорбить сразу и Мироздание в целом, и императора лично. Всё это припомнилось впоследствии Измайлову и выразилось в предложении «аудиенции на обочине». Император пожелал показать, наконец, истинный «порядок вещей» – кто здесь реально «Сын Неба», а кто – «пыль дорожная».

Объяснение второе. Это другая сторона той же медали. Спафарий настолько выбесил в своё время императора, что даже много лет спустя русскому послу была предложена такая процедура вручения грамоты, которая полностью исключала возможность какой-либо беседы (и повторного выбешивания).

Объяснение третье. Люди думают, что они сами дают вещам имена: «Они – только имена, которыми вы сами [их] назвали» («Коран», сура 53 «Звезда», ст. 23). И

только бессмертнейшим из бессмертных открывается понимание того, что все имена даруются Небом. И вот некий «круглоглазый варвар» в своей нелепой шубе (Спафарий) озвучивает походя эту глубочайшую мысль. «Как я могу знать истинные Имена, если не был на Небе?» А потому, когда сорок четыре года спустя является Измайлов, то император, стоящий уже на пороге смерти, хочет не повторить ошибку молодости и умеряет свою гордыню. К чему все эти надуманные церемонии? Два просто путника встретятся в дороге, на мгновение пересекутся – и разойдутся навсегда, двигаясь каждый к своему Ничто. Как говорится, кто в молодости не был конфуцианцем – у того явные проблемы с головой, кто к старости не стал даосом – у того проблемы с сердцем. Но Измайлов отверг предложение.

Вот вам и все объяснения. Выберите какое нравится.

«Золотой гвоздь» Спафария, намертво вбитый в ночной небесный полог под углом, равным широте местности, не следует путать с «алмазным гвоздём» Кусикова, вбитым в рассвет «от зла дующих на узлы».

Итак, вот он весь перед нами – «золотой гвоздь» Спафария (1676), что стал причиной предложения Измайлову «дорожной аудиенции» (1720), рассказ о которой пробудил страсть Дашковой к чтению (1757), сделавшему молодую княгиню «тем, кем она стала», то есть ключевой фигурой государственного переворота (1762), приведшего на трон умную и деятельную императрицу, чьё последующее тридцатилетнее «золотое» правление, ставшее одним из самых эффективных, держится целиком на «золотом гвозде» Спафария (1676). Ну, и на его «Описании Китая», конечно.

Это то, что «Золотой гвоздь» и «Описание Китая» Спафария дали государству в целом. Но имеется их вклад в историю и более сфокусированный.

После успеха государственного переворота в июне 1762, отношения 33-летней Екатерины II и 19-летней Дашковой заметно охлаждаются. Впрочем, Дашкова тут сама виновата. По-молодости, она сгоряча предъявила Екатерине ультиматум – либо любовник-мужчина, либо она. Екатерина, подумав, выбрала «любовника-мужчину». И, для верности, срочно отозвала из длительной командировки мужа Дашковой.

Я не специалист по отношениям Дашковой и Екатерины. Могу только констатировать, что сама Дашкова упоминает как минимум о трёх случаях, когда они с Екатериной провели ночь (или часть ночи) в одной постели (издание 1995, стр. 49, 79, 83). Впрочем, внешние обстоятельства в тех случаях вроде бы не очень располагали к страсти нежной, поскольку вокруг них (и внутри них), судя по всему, бушевали страсти мощные и грубые. Это всё, что я могу по этому поводу сказать.

Муж Дашковой вскоре после её разрыва с Екатериной умирает. И Дашкова как-то очень резко остаётся ни с чем (если не считать двух детей на руках). Денег нет совсем, от мужа остались одни долги. И ей приходится ехать в глушь в деревню (уже знакомое нам «Троицкое») и с нуля поднимать там бизнес. Знала бы она, как это «Троицкое» ей в будущем пригодится. Но она не знает – и просто носится с озимыми и яровыми, чинит овины, бракует посадочный материал, считает навоз, ставит изгороди, ведёт двойную бухгалтерию и мотивирует персонал. Всё это жуть как тоскливо, но – деньги пошли. А с деньгами можно приступать к реализации детской мечты – путешествиям.

Следующий этап жизни Дашковой – путешествия. Путешественник она азартный и запойный. В два приёма (по три года каждый) она объезжает всю Европу, по мере необходимости изучая новые языки. Этот опыт обернётся потом основной частью её легендарных «Записок». А в 39 лет она возвращается. Этот пункт жизненного списка выполнен.

Следующим пунктом идёт карьера. И Дашкова её делает. Одним росчерком пера императрицы она становится директором Академии Наук. Это, конечно, не «президент Академии», но должность всё равно высокая. Она соответствовала чему-то среднему между «начальником канцелярии» и «исполнительным директором».

Со стороны может показаться, что это была просто синекура, подарок смягчившейся подруги – видевшей, к тому же, в этом полезный прецедент. Но как ни странно, Дашкова оказалась отличным исполнительным директором. Похоже, что предыдущие директора Академии не имели опыта поднимания из грязи собственных «Троицких». Дашкова быстро разобралась с финансированием и долгами, штатным расписанием и ремонтом, основными фондами и неликвидами, планами работ и отчётностью.

Как пример, уже на четвёртый месяц она изыскала средства и ликвидировала безнадёжную задолженность перед китаистом Алексеем Леонтьевым (тем самым, из библиотеки её юности, чьи переводы были переплетены её тётушкой под одной обложкой с «Описанием Китая»). Так что был, наконец, оплачен перевод Леонтьевым и издание трёхтомника «Тайцин гурунь…» (2928 руб. 99 ¼ коп.), в котором кроме свода современных китайских законов имелись ещё и разные занятные приложения – например, Приложение Б «О двойственных действиях» (т. 2, 1782, с. 301-313).

Финансовая жизнь Академии оздоровилась. А со здоровыми финансами можно уже и запускать разные проекты. Так, Дашкова учреждает журнал «Новые ежемесячные сочинения». И в первом же номере (1786, №1) она публикует своё сочинение «Записки тётушки».

По сути, это её собственные «Беседы и суждения», подборка философско-нравственных сентенций, написанных от лица якобы её тёти, к тому времени уже умершей.

Конфуций здесь просвечивает сквозь все гардины и ламбрекены. В густых ветвях текста порхают такие узнаваемые птицы, как «государственный человек», «добродетельный человек», «просвещенный и кроткий государь», чьё «кроткое правление есть удобнейшее возвысить души». Мы узнаём, что «знать имя человека» не то же самое, что быть с ним знакомым. И тому подобное.

Но если читать непредвзято, то за ширмой «мудрости» легко увидеть главное – искренние страхи и разочарования человека, так и не реализовавшегося до конца. Совет Дашковой «не унывайте в бедствиях, а в счастии надменностию не заражайтесь» обращён в первую очередь к себе самой. И он ей ещё весьма пригодится, в основном первой своей частью.

А вот и то, что одно уже являлось бы оправданием всего этого сочинения:

> Я видала, что <…> люди без принуждения трусили и робели, когда от них ни того ни другого не требовали, и что тем ничего, однако, не выигрывали. <…> И если мы не самый счастливейший народ вселенной, в том только самим себе укорять долженствуем.

Как сегодня написано.

Публикацией этого опуса (программной статьи учредителя) журнал «Новые ежемесячные сочинения» выполнил, в общем-то, своё назначение. Но его предназначение состояло в другом.

Вокруг журнала собралась любопытная компания. Иван Лепёхин (редактор), Николай Озерецковеций (редактор), Александр Воронцов (брат Дашковой, выполнял некоторые финансовые поручения по журналу), сама Дашкова. Что связывало между собой этих столь разных людей? Правильно, Архангельск.

Лепёхин, будучи в Архангельске в 1772, подтолкнул там Василия Крестинина к написанию его «Географического известия…».

Озерецковский, сопровождавший тогда Лепёхина, во всём этом участвовал – а потом, много позже, когда Лепёхин уже умер, подготовил и издал четвёртую часть его «Путешествий», включив туда и «Географическое известие…» Крестинина.

Александр Воронцов познакомился в Архангельске с Крестининым ещё в 1768, а потом, уже в период издания «Новых ежемесячных сочинений», вёл с ним деловую переписку.

А про Дашкову мы и так всё знаем. За исключением, может быть, того, что у неё была какая-то личная профессиональная симпатия к Крестинину. Это видно из её письма от 27 февраля 1790, в котором она сообщает архангельскому краеведу, что приняла единоличное решение выплатить ему гонорар за его сочинение (хотя исходно это не предполагалось) и в дальнейшем будет ходатайствовать о присвоении ему звания «почётного академика» (автоматически означавшего твёрдый оклад). И вообще, из текста письма видно, что исследования Крестинина ей любы («ваши труды столь мне приятны, что я их сама всегда в виду имею», СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 1, д. 376, л. 183).

Итак, волей случая, а точнее – волей Провидения, а ещё точнее – хотением и велением Екатерины Романовны Дашковой была сначала создана удобная площадка для публикации работы Крестинина, а потом на ней собрались люди, Крестинина знавшие и ему симпатизировавшие.

Как результат – появление в «Новых ежемесячных сочинениях» первого отечественного оригинального исследования Новой Земли – «Географического известия о Новой Земле Полунощного Края» (№ 19, 1788 и № 31, 1789). С первым на русском языке упоминанием мыса и горы Митюшёв нос (19:13 и 31:56), губы Митюшёва (31:18) и Митюшёвской пустыни (31:60).

Бросим напоследок не замутнённый подробностями взгляд на процесс в целом. Мы имеем прямую причинно-следственную цепочку, тянущуюся от Спафария: «Описание Китая» и «золотой гвоздь» – становление Дашковой «тем, кем она

стала» – выход в свет сочинения Крестинина с первым русским упоминанием четырёх М-топонимов Новой Земли.

Так что и нашей теме перепало кой-чего от Спафария.

Библиотека Пандоры

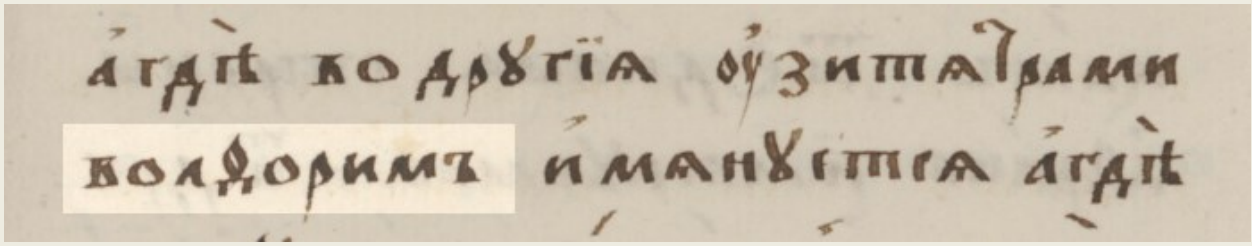
Два взгляда

Красив Стамбул, блистательная столица Блистательной Порты. Есть на что путешественнику бросить здесь свой уставший от восхищения взгляд. Айя София и Голубая мечеть, дворцы и сады, базилики и серали, леса минаретов и тенистые расщелины караван-сараев, кипящий котёл Большого базара и тихая Рыбная улица, где «Чиканук» манит чужеземцев в свои таинственные недра золотом и брильянтами под сонные звуки одинокого танбура. Но прекраснее всего здесь – Босфор.

Чуден Босфор при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит он сквозь застроенные берега полные воды свои. Быстр Босфор. День и ночь вытекает по нему Чёрное море в Белое – да никак всё не вытечет. Не зря ежегодный заплыв поперёк пролива превращается в заплыв вдоль – на шесть с лишним вёрст сносит смельчаков от пристани Канлыджа вниз по течению, прежде чем коснётся их натруженная нога каменистого европейского дна близ прежнего места Кантемир-ялы.

Особо хорош Босфор в последние дни сентября, когда наступает бархатный сезон. Золотая парча на восходе сменяется лазурным шёлком послеобеденной неги, а та – багряным бархатом предзакатных волн.

Как сказано Спафарием в «Книге избранной вкратце о девяти мусах» про Босфор, который автор тогда только что навсегда покинул – «другия узитятрами Восфорим имянуется». И что бы это ни значило, это воистину так.



[Илл. 08-06-01-1. Упоминание Спафарием пролива Босфор («Восфоримъ») в его «Книге избранной вкратце о девяти мусах», 1672. РНБ ОР Q.XVII.13, л. 57. Название пролива в данной копии написано с ошибкой («Волфоримъ»). На той же странице встречается и собственно «Босфоръ», но этим словом Спафарий называет «Босфор Киммерийский», то есть – Керченский пролив]

История наша родилась из ничего. Два незнакомых человека в один и тот же день бросили свой взгляд на одну и ту же точку Босфора.

И от этого их взгляда «ситуационное поле» искривилось – и пустило судьбы обоих по новым, ранее не предполагавшимся, траекториям.

Башня

Взгляды тех двух людей пересеклись тогда в точке, где посреди Босфора прямо из воды поднимается башня «Кыз кулеси». Тут лучше показать.

[Илл. 08-06-02-1. Алексей Боголюбов, «Константинополь», 1850-е. Частное собрание. Вид с азиатского берега Босфора на башню «Кыз кулеси», на центр города (за проливом слева) и на район Галата (за проливом справа)]

Внутри именно этой башни Джеймс Бонд (в облике Пирса Броснана) произнёс в 1999 свою знаменитую фразу «И целого мира мало». Произошло это в следующем контексте.

Бонд попался. Руки его связаны, шея сдавлена гароттой и улыбающаяся Софи Марсо понемногу затягивает удавку. Затем она садится Бонду на колени верхом, и приблизив лицо вплотную, спрашивает, знает ли он что происходит с мужчинами в процессе их удушения («You know what happens when a man is strangled?»). Имеется ввиду эрекция. Бонд лишь еле выдавливает имя своей прекрасной мучительницы (Электра), при этом его «elect…» звучит очень похоже на «erect…».

И вот в ходе этой сцены Марсо говорит, что пойди всё по другому, она могла бы дать Бонду целый мир. В ответ на что Бонд и озвучивает своё знаменитое «И целого мира мало». Тут же поясняя (для снятия пафоса), что это просто «фамильный девиз» («The world is not enough», 01:43:20).

Бонд говорит сущую правду. Из книги «На секретной службе Её Величества» (не из фильма) мы знаем, что Бонд – баронет, свой род он числит от сэра Томаса Бонда, от которого ему достался герб и девиз (почему-то на английском) «The world is not enough» (гл. 6, в конце).

Сэр Томас Бонд – реальное лицо (в честь него названа улица в Лондоне, в Вест-Энде), и это его реальный девиз (разумеется, на латыни) – «Non sufficit orbis» (геральдический справочник «The General Armory of England, etc.», 1884, с. 68). Флаги веют, немного жемчуга, сёмга на льду. Как-то так. Ранним утром в середине июня.

А вообще-то, данная фраза идёт от Ювенала (Сатира 10), который использует её для иллюстрации тщеты человеческих амбиций. Александру Македонскому («юноше из Пеллы») целого мира было мало («non sufficit orbis», 168), а по факту хватило объёма одного гроба («sarcophago contentus erit», 172).

А то, что Ювенал взял эту фразу у Лукана («Фарсалия», 5:356, 10:456) – об этом мы говорить сейчас не будем.

Ибо в башне «Кыз кулеси» для «агента 007» именно по Ювеналу тогда всё чуть было не закончилось гробом. Но, по счастью, ему и на этот раз удалось ускользнуть, а заодно и спасти мир.

Следует сказать, что Бонд тогда не впервые столкнулся с башней «Кыз кулеси». В 1963 он уже любовался ею (ещё в облике Шона Коннери) с борта водного трамвайчика, проплывая в приятной компании по Босфору рядом с башней. Знал бы он, что произойдёт с ним в этой башне тридцать шесть лет спустя. А пока это для него просто «замечательный вид», «lovely view», на который он галантно обращает внимание своей спутницы («Из России с любовью», 1963).

[Илл. 08-06-03-1. Джеймс Бонд и его спутница любуются башней «Кыз кулеси». «Из России с любовью», 00:52:04, 1963]

Вот вам яркий пример утрированно законспирированной (и тщательно кадрированной) техники съёмки. Если вы подумали, что это было что-то типа «Как я вылетел с винзавода», то вы подумали правильно.

Кстати, спутницу Бонда звали Татьяна Романова. И была она работником русской дипломатической миссии в Стамбуле.

Дипломат

Из тех двух людей, что в начале нашей истории бросили свой взгляд на башню «Кыз кулеси» – один из них как раз и был сотрудником русской дипломатической миссии. Он являлся главой прибывшего сюда из Москвы посольства, и звали его Дмитрий Голицын. Визуальный его контакт с башней произошёл 28 сентября (по нов. ст.) 1701.

Собственно, посольство Голицына прибыло не в Стамбул, а в город Эдирне (в двухстах пятидесяти километрах к северо-западу), где находился тогда султанский двор. И на тот момент (конец сентября 1701) миссия посольства уже закончилась и оно из Эдирне отправилось прямиком восвояси. Но Голицын выпросил у турецких властей лично для себя разрешение посетить Стамбул. Негласно, потихому, всего на две недельки. И вот он здесь.

Вообще, у Голицына большие проблемы. Он – глава посольства, важная шишка. Это хорошо. Всё остальное – плохо.

Главная его проблема – экзистенциальная, то есть нерешаемая. Его возраст ушёл. Ему 36, а нельзя быть старше царя. Особенно – такого царя. Всю жизнь Голицын что-то делал, как-то служил, но так ни до чего не дослужился. И вот оглянуться не успел, как уже пора уходить. Сейчас ценятся молодые, 20-22.

И вот тут ему выпал последний шанс запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда – его послали к туркам аж целым послом. Никогда ничем подобным он не занимался, просто судьба улыбнулась. Так вот – эту свою миссию он провалил. Велено было, выполнив некие формальности, заключить затем договор о торговле по Чёрному морю. В результате – ни торговли, ни Чёрного моря. Так что для него теперь уже точно всё кончено.

Что делать дальше – непонятно. Нужно всё обдумать. Решение должно быть нестандартным.

И вот он организует себе крюк в Стамбул – город не только «контрастов», но и город нестандартных, творческих решений. Ведь исторически Константинополь это – «город Муз».

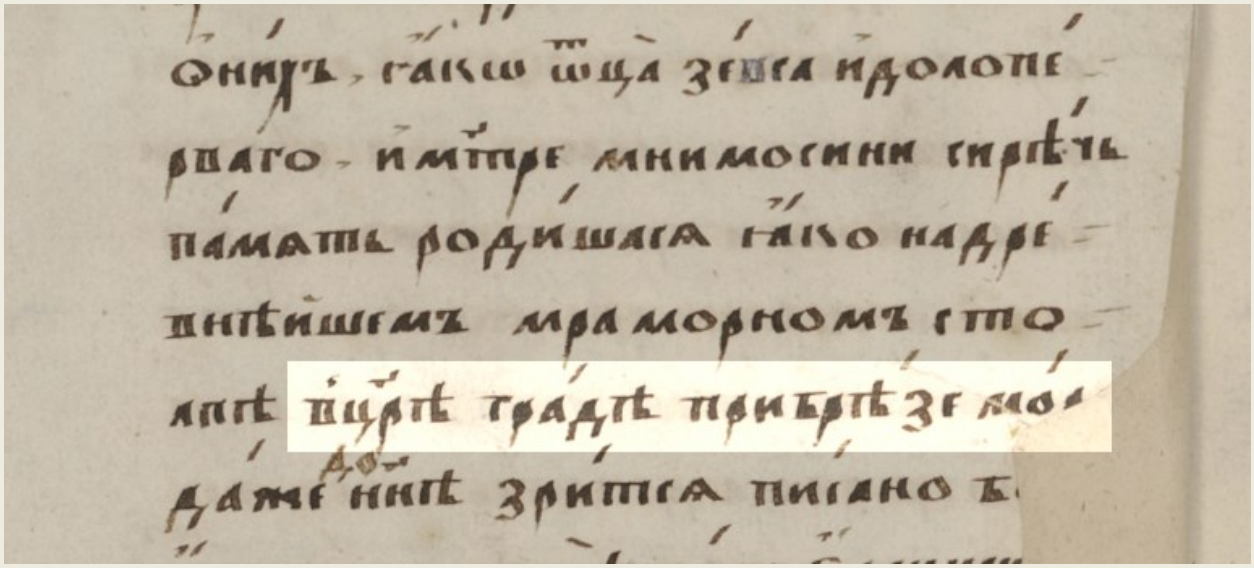
Константин Великий, перенеся на Босфор столицу из Рима, распорядился перевезти сюда из священной Долины Муз, что под горой Геликон, все без исключения статуи этих богинь, олицетворяющих искусства. Ибо город, названный Новым Римом, призван был стать главным центром искусств.

А шесть столетий спустя именно здесь и именно Музы (конкретно Полигимния и Евтерпа – Музы пафосных сценических постановок, торжественного пения и вообще музыки) определили выбор конкретного варианта вероисповедания для Руси, оказав неотразимое эстетическое воздействие на прибывшую с севера делегацию («Повесть временных лет», запись за 987 год).

А ещё, согласно Спафарию, именно здесь, на берегу Босфора, находится камень, удостоверяющий само происхождение Муз.

Пишет же о них, яко от отца Зевса, идола перваго, и матере Мнимосини, сиречь памяти родишася, яко на древнейшем мраморном столпе в Цареграде при брезе моря даже и доныне зрится. Писано бо есть на столпе сице еллинским древним писмом стих един: «Сия память Зевсовы жены, яже роди мусы».

(Спафарий, «Книга избранная вкратце о девяти мусах», гл. 1)



[Илл. 08-06-04-1. Упоминание Спафарием колонны «в Царьграде при брезе моря», надпись на которой сообщает о происхождении «Муз» от Зевса и Мнемосины. «Книга избранная вкратце о девяти мусах», 1672. РНБ ОР, Q.XVII.13, л. 09 об.]

Итак, в «городе Муз» Голицын рассчитывает поймать вдохновение и придумать, что ему делать дальше.

Но плохие предчувствия подкрепляются в Стамбуле плохими предзнаменованиями. Это как Эдип, который отправился в Дельфы всего лишь прояснить некие лёгкие сомнения – а в результате добился того, что тут-то всё и стало по-настоящему плохо.

Голицына поселяют рядом с воротами «Кумкапы», «Песочными воротами». Намёк более чем прозрачный. Голицын и без этого чувствует, что всё то, что он кропотливо выстраивал всю жизнь, оказалось «замком из песка», который вот-вот рассыпется в прах.

И вот с такими настроениями 28 сентября он отправляется на экскурсию по городу – «смотреть домов салтанских и садов» («Статейный список» Голицына, л. 127 об.). И оттуда ему открывается Босфорская ширь с возвышающейся из воды башней «Кыз кулеси».

А почему эта башня называется «Кыз» («Девичья»)? А потому, что в ней некогда сбылось трагическое пророчество. Султанской дочке было предсказано, что в день восемнадцатилетия она умрёт от укуса змеи. А потому отец загодя переселил дочку в башню посреди пролива, где змей нет и им неоткуда там взяться. Но змея всё равно нашлась (в привезённых продуктах) и пророчество таким образом

сбылось. Так что Судьбу, о которой было известно заранее, отвратить не удалось никакими средствами.

Всё это очень напоминает историю с Вещим Олегом (то бишь норвежцем-конкистадором Helgi, ещё не известно на каком языке говорившим). Олег получил предсказание, что умрёт от своего коня – и так всё и вышло, несмотря ни на какие упреждающие действия. И так же, как и у султанской дочки, инструментом судьбы выступила у него змея.

Сходство между этими историями имеется не только в самом сценарии, но даже и в конкретных декорациях. Олег, также как сейчас и Голицын, видел самолично и Босфор, и башню «Кыз кулеси» (по крайней мере – скальное основание, на котором она стоит), совершая свой буйный набег на Константинополь в 907. По версии «Повести временных лет», он поставил тогда на берегу пролива свои ладьи на колёса и ехал на них под парусами по суше, приводя в ужас местных жителей. Что подозрительно перекликается со словами Мартино Мартини в его «Атласе Китая» (в русской версии ставшим «Описанием Китая» Спафария), где Мартини рассказывает о пекинских рикшах, у которых огромные повозки ездят «без лошадей».

> ***
> Hinc sorte natæ fabulæ , à ventis ibi agitari currus, Sinas que illos velis per terram dirigere, ut naves in mari.
>
> (Отсюда и возникла легенда, что в Китае двигаемые ветром повозки ездят по суше, как корабли по морю)
>
> (Martini, «Nuovo Atlas Sinensis», 1655, с. 28)
>
> ***
> Чаятельно, что из того произошли басни таковые, и написали в Китае, как бы парусом на телегах бегают, как на судах по морю.
>
> (Спафарий, «Описание Китая», 1677, гл. 21)

Вещий Олег заключил тогда здесь, в Константинополе, договор. И как только этот договор был им подтверждён (в 911) – сразу же после этого пророчество относительно него и исполнилось (в 912, змея).

Так вот – Голицын точно также подтвердил только что Договор «с Константинополем» (это и была формальная часть его миссии), заключённый послом Емельяном Украинцевым за год до этого (1700). И вообще, разных «договоров» крутится вокруг Голицына сейчас много. Он везёт домой тексты целой пачки Договоров (между Турцией, Венецией, Англией, Францией и Веной) зачем-то принесённых ему на блюдечке неизвестно откуда взявшимся доброхотом, неким Савой Владиславичем из Рагуз (РГАДА, ф. 89, оп. 1, 1701 г., д. 3). Короче, сплошные «договоры».

Итого, что-то слишком много получается у Голицына перекличек с Вещим Олегом. Уж не ждёт ли его в Москве его собственная «змея»?

Действительно, как-то уж всё одно к одному. Выделенный Голицыну в Стамбуле дом оказывается домом покойника – Великого визиря Мустафы Паши. Который по указанию своего повелителя какое-то время (как и Голицын) провёл за границей, а

когда вернулся (что Голицыну сейчас как раз предстоит) – так вскоре и отправился прямиком на ту сторону Стикса.

И те же «Песочные ворота». Возможно, это даже не столько символ тщеты его, Голицына, жизненных усилий – сколько открывшийся для него «портал Времени», что-то вроде отверстия «песочных часов», в котором настоящее на глазах превращается в абсолютное прошлое и через которое прямо вот сейчас тонкой струйкой утекают последние крупицы отмеренной ему, Голицыну, жизни.

В результате всех этих наложений, предчувствие краха карьеры преобразуется у Голицына в предчувствие скорой смерти. Это ощущение римляне называли «omen fati» – ощущение человека, получившего чёрную метку Судьбы.

А Судьба – она ведь неотвратима. Что у царя-Эдипа, что у Вещего Олега. Даже заранее зная назначенный результат игры, и делая упреждающие ходы, ни тому, ни другому изменить результат не удалось. Судьбу переиграть нельзя.

Таким вот образом башня «Кыз кулеси» раскрыла Голицыну глаза на суть его проблемы. Это – злой рок, а не какие-то конкретные его ошибки.

Но та же башня подсказала Голицыну и направление действий по разрешению ситуации.

Башня возвышается прямо посреди потока, текущего по Босфору. И этот «поток» приносит нас прямиком к Гераклиту. Ведь у Гераклита – всё «поток» (в который нельзя ступить дважды), ведь именно у него «всё течёт, всё изменяется».

А Гераклит, в отличие от многих, имеет чёткое понимание иерархии в самом институте Судьбы и Рока. И знание работающих там механизмов.

Простой вопрос: кто именно назначает тебе Судьбу? Олимпийские боги? Или – Мойры? А эти Мойры – выше они богов или ниже? И зависят ли они как-то от богов, которые и свою-то судьбу толком не могут узнать, не то что её изменить?

Вопросов много. И Гераклит (к которому рано или поздно стекается всё) даёт на них исчерпывающий ответ. Всем, в том числе и Судьбой, управляет Логос. Который выше Мойр, и уж тем более выше богов. Логос – это общая логика мирового развития.

Так что Мойры всего лишь озвучивают твой приговор, а боги всего лишь приводят его в исполнение. Выносится он в другом месте.

Каждому отдельному человеку назначенная ему Судьба кажется случайной, бессмысленной и несправедливой. Но это лишь потому, что он не видит общую картину и не знает общего плана.

Молодая комсомолка отрезает Берлиозу голову вовсе не потому, что кто-то где-то разлил подсолнечное масло – а потому, что высшим силам нужна на этот вечер его квартира. Достичь своей цели Судьба могла, в принципе, множеством разных способов, и этот – лишь один из возможных. К слову, решение вопроса могло быть и более энергетически экономным – например в виде срочной служебной командировки Берлиоза в Саранск.

При таком порядке вещей теоретически появляется возможность в какой-то момент перескочить на другие рельсы. Будущий разработчик «нейропроцессора» Майлз Дайсон должен быть убит на благо всему человечеству, пока его разработка не принесла много горя («Терминатор-2»). А так-то он – хороший человек, примерный семьянин. Так вот, если бы он вдруг сделался человеком похуже, слетел с катушек и ушёл в «дауншифтинг», бросив к чёрту и работу, и виллу, и ипотеку, и стал бы самодеятельным художником-абстракционистом – то мирозданию (в лице Сары Коннор) стало бы уже незачем его убивать. Мироздание всего лишь идёт к своей цели, а лично до тебя ему и дела нет (в данном случае это хорошо).

Так что, возможно, Вещему Олегу змея была подослана просто потому, что мироздание посчитало, что пора уже вводить в дело следующего игрока (князя Игоря) – и даже не из-за него самого, а из-за его жены – княгини Ольги, которая… и так далее.

Итак, Судьбу (Ананке, Мойр) переиграть нельзя – но можно попробовать затеять другую игру с другим предначертанным исходом.

И какая же это, применительно к Голицыну, могла быть «другая игра»? Подсказку здесь дают надписи на колоннах и фризах Дельфийского оракула, так называемые «Дельфийские максимы». Сам Дельфийский храм был ко времени Голицына давно разрушен, но надписи были скопированы и сохранились – в частности, благодаря Стобию («Anthologii», кн. 3, гл. 1, п. 173). И эти надписи дали Голицыну две установки.

А. Ему надо выбрать такую линию поведения, которая сообразовывалась бы с его ограниченными возможностями («Знай свои возможности» (10), «Ко всему приспосабливайся» (43), «Молись о возможном» (52), «Работай над достижимым» (79), «Используй, что имеешь» (85)).

Б. Старость, как имидж, можно выгодно «продавать» («Прими старость» (113), «Учись быть в старости мудрым советником» (146)).

Если сложить А и Б, то получится следующее. У Голицына есть шанс сойти с предписанной ему траектории Судьбы, сулящей плохой исход. Для этого нужно использовать надвигающуюся старость, как козырь. В соответствии с этим и надо сменить свой курс.

А Голицын – он не просто мастер «смены курса», он в этом деле реально дипломированный специалист. Совсем недавно он провёл полтора года в Венеции и Далмации, обучаясь там, наравне с молодыми курсантами, морскому делу. И получил в конце от «капитана Марко Мартиновича» официальный сертификат, удостоверяющий что он по полной программе обучен «компасу», «направлениям ветров» и «галсам».

И вот сейчас ему всего-то и нужно, что заложить следующий «галс» с учётом «сменившихся ветров». А именно – парадигму «силы» заменить парадигмой «ума». От образа «Геракла» плавно сместиться к образу «Одиссея», от «Терминатора» – к «Ришелье». Ему теперь нужен имидж не «Всё пробивающей силы» (которой, увы, у него нет) – а умного, хитрого, расчётливого, всё предвидящего, многомудрого советника.

Как осуществить такой переход практически? Лучше всего имидж «мудреца» создаёт такой аксессуар, как солидная личная библиотека, наполненная непонятными профанам фолиантами. Яркий пример этому – вот он, перед глазами. Здесь, в Стамбуле.

Здесь, в Стамбуле, у Голицына имелся куратор, назначенный ему Москвой. Да, де-юре Голицын возглавлял миссию. Но, согласно данным ему инструкциям, он обязан был согласовывать свои действия с проживающим здесь патриархом иерусалимским Досифеем.

Патриарх Досифей – персонаж весьма колоритный. В должность он вступал молодым (в 27), прожил долго, так что его патриаршество длилось целых 39 лет. И за эти годы он успел хорошо запомниться и в Стамбуле, и в Молдавии, и в Москве.

В Стамбуле он жил. При том, что в Иерусалиме, наоборот, почти не бывал. Таким образом, в Стамбуле обреталось тогда целых два патриарха – константинопольский и иерусалимский. Понятно, что они друг друга, мягко говоря, терпеть не могли. Но Стамбул – это такое место, где решаются вопросы, и тут нужно быть.

А в Молдавии у Досифея было кормление. Основные владения патриархата, обеспечивавшие львиную долю всех его доходов, находились именно в Молдавии. А потому Молдавия интересовала Досифея весьма и весьма. Например, когда в 1693 скончался молдавский господарь, Досифей тут же прибыл в Яссы, чтобы самолично ввести в должность его младшего сына (который, правда, продержался на этом посту всего двадцать дней, после чего из султанской администрации пришло распоряжение заменить его другим кандидатом, а наш вчерашний господарь должен был срочно ретироваться в Стамбул на постоянное место жительства).

С Москвой у Досифея всё было даже ещё интересней. Для начала давайте вспомним, что Иерусалимский патриархат – одна из самых авторитетных ортодоксальных церквей, четвёртая по общему рейтингу. Но ведь Константинопольский-то патриархат – он вообще первый. И Досифей, судя по всему, рассматривал Россию, как инструмент (и ресурс) в борьбе с константинопольским конкурентом за превосходство.

Связи Досифея с Москвой были разветвлёнными и многоуровневыми. Он выдавал царю Алексею Михайловичу (!) разрешение (!) на повторный брак, в результате которого родился будущий Пётр I. Он пытался рулить в вопросе – кому и как в Москве быть патриархом. Он прислал в Москву первых двух «учёных мужей» (братьев-Лихудов), ставших первыми профессорами в первом здесь учебном заведении (Славяно-греко-латинской академии). Потом, когда братья ему чем-то разонравились, он интриговал за их смещение и высылку. Досифей пытался запустить в Москве производство по изготовлению нужных ему греческих книг, и даже присылал сюда греческие наборные шрифты. И так далее, и тому подобное.

Напомню, что именно Досифей направил в своё время в Москву Спафария (в 1671), полагая, что тот станет здесь инструментом его влияния. Оправдал ли Спафарий эти высокие ожидания Досифея, не берусь сказать. Но в любом случае переписка между ними была весьма оживлённой – и до 1701, и после.

Как только русские послы начали регулярно появляться в Стамбуле (с 1699), они сразу попали в плотную зону внимания Досифея. Не стал исключением и Голицын. Всё время своего пребывания в Блистательной Порте он находился с Досифеем в теснейшем контакте.

Такие исключительные полномочия, неформально данные Досифею Москвой, объяснялись приобретённой им репутацией многомудрого политика. А на репутацию эту работали многие вещи, в том числе и чисто внешние.

Голицын контактировал с Досифеем и в Эдирне, и с Стамбуле. В его «Статейном списке» их стамбульские контакты подробно не описаны, но мы можем представить как они выглядели по «Статейному списку» предыдущего посла, Украинцева.

В ходе первой встречи Украинцева с Досифеем (29 октября 1699), сразу после формальной части хозяин повёл русского посла прямиком в свою библиотеку. И он знал, что делал. Библиотека произвела на гостя неизгладимое впечатление. Русский посол не преминул благоговейно описать это средоточие мудрости в своём отчёте.

> Потом святейший патриарх говорил, что де он, будучи здесь [в Стамбуле], имеет духовное утешение в непрестанном чтении книжном, и указывал на книги, вновь купленные кроники древние греческие, а печатана во Франции греческим и латинским языком. <...>
>
> Потом святейший патриарх звал посланников в другую палату и оказывал книги древние исторические, греческие и латинские, которых в ящиках больше тысячи книг.
>
> (РГАДА, ф. 89, оп. 1, кн. 27, л. 204-204 об.)

К слову, в этих «ящиках» лежал, в числе прочего, и рукописный перевод на греческий язык «Путевого дневника» Спафария по его путешествию в Китай (Каталог библиотеки Иерусалимского патриархата, 1899 (1963), т. 4, № 176). Перевод этот организовал в 1693 по заказу Досифея его племянник, ездивший в Москву по делам.

И окончательно Досифей добил своего московского гостя заготовленной коронной фразой, как бы походя бросив замечание о том, что у него «книги – вместо вотчин».

> И говорил [Досифей], что у него те книги вместо вотчин, которые имеют в Московском государстве святейший патриарх, и митрополиты, и монастыри.
>
> (Там же)

Похоже, что русский посол не уловил содержавшегося в этой фразе сарказма (типа: «чем передавать приветы и учить жизни, лучше бы денег подкинули»). Но это всё равно сработало.

Итак, книги (при умелом использовании) могут заменить собой вотчины. А библиотека (конкретно – её демонстрация партнёрам по бизнесу) является мощным манипуляционным ресурсом. И этот ресурс отлично работает. Доказано Досифеем.

И Голицын этот урок – усвоил. Сразу по возвращении в Москву (где его ждала не только «змея», но и трёхлетняя дочь Анастасия) он плотно занялся решением вопроса – демонстративным, на публику, собиранием собственной библиотеки.

И – не знаю как, но у него – получилось. Намечавшаяся было «змея» как-то дезактивировалась, а потом и вообще рассосалась. Злая Судьба оставила Голицына в покое (до следующего раза).

При этом – что показательно – судьба Вещего Олега в целом Голицына не миновала. Но судьба эта реализовалась как-бы в другой плоскости, не трагической. Вещий Олег по факту был предводителем отряда скандинавских конкистадоров, захвативших сначала Смоленск, а потом и Киев («И прия городъ Смоленскъ и посади в нем мужь свой», «И придоста къ горамъ киевьскымъ», «И сѣде Олегъ, княжа в Киевѣ», ПВЛ, год 882). Так вот, у Голицына по этим позициям всё повторилось в точности. Прямо перед его отправкой в Стамбул ему был присвоен титул «воеводы Смоленского», а вскоре по возвращении из Стамбула он стал (и надолго) «воеводой Киевским».

В Киеве активность Голицына по собиранию библиотеки (и заказу для неё копий редких рукописей) получит новый импульс. Символически важным моментом станет заказ им копии «Повести временных лет» – из которой мы, собственно, и знаем про Вещего Олега, про его завоевание Киева, про его налёт на Константинополь, про его ладьи на колёсах под парусами – а также про его «змею». Этот «голицынский список» летописи (после прохождения через многие руки называемый сейчас «Ермолаевским списком Хлебниковского извода Ипатьевской летописи», 1710, РНБ ОР, F.IV.231) сам станет бесценным, поскольку оригинал, с которого он копировался, бесследно исчезнет.

Краткое содержание эпизода «Дипломат». Русский посол в Оттоманской империи Дмитрий Голицын имел большие личные проблемы. Для их обдумывания он приехал в Стамбул, «город Муз». Здесь башня «Кыз кулеси» навела его на мысль (посредством связанной с ней легенды) о проклятии Судьбы и неотвратимости этого проклятия – как это было у «султанской дочки», Вещего Олега и царя Эдипа, отправившегося за предсказанием в Дельфы. Другой атрибут башни (поток, посреди которого она стояла) привёл Голицына к обнадёживающим соображениям. Хотя траекторию Судьбы изменить нельзя, но в некоторые моменты можно пытаться перескочить на другую траекторию, более благоприятную. Эту «другую траекторию» подсказали древние изречения из Дельф, которыми царь Эдип в своё время пренебрёг. А конкретный способ «перехода» открыла ему библиотека Досифея. Голицын попробовал – и у него получилось. Приговор Судьбы был пересмотрен.

Музыкант

Вторым человеком, бросившим 28 сентября 1701 свой взгляд на башню «Кыз кулеси», был постоянно проживающий в Стамбуле турецкоподданный молдавского происхождения Дмитрий Кантемир, 27.

Кстати, это был тот самый неудавшийся «двадцатидневный» господарь Молдавии, которого в 1693 патриарх Досифей возводил в Яссах в должность, и который тогда после скорого своего смещения ретировался в Стамбул. С тех пор он здесь и проживал – в разных статусах, но без особой должности. А в империях без должности – никак.

Один раз попробовал было Кантемир внести свою скромную лепту в войну с «неверными», но момент был выбран крайне неудачным. Первым же сражением, в котором он принял участие, стала «битва при Зенте» (1697), закончившаяся для турок просто катастрофическим разгромом. В том сражении войска принца Евгения Савойского всего за несколько часов уничтожили 97% личного состава всей турецкой армии. Кантемир тогда чудом оказался в числе выживших 3%, но больше в турецких военных забавах он уже не участвовал.

И вот он смотрит на башню посреди Босфора. Правда, знает он эту башню под несколько иным названием, нежели Голицын. Для него это не «Девичья башня», а – «Башня Девственниц». Мы можем говорить об этом достаточно уверенно, поскольку Кантемир оставил нам карту Стамбула собственного изготовления, и на ней эта башня обозначена им именно так – «Virgins Tower».

[Илл. 08-06-05-1. Фрагмент карты Константинополя, составленной Дмитрием Кантемиром около 1700. Карта помещена в его книге «История Оттоманской империи» (London, 1734, издатель Nicolas Tindal) в виде ненумерованной вкладки в самом начале книги, перед титульным листом. В «легенде» к карте объект № 131 описан как (две буквы на иллюстрации замяты складкой) «[K]issculay, formerly Damali[s,] the Virgins Tower». Здесь «Kisskulay» – это «Кыз куле(си)», а «Damalis» – одно из исторических названий посёлка на азиатском берегу пролива прямо напротив башни (другие его названия – Chrysopolis, Uskudar и др.). На этой же карте Кантемир обозначил и место своего проживания в Стамбуле (под № 101, на самом берегу), и даже приложил рисунок своего дома]

Раз уж мы коснулись изображений, отмечу попутно, что в описываемый период эта башня выглядела не совсем такой, какой мы видели её у Бонда. Башня часто горела и разрушалась землетрясениями. Так что глазу Кантемира (и Голицына) она предстала скорее такой, какой изображена на картинке выше. Для общего развития я составил небольшой справочник по эволюции внешнего вида башни.

1422

1520

1537

1554

1572

ок. 1700

[Илл. 08-06-06-1. Так выглядела башня «Кыз кулеси», возвышающаяся посреди пролива Босфор, в исторической динамике. «1422» – карта флорентийца Кристофа Буономонти, единственная карта Константинополя до его османского завоевания; известна в составе книги «Liber insularum Archipelagi» (сохранившейся во многих позднейших списках). «1520» – чёрно-белая гравюра венецианца Джованни Вавассоре, датировка условная. «1537» – миниатюра Стамбула и Галаты работы османского учёного и солдата Матракчи Насуха. «1554» – карта Стамбула османского адмирала Пири Рейса в составе его «Книги мореплавания», «Китаб-и-Бахрие» (Walters Art Museum, Baltimore, W.658, fol. 370b). «1572» – карта Константинополя «с птичьего полёта» в составе печатного нидерландско-немецкого атласа «Civitates orbis terrarum» Георга Брауна (т. 1, л. 51 об. – 52). «1700» – карта Константинополя работы Дмитрия Кантемира; в составе его «Истории Оттоманской империи» (первое издание ,1734, Лондон)]

Изображение «1537» взято мной с карты Стамбула работы Матракчи Насуха, невероятно красивой самой по себе. Посмотрите, какие цветущие сады персиков, гранатов и миндаля он изобразил вокруг района Галата, находящегося на другом берегу (относительно центра) залива Золотой Рог. Наша башня («Кыз кулеси») видна справа внизу (повёрнута).

[Илл. 08-06-07-1. Район Галата на миниатюре «Стамбул и Галата» Матракчи Насуха, 1537. Фрагмент. В составе книги миниатюр «Menazilname» (Библиотека Стамбульского Университета, № T. 5964, л. 8b-9a). Широкий горизонтальный залив – это Золотой Рог. Босфор (более узкий) идёт вертикально, вдоль правого обреза карты. Башня «Кыз кулеси» – справа внизу, на стыке Золотого Рога и Босфора]

Итак, Кантемир видит возвышающуюся из воды «Virgins Tower». А в греко-римской традиции слово «Девственницы» (во множественном числе и без уточнения) отсылает прямиком к богиням, олицетворяющим искусства – к «Музам». Как сочетается девственность Муз с фактом, что у некоторых из них есть дети (например, Орфей) – даже не спрашивайте. Поскольку вопрос важный, подкреплю данное представление о Музах мнениями авторитетов.

Диодор Сицилийский:

> Большинство придерживается мнения, что девственницами они [Музы] являются потому, что связанные с искусствами добродетели считаются непорочными.
>
> Παρθένους δ’ αὐτὰς οἱ πλεῖστοι [γεγονέναι] μυθολογοῦσι διὰ τὸ τὰς κατὰ τὴν παιδείαν ἀρετὰς ἀφθόρους δοκεῖν

(«Библиотека истории», т. 4, фрагм. 7, абзац 3)

Проперций:

Здесь ты увидишь, как на скалах показываются Девять сестёр <…>
Но едва ли ты смутишь стыдливость этих Девственниц

Illic aspicies scopulis haerere Sorores <…>
Nec tu Virginibus reverentia moveris ora

(Sextus Aurelius Propertius, «Элегии», кн. 2, элегия 30, с. 27, 33)

Катулл:

Я оторван, Ортал, от учёных Девственниц,
и душа моя не может отдаться сладким плодам Муз.

Sevocat a doctis, Ortale, virginibus,
nec potis est dulcis Musarum expromere fetus

(Книга Катулла Веронского, №65, Гортензию Горталу)

Овидий:

***
Геликон – приют Девственниц, а гора Хемус – ещё нет.

Virgineusque Helicon et nondum Oeagrius Haemas

(«Метаморфозы», кн. 2, с. 219)

***
Самым коротким путём через море отправились Фивы
к Геликону, обители Девственниц.

Quaque super pontum via visa brevissima, Thebas
virgineumque Helicona petit.

(Там же, кн. 5, с. 253-254)

Данте:

Сонм священных Девственниц, вам во славу <…>
Пусть для меня прольется Геликон.

O sacrosante Vergini, se fami <…>
Or convien che Elicona per me versi

(«Божественная комедия», Чистилище, Песня 29, с. 39, 42)

А вот и самые актуальные на тот момент представления, второй половины XVII века. Причём как у христиан-католиков, так и у ортодоксов.

Мартино Мартини:

> Почти ни одна гора не заслуживает здесь [в среднем течении Янцзы] упоминания, кроме той, которую называют Кьюшин, то есть «Девять Девственниц»: ибо пишут, что Девять сестер сохранили на ней свою вечную девственность и были преданы алхимии. Можем ли мы полагать, что это и были китайские «Музы»?
>
> Nullus fere memoratu dignus mons occurit, praeter eum, quem Kieuchin vocant, hoc est, novem virginum: namque in eo sorores novem virginitaten perpetuam servasse, & Alchimiae deditas fuisse scribunt, credemusne has fuisse Sinarum Musas?
>
> («Novus Atlas Sinensis», 1655, с. 75)

Спафарий:

> Тут же [в среднем течении реки Янцзы] есть <…> гора, которая именуется «Кеухин». Се есть «Девицы», потому что пишут, что 9 сёстр-девиц на той горе не токмо девство хранили, но и алхиминскому учению училися. Именно те будет греческие 9 Музы.
>
> («Описание Китая», 1677, гл. 36)

Итак, для Кантемира башня «Кыз кулеси» – это «Башня Муз». Что в его конкретном случае принципиально. Ибо на текущий момент он сам – служитель Муз. Причём буквально – он практически профессиональный музыкант.

Кантемир слывёт в Стамбуле виртуозом игры на «танбуре», он музицирует на дворцовых увеселениях, занимается теорией музыки и сам сочиняет мелодии, которые впоследствии станут «классическими турецкими». Любопытно, что когда лет через 50-70 в Европе войдут в моду восточные мотивы, то знаменитые европейские композиторы (такие как Моцарт и Глюк) станут использовать для создания «турецкого» колорита музыкальные темы именно Кантемира. В частности, утверждается, что кантемировская «Песня дервишей из Перы» якобы отчётливо проступает в опере Глюка «Пилигримы из Мекки», а также в зингшпиле Моцарта «Похищение из сераля». Моих музыкальных способностей не хватает, чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, но его я встречал у нескольких историков музыки.

Ещё раз. Кантемир – беззаветный служитель Муз, и на этот факт ему сейчас ещё раз указывает попавшаяся на глаза башня. А факт этот, с учётом других обстоятельств, прискорбный.

На данную тему можно говорить долго, но лучше Ювенала всё равно не скажешь. В своей 7-й Сатире он детально, со всех позиций и с большим знанием предмета рассмотрел вопрос о судьбе, ожидающий всех тех, кто решил подвизаться на ниве искусства.

Судьба эта жалкая. Для родителей невесты нет новости хуже чем та, что их будущий зять оказался музыкантом, художником или поэтом. Дантист, финансист, программист, гебраист, лейборист – всё что угодно, пусть даже слесарь-станочник, но только не это. Потому что родители знают, они Ювенала читали.

Искусство – это не профессия, это – вредная привычка, от которой к тому же невозможно избавиться, род наркозависимости.

> Мы как в петле привычки к тщеславному делу; свободы
> Нам не дано, зараза писать не у всех излечима.
>
> <…> laqueo tenet ambitiosi
> consuetudo mali, tenet insanabile multos
>
> (Ювенал, Сатира 7, с. 50-51)

Не хочу лишне нагнетать, поэтому сведу все тезисы Ювенала к трём пунктам, касающимся ситуации конкретно Кантемира. Вот они. 1. «Музами свою семью не прокормишь». 2. «Кроме как от Цезаря, дотаций на занятие искусством ожидать вообще неоткуда» («Et spes et ratio studiorum in Caesare tantum», 1). 3. А годы уходят («sed defluit aetas», 32).

У Кантемира сейчас именно эта ситуация, прямо по-писанному. Он только что завёл семью (первому ребёнку, дочке Марии, исполнился год). И он только что лишился официального статуса. Ещё год назад его старший брат являлся господарём Молдавии и Дмитрий был в Стамбуле каким-никаким официальным лицом. Теперь же брат потерял своё место и Дмитрий стал здесь фактически никем (с соответствующим финансированием). А ему уже под тридцать.

И хотя у Кантемира ситуация может быть и не такая острая, как у Голицына, но большие проблемы назревают у него стремительно. Пока не поздно, надо искать варианты. На это прозрачно намекает ему «Башня Муз».

Но она же, как и в случае с Голицыным, подкидывает Кантемиру решение. Башня находится прямо посреди пролива, в «серой зоне», между Европой и Азией. И решение для Кантемира следует искать в стране, расположенной между Европой и Азией, чей посол (Голицын) как раз сейчас находится в Стамбуле. И посол этот представляет царя («Цезаря»), который имеет репутацию (уж не знаю справедливую ли) «покровителя искусств» (понимаемых широко). Так что вот оно, решение.

Конечно, Голицын не первый здесь русский посол, и даже не самый заметный. Год назад, когда здесь находился Емельян Украинцев, шуму вокруг этого было гораздо больше. Чего только стоила непрерывная пьяная пальба изо всех пушек, затевавшаяся каждую ночь капитаном посольского корабля. Но тогда Кантемира в Стамбуле не было, и он всего этого безобразия не видел. А теперь – вот он здесь.

Короче, надо срочно выходить на Голицына. Тем более, что тот уже общался здесь с конкурентами Кантемира – представителями княжества Валахия. А что насчёт посредника – так его Кантемиру даже и искать не надо, это всё тот же вездесущий Досифей.

Ирония данного эпизода заключается в том, что несмотря на все возможности и всю желательность встречи Кантемира с Голицыным – этой встречи, судя по всему, не было. А 11 октября 1701 Голицын из Стамбула отбыл.

Но, как известно, упущенная возможность обостряет желание. И когда через год в Стамбуле появился новый посол (Пётр Толстой, 1702) – Кантемир накинулся на него со всем жаром «догоняющего свою судьбу» (см. «Прошение Кантемира к Петру I» от сентября 1721).

И жизнь его с этого момента потекла совершенно по новой траектории. Но новой, его собственной, «брахистохроне».

Краткое содержание эпизода «Музыкант». У молдавского боярина и музыканта Дмитрия Кантемира, постоянно проживающего в Стамбуле, намечаются проблемы. Башня «Кыз кулеси» (которая для него – «Башня Муз») конкретизирует их. Корень его проблем – в занятии искусством. А искусством семью не прокормить. Кантемир понимает, что нужно искать варианты. Другой атрибут башни (её расположение между Европой и Азией) подсказывает направление поисков. Нужно войти в контакт с находящимся здесь послом страны, расположенной «между Европой и Азией» (то есть Голицыным). Кантемир последовал этой линии – и у него со временем всё получилось.

Воронка

За простым и формально верным тезисом о том, что «Стамбул – город Муз», за этим как-то затерялся тот факт, что Стамбул – это не столько «Рай для Муз», сколько «Чёрная дыра для Муз». Все те статуи богинь, что Константин Великий свёз некогда со склонов Геликона в новую столицу – все они бесследно здесь исчезли. Как и статуя Аполлона, как и статуя Зевса работы Фидия, как и колонна Спафария с надписью о происхождении Муз. Всё, что сюда попадало, исчезало здесь с концами, как будто засасывалось в огромную воронку небытия.

Голицын («Из России с любовью») и Кантемир («На секретной службе Его Величества») не стали исключением. Лишь только они взглянули на башню «Кыз кулеси» – и их тут же начало засасывать в ту же воронку. А спустя некоторое время их обоих выплюнуло уже в совсем другом измерении – в городе, который в 1701 ещё даже не существовал.

В 1718 Голицын, проходивший тогда службу в Киеве, получит царский вызов в Петербург – и всё благодаря своей библиотеке. Механику реализации этого события не сложно проследить.

В июне 1716 Пётр I проходил курс лечения на немецком курорте Пирмонт. Там он регулярно встречался с Лейбницем, также лечившимся на водах. Эти встречи были весьма плодотворны. К тому моменту царь уже созрел для восприятия практических идей Лейбница о гармоничном (по науке) обустройстве мира. Беседы Лейбница и Петра не протоколировались, но их содержание можно восстановить достаточно уверенно. Ибо Лейбниц вскоре, по свежим следам, написал «Проект введения образования в России». Проект так и остался в черновике (поскольку через три месяца Лейбниц умер), но нам он интересен в качестве реестра тех позиций, что обсуждались с русским царём незадолго до этого в Пирмонте.

То, что для Петра это были не просто курортные разговоры, видно уже из того, что практически все предложения Лейбница были Петром так или иначе реализованы. Начиная с «увеличения товарооборота с Китаем» (фигурирует в письме Лейбница к Шафирову от 23 июня 1716, п. 6: «…die commercien zwischen Europa… und China vermehret») – до создания специальной структуры для сбора и производства научных знаний. И вот уже шёлковые шпалеры и фарфоровые фуры потянулись по Сибирскому тракту с востока на запад, а в кассу Академии наук с запада на восток выстроилась очередь именитых учёных. (– Куда без очереди! Фамилия? – Эйлер. – Не видишь? В конец становись.)

Одна из рекомендаций Лейбница, данная им русскому царю, касалась как раз Голицына. В разработанной Лейбницем общей конструкции мира критически необходимым элементом являлись «общедоступные хранилища знаний» (то есть библиотеки) – а потому он предлагал царю рассматривать их создание, как одну из ключевых государственных задач.

В его «Проекте…» слово «Bibliothek» встречается одиннадцать раз – больше, чем любое другое значимое слово. Этому вопросу там отведено целых три страницы – как библиотеку сформировать, как наладить её функционирование и так далее. Базовый тезис таков:

> Царь должен стремиться приобрести настолько полную библиотеку, насколько это возможно.
>
> (Czar eine so vollkommene Bibliothek als immer thunlich anzuschaffen trachten solle.)
>
> (Лейбниц, «Проект введения образования в России», 1716)

Из Пирмонта Пётр поехал путешествовать дальше по Европе, так что сразу заняться реализацией новых идей он не мог. Но идеи, судя по всему, продолжали крутиться и вызревать. Почти год спустя, в Париже, Пётр интересуется библиотеками уже целенаправленно. Он делает целую серию профильных посещений – Королевская библиотека в Тюильри (17 мая, ст. ст.), библиотека Колледжа Мазарини (3 июня), библиотека Сорбонны (тот же день), Королевская Академия Наук (с предположительным посещением её библиотеки, 8 июня).

В Петербург Пётр вернулся только в октябре 1717. И буквально тут же им было произведено следующее говорящее действие – служебный перевод из Киева в Петербург известного «специалиста по книгам» Дмитрия Голицына вместе с его огромной библиотекой. А уже через несколько месяцев после приезда Голицына, в ноябре 1718, в людских покоях Летнего дворца начала функционировать первая в стране общедоступная библиотека, состоящая пока из небольшой части личных книг царя.

Я не знаю, какую конкретно роль сыграл в этом деле Голицын. Во всяком случае дальше по библиотечной линии он не пошёл (также, как он некогда не пошёл по морской). Но функцию свою его библиотека выполнила безукоризненно – Голицын тогда отвертелся от своей «змеи», а сейчас – перевёлся в Петербург.

Что касаетася Кантемира, то у него тоже всё разыграется как по нотам. Через год после Голицына, в 1719, он тоже окажется в Петербурге. Что будет прямым следствием всё того же стамбульского эпизода, во время которого именно Голицын открыл прямую дорогу в Россию будущему «графу иллирийскому».

А началось всё, напомню, с того, что 28 сентября 1701 взгляды Кантемира и Голицына случайно коснулись башни «Кыз кулеси», поднимавшейся из вод Босфора. А может даже взгляды их коснулись и не самой башни – а одного из бликов одной из волн, плеснувшей от резкого порыва ветра посреди пролива, разделяющего Азию и Европу.

[Илл. 08-06-08-1. Спутниковый снимок Стамбула. Жёлтыми стрелками обозначены направления взглядов на башню «Кыз кулеси» Голицына (из султанского сада, левая стрелка) и Кантемира (из окна своего дома, правая стрелка). Красными стрелками обозначены гипотетические направления их взглядов на гипотетический «блик на воде»]

Но как бы там ни было, а двадцать шесть лет спустя их дети поженились.

Свадьба

24 мая 1727, в Петербурге, Дмитрий Голицын, 62, выдаёт свою дочь (Анастасию, 29) за сына Дмитрия Кантемира (Константина, 24).

За последние 26 лет много чего произошло. Умер Пётр I (1725) и его на троне сменила Екатерина I. Потом умерла и она (17 мая 1727), и на троне оказался 11-летний мальчик – Пётр II.

К тому времени умер уже и Дмитрий Кантемир (1723). А Голицын как-то незаметно для всех пробился в самые верхи, став чуть ли не самым влиятельным сановником в государстве (членом Верховного тайного совета). И вот он выдаёт в Петербурге замуж свою дочь.

Был ли для Голицына этот брак «браком по расчёту»? Я склонен думать, что нет. В пользу этого говорит время венчания. Вот если бы свадьба состоялась в начале 1722, или в конце 1724 – тогда было бы другое дело. Тогда породниться с Кантемирами означало бы сильный карьерный ход. Ибо в эти два отрезка времени подросшая дочка Дмитрия Кантемира – та самая Мария, которую в 1701 мы видели в Стамбуле совсем младенцем – она в 1722-1724 дважды имела реальный шанс развести Петра I с Екатериной и самой стать российской императрицей. Ряд историков полагает, что роди она тогда Петру наследника – всё так бы оно и стало. Но роды у Марии прошли неудачно, Пётр временно помирился с Екатериной – и Мария Кантемир так и осталась в статусе любовницы императора – одной из многих и многих. А там и Пётр умер, и на трон взошла Екатерина.

К чести императрицы надо сказать, что к своей неудавшейся разлучнице она отнеслась на удивление спокойно. Мария была просто отправлена с глаз долой в Москву – и всё. Но, понятно, что родниться с этим семейством всякая выгода если и была, то теперь окончательно исчезла. А кто поосторожней (например, Голицын), так тот вообще пока повременил бы.

Но как только умерла сама Екатерина, тут сразу все противопоказания оказались сняты. И буквально через неделю (ещё и траур по императрице не окончился) Голицын организует свадьбу своей дочери с братом Марии – Константином Кантемиром. Такое ощущение, что всё было сговорено заранее, и только ждали момента. И вот дождались.

Так что – нет, никакого материального расчёта у Голицына тут не было. Просто надо было как-то сбыть с рук дочь-перестарка – стареющую, нескладную, некрасивую и с крайне скверным характером. Её жених Константин – молодой красавец-офицер, но бедный. Замотивировать такого не сложно. Причём существовал способ даже не связанный с прямыми материальными затратами. Отец Константина (Дмитрий Кантемир) четыре года назад умер, но во владение его солидным наследством никто из многочисленных наследников ещё так и не вступал – из-за сложности и невнятности завещания. По завещанию, всё должно было достаться только одному – тому, кто покажет «лучшие успехи в науках». А «успехи в науках» – вещь трудно формализуемая.

Так что жених у дочери Голицына был потенциально богат, но кинетически – беден, как церковная мышь. А потому его тестю, Дмитрию Голицыну (высочайшему, напомню, сановнику страны), всего-то и нужно было, что чуть-чуть помочь суду принять «правильное» решение по наследству.

И суд принимает «правильное» решение. Константин объявляется единственным наследником и получает всё.

Итак, Анастасия Голицына и Константин Кантемир 24 мая 1727 венчаются. Брак этот будет иметь интересные и далеко идущие последствия.

Брат жениха

Как было сказано, Константин Кантемир после женитьбы получил один всё наследство отца. Соответственно, остальные претенденты остаются ни с чем. В том числе и брат Константина – семнадцатилетний студент новооткрытого Университета при Академии Наук, Антиох Кантемир. К слову, именно Антиох втайне рассчитывал получить всё наследство отца, поскольку из всех братьев и сестёр он один реально обучался «наукам».

На тот момент Антиох учится в Университете уже второй год (с 1726), и учится действительно хорошо. Благо, есть у кого. Математику ему преподаёт сам Бернулли, историю – сам Байер, и так далее. После окончания курса Антиох планирует стать профессиональным учёным и со временем получить кафедру в Академии. И тут все его жизненные планы одномоментно рушатся.

Дело в том, что до решения вопроса с наследованием сами имения отца не принадлежали никому, но часть текущего с них дохода делилась поровну между членами семьи. Так что хотя больших денег у Антиоха не было, но достаточное для студенческой жизни содержание всё-таки поступало – временно. И вот в результате женитьбы брата это время закончилось.

Продолжать образование Антиоху теперь реально не на что. Так что он оказывается вынужден поступить на военную службу – к которой у него нет ни склонности, ни способностей, ни здоровья. Но здесь дают хоть какое-то жалование. Идёт он служить в Преображенский полк самым младшим офицером – фендриком.

Совмещать со строевой службой учёбу в Университете весьма затруднительно, хотя Антиох и продолжает переписываться с любимым преподавателем – Байером. Но уже в самом начале 1728 его полк переезжает вместе с юным императором в Москву – сначала на коронацию, а потом остаётся там напостоянно.

Следом за императором в Москву перемещается и двор, и правительство. На несколько следующих лет столица по факту возвращается в Москву. Переезжает сюда и Голицын.

Следует ли говорить, что Антиох имеет на Голицына, поломавшего ему всю жизнь (своим вмешательством в вопрос наследства), большой зуб. Но открытая демонстрация его чувств была бы в данном случае просто смехотворной. Уж больно разные у них весовые категории. Голицын – первый сановник государства, Кантемир – без году неделя подпоручик (в Москве на коронацию всех повысили). Это как гигантозавр и бабочка-капустница, бодаться бессмысленно.

Так что Антиох хочешь-не-хочешь, а поддерживает в Москве отношения со своей новой роднёй – делает визиты вежливости Голицыну, ездит к Голицыну на семейные обеды и тому подобное.

> 10 марта [1728]
> Во дворце был, да никого не видел. У князь Димитрия Мих. был.
>
> 3 июня
> У князя Димитрия Михайловича обедал я.

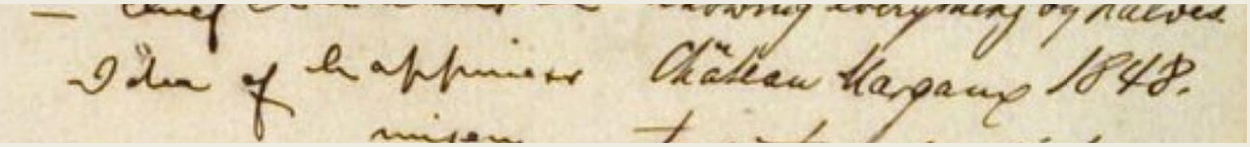
(Записи Антиоха Кантемира на календаре за 1728. Даты указаны по старому стилю)

Но чувство обиды всё-таки даёт о себе знать. Причём оно находит выход несколько неожиданным образом.

А, впрочем, в каком-то смысле вполне ожидаемым. Как сказал Ювенал – «Негодование делает поэтом». В конце 1729 Антиох Кантемир пробует себя в стихотворстве.

Вообще-то, Ювенал сказал не совсем так. Он сказал: «Не вдохновеньем – так возмущеньем рождается стих» («Si natura negat, facit indignatio versum», сатира 1, ст. 79). А «Негодование делает поэтом» – это Ювенал, перефразированный и усиленный Карлом Марксом («Indignatio facit poëtam», письмо к Энгельсу от 25 августа 1851, из Лондона в Манчестер).

А где Маркс, там всегда и Энгельс. И Энгельс на эту тему высказался ещё определённей. А именно – что лично ему, Энгельсу, для счастья требуются очень большие деньги. Сформулировал он это следующим образом: «Счастье – это «Шато Марго» двадцатилетней выдержки». Так он написал в 1868 в своей анкете в дневнике Женни Маркс. Энгельс указал даже конкретный (запредельно дорогой) винтаж – «урожай 1848».



[Илл. 08-06-09-1. Запись Фридриха Энгельса в дневнике Женни Маркс за 1868: «Idea of happiness – Château Margaux 1848». Представляет собой ответ на предложенный вопрос анкеты («Your idea of happiness»). Архив РГАСПИ, ф. 1, оп. 1, д. 6113, л. 23]

Тут нужно знать, что 1848 год – это последний в регионе Бордо великий винтаж до начавшегося затем долгого (на несколько десятилетий) периода «мучнистой росы» и «филоксеры», в конце-концов уничтоживших полностью все бордосские виноградники. То есть слова Энгельса означают фактически следующее: «Счастье – это прекрасный момент роскошного прошлого, которого никогда уже не будет». И не будет его (возвращаясь к нашей теме) конкретно у Кантемира конкретно благодаря Голицыну. Станешь тут поэтом.

Итак, в конце 1729 Антиох Кантемир, 20, пробует себя в стихотворстве.

Пишет он, разумеется, «сатиру». И получившаяся у него сатира неожиданно воспринимается публикой весьма благосклонно. Пока железо горячо, он пишет вторую.

В результате, как-то очень быстро Кантемир становится – в первую очередь в своих собственных глазах – поэтом. Так что теперь он уже никакой не «учёный», он «поэт» – и точка. Вариант «военный» им даже не рассматривается.

Забегая вперёд скажу, что Антиох Кантемир станет действительно крупнейшим поэтом своей эпохи. И вообще первым русскоязычным поэтом в современном понимании этого слова. Умрёт он, как и положено, молодым.

Но вот что любопытно. Его самая первая сатира, неожиданный успех которой определил его дальнейший жизненный выбор (об этом он сам пишет в предисловии) – эта сатира удивительно напоминает книгу Спафария «… о девяти мусах», только вывернутую наизнанку. Упреждая обвинения о заимствовании, Кантемир делает специальную приписку:

> Можно сказать, что сатира сия ни с чего не имитована, но есть выдумка нашего автора, понеже из всех сатириков никто особливую сатиру на хулящих учение не делал.
>
> (Кантемир, Сатира 1, первая редакция, «Изъяснение»)

Тут всё прозрачно – если автор оправдывается, значит есть с чего.

От себя скажу, что Кантемир переживал напрасно. Всё на свете с чего-нибудь, да «имитовано». Взять, например, такие его слова:

> …в нашем молодом монархе надежда
> Всходит музам немала; со стыдом невежда
> Бежит его… и т.д.
>
> (Кантемир, Сатира 1, окончательная редакция, ст. 15-18,)

А вот слова Ювенала:

> Только в Цезаре – смысл и надежда словесной науки:
> Он ведь один почтил печальных Камен в это время.
>
> (Сатира 7, ст. 1-2)

И ничего тут нет страшного, у Ювенала все берут. И сам он тоже берёт (у Лукана, например). Главное, чтобы шло от души.

Первую свою сатиру Кантемир назвал «На хулящих учение» и посвятил её той обструкции, которой невежественное большинство подвергает как сами знания («науки»), так и людей, к ним стремящихся. Виды «знаний» идут у Кантемира прямо по «Книге избранной вкратце о девяти мусах». Только у Спафарий показано, насколько эти науки важны, а у Кантемира – насколько они бесполезны (и даже вредны) с точки зрения общественного мнения. Вкратце это выглядит так (даю по начальной редакции).

ГРАММАТИКА

Спафарий: «[Грамматикой] составляхуся вся чиновнаи творения и сплетаемыя стихи».

Кантемир: «На что нам грамматика? Естество нас учит // И без правил говорить: без плода труд скучит» (65-66).

РИТОРИКА

Спафарий: «Хитроречия источник, умная сила».

Кантемир: «Плодовито говорить – врать дает причину; // Прилично молчаливу быти дворянину» (71-72); «Доводом речь утверждать – подлых то есть дело» (75).

ФИЛОСОФИЯ

Спафарий: «Разделяет благость от зла, и ложь от истины».

Кантемир: «Стоит философии кафтан, сшит богато, // Где, мудро изложено, блещет сребро, злато» (43-44, в смысле – красивый наряд ценнее всей вашей «философии»).

АЛГЕБРА

Спафарий: «Есть первая и честнейшая между всеми мафиматическими учении, понеже вся от ней вземлются».

Кантемир: «Сколько копеек в рубле, без алгебры счислим» (102).

ГЕОМЕТРИЯ

Спафарий: «Горы же и долы и вси виногради и вертогради… – всё моим геометрическим досужеством и наукою совершается».

Кантемир: «Землю в четверти делить без Евклида смыслим» (101).

АСТРОНОМИЯ

Спафарий: «Полезнейшая на брань и на земледелство и на вся, понеже ею познавается времен пременение».

Кантемир: «К чему звезд течение и свойства счисляти, // Для одного в планете пятна ночь не спати, // Для любопытства только лишиться покою» (97-99).

О МУЗАХ В ЦЕЛОМ

Спафарий: «Сего ради сице изобразиша девять мус во образе девяти дев, яже различным учением подобятся»; «От отца Зевса, идола перваго, и матере Мнимосини, сиречь памяти, родишася»; «Между же их сликовствует Аполлон».

Кантемир: «Всего труднее славы добиться чрез науки. Девять сестр – музы, богини и изобретательницы наук, Юпитера и Памяти дочери. <…> Обычайно имя муз стихотворцы за самые науки употребляют»; «В Аполлиновой свите находятся музы» (комментарии Кантемира к Сатире 1 в окончательной редакции).

Короче, в первой сатире Кантемира Спафарий лезет отовсюду. И вот вопрос – где конкретно мог Кантемир, будучи на военной службе, достать книгу Спафария «…о девяти мусах» – существовавшую тогда только в виде рукописных копий?

И более широкий вопрос – а где вообще Кантемир брал в этот период нужные ему книги? Частично на это отвечают его собственные записи, сделанные на обороте календаря за 1728. Кантемир в этот период берёт книги у всех, у кого может. В частности – у Юсупова, у Измаевича, у Пушкина, у Эйхлера, у старого знакомца ещё его отца – графа Савы Владиславича-Рагузинского – и так далее. Короче, у знакомых и «знакомых знакомых». Везде, где можно. Книги – вещь остро дефицитная.

Но был у Кантемира один совершенно особый источник книг – очень важный, может быть даже основной.

Открывшийся ресурс

Прямо перед носом у Кантемира находился без всякого преувеличения исключительный источник книг – домашняя библиотека его нового родственника (тестя его брата), Дмитрия Михайловича Голицына. Это была не просто «некая домашняя библиотека». На тот момент «библиотека Голицына» являлась самой большой и серьёзной библиотекой в стране.

Впоследствии она получит название «Архангельской библиотеки» (по подмосковному имению Голицына «Архангельское»), но на тот момент её книжный фонд, насчитывавший шесть тысяч томов, находился, судя по всему, в одном из московских домов Голицына. Как и с чего начиналось её формирование мы помним (эпизод «Дипломат»). Но со временем эта библиотека из имиджевого «элемента декора» превратилась в реально рабочий инструмент, генерирующий смыслы. Есть все основания полагать, что хозяин эти книги действительно читал – и читал постоянно.

Более того, данная библиотека являлась «открытым ресурсом», так что практически любой желающий мог достаточно свободно пользоваться её фондами. И многие люди, в том числе и те, кого никак не назовёшь «друзьями Голицына» (например, Татищев), работали в домашней библиотеке Голицына по собственным научным надобностям.

Для самого же Голицына эта библиотека стала вообще судьбообразующей. Во многом благодаря именно ей Голицын преодолел «кризис среднего возраста» и «роковое предопределение Судьбы» (1701), переждал надвигавшуюся на него бурю в Киеве, а потом был вторично замечен Петром I и приближен им ко двору (1718), что позволило к моменту свадьбы дочери (1727) выбиться в крупнейшие сановники страны. Именно в качестве такового Голицын получил возможность надавить на суд в вопросе с наследством покойного Дмитрия Кантемира – и тем непроизвольно лишить его сына Антиоха средств к существованию.

У нас нет прямых свидетельств того, что Антиох в 1728-1729 пользовался библиотекой Голицына. Но резонов в пользу этого имеется предостаточно.

Как мы видели, несмотря на все внутренние претензии, Кантемир поддерживал с Голицыным контакты и неоднократно посещал в Москве его дом. Также документально подтверждено, что Кантемир брал книги у родного племянника Голицына,

Петра Михайловича Голицына (собственноручная запись Кантемира в календаре за 1728, оборот страницы за 27 февраля).

А ещё – в составе библиотеки Голицына как раз в это время появились два рукописных перевода неких сочинений, выполненных незадолго до этого Антиохом Кантемиром. Речь идёт о переводах «Хроники Константина Манасии» (с латинского, 1725) и памфлета Джованни Мараны «Письмо некого сицилийца своему другу о Париже» (с французского, 1726, РНБ ОР, Q.IV.176). В каталоге библиотеки Голицына (1737, РГАДА, ф. 340, оп. 5, д. 13981) эти рукописи значатся под № 194 и № 297 соответственно. И тут нужно принять во внимание, что оба эти перевода – учебные, сделанные Кантемиром в качестве упражнения по совершенствованию владения им языками – латинским и французским. А потому узнать об их существовании Голицын мог только от самого Кантемира, и получить их для своей библиотеки он мог только от него же.

Так что всё говорит за то, что Антиох Кантемир в 1728-1729 пользовался библиотекой Голицына – «по-родственному». Того же мнения придерживаются и специалисты по истории библиотеки Голицына (Градова, Клосс, Корецкий).

Случайная неизбежность

А что в библиотеке Голицына имелось интересного для начинающего поэта? А этого-то как раз было там совсем немного.

Из помянутых «шести тысяч томов», книг светского содержание на русском языке насчитывалось в библиотеке Голицына всего 336 штук (см. Каталог), да и те практически все были посвящены политической истории, государственному строительству и разным практическим вопросам (типа морской навигации или траволечению). Собственно о «Музах» там имелось – вы удивитесь – не более полудюжины книг. И две из них – тут удивился даже я – представляли собой… да, две вариации на тему «Книги избранной вкратце о девяти мусах» Спафария.

Первая (№ 254 каталога; оригинал – РНБ ОР, Q.XVII. 29, л. 1-12 об.) шла под названием «Мудрость, или описание седми свободных художеств», и представляла собой своеобразный дайджест книги Спафария. Объём рукописи позволял Кантемиру прочитать её на месте, прямо в библиотеке, за один присест.

Вторая (№ 293 каталога; оригинал – РНБ ОР, ф. 588, д. 2003) была вещь более изощрённая. Она шла под названием «Действо о семи свободных науках» и была сценарием для театральной постановки назидательного характера по мотивам книги Спафария. Основная мысль – польза наук, с разбором по видам – была выдержана строго. Ирония бытования этого произведения заключалась в том, что когда оно создавалось (1702) – сын Петра I, Алексей Петрович, был горячо всеми любимым и почитаемым наследником престола, и к нему (наравне с венценосным отцом) благоговейно обращались со сцены персонажи «Действа». Но затем (1718) Алексей вдруг стал «врагом народа» и, выманенный обманом из-за границы, был на родине запытан до смерти собственноручно отцом. Какие уж после этого «благоговейные обращения». Но в 1727 на престол вступил Пётр II, то бишь – сын Алексея. И «Действо» (то же самое), как ни в чём ни бывало, опять заиграло патриотизмом, благонадёжностью и художеством. Как полагают исследователи,

именно в этот короткий период времени (1727-1728) и была изготовлена данная его копия (единственно известная) для библиотеки Голицына.

Итак, две яркие книги «о Музах», мимо не пройдёшь. Что ещё нужно начинающему поэту, чтобы самому взяться за перо?

Пробежим ещё раз по основным пунктам. В самом конце 1729 Кантемир осознаёт себя поэтом. Ответственность за это несут Голицын и Спафарий. Голицын лишил Кантемира наследства – и тем лишил его карьеры учёного, что толкнуло Кантемира на военную службу, из-за которой он попал в Москву, где получил доступ к библиотеке Голицына, в которой прочитал «Книгу избранную вкратце о девяти мусах» Спафария – и оказался впечатлён ей настолько, что изложил её в стихотворном виде, за что неожиданно получил одобрение публики, которое и стало определяющим в его решении сделаться поэтом. «Casus facit poëtam».

Бунт

Мы подошли сейчас к очень тонкому моменту нашей истории. Факты по нему хорошо известны, документы опубликованы, воспоминания очевидцев собраны – а вот концептуального понимания произошедшего до сих пор так и не сложилось. Нет даже понимания на уровне – «что это, вообще, было?»

Канва такова. В 1727 на престоле оказался 11-летний мальчик, Пётр II. Реально управлять страной он не мог, так что за него это делал некий не очень понятный орган, называвшийся «Верховным тайным советом» (ВТС), членом которого (и неформальным лидером) являлся как раз наш Дмитрий Голицын. Мальчик между тем рос. И на 19 января 1730 (здесь и далее – по старому стилю) была назначена его свадьба. На предстоящие празднования в Москву съехалась вся боярская и дворянская верхушка страны. Но вместо того чтобы спокойно пойти в назначенный день к алтарю, жених накануне ночью умер.

Для членов ВТС возникла уникальная ситуация. До сих пор царь и так-то был чисто номинальным, а теперь не только не стало никакого, но и не просматривалось хоть сколь-нибудь естественного преемника.

И Голицын придумал следующее. Возвести на трон кого-нибудь совсем уж далёкого от всех московских дел – при этом предварительно получив от кандидата письменный отказ от всех основных инструментов власти (армии, финансов, внешней политики, кадровых назначений) в пользу ВТС. Сделав таким образом будущего монарха чисто декоративным – причём не только «де-факто», но уже и «де-юре». Что означало бы смену в стране государственного строя – с пресловутого «самодержавия» на «парламентскую монархию» (по образцу Англии, Швеции или Польши).

Но вопрос с новым государственным устройством был, как выяснилось, не таким простым. И он оказался совершенно не проработанным. Хорошо, управлять страной отныне будет коллегиальный орган – ВТС. Но он-то сам как должен формироваться? Вот кто-нибудь из нынешних его членов умрёт или заболеет – и что?

Сложную конструкцию нового государственного устройства за одну ночь в деталях не проработаешь. А вопрос надо решать срочно, в первую очередь с кандидату-

рой. А потому сделали так. Наскоро написали коротенький текст отказа нового монарха от всех основных своих полномочий (в восьми пунктах) – так называемые «Кондиции» – и придумали подходящую кандидатуру. Выбор (по предложению Голицына) пал на одну из племянниц Петра I (причём самую из них малоизвестную), дочь его давно умершего брата – Анну, о существовании которой мало кто уже здесь и помнил. В 17 лет Анну выдали замуж за герцога курляндского, через два месяца после свадьбы муж её умер, и следующие двадцать лет (вплоть до настоящего момента) Анна влачила достаточно жалкое существование в этой богом забытой Курляндии, которая неизвестно где и находится. Никто бы не удивился, если бы оказалось, что за это время Анна разучилась говорить по-русски.

И вот уже утром 19 января представитель ВТС стремглав понёсся в Курляндию к Анне – предлагать ей российскую корону в обмен на письменное согласие с условиями «Кондиций». Анна, глазом не моргнув, под всеми условиями подписалась и стала собираться в дорогу.

Тем временем в самой Москве у «верховников» всё протекало не столь гладко. Хотя Совет и был «тайным», и соответственно ничего никому о «Кондициях» не сообщал – всё равно среди вельмож и генералов, приехавших на свадьбу императора, поползли слухи, вызвавшие небывалое брожение умов. Тут за их спинами делят пирог власти – а им ничего не предлагают. Так не пойдёт. Все сразу захотели свою долю.

В результате буквально за считанные дни в Москве сформировались многочисленные политические дворянские кружки – совершенно легальные и открытые – сливающиеся друг с другом, разделяющиеся, перетекающие один в другой. И каждый из них выдал свой план устройства нового миропорядка.

От такого политического взрыва члены ВТС как-то растерялись. Голицыну ничего не оставалось, как срочно писать собственный проект государственного устройства (а-ля «монархическая республика») – и параллельно с этим принимать в рассмотрение проекты всех желающих. Таких к середине февраля набралось чуть не два десятка.

Спектр предложений был широким – от просто расширения состава ВТС и прописывания процедуры его обновления («проект Матюшкина», «проект формы правления» Голицына) – до ликвидации ВТС и передачи всей власти в стране двухпалатному парламенту, избираемому прямым голосованием по схеме, исключающей клановый и корпоративный монополизм («проект Черкасского – Татищева»). Верноподданные Российской короны, причём из самых высших эшелонов, об этой самой «короне» в те безумные дни забыли напрочь, как-будто её никогда и не существовало.

Тем временем к Москве подъехала Анна. На первый случай её разместили «в поле» – то бишь в подмосковном селе Всехсвятском на «Соколе», рядом с домом Соколова. Потом она переместилась в Кремль, где стала принимать дворянские делегации.

А делегации шли и шли – и несли ей свои проекты. В которых для неё самой, сказать по правде, места почти и не было. Анна ни с кем не спорила и всем сулила только самое лучшее.

Так наступило 25 февраля. Шёл 37-й день «шёлковой революции». С утра Анне принесли очередную петицию, предлагающую сформировать комиссию с широким представительством для проработки деталей будущей парламентской конструкции. Анна поставила на ней свою резолюцию: «Быть по сему», – и пошла обедать.

После обеда пришла другая делегация, состоявшая в основном из младших офицеров – гвардейцев Преображенского полка, нёсших в это время службу по охране дворца. Делегация была не столь многочисленная, как предыдущая, но в отличие от неё – вооружённая. Анне было подано прошение, всеподданейше призывающее её послать подальше все предыдущие предложения – и провозгласить себя единовластной самодержицей.

Военные (порядка тридцати человек) кричали и бряцали оружием. Анна, демократично следуя «гласу народа», приказала принести подписанные ей некогда «Кондиции» и публично их порвала. Никто из членов ВТС даже не двинулся с места.

Так самодержавие снова вернулась в Россию – на двести следующих лет. А то и на триста.

Как такое могло случиться – при том, что перемен хотели буквально все? Учёные осторожно предполагают, что главная причина неуспеха – закрытость и высокомерие членов «Верховного тайного совета», умудрившегося оттолкнуть от себя широкий круг своих, по-сути, единомышленников. Перегрызшиеся между собой в ходе делёжки «шкуры неубитого медведя» дворянские группировки не заметили, как медведь сначала потихоньку от них отполз, а потом и задрал их всех поодиночке. Крохотная группка подпоручиков, большинство из которых даже не понимали что вообще происходит, сумела навязать тысячам и тысячам боевых офицеров (одних только генералов находилось тогда в Москве около ста) некую чуждую всем волю.

Ещё одна возможная причина неуспеха – когнитивный диссонанс, «биполярочка» у самого Голицына. Являвшегося (хотя бы в силу одного только возраста) стопроцентным консерватором. Его интенцию коротко можно описать так: «Чтобы ничего не изменялось, надо всё изменить». Весь его «проект» был, по сути, попыткой «консервативной революции», то есть оксюмороном, «ослепительной тьмой». Понимал ли он, что своими невинными «Кондициями» он открывает «ящик Пандоры»?

Хотя, судя по составу прочитанных им книг из его же библиотеки (Локк, Пуффендорф, Макиавелли, Гоббс, Гроций, Дэвенент, Бэкон – и особенно Сидни), возможно что и понимал.

Кроме «когнитивного», имелся во всей этой истории ещё и явный «эстетический» диссонанс. На одной стороне мы видим – старых, прожжённых, чванливых, давно всех доставших интриганов-политиков, мутящих воду. На другой – открытую, благожелательную, в чём-то наивную, симпатичную и беззащитную молодую женщину, которая оказалась одна среди волков и вовсю старается всех помирить и всем сделать хорошо.

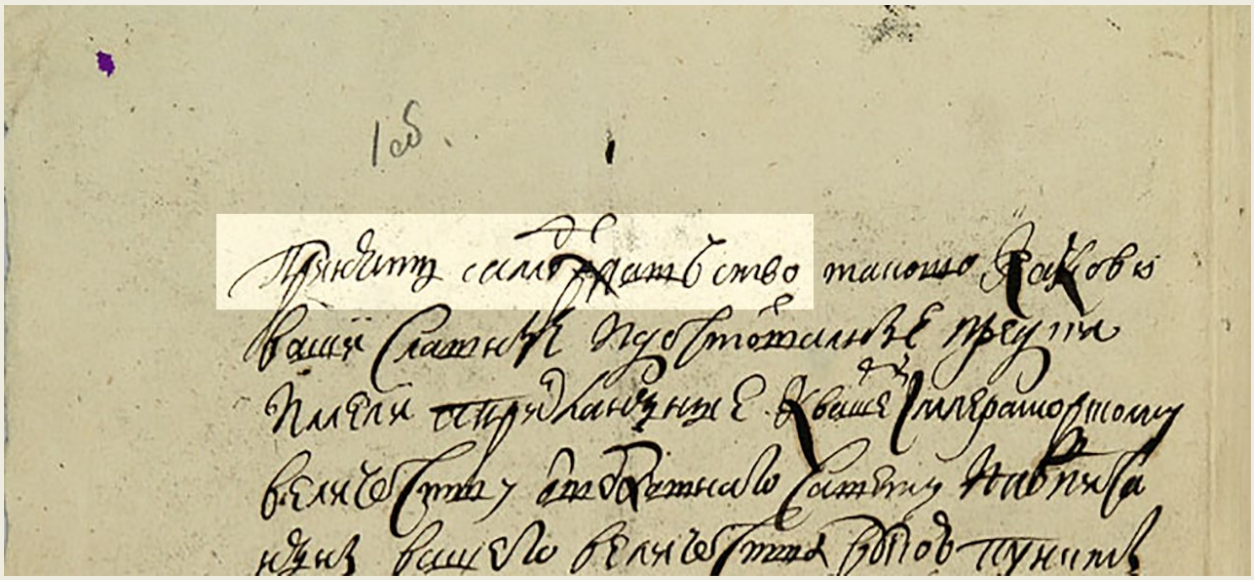
Кончил Голицын плохо. «Верховный тайный совет» сразу после воцарения Анны Иоанновны был распущен, члены его были потихоньку репрессированы. Очередь до Голицына дошла не сразу, но дошла. Через шесть лет по надуманному предло-

гу он был заключён в Шлиссельбургскую крепость, где вскоре и умер при тёмных обстоятельствах. Имущество его было конфисковано – включая библиотеку, обнаруженную приставами в подмосковной усадьбе «Архангельское». Книги были тщательно описаны в «конфискационной ведомости», а потом растащены.

Ещё раз хочу подчеркнуть – в отличие от большинства исторических коллизий, исход этих событий отнюдь не был заранее предрешённым. Скорее наоборот – всё вышло так как вышло в силу какой-то совершенной, абсурдной случайности.

Впрочем, существует точка зрения, что «Бог не играет в кости». Всё, что нам представляется «случайным» – на самом деле является прямым следствием неизвестных нам факторов и механизмов. Взять, к примеру, данную ситуацию.

«Прошение» офицеров от 25 февраля 1730, переломившее тогда всю ситуацию – его, как выясняется при ближайшем рассмотрении, сочинил поручик Преображенского полка Антиох Кантемир. Он же тогда и зачитал собравшимся его вслух своим дрожащим от волнения голосом настоящего поэта. А, как известно, устами поэта глаголет Истина.



[Илл. 08-06-10-1. Обращение к Анне Иоанновне с просьбой «принять самодержавство», составленное Антиохом Кантемиром и публично им оглашённое 25 февраля 1730. РГАДА, ф. 3, оп. 1, д. 7, л. 1 об.]

Поэзия – вещь вообще магическая, она действует на внелогическом уровне. Собравшиеся (по каким бы причинам они здесь ни оказались) на мгновение уверовали, что за ними действительно стоит Правда. Под чары слов Кантемира подпала и сама Анна. Решение было принято ей интуитивно и импульсивно. Никто, даже она сама, ещё минуту назад ничего такого не ожидал – и вот подписанные ей «Кондиции» уже разорваны, и история на полном ходу свернула в боковое русло – и покатилась дальше уже по нему.

Эту решающую роль Кантемира в своём воцарении Анна Иоанновна впоследствии косвенно признала, наградив молодого и зелёного поручика высокой должностью Полномочного посла в Англии. В январе 1732 Кантемир выехал в Лондон. Обратно в Россию он уже не вернётся.

Но ведь и действительно – Кантемир приложил, по-факту, к воцарению Анны Иоанновны и «руку», и «голову», и «сердце».

«Руку». Вследствие известных действий Голицына, Кантемир в январе 1728 оказался в Москве, при этом в статусе «человека с ружьём» (дворцового гвардейца). Таким образом он получил чисто физическую возможность 25 февраля 1730 повлиять на исход событий – и не преминул воспользоваться этой возможностью.

«Голову». Здесь сработал чисто логический механизм. Имея личные претензии к Голицыну, Кантемир с особой энергией подключился к пресечению его планов – в чём бы эти планы ни состояли. «Если Голицын чего-то хочет – делай наоборот».

«Сердце». Это самая тонкая и при этом самая мощная мотивация Кантемира. Он только-только ощутил себя Поэтом (благодаря библиотеке Голицына и найденной там книге Спафария) – и в качестве такового «возвысился сердцем». То есть стал особо нетерпимым ко всякой несправедливости. А тут, на глазах у всех, назревала несправедливость вопиющая. Одинокую молодую женщину, не сделавшую никому ничего плохого, собирались открыто и нагло обидеть. Кто-то, может быть, это и стерпел бы, но только не Поэт. Кантемир, забыв обо всём, ринулся на защиту попираемой справедливости – и победил.

Новое русло

Вообще, есть какая-то глубинная связь между Антиохом Кантемиром и Николаем Спафарием. Можно даже сказать, что Кантемир в каком-то смысле является реинкарнацией Спафария.

Действительно. Оба они родом из Молдавии. Оба были в Константинополе. Оба затем оказались в России. Оба поэты. Разрыв между смертью одного (1708) и рождением другого (1709) хорошо вписывается в буддийскую концепцию «жизни», при которой возраст человека отсчитывается не с момента его «рождения», а с момента зачатия.

Есть и другие пересечения. Когда Антиоху было восемь лет (конкретно 24 июля 1718) в их дом в Москве пришла некая женщина (ЧИОИДР, т. 195, док. № 12, с. 55-60). Как впоследствии выяснилось, это была невестка умершего десять лет назад Спафария (жена его сына Максима). Приходила она с просьбой помочь разобраться ей с одним документом – письмом, присланным Спафарию ещё в 1703 и найденным ею только сейчас среди оставшихся после него бумаг. Письмо было написано на армянском языке и невестка Спафария просила помочь с переводом (Кантемиры слыли полиглотами). При ближайшем рассмотрении оказалось, что это – сверх-секретный документ, раскрывающий государственную тайну о попытке организации вторжения России в Персию в 1703. За содействие в этом вторжении армяне (в лице своих высокопоставленных представителей) сулили Спафарию комиссионные в размере «четырёх тысяч червонцев». Дело с этим всплывшим письмом дошло до Петра I, письмо было изъято. А через три года после этого Пётр и вправду начал войну против Персии (так называемый «Персидский поход»), куда отправилось всё семейство Кантемиров в полном составе. И откуда глава семейства (Дмитрий Кантемир, отец Антиоха) обратно ни в Москву, ни в Пе-

тербург уже не вернулся. А судьба Антиоха свернула с того момента в новое русло.

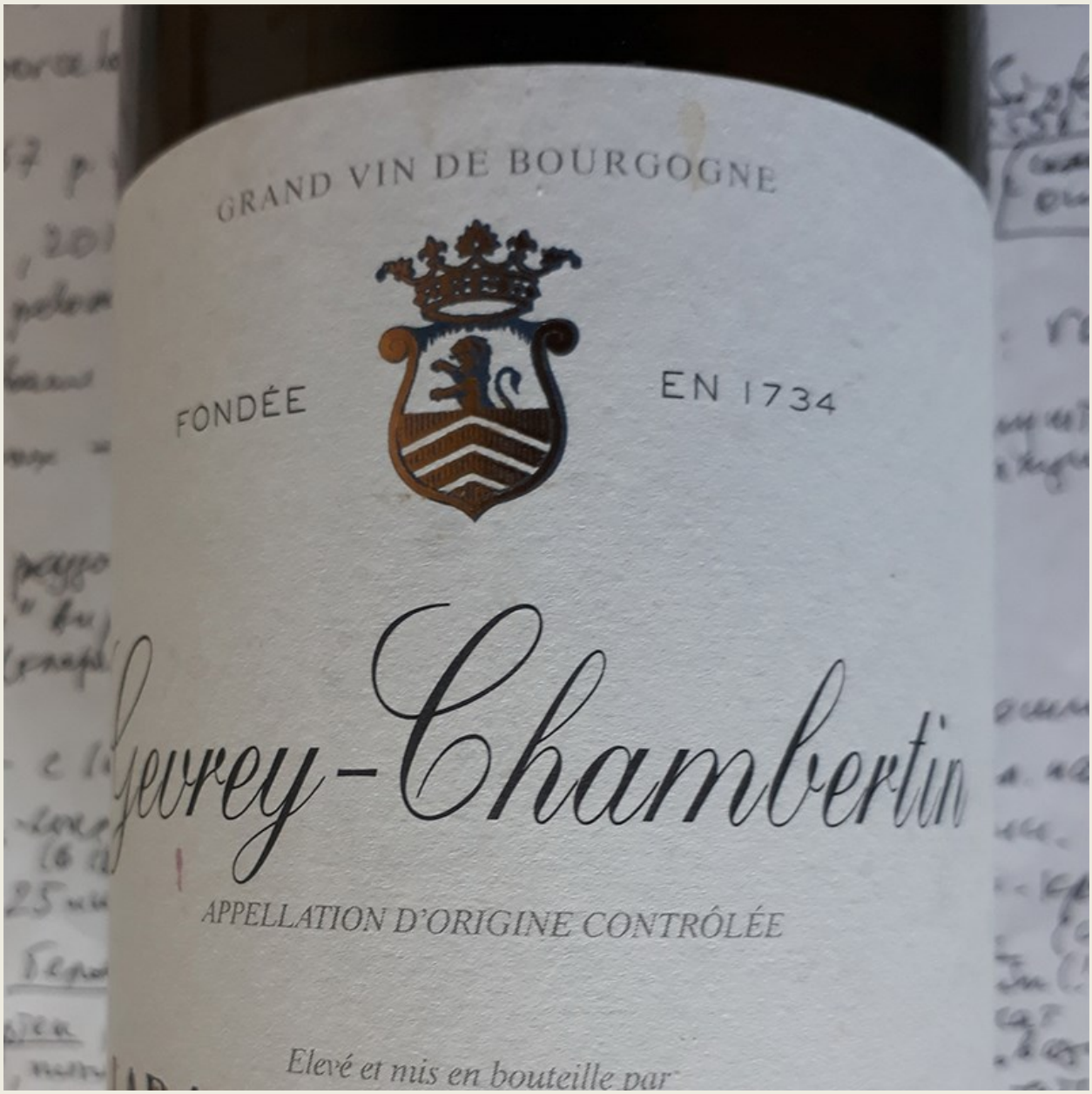
Если коротко изложить всё последующее, то «Кантемир прочитал Спафария – и Анна Иоанновна оказалась на престоле». Это к вопросу о том, дал ли что-то Спафарий российской «короне». Впрочем, пусть «корона» разбирается с этим сама. Посмотрим лучше на то, что Спафарий дал нашей книге.

Итак, на престол взошла Анна Иоанновна. Правление её длилось десять лет. И что бы про неё ни говорили, но именно благодаря ей (и при ней) состоялась Великая Северная Экспедиция. В ходе реализации которой мир и получил «карту Селифонтова» (см. главу «Топонимический кластер») с первым на русском языке упоминанием «Митюшёва острова» – как и остальных «М-топонимов» Новой Земли.

И это всё – с подачи Спафария. Который сделал Кантемира поэтом, который сделал Анну Иоанновну императрицей, которая санкционировала Великую Северную Экспедицию, которая дала миру «карту Селифонтова». Vale, я всё сказал.

И напоследок, раз уж мы вместе с Энгельсом затронули такую трепетную тему, как «Шато Марго». Слово, некогда брошенное мной походя в эпизоде «Брахистохрона», материализовалось. За время, ушедшее на написание следующих эпизодов, я попробовал-таки «Шамбертен», не спрашивайте как.

Об ощущениях умолчу. Не хочу никого расстраивать.



[Илл. 08-06-11-1. Вот он, «Шамбертен» – безальтернативно любимое вино «трёх мушкетёров». На заднем плане – мои черновые наброски для соответствующего эпизода этой книги. На этикетке имеются некоторые не совсем очевидные элементы – но об этом как-нибудь в другой раз]

Но и всё-таки. Есть что-то совершенно неправдоподобное в том, что домохозяйка из Курляндии, никого в Москве не знавшая и ничего не смыслившая ни в теории, ни в практике аппаратных войн, смогла одной левой переиграть политических зубров, державших в своих руках все рычаги власти и реально правивших страной многие годы.

В этом и вправду есть что-то мистическое.

Перемены

(Навстречу утренним лучам – Первый игрок – Под музыку Вивальди – Мост из радуги – Последний герой – Шесть девяток)

Навстречу утренним лучам

Другое название этого эпизода – «В поисках своей пуговицы». Будем держать в голове и его. Итак, приступим.

Как сказано некогда по данному поводу,

Бледнеют звёзды над Хевроном,
к западу сползает ночь.
Горит Восток огнём зелёным,
и некому ему помочь.

Хотя, я-то имел ввиду чуть-чуть другое. Вот это вот:

Горит восток зарёю новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.

Да, вот это. «Навстречу утренним лучам». Пушкин написал данные строки, проживая в уже знакомом нам петербуржском трактире «Демут», не имевшим ровно никакого отношения к скульптору Демуту, к которому Пушкин некоторое отношение, наоборот, имел.

Приведёнными выше словами у Пушкина начинается описание утра Полтавского сражения («Полтава», 1828). Писал Пушкин поэму в своём номере по утрам, ещё не вставая с постели. Окончил к декабрю. Публика не впечатлилась, Белинский похвалил. Всё нормально.

Само же Полтавское сражение состоялось летом 1709. В те несколько смутных недель, когда Николай Спафарий уже умер, а Антиох Кантемир ещё не родился. Своеобразный провал между времён. Зазор, в течение которого могло произойти всё что угодно.

А дальше было вот что. Победа под Полтавой (1709) вскружила русскому царю голову настолько, что толкнула его к так называемой «Прутской авантюре», имевшей место уже через два года после Полтавы (1711). Русская армия вторглась тогда в одну из провинций Османской империи, конкретно в Молдавию, и потерпела там сокрушительное поражение. Пришлось отдавать назад Азов, такой ценой завоёванный раньше, отказываться от всяких притязаний, постыдно пытаться подкупать Великого визиря – и ретироваться.

Вместе с русской армией в Россию бежал и новый господарь Молдавии, назначенный турками совсем недавно – Дмитрий Кантемир, имевший к тому моменту уже много детей, в том числе и однолетнего Антиоха. Султан доверил Кантемиру эту должность в конце ноября 1710. В апреле 1711 Кантемир ему уже изменил

(подписав тайное соглашение с русским царём, а затем и открыто перейдя на сторону противника), а в июле 1711 новый повелитель Кантемира был уже разгромлен и ушёл обратно в Россию. Вместе с ним ушёл и Кантемир – с семьёй и со своими сторонниками. Обратно в Молдавию он уже не вернётся.

Данный политический кульбит Кантемира, со стороны кажущийся неожиданным, на самом деле был подготовлен всей предыдущей историей его отношений с русскими представителями в Стамбуле. Исходным толчком для которых стал заочный его контакт с Голицыным в 1701.

В чужую голову, конечно, не залезешь – но есть явные признаки того, что в жизни Дмитрия Кантемира как минимум были периоды, когда он жалел о том, что связался с Россией. Например, через четыре года после «переезда» сюда он активно вентилировал возможность перекинуться в австрийское подданство (его переговоры с Отто Плейером 27 мая 1715, РГАДА. ф. 32, оп. 5, д. 7, л. 30-31). Однако с этим ничего тогда не выгорело. Что, возможно, было и к лучшему. Ведь именно благодаря этому, попавший вместе с ним в Россию его младший сын, Антиох Кантемир, между делом создал здесь такую малость, как «русская поэзия». Чему мы все безумно рады.

В результате, не пройдёт и ста лет (а именно – девяносто девять) и ученик учеников Антиоха Кантемира – Александр Пушкин сможет выдать нам следующие волшебные строки, знакомые всем со школы и повторяемые нами к месту и нет:

> Швед, русский – колет, рубит, режет,
>
> («Полтава», гл. 3, с. 243)

И особенно:

> Ура! мы ломим; гнутся шведы.
>
> (Там же, с. 294)

Да, всё так и было. В 1709 шведская армия была разбита, затем попала в ловушку на стыке двух рек – и сдалась. Тысячи и тысячи шведских солдат и офицеров попали в плен.

Полтавское сражение произвело много следствий. И рождение двадцать лет спустя «русской поэзии» (посредством Антиоха Кантемира) – лишь одно из них. Другим важным следствием стало то, что среди шведских пленных оказался 19-летний корнет Лоренц Ланг.

Который уже шесть лет спустя отправится прямиком навстречу утренним лучам.

Первый игрок

1. Фарфор

Если бы нужно было назвать кого-то одного, кто олицетворял бы собой всю практику русских путешествий в Китай на протяжении всего восемнадцатого века, то это был бы, без сомнения, Лоренц Ланг.

С 1715 по 1736 Ланг совершил шесть путешествий в Пекин – и все с неизменным успехом. Он был лично знаком с двумя китайскими императорами, был вхож к ним, вёл с ними доверительные беседы, безукоризненно выполнял данные ему в Москве невыполнимые задания, обеспечил появление в Пекине первых русских учеников-китаистов, деятельно участвовал в становлении института регулярных торговых караванов, оставил бесценные записки. Если принять в расчёт дорогу и периоды длительного проживания в Пекине, то получится, что чуть ли не все означенные двадцать лет Ланг провёл либо в Китае, либо на пути к нему. Лучше Ланга Поднебесную не знал тогда в России никто.

Но попал он в данную струю чисто случайно. Я не сторонник длинных вступлений, но в данном рассказе правильнее будет начать танцевать от печки. То есть – от фарфора.

То, что на столе у Евгения Онегина «фарфор и бронза» идут списком (ЕО, 1:24), через союз (хорошо, не запятую) – это ещё что. А вот то, что в глуши, в деревне, Ольга Ларина преспокойно себе разливает гостям чай из «китайского чайника» (ЕО, 3:37) – вот это уже да. Ведь всего каких-нибудь сто лет до этого о подобном и помыслить было нельзя. Фарфор тогда не был посудой, фарфор был реально сокровищем.

О собственно фарфоре долго говорить нечего. О нём и так все знают всё. Если оставить в стороне скучную химию и суммировать общие представления о «фарфоровом буме» XVIII века, то всё можно свести к следующим шести позициям.

Фарфор – это принципиально новый, не имеющий аналогов материал (1), сделавший возможным производство совершенно новых, высокотехнологичных изделий (2), которые своим появлением решили одну из насущных проблем человечества (3). Состав чудо-материала был открыт в Китае в глубокой древности (4), но держался в секрете (5). Когда в Европе этот состав был открыт самостоятельно и новый материал распространился повсеместно, человечество скачком перешло на новый уровень развития (6).

Всё только что сказанное – чистая правда, полностью не соответствующая действительности. Пробежимся по пунктам.

(1). Не принято говорить об этом вслух, но в смысле потребительских качеств не существует непреодолимой пропасти между «фарфором» и предшествовавшей ему «просто керамикой».

Вообще, керамика – это первый искусственно произведённый человечеством материал (ибо при обжиге глина переходит в новое состояние). Появлением в раскопах черепков археологи и определяют границу возникновения цивилизации как таковой.

И на протяжении всей человеческой истории керамика совершенствовалась непрерывно и плавно, от первых глиняных мисок – до облицовочных пластин ракетных модулей.

Развитие шло по двум линиям – совершенствованию состава «теста» и увеличению температуры его обжига.

К скучной химии нам всё-таки придётся обратиться, ибо только она даёт то, что хоть сколько-то напоминает объективное определение фарфора как материала. Химия предлагает считать фарфором такую керамику, которая была получена на основе белой глины-каолина с силикатными добавками. А поскольку белая глина весьма тугоплавка, то неизбежным критерием «фарфоровой» технологии становится температура обжига не ниже 1300 градусов Цельсия (что много).

И тут спешу всех обрадовать. Такая керамика, как «фаянс», тоже делается из белой глины – обходящейся, правда, чуть более низкой температурой обжига. Результат при этом всё равно может получиться великолепным. Настолько, что для того, чтобы отличить «истинный» фарфор от «поддельного» (фаянса), вам могут потребоваться услуги эксперта.

(2). Уникальными конкурентными преимуществами фарфоровой посуды принято считать следующие: «белизну», «тонкость», «прочность», «твёрдость» (что несколько другое), «полупрозрачность» и «звонкость». С этим на практике мы имеем вот что.

«Белизна». Вообще-то, фаянсовая посуда тоже белая. И не только она. Любая керамика, покрытая белой глазурью, становится белой, как снег. А по белой глазури можно сверху пускать любую роспись, покрывая её ещё одним слоем глазури прозрачной. Это не теория, это практика. Керамика из турецкого города Изник, которая совершенно не «фарфор», столь ошеломительно красива, что при её виде забываешь всё и вся. Сходите в Топкапы и убедитесь сами. С другой стороны – первый европейский фарфор, безоговорочно признанный именно «фарфором» (мейсенский «rothes porcelain», 1710), имеет тёмно-буро-коричневый цвет.

«Тонкость». Технически, фарфоровая масса, действительно, позволяет изготавливать из неё достаточно тонкие изделия. Но для столовой посуды подобная «тонкость» с утилитарной точки зрения бесполезна, даже вредна. Так что вазы, чайники, блюда, тарелки из фарфора делают точно такой же толщины, как из простой керамики (см. голландские натюрморты). Из личного опыта: тарелки легендарного английского королевского фарфора «Wedgwood», которыми я иногда пользуюсь – да, они очень приятные, но при этом «черепок» у них толще, чем у других моих любимых тарелок, сделанных из обычного «дулёвского» фаянса.

«Прочность». Увы, фарфоровая посуда тоже прекрасно бьётся. Вот сюрприз.

«Твёрдость». Конечно, просто обожжённую глину можно при некотором старании поцарапать ножом. А вот облитую глазурью (то есть стеклом) – уже нет. Давайте честно признаемся – проблема «царапания ножом» керамических тарелок – эта проблема несколько надуманная.

«Полупрозрачность» и «звонкость». Что ж, для рюмок и (с некоторой натяжкой) чашек эти два качества могут иметь определённую ценность (эстетическую). Но, опять-таки, для тарелок и блюд, заполненных дымящимся борщом или пловом – решительно нет. А потому искушённые производители фарфора не торопятся делать всю свою посуду «полупрозрачной». Кстати, эталон фарфоровой «полупрозрачности», а именно «костяной фарфор» – это вообще позднее изобретение (сделанное к тому же не в Китае, а в Англии).

Всё сказанное выше ясно показывает, что в смысле потребительских качеств граница между фарфоровой посудой и прочей керамикой весьма размыта. Это дополнительно подтверждается и тем фактом, что человечество для обозначения качественной керамической посуды (не-фарфоровой) широко пользуется эвфемизмами, включающими в себя слово «фарфор» – «прото-фарфор», «серый фарфор», «примитивный фарфор», «фарфор contrafacta», «фарфор Медичи», «дельфтский фарфор», «неверский фарфор», «мягкий фарфор» и так далее. При том, что всё это НЕ фарфоры.

Так что хотим мы этого или нет, но граница между фарфоровой, фаянсовой и глиняной посудами достаточно прозрачна в обе стороны.

(3). Своим появлением фарфоровая посуда не решила проблемы человечества с индивидуальными ёмкостями для еды (тарелками и кружками). Потому что такой проблемы не существовало. И до всякого фарфора имелось много подходящих для посуды материалов – дерево, олово, серебро, стекло, глина, фаянс. Весьма показательно, что на протяжении первых полутора веков после появления в Европе привозного фарфора, он категорически не воспринимался (и не использовался) в качестве посуды – а только в качестве элемента интерьерного дизайна. Китайскими тарелками оклеивали стены и потолки (дворец «Де-Сантос» в Лиссабоне), из них организовывали специальные «фарфоровые комнаты» для любования (дворец «Шарлоттенсбург» в Берлине). Так что посуда посудой, а фарфор – фарфором.

(4). Определённо, Китай – родина фарфора. Но здесь есть одна небольшая терминологическая путаница. С глубокой древности в Китае (как и везде в мире) известна «керамика», а отнюдь не «фарфор». То, что в строгом (химическом) смысле подходит под определение «твёрдого фарфора», в Китае было изобретено относительно недавно – примерно в то время, когда Данте писал свою «Божественную комедию».

(5). Это удивительно, но особого секрета из «секрета фарфора» в Поднебесной не делали. Возможно потому, что никакого «секрета» здесь и не существовало. Формально, всё было просто. Это как со сложнейшей японской «чайной церемонией» – которая в изложении легендарного «мастера чая» Сэн-но Рикю сводится к тому, что «кипятишь воду, завариваешь чай – и пьёшь».

Европейские путешественники много раз привозили из Китая узнанный там «рецепт фарфора» (Гаспар да Круз, Ксавье д'Антреколь, Осип Мясников; Джон Белл разгуливал по фарфоровой фабрике смотрел там что хотел), но получить с его помощью удовлетворительный результат ни разу не удавалось. Дьявол скрывался даже не в «деталях», а в «общей конфигурации». В Европе долго не могли найти в точности такое сырьё, какое было в Китае. Что одно уже ставило на проекте крест, поскольку химическая формула состава была неизвестна и самим ки-

тайцам – по причине отсутствия ещё самой «химии». Другая непреодолимая причина неуспеха была не менее банальной – недостаточный уровень общей технической культуры керамического (и прочего) производства в Европе. Когда уровень подтянулся, а «химия» появилась – здесь быстро начали делать свой фарфор, без всяких подсказок. Через небольшое время европейский фарфор догнал по качеству китайский – а затем однозначно перегнал.

(6). Массовое распространение фарфора никаких принципиально новых возможностей человечеству не открыло. «Фарфоровой эры» на земле не было. На какое-то время фарфор становился модным предметом роскоши, после чего занял своё скромное место среди многих других элементов быта. Люди при этом, как и раньше, продолжали пользоваться деревянной, металлической, стеклянной и керамической посудой. Что благополучно делают до сих пор.

Так что – фарфор, значит, величина дутая?

Нет, не значит. Свою главную задачу Конфуций видел в «исправлении имён». Моя же цель в данный момент скромнее – «уточнить понятия». Керамическая индустрия во всём мире развивалась непрерывно – но в разных частях мира фазы этого развития не совпадали. И так вышло, что на момент налаживания португальскими моряками надёжного пути в Китай (середина XVI века) уровень развития там керамического дела оказался существенно обогнавшим европейский. Как в технологическом, так и в художественном смысле – причём неизвестно ещё что было важнее.

А потому, китайские керамические тарелки как таковые, доставляемые разными «Ост-Индийскими компаниями», были восприняты публикой, как реально «произведения небес» – и чохом записаны в разряд реликвий. Опять же, так случилось, что в самом Китае на тот момент в моде был характерный стиль росписи – голубым по белому, так называемый «кобальт». А потому этот стиль и стал ассоциироваться в Европе с китайской посудой вообще – и за ним-то и закрепилось понятие «фарфор».

Так что определим, наконец, понятие. В понимании той эпохи, «Фарфор – это любая керамическая посуда из Китая, решённая в кобальтовом стиле и используемая для интерьерного дизайна».

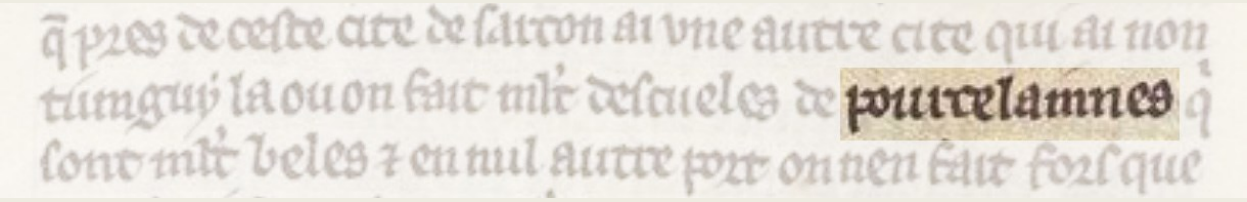
Отдельное слово для обозначения фарфора было выделено практически сразу по появлении самого предмета. Им стало слово «porcelain», от итальянского «поросёнок». Исходно, так назывался моллюск, чью перламутровую раковину напоминал новый материал.

Почву для этого словоприменения загодя подготовил, сам того не подозревая, ещё Марко Поло. Вообще, «porcelain» в его «Книге о многообразии мира» (1296) встречается часто, но там это слово всегда используется по прямому назначению – как название морских раковин, используемых в качестве денег. Но в одном месте «мастер Марко» выходит за эти узкие рамки. В Южном Китае, в провинции Фуцзянь, он становится свидетелем не очень понятного ему явления – и описывает его, как может. А мы сейчас эти его слова (на смеси старофранцузского и «венетского») прочитаем, как сможем.

A cite… Tumguy… on fait moult d’escueles de pourcelamnes qui sont moult beles.

(В городе Тумгуе делают большое количество мисок из «pourcelamnes», которые чудо как хороши.)

(Марко Поло, «Книга о многообразии мира», рукопись, 1350)



[Илл. 08-07-02-01-1. Слово «pourcelamnes» у Марко Поло, которым он образно назвал (по ассоциации с раковиной) неизвестный ему материал. «Книга о многообразии мира», рукопись, 1350. Библиотека Конгресса, id 2021668052, f. 138]

С «городом Тумгуем» более-менее понятно. Скорее всего, это Дехуа, пригород приморского мегаполиса Цюаньчжоу.

А вот с «pourcelamnes» такой ясности нет. То ли автор так обозвал новый вид керамики (ещё не имевший в европейских языках названия), уподобив его покрытию конкретной раковины – то ли (и мне это кажется более вероятным), он посчитал, что данная посуда и изготавливается непосредственно из раковин, каким-то удивительным умением «расправляемых» (или подбираемых, или выращиваемых) в форме мисок. При этом так и не поняв, что перед ним был принципиально новый искусственный материал.

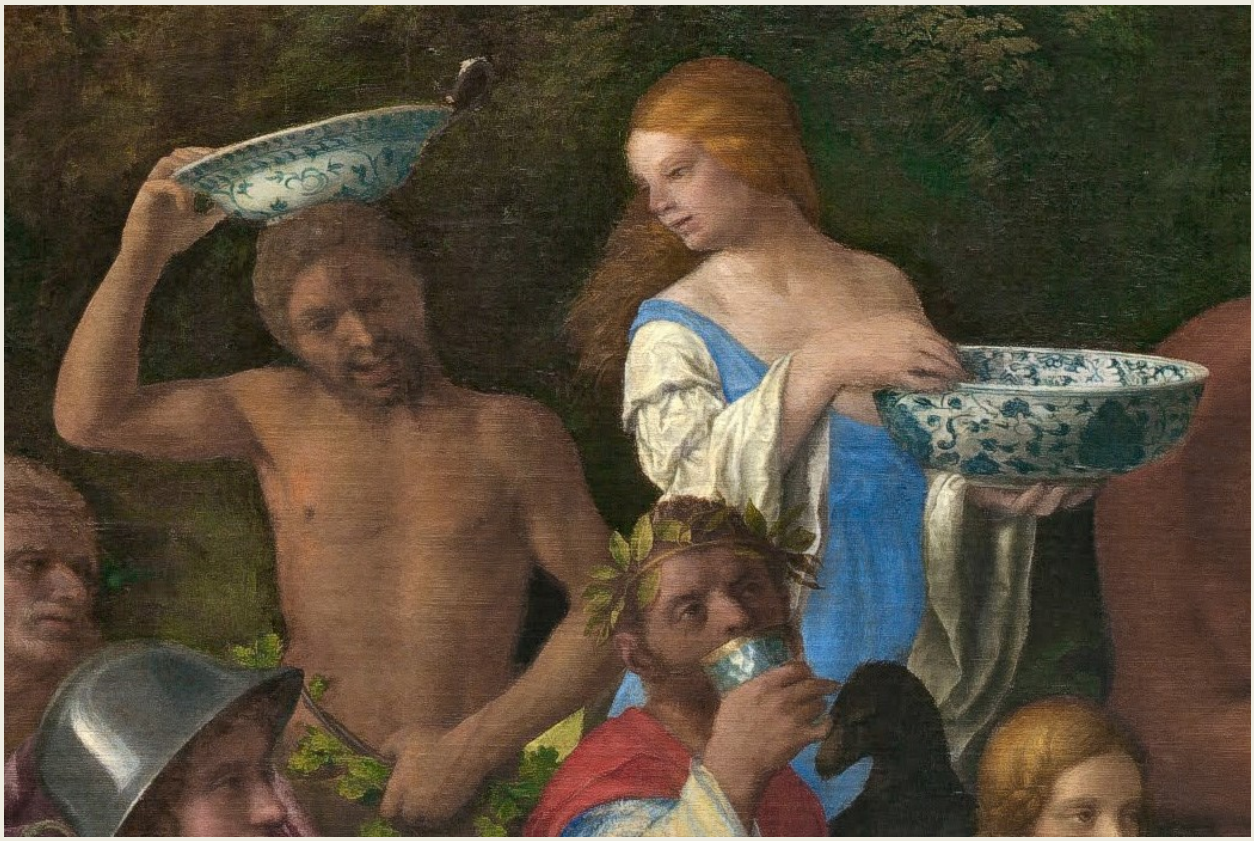
До начала в Европе книгопечатания оставалось ещё добрых полторы сотни лет – так что книга Марко Поло успела походить в рукописях. В некоторых из которых со временем, неизвестно откуда, появился фрагмент, где кратко описывалась весьма фантазийная технология производства этой новой керамики. Однако нет никаких указаний на то, что этот фрагмент исходит от «мастера Марко».

В любом случае слово было брошено – и когда условия созрели (через каких-нибудь пару-тройку столетий), оно сразу нашло себе применение.

Впрочем, случилось это не очень понятно когда. Ибо знакомство в Европе с фарфором произошло раньше логически объяснимого момента. Не знаю как, но ещё до того, как первые европейцы в начале XVI века добрались по морю до Китая, итальянский художник Андреа Мантенья умудрился где-то увидеть стаканчик китайского «кобальтового» фарфора и весьма достоверно запечатлеть его на полотне («Поклонение волхвов», ок. 1495).

[Илл. 08-07-02-02-1. Андреа Мантенья, «Поклонение волхвов», 1495-1500. Фрагмент. Возможно, первое в европейской живописи изображение фарфора. Paul Getty Museum, PA 417]

А прямо в тот самый год, когда нога первого португальца коснулась благословенной земли Кантона (1514), шурин Мантеньи (брат жены) и тоже художник Джованни Беллини изобразил «минский фарфор» уже, что называется, «в полный рост». На его масштабном полотне «Пир богов» (1514) боги в открытую используют тарелки, блюда и тазы (ну хорошо, по одному изделию каждого наименования) бело-голубого минского «кобальтового» фарфора. Материал стакана в руке Юпитера, по причине бликов, надёжно идентифицировать я не берусь.



[Илл. 08-07-02-03-1. Джованни Беллини, «Пир богов», 1514. Фрагмент. Национальная художественная галерея, Вашингтон, 942.9.1]

В любом случае к началу 1600-х фарфор в Европе был уже на слуху. Его мало кто видел, и уж тем более держал в руках, но все о нём знали.

Наряду с модным неологизмом «porcelain», в быту продолжало циркулировать просто «china», «китайское изделие». В 1604 Помпей у Шекспира говорит Эскалу так:

> Ваша милость видели такие блюдца; они не фарфоровые («they are not China dishes»), но тоже очень хорошие.
>
> (Шекспир, «Мера за меру», 2:1:102)

Впрочем, терминологический прогресс потихоньку всё-таки брал своё. Поэт Джон Донн, подаренный нам Хемингуэем (и утративший в зрелом возрасте всякий интерес к стихотворству), в 1609 пишет элегию на смерть своей хорошей знакомой. И там он разворачивает такую метафору, что вещество тела покойной сначала очистится («refine») при распаде его в земле, а затем обретёт новое божественное качество при его обжиге во вселенском огне грядущего конца света («last fire annuls this world») – с последующим его, света, возрождением («recompense»). Такая вот сложная траектория мысли. А что вы хотите, барокко.

Но эту сложную метафору поэт ещё больше усложняет, обёртывая её снаружи в ещё одну метафору. А именно – сравнивая только что обрисованный процесс с процессом изготовления китайцами («men of China») драгоценного фарфора

(«porcelain») путём сначала многолетнего выдерживания в земле обычной «глины» («clay»), а затем её обжига.

> As men of China, after an age's stay
> Do take up porcelain, where they buried clay;
>
> (John Donne, «Elegy on the Lady Markham», 1609, line 21-22)

Как говорится, не на столе – так в строке. Впрочем, именно этот-то «porcelain» (который «в строке») и стал по факту вечным. Всё остальное за века потихоньку побилось.

А вот ещё один поэт, Бен Джонсон. У меня он устойчиво ассоциируется с «Островом сокровищ» – возможно, как суперпозиция Билли Бонса, Джона Сильвера и Бена Ганна. При том, что поэт умер за сто с лишним лет до описанных в романе событий, и за два с лишним столетия до его написания.

Строки Бена Джонсона, содержащие «фарфор» (1623), довольно загадочны. Поэт говорит, что может лишиться чьего-то доверия – и всё из-за какой-то своей «рождественской глины» («Christmas Clay») и «придворного фарфора» («Porcelane of the Court»). Оставим биографам расследовать скрытую от глаз интригу. Для «фарфороведения» же данное место примечательно не этим, а вторым эпитетом (кроме «придворный»), которым поэт снабжает фарфор – «animated». Формально, это «оживлённый», но в данном контексте я бы перевёл это словами «как живой». Так что речь, по-видимому, идёт даже не о посуде, а о мелкой пластике, статуэтке.

> But that's a blow, by which in time I may
> Lose all my credit with my Christmas Clay,
> And animated Porcelane of the Court;
>
> (Ben Jonson, «An Epistle Answering to One That Asked…», line 45-47, 1623)

Сравнение строк Джона Донна и Бена Джонсона показывает, что в начале 1600-х ещё не сложилось устойчивого написания слова, обозначающего фарфор. Его пишут и так, и этак. Но сам фарфор уже был готов выплеснуться на просторы голландских «роскошных натюрмортов». Что вскоре триумфально и произошло, в середине XVII века (см. иллюстрации к «Брахистохроне»). Между тем XVII век кончился и наступил XVIII.

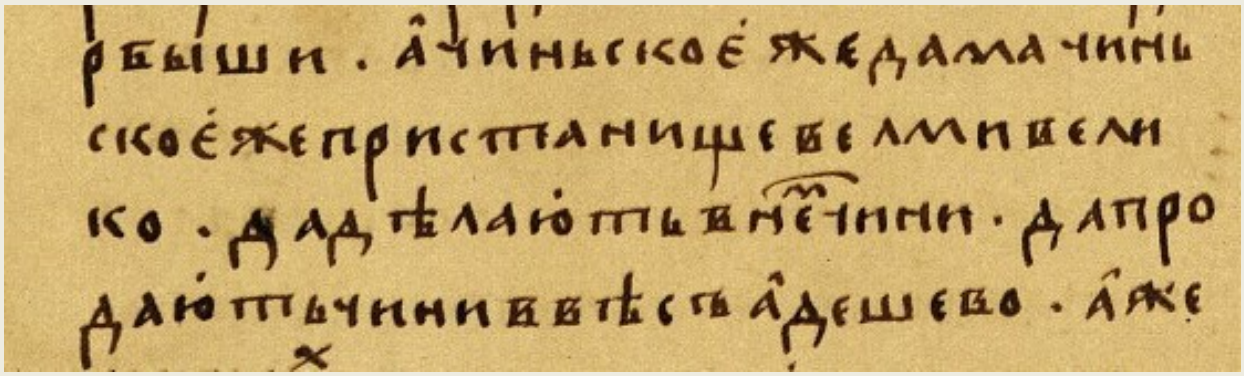
Понятно, что в заданных нашим определением рамках, существование «фарфора» при его местном массовом производстве становится невозможным.

Так оно и случилось. В первой четверти XVIII начала расправлять крылья Мейсенская мануфактура. В 1710 она выдаёт свой первый «красно-коричневый» фарфор («бётгеровский»), в 1713 – первый белый фарфор (ещё без никакой росписи), в 1715 – уже с росписью золотом. А в 1722 пошёл в серию и бело-голубой «кобальтовый» фарфор, ставя тем в этой красивой истории жирную точку. Начался обратный отсчёт до того момента, когда фарфор, понимаемый как «китайская драгоценность», закончится. В обеих смыслах – и как «китайская», и как «драгоценность».

На Руси всё происходило примерно также, но со столетней задержкой. По логике, Россия находилась ближе к Китаю, по логистике – дальше.

Тут тоже не обошлось без провозвестника, втуне опередившего время и пространство. Афанасий Никитин, которого нелёгкая занесла (в 1470) в западную часть Индийского субконтинента на тридцать лет раньше Васко да Гамы, пересказал услышанные там купеческие сплетни про то, что в четырёх месяцах плавания на восток от Индии есть некое «Чинское и Мачинское пристанище» (очевидно, Южный Китай), в котором делают некий «чини». Под этим самым «чини» принято понимать «фарфор», для чего имеются резоны. Действительно, в тюркских языках, в частности в современном турецком и азербайджанском, «чини» (çini) и сейчас означает обобщённую керамику, в том числе фарфор. Не будем также забывать и английское «china».

> А Чиньское же да Мачиньское же пристанище велми велико. Да делают в нём чини. Да продают чини в весе, а дёшево.
>
> (Афанасий Никитин, «Хождение за три моря», по «Троицкому списку»)



[Илл. 08-07-02-04-1. «Чини» (очевидно, фарфор) в «Хождении…» Афанасия Никитина (около 1470). Троицкий список, конец XV века. РГБ, ф. 178, д. 8665, л. 382]

Мы не знаем, знал ли Никитин, что это вообще такое – «фарфор» («чини»), или он просто честно воспроизвёл услышанную им коммерческую байку о фантастических заморских барышах. В любом случае, страна не прислушалась к своему пророку – и заинтересовываться фарфором отказалась.

А потому, когда сто двадцать лет спустя (1590) иностранные гости подарили широко образованному и эрудированному Борису Годунову набор чудесных расписных тарелок (а ведь то был даже не фарфор, а «изникский фаянс») – он реально не понял, что это такое. И отправил эти цветастые глиняные круги в своё подмосковное хозяйство на строительные нужды. Где они благополучно были вмазаны в штукатурку «кокошников» (по тарелке на «кокошник») церкви Живоначальной Троицы в селе Хорошёво, что у Серебряного бора. Одна из этих «изникских» тарелок даже сохранилась до нашего времени, перекочевав в соответствующий музей (и будучи, похоже, затем подменённой в публичной экспозиции другой тарелкой подобного типа).

Пройдёт ещё три четверти века (1665), и Николаас Витсен обнаружит в Москве всё ту же картину. Голландское посольство привезло московскому царю многочисленные дары. По существовавшему регламенту, их должны были на месте

проверить и переписать специальные бояре – специалисты по оценке предметов роскоши. Пока они описывали золото, всё было нормально. Но когда очередь дошла до самой «изюминки» подношения – драгоценного китайского фарфора – их реакция оказалась довольно странной. Оценщики заявили, что «это глина», которая у них «ценится дёшево» (Витсен, «Путешествие в Московию», запись от 23 января 1665). Из чего следует не то, что московские рынки были завалены китайским фарфором – а то, что в Москве даже профессионалы по роскоши ещё слыхом не слыхивали о существовании такого явления, как «фарфор».

Ещё тридцать лет спустя (1695) в Москву из Пекина вернулся Избрант Идес. Хотя он ездил туда по царскому повелению, перед отъездом он на всякий случай дополнительно запасся всякими-разными рекомендательными письмами. Одно из которых подписал ему служивший в Москве шотландец Патрик Гордон. Как Идес представлял себе использование в Китае рекомендации некоего «Гордона», я даже предположить не могу. В любом случае, по возвращении он посчитал нужным отблагодарить своего рекомендателя – и подарил ему «6 малых чайных чашек с блюдцами и 9 кумок, или глубоких блюдец, разных размеров и видов – все фарфоровые». Так вот, судя по общей тональности, Гордон таким подарком далеко не впечатлился (Патрик Гордон, «Дневник», запись от 20 февраля 1695. РГВИА, ф. 846, оп. 15, д. 5, л. 449 об.).

До этого момента включительно, для фарфора на Руси не было специального слова, он подпадал под общий термин «ценинная посуда», означающий любую обливную керамику (у Гордона фарфор хоть и был указан конкретно, но дневник он вёл на английском, так что это был, извините, «porcelain»).

Первый известный мне случай называния фарфора «фарфором» датируется 1699 – в описи предметов из каюты Петра I на корабле азовской флотилии «Апостол Пётр». Там, в числе прочего, значились:

> 9 чашек фарфоровых больших и малых, в том числе 3 желтых, 3 белых, 3 малых с лица лимонные, а внутри белые с лазоревыми травки; 6 чашек китайских белых с травами, 2 чашки зеленые фарфоровые ж.
>
> (РГАВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 10 (?). Опубликовано: Елагин, «История русского флота», «Приложения, т. 1», док. 62, 1864)

Хотя в информационном пространстве начала 1700-х мы фарфора пока всё ещё не видим, в сундуках больших людей он уже определённо начинает водиться. Главный (и практически единственный) здесь источник – это «конфискационные ведомости», описывающие отошедшее в казну имущество. Из них ясно видно, что сундуки и лари опальных вельмож (Василия Голицына, царевича Алексея, Матвея Гагарина, Александра Меньшикова и далее по списку) были под завязку набиты фарфоровой посудой – не использовавшейся при этом ни для застолий, ни для декора. Фарфор (ещё толком не названный по имени) всё ещё отсутствует на столах – но при этом уже полнит кладовые. Так, на всякий случай. Ценность его пока ещё ясна не до конца, но диковинность – очевидна.

По своему механизму это было сходно с тем, как если бы первобытный человек благоговейно подобрал, а затем поместил в красном углу своего шалаша вынесенную волнами на берег пустую пластмассовую баночку из-под йогурта. И другую, и третью. Целый алтарь образовался бы в шалаше из диковинных, тончай-

ших, прозрачных, невесомых и не бьющихся «небесных пузырей», представляющих собой застывшие «божественные выдохи». Держать в них на рыбалке дождевых червей было бы реальным святотатством.

Да что там «первобытный человек». Я сам когда-то мыл, сушил и хранил на кухне картонные литровые пакеты из-под импортного сока – для упаковки потребуются, а кто знает, будут ли ещё.

К 1730 фарфор заговорил на русском языке уже в полный голос. И это был голос Антиоха Кантемира:

Сегодня услышал, что караван с Китая
Прибыл, в нем фарфорная посуда драгая
Множеством привезена и за малу цену
Продают, которую, если везти в Вену

(Антиох Кантемир, «Сатира III» в ранней редакции 1730, с. 25-28)

Ниже в этой же сатире (и в этой же ранней редакции) Кантемир так описывает зазнавшегося аристократа:

Мнит он, что вещество то, что плоть ему дало,
Было не такое же, но нечто сияло
Пред прочими; и была та фарфорна глина –
С чего он, а с чего мы – навозная тина.

(там же, с. 283-286)

Но человек – он ведь устроен так, что не поверит, пока не увидит. И вот, начиная с 1737 фарфор, наконец, стало возможным и «увидеть». Конкретно – на натюрморте Григория Теплова, только-только вернувшегося из Германии. Любопытно, что жанр картины, отвечающей за формирование нашего доверия, называется «обманка».

[Илл. 08-07-02-05-1. Первый случай изображения фарфора (возможно, «мейсенского») русским художником. Григорий Теплов, «Обманка», 1737. Эрмитаж, инв. № ЭРЖ-2222]

Теплов со временем достиг заметного положения в Академии Наук, хотя имел самое простое происхождение – он был сыном истопника Александро-Невской Лавры. Есть предположение, что и фамилию свою он получил по роду деятельности отца, то есть от «печки».

Через десять лет после создания Тепловым своей «обманки», под Петербургом вступил в строй собственный «Императорский фарфоровый завод» (1747). И спустя всего несколько десятилетий рафинированные обладатели драгоценных коллекций получили то, что заслужили – «китайский чайник» Ольги Лариной на каждом полустанке, у каждого станционного смотрителя. Фарфор как «китайская драгоценность» снова закончился – теперь уже и в России.

Но мы забегаем немного вперёд. На дворе пока 1715. «Кобальтовый фарфор» на Мейсенской мануфактуре ещё только в голубых мечтах, «Императорского завода» ещё нет и в проекте. Фарфор всё ещё драгоценен и за ним всё ещё охотятся.

И Лоренц Ланг царским велением отправляется из Петербурга в Китай. Конкретно и именно за фарфором.

2. Госзаказ

В этой истории мы ранее договаривались танцевать от печки, в смысле – «от фарфора».

Но и в смысле «от печки» тоже. Потому что целью всей описываемой ниже грандиозной операции являлась печка из фарфора, которую царь вдруг возжелал.

И вот бывший шведский военнопленный Лоренц Ланг был в 1715 отряжен в Китай с заданием добыть там печь, сделанную целиком из фарфора. Данное задание имело статус Госзаказа.

Ланг, на пару с доктором Гарвиным, выехал из Петербурга в августе 1715. А уже пятнадцать месяцев спустя (опустим пока дорожные подробности) он проезжал перед главными воротами Запретного города в Пекине.

На месте выяснилось, что ни о чём подобном в Китае слыхом не слыхивали. Такой дурью никто здесь не маялся и печи делали, как и положено, из кирпича – с последующей, если нужно, облицовкой изразцами. Но… если очень надо… Передаю дальше слово самому Лангу.

> Я спросил французского патера, возможно ли в Пекине купить печь из хорошего фарфора (Ofen von gutem Porzellan für Gold in Peking), и попросил его помочь мне в этом. Но он ответил, что это трудно выполнить, так как таких вещей в Китае никогда не видели и не делали. Он попросил затем рисунок. Когда я ему показал, он ещё раз подтвердил, что это невозможно, и никто не возьмётся за эту работу, если не будет строгого приказа императора. Сразу после этого он отправился ко двору, хотя я пытался всеми средствами удержать его. Вернулся он через час с мандарином и попросил от имени императора рисунок печи. Как только император увидел его, он известил меня, что мне не надо об этом больше беспокоиться. Никто не может сделать такую вещь для продажи, но он пошлёт рисунок с мандарином в провинцию, где изготавливают фарфор, и прикажет сделать печь, а потом подарит печь его императорскому величеству. Сразу же патеру Килиану Штумпфу, который возглавляет математические науки в Пекине, было приказано изготовить деревянную модель и передать мандарину. Но до отъезда мандарина я пригласил его к себе и подарил ему несколько соболей, чтобы он получше выполнил порученное дело. Он пообещал мне тогда, что в августе 1717 он прибудет в Пекин с этой печью.
>
> (Дневник 1-го путешествия Ланга. Запись, сделанная вскоре после 11 ноября 1716)

Короче, печь сделать обещали. О чём Ланг отправил радостное сообщение заказчику (царю Петру). Скорость прохождения писем от Пекина до Петербурга составляла тогда при удачном раскладе пять-шесть месяцев. Хорошие вести летят быстрее, так что в данном случае пакет дошёл за пять.

Царь отреагировал мгновенно. В середине апреля 1717 он отдаёт распоряжение сибирскому губернатору немедленно выслать на китайскую границу для встречи

печи специальных людей, чтобы по прибытии туда Лоренца Ланга забрать у него означенный объект и нестись с ним, курьерским манером, в Петербург.

> Господин губернатор. Печи порделиновыя, которыя деланы в Китайской земле и вскоре оттоль вышлютца, велите на рубеже принять и отправить их в Питербурх немедленно. Петр.
>
> Из Кале, в 18 день апреля 1717
>
> («Именные указы Петра I Сенату». РГАДА, ф. 1451, оп. 1, д. 8, л. 114)

В этом тексте обращает на себя внимание место его написания – французский город Кале. Русский царь находился в европейском путешествии.

Но ни фрикасе из цыплёнка, ни дезоближан до Парижа не могли помешать Петру распорядиться насчёт данной своей фарфоровой фантазии, которую всколыхнуло письмо от «отца Лоренцо» (или, если угодно, «магистра Лоуренса»). Царский указ в тот же день полетел обратно в Сибирь, валя верстовые столбы и искря боками о пустые пространства Сибирского тракта. Впрочем, пространства никогда не бывают пустыми. Они насыщены созидательными смыслами. Мне тоже жаль человека, который способен пройти от Магадана до Версаля, восклицая: «Как всё бесплодно кругом!».

И даже если во Франции это устроено лучше, давайте вернёмся в Китай.

Мы плохо знаем, как процесс с печью протекал дальше. Мы даже не знаем точно, когда именно Лоренц Ланг покинул Пекин – до или после названного ему «августа 1717». При этом зафиксировано документально, что в октябре 1717 он (всё с тем же доктором Гарвиным) уже миновал Тобольск на обратном пути в Петербург. В любом случае обещанной ему печи он в Пекине не дождался и вернулся без неё.

Удивительным образом, это сошло ему с рук, и даже не повлияло на карьеру. Уже через год, в июне 1719, Ланг снова едет в Пекин – теперь уже в составе посольства Измайлова. По прибытии туда (ноябрь 1720), он узнаёт там радостную новость – фарфоровая печь полностью готова, даже две. Это зафиксировал в своём дневнике спутник Ланга, шотландец Джон Белл.

> Отец Фриделлий, последуемый многими мандаринами, принес [на русский посольский двор в Пекине] подарок от императора его царскому величеству. Состоял оный в шести больших ящиках фарфоровых плит белаго и голубаго цвета, подобных тем, из каких в России делают изразцовыя печи, и которыя были такия твердости, что могли простоять многие веки.
>
> («Записки» Джона Белла, гл. 10. Запись от 23 декабря 1720)

На этом эпопею с фарфоровой печью для царской спальни можно считать законченной.

Впрочем, данную историю можно рассказать и по-другому. Vous en demandez encore? Eh bien, écoutez l’histoire.

В то самое время, когда Ланг договаривался в Пекине об изготовлении фарфоровой печи (ноябрь 1716), у русского царя стремительно назревала проблема. Точнее, проблема уже имелась, просто на тот момент царь ещё не знал о её существовании. Однако через месяц он узнает. И это станет, возможно, самым сильным потрясением в его богатой на потрясения жизни. В каком-то смысле, с этого момента у него начнётся обратный отсчёт.

Примерно двадцатого декабря 1716 до царя, наконец, дошло, что его прямой наследник, всячески им третируемый царевич Алексей, исчез. Царевич направлялся по вызову Петра к нему в Европу (для очередной расправы) – но по дороге просто испарился. Последний раз его видели в конце сентября 1716 в Риге, а после – никто и нигде.

Все сыскные ресурсы державы были брошены на поиск беглеца по маршруту его предполагаемого следования. И всё напрасно. Царевич как в воду канул.

Мириады тайных агентов с набитыми казённым золотом карманами и сопровождаемых «группами захвата» («4-5 офицеров»), прочёсывали по всей Европе постоялые дворы, почтовые станции и регистрационные конторы. Подкупали извозчиков, кабатчиков, писарей, менял, привратников, брадобреев, шляпниц – всех, кто мог хоть как-то навести на след маленькой группы людей, ведущих себя странно, выглядящих растерянно, одевающихся непривычно и плохо говорящих на местных языках.

Вы скажете, что при подобном алгоритме в конце длинной цепочки поисков вполне мог оказаться какой-нибудь венгерский кавалер-дуэлянт, скрывающийся со своей кузиной-любовницей после растраты полковой казны? Абсолютно. В девяноста девяти процентах случаев всё именно этим и заканчивалось – и неудачливые «следаки» тащились назад, с тоской думая о том, как они будут отчитываться за проеденные служебные дукаты.

Но одному удача улыбнулась. Назову даже фамилию: Веселовский. Чем дальше он шёл по следу, тем больше признаков указывало на то, что он гонится за именно русскими, за очень высокородными русскими, за очень высокородными русскими, явно путающими следы.

Впрочем, всё было зыбко. К примеру, писарь у городских ворот, заносящий в ведомость въезжающих, описал весьма похоже (за соответствующую мзду) внешность прибывших – и даже назвал гостиницу, где те собирались остановиться. Тут надо уточнить, что у беглецов исходно была большая фора по времени, так что все добываемые сведения были двухмесячной давности. Поэтому к тому времени из гостиницы (если конкретно о Вроцлаве, то это был «Золотой гусь») они уже давно съехали (сообщил трактирщик за мзду), но их подобрал извозчик, которого зовут (дополнительная мзда) так-то.

Нашёлся и извозчик, но тут след оборвался. Пассажиры велели высадить их на углу – а дальше пошли пешком в неизвестном извозчику направлении.

И вот так – улица за улицей, деревня за деревней, город за городом, страна за страной – Веселовский шёл по следу царевича и его маленькой группы, состоящей из его юной подруги Ефросиньи и пары слуг. Пириц, Франкфурт-на-Одере, Вроцлав, Легница, Прага, Вена.

Беглецы вели себя предельно осторожно. Для конспирации царевич отпустил «французские» усы. Ефросинья переодевалась в мужскую одежду. Группа (и так-то крохотная) разбивалась на части и прибывала на место встречи в разное время, иногда и в разные дни. Двигались сложным, непрямым маршрутом, маскирующим конечный пункт назначения.

От одной только вещи избавиться им так и не удалось – плохого языка (у слуг) и характерного акцента (у царевича). С учётом данного акцента им и был выбран (весьма грамотно) псевдоним, не вызывающий лишних вопросов, но и не дающий дополнительных зацепок – Коханский.

В осведомлённых кругах Петербурга циркулировали следующие основные версии (в порядке распространённости): 1. Царь сам прикончил царевича, а все дальнейшие поиски – просто инсценировка (в это почему-то все сразу охотно поверили); 2. Царевича в дороге зарезали разбойники (что для него было бы лучше, чем первая версия, но тоже плохо); 3. Царевичу действительно удалось сбежать. По войскам поползли разные ненужные разговоры.

Так прошло почти четыре месяца с момента обнаружения пропажи царевича, и семь месяцев с момента фактического его бегства.

И вот тут, 10 апреля 1717, сразу две ищейки (Веселовский и Румянцев) одновременно пишут Петру, что им стало известно точное местонахождение царевича. Это – маленькая крепость в совершенно глухом и недоступном месте в австрийских Альпах – замок Эренберг (примерно между горнолыжными центрами Санкт-Антон и Инсбрук). Пребывает там царевич в режиме абсолютной секретности – весь личный состав крепости (за исключением командира) посажен на казарменное положение, никому (даже гражданскому персоналу) не дозволен вход-выход, никто не знает имени таинственного «узника» (гарнизону его статус подан так), а все дороги в окрестных долинах строго контролируются на предмет появления посторонних, тем паче иностранцев. И хотя выкрасть оттуда царевича не представляется возможным, это – точно он.

Итак, царевич был обнаружен. У Петра прямо камень свалился с плеч. При этом свалился он ему прямо за пазуху. До этого момента Пётр рвал и метал, требуя царевича найти. Но при этом оставалась некоторая вероятность, что того, действительно, зарезали разбойники.

А теперь, когда царевич был обнаружен живым-здоровым, Петру не оставалось ничего другого, как сначала его заполучить, а потом собственноручно разорвать на куски.

А с этим было не всё так просто, как представляется со стороны. Учитывая то обстоятельство, что царевич – легитимный наследник престола, а всякая власть (в том числе будущая) – от Бога. Не будет ли это расценено Им, как нарушение Его воли, или – не дай бог – как «наезд»?

Дополнительный вклад в эти тяжёлые фрустрации внёс и конкретный день получения известия.

Как мы знаем, из Пекина в Кале письмо идёт 25 недель. Из Вены в Кале оно доходит быстрее, всего за одну. А потому донесения, отправленные из Вены 10 апреля, Пётр должен был получить 17-18 апреля.

Как раз шла Страстная неделя, предшествующая Пасхе. Конкретно 18 апреля был «Страстной четверг» – день Тайной вечери, молитвы в Гефсиманском саду, предательства Иуды, ареста Иисуса, суда на ним и отречения апостола Петра от своего учителя. Все эти позиции отражены в соответствующих церковных службах Страстного четверга.

Особенно важна для нас та из них, что связана с апостолом Петром. Ибо русский царь тесно ассоциировал себя именно с ним. Сант-Петербург формально отсылает не к царю, а к апостолу Петру; название царского корабля – «Апостол Пётр» – не требует комментариев.

Так вот, в Страстной четверг апостол Пётр проявил (единственный раз в жизни) некоторое малодушие. Ничего особенного, но тем не менее.

На Тайной вечере он сказал Иисусу:

– Ребята за тебя лечь готовы.

– Готовы? Да ты трижды меня кинешь, ещё петух не пропоёт.

– Ты фильтруй базар-то.

– А вот увидишь.

Прошло всего несколько часов – и всё ровно так и случилось. Петра трижды в разных ситуациях спрашивали, не знаком ли он с Иисусом – и он трижды отвечал, что нет. С одной стороны, отречения Петра можно квалифицировать как конспирацию – чтобы сохранить шанс помочь арестованному товарищу. С другой стороны – помочь он так и не помог, а отречься – отрёкся, причём трижды. Вслед за чем сразу пропел петух.

Не слишком красивая история. И царю Петру каждый год в Страстной четверг о ней напоминала церковная служба («12 Страстных Евангелий»). Ведь Петры друг за друга в ответе.

И то обстоятельство, что царевич нашёлся именно в этот день (когда с самим Петром не всё было ладно) – оно ещё больше замутнило грядущую над царевичем расправу. Так что Петру впору было брать ведро «крепиша» (понятно из контекста) и упиваться до белой фарфоровой горячки (что, к слову, вскоре и было исполнено, см. письмо к Екатерине от 22 апреля).

И вот в этот острый момент приходит ещё одно письмо – от Лоренца Ланга из Пекина. По поводу фарфоровой печи.

Хочу здесь уточнить. Речь шла не о «печи, облицованной фарфоровой плиткой» (что было бы ещё понятно), а именно о «цельнофарфоровой печи». Это при том, что теплоёмкость у фарфора и кирпича примерно одинакова, а теплопроводность у фарфора заметно выше – что делает его использование в качестве печного

теплоносителя менее желательным (отдаёт тепло не так равномерно, быстрее остывает).

И этот факт делает настойчивое желание царя заиметь именно «цельнофарфоровую печь» несколько загадочным. Зачем ему это могло быть нужно?

Мы знаем, что царь Пётр во время своего правления ввёл в практику уничтожение документов по некоторым закрытым судебным процессам – видимо тем, где он опасался будущего Суда Истории уже над собой.

Но это было, конечно, полумерой. Да, протоколы допросов можно сжечь в печи – но ведь всё это продублировано ещё и на Небе, в «горних скрижалях». Вот если бы можно было изготовить приспособление с каким-нибудь действительно «очистительным огнём», стирающим одновременно записи также и на всех «Небесных Серверах»?

В то время фарфор имел устойчивую репутацию сверх-материала, обладающего невероятными, до конца не изученными свойствами. Например, всем было доподлинно известно, что он выявляет подмешанный в пищу яд. Так что нельзя исключить, что в чьей-то светлой голове родилась идея, что печь из «чистого сверхматериала» (то есть из фарфора), да ещё зажжённая посредством «чистого огня» – что она и будет таким «абсолютным шрёдером», полностью зачищающим хвосты судебных преступлений.

А «чистый огонь» – вот он, пожалуйста. Это огонь, горящий в церкви раз в году, а именно – в Страстной четверг во время литургии (плавно перетекающей в утреню Страстной пятницы). Именно этот огонь прихожане после службы разносят по домам и потом в течении года пользуются им, стараясь не дать ему погаснуть. Да вот он как раз сейчас и горит – 18 апреля 1717, бери не хочу.

И в таком вот богатом контексте царь получает из Китая известие от Ланга – с фарфоровой печью всё на-мази, скоро сделают.

Слава-те Господи! Даже если «цельнофарфоровая печь» исходно и заказывалась в качестве простого баловства и царской прихоти, то теперь само Провидение определило ей ключевую роль в предстоящем деле. С царевичем можно уже не церемониться, есть чем зачищать следы.

Точнее, «будет». И тут надо проследить, чтобы доставка прошла без сбоев. Так что указ о срочнейшей доставке печи с китайской границы пишется незамедлительно.

Ранее я отмечал место его написания (Кале). Теперь пришло время обратить внимание и на дату: 18 апреля 1717. Страстной четверг.

Конечно, всё это немного отдаёт пьяным бредом. Ну, так… да.

Конец истории хорошо известен, но я всё-таки его проговорю. Надо отдать должное императору Священной Римской империи, к которому царевич Алексей обратился в декабре 1716 с просьбой спасти ему жизнь. Несмотря на все наскоки и угрозы со стороны российской дипломатии, Карл VI царевича не выдал. Да, появление в Вене наследника русского престола было воспринято, мягко говоря, без

восторга – но долг по спасению человека, чья жизнь поставлена под угрозу безо всяких на то оснований – этот долг оказался важнее сиюминутных дипломатических выгод.

Когда царевич был петровскими шпионами всё-таки обнаружен, император предоставил ему другое место, ещё более надёжное – Неаполитанскую крепость. И хотя охране было сообщено, что это высокопоставленный «заключённый», никто царевича ни в чём не неволил. Находиться ему здесь под охраной, или отправиться к себе на родину – это было полностью на его усмотрении.

Но шпионы нашли его и здесь – и началась операция по выманиванию беглеца. Лестью, посулами, клятвами, подкупом окружения и обманом. Длилось это без малого девять месяцев. В конце-концов царевич дрогнул и с тяжёлым сердцем согласился-таки на возвращение. 31 января 1718 он был доставлен в Москву.

Что было дальше? А вы как думаете. К концу июня 1718 уже во всём «сознавшегося» царевича царь собственноручно запытал до смерти, просто для удовольствия. Народу было объявлено, что царевич «умер».

Но перед этим царь позаботился о том, чтобы дополнительно замазать всю государственную верхушку. По его приказу сто двадцать семь человек вынуждены были вынести от своего имени и подписать смертный приговор царевичу. Среди подписантов мы видим, увы, наших хороших знакомых – Петра Толстого, Дмитрия Голицына и умницу и эрудита Андрея Матвеева, которого в детстве сам Спафарий учил и латыни, и греческому. Вот так вот закончилась данная история.

А ведь эту историю можно рассказать ещё и по-третьему.

В указе Петра о скорейшей доставке фарфоровой печи мы уже обращали внимание на место его написания (Кале) и на дату (18 апреля 1717). А давайте теперь посмотрим на адресата. Это – князь Матвей Гагарин, губернатор Сибири.

Депеша Петра летела из Кале в Тобольск (не в Пекин) шесть месяцев. Ничего странного – летом Сибирский тракт совсем не «айс».

По получении указа, Гагарин сразу отписался. Благо, было чем – и себя подать, и конкурента притопить. 30 октября 1717 он из Тобольска пишет царю следующее:

> В указе мне <…> написано, дабы послать мне на границу китайскую, как вывезут из Китай порцелиновые печи, дабы их, приняв, и послать вскорости в Санкт-Питербурх.
>
> И по тому <…> указу на китайскую границу посланы. И как вывезут, то, не промедля малого времени, привезут к вашему величеству. Указ де вашего величества был о тех печах иноземцу Лоренсу, но оной их не вывес, и сказал мне, что с ним не поспели те печи.
>
> А в <…> 1716 году изволил величество ваше приказать мне, чтобы послать в Китаи для дела таких печей. И <…> от меня послан нарочной посыльщик и <…> даны ему в Тобольску деревянные обрасцы <…>. А писать, великий государь, на них велел китайским маниром, как они пишут на судах парцелиновых. И велел тому посланному спешить с теми

> печьми как возможно. И надеюся, великий государь, что в начале 1718 году вывезут их. <…>
>
> Вашего величества последний раб Матвей Гагарин.
>
> (РГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. 11, кн. 32, лл. 142 об. — 143 об.)

Выходит, существовал ещё один, параллельный заказ на фарфоровые печи, запущенный по линии Гагарина.

Своё письмо Гагарин заканчивает оптимистичным прогнозом – «Надеюсь… что в начале 1718 вывезут их».

Прогноз этот сбылся. Почти. Единственно, в начале 1718 из Сибири «вывезли» не «печи» – а самого Гагарина.

В «начале 1718» Гагарин был срочно вызван в Петербург. Назад он уже не вернётся. После года разбирательств его отстранят от должности и арестуют.

Показательная деталь. Находясь в течение 1718 уже под разбирательством, Гагарин бодро выносит и подписывает, вместе с остальными избранниками, смертный приговор царевичу Алексею. После чего уже по нему самому начинается полноценное следствие.

Не прошло и двух лет, как в Пекине заподозрили что-то неладное. Один из первых вопросов, который был задан китайцами прибывшему сюда 18 ноября 1720 послу Измайлову, был вопрос об исчезновении Гагарина. Измайлов их успокоил – это всего лишь рутинная процедура, связанная с отчётностью («Статейный список» Измайлова, л. 58 об.).

Ну, я бы так не сказал. И Гагарин, боюсь, тоже. К весне 1721 следствие не просто «набрало оборот» – оно вышло на какой-то новый уровень лютости. Не о фарфоровых печах надо было печься Гагарину в октябре 1717 – ох, не о них.

14 марта 1721 ему будет вынесен смертный приговор. Который подпишут – ну да, всё те же «Пётр Толстой, Дмитрий Голицын, Андрей Матвеев» со товарищи. В число которых теперь войдёт (как бы на замену выбывающему Гагарину) ещё один наш старый знакомый – гуманист, просветитель, основоположник молдавской культуры и науки, музыкант, составитель карты Стамбула и образованнейший человек своего времени Дмитрий Кантемир.

Гагарина не просто повесят. По царскому приказу его тело будет оставлено висеть для расклёвывания птицами ещё многие месяцы. Как показатель реально первобытного по своей природе озверения царя, последовал приказ уничтожить все до единого изображения казнённого.

Когда «умер» царевич Алексей (июнь 1718) фарфоровыми печами ещё и не пахло. А вот к Гагарину они уже практически поспели. 1 марта 1721, накануне отбытия русского посольства из Пекина (и за две недели до казни Гагарина), Георг Унферцагт (спутник Ланга и Измайлова) записал в своём дневнике:

> 1 марта [китайский] император прислал на Посольский двор с двумя господами иезуитами две фарфоровых изразцовых печи, которые были специально изготовлены для того, чтобы посланник мог их доставить в качестве подарка их императорскому величеству Великой России. Изразцы были упакованы по номерам в отдельные бочонки, и все уложено в хлопчатую бумагу для предстоящего далекого пути. Господа иезуиты велели вынуть обе печи из этих бочек и положить во дворе, чтобы показать как изразцы подгоняются один к другому и иметь возможность в дальнейшем их использовать. Все это я потом записал. Когда нам все объяснили, изразцы снова положили в бочки.
>
> (Унферцагт, «Die Gesandschaft… 1719 von Petersburg nach Pekin». 1725, Lübeck)

13 января 1722, после более чем пятилетней эпопеи, «2 печи фарфоровых» прибыли, наконец, в Москву («Роспись подарков», привезённых Измайловым, л. 208). Может это и совпадение, но все документы по делу Матвея Гагарина оказались полностью уничтоженными – так что мы даже не знаем в чём он, собственно, обвинялся.

Дальнейшие следы фарфоровых печей также (как и «дело Гагарина») теряются.

3. Госзаказ-2

Хотите четвёртую версию этой истории? Шучу. Хватит пока о фарфоровых печках.

Тем более, что они уже не были главной целью второго путешествия Ланга в Китай. У него было новое спецзадание. Назовём его «Госзаказ-2».

Из первого своего путешествия Ланг вернулся в Петербург в начале 1718 – а уже 16 июня 1719 он снова отправляется в Пекин – в составе посольства Измайлова. Спутниками его стали, в числе прочих, Джон Белл и Георг Унферцагт.

На этот раз царю потребовались обои. Обои для обивки опочивальни. Восемнадцать рулонов, всё посчитано. Лангу с собой были даны инструкции и образцы.

О шёлке, как продукте, я ещё не рассказывал. Но и не буду. Уж чтобы в Китае шёлка не нашлось – кто в это поверит?

А зря. Вот что выяснилось на месте :

> Обоев равно не всегда найти можно в Китае, я разумею: годных для обивки покоев: обыкновенные продаются по 15, 20, 30 и даже 80 ланов штука.
>
> (Лоренц Ланг, «Подённая записка пребывания… при китайском дворе», запись за июнь-август 1721)

Короче, с обоями повторилась та же история, что и с печами. Увидев образцы, подрядчики заломили несусветную цену (триста килограмм серебра), при этом потребовали, чтобы материалы (шёлк, золото и серебро) заказчик предоставил

свои, и на исполнение заказа отводили три года. Условия нереальные по всем пунктам.

А потом в дело вмешался император – и всё мгновенно устроилось. Работа стала бесплатной (за счёт императора), требование материалов исчезло и изготовить обещали быстро (хотя к отъезду посольства всё равно не успевали – впрочем, Измайлов сам с этим заказом поздно дёрнулся).

К отъезду поспел только один рулон.

> Император приказал <…> отправить к нам на подворье дары <…>. Оные состояли в шелковых весьма богатых обоях для двух комнат.
>
> («Записки» Белла, запись от 10 февраля 1721)

Уже прямо в день отбытия (2 марта) был проведён последний раунд переговоров по этой важной теме межгосударственных отношений.

В ходе переговоров, прошедших в тёплой, дружественной атмосфере, китайский высокопоставленный представитель проинформировал, что:

> Которые шпалеры в ханском дворе делаютца, ежели оные не зделаны, то велел де хан обнадежить ево, посланника, что, зделав, те шпалеры пришлютца.

На что русский посол решительно заявил, что:

> Он такие шпалеры хотел было зделать или купить, сыскав деланые, а что ханское величество изволил уведомитца и приказал зделать оные в своём дворе <…>, и для тех шпалер повелели оставить в Пекине человека ево посланникова.

В ответ китайской стороной было дано разъяснение, что

> В Пекине готовых сыскать невозможно <…> чего ради его величество приказал зделать оные во дворе у себя, понеже, кроме дворцовых его, таких мастеров в Пекине не обретаетца. И для оных шпалер по требованию ево посланникову, чтоб оставить из драгун.

В завершение обе стороны выразили твёрдую уверенность, что:

> Вскоре с оным драгуном они отправят не умедля, а чего не поспеет, то достальные могут прислатца и после.
>
> («Статейный список» Измайлова, л. 177)

На этом Измайлов уехал. А Ланг с помощниками остался в Пекине – ждать исполнения Госзаказа. И когда 21 октября 1721 все обои были, наконец, готовы, Ланг в тот же день отрядил Унферцагта доставить их царю.

Торопился он не зря – царь начинал нервничать. Когда курьер был уже в пути, Пётр направил Лангу грозное напоминание (19 марта 1722):

Консулу, что в Китаях, Лоренсу Лангу

Господин Лоренс.

<…> Старайся, чтоб достальные обитья прислать, которые по маделом, посланным с вами, деланы, ис которых одна штука только прислана с-Ызмайловым.

(РГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. I, кн. 62, л. 748)

К счастью для всех, через два месяца после отправки этого письма, 28 мая 1722 курьер уже добрался до места – до Нижнего Новгорода, где царь находился проездом в рамках затеянного им «Персидского похода».

Поход был на время забыт – обои приехали!

Сначала царь осмотрел их сам («с величайшим удивлением»), рулон на рулоном. Потом задал Унферцагту сопутствующие вопросы.

Потом обои были продемонстрированы царице («госприёмка»). Она одобрила.

Потом, уже в другом месте, был сделан официальный смотр обоям. Они были вторично предъявлены царице. На этот раз у неё имелся только один вопрос – во что всё это обошлось? Ответ Унферцагта, что это бесплатно (мол, подарок от китайского императора) вызвал у неё саркастическую усмешку.

После царицы, к бесценным «обитьям» были допущены министры и верхушка генералитета (война как-никак).

Пётр не мог удержаться, чтобы не подначить при этом генерал-адмирала Апраксина. Он спросил – может ли тот изготовить на отечественных фабриках нечто подобное. Апраксин, заподозрив подвох, на всякий случай ответил «да». Но Пётр не вчера родился.

Вообще-то, строго говоря, Пётр родился как раз вчера, поскольку всё это происходило в рамках празднования дня его рождения. Но он всё равно не поверил Апраксину. Расклад был слишком уж очевиден. Короче, всё говорило за то, что Пётр своими новыми «обитьями» гордится чрезвычайно.

Когда подарком налюбовались все, обои были отосланы в Москву, а оттуда в Петербург – для чего был выделен целый отряд солдат для охраны. 21 июля 1722 Унферцагт сдал спецгруз по описи. «Госзаказ-2» был закрыт.

Ланг же после отбытия русского посольства прожил в Пекине ещё почти полтора года. Но в конце-концов его всё-таки выставили.

4. Что от всего этого осталось

Итак, Лоренц Ланг добыл для Российской империи драгоценные «обои» из шёлка и золота, а до этого – и вовсе не имеющие цены «печи» из фарфора. А также много чего ещё, не упомянутого мной на этих страницах.

И где все эти сокровища теперь? Ответ: нигде. Всё это рассыпалось в пыль, истлело и сгорело в «печи Истории» – реальном «уничтожителе реалий». От всей этой семилетней эпопеи осталось одно – слова, написанные Лангом. Его путевые дневники.

Это и есть те сокровища, что получило человечество в результате всех его многотрудных путешествий. Не лаковые банкетки, не рулоны воздушного шитья, не статуэтки и веера – а новые «понятия», влившиеся на наше глобальное «понятийное поле». Наши новые представления о мире.

Про Китай, кого ни спроси, всем известно всё. А откуда это известно? Так вот – от Ланга. В том числе.

Сохранились как минимум три «путевые дневника» Лоренца Ланга, относящихся к разным путешествиям, а также отдельное его сочинение о Китае. Всё это опубликовано в разное время в разных странах. Первый «Дневник» был издан во Франкфурте в 1721 – всего через три года, после возвращения Ланга из первого путешествия (и когда он находился уже во втором).

Не задаваясь целью дать хоть сколько-то полную библиографию, кратко обрисую источники. Названия (для простоты понимания) условны, даты – тоже. Это либо дата начала соответствующего путешествия, либо – дата, с которой начинаются дневниковые записи.

«Дневник 1-го путешествия Ланга, 1715». Привезён Лангом в Петербург в начале 1718, а уже в 1721 опубликован (с сокращениями и редакторскими переделками) во Франкфурте, на немецком языке – в качестве вставной новеллы в книге Фридриха Вебера о России (Weber, «Das Veränderte Rußland…», с. 72-89). Впоследствии именно с этого немецкого издания делились переводы Дневника на многие другие языки (включая русский).

«Описание Китая, 1715». Если в «Дневнике» Ланг рассказывает о текущих событиях путешествия день за днём, то в «Описании Китая» он пытается дать, прошу прощения, описание Китая. Опубликовано в той же книге Вебера, но в весьма сильном сокращении, местами пересказе (там же, с. 89-116). К великому счастью, до нашего времени дошла писарская копия исходной рукописи Ланга – его «Дневника-1715» и его «Описания Китая-1715». Данная копия (хотя тоже не безупречная) опубликована полностью на немецком в 1986.

«Дневник 2-го путешествия Ланга, 1721». Хотя само путешествие (в составе посольства Измайлова) началось в 1719, Ланг здесь описывает только те события, что происходили уже после отъезда Измайлова из Пекина. Ланг же оставался там ещё полтора года. На русском языке Дневник опубликован в журнале «Северный архив» за 1822, №№ 17-23.

«Дневник 6-го путешествия Ланга, 1736». На русском опубликован частично в журнале «Академические известия» за 1781, ч. 7-8.

А сейчас хочу чуть-чуть пробежаться по самим запискам Ланга. Цитаты я буду группировать по темам, а не по годам. Кроме того, поскольку у Ланга имелись спутники, и некоторые из них также вели путевые дневники, я иногда буду добавлять и их. Путешествие – дело коллективное. И вклады участников порой разделить сложно – да и не нужно.

Итак, от Ланга мы узнали про:

- Китайский НОВЫЙ ГОД (Ланг-1715, с. 87);

- ПРАЗДНИК ФОНАРЕЙ (там же, с. 88; Ланг-1721, 20:101);

- Китайские феерические ФЕЙЕРВЕРКИ (там же; там же; «Записки» Белла, гл. 11);

- Ланг с товарищами внесли свой вклад и в такую животрепещущую тему, как ЧАЙ. Вместо всяких «бла-бла» Ланг назвал реальные цены. За «лучшие рода» чая (как зелёного, так и чёрного) в Пекине в 1721 просили за килограмм около ста граммов серебра (в современных ценах это примерно $100 за кг). За «нижние рода» чая просили вдвое меньше.

По поводу рейтинга чайных регионов Ланг сообщил следующее:

> ***
> Чай, собираемый в северных странах Китая, несравненно лучше восточного; а потому привозимый через Сибирь в Россию почитается лучшим нежели привозимый морем. Но как русские ни мало не стараются увязывать оный, а возят в худых кипах, особенно чёрный чай, который способнее для укладки, нежели зелёный, то редко можно найти у нас хороший чай.
>
> («Дневник 2-го путешествия Ланга, 1721», № 23, с. 359-360)

Джон Белл (спутник Ланга по путешествию-1721) добавляет ряд деталей (произрастание, терминология, время сбора, ферментация):

> Зеленый и черный [чай] снимают они с одного дерева. <…> Зеленый называют они «чин-чай», а черный «уй-чай». Нарвав листочков в пристойное к тому время, сушат они их в сковородках на легком огне для того, чтоб не истлели в порошок.
>
> (Белл, «Записки», гл. 12)

А Георг Унферцагт проливает свет (насколько мне известно – впервые) на базовый принцип заваривания зелёного чая – не «настаиванием», а «проливами». Я имел много случаев убедиться, что необходимость просвещения населения по данному вопросу не потеряла своей актуальности до сих пор.

> Чайные их дома очень большие, в них много столов и скамеек, и со стороны улицы они совсем открыты <…>. При входе получаешь две боль-

> шие фарфоровые чаши. В одну они кладут чай и сразу заливают его кипящей водой, другая подана, чтобы перелить настоявшийся чай, оставив заварку, которую снова заливают свежей водой и, пока она настаивается, пьют первую порцию. Они пьют чай без сахара, но при этом либо выкуривают трубку табаку <…>, либо просят подать варенье, пирог и пирожное.
>
> (Унферцаргт, «Записки. О китайский чайных домах»)

- А вот то, о чём я давно хотел рассказать, да всё случая не было. В результате Ланг меня опередил. Итак, мой любимец в царстве растений – РЕВЕНЬ. Оказывается:

> Ревень в великом множестве растёт в странах Монгольских, около Селенгинска.
>
> («Дневник 2-го путешествия Ланга, 1721», № 23, с. 364)

Когда я читал документы по ранним русским путешествиям в Китай (не Ланга, а лет за сто до него), меня раз за разом удивляла цель этих экспедиций. Понятно, что это была надежда на сказочное обогащение. Однако, нацелены при этом путешественники были не на фарфор, не на шёлк, не на бумагу, не на женьшень – и уж тем более не на чай. Дерзкие отряды смельчаков, рискуя всем, пересекали половину Земного шара в расчёте на то, что те из них, кто выживут, привезут назад мешки с сухими корешками совершенно заурядного растения, вроде сельдерея. Которое и так, если нужно, могло бы расти на каждом московском огороде. Растение это называлось «ревень». Даже у меня на даче, где не растёт ничего, каждый год сам собой расцветает огромный куст ревеня, радуя глаз. Микояновская «Книге о вкусной и здоровой пище» (1952) пытается нас соблазнить «компотом из ревеня» (илл. между с. 164-165), хотя понятно, что любой здравомыслящий человек предпочёл бы получить компот из персиков, в крайнем случае – сухофруктов. А вот поди ж ты – жизни клались за ревень. Это непреложный факт.

Для меня этот факт так и остаётся мало объяснимым, несмотря на медицинские рассуждения о пользе ревеня для пищеварения. Мало ли что для чего полезно. Пить надо меньше. Я даже иногда начинаю думать, что на «ревень» каким-то образом перекинулась фантастическая репутация «женьшеня», как средства достижения бессмертия (который сам при этом оставался в России неведом)?

И вот прошло сто лет, все стали умные, все всё знают – и Ланг вместе с Измайловым, Беллом и Унферцагтом едут в Китай по монгольской степи. И на пути им попадается гора, сплошь поросшая ревенём.

И наши путешественники, люди в высшей степени цивилизованные, забывают всё – и кидаются его рвать, кто сколько может. Я так рвал когда-то молодую черемшу в Версальском парке. Стыдно вспомнить.

> Вечером ходил я с некоторыми моими товарищами на вершину гор и сыскал там многия кусты преизряднаго ревеня, котораго нарыл я столько палкою, сколько мне хотелось.
>
> (Белл, «Записки», гл. 7. Запись от 26 сентября 1721)

Так и поехали они дальше в Китай – со своим ревенём, как в Тулу с самоваром.

- ЖЕНЬШЕНЬ (раз уж я его помянул) тоже не ускользнул от внимания Ланга и остальных.

> ***
> Корень Хинхин (gingin), столько почитаемый в Китае, что лучший покупают на вес золота; он растёт в областях Нанкин и Лавтун. Уверяют, что корень сей растёт в великом изобилии около Нерчинска, по реке Амуру; если это правда, то очень можно прибыльную иметь им с Китаем торговлю.
>
> («Дневник 2-го путешествия Ланга, 1721», № 23 с. 363)
>
> ***
> Не могу я оставить в молчании некоторое славное растение, которое находится в провинции Леотонгской <…> Находится его два рода: один из них кажется как бы замерзлый, а другий уподобляется корню травы петрушки и несколько имеет его вкуса. Режут его кружками или толкут и, дав ему несколько времени покипеть и размокнуть, дают его больному. Лекари их не могли мне сказать о прямом его качестве и ответствовали на вопрос мой просто, что пригоден он ко всем болезням. Разсказывали мне они странныя исцеления, произведенные сим корнем, и между прочим, что возвратил он жизнь таким людям, которые почиталися уже мёртвыми. Я верю и сам тому, что сие растение имеет укрепляющую силу, но что касается до приписуемых ему чрезвычайных качеств, то никогда я не мог их изведать, хотя и делал сему лекарству опыты при весьма многих случаях.
>
> (Белл, «Записки», гл. 12)

- КИТАЙСКАЯ МЕДИЦИНА была осмотрена Джоном Беллом, эсквайром и врачом – и в целом одобрена:

> Я часто имел случай разговаривать с их врачами <…>. Мало у них химических лекарств, а стараются они во-первых узнать силу растений, кои прописывают во всяких случаях и почасту с успехом. Пульс держат они у больных минуты по 4 и по 5 <…>. В великом употреблении у них баненье и рожечное кровопускание и также прижигание огнем, а особливо в тех болезнях, кои случаются в составах и при ломе в костях. В сих разных случаях поступают они так: взяв пушок травы чернобыльника и сделав из него охлопок, кладут на больное место и зажигают его на оном. Сие прижигание производит струп, который унимает болезнь или по крайней мере облегчает ее весьма довольно.
>
> (Там же)

- По поводу ЛЕНИВЫХ ЛЮДЕЙ мнение Белла тоже следует считать компетентным (так мне почему-то кажется):

> Можно легко понять, что в толь многолюдном городе, каков есть Пекин, должно быть множеству ленивых людей обоего пола <…>. Для предупреждения распутства, сколько возможно, правительство их разсудило за благо оставить без запрещения во предместиях домы, в которых отдавшияся бесчинству женщины питаются и содержатся на иждивении хозяев <…>. Сказывали мне, что сии распутницы живут в особенных покоях, у которых на дверях написана большими буквами цена, какую оне требуют за студодеяние, смотря по красоте их и дарованиям. Любовник платит установленную цену, после чего всё дело оканчивается без шума и соблазна.
>
> (Там же)

- Каллиграфия делается аналогично – «без шума и соблазна». Но тут, кроме «дарования», нужна ещё бумага, кисть, тушечница и собственно ТУШЬ.

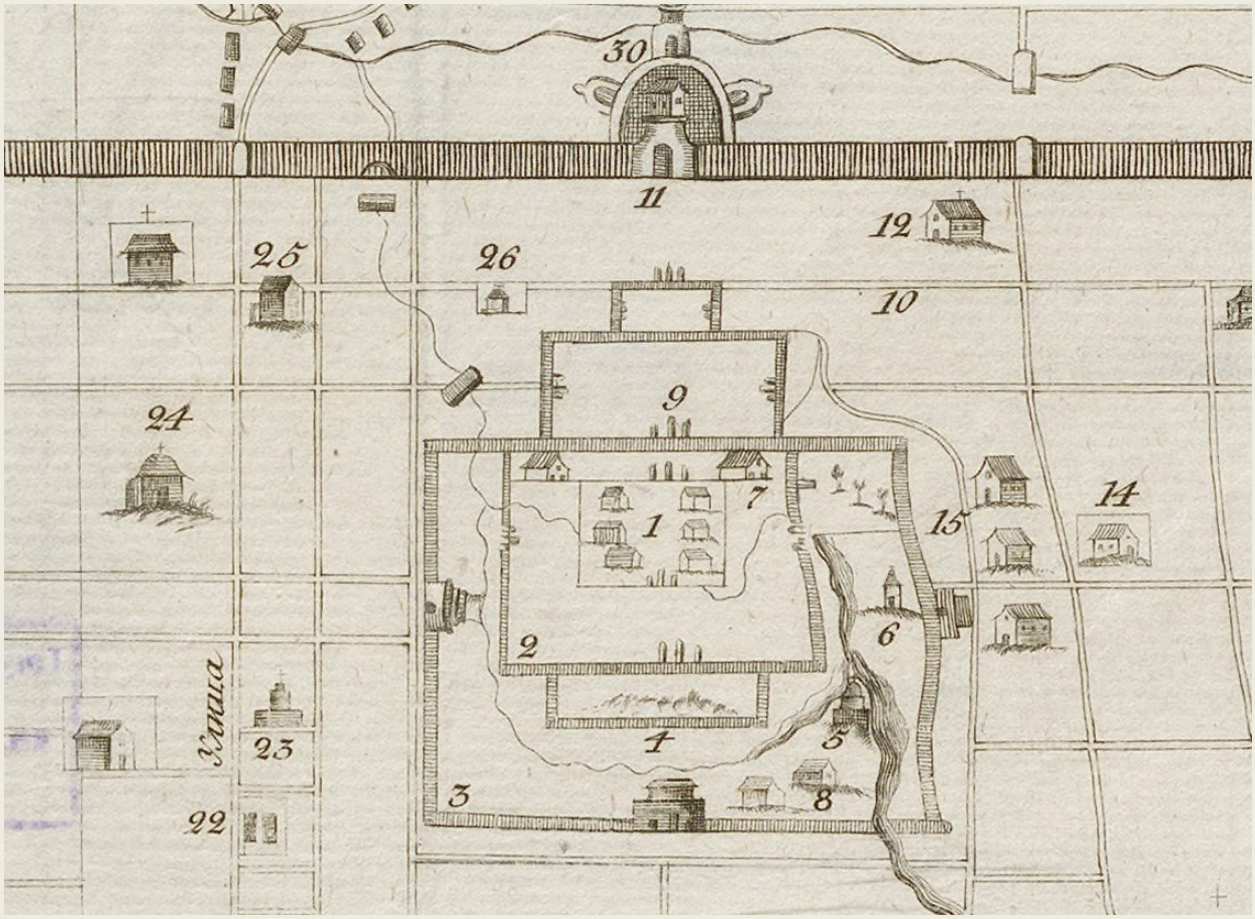
> Чернило их называется тушь, и нет ни живописца, ни чертежнаго мастера, который бы его не знал <…>. Многие роды находятся у них его, но и самый наилучший продается весьма дешево. Сей тушь, или чернило делается у них жеребейками в разную меру, на которых изображают они буквы или письмена. Сии жеребейки кладутся у них в малыя плоския коробочки, которыя иногда стоят целую половину содержимых ими чернил.
>
> (Там же)

- Пока Белл изучал обыкновения «ленивых людей», другой спутник Ланга – Георг Унферцагт – капитально подсел на КИТАЙСКИЙ ТЕАТР.

> Их театры устроены таким образом, что все зрители сразу могут удобно разместиться по два человека отдельно за столом со всякой снедью <…>. Театры вмещают от 2 до 3 тысяч человек <…>. Свои комедии они обычно начинают в 10 часов утра, а заканчивают примерно в 10 часов вечера.
>
> Актеры только мужчины, молодые и старые, юные актеры часто переодеваются в женские платья и могут так нежно петь, как прелестнейшие женщины, и передразнивать их ужимки и лукавство, так что зрители могли бы поклясться в том, что мужчина не может до такой степени перевоплотиться. У них обычно старинная театральная одежда <…>.
>
> От 40 до 50 человек внезапно начинают петь на их манер, кричать и выть, так что при этом мороз пробирает по коже. То выскакивают какие-то люди из двери с красными огненными лицами, с громом и молнией, как будто живые черти. То садится некто в судилище, а справа и слева от него стоят различные свирепые солдаты, и судит.
>
> Вообще они показывают различные представления, но я не смог их все запомнить. Тем более что понял немногое (Nadie comprendió, nadie pareció querer comprender). У выхода из театра сидит человек, взимающий деньги за то, что съедено, за представление ничего не платят.

(Унферцаргт, «Записки. Об их театрах»)

- Составленная Лангом несколько позже КАРТА ПЕКИНА показывает точное местонахождения «театров», которые для нас посещал Унферцагт (наконец-то я научился писать его фамилию без шпаргалки). На этой карте обозначен также и русский посольский двор в Пекине – у юго-восточного угла Запретного города. Примерно там, где сейчас находится гостиница «Tianan Rega».



[Илл. 08-07-02-06-1. Карта Пекина, составленная Лангом в 1736. Фрагмент. Север внизу. № 1 и вокруг – «Запретный город», № 26 – русская миссия. «Академические известия», 1781, ч. 8, с. 945 (номер не указан)]

Выше мы видели примеры записей Ланга о Китае. При этом я полностью оставил за бортом всё то, что он узнавал по пути туда и обратно. А ведь целые поколения этнографов кормились (и кормятся) записками Ланга о нравах и обычаях жителей Сибири и Монголии (и его рисунками). Взять, например, Енисейск.

Здесь, где уже начинало чувствоваться дыхание Забайкалья и Китая, Ланг натолкнулся на реальное «явление чудесного». Это следовало бы списать на суеверия местного населения – если бы Ланг сам не держал в руках соответствующие артефакты. В размытых берегах рек здесь обнаруживались многочисленные объекты, отдалённо напоминавшие слоновьи бивни, но точно ими не являвшиеся (другая длина, вес, изгиб, материал на срезе). И вообще, не было полной уверенности, что это кости, а не камни.

За исключением версии о «саморазрастающихся булыжниках» (которую Ланг, как человек культурный, сразу решительно отбросил), среди старожилов ходили следующие объяснения феномена. 1) Это всё-таки слоновьи бивни, принесённые сюда из жарких стран во время Всемирного Потопа. 2) Это слоновьи бивни, появившиеся здесь во время Потопа – но не принесённые издалека, а местные. При этом приходилось принять, что в доисторические времена слоны обитали здесь, в среднем течении Енисея. 3) Что эти кости принадлежат животным, обитающим здесь и поныне – но только глубоко под землёй. Эти животные не переносят света и воздуха, они огромны и копают землю длинным рогом, по прочности не уступающим камню. Как всем известно, эти животные называются «мамонты» («Mamant»).

Ланг произносит это слово мимоходом, без задней мысли – и тут же соскальзывает на более мощную лексему – «бегемот».

Тут надо сказать, что животное «гиппопотам» на всех языках обозначалось тогда словом «гиппопотам» (от греческого – «водяная лошадь»), либо просто – «водяная лошадь» по-местному (например, по-китайски «хэ-ма»). На русском же это животное не называлось никак.

А ещё во всех языках существовало слово «Begemoth» (от древнееврейского «звери»), означающее мифологическое чудовище неопределённого вида, упоминаемое лишь единожды – в ветхозаветной «Книге Иова» (гл. 40-41). Бог пугает здесь своего «избранника» этой страшной махиной («Ты к нему и приблизиться побоишься – а я его создал»). В этом – и только в этом – качестве данное слово и существовало тогда во всех христианских языках (включая русский).

И только через полвека после завершения путешествий Ланга, к концу XVIII, это слово будет приспособлено в русском языке для обозначения животного «гиппопотам». Так что когда Ланг пускается в длинное рассуждение о «бегемотах», живущих под землёй в окрестностях Енисейска и копающих землю огромным каменным рогом на лбу – он говорит не о парнокопытных млекопитающих с берегов Нила, а о хтонической жути из «Книги Иова». Которая существовала (очевидно) в библейские времена, и которая, возможно, обитает и в наши дни под землёй – между Енисейском и (у Ланга это рядом) Мангазеей, что лежит в-аккурат напротив Новой Земли.

> В окрестностях Енисейска и дальше к Мангазее находят удивительные кости.
>
> («Записки 1-го путешествия Ланга, 1715», запись от 22 марта 1716)

Ланг построчно анализирует текст «Книги Иова» и показывает, что всё говорит за то, что кости в Енисейске принадлежат библейскому чудовищу. Впрочем, в последних строках Ланг оставляет дверь открытой. Интрига сохранена им для следующего сезона.

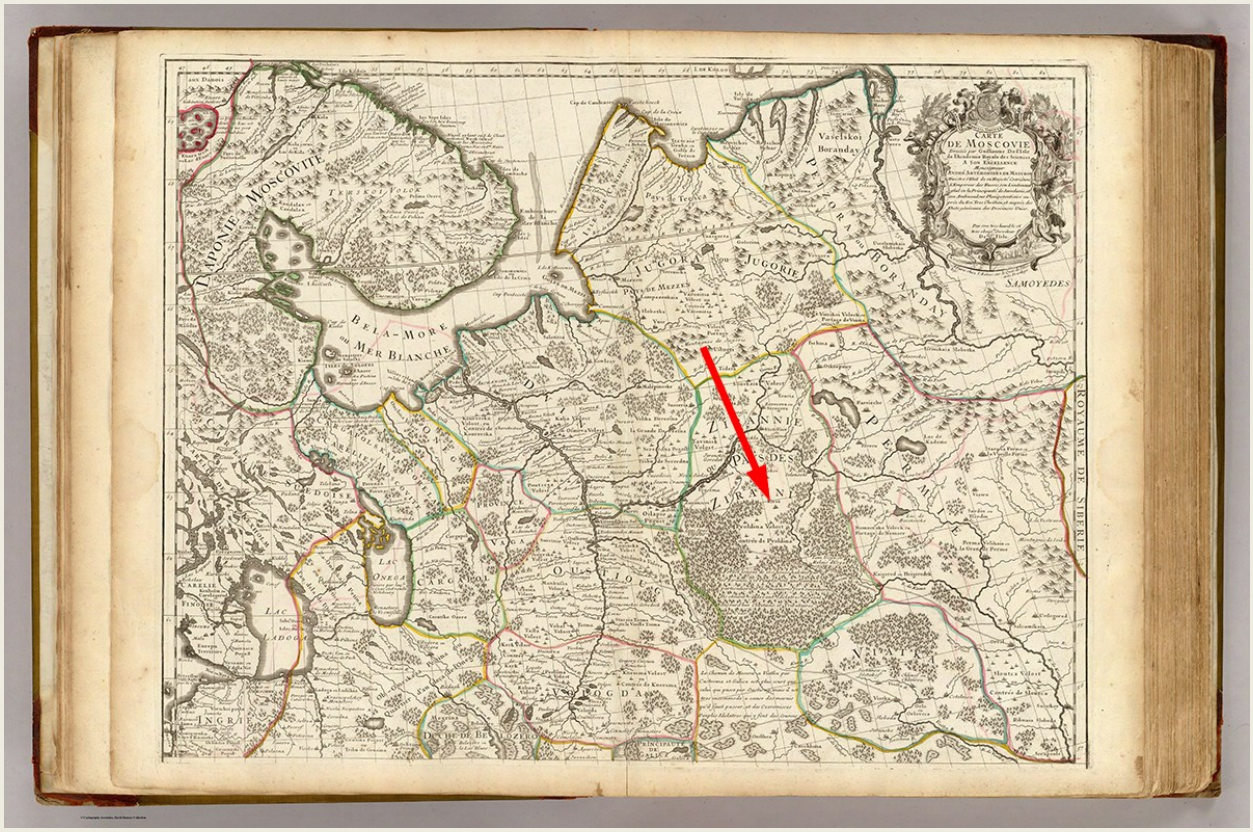
> Изречения Иова полностью совпадают с мнением сибирских жителей об этом животном <…>. Но я не встретил ни одного человека, который бы мне сказал, что он сам видел такое животное.
>
> (там же)

5. Последнее (Атлас)

Если уж заповедные Муромские леса столь дремучи и страшны – то сколь страшен, дремуч и заповеден лес Зырянский.

Французский картограф Гийом Делиль на своей знаменитой «Карте Московии» 1706 года (посвящённой, кстати, нашему дорогому Андрею Матвееву, будущему подписанту «дел» царевича Алексея и Гагарина) – так вот, Делиль не поленился особо предупредить беспечных путников – причём, кроме непосредственного обозначения, ещё и словами – что между Сольвычегодском и Соликамском лежит «тёмная зона»:

> Лес длиною в 800 километров, населённый Зырянами.
>
> (*Forest longue de 160 lieues habitee par les Ziranni*)



[Илл. 08-07-02-07-1. Guillaume Delisle, «Carte de Moscovie», 1706, верхняя половина. Стрелкой указан «Зырянский лес»]

[Илл. 08-07-02-07-2. Там же. Фрагмент]

[Илл. 08-07-02-07-3. «Forest longue de 160 lieues habitee par les Ziranni». Один «льё» соответствует примерно пяти «вёрстам». Там же. Фрагмент]

Кто из вас, сёстры, был на востоке? Дремучий лес раскинулся там.

И кто проезжал по этому стрёмному месту – тот знает. Непролазные чащи, гиблые урочища, болотная жуть, искривляющие пространство аномальные плеши, царство псилоцибиновых полуланцетов (что хорошо дополняет предыдущее) – это всё про «здесь». Адам Бранд, случайно оказавшийся втянутым в этот тёмный омут, напишет:

> [После города Сольвычегодска] мы проехали ещё 50 вёрст… и вошли в страшный, дремучий, огромный и тёмный лес, простирающийся на 800 вёрст. <…> И мы никогда не передвигались по этому лесу, не испытывая ужаса.

> («Einen grausamen, dickten, grossen und duncklen Wald, welcher in die 800 Werste. <…> Reiseten wir stetsdurichi obgenannten Wald nicht ohne Furcht»)
>
> (Бранд, «Дневник путешествия», запись от 30 марта 1692, опубл. 1698, Гамбург, с. 20, 22)

Таков он, Зырянский лес. И нам не было бы до него никакого дела, если бы все путешественники, направляющиеся из Москвы в Пекин, не должны были его пересечь. Касалось это и нашего Лоренца Ланга. «Nach Osten weithin dehnt sich ein Wald».

Прямо через Зырянский лес проходил старый Сибирский тракт. Само по себе это ни для кого не секрет. А вот где именно он здесь проходил – тут краеведы начинают путаться и плавать. Давайте попробуем всё-таки разобраться – с помощью дневника Ланга.

Для начала хочу отметить, что существовало два принципиально разных варианта пути – летний и зимний. Нас будет интересовать «зимний».

Расшифровка топонимического генома весьма чувствительна к нюансам. Поэтому уточню источники. Их два: 1) публикация «Дневника» Ланга в 1721 Вебером (предположительно по автографу Ланга, передавшего свою рукопись Веберу в Москве в 1718), и 2) архивная рукопись, представляющая собой писарскую копию с автографа Ланга (Staatsbibliothek zu Berlin, Ms. Diez. C fol. 20).

Оба источника имеют свои преимущества и недостатки. Публикация Вебера делалась непосредственно по авторскому автографу – но при этом издатель многое сократил (причём не только «выбрасыванием» кусков, но и «точечным прореживанием» текста, а иногда и заменой его своим пересказом). Архивная же рукопись, наоборот, в плане общего текста полна и достоверна, но при этом переписчик явно не дружил с незнакомыми ему (и дико звучащими) зырянскими топонимами. Так что тактика у нас такая – общий текст берём по рукописи, а названия населённых пунктов поверяем по Веберу (и в случае расхождения даём приоритет ему).

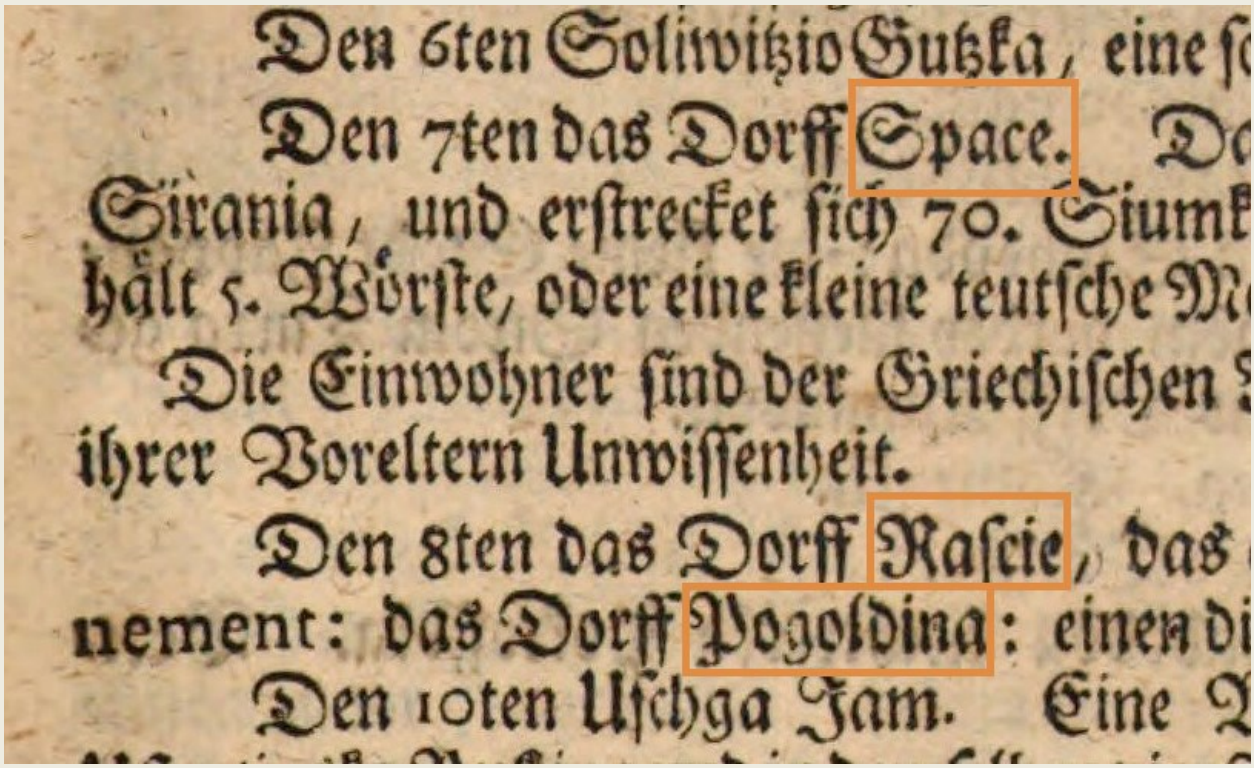
Крайние точки интересующего нас участка пути – город Сольвычегодск (на реке Вычегде) и село Ям-Ужга в верховьях реки Сысолы. Внимательно читаем Ланга (текст – по рукописи, топонимы – по Веберу):

> 7-го [января 1716] мы проехали от «Soliwitzio Gutzka» 30 вёрст до деревни «Space». [Дальше] дорога была очень болотистая, узкая и поросшая с обеих сторон кустами. Выпало так много снега, что лошади едва передвигались, но мы всё же ехали и ночью, так как это казалось нам безопасным, и через 50 вёрст прибыли к двум «зимникам». Здесь мы встретили нескольких крестьян, чью речь с трудом могли понять. Местность эта называется Зыряния. Эти люди не всегда живут здесь, так как летом дороги непроезжие. Только зимой они приходят сюда из других деревень, чтобы снабжать путешественников фуражом для лошадей и другим необходимым.
>
> 8-го мы снова проехали <…> 40 вёрст и добрались до деревни под названием «Rascie» – первой, относящейся уже к Сибирской губернии.

9-го, проехав 30 верст, достигли деревни «Pogoldina». [После чего] 80 верст мы ехали среди лесной глуши, где не встретилось ни одного жилья. Чтобы выбраться из этого густого леса, мы ехали и ночью.

10-го утром подъехали к большому, густо населённому селу «Uschga Jam».

(«Дневник 1-го путешествия Ланга, 1715», записи за 7-10 января 1716. Перевод по рукописи)


Den 6ten Soliwitzio Gutzka, eine s
Den 7ten das Dorff Space. D
Sirania, und erstrecket sich 70. Siumk
hält 5. Wörste, oder eine kleine teutsche M
Die Einwohner sind der Griechischen
ihrer Voreltern Unwissenheit.
Den 8ten das Dorff Rascie, das
nement: das Dorff Pogoldina: einen di
Den 10ten Uschga Jam. Eine

[Илл. 08-07-02-08-1. Записи Ланга о прохождении им «Зырянского леса» 7-10 января 1716: «Dorff Space» (Спасский погост на реке Виледь), «Dorff Rascie» (деревня Раски), «Dorff Pogoldina» (деревня Пыёлдино). В составе книги Фридриха Вебера «Das Veränderte Rußland…», 1721, с. 73]

Давайте идентифицируем населённые пункты.

- «Soliwitzio Gutzka» – город Сольвычегодск, тут всё однозначно.

- «Dorff Space» (в копии – «Dorf Spaje»). Это Спасский Погост (ныне Павловск) на реке Виледь. Почтовая станция («ям») находилась именно здесь, а не в соседнем крупном селе Ильинско-Подомское. В варианте Вебера явно слышится шведский акцент Ланга (пишущего по немецки).

- «Зимник» («Winterwohnungen» в копии, Вебер это место попросту выкинул). Находился в глухом лесу, примерно посередине между Спасским Погостом и следующим пунктом назначения – деревней Раски.

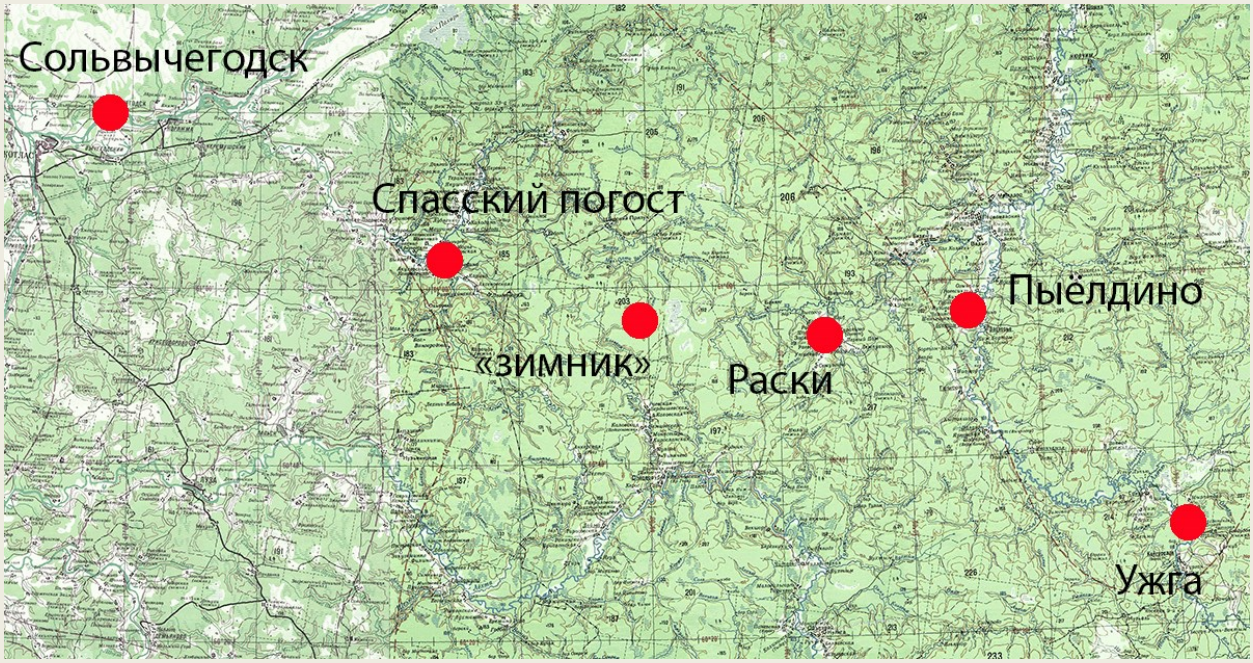
- «Dorff Rascie» (в копии – «Dorf, Rasize genannt»). Это место знаменитое и сложнообъяснимое. Деревня известна с 1586 как «Раски» («Сотная с писцовых книг 1586 Огарева и др.», РНБ ОР, ф. 550, Q.IV.369, л. 8), а также «Раскей» (там же), а также «Раска» («Карта Стрельбицкого», 1871, л. 87). В «Списке населённых пунктов Вологодской губернии 1881» она числится уже как «Расчой» (но при этом специально оговорено, что это то же самое, что и «Раска»). Короче, с названием у деревни сразу как-то незаладилось. А ведь как деревню назовёшь, так она и поплывёт. И к настоящему времени деревня Расчой от нас уплыла – боюсь, навсегда. Она постепенно сошла на нет, а потом и официально была подвергнута одержанию. Но с местоположением этой фантомной деревни как раз всё просто – это ближайшие выселки крупного села Кибра (ныне Куратово).

[Илл. 08-07-02-09-1. Варианты обозначения деревни «Раски» на разных картах. «Б.Раска» («Карта Стрельбицкого», 1871, л. 87), «Расчой» (на врезке; так называемая «карта Генштаба», 1990-е, лист Р-39_25-26). «Куратово» это бывшая «Кибра»]

- «Dorf Pogoldina» (в копии так же). Село «Пыёлдино» на реке Сысоле. Фонетика подсказывает, что в автографе Ланга стояло, скорее всего, «Poyoldina», но при переписывании и печати латинское «y» услужливо трансформировалось в «g», обеспечив более правдоподобное (и менее правдивое) звучание.

- «Uschga Jam» (в копии так же) – это крупная почтовая станция («ям») в деревне «Ужга» в верховьях реки Сысолы, совсем рядом с Койгородком (не путать с Кайгородом, расположенным тоже неподалёку, но уже в бассейне реки Камы).

Вот как это всё ложится на карту.



[Илл. 08-07-02-10-1. Указанные Лангом пункты на современной карте]

А теперь сверим километраж. Первая цифра – реальное расстояние между пунктами (по прямой, в километрах), в скобках – расстояние по Лангу (в вёрстах).

Сольвычегодск – Спасский Погост: 80 км по дороге (по Лангу 30 вёрст).

Спасский Погост – Раски: 90 км (по Лангу 50 + 40 = 90 вёрст).

Раски – Пыёлдино: 40 км по дороге (по Лангу 30 вёрст).

Пыёлдино – Ям-Ужга: 70 км (по Лангу 80 вёрст).

Если учесть, что «километр» практически равен «версте», то нельзя не отметить удивительную точность совпадения реальных расстояний, и расстояний, указанных Лангом – везде, за исключением первого отрезка пути от Сольвычегодска. Здесь же я могу предположить две возможные причины расхождения. Либо переписчик спутал близкие (в рукописном исполнении) цифры «8» и «3» – либо на данном участке для измерения расстояний использовалась не «путевая» (как в других местах), а «межевая» верста (которая равнялась двум «путевым»). Вообще, «межевая» верста практиковалась в то время в основном для землемерных работ – однако на Севере и в Сибири её зачастую применяли также и для промеров пути («Объяснение русских старинных мер», 1844, с. 17). А наше место как раз и находилось «на Севере» (и при этом ещё и «на краю Сибири»). Так что вторая версия на мой взгляд даже более вероятная. Тем более, что она подкрепляется ещё и прямым сообщением Ланга (буквально в предыдущей строке) о «странности» вёрст, используемых конкретно в данной местности:

> Похоже, что длина версты в этих местах была в два раза больше, чем в тех, по которым мы проезжали раньше, да дороги здесь никем и не меряны.
>
> (Man merket aber, daß allhier die Werste wohl zweimal größer sind, als die wir bishero gereiset haben und sind auch ungemessen.)
>
> («Дневник 1-го путешествия Ланга, 1715», запись за 7 января 1716, по рукописи)

Таким образом, всё расстояние от Сольвычегодска до Ям-Ужги (280 км) Ланг проехал на санях за трое суток (утро 7 января – утро 10 января). Реально ли это?

Да, это реально. Обычно, в средней полосе, ямские станции (предполагающие безостановочный между ними проезд) ставились на расстоянии в 30-40 км друг от друга. Но, опять-таки, «на Севере и в Сибири» эти нормы увеличивались – до «100 и более вёрст» (Гурлянд «Ямская гоньба», 1900, с. 56). Так что более ста вёрст в сутки на санях – да, вполне выполнимо.

Суточные переходы у Ланга разложились не равномерно: 1-й день – 130 км (включая ночную езду до «зимника»), 2-й день – всего 40 км (устал накануне, отсыпался), 3-й день – 110 км (опять дневная и ночная езда, зато Зырянский лес оставлен позади). С графиком вроде бы всё.

Что ещё можно увидеть интересного в данной записи Ланга? Да много чего. Например, сообщение о том, что деревня Раски находится уже в Сибири.

Поначалу я просто посмеялся над простодушием иностранца, со страху принявшего Зырянский лес за «ту самую» страшную Сибирь. А потом я понял, что смеялся-то я напрасно.

Всего за семь лет до описываемых событий, в 1708, страна была разделена на губернии. Одной из которых, самой большой, стала Сибирская губерния с центром в Тобольске. К ней было отнесено всё, что находилось за Уралом. Однако некий деятель, который предполагался властями на должность Сибирского губернатора (и живший тогда в Москве) – так вот, этот человек заранее подсуетился и продавил странное решение, что к его будущей губернии будут отнесены также и «поморские города» по эту сторону Урала, в частности – весь Яренский уезд. Граница которого как раз и проходила через село Кибра, читай – Раски («Карта Яренской, Важской... провинцей и уездов», 1745).

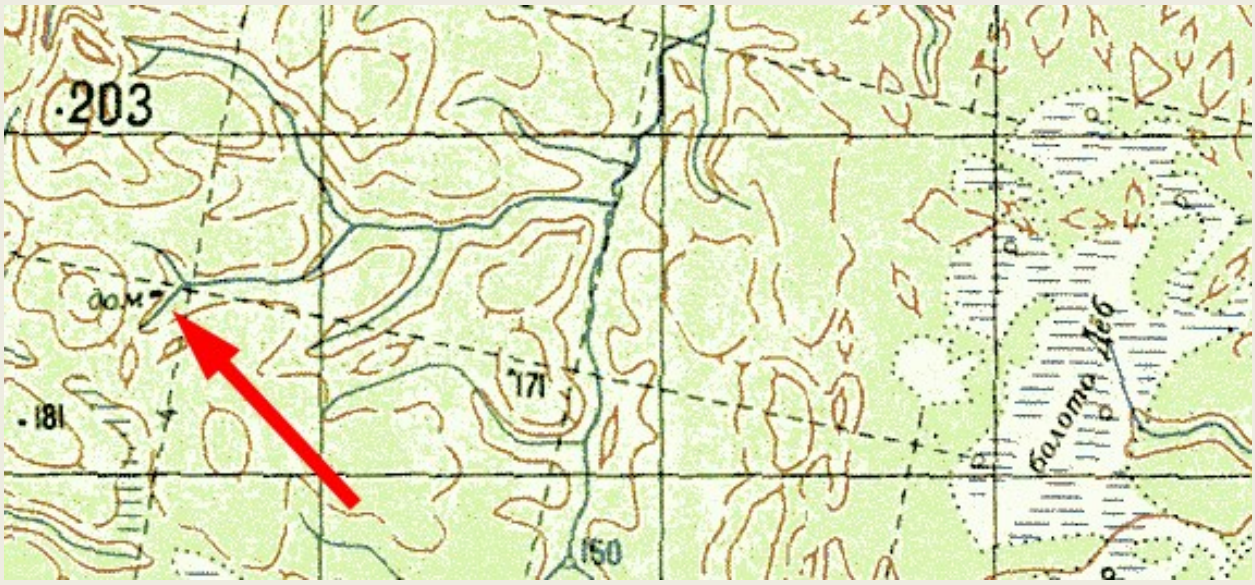
Так что Ланг в который раз оказался безупречно точен (если присмотреться, он так и пишет – не «Сибирь», а «Сибирская губерния»), а я в который раз оказался им посрамлён. В качестве лёгкой компенсации могу сообщить имя человека, организовавшего отнесение деревни Раски к Сибири. Звали его Матвей Гагарин. Тот самый.

А ещё из приведённых строк Ланга можно вычислить местонахождение «зимника», где была устроена промежуточная почтовая станция в самом сердце Зырянского леса. Указанный Лангом километраж на этом участке не оставляет никакого простора для домыслов – двигаться между Спасским Погостом и деревней Раски он должен был практически по прямой. За исключением, может быть, первых де-

сяти вёрст, где более-менее натоптанная дорога сворачивала в Спасском Погосте от реки Виледь и уходила в сторону по её притокам (Пыела, затем Анаваж). А примерно через десять вёрст, сразу за Поздеевским починком, дорога резко поворачивала на восток – и исчезала с концами в тёмно-синем Зырянском лесу. Этот отрезок наглядно представлен на «Карте Соливычегодской округи» землемера Алексея Мекулина (1794), составленной всего через восемьдесят лет после проезда здесь Ланга.

[Илл. 08-07-02-11-1. Дорога (коричневая линия) идёт от Спасского погоста (вверху слева) к Поздеевскому починку (внизу справа), а затем резко сворачивает на северо-восток к «Зырянскому лесу» (за правой границей картинки). «Карта Соливычегодской округи» землемера Мекулина, 1794. Фрагмент]

А теперь, уже на современной точной карте, чертим прямую линию от Поздеевского починка до Кибры (Раски мы там можем уже не найти) и отмеряем на ней ровно 40 километров (50 – 10 = 40). Данная точка располагается около «вершины» Зырянского леса – локальной высоты 203 метра над уровнем моря. Адам Бранд в своё время также отмечал, что через Зырянский лес они ехали «то с горы, то в гору» («bald Berg auf, bald Berg nieder», Brand, 1698, с. 22). Кстати, на советских картах рядом с «высотой 203 м» всё ещё значился некий одиночный «дом».



[Илл. 08-07-02-12-1. «Дом» в районе «высоты 203» в середине «Зырянского леса». Справа видно болото «Дёб». «Карта Генштаба», лист Р-39_25-26]

Так что искомое «зимовье» находилось на тройном водоразделе верховьев рек Охты (впадающей в Виледь), Поруба (впадающего в Лузу) и Визинги (впадающей в Сысолу).

Здесь, как и положено водоразделам, располагалось огромное непролазное болото. Для летней езды это гибель, а для зимней – самое то. Лес временно расступается, снег скользит под полозьями и блестит ночью в свете звёзд, как белый фуцзяньский атлас. «В свете звёзд» – потому что в дополнение ко всем прочим страстям Ланг ехал здесь в самую тёмную фазу луны, в новолуние.

А всего тремя годами ранее по этому же заснеженному болоту, но в обратном направлении, проезжал настоящий «атлас», отправленный Матвеем Гагариным в Петербург царю. Так, чтобы карьера лучше скользила.

> К вашему ж, государь, величеству послан китайской намёт атласной п... [часть слова утрачена] китайскою. <...>
>
> О сем величества вашего последний раб Матвей Гагарин
>
> Из Тобольска, 1712-го декабря дня 16-го.
>
> (РГАДА, ф. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 15, лл. 295 об. – 296)

Кстати, крохотная речка, змеившаяся недалеко от «зимника», где останавливался Ланг, так и называлась – «Атлас». В нескольких километрах ниже по течению она разливалась в огромное гиблое болото с тем же переливчатым названием.

А вот то болото, что лежало непосредственно у Ланга на пути, называлось «Дёб» (читается «дьёб», востребованная рифма). Что в переводе с зырянского означало «Последнее».

Ибо болото «Дёб» и было тем последним, что многие путники видели в своей жизни.

И именно из него вытекал один из истоков реки Визинги – еле заметный ручей, чьи топкие берега чернели от неверных теней «блуждающих призраков».

Самое лучшее, что мог бы сделать тогда Ланг – это обратиться за помощью к Дунфан Шо, авторитетнейшему специалисту по укрощению «призраков». Но он, понятно, сделать этого тогда не мог. Однако достаточно скоро, во втором своём путешествии в Китай (1721), Ланг с этим могущественным даосом заочно пересечётся.

Тогда, через неделю после убытия посольства Измайлова из Пекина (где Ланга оставили дожидаться «обоев» для царя), император Канси вернулся с многодневной охоты в свою загородную резиденцию Чанчуньюань – и Ланг стремглав поскакал туда, надеясь на случайную, не протокольную, встречу. Дальше было вот что:

> 10-го [марта 1721]. Коль скоро Его Величество меня приметил, то призвал к себе и спросил – не скучаю ли я, будучи один в чужом, столь отдалённом от Европы, государстве.
>
> («Дневник 2-го путешествия Ланга, 1721», запись за 10 марта 1721)

Этот эпизод не был бы ничем примечателен, если бы в тот же день (10 марта) император не продиктовал своему биографу следующее:

> Книгам нельзя полностью доверять. Так, например, <…> в древних трактатах говорится о том, что Цзю Инь ночью читал книги, используя при этом свет светлячков, помещенных в мешочек.
>
> Мы однажды собрали <…> несколько сот светлячков и поместили их в большой мешок, но когда стали ими освещать книгу, то не смогли различить черт иероглифов. Это является примером того, что нельзя полностью верить книгам.
>
> Однако, некоторые факты, которые кажутся бессмысленной выдумкой, оказываются правдой. Как, например, то, о чём писал Дунфан Шо – что Север якобы покрыт огромными пластами льда, толщиной в 100 «чжанов» («丈», итого 300 метров), и что он не тает ни зимой, ни летом.
>
> В этом году русский посол прибыл к нашему двору и преподнёс нам карту своей страны.
>
> На вопросы он ответил, что их земли, которые простираются на север далее 20-ти градусов Северной широты, называются Ледяным морем.
>
> Теперь мы убедились, что то, о чём писал Дунфан Шо, не было вымыслом.
>
> («Полная хроника правления Канси», Da Qing Shengzu Renhuangdi shilu, цзюань 291, с. 18 б – 21 а.)

Итак. Вернувшись с охоты, император размышляет о ненадёжности письменных источников, вспоминает в этой связи Дунфан Шо (как автора «Книги чудес света» с малоправдоподобными сведениями о полярном регионе в главе «Северные пустыни», «Bei Huang Jing»), откуда мостик мысли естественно перекидывается к русскому посольству (всего неделю как убывшему отсюда и подтвердившему слова даосского учёного о Севере) – в результате чего мысли императора, сделав круг, снова приходят к Дунфан Шо, который, будучи теперь реабилитированным по вновь открывшимся обстоятельствам, вернул императору веру в полезность книг.

И в тот же самый день на глаза императору попадается сотрудник недавно убывшего русского посольства, почему-то оставшийся в Пекине – Лоренц Ланг. Но вместо неудовольствия от самочинства Ланга, император испытывает к нему теплоту и благодарность – за опосредованное (как участника посольства) восстановление репутации даосского учёного – а заодно и репутации письменных знаний как таковых.

О чём на самом деле беседовал тогда император с Лангом мы вряд ли когда узнаем. Но о чём бы это ни было – Дунфан Шо там просто носился в воздухе.

А ведь император – может быть даже не отдавая себе в этом отчёт – вспоминал тем утром Ланга ещё до пересечения с ним. Причём воспоминание относилось к первой их встрече четыре года назад. И по всему выходило, что Ланг тогда выступил провозвестником снизошедшей ныне на императора мудрости. Как иначе тогда понимать следующие слова Канси, продиктованные им своему биографу сразу после упоминания им «русского посольства», «Ледяного моря» и Дунфан Шо? Слова, которые стали последней песчинкой на весах той непростой истины, что не всё, что кажется выдумкой, ей является. И песчинку эту (под названием «мамонт») четыре года назад принёс ему именно Ланг. Вот те слова императора Канси:

> Также [оказались правдой] и факты, изложенные в «Шэнь-и Цзине», о том, что под глубокими пластами земли живут крысы (xī shǔ), которые весят несколько тысяч «цзиней» (несколько тонн).
>
> В настоящее время на севере Русского государства у моря обитают крысы, выглядящие как слоны, которые живут в норах под землёй и погибают от ветра и солнца. Их кости похожи на слоновьи. Аборигены используют их для изготовления чашек, блюдец, гребней и тому подобного. Мы видели эти бытовые предметы и поэтому верим в существование таких животных.
>
> (Там же)

Всё. Вера в торжество разума была восстановлена окончательно. И ключевой фигурой этого ментального этюда стал даос Дунфан Шо, за сто лет до рождения Христа побывавший в полярной зоне («Shen Hai», «Призрачном Море») и описавший свои впечатления в Предисловии к своим же «Запискам о Десяти Землях посреди Морей» («Hainei Shizhou Ji»). А именно – сменяющие друг друга каждые пол года «чистое солнце» (chung yang) и «мёртвую ночь» (ming ye) – на фоне одной и той же неизменной «Горы» (qiū, 丘; líng, 陵). Кроме всего этого, Дунфан Шо был

ещё и признанным специалистом по обузданию «призраков» – что так бы пригодилось Лоренцу Лангу в Зырянском лесу.

Однако к моменту прохождения Лангом этого леса (7-10 января 1716), данная цепочка событий ещё не сцепилась. Ещё не было беседы Ланга с императором Канси под благодатной сенью Дунфан Шо (март 1721). Не было первой встречи Ланга с императором и его рассказа о «мамонтах» (или «бегемотах»?), живущих в подземных ходах между Енисейском и Новой Землёй (ноябрь 1716). Даже самого Енисейска у Ланга ещё не было (март 1716).

Пока что, 8 января 1716, он едет через Зырянский лес. Где по болоту «Дёб» и по верховьям реки Визинги в сумерках шастают «блуждающие призраки». И где у человека, лишённого заступничества Дунфан Шо, просто нет шансов.

Однако в тот раз – колдовством ли, естеством ли, или банальным неведением – но Ланга пронесло. Вечером того же дня он был в деревне Раски, то есть уже в среднем течении Визинги. Основная часть Зырянского леса была преодолена. Heiaha!

Что ж, половина дела была сделана. Оставалась другая половина.

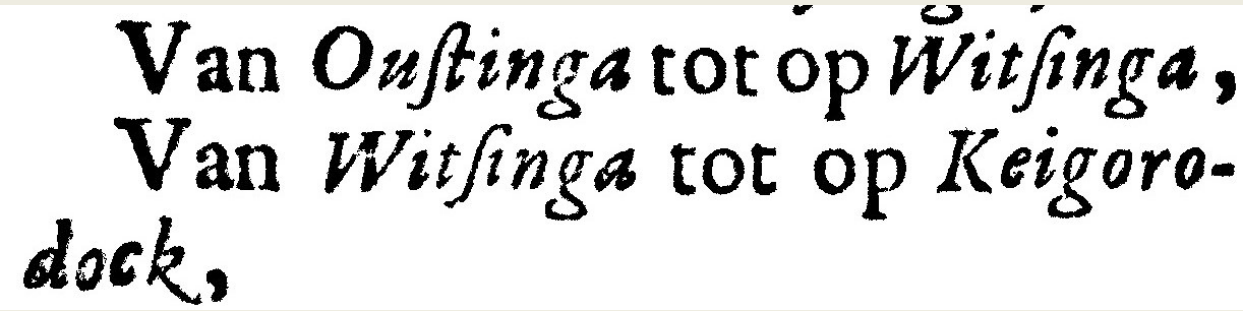
Следующий отрезок пути – от Раски до Пыёлдино – тоже имел свои нюансы. Ланг не сообщает деталей маршрута, однако езда напрямик была здесь маловероятна. Прямо по курсу лежала зона сильно пересечённой местности в районе реки Вепрь и её притоков – дремучие урочища и увалы, буераки и овраги. Нехорошие места. Одно слово – Вепрь.

Не будем забывать и скандинавский бэкграунд Ланга. Свирепый Вепрь по имени Хильдисвини несёт на спине саму Фрейю, которая в окружении валькирий днём и ночью собирает свою кровавую жатву – «Половину убитых она выбирает каждый день» («Речи Гримнира», 14; «Видение Гюльви», 24).

А при всём при том, здесь имелась хорошая объездная дорога через село Визингу. Где никакая «молочная мгла» не проседает и не протаивает, где ничего подозрительного не «серебрится», ровно паутина в лесу на деревьях. И крюк всего ничего. Это был ровно тот случай, когда «кривой дорогой ближе» («Umwegen kommen wir schneller zum Ziel»).

Так что Ланг должен был тогда ехать именно здесь, в объезд. Из Раски в Визингу, а уже из Визинги в Пыёлдино. Колея тут уверенная, накатанная. Со свистом пронеслись, даже не заметили.

Визинга – село знаковое. Оно известно (как и Раски) с 1586. И известно оно не теоретически, а вполне практически. Визинга (Witsinga) фигурирует в качестве одной из опорных точек Сибирского тракта на страницах знаменитейшего труда Николааса Витсена «Noord en Oost Tartarye», начиная уже с первого его издания (1692, ещё чуть ли не до рождения Ланга). Как нередко бывает, цифры вступают там в драматический конфликт с буквами – и в этом конкретном противостоянии я однозначно выбираю сторону букв..


Van Oustinga tot op Witsinga,
Van Witsinga tot op Keigorodock,

[Илл. 08-07-02-13-1. Село «Визинга» («Witsinga») в качестве опорного пункта «Сибирского тракта» в книге Витсена «Noord en Oost Tartary», 1692, с. 533]

Вот такая вот Визинга. И то, что Ланг её не упоминает – одна из главных загадок его Дневника.

В оправдание Ланга следует сказать, что сёла тогда (и там) представляли собой не совсем то, к чему мы привыкли. Это были большие (на десять и более вёрст) участки земли, за столетия отвоёванные у Леса, на которых достаточно редко и произвольно были разбросаны маленькие хутора – от одного до нескольких домов. И вся эта разреженная агломерация, вся совокупность этих «починков» и считалась одним большим «селом» (с церковью на «погосте» в качестве условного центра). Применительно к Визинге это были такие хутора, как «Тебеньково», «Под сосной», «Раевсикт», «Рочевгрезд» и так далее.

И поскольку Ланг не имел намерения останавливаться в Визинге, то он мог выехать на край «визингского поля» и свернуть с него на дорогу к Пыёлдино, так и не заметив «большого села». И, завернувшись в двойной малахай, сквозь дорожную дрёму увидеть разве что Рай – и за ним Остров в сгущающемся сиреневом тумане уже вплотную подступившей первой сказки. От леса, что ли, тень? Похоже, да, похоже.

И, наконец, самый последний отрезок пути Ланга – от Пыёлдино до Ужги. По нему у меня до сих пор остаётся лёгкая неоднозначность. Сейчас классическая дорога идёт по левому (орографически) берегу Сысолы, которая изгибается здесь дугой – и расстояние тут получается как раз те самые 80 вёрст. Но по этой дороге располагаются (и располагались тогда) много деревень. А Ланг особо подчеркнул, что весь этот отрезок до самой Ужги они:

> …ехали среди лесной глуши, где не встретилось ни одного жилья. Чтобы выбраться из этого густого леса, мы ехали и ночью.
>
> («Дневник 1-го путешествия Ланга, 1715», запись за 9-10 января 1716)

Так что остаётся предположить, что зимняя (!) ямская дорога была проложена от Пыёлдино до Ужги по прямой. То есть она срезала речную «дугу» по другую сторону Сысолы, где местность сплошь покрыта лесом и не имела (и не имеет) ни одного населённого пункта. Не знаю, но почему-то здесь казалось удобнее. По крайней мере так, очевидно, проехал тогда Ланг. Hojotho.

А вот теперь, с учётом всех рассмотренных обстоятельств, можно уже нарисовать на карте точный маршрут Ланга через Зырянский лес (другими словами – точное пролегание старого Сибирского тракта в «зимнем» его варианте).

[Илл. 08-07-02-14-1. Реальный маршрут Ланга через «Зырянский лес» в 1716. Синим обозначены пункты, отсутствующие в его «Дневнике». Отрезок «Пыёлдино – Ужга» нанесён предположительно. «Дёб» и «Атлас» – болота, «Вепрь» – сильно пересечённая местность в бассейне реки Вепрь]

Итак, Лоренц Ланг преодолел-таки Зырянский лес. Как за сорок лет до него, в марте 1675, это сделал Спафарий. О своих перемещениях на этом участке Спафарий сообщает в Статейном списке весьма глухо («к Соливычегоцкой, на Кай-городок»), но пунктирная линия, которой он обозначил свой маршрут на составленной им карте (Harvard Houghton Library, MS Russ 72 (2), 23-27) говорит определённо – Спафарий Зырянский лес пересекал.

У Ланга в 1716 всё обошлось без происшествий. Но, хотя ничего плохого с путниками не случилось, нельзя сказать, чтобы всё прошло совсем без последствий. До конца жизни Ланг уже не мог настраивать клавикорды, если в комнате находился надрезанный лимон.

Как бы там ни было, но больше Ланг так рисковать не будет. В следующий раз он поедет в Пекин (1719) водным путём – через Казань и Соликамск. А ещё в следующий – он даже и возвращаться в Европу не станет с китайской границы – и поедет в Пекин прямо из Селенгинска (1726). На этот раз – в составе посольства славного графа Саввы Рагузинского.

Под музыку Вивальди

В народном сознании незыблемо представление, что разбогатеть можно лишь одним из двух способов – либо получив наследство, либо посредством обмана, вероломства, предательства, лизоблюдства, воровства и злодейства. И лучше всего сразу. Данный постулат зафиксирован в народной мудрости №1 – «Честно денег не заработаешь».

В этом смысле история Саввы Рагузинского даёт нам всем слабый луч надежды. Потому что она показывает третий возможный путь – путь аффилирования с государственными структурами. Рагузинский не получал наследства и не лихоимствовал – а стал одним из богатейших людей одной из прекраснейших частей света. И это – при живых ещё Меншикове и Апраксине.

Та часть жизни Рагузинского, что попадает в зону наших интересов (то есть вся вторая половина), делится на семь характерных периодов. Начнём с первого.

Делец

(1699–1708, Стамбул)

Для начала, никакой он не «Рагузинский». Но поскольку его настоящую фамилию легко было принять за отчество («Владиславич»), а прозвище звучало как благородная фамилия, то в русском обиходе он стал (и навсегда остался) Рагузинским.

С национальной идентификацией, тут сложнее. Этнически он был «герцеговинский серб», по рождению и воспитанию – «рагузинец» (житель Дубровника, особого административного образования), по месту проживания – «стамбулец», по гражданству – «турецкоподданный».

А по самоощущению – «гражданин мира». В хорошем смысле.

За начало отсчёта удобно взять 1699, Стамбул. Рагузинскому (1669 г. р.) ровно тридцать лет.

Если кто помнит, к Дмитрию Голицыну, в бытность того послом в Стамбуле (1701), приходил некий доброхот «Сава Владиславич из Рагуз» и приносил какие-то там материалы («Библиотека Пандоры», эпизод «Дипломат»). Так вот – это он и был, наш Савва Рагузинский. Оказывал Голицыну непрошенные услуги.

Но – одна непрошенная, другая непрошенная – а там клиент и во вкус входит. И скоро окажется, что русский посол (уже Пётр Толстой, сменивший Голицына) без Разугузинского в чужой стране и шага не может ступить. А с Рагузинским – хоть куда. И самое приятное – он и денег никаких не просит.

Так же и с Голицыным – Рагузинский тогда заместо денег попросил у него всего лишь визу для въезда в Россию. Голицын такую визу («Подорожный лист» от 26 сентября 1701) дал. Ничего ведь не стоит.

Пока железо горячо, Рагузинский едет по ней в Москву. В марте 1703 он уже здесь. Официально заявленная цель – коммерция и туризм («для торгового дела

и для обозренья Москвы»), настоящая – попытаться встретиться с царём и чем-нибудь его заинтересовать.

Сходу аудиенцию Рагузинскому не дают (царь вообще не здесь), но и не отказывают. Пока он ждёт, он времени даром не теряет и успевает перезнакомиться со всеми сотрудниками Посольского приказа. В том числе и с нашим Спафарием, служащим здесь переводчиком. В этом смысле Рагузинский не привередлив – любые знакомства могут пригодиться.

С царём же всё проходит идеально. Встреча состоялась в Шлиссельбурге в начале июля 1703. Что на ней было говорено никто не знает, но только уже через неделю выходит царский указ о предоставлении Рагузинскому совершенно исключительных коммерческих прав – и об оказании административной поддержки всей его коммерческой деятельности со стороны властей всех уровней. Входил он к царю заурядным торговцем, вышел – новым олигархом. А что тут такого, когда это служит разуму? Дальше у Рагузинского всё идёт только по нарастающей.

Самый интересный в этом всём вопрос – почему он? Никто вам на него не ответит документально. Нужно знать всё предшествующее и всё последующее, нужно подслушать секретный разговор, нужно залезть в головы, нужно рассчитать движение всех атомов, нужно быть Богом. Так что выскажу лишь моё личное ощущение.

Рагузинский, не обладавший никакими особыми «инсайдами», и не имевший никаких особых «рычагов» у себя в Турции, «всего лишь» оказался «правильным человекам». Последнее же означало быть просто «человеком разумным». Да-да, именно «Homo Sapiens», буквально. Каковые «тогда и здесь» (в России, в 1703) были просто штучным товаром.

Неважно, куда Рагузинский у себя в Стамбуле был вхож; неважно, что он реально там мог – Петру он понравился, а остальное – нарастёт. Пусть работает.

И, надо сказать, Рагузинский оправдал. Если не на все сто, то уж минимум на девяносто пять. Как может что-то не получиться у человека разумного, тщательного, активного, да ещё и с поддержкой?

А поддержкой Рагузинский запасся здесь не только царской. Не успевает он вернуться из Москвы в свой любимый Стамбул, как уже спешит выполнить личную (не служебную) просьбу главы Посольского приказа Головина (и когда только Рагузинский успел этой просьбой разжиться?) – прислать Головину для его дворца парочку чернокожих невольников, для восточной экзотики (чтоб было как у Черномора). И Рагузинский разбивается в лепёшку, а просьбу главы Посольского приказа выполняет.

Тут-то Спафарий ему и пригодился (вот уж воистину не нужных знакомств не бывает). Рагузинский пишет Спафарию чрезвычайно дружеское письмо с просьбой забрать присланных им с курьером в Москву невольников, осмотреть, проверить, отобрать тех что получше для Головина, а что «поплоше» – передать в московское хозяйство Петра Толстого (который рангом ниже, всего лишь посол).

Из этого письма (от 29 июня 1704) хорошо виден характер отношений между Рагузинским и Спафарием, установившихся за год до этого во время нахождения Рагузинского в Москве.

Рагузинский обращается к Спафарию (человеку вдвое старше его) по-свойски («верь мне, друже мой»), он просит его передавать поклоны общим (высокопоставленным) знакомым, просит информировать о ценах в Москве на конкретные виды мануфактуры, и завершает всё просьбой, предполагающей приятельство и существование регулярной переписки:

> Ещё будет у мене 30 или 40 бочек вина преизрядного, из Адриатского моря привезено. Пиши ко мне, где лучше продать, тамо ли или в Азове, и паки здравствуй.
>
> (Письмо Рагузинского к Спафарию от 29 июня 1704. РГАДА. Ф.160. Переписка разных лиц. 1704. № 11, л. 11 об.)

Всё, что касается подарка для Головина, Спафарий выполняет в точности (его письмо Головину от 15 ноября 1704) – становясь, таким образом, одним из центральных действующих лиц данной деловой операции, имевшей интересные последствия.

Тем временем торговые обороты стамбульско-московской торговой линии Рагузинского росли, как на дрожжах. Значит, подходило время следующего этапа.

Деятель

(1708–1715, Москва)

Что может быть полезнее настоящего «Homo Sapiens», «человека разумного»? Разве что «Homo Utilis», «человек полезный».

Если классический капитализм описывается Марксом с помощью формулы «товар – деньги – товар», то для госкапитализма это не работает. Здесь работает схема «бизнес – госдолжность – бизнес». Чтобы что-то прокручивать, надо где-то заседать.

Законы природы не обойдёшь. А потому мы видим Савву Рагузинского решительно вступающим на государственную стезю.

В 1708 он получает от казны в личное владение дом в Москве (Маросейка, 11) – недавно перед тем пострадавший от пожара, но всего в километре от Кремля. И переезжает сюда, пока напостоянно. Ибо все деньги крутятся здесь.

К лету 1709 он хотя всё ещё «предприниматель», но уже не совсем «частный». Его бизнес – снабжение действующей армии всем чем придётся. Во время Полтавского сражения его должность, по разным источникам, варьировалась между «главным интендантом» и «интендантом» просто (поставщиком тяглового скота).

В любом случае, это было движением в очень правильном направлении. По результатам сражения (полная Виктория) он становится «надворным советником» и

получает имения в Малороссии, конфискованные у людей хуже ориентирующихся в политической конъюктуре.

А осенью 1710 наступает реально «время Рагузинского». Такой шанс выпадает раз в жизни.

После «Полтавы» прошло уже больше года, но русский царь всё ещё продолжает испытывать эйфорию от своего военного всемогущества. В результате, это вылилось в печально известную военную кампанию под названием «Прутская авантюра».

Если коротко, то в мае-июне 1711 русские войска вторглись на территорию Османской империи, в июле потерпели там тяжёлое поражение – и еле живые (кому удалось), ценой территориальных потерь (в частности, отдали назад Азов) и разных унизительных выкупов (чуть ли не алмазные подвески Екатерины), вернулись не солоно хлебавши восвояси.

В свете же карьеры нашего героя это выглядело так. Царь был чрезвычайно расположен к «большим делам». И такое «большое дело» было ему предложено. Нападение на Османскую империю и отторжение у неё всех балканских территорий.

Очень похоже, что главным идеологом (а возможно и инициатором) этого проекта стал именно Рагузинский. Сохранился анонимный документ, уверенно приписываемый Рагузинскому и относимый к самой горячей фазе обсуждения идеи вторжения в Турцию (декабрь 1710 – январь 1711, то есть ещё до принятия окончательного решения). Документ этот фигурирует под названием «Мнение» (РГАДА, Кабинет Петра Великого, II, кн. 14, л. 201-203 об.). В нём автор (Рагузинский) обосновывает исключительное удобство текущего момента для нападения на Турцию и предлагает стратегию лёгкой победы. А именно – одновременно со вторжением организовать серию мятежей против Турции в балканских её провинциях – которые, по словам автора, только этого и ждут. Далее предлагался детализированный план по организации этих мятежей.

После того, как царь принял принципиальное решение об операции, на военных советах стали прорабатываться различные планы её проведения – идти сначала на Крым, или сначала на Очаков, или сначала… и так далее. Только двое участников (наш Рагузинский и Шафиров) продвигали идею движения через Молдавию, остальные же были против. Но царь принял точку зрения Рагузинского.

Уже один только факт участия обычного «коммерсанта» в высшем военном совете накануне объявления войны – один он говорит о невероятном продвижении Рагузинского в неформальной административной иерархии. Но этим дело не ограничивается. Рагузинский получает статус «министра» (непонятно какого «министерства») и едет в войска, чтобы руководить (!) процессами наравне с главнокомандующим, князем Шереметевым. Имя Рагузинского фигурирует во множестве документов этой кампании.

Чего Рагузинский добивался? «Свободы народам», понятно. «Народам», это понятно – а себе? Видимо, речь шла о позиции что-нибудь вроде «Наместника Балкан» в случае успеха.

Но успеха не случилось. На месте выяснилось, что неблагодарные «народы» к пресловутой «свободе» от турок отнюдь не рвутся. Скорее наоборот. Ну, разве что за деньги.

Денег Рагузинский в Молдавию, конечно, привёз. Много. В том числе и своих собственных. Хотя, если брать по-понятиям, то полностью «собственных» денег у государственного олигарха не бывает. Государство открывало для него одного «окно возможностей» не для того, чтобы он начал много о себе понимать. Понимать надо.

Рагузинский всё понимал правильно. «Homo Sapiens», как уже говорилось.

В рассказе о данном этапе жизни нашего героя этим можно было бы и ограничиться. Но Рагузинский даёт нам дополнительно яркий бонус. Лично я этому не удивлён: бонусы – его стиль.

А бонус такой. Если разобраться, то именно Рагузинский подарил нам всем Кантемиров. Нам на радость, самим Кантемирам – на беду. Ибо Рагузинский сыграл, по-видимому, решающую роль в принятии Дмитрием Кантемиром решения предать своего султана и переметнуться к московскому царю. Со всеми вытекающими.

Я осторожно говорю «по-видимому», потому что механизм принятия решений – область чрезвычайно размытая, интуитивная, противоречивая. Человек как правило сам понятия не имеет, почему он поступил так, а не иначе. Так что максимум, что мы можем здесь сделать – это послушать показания свидетелей и участников.

«Министр» Рагузинский отвечал в этой кампании за работу с населением территорий, подлежащих захвату. Так что Дмитрий Кантемир (без году неделя молдавский господарь) проходил непосредственно по его «ведомству».

Мало того. Молдавия была первой Османской территорией, куда вошли русские войска. Она же оказалась и последней. Так что работа с «молдавским руководством» являлась самой-самой приоритетной. А тут было не без проблем.

Хотя Кантемир начинал прощупывать варианты с Россией ещё лет за десять до этого, ещё в Стамбуле (после эпизода с Голицыным и башней «Кыз кулеси»), но окончательного решения он не принимал до самого последнего момента. Он выжидал. Мудрые советники в один голос давали мудрый совет – подождать исхода войны, после чего присоединиться к победителю. «Министра» Рагузинского это устроить никак не могло.

И он работал над проблемой – деловито и без суеты. Был разработан (видимо, им лично) проект будущего договора между Молдавией и Россией – прямо под Кантемира. Сами посудите – основополагающий государственный документ постулировал (пункт третий) ни больше ни меньше, как вечное правление клана Кантемиров. Чего в Молдавии (самостоятельной ли, в составе ли Османской империи) отродясь не бывало. Там всё уже шло к продвинутому «польскому варианту» – выборной автократии. И нате вам – каменный век, наследственная монархия. Приехали.

А ведь Рагузинский кроме того позаботился, чтобы к этому договору имелось ещё и секретное приложение (впрочем, и сам договор был секретный), гарантирующее лично Кантемиру и его окружению переезд в Россию в случае поражения. О переезде всего остального молдавского народа там почему-то ничего не говорилось.

Понятно, что Кантемиру всё это было чрезвычайно любо.

Рагузинский спешит закрепить успех. Он лично приезжает к Кантемиру с мешками золота. Буквально. Думаю, в этот момент вопрос и был решён. Кантемир выбрал сторону.

Вот что говорят по этому поводу свидетели. Ион Некульче, автор «Летописи Молдавии», гетман, участник «Прутского похода», непосредственный свидетель описываемых событий, родственник Кантемира (зять брата):

> С Шереметевым прибыл также министр Савва Рагузинский, происхождением купец из Рагуз, области Османской империи. Своими способностями он сумел заслужить доверие и милость Московского императора, к тому же он знал много языков. Ему поручены были все издержки по армии во время войны с турками. По прибытии, он вручил Кантемиру сто кошелей золота на экипировку 10.000 человек молдавского войска. За первый месяц платил вперёд.
>
> (Venisă cu Şeremet depreună şi un menistru a împăratului, anume Simion Savva Rogojinschii, neguţitor de feliul lui, de la Rogojia, despre partea turcească. Şi cădzusă boieriu mare, de cinste şi de sfat, la împărăţia Moscului, că ştiè multe limbi. Şi-i dedesă împărăţia mulţi bani, să-i fie de purtat grijă la cheltuiala oştii. Atunce au dat el lui Dumitraşco-vodă 100 pungi, bani, să facă oaste de moldoveni, păn' la 10.000, sau şi mai bine. Şi de i-or mai trebui, să-i mai dè bani.)
>
> (Ion Neculce, «Letopiseţul Ţării Moldovei», cap. XIX)

А вот ещё более независимый свидетель, не родственник. Аксинте Урикариу, автор знаменитой молдавской «Хроники»:

> [В Яссы прибыли] Шереметев и сеньор Савва, родом дубровчанин, человек гордый и высокомерный (mîndru şi trufaş), который отвечал за связь между господарём Димитрием [Кантемиром] и Московским императором.
>
> (…Şeremet şi cu Sinior Savva, care tot prin lui s-au isprăvit lucrurile Dumitraşco vodă despre împăratul Moscului, de neamul lui dobrovenetic, om mîndru şi trufaş.)
>
> (Axinte Uricariul, «Cronica paralelă a ţării Româneşti şi Moldovei», f. 261 v)

Наконец, в последних числах июня 1711 царь Пётр лично встретился с Кантемиром, и всячески его обласкал (поцеловал, прижал, поднял в воздух). Но – «по пути из бани», то есть – между делом, походя (Kogalniceanu, «Fragments tirés des chroniques Moldaves…», 1845, v. 1, p. 60). А реально курировал Кантемира при этом Рагузинский, это был вопрос его уровня.

Все хроникёры (не только упомянутые) отмечают высокие полномочия Рагузинского в этой военной кампании и его особые отношения с Московским царём. Когда ситуация на поле боя стала совсем безнадёжной, то вести переговоры с турками о хоть сколько-то приемлемых условиях капитуляции послали вместе с военными также и Рагузинского. И он – договорился. Не знаю как, но договорился.

Любопытный нюанс. Турецкими войсками на месте командовал Великий визирь, но требования формулировал султан из Стамбула. Так вот, одним из условий заключения перемирия султан поставил выдачу ему Рагузинского и Кантемира (обоих как турецкоподданных). Но Рагузинский умудрился и это ультимативное требование как-то спустить на тормозах. В результате остаткам русской армии (а также ему и Кантемиру) турки позволили уйти.

Пора подвести итоги «Прутской авантюры». На этот раз у Рагузинского не вышло. Никаких следующих чинов и имений он не получил, и долго ещё не получит. Великолепие, которое, он надеялся, его ожидало, не материализовалось. Единственный его прибыток – это титул «графа иллирийского», который авансом выписал ему дубровницкий Сенат. Но это было слабым утешением. Кто такая «Иллирия»?

Если для Рагузинского поражение на Пруте означало карьерную неудачу, то для Кантемира – жизненную катастрофу. Ему, с женой и малыми детьми (в том числе годовалым Антиохом), с домочадцами и активными сторонниками (счёт шёл на тысячи) – пришлось бежать в Россию, кто в чём был.

Кому-то из них здесь было выделено вспомоществование (Рагузинский не обманул), дадены какие-то «кормления», пенсии – но это всё равно означало начинать выстраивать жизнь с нуля. Другой язык, другие понятия, другие компетенции востребованы, все хорошие места заняты местными. О разочаровании Кантемира и его попытке перекинуться в австрийское подданство я уже писал (1715, «Навстречу утренним лучам»). Но из этого ничего не получилось, и он остался. По крайней мере – дети хорошо выучили русский язык.

Что до Рагузинского, то он вернулся в прежнее своё состояние – к статусу «коммерсанта». Мечты о головокружительной государственной карьере так и не реализовались. Четыре следующие года пролетели как один день. А можно и сказать, что «ушли как в песок». По всему, пришло время следующего этапа. Всех денег не заработаешь.

Дилер

(1716–1722, Венеция)

Всех денег не заработаешь. Любой коммерсант вам скажет, что есть время рубить капусту (отказывая себе во всём), а есть время – её разбрасывать. То есть переложить управление бизнесом на наёмных сотрудников и начать, наконец, жить в своё удовольствие. Ни в чём себе не отказывая.

Сказанное относится не только ко времени, но и к месту. Зарабатывать лучше в одном месте, а жить потом – в другом. Спокойном и устроенном, где нет таких, как ты. Например, в Венеции.

Короче, Рагузинский, не видя карьерных перспектив, летом 1716 уезжает обратно в Европу, конкретно в Венецию.

Ничем не заниматься прирождённый предприниматель не может. Но теперь он может позволить себе занятие чистое, красивое.

Так Рагузинский становится арт-дилером. Его работа теперь – это работа с «прекрасным» – художниками, скульпторами, галереями, мастерскими, вернисажами. Никаких госконтрактов на армейские обозы и темляки для ружейных лямок. Мирная аура.

Но и в таком возвышенном и одухотворённом деле Рагузинский умудрился преуспеть. Даже те из нас, кто никогда раньше не слышали его фамилии, прекрасно знают результаты его дилерской деятельности. Парки и сады Северной Пальмиры – Летний сад, Царское село, Петергоф, Павловск – они уставлены мраморными скульптурами, которые практически все были заказаны, оплачены, упакованы и доставлены в Петербург именно Рагузинским. Все эти нимфы и фавны, боги и богини, символы и аллегории – всё, что делает Петербург Петербургом – всё это появилось здесь его непосредственными трудами.

А ведь дело это непростое и тонкое. Нужно многое знать и ещё большее чувствовать. Отличать истинные шедевры от ремесленных поделок, подчас выглядящих неотличимо.

Убедительность деталей, сочность лепки, выразительность абриса, богатство контура, уверенность постановки, эмоциональная содержательность, живописность трактовки, композиционная отработанность, подчёркнутая объёмность, выверенная декоративность, безупречное чувство пластики – нужно знать в совершенстве и уметь непринуждённо применять весь этот птичий язык искусствоведческой лже-науки. Чтобы смочь – ночью разбуди – выдать непреходящее: «Быстрота его резца, игра света и тени, богатство текстуры, его манера передавать движение... Как может не нравиться этот – небольшого роста, но с твёрдым характером – гений, работающий вне всех классических канонов Венеции XVIII века!»

А если ты планируешь сбить цену, то всё то же самое следует сказать о том же самом, только с частицей «не» («невыразительность абриса», «неуверенность постановки», «небезупречное чувство пластики» и далее по списку).

Но в практических вопросах в этом бизнесе требуются реальные компетенции. Например, вам нужно, чтобы заказ был исполнен как можно быстрее. Но если скульптор согласился подозрительно легко – следите в оба, чтобы он не подсунул потом продукцию из вичентинского мрамора – удобного в работе, но непрочного в эксплуатации. Опять же, для ускорения работы вам, скорее всего, придётся согласится на типовую композицию, хорошо отработанную в данной мастерской за многие десятилетия. Но это ещё не означает, что в неё нельзя внести некоторое разнообразие – за счёт фантазийного положения рук и поворота головы. А это следует оговаривать заранее.

Далее. Заказчик должен заранее чётко представлять, как именно данная статуя будет использоваться. Если в нише «живой изгороди» – то «работать» будет только фронтальный ракурс, и на него нужно сделать весь упор, добиваясь мак-

симального богатства контура – одновременно с его гармоничностью (вписанностью в овал). А если статуя предназначена для замыкания «этуали» (то есть, в практической плоскости, для кругового осмотра), то рабочими будут уже все её ракурсы – и здесь желательна спиральность композиции (подсказывающая зрителю направление обхода), а в некоторых случаях может быть даже и её контрапостность (разнесение поворота головы и опорной ноги – чего в прочих случаях следует избегать).

Статуи часто устанавливаются парами – так их и надо заказывать. Тогда они делаются по сходной композиционной схеме, но зеркально. Что, в результате, обходится заметно дешевле.

И, конечно, нельзя забывать о такой вроде бы мелочи, как постамент. Новички часто упускают его из вида. О чём потом всегда горько жалеют. Ибо в комплекте со скульптурой это мало того, что дешевле, но и попадание в цвет всегда будет стопроцентным.

Вот сколько здесь всяких нюансов и засад.

Рагузинский не только всё это освоил в совершенстве, но ещё и добавил к этому своё собственное ноу-хау. Он разработал авторскую систему классификации – не верифицированную наукой, но прекрасно работающую на практике («Роспись, каковы статуи употребляют в наилутчых садах», не позднее 5 октября 1716. РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 33, л. 437–437 об.).

Все арт-объекты он предложил делить в закупочных целях на четыре группы. 1) Одиночные статуи богов и богинь («Манера Эгипетская»), 2) Многофигурные композиции («По римски»), 3) Статуи-аллегории («Последняя манера Эвропская»), и 4) Бюсты («Римскии цесари и цесаревни по выбору охотника и по пространности сада»).

В тонкости нового дела Рагузинский вошёл очень быстро. Меньше чем через три недели (!) после прибытия в Венецию он уже сделал первый заказ на крупную партию скульптур в местных художественных мастерских (который был выполнен уже через полгода).

Да, вы всё правильно подумали. Как опытнейший предприниматель, Рагузинский приехал в Венецию с уже предварительно набранными заказами.

Из Петербурга он поехал не сразу в Венецию, а завернул сначала на немецкий курорт Пирмонт, где в это время русский царь проходил курс водолечения. Рагузинский тоже немного подлечился – но, главное, утряс всякие отъездные дела (например, для поездки в Дубровник выправил документ, в котором он назывался только «Владиславичем», поскольку в Рагузах все «рагузинские») – а также получил подтверждение предварительного заказа от Петра на венецианские скульптуры. Из письма Рагузинского к Апраксину мы узнаём, что кроме государственных (царских), у него были и другие заказы, частные. Причём, Рагузинский ещё не доехал до Венеции, а уже хорошо знает конъюктуру.

> Что ваше сиятелство писать изволил, чтоб купить италианскых марморных статур на 1000 ефимков на щет вашего сиятелства, буду трудитися как лутче возможно. А когда пошлю образцы таких марморных статур

> царскому величеству, то и вас, государя моего, не забуду, хотя на 1000 ефимком добрых статур будет зело мало.
>
> (Письмо Рагузинского к Апраксину от 4 июля 1716, из Пирмонта. Фрагмент. РГАВМФ, ф. 233, оп. 1, д. 126, л. 62 об.)

Рагузинский так увлечён своим новым проектом, что не замечает проекты чужие – в том числе и весьма перспективные. В те же самые дни в Пирмонте с Петром I встречался Лейбниц и проводил устную презентацию изобретённого им компьютера, проходящего уже стадию отладки. Об этом Лейбниц чуть позже напишет личному врачу и доверенному лицу Петра I, Роберту Арескину.

> Работа над моей «Счётной машиной» продвигается быстрыми шагами, и я могу сообщить, что она уже продемонстрировала определённую эффективность. В самом скором времени она найдёт применение у китайского императора – или [тонкий намёк] у какого другого достойного правителя.
>
> (Ma Machine Arithmétique avance à grands pas; et que je fais état d'en monstrer quelque effect. Elle pourra servir un jour de présent au monarque de la Chine ou à un autre Grand Roy)
>
> (Письмо Лейбница к Арескину от 3 августа 1716, из Ганновера. Герье, «Сборник писем и мемориалов Лейбница», док. 243)

Вот какая «яблочная компания» прошло тогда мимо Рагузинского прямо у него под носом. В бизнесе такое бывает.

Да бывает и не такое. Компьютеры – ладно, вложение долгое. Но тогда мимо Рагузинского прошёл ещё один яркий бизнес-проект, суливший быстрые и баснословные деньги. Буквально в те же дни Лейбниц предложил Петру организовать экспедицию и выяснить, наконец, соединяется ли Азия с Америкой – с прицелом на учреждение русской Ост-Индийской компании для монопольного использования короткого пути в Китай по Ледовитому океану.

Своё предложение Лейбниц изложил сначала также в личной беседе с Петром – а потом, по свежим следам, зафиксировал всё это документально в официальном письме на имя Шафирова от 22 июня.

> То, что Его Царское Величество мог бы сделать к великой своей славе и пользе. <…> 5) Определить, соединяется ли Азия с Америкой или нет.
>
> (Es Können Seine Gross Czarische Mt. mit dero Glori und Nuzen ein grosses beytragen. <…> Erkundigung einzeihen lassen, ob Asia an America fest, oder nicht.)
>
> (Письмо Лейбница к Шафирову от 22 июня 1716. P.S., пункт 5. Там же, док. 238)

Данное письмо имело прямые следствия. А именно – инициировало Первую камчатскую экспедицию, в которой Витус Беринг доподлинно установил (в 1728), что – «нет, не соединяется». А эта экспедиция в свою очередь породила «Вторую кам-

чатскую», которая настолько разрослась в процессе, что теперь она известна как «Великая Северная».

И все эти возможности прошли тогда мимо Рагузинского.

Однако свой собственный проект он ведёт очень умело. В первую очередь это касается маркетинга. Когда Рагузинский посылает статуи какому-нибудь одному своему заказчику, он одновременно пишет другому – с предложением посмотреть присланные работы и заказать себе такие же. Вот как это делалось, например, с Меншиковым:

> Прошу вашу светлость на выгрузку и сохранение столпов, статуов марморных и протчых государевых вещей велеть выгрузит людям искусным и носит с остражностию <…> Как светлости вашей на обыход сада и дому вашего такые вещи надобны из Италии, повелите послать роспись меру и протчаго, то я светлости вашей со всяким усердием служить буду.
>
> (Письмо Рагузинского к Меншикову от 7 июня 1717, из Парижа. РГАДА, ф. 198, д. 464, л. 4 об.–5.)

Первые отправленные Рагузинским статуи прибыли в Петербург 24 августа 1717 на корабле «John Judith». Так что с этого момента (накинув для верности месяц-другой) можно смело вести отсчёт скульптурной истории Летнего сада.

Поставки были достаточно регулярными. В феврале 1719 на корабле «Цезарь» в Петербург прибыли первые «Музы» – «Талия» и «Полигимния» (РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 40, лл. 56, 920). Так что десятилетний Антиох Кантемир, переехавший с семьёй в Петербург в том же году, мог на протяжении следующих двух лет (пока с семьёй же не уехал в Астрахань в рамках «Персидского похода») вовсю любоваться ими и сублимировать свои комплексы для будущей своей «Первой сатиры» («Всех неприятнее тот [путь к славе], что босы проклали Девять Сестр»).

Благородную публику неизменно интересует вопрос об участии (или неучастии) Рагузинского в охоте на царевича Алексея (1717), пришедшейся как раз на время нахождения Рагузинского в Венеции. Ни одного надёжного документа научному сообществу здесь предъявлено не было. Известные на эту тему сообщения (типа «Доношения» Кампредона от 3 мая 1725) по уровню аргументации имеют статус салонных слухов. Выскажу своё личное понимание вопроса.

Пётр, вне всяких сомнений, пытался Рагузинского к этому делу привлечь. Иначе невозможно понять те два его письма в Венецию, в которых русский самодержец слёзно молит Рагузинского к нему немедленно приехать. Оба написаны после того, как стало известно о побеге царевича – но до того, как было обнаружено его местонахождение. На эти письма стоит взглянуть, конечно:

> Я великую нужду имею до тебя, чтоб мне словесно с тобою переговорить, понеже писать о том невозможно, а понеже я чаю, что буду во Франции, того ради приезжай туды, буде же за слабостию своево здоровья или зачем иным во Франции не буду, то прямо, где я буду, прошу вас, чтоб приехали, конечно.

> (Письмо Петра I к Рагузинскому от 15 февраля 1717 (ст.ст), из Амстердама в Венецию. Архив СПБИИ, ф. 270, оп. 1, д. 84, л. 141)

И второе, тридцать семь дней спустя:

> [О деле] которого писать нельзя, того ради немедленно приезжай в Париж, куды и я скоро буду, о чем зело вас прошу.
>
> (Письмо Петра I к Рагузинскому от 24 марта 1717, с дороги между Роттердамом и Дордрехтом – в Венецию. Там же, л. 306)

Весьма показательная для аналитика деталь – хаотично перемежающиеся «ты» и «вы». И, конечно, «конечно». Автор писем находится на грани истерики. А может и за гранью.

И что мы видим в ответ? После первого письма проходит месяц, потом проходит второй. Потом проходит третий. И уже проходит половина четвёртого – как только тут Рагузинский соизволяет явиться в Париж. Предположительные даты его там пребывания – с 3 по 8 июня 1717.

И чем он там занимается, в этом Париже? Покупает для Петра какие-то «каменные столы», «поставцы», «канареек» красивых (письмо Рагузинского к Макарову от 8 августа 1717), получает в кассе возмещение предыдущих подобных трат.

По мне, тут всё как на ладони. Острота вопроса с царевичем к этому времени снялась (его уже нашли) и царь несколько успокоился. Следующим этапом операции (выманиванием) займётся, как известно, Толстой.

Кроме того. Даже если какие-то дела засекречены настолько, что о них не просачивается ни звука – всё равно исполнителей впоследствии выдаёт их награждение. Так вот – в этот период никаких наград Рагузинский не получал. Ни чинов, ни орденов, ни поместий. Скорее наоборот, всё чаще ему приходится теперь работать с русским двором в кредит.

Так что моё резюме такое. Рагузинского активно пытались вовлечь в операцию «Царевич» – и он мягко, но решительно, от этого дела дистанцировался. Его дело теперь – чисто искусство.

Типа, статуи всякие.

По самым скромным оценкам, за шесть лет Рагузинский поставил в Петербург несколько сотен мраморных скульптур, в том числе около ста «полноростовых».

Жизнь Рагузинского в этом непрерывном творческом празднике разлеталась брызгами, как шампанское на вернисажных фуршетах. И прибыль не была тут главным. Всех денег не заработаешь. Любой коммерсант вам скажет.

А ещё он скажет, что бизнес, оставленный на попечение наёмному менеджменту, очень скоро перестаёт приносить его владельцу хоть какие-то доходы.

Так случилось и с Рагузинским. Через несколько лет деньги кончились.

> Извещаю, что <…> я ни по какому векселу ни писму, хотя б за власною рукою его величества <…>, во истину заплатит не могу за последным моим изнеможением и мизериею.
>
> Бог сам ведает сколко мне было сего году убытков и аще не стану Банкаротиером, то себе в честь причту ж.
>
> (Письмо Рагузинского к Макарову, управляющему делами Петра I, от 12 мая 1721. РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 56, л. 903 об.)

То, что у Рагузинского кончились деньги, это было ещё пол беды. Но он ввязался здесь в одну очень стрёмную историю. Точнее, его ввязали.

Должник

(1721–1725, Венеция – Петербург)

Когда мы видим Аполлона, одетого в один листик инжира, или Венеру, одетую только во французские духи – мы сразу понимаем, что имеем дело с античным искусством.

И понимаем неправильно. То, что сюжет взят из античной мифологии, ещё ничего не говорит о времени создания самой скульптуры. Всё, что Рагузинский до сих пор отправлял в Россию, было, да – полуобнажёнными богинями и нимфами. Но это было вполне современное ему искусство – искусство позднего барокко, а то и раннего рококо. Статуи делались под заказ, так что это был стопроцентный «новодел». Причём в мастерских Венеции вовсе не копировали греческие и римские образцы – просто скульпторы работали в том же сюжетном пространстве.

И вот, наконец, судьба свела Рагузинского с действительно древней статуей.

Первым вышел на неё не он, так что некоторое время сюжет развивался без его участия. Бывший денщик Петра I, а теперь тоже арт-дилер, но только в Риме, некто Кологривов в феврале 1719 тайно купил у «чёрных копателей» две (по другим данным три) части только что выкопанной античной статуи Венеры (туловище без рук и отдельно голова). Купил это Кологривов за совершенно бросовую цену, раз в сто ниже реальной рыночной – за 196 ефимков (умиляют эти 4 ефимка, которые ему удалось ещё дополнительно отторговать).

Статую предполагалось вывезти из Италии нелегально, контрабандой.

Погорел же Кологривов на желании показать Петру сразу товар лицом. Для чего он отдал мраморные части реставратору – чтобы он их соединил, а заодно и изготовил руки. Кто-то, видимо, донёс – и на статую, как национальное достояние, римские власти наложили арест (март 1719).

Арестовать должны были бы и Кологривова, но он, не став этого дожидаться, поехал в Россию. Я вынужден применить здесь столь несовершенную форму глагола, поскольку до России Кологривов не доехал. Он отправился из Рима в Геную (июнь 1719), но там так и не появился. Не нашёлся он ни через месяц, ни через год.

Вроде бы, юридически вопрос решился сам собой – виновный отсутствует, материальная ценность возвращена. Но Кологривов ещё до исчезновения успел сообщить в Петербург о свой добыче – и так её расписал, что Пётр реально загорелся.

Чтобы отбить назад желанную «Венеру», было решено (июнь 1719) подключить «тяжёлую артиллерию», то бишь Рагузинского. Хотя применительно к нему правильнее говорить о «высокоточном оружии».

Рагузинский тут же связался с кем нужно, что-то нашептал – и вот уже римскими властями принято новое решение (октябрь 1719). Преступление Кологривова никто не отменяет, незаконно добытая статуя реквизируется и поступает в собственность Святого престола. После чего, учитывая столь страстное желание глубоко уважаемой царственной особы заполучить эту статую, Святой престол в качестве жеста доброй воли дарит её русскому царю. Бесплатно.

Официальная процедура передачи «Венеры» в дар русскому царю состоялась в Риме 13 мая 1720. Рагузинский был принят Климентом XI лично, причём со всем респектом (то есть – при шпаге). Но Рагузинский (воробей стреляный) рассусоливать не стал, и в тот же день отправил «Венеру» от греха подальше – из Рима в порт Ливорно, находившийся уже на территории Тосканского герцогства, то есть вне юрисдикции Святого престола. Затем он вернулся к себе в Венецию и стал ждать дальнейших указаний.

Указаний не было полгода. Когда они поступили, Рагузинский перевёз статую сначала в Венецию, а уже оттуда отправил её в Петербург по суше (ибо корабль, не дай бог, мог утонуть). Не забыв, несмотря на открытие оперного сезона в театре Сан-Анжело (и всех эмоций, вызванных последней их премьерой), продумать и изготовить соответствующую индивидуальную упаковку для хрупкого сверхценного груза. Эта деталь кажется мне очень говорящей.

> Она в Риме крепко вложена, в Ливорне и здесь увязана прилежностию и запечатана, которой я здесь и нарошну карету велел зделать на пружинах и обвил так, что хотя б кристалная была (кроме последнаго безщастия), не повредилася б.
>
> (Письмо Рагузинского к Петру I от 28 ноября 1720. РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 56, л. 878)

Окончательная точка в этом деле была поставлена 13 марта 1721, когда «Венера» невредимой прибыла в Петербург. Длилась эпопея ровно три года. Два раза успели бы в Китай съездить.

Но статуя действительно стоила того. Как её расхваливал Кологривов я не буду повторять, он лицо заинтересованное. Но и на Рагузинского, когда он впервые её увидел (уже на приёмке в Риме), она тоже произвела неизгладимое впечатление. А уж он голых богинь повидал дай бог всякому.

> Подобной вещи нет на свете которая зделана болше двух тысяч лет и я сколко видел воистинну лутчая нежели которая славная у князя Флоренского в галери называемая Венус Медичи безценная.

(Письмо Рагузинского к Петру I от 14 мая 1720. РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 51, л. 519 об.)

Говоря коротко, данная «Венера» стала второй найденной человечеством античной статуей такого уровня (первой стала «Венера Медичи»), и только через сто лет к этим двум добавится третья – «Венера Милосская». Со временем «Венера» Рагузинского получит неправильное название «Венеры Таврической» (по названию «Таврического дворца», в котором она в XIX веке проведёт некоторое время) и станет одним из главных хитов Эрмитажа.

И вот её-то и добыл для нас Рагузинский. Бесплатно.

Вроде бы, всё обернулось как нельзя лучше. Но не совсем.

Все прекрасно знают, что ничего бесплатного не бывает. И в данном конкретном случае доподлинно известно, чем Рагузинский расплатился.

Его контрагентами по переговорам о «Венере» были два самые могущественные в Ватикане человека – кардинал Пьетро Оттобони (канцлер Римско-католической церкви, имевший право подписи вместо Папы практически всех документов) и сам Понтифик Климент XI. И Рагузинскому пришлось сделать интересные предложения им обоим.

Интерес Оттобони и торги с ним задокументированы предельно полно, так что с него и начну. Кардинал по личным мотивам очень хотел заполучить для своей титулярной базилики (Сан-Лоренцо-ин-Дамазо) «мощи» Святой Бригитты, бывшей с этой базиликой как-то связанной. Данный артефакт ещё больше увеличил бы политический вес Оттобони. Проблема была в том, что «мощи» эти находились в Швеции. И вот тут русский царь мог оказаться полезен. Он вёл со Швецией достаточно успешную войну и теоретически имел возможность, в условиях неразберихи, возникшей после недавней гибели шведского короля от пуговицы норвежского снайпера, на чём-то эти «мощи», при желании, выторговать.

Тема «мощей» всплыла сразу же, как появилась тема «Венеры». Не буду грузить цитатами, но некоторые всё же приведу.

***

[Оттобони] просит, чтоб ваше величество повелели поговорить министрам швецким о теле их святой, называющейся Брижи <…> возможно бы за одно обещанное старание о том вывесть лутчюю Венуса.

(Письмо Кологривова к Петру от 23 января 1719)

***

Приимаю честь паки преимущество (Преосвященство?) ваше обнадежить, что его величество не оставит елико возможно будет, прилагая труды, исполнить благоговейное ваше желание об оных святыя Бригиды мощах.

(Письмо Головкина к Оттобони от 21 марта 1720)

***

Кардинал Отобони <…> писал во ответ о отдаче статуе <…>. При том же просит ваше величество о теле святой Бригиды, которое в Швеции обретается ежели оное чрез оружие или чрез трактат получит возможно.

Я нечаю чтоб было противно высокой славы вашего величества его кардинала особливым монаршеским писмом <…> пожаловат, <…> обнадеждуя <…> о прииске и высылке вышереченной мощи.

(Письмо Рагузинского к Петру I от 10 июня 1720)

***

При сем вас нашим благоволением обнадеживаем что мы ваше <…> желание <…> к мощам святой бригиды <…> удоволствовать труд приложим чрез оружие <…> или чрез иной какой случай.

(Письмо Петра I к Оттобони от 14 августа 1720)

Данные цитаты охватывают период «до», «во время» и «после окончания» ареста статуи, то есть весь цикл переговоров по ней. Оттобони намекнул на «желательность» некоторого действия, а в ответ влиятельные лица (Головкин, Рагузинский, а потом и сам Пётр) намекнули, что здесь «всё под контролем». С тем «Венера» и была передана – авансом.

Теперь об интересе Климента XI. Ставка здесь была куда выше. Понтифик хотел получить свободный пропуск через территорию России всех миссионеров, направляющихся в Китай.

Переговоры шли через того же Оттобони, но в данном случае представляющего интересы не свои, а Папы. Тут всё делалось тоньше, но следы всё равно остались.

***

Получил я от его кардинала пространны ответ <…> что ону статуу он кардинал отобони <…> всеконечно освободит (1) …за протекцию показанну миссионерам католикам (2).

(1 – письмо Рагузинсокого к Петру от 23 октября 1719 ; 2 – идущее в комплекте письмо Оттобони к Рагузинскому от 20 октября 1719. РГАДА, ф. 41, 1719 г., д. 4, л. 11–11 об., 13 – 13 об.)

***

И папа, признавая себя одолженна за некоторыя склонности, которыя были показаны от стороны вашего величества по его требованию, а именно что принадлежало Миссионариев от его стороны отправленных.

(Письмо Головкина к Петру от 31 октября 1719)

***

> Климент XI <…> желает, дабы <…> посылаемым кзензам (попам) и миссионерам свободно да будет в китайскую или персидскую страну путешествовать и проезжающим через российскую империю никакого бы озлобления и препятствия не случалося.
>
> (Из проекта договора между Ватиканом и Россией, присланный Оттобони Рагузинскому в начале 1721 по следам сделки с «Венерой». «Обзор внешних сношений России», 1896, ч. 2, с. 239-240)

Интерес Святого престола к проезду в Китай через Сибирь имеет короткую, но яркую историю. Ещё при Иннокентии XI было сделано сразу две попытки включить этот пункт в межгосударственные договоры. В 1686 между Речью Посполитой и Московским царством был ненадолго заключён «Вечный мир», пункт 28 которого гласил:

> Постановили есмы согласно, чтоб из одного государства чрез другое государство, с грамотами государскими, проезд был вольной и безопасной <…> в Персидскую землю и далее.

Конкретно слова «Китай» здесь ещё нет, но под «Персидской землёй и далее» подразумевался, конечно, он.

Год спустя, в 1687, в Париж приехало русское посольство (от царевны Софьи), возглавляемое Яковом Долгоруковым. Посол вёл себя довольно странно (как привык у себя), так что миссия в целом не состоялась. Поговорить с приехавшими и понять чего они хотят было поручено сотруднику дипломатического ведомства Кольберу де Круасси, брату знаменитого Кольбера из «Виконта де Бражелона». Так вот, единственным вопросом, который, как выяснилось, интересовал французскую сторону, был вопрос о разрешении проезда иезуитов через Сибирь в Китай. На это русский посол высказался в том смысле, что полномочий обсуждать это у него нет, но он не сомневается, что если… и так далее. Ну – нет так нет, на этом и закончили. Но интересно само возникновение данной темы. Показательно здесь и то, что у Людовика XIV духовником был в то время «отец Лашез» (тот самый Пер-Лашез), иезуит.

Прошло каких-нибудь двадцать лет, и в 1707 в Ватикане появился «инкогнитный посол» Борис Куракин. Цель – уговорить Папу (уже Климента XI) не признавать нового польского короля. Для размена Куракину был выдан с собой набор «конфеток», в числе которых имелась и такая:

> Предложить <…> свободность в пропуску миссионеров в Китай.
>
> (Инструкция царской канцелярии от 18 января 1707, п. 4. «Полномочные грамоты и патенты кн. Куракина»).

То, что по-факту посол посулил-таки это Папе, видно из ответного письма Понтифика:

> Оный же [Куракин] в твоём имени нам обещал отпертый и вольный поезд чрез те же твои государства мисионеров, посылаемых <…> от святого престола до государства Китайского.
>
> (Ответное письмо Климента XI к Петру I от 7 октября 1707, там же)

При этом в папском послании ни слова не говорилось о польских королях. Понятно, что при таком обороте царское обещание касательно проезда не действовало ни единого дня.

И вот теперь, ещё двенадцать лет спустя, тема транзита в Китай всплыла вновь – как только появился подходящий обменный ресурс в виде «Венеры».

В этом месте хорошо бы остановиться и задаться вопросом – а откуда вообще у Святого престола взялась эта навязчивая идея о транзите в Китай по сибирскому маршруту (не имевшему на самом деле особой практической ценности)?

О том, что дорога в Пекин через Сибирь была в реальности не столь хороша, как это представлялось со стороны – это видно из одного уже того, что русское правительство как раз в эти годы готовилось бросить все свои ресурсы на то, чтобы попытаться всё-таки проложить морской путь в Китай вдоль северного берега Евразии. Так вот, даже если бы льды вдруг растаяли и такое плавание сделалось бы возможным – даже при этом условии данный (столь желанный) морской путь из Архангельска в Китай оказался бы ничуть не короче, чем уже существующий морской путь из Рима в Китай через Красное море (то есть с одной удобной пересадкой пассажиров с корабля на корабль в Порт-Саиде, в месте будущего Суэцкого канала).

Так что представление об исключительном удобстве сибирского тракта – это классический пример «геополитического мифа», возникшего в результате вброса в информационное пространство ряда когерентных посылов. Позже я покажу, что все они восходят к единому источнику – скромному сочинению скромного переводчика Посольского приказа Николая Спафария.

Но поскольку уж речь зашла о Святом престоле, то я прямо сейчас коротко назову пару-тройку именно католических катализаторов данного мифа. Не побоюсь сказать, иезуитских. Идущих, как и все остальные, от Спафария.

Фердинанд Вербист (Verbiest), бельгийский иезуит. Тридцать лет прожил в Пекине, занимая там высокую государственную должность. Являлся личным советником императора, свободно владел китайским языком.

Вербист знал о Китае больше, чем сами китайцы. Но даже он был поражён, когда с дикого севера, прямо из дремучего леса, в Пекин заявились какие-то люди чуть ли не в шкурах – и заговорили на вполне приличной латыни, переходя при необходимости на итальянский, по памяти цитируя Данте. Это было посольство Спафария, май 1676.

Первое впечатление Вербиста стало решающим. Он был зачарован и покорён. Всё свободное время он проводил со Спафарием, впивая его рассказы, как драгоценные соломоновы мудрости. А Спафарий рассказывал о том, как легко и

комфортно он доехал до Пекина через Сибирь. Детально описывал свой маршрут, рисовал схемы. Не верить ему было нельзя.

А потом люди в шкурах вдруг ушли откуда появились – и стена леса сомкнулась за их широкими спинами. Сомкнулась наглухо. Никаких вестей оттуда больше не поступало, на письма Вербиста Спафарий не отвечал.

Вербист начинал уже думать – не наваждение ли всё это было? Но – нет, всего через десять лет (ноябрь 1686) с севера прискакали гонцы. На этот раз не говорившие ни на каком известном языке, но каким-то образом умудрившиеся донести до Вербиста, что «грамотка» к нему от Спафария у них, конечно, имелась, «но в таком далнем пути неведомо каким случаем в дожливой поре помокла, так что вовсе згнила» (письмо Вербиста к Спафарию от 24 ноября 1686, перевод Спафария).

Но это было не главное. Главное, Вербист убедился, что северная дорога из Пекина в Европу действительно существует. Спафарий не обманул. И в следующем году, 1 октября 1687, Вербист пишет своё знаменитое письмо в Рим к Николао Аванчини – с изложением всего, что на эту тему знал и выстрадал.

> Существует дорога, которая идёт из Московии прямо в Китай (Est via qua itur e Moscovia in Chinam), и которая, похоже, вполне безопасна, поскольку у московитов там много городов и крепостей, а население там либо вполне верноподданное, либо дружественное. Посылаю вам приблизительную схему (rudem eius delineationem), полученную непосредственно от русских, от реки Оби до сюда. <…> Письма из Рима смогут доходить до нас этим путем гораздо быстрее. <…> По этой дороге будет самый безопасный и легкий путь для поляков, немцев, бельгийцев и многих других. От реки Оби (fluvio Obi) до Пекина или от Тобольска, столицы Сибири, посол [Спафарий] насчитал шестьсот немецких лье и сказал, что он проделал этот путь со своим багажом, товарами и прочим всего за четыре месяца.
>
> (Письмо Вербиста к Аванчини от 1 октября 1687, из Пекина в Рим. Archive Rom. S. I. Iap. Sin., 145, f. 105-105v)

В Риме к этому письму Вербиста отнеслись со всей ответственностью. И, для верификации, переслали его находившемуся в то время в Москве (1689) чешскому иезуиту Георгу Давиду (David). Который, долго не думая, пошёл консультироваться к первоисточнику, то есть – к Спафарию. Схема дороги в целом была подтверждена, мелкие описки исправлены («Selinga» вместо «Siringa» и тому подобное). Так мнение об удобстве сибирского пути было Святым престолом услышано.

Но этим дело не ограничилось. В следующем году, в 1690, ещё один «китайский» иезуит, Антуан Тома (Thomas) посылает в Рим карту собственного изготовления – с отмеченной на ней дорогой через Сибирь («Tabula Geographica Orientis iuxta autographum P. Antonii Thomas… 1690», Roma, Archivio di Stato, Bibl., Ms. 392). Поскольку Тома в 1687 был личным секретарём Вербиста (к текущему моменту уже умершего), и именно он, собственно, и писал то знаменитое письмо от 1 октября 1687 (рука Вербиста идентифицирована только в подписи), то со всей очевидностью Тома нанёс на свою карту сибирский маршрут на основе бумаг Вербиста, составленных (десятилетием раньше) со слов Спафария.

Короче, все знали об удобстве сибирского пути в Китай, но никто из иезуитов его в глаза не видел. А миф, тем временем, начал потихоньку выдыхаться. Корабли становились всё надёжней и быстроходней, а вдоль морского пути вырастало всё больше европейских факторий. Впрочем, по состоянию на лето 1719 тема всё ещё была актуальной.

И вот Святой престол, пользуясь случаем, запросил за «Венеру» две вещи. Для миссионеров – свободный проезд через Сибирь в Китай, а для кардинала Оттобони лично – «мощи» Святой Бригитты. Поскольку и то и другое было обещано, то в мае 1720 «Венера» была торжественно передана русскому представителю. А именно – Рагузинскому.

Дальше последовало то, чего можно было ожидать. Ни одно из условий русской стороной выполнено не было. Обещать – не значит жениться.

Всё было сделано столь обезоруживающе прямолинейно («Какие деньги?»), что Оттобони даже не сразу поверил, что его натурально «кинули». Эти ясные глаза не могли обмануть. Поначалу он ещё пытался писать в Петербург и напоминать о долге. Но на его письма просто перестали отвечать. «Венера» была получена и вопрос был закрыт.

> С того часа как <…> Венусова статуа его величеству доставлена, то я <…> о дипломе раде наших миссионариев и о мощей святой Бригиды многократно писал <…> однако… (и так далее)
>
> (Письмо Оттобони к Толстому от 6 августа 1722)

На осознание обмана ушло некоторое время. Но Рагузинский не стал дожидаться. В этом деле по всем понятиям он оказывался крайним. Бог высоко, царь далеко, а он – вот он, в Венеции. Он выступал поручителем этой сделки, он лично получил товар – так что ему и отвечать.

Долг полностью висел на нём, у обманутой стороны на этот счёт не было двух мнений. Предыдущую цитату из письма Оттобони я немного купировал, а теперь приведу её полнее:

> Я <…> о дипломе раде наших миссионариев и о мощей святой Бригиды многократно писал и частые имел разговоры с графом господином Савою, которой ради назначенной статуи к нам отправлен был, <…> однако ж кроме двух первых писем каковы ко мне писал из Венеции господин граф Сава, не токо боле ко мне не писал, но отъездом его в Санкт Петербург никакое от него известие не получил.
>
> (Там же)

Как я уже сказал, Рагузинский не стал дожидаться. Весной 1722 он бежал в Петербург. Когда в ходе «Прутской авантюры» (1711) он открыто изменил турецкому султану – он спокойно тогда оставил свою престарелую мать в султанских владениях. Но теперь он на всякий случай забрал её с собой. И хотя Климент XI успел за это время переселиться в лучший мир, должок за Рагузинским продолжал числиться. Понтификов не кидают. Бог не так высоко, как кажется.

Так в свои пятьдесят три года Рагузинский снова оказался на свинцовых брегах Невы.

Но есть и хорошая новость – Кологривов нашёлся. Спустя восемь лет после его исчезновения, в сентябре 1727 князь Борис Куракин (тот самый) получил в Париже от него письмо. В котором Кологривов сообщал, что в 1719 он был похищен пиратами и продан в Тунис, после чего восемь лет находился в рабстве (Александрия, Крит, Малая Азия) – а теперь вот выбрался и нижайше просит принять его назад (пока же – подкинуть денег).

Писал Кологривов якобы с Мальты, но в качестве обратного адреса указал «Марсель, до востребования».

Ну, что? Пётр к тому времени умер. Екатерина тоже. Всё дважды успело обнулиться. И Кологривова взяли назад.

Похоже, африканский климат пошёл ему на пользу. Перед своим исчезновением он в каждом письме жаловался на здоровье. А теперь, после Африки, всё как рукой сняло и прожил он ещё двадцать лет, работая по специальности – архитектором.

Что с ним произошло на самом деле – в рамках данной книги не моё дело. Но – так, небольшое размышление вслух. Человек, объездивший за восемь лет столько экзотических стран, по возвращении всегда становится местной знаменитостью и экспертом по «Востоку». В любом случае, всю оставшуюся жизнь он пишет мемуары, типа «Как я пересёк горы Атласа и отбил восемнадцать жён у Чёрного Абдуллы». А здесь – полный молчок. То, что никто не удосужился проверить Кологривова на элементарное знакомство с мусульманскими реалиями, я об этом уже и не говорю. Кому это нужно в стране, где истина устанавливается распоряжением начальства? Распорядились Кологривову поверить.

Другой подозрительный момент. Кологривов в своём письме говорит, что был из Туниса перепродан в Александрию, поскольку он (цитирую) «не умел никакого ремесла». И это говорит человек, обучавшийся в Европе артиллерийскому делу, кораблестроению, архитектуре, живописи. Человек, имевший прямой выход на русского императора, который мог щёлкнуть пальцами – и Тунис ушёл бы на дно морское. Допустим, живопись в стиле рококо в Магрибе оказалась невостребованной (как в своё время «билибинский» стиль в Каире). Но – артиллерия? Впору звать Станиславского с его «Не верю!»

Да и момент появления Кологривова просто математически точен – сразу, как только на трон вступил Пётр II, то есть – сын царевича Алексея. Всем было понятно, что покойный царевич будет теперь полностью реабилитирован, как и всё с ним связанное. А ведь в момент исчезновения Кологривова гуляла версия, что он не слишком-то рвётся на родину из-за своих связей (может быть и пустяковых) с недавно казнённым царевичем.

Слишком много вопросов, ответы на которые для меня, признаться, не слишком сейчас важны. Вернёмся лучше к Рагузинскому. Который в 1719 добыл для нас настоящую античную «Венеру». Ценой своего изгнания из рая.

Ту самую «Венеру Таврическую», которая век спустя подтолкнёт Пушкина к поэтическому побегу на «М-остров» Новой Земли и к зарисовке его западного берега, сделанной Пушкиным в своей рабочей тетради по устному описанию этого острова Кюхельбекером (см. «Топонимический кластер», эпизод «Ещё Пушкин, п. 6»).

На брегах Невы жизнь Рагузинского покатилась размеренно. У него оставались здесь ещё кое-какие активы. Но главный его актив (царь) в январе 1725 неожиданно полностью обнулился.

И Рагузинский, которому клонилось уже к шестидесяти, вынужден был вскоре сняться с места и пуститься в путешествие на край света. Договариваться о невозможном.

Договорщик

(1725–1728, Пекин)

Кто бы в действительности ни отправлял Рагузинского в Китай, в действительности отправила его туда Судьба. Постаравшаяся вложить в это действие всю свою знаменитую иронию.

Три года назад Рагузинский бежал из Венеции в Петербург из-за того, что обманул Папу римского с обещанием устроить проезд иезуитов в Китай. Где находится этот «Китай» он и думать тогда не думал. И вот иезуиты преспокойно остались в Риме, а он вместо них тащится в Китай по пути, который он им так расхвалил, но не дал.

При этом технически Судьба реализовала свою иронию конкретно через Дмитрия Голицына. Который двадцать четыре года назад, выписывая Рагузинскому «Подорожный лист» из Стамбула в Москву (см. «Библиотека Пандоры»), вряд ли думал, что когда-нибудь будет выписывать ему такой же лист, но только из Петербурга (которого ещё не было) в Пекин (о котором он ещё слыхом не слыхивал).

За эти годы Голицын успел побывать и выше Рагузинского (один «посол», другой простой «купец»), и ниже его (простой «воевода» – и всесильный «советник царя»), и снова выше («сенатор» – и практически частное лицо, ну вот теперь «посол», как сам Голицын в начале своей карьеры).

Подпись Голицына, как члена Сената, стоит на всех основных документах, связанных с отправлением Рагузинского. В том числе и на Протоколе заседания от 18 июня 1725, назначившего его послом «в Цинскую империю» (РГАДА, ф. Сенат, кн. 1892, л. 257 об.).

Получив назначение в Китай, Рагузинский первым делом отсылает назад в Венецию свою молодую жену-венецианку, три года назад привезённую им в Петербург («Челобитная» в Коллегию иностранных дел от 4 июля 1725 о выдаче ей паспорта). За описанием всяких-разных событий я забыл сказать, что Рагузинский в Венеции женился – на двадцатилетней красавице из семьи потомственных патрициев. Также я не успел ещё сказать о собственной внешности Рагузинского.

Если судить по бюсту работы Растрелли, а также по почтовым маркам, регулярно выпускаемым в разных балканских странах – то Рагузинский был высоким красивым мужчиной атлетического сложения с благородным лицом крупной лепки.

А вот если посмотреть на рисунок работы Антонио Дзанетти (Zanetti), то мы увидим низенького, грузного, обрюзгшего, коротконогого и кривоногого человечка с лицом, напоминающим жабу (Archivi Fondazione Cini, Venezia, tavola XXII, foglio 41). Конечно, это шарж. Но карикатурист никогда не выдумывает персональные особенности своих героев (иначе не будет узнаваемости), он лишь утрирует существующие. Так что стройного широкоплечего красавца из Рагузинского никак не вырисовывается. И жанр «бюста» – это, похоже, как раз его жанр, Растрелли тут не ошибся.

На внешности же Рагузинского я счёл нужным остановится потому, что это лучше всяких слов показывает всю мощь его внутренней харизмы. Которая никоим образом не являлась банальной производной внешности. При таком вот портрете (и в таком возрасте) суметь отхватить красавицу, на которую оборачивались во всех петербургских салонах – это, пожалуй, всё, что нужно о нём знать.

Незадолго до отправки в Китай Рагузинский сделался, наконец, полноценным графом. До этого он был «графом иллирийским», но теперь, указом Екатерины I, он стал графом Российской империи. Всё, натурализация свершилась. Что ж, теперь можно ехать.

Но – нет, нельзя. Главная секретная составляющая его жизненной стратегии – не начинать ничего, предварительно не проработав проект в мельчайших деталях. И он готовит экспедицию (совершенно новое для себя дело) с такой тщательностью, которую человек, не знающий Рагузинского, мог бы принять за клинический случай перфекционизма. Состав экспедиции (включая двух трубачей и двух валторнистов), персональный подбор участников, определение должностных окладов, выплата всем «подъёмных», приобретение оборудования, запчастей, расходных материалов, спецодежды, инвентаря (в том числе «две пары валтгорны, две пары труб, три скрипицы, одна скрипица на басо, один басон, три гобои, одну флейту реферс, три флейтузы»). Изучение опыта всех предшественников, анализ причин их неудач, получение инструкций, составление собственных инструкций, проработка запасных вариантов на случай если что-то пойдёт не так, рассылка по всему предстоящему пути писем – извещающих, предписывающих, просящих о тех или иных «услугах» (которые на самом деле входили в должностные обязанности адресатов).

Один только пример. Когда Рагузинский обнаружил, что мундиры для его гренадёров укомплектованы не теми пуговицами, какие он запрашивал (он хотел золочёные), то он не поленился лично обратиться в Военное ведомство с требованием срочно привести комплектацию в соответствие («Доношение» в Военную коллегию от 30 октября 1725. АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1725 г., д. № 4, л. 336 об.)

Маршрут движения он тоже поменял. Голицын, ничтоже сумляшеся, пытался отправить его северным путём (через Сольвычегодск, Визингу и Ужгу – то есть через страшный Зырянский лес). Рагузинский же в мягкой, но категоричной форме «попросил» поменять этот маршрут на южный – через Муром, Нижний Новгород, Вятку и Соликамск. А то, что «подорожная» была уже выписана – ничего страшно-

го, пусть перепишут («Доношение» в Сенат от 12 ноября 1725. Там же, л. 343-343 об.). Что важнее – десять минут работы канцеляриста – или возможный срыв всего проекта с участием сотен людей?

И так было во всём.

Ибо Рагузинский понимал, что его посылают на дело гиблое, исходно обречённое на провал. Требовалось договориться с китайским императором, принципиально не признающим никаких равноправных договоров с «вассалами».

Так что «золочёные пуговицы» – это так, попутно. Главное, на чём сконцентрировался Рагузинский, это была проработка сути будущих переговоров. Предполагалось, в идеале, провести демаркацию границы (никогда до этого не существовавшей), и – что было уже за пределами мечтаний – чтобы она оказалась при этом более-менее разумной.

Рагузинский, уже с дороги, запросил материалы с мест (карты, описания, цифры). Никаких материалов на местах не оказалось. Он по-хорошему повторил просьбу. Встречного энтузиазма выказано не было. Он запросил в третий раз, намекнув, что можно, если они так хотят, решить вопрос и по-плохому. В ответ пришли какие-то жалкие отписки. Он просмотрел их и снова уточнил задание.

И так – настойчиво и деловито – он шаг за шагом работал над решением проблем. Как обозначить на карте границу, если самой карты не существует? Он высылает вперёд геодезистов, просит Беринга прислать с Камчатки (!) что у того есть, просит агента в Селенгинске провести разведку окрестных территорий и сделать их описание. И, уж заодно, приготовить к его приезду «одну варю доброго пива, а другую самого лёхкого полпива, да бочку самова лёхкова мёду» (Письмо Рагузинского в Селенгинск от 3 ноября 1725. Там же, л. 341). Всё понятно, возраст давал о себе знать, «крепиша» остались в прошлом.

Другой вопрос. Китайцы имеют отработанную претензию, что русские укрывают их перебежчиков. А сколько этих перебежчиков всего? Когда перешли? Есть их списки? Надо срочно составить – чтобы на переговорах иметь на руках конкретику.

Далее. На границе, особенно на недоопределённой, всегда происходят мелкие конфликты. Это жизнь. Распоряжение Рагузинского – все конфликты и притеснения на время переговоров полностью прекратить (чтобы выбить из рук другой стороны их аргументы). Может быть в прошлом что-то и было – но сейчас-то ведь ничего плохого уже нет?

Рагузинский готовился к путешествию со всей мыслимой тщательностью, но иллюзий при этом не питал. Уезжая, он оставил завещание. Не показное, на публику, а совершенно полноценное и рабочее, где вся его жизнь была им взвешена, оценена и подробно расписана – что причитается жене, если она вернётся в Петербург, что – если посчитает нужным остаться в Венеции, что – если там повторно выйдет замуж, что – если воспитывать детей будет сама, что – если доверит их своим родителям – и так далее. Завещание настолько подробное, что зная наперёд, что оно так и не пригодится, я с трудом дочитал его до конца. Но из данного текста со всей несомненностью следует, что автор если и не готовился к скорой смерти, то в любом случае ясно осознавал высокую её вероятность.

У каждого серьёзного завещания должен быть соответствующий душеприказчик. Рагузинский попросил стать им самого надёжного человека, незыблемого как скала Петра Толстого, с которым был знаком двадцать три года, ещё со Стамбула. Когда Рагузинский вернётся из Китая живым и относительно здоровым – Толстой уже год как будет томиться на Соловках, где ещё через месяц и умрёт.

Ближайшим сподвижником Рагузинского в этом его посольстве в Китай стал Лоренц Ланг. Который на момент выезда Рагузинского из Петербурга уже находился на китайской границе (юридически ещё не существовавшей), в Селенгинске. И всё то время, пока Рагузинский добирался до Селенгинска, между ним и Лангом шла напряжённая деловая переписка. Рагузинский генерировал идеи, Ланг воплощал их в жизнь. Ну и всё прочее.

> Надеюсь <…> к приезду вашего сиятельства пива, пол-пиво и мёд в готовность иметь, токмо я тем несчастлив, что здесь добрых пивоваров не обретаетца.
>
> (Письмо Ланга к Рагузинскому от 2 апреля 1726, из Селенгинска в Иркутск. АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1726 г., д. № 6, л. 11 об.)

Наконец Рагузинский добрался до Селенгинска. К этому моменту подготовка к переговорам была закончена. А вот теперь в Китай можно и ехать.

Рагузинский долго запрягал, так что поехал он быстро. Документов по его посольству в Пекин сохранилось больше, чем по всем предыдущим сюда посольствам вместе взятым. Но содержание всего этого необозримого массива можно свести к одной фразе – Рагузинский переиграл китайскую бюрократию по всем позициям, полностью подавив её своим знанием вопроса, проработкой деталей и просто уровнем мышления.

Поначалу здесь пытались применять старые свои штучки. Но против людей уровня Рагузинского это совершенно бессмысленно. Требуется поклониться в ножки три раза? Да хоть десять. Но при этом уступить сто метров лишней территории он никак не может – и способен чётко аргументировать правоту своей позиции. Грозите в случае неуступчивости военными действиями? Да без проблем – хотя мы этого и не хотим. Вот данные по вашим вооружениям – а вот по нашим, думайте сами.

Короче, Китай остался таким, каким он был при Спафарии – а Европа (а вместе с ней и Россия) успела за это время перескочить на следующую ступень.

После шести месяцев в Пекине, переговоры перенеслись на предполагаемую границу, в район реки Буры. Здесь, на месте, дело у Рагузинского пошло ещё лучше. Так что китайцы и сами не поняли, как подписали все предложения Рагузинского (октябрь 1727). Всё, можно возвращаться.

Нет, не всё. Пусть партнёры сперва свозят договор в Пекин на ратификацию. А он их здесь подождёт. Он никуда не торопится, вся жизнь впереди.

Рагузинский так запрессовал партнёров по переговорам, славившихся своей неуступчивостью, что они как миленькие сгоняли в Пекин и привезли назад (июнь

1728) оригинал договора, скреплённый императорской печатью. Я бы тоже хотел это видеть. Вот теперь дело было сделано.

Результатом работы Рагузинского стал знаменитый Кяхтинский договор, точно разграничивший, наконец, территорий двух стран и установивший чёткий механизм торговли.

Торговать теперь стало возможно двумя способами – в Пекине (регламентировалась частота караванов и их численность) и прямо на границе, в Кяхте (а это без ограничений). Впрочем, никакой Кяхты на тот момент не существовало.

Но это для Рагузинского был не вопрос. Он тут же, пока ждал документы из Пекина, создал Кяхту (торговую площадку на самой границе), а в четырёх верстах от неё для убедительности поставил крепость, облагородив её (и превратив тем самым в центр притяжения окрестного населения) церковью Троицы и Саввы Сербского (так что с её учредителем не ошибёшься). Этот населённый пункт стал потом называться Троицко-Савском.

> При Кяхте <…> при моей бытности <…> построена <…> крепосца <…> названа Новотроицкая. <…> В оной же крепосце <…> построена церковь деревяная небольшая храма Троицы и Саввы Сербского.
>
> (Реляция Рагузинского в Коллегию иностранных дел от 6 августа 1728)

Пока Рагузинский ещё только ехал по Сибири в Китай, он обнаружил непорядок. Ни один так называемый «острог» по факту «острогом» не являлся и основного своего назначения (обеспечивать надёжную защиту находящихся внутри в случае настоящей осады) не выполнял. Относилось это и к Селенгинску.

Рагузинский отправил с дороги доклад с предложением по исправлению ситуации и калькуляцией требуемых расходов (с указанием возможных источников финансирования). Пока он ездил по Китаям, Сенат получил, рассмотрел, утвердил и отправил назад соответствующий указ. Так что Рагузинский заодно перестроил и Селенгинский острог.

Для этого туда был откомандирован, в частности, поручик Петров (письмо сибирского губернатора к Рагузинскому от 3 августа 1727), которого Рагузинский знал ещё ребёнком и принимал в его судьбе известное участие. Рагузинский помог Петрову и здесь – для начала деньгами (запись Петрова от 14 января 1731, п. 4). А увидев, что Петров как-то вообще растерялся, упал духом и служить в такой дали ни в какую не хочет, то своей властью (которую он явочным порядком определил, как верховную на территории от Тобольска до Кяхты на время своего проезда) Рагузинский отпустил несчастного поручика на «большую землю», в Тобольск.

> Не зная что с ним <…> делать, принял смелость ево и паки к сибирскому губернатору в Тобольск отпустить.
>
> (Реляция Рагузинского к Коллегии иностранных дел от 22 апреля 1728, из Селенгинска)

Всё то время, пока Рагузинский находился собственно в Пекине (шесть месяцев), никакая корреспонденция до него не доходила (ещё одна не сработавшая уловка

китайской дипломатии). Так что по возвращении в Селенгинск он обнаружил тут много писем с запоздалыми просьбами. Но у Рагузинского ничего никогда не «запаздывало». Невыполненные поручения, в частности от Академии наук, он передал с соответствующими инструкциями Лангу. Который по заключении Договора, уже в своём праве вскоре отправился снова в Пекин – торговать. А заодно и выполнять данные поручения.

И только после всего этого Рагузинский двинулся в обратный путь. Пока он едет, хочу привести одну красивую длинную цитату, где Рагузинский описывает прохождение им порогов на реке Ангаре. Порогов этих больше не существует, так что взглянем на это, как на исторический отчёт о водном походе высшей категории сложности.

> 20-го дня (июля 1728) в Братцком остроге взяв лоцманов, которые чрез пороги суды проводят, и того дни перешли чрез два порога, первой называетца Похмельной, а другой Пьяной, и начевали недошед порогу, которой называетца Падун.
>
> И оной порог для проходу как вниз, так и вверх зело опасной. И наутрее принуждены, из дощаников всё выгрузя, обвозить на телегах берегом, а дощаники спущали порожжие. Первые два порога никаким образом не можно ни обвозить <…> понеже от обоих стран река прикрыта каменными утёсами, и чрез всю реку, кроме того места, [которое] судами проходят, пресечена каменьями, чрез которые река своею обыкновенною быстротою течение имеет с великим шумом, для чего лоцманы, когда спущают суды, привязався на носу верёвкою, чтоб не упасть в воду, куда оборачивать судно показывают кормщику знаки, машут платом и в том имеют нарочитое искуство.
>
> Падунской порог паче других опасной для частого каменья, между которыми проход зело уской так, что разве мало шире, как судно поперёг, к тому ж через два залавка вода жестоко вдруг упадает, на которых и порожние суды днами о камень достают, и многие суды как вверх, так и вниз идучи о каменье разбивает. И видели при оном пороге многие дощаники разбитые.
>
> Сему опасному и зело трудному проходу есть способ: понеже от левой стороны, идучи вниз, луговое место, которого будет в длину версты на две, большая часть для низости наполнена водою, и ежели провесть канал <…>, то оной порог можно без жадного труда обходить, и как для судов государственных, так и для купеческих будет великая польза, а что издержано будет казны на жалованье работником, то можно собрать с купцов, положа с проходящих судов по разсмотрению, что купцы с превеликою охотою будут платить, понеже доныне многие терпят от такого опасного проходу чрез сей жестокой порог великое раззорение.
>
> («Путевой журнал» Рагузинского. АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1729, д. 4, лл. 112 об. – 113)

В данном путешествии участвовал в качестве «переводчика с латинского» некто Иван Крушала – этнический турок, усыновлённый жителем сербской Перасты и

выучившийся затем на аббата в Риме – а в 1717 устроенный Рагузинским на службу в Петербург. По возвращении из Китая, он вскоре уедет обратно в Италию.

Крушала оставил нам первое профессиональное стихотворение о путешествии в Китай через Сибирь, написанное непосредственным участником. Хотя (вопреки заявлению автора) это никакой не «сонет» (уже по одному тому, что в стихотворении семнадцать строк) – это реальное искусство, настоящий «мёд геопоэзии». Так что вкушаем «сибирскую» часть этого итальянского «sonetto»:

***
<…>

Calcò l'asciutto piè l'Obi e il Tobolo
Famosi trà i Siberi, e Ienisea;
Scorso già l'ermo Barabino Suolo.

Sceso l'Imavo à Sacù, à Tungusea
Per l'incolto Dauro et il Mongolo
Men venni in Cina à destra di Corea

In faccia à cui Sorgea
Di Mirabil industria il muro antico
Contra 'l Tartaro (in van) di prede amico.

Как это бывает с любой настоящей поэзией, даже подстрочный перевод здесь затруднителен, а любые попытки сохранить не то что размер, а хотя бы строфику, приводят к жалкому результату – не говоря уж о рифмовании, неотвратимо порождающем отсебятину. А тут ещё замешана пара неочевидных топонимов. Так что делаю как могу:

***
<…>

Пройдя сухим путём вдоль знаменитых сибирских рек –
Оби, Тобола и Енисея,
миновав бесплодную Барабинскую степь,

заменив путь через Гималаи путём равнинным –
с его призрачным городом Скау, Тунгуской,
непаханой Даурией и Монголией –

оставив по левую руку Корею,
миновав удивительное сооружение – древнюю Стену,
возведённую от рыщущих в поисках добычи татар,

и упёршись, наконец, носом в Сугре (Sorgea) –
я прибыл, друже мой, в Китай!

Небольшие комментарии.

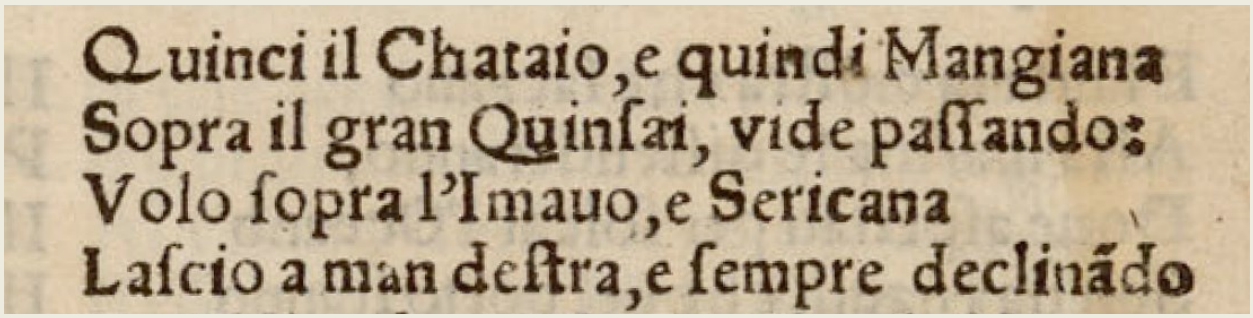
Вдоль рек они шли «сухим путём», потому что шли зимой.

Нижнее течение Ангары, начиная от устья Илима, было известно Рагузинскому под названием «Тунгуска» (см. «Путевой журнал»).

Автохтонное население «ТаРтарии», то есть всей Северо-восточной Азии, в русской переводческой традиции принято, не заморачиваясь, давать словом «татары».

«Сугре» – северное предместье Пекина, где во времена Рагузинского находился «превеликий» восемнадцати-арочный каменный мост через одноимённую реку. Здесь была последняя остановка Рагузинского и Крушалы, где они приготовлялись к официальному въезду в столицу Поднебесной, с припасёнными на этот случай валторнами и флейтузами («Путевой журнал», запись за 20-21 октября 1726, л. 110 об.).

«Гималаи» и «Корея» в данном контексте несколько неожиданны. Крушала и близко не видел ни того, ни другого. Я это место в стихотворении понимаю, как чисто литературную отсылку к соответствующей строке из «Неистового Роланда» Ариосто (10:71), буквально – перевёрнутую цитату. Там один из героев, Руджьер, заполучив от феи волшебного коня и пройдя курс обучения пользования им, облетает на нём половину земного шара и обозревает сверху Китай, Гималаи (Imavo), Скифию, Сарматию и Европу. Китай в этом полёте был осмотрен детально – северные провинции отдельно (Chataio), центральные отдельно (gran Quinsai), южные отдельно (Mangiana). Видит Руджьер также и полумифическую «Серикану» («страну шёлка»), которая (согласно Птолемею) находится там же, на северо-востоке Китая, где-то рядом с Кореей.


Quinci il Chataio, e quindi Mangiana
Sopra il gran Quinſai, vide paſſando:
Volo ſopra l'Imauo, e Sericana
Laſcio a man deſtra, e ſempre declinãdo

[Илл. 08-07-03-01-1. Горы «l'Imauo» (Гималаи) в книге Ариосто «Orlando furioso», 10:71, 1532, p. 41]

И вот Руджьер на своём коне «пролетает *поверх* Гималаев» («Volo *sopra* l'Imauo») и «оставляет по *правую* руку Серикану (вместе с Кореей)» («Sericana lascio a *man destra*») – и всё это в одном предложении.

Соответственно, Крушала, выросший на итальянской поэзии, тоже в одном предложении низом обходит Гималаи («sceso l'Imavo à Sacù», буквально: «понизил (низвёл) Гималаи до уровня Sacù») и оставляет Корею по левую руку («à destra di Corea»). Своеобразный «наш ответ Ариосту», чей герой видел (как и мы) пол мира, но только с другого ракурса, из окна личного самолёта.

И, наконец, «Sacù». Здесь у меня железобетонной версии нет. Есть изящная.

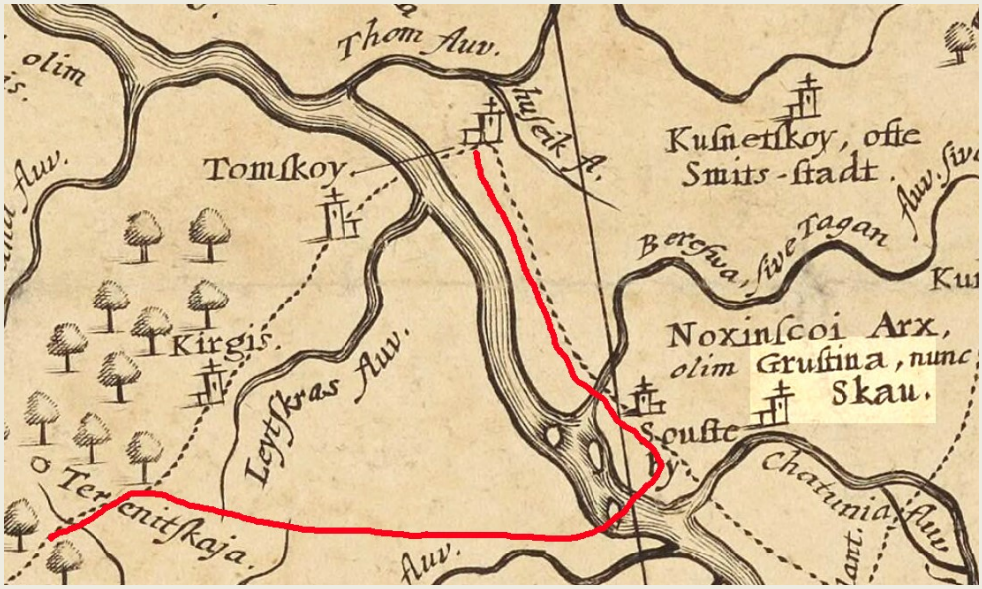
Всякие там созвучные «барабинские» топонимы типа «Саракуль» или «Сайгуль» я, со всем уважением, отметаю. Нужно нечто, лежавшее на пути Крушалы ПОСЛЕ Барабинской степи (закончившейся для Рагузинского и Крушалы на Теремиских юртах и Убинском озере, см. запись от 28 февраля 1726) – и при этом ДО реки Тунгуски.

Моя версия предполагает существование небольшой описки инверсного типа – вместо «Scaù» написано «Sacù». Оба эти слова ничего не говорят ни уму ни сердцу образованного человека.

История же такая. В Сибири издревле известен призрачный «город Грустин», место зарождения знаменитой «сибирской грусти». Он присутствует на множестве самых разных карт, но никто никогда не видел его своими глазами. Согласно картам, город находится на правом берегу Оби, где-то недалеко от места впадения в неё реки Таган (она же «Soulousma») или Катуни.

Конкретно на карте, которой скорее всего пользовались в путешествии Рагузинского – карте Витсена от 1687 – так вот на ней «город Грустин» показан лежащим прямо на их пути. Известно, что к Оби Рагузинский вышел от Теремиских юрт (есть на карте) по реке Чаус. Это несколько севернее современного Новосибирска и заметно южнее впадения в Обь реки Таган. Дальше они двигались по правому берегу Оби на север, в сторону Тагана (а потом Томска). Таким образом, путешественники (согласно карте) должны были пройти прямо через «город Грустин». Который на карте Витсена (1687) значился, как «Noxinscoi Arx, olim Grustina, nunc Skau», а на карте Гийома Делиля (1706), как «Naxinscoi ou Grustina auj Scau».

Так что на обеих картах чёрным по белому было написано, что город «Грустин» к настоящему моменту («nunc» на латыни, «aujourd'hui» на французском) переименован и называется теперь «Scau» («Skau»). Это и есть «город Скау» Крушалы.



[Илл. 08-07-03-02-1. Город «Грустин» (он же «Skau») на карте Витсена-1687. Красной линией показан маршрут Рагузинского в 1726 от «Теремиских юрт» до Томска – таким, каким он формально выглядел бы на данной карте (в реальности такой большой петли не было – она возникла лишь на карте из-за её неточности)]

Никакого «города Грустина», разумеется, нашими путешественниками обнаружено не было. Мы видим лишь грустную запись Рагузинского в его дорожном дневнике: «Крепости никакой нет» (от 3 марта 1726). И хотя это формально относилось к Умревинскому острогу (которому полагалось находиться примерно там же), эта фраза открывает дверь в невидимую вселенную всех «призрачных городов». Поэту Крушале грех было пройти мимо такого образа.

Конец небольших комментариев.

Всё это было ещё по пути туда. И вот, почти три года спустя, 18 декабря 1728, оставив «Mirabil industria» в двадцати тысячах «ли» позади, Рагузинский возвратился в новую столицу, Москву. Вот она, настоящая «il muro antico», амиго.

Через месяц ему исполнилось шестьдесят.

Динозавр

(1729 -1738, Петербург)

После туч и гроз, Рагузинский пришёл, наконец, в родную гавань. Здесь, у причала, он потихоньку и сгнил.

Перед отъездом Рагузинского в Китай власть поменялась. Пока он ездил по своим Китаям, власть опять поменялась. Не успел он по возвращении написать отчёт о своём путешествии, власть поменялась в третий раз.

Нет, специально его никто не обижал. Просто его время как-то резко вышло. Вокруг него вырастала глухая стена, его настоящая «il muro antico». Руина, почитай (хотя хватило бы и руны). Дмитрий Кантемир умер, Пётр Толстой умер, Апраксин умер, Пётр просто – тоже умер. Никого не осталось – ни друзей, ни врагов. Дмитрий Голицын, с которого всё когда-то началось, тоже уйдёт раньше него.

Когда Рагузинский уезжал в Китай, он оставил в Петербурге полон дом близких – молодую жену на сносях, двоих маленьких детей, мать. За время его путешествия оба ребёнка умерли, мать – тоже, а третий ребёнок, родившийся без него, умер год спустя после его прибытия.

Сам Рагузинский умрёт через десять лет после своего возвращения из Китая, в 1738.

С женой-венецианкой всё обстоит как-то мутно. То ли она в 1725 в Венецию так и не уезжала (как было оговорено), то ли наоборот – уехала и так и не вернулась. В любом случае на похоронах Рагузинского её не было. И очень скоро, как только первые приехавшие из Петербурга в Венецию свидетели смогли подтвердить суду факт смерти Рагузинского, она тут же снова вышла в Венеции замуж. В последнем завещании Рагузинского она обойдена глухим молчанием.

Трагедия Рагузинского была не только семейной, но и поколенческой. Он и его товарищи так быстро и эффективно изменили окружающую жизнь, что в новой жизни им самим места не нашлось. Двадцатилетние поручики, начитавшиеся Лейб-

ница, хотели рулить сами. Ирония заключалась в том, что они были ничуть не более образованы, креативны и деятельны, чем Рагузинский – ещё не старый, в-сущности, человек. Его поколение было поколением «самородков», вынесенных штормом на поверхность. А на смену им пришло поколение «детей самородков», то есть людей в массе своей обычных, а говоря по-простому – заурядных.

Поручик Петров (а теперь уже майор), которому Рагузинский столько раз помогал (и в Селенгинске, и до этого), поносил в петербуржских салонах своего благодетеля направо и налево – а когда это дошло до властей и они заинтересовались компроматом, то глазом не моргнув накатал на Рагузинского донос (Запись опроса майора Петрова генералом Минихом о Рагузинском от 14 января 1731. РГАДА, ф. Сенат, кн. 729, л. 213 – 215 об.).

Поручик Антиох Кантемир (сын Дмитрия Кантемира), выросший на «Музах» Рагузинского (из Летнего сада) и охотно бравший у него книги – и который вообще оказался в этой стране благодаря Рагузинскому – так вот он не нашёл ничего лучшего, как вывести Рагузинского в своей сатире (под именем «Хрисипп») в виде деляги и патологического скупердяя, чисто Плюшкина:

Хрисипп, хоть грязь по уши, хоть небо блистает
Огнями и реки льёт, Москву обегает <…>
Когда в чём барыш достать надежда какая,
И саму жизнь не щадит. Недавно с Китая,
С край света прибыв, тотчас в другой уж край света
Сбирается, несмотря ни на свои лета <…>
Сед, беззуб и весь уж дряхл на корабль садится,
Не себя как уберечь, но товар, крушится. <…>

Весь вечер Хрисипп без свеч, зиму всю колеет,
Жалея дров; без слуги обойтись умеет
Часто в доме; носит две рубашку недели,
А простыни и совсем гниют на постели. <…>
А кушанье подано коли на двух блюдах,
Кричит: «Куды мотовство завелося в людях!»
За пищу, думал бы ты, Хрисипп суетится,
Собирая, чем бы жить; что за ним тащится <…>

Да не то, уж сундуки мешков не вмещают,
И в них уж заржавенны почти истлевают
Деньги; а всей у него родни за душою –
Один лишь внук, да и тот гораздо собою
Не убог, деда хотя убожее вдвое.
Скупость, скупость Хрисиппа мучит, не иное.

(Антиох Кантемир, «Сатира III. О различии страстей человеческих», 1730)

Другой сын Дмитрия Кантемира, Матвей – он со временем купит себе московский дом Рагузинского – первый значимый подарок царя Петра начинающему стамбульскому негоцианту.

Завершить данный рассказ полагалось бы общими рассуждениями пессимистического характера о судьбе человеческой. Но это за меня уже сделал Державин в своей «Реке времён». Стихотворении, которое своей судьбой опровергло свой главный тезис о неизбежности общей судьбы, благодаря убедительному утверждению которого оно свою опровергающую судьбу и обрело.

И у нас остаётся ещё один этап. Не самый последний.

Демиург

(Всегда, везде)

Рагузинский перешёл в мир иной 17 июня 1738. Но его воздействие на мир этот с этим не закончилось. Можно сказать, что на тот момент оно толком даже ещё не начиналось.

Чтобы свершить реально великое, Рагузинскому не надо было больше ничего совершать, всё что нужно он уже сделал. Надо было просто дать этому миру время. И вот цветы расцвели.

Поручик А. Петров где-то к сорока годам взял себе другую фамилию – Ганнибал. Он и был одним из тех малолетних чернокожих невольников, которых когда-то (в 1704) Рагузинский купил в Стамбуле и послал в Москву в подарок главе Посольского приказа Головину. Здесь их, по просьбе Рагузинского, принял тогда Николай Спафарий – осмотрел, отобрал и направил по назначению. Вот письмо Рагузинского к Спафарию.

> Ты нижайший ему [Головину] от мене поклон скажи и объяви, что бумага хлопчатая, которую приказано мне промыслить, <…> и двух мальчиков арапов промыслил, <…> и буде здравы приедут, чаю, будут годны его превосходительству. Верь мне, друже мой, что зело трудно сие делать и из Турецкой страны вытащити их. <…> Пиши ко мне, как продаются на Москве кумачи.
>
> (Письмо Рагузинского к Спафарию от 29 июня 1704. РГАДА, ф.160, Переписка разных лиц, 1704, д. 11, л. 11 об.)

Спафарий всё сделал так, как просил Рагузинский, и тут же отчитался Головину:

> Сава Рагузинский писал ко мне, что он по приказу вельможности вашия промыслил с великим страхом и опасением жития своего от турков двух арапчиков, а третиего – послу Петру Андреевичу. <…> И ныне <…> человек Савин приехал с теми арапчиками к Москве в целости. И я из тех трёх выбрал двух, которые лучше <…> и отдал <…> матушке вашей. <…> Меньшей, именем Аврам, крещен от племянника господаря мултянского.
>
> (Письмо Спафария к Головину от 15 ноября 1704. Там же, л. 7-8)

Головин через два года умер, и «арапчик» Аврам был передан в хозяйство царя Петра. Когда Аврам подрос и перестал быть «домашней игрушкой», он был опре-

делён в царские денщики. Фамилии ему пока не полагалось, он звался просто Аврам-арап.

В качестве денщика Аврам (которому было тогда уже около двадцати) был включён в состав свиты, сопровождавшей Петра в его путешествии по Европе в 1716-1717. Следы его там пребывания находятся в полном соответствии с его статусом. Это записи в приходно-расходных книгах о выдаче мелких сумм на исполнение мелких поручений. Типа покупки мотка верёвки (2 апреля 1717 в Антверпене; Петру вздумалось тогда измерить высоту какого-то собора. РГАДА, ф. 396, оп. 2, д. 1081. л. 82). И тому подобное.

Измерив в Антверпене собор (123 метра), Пётр переместился сначала в Кале, а оттуда в Париж. Там его, как мы помним, с 3 по 8 июня навещал Рагузинский. И, похоже, что именно с ним Пётр обсуждал дальнейшую судьбу своего чернокожего денщика. Потому что по убытии Рагузинского, царь посчитал нужным оповестить его о своём окончательном решении оставить Аврама-арапа во Франции для получения образования. Об этом он сообщает Рагузинскому письмом, отправленным ему вдогон, буквально на следующий день после отъезда Рагузинского в Венецию.

> Понеже оставляем мы здесь Авраама для науки языка и протчих некоторых наук… и т.д.
>
> (Письмо Петра I к Рагузинскому от 9 июня 1717, из Парижа в Венецию. Архив СПБИИ, ф. 270, оп. 1, д. 84, л. 497)

Могу предположить, что как раз в этот момент Авраму была выдана фамилия – «Петров». В письме оговорен был и размер стипендии – четыреста ефимков в год. На две «Венеры Таврические» хватило бы.

Ну, а об участии Рагузинского в судьбе «поручика Петрова» во время фактической ссылки того в Селенгинский острог я уже говорил. Но могу и повторить. Весной 1728 Рагузинский, пожалев загибающегося Петрова, на свой страх и риск (полномочий на это у него никаких не было) отпустил его, вопреки имевшемуся Указу, назад, в Тобольск. И хотя оттуда Петров был снова возвращён в Селенгинск, но создавшийся прецедент пошёл всей ситуации на пользу, так что уже вскоре (сентябрь 1730) Петров находился в блестящем Петербурге. Где сходу (январь 1731) начал злословить в адрес своего спасителя.

В итоге же получается вот что. Благодаря Рагузинскому (и при участии Спафария) будущий Аврам Ганнибал – а) появился в России (1704), б) получил европейское образование и проскочил в следующий социальный слой (1717), в) выжил в Селенгинске (1727), имевшем плохую статистику выживаемости «лиц эфиопской национальности» – в результате чего смог благополучно дожить до своего возраста воспроизводства.

Как прямое всего этого следствие – 6 июня 1799 на свет появился Александр Пушкин.

Всё это хорошо известно. Это была только присказка.

Да, счастлива судьба родившихся. Но просто «родиться» мало, нужно суметь «стать». Так вот Пушкин – стал.

Как именно Пушкин стал поэтом знают все. А также когда и где. Он сам об этом рассказал в последней главе «Евгения Онегина». Даже как-то неудобно цитировать.

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал
<…>
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.

(ЕО, 8:1)

Всё просто. Сам человек тут, в общем-то, не причём. Муза является сама. Это судьба такая.

А могла Муза к Пушкину так никогда и не явиться? Оказывается, могла. И судьба здесь совсем не причём. Имело место конкретное стечение обстоятельств, за которыми стояли конкретные люди.

У Пушкина есть другое стихотворение, менее на слуху. Называется по первой строке «В начале жизни школу помню я…», 1830. При жизни поэта оно не публиковалось, ведутся споры можно ли считать его законченным.

В этом стихотворении Пушкин описывает некий конкретный эпизод из своей жизни, в ходе которого он, собственно, и превратился из бабочки в поэта. Описывает достаточно откровенно. Что немного удивительно, учитывая деликатность темы.

Описываемый эпизод относится к лицейскому периоду, конкретно к лету 1813. Место действия – Царскосельский парк. И вот в нём подросток-Пушкин, благодаря случайности, одновременно испытывает два ощущения, одинаково для него в тот период остро-актуальные – «экзистенциальный бунт» и «сексуальный взрыв». Слившись, эти две стихии порождают третью – поэзию.

В данном случае проводить строгую границу между «чувствами» (то есть тем, что идёт от головы) и «ощущениями» (тем, что идёт от физиологии) нет смысла. Оба рассматриваемые «волнения» в любом случае идут от головы, а оканчиваются физиологией.

Применительно к эротике данная связка очевидна. Но это в полной мере относится и к такому (чисто ментальному, казалось бы) феномену, как «экзистенциальный протест», вызывающий чувство «невыносимости мира». По своей природе это очень близко к чувству безадресного гнева.

Гнев рождается в мозгу. И это, по-всякому, стресс. Так что мозг, на всякий случай, решает увеличить поступление себе кислорода. Для этого он даёт указание соответствующему органу вбросить положенную дозу адреналина, что приводит к интенсификации работы сердца. Сердце начинает биться сильнее и чаще – и подача кислорода увеличивается. Так что орган, которым мы физически ощущаем

«несправедливость мира» – да, сердце. Ну, а каким органом мы чувствуем «прельстительность мира» ясно и так.

Эти два важные органа пространственно и функционально разнесены – так чтобы данные два чувства (являющиеся нормой в подростковом возрасте) возникали раздельно, на пересекаясь.

У Пушкина же случилось так, что он одновременно попал под воздействие двух сильных стимуляторов этих двух реакций. Реакции наложились, вошли в резонанс и процесс пошёл вразнос. Результат превзошёл все ожидания. Пушкину стала «являться Муза».

Это было в 1813. А семнадцать лет спустя, в 1830, Пушкин посчитал возможным об этом рассказать.

Фактически, в стихотворении «В начале жизни…» Пушкин обнародует секретную формулу своего творчества (а, возможно, и вообще любого): «зуд в душе» + «зуд в паху» = «явление Музы».

Так вот, «активаторами» этих двух взрывоопасных компонентов были в случае Пушкина вполне конкретные физические объекты, оказавшиеся в одном месте в одно время. Пора глядеть текст.

***
В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

<…>

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё – мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры –

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слёзы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:

То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой –
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал –
Волшебный демон – лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось – холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал – уныние и лень
Меня сковали – тщетно был я молод.

Средь отроков я молча целый день
Бродил угрюмый – все кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

(Пушкин, «В начале жизни…», 24 октября 1830)

Итак. Мечтательный подросток регулярно сбегает от шумных одноклассников и уединяется в тёмном разросшемся парке с искусственными гротами и садово-парковой скульптурой. Статуи он любит представлять себе живыми людьми.

Но есть две совершенно особенные статуи («другие два чудесные творенья»), стоящие рядом, которые полностью выбиваются из общего ряда. Подростка тянет к ним неодолимо. Эти две статуи пугают его и одновременно зачаровывают. Он регулярно их посещает, каждый раз испытывая с ними взрыв эмоций, после чего возвращается назад к своим сверстникам в подавленном состоянии. Через некоторое время всё повторяется.

Печатный текст стихотворения даёт ясную клиническую картину. А его черновик позволяет ещё больше уточнить диагноз (Архив РГАЛИ, ф. 244, оп. 1, д. 143, л. 1 – 1 об.). В отсутствие авторской публикации все разночтения равноправны.

Два искушающих подростка Пушкина мраморных «беса» в другом варианте (правка в «беловике») были квалифицированы им, как «боги».

«Бог гнева» в публикуемом варианте дышит «гордостью ужасной», в черновике же – «гордостью прекрасной».

Определение Пушкиным второй статуи как «женообразной» смущало умы и души многих поколений пушкинистов. Черновик однозначно подтверждает пол объекта как «женский» («природы женской…»).

Черновик, кроме того, показывает нам расширенный спектр оттенков Пушкинских «наслаждений». Кроме уже названных, они были ещё «тайные», «тёмные», и для него совершенно «новые». В любом случае данный «пламень» был ему «дотоле

неизвестен». Если всё это и называется «быть поверженным у ног сладкого чувства», то – хорошо, пусть называется так.

Теперь о том, почему данное стихотворение следует считать биографически точным.

Когда поэт в лирическом стихотворении употребляет местоимение «он», то такой персонаж называется «героем» стихотворения. Если же поэт пишет «я», то в этом случае субъект стихотворения принято называть «лирическим героем». Этот стыдливый эвфемизм означает, что степень автобиографичности данного произведения критику неизвестна.

Перестраховка, на мой взгляд, излишняя. По большому счёту поэт всегда пишет о себе. И по всем прочим счетам, как правило, тоже.

«В начале жизни…» было написано Пушкиным на самом пике его поэтической зрелости, когда он делал со словами всё что хотел, а не наоборот. Известна точная дата написания – 24 октября 1830, во время первой «Болдинской осени». «Во время» и, что важно, «в рамках». Данное стихотворение вошло составной частью в целый «пакет» болдинских ностальгических воспоминаний Пушкина о лете 1813, когда взрывообразно проснулась его сексуальность. Подробно это разобрано в главе «Топонимический кластер» (эпизод «Ещё Пушкин»).

«Ностальгический» же жанр плохо сочетается с закрытостью ностальгирующего. Это как если бы после окончания съёмок продолжать прихлёбывать из рюмки вместо коньяка бутафорскую воду, подкрашенную чаем. Если ты не расположен говорить правду – никто «ностальгировать» тебя вообще не заставляет. Публике твои старые тараканы по-барабану, ностальгируют для себя. Так что «я» в этих случаях означает именно «я».

Есть и текстологические соображения. Стихотворение «В начале жизни…» сильно коррелирует с началом 8-й главы «Евгения Онегина», целиком написанной в Болдине буквально в те же дни. И уж эти-то «онегинские» строки никто не пытается приписывать пресловутому «лирическому герою». В этих строках – всё правда. По ним сверяют часы. По ним лайнеры прокладывают путь среди торосов. Над ними приносят клятвы.

Так вот, в «Евгении Онегине» описывается та же самая ситуация, что и в стихотворении «В начале жизни…», и теми же самыми словами. Там подросток Пушкин «во мгле дубровных сводов» и «близ вод...», то есть в Царскосельском парке, «счастье тайных мук узнал». Я привожу здесь слова, написанные именно в сентябре 1830 (цитирую по рукописи), а не их отредактированную позже версию. Некоторые излишние подробности в «Евгении Онегине» были автором опущены, поскольку сочинение предназначалось для самой широкой публики, а не для себя, как стихотворение «В начале жизни…».

И, наконец, существует неписанный, но совершенно неотвратимый «Закон художественной правды». Если в стихотворении ты пытаешься хитрить и утаивать что-то важное, то стихотворение у тебя просто не получится, сколько бумагу ни мучай. С Пушкиным, собственно, так поначалу и было.

Он собирался окончательно разделаться с «Евгением Онегиным» годом раньше, в декабре 1829. Намерения были самые решительные. Пушкин, запершись в номере трактира «Демут», упорно пробовал и так, и этак – но в конце-концов бросил это безнадёжное занятие. Ничего не получалось.

А год спустя, в сентябре 1830, в Болдине, всего за несколько дней написал завершающую главу одним махом.

Что к этому моменту изменилось? Изменилось то, что Пушкин вывел, наконец, своё «уравнение Муз» на основе своего личного опыта 1813 года. В прежнем варианте 8-й главы (от 1829) тема секса была в целом замолчана (на уровне «забывал Латинский класс для алых губ и чёрных глаз», да ещё, разве что, «влюблялся впервые» – и то зачёркнуто). Эта степень откровенности никак не соответствовала имевшей место действительности.

Теперь же (в свете уже полностью назревшего стихотворения «В начале жизни…»), Пушкин решил, наконец, раскрыться. И он рассказывает всё как было. Он, Пушкин, «томясь обманом пылких снов», в тот год «счастье тайных мук узнал».

И после этого признания всё вдруг сразу пошло. Завершающая глава «Евгения Онегина» – книги всей его жизни – вылетела из под пера Пушкина за какую-нибудь неделю. Прямо чудо какое-то.

Никакого чуда. «Закон художественной правды» в действии. Так вот – для стихотворения «В начале жизни…» закон этот действовал столь же неумолимо.

Пушкин рассказывает в этом стихотворении, что с ним реально произошло летом 1813 в Царскосельском парке. Две мраморные статуи – одна мятежная, другая эротическая – сделали его поэтом.

Нам осталось только идентифицировать эти две судьбоносные статуи.

В тексте стихотворения на этот счёт имеются подсказки. «Мятежная» мужская фигура названа там «Дельфийским идолом». Что в данном контексте означает без вариантов Аполлона.

Состав мраморных статуй Царскосельского парка на тот период известен. Согласно описям, начиная с 1743 состав этот оставался практически неизменным, и в таком виде дошёл до наших дней. Конкретная же расстановка фигур при этом менялась.

Всего здесь имелось два «Аполлона» – один работы Антонио Тарсии, другой – работы Пьетро Баратты. Второй вариант однозначно отпадает, поскольку «Аполлон» Баратты меланхоличен, мечтателен и одухотворён – и никак не годится на роль «гневного», «полного гордости ужасной» и «дышащего силой неземной» демона «бунта».

Так что, методом исключения, указующий перст Вия безошибочно указывает нам на «Аполлона» Тарсия. Наличие в данной фигуре требуемых качеств сильно зависит от ракурса. А ещё больше – от дискурса, то есть готовности зрителя их увидеть. У Пушкина дискурс был, и ещё какой.

С «женским демоном» нам теперь станет чуть проще, поскольку известна парная скульптура к «Аполлону» Тарсия. В разное время эти две статуи располагались в разных местах Царского села, но всегда рядом. Так вот, беломраморная поработительница Пушкинской души (или чего там) – это «Сивилла Персидская» работы Джованни Джорджони. И – о, да! – она сладострастна, сомнительна и волшебна. Что есть, то есть.

Оно всё правильно. Ещё Спафарий в своей «Книге о сивиллах» (1673) отмечал, что Сивилла Персидская:

> Зраку была младообразного, красотою зело добра.
>
> (Спафарий, «Книга о сивиллах», РГБ ОР, ф. 246, д. 227, л. 26.).

Но если во времена Спафария художник, иллюстрировавший его книгу, при изображении Сивиллы Персидской смог позволить себе лишь снабдить её чуть лукавым взором и совершенно символическим декольте (там же, вставка перед л. 25), то скульптор Джорджони уже что называется не отказывал себе ни в чём.

Так что здесь всё понятно. Непонятно вот что. Из девяти слов, отведённых Пушкиным на описание «Сивиллы», поэт целых два потратил на один и тот же эпитет – «лживый». Что немного странно, учитывая тот факт, что при общем ревнивом отношении русской церковной культуры к античным богам и героям, конкретно к «сивиллам» отношение было достаточно снисходительным, даже благосклонным. Дело в том, что некоторые «сивиллы» (в том числе и Сивилла Персидская) предсказали, как считалось, появление Христа. А такая услуга дорогого стоит.

Так почему же Сивилла Персидская у Пушкина «лжива»? Возможно, вот почему.

Во времена юности Пушкина в его среде были чрезвычайно распространены всевозможные гадательные книги (например, «Краткая и забавная гадательная книжка…», 1780, и ей подобные). Авторы которых для придания себе веса нередко указывали, что их гадания основаны на пророчествах «сивилл» (например, «Древняя гадательная книга Сивиллы с картами», 1793). Что, конечно, не соответствовало действительности. Но когда гадание не сбывалось, ответственность за это как бы перелагалась на соответствующую «сивиллу». Покажу на конкретном примере как это могло сработать в случае с Пушкиным.

В одном из списков «Книги сивилл» (РНБ ОР, Q.XVII.97) каждая глава каждой «сивиллы» снабжена самодельными гадательными стихами – по 37 четверостиший на каждую «сивиллу». Нужно было загадать свой вопрос, определить тем или иным способом своё «гадательное число» (от 1 до 37) – и получить на свой вопрос исчерпывающий ответ в виде стиха с соответствующим номером.

Начинается книга, как и положено, с Сивиллы Персидской. У подростка-Пушкина, терзаемого «голодом безвестных наслаждений», и уже наметившего себе свой «объект» (см. «Ещё Пушкин», п. 5), вопрос был, понятно, один.

И вот подросток открывает эту «Книгу сивилл» и вычисляет своё гадательное число.

Число получается такое: «Александръ Сергеевъ Пушкинъ». То есть «А. С. П.», то есть «А + С + П», то есть «1 + 18 + 16» (берутся числовые эквиваленты букв по официальной «Азбуке для российского чистописания», 1788). То есть – «35».

Итак, «35» – это и есть персональное гадательное число подростка Пушкина. И он получает на свой сокровенный вопрос стихотворный ответ, который даёт ему 35-е четверостишие якобы Сивиллы Персидской:

> 35.
>
> Извещаю всем поспешно:
> Радость к тебе грядёт спешно,
> Ибо твоя днесь любима
> Огнём любви палима.
>
> («Книга сивилл» с гадательным приложением, РНБ ОР Q.XVII.97, л. 4 об.)

Она что, блин, издевается? В свете всего последовавшего, особенно с учётом того, кто именно являлся «объектом» тогдашнего Пушкина, это оказалось явной, вопиющей ложью.

И всё-таки нам не удалось от него полностью отделаться – от этого неубиваемого «лирического героя». Поскольку волшебный демон был «прекрасным» для Пушкина образца 1813, а «лживым» он стал – для него же, но только видящего ситуацию с высоты прожитой жизни, в 1830. В тексте же стихотворения эти два Пушкина как-то ненавязчиво соединились.

Как мы видели выше, разработчики гадательного приложения призвали себе на помощь поэзию. Поскольку по общим представлениям она гарантирует любому высказыванию не только убедительность, но и истинность («Но сивилла то являет, что невеста тя желает», там же, № 2).

А вот Спафарий в этом не был так уверен. Он предупреждал Пушкина (если бы тот читал его «Книгу о сивиллах» внимательней), что предсказания Сивиллы Персидской могут оказаться неправильными – и именно по причине их стихотворной формы.

> Стихи ея многажды обретаются несовершенны и без меры. Несть то вина пророчице, но скорописцом. <…> Разум стихов многажды оскудевается <…> от многажды паки писаниих книг.
>
> (Спафарий, «Книга о сивиллах», гл. 1 «Сивилла Персидская»)

Как я его понял, вину поэзии Спафарий видит здесь в том, что она крайне чувствительна к малым искажениям текста, неизбежным при записывании чужих пророчеств со слуха, их дальнейшем переписывании и тем более переводе на другие языки. Ибо в стихотворении мельчайшее изменение (типа замены «тут» на «здесь») может пустить весь смысл по совершенно иному руслу. Поэзия – хрупкий цветок. А поскольку Сивиллы изъясняются именно стихами, то пользоваться их предсказаниями каждый должен исключительно на свой страх и риск.

Но разве кто вспоминает о чьих-то там предупреждениях, столкнувшись в четырнадцать лет на узкой дорожке с двумя волшебными и прекрасными демонами – и на всю жизнь увязнув, как муха, в сладостной поэтической пагубе?

Короче. Катализаторы Пушкинского поэтического дара нами выявлены. Ими оказались две царскосельские статуи – «Аполлон» Тарсия и «Сивилла Персидская» Джорджони. Именно им мы и обязаны появлением в небе «солнца русской поэзии».

А кому мы обязаны появлением самих этих статуй?

Весной 1727 Меншиков отправил в ссылку Петра Толстого, до этого более восьмидесяти лет ловко обходившего все политические рифы. Через несколько месяцев, осенью 1727, в ссылку отправился сам Меншиков. Оба они из своих ссылок уже не вернутся.

Всё необозримое имущество Меншикова было забрано в казну. Включая знаменитый дворец на Васильевском острове. Включая сад при этом дворце. Включая статуи из этого сада.

Семнадцать из них (а всего было вроде бы двадцать две) в 1743 были перевезены в Царское село, где до этого момента никаких парковых изваяний не было вообще. Коллекция Меншикова для этих пасторальных кущ оказалась совершенно необходимой, и по факту достаточной. Других скульптур сюда больше не поступало – ни тогда, ни позже. Так что всё, что мы видим на аллеях царскосельского парка – это и есть бывшая коллекция Меншикова.

Сама же эта коллекция была сформирована несколькими крупными поставками скульптур из Венеции. И все эти поставки были придуманы, расписаны, заказаны, проконтролированы, получены, упакованы и отправлены в Петербург одним человеком – Рагузинским.

> Я желая светлости вашей <…> услужить, немедленно 6 статуов наилутчей работы, здешнаго мастерства делать заказал величиною и образцем против прошлогодскых высланных статуов, <…> досталные ж по разсмотрению некоторых заказывать намерен.
>
> (Письмо Рагузинского к Меншикову от 18 июля 1718)

В марте 1719 из Венеции вышел корабль «Цезарь», тяжело гружёный статуями для «Светлейшего князя Ижорского». От Рагузинского.

Скажу больше. Данный продукт (далеко не первой необходимости) был Рагузинским в каком-то смысле Меншикову навязан. Рагузинский предвосхитил и применил на практике важнейший закон посткапитализма – «Предложение рождает спрос». Помните его промоушен-акцию в письме от 7 июня 1717 из Парижа, где Рагузинский предлагал Меншикову «просто взглянуть»?

Разумеется, причинно-следственные цепочки от любого события не имеют начала и тянутся назад до бесконечности. Но составляющие их звенья имеют очень разный статус. Одно дело «обстоятельства непреодолимой силы», или «природное явление», или «проявление социального закона», или «чистая случайность». И

совсем другое – персональное, осознанное действие, акт буквальной реализации свободы воли. Рагузинский имел полную возможность этим не заниматься. Но он принял решение, приложил усилия и получил результат. «Аполлон» и «Сивилла Персидская» приплывают в Петербург – и Пушкин становится поэтом.

Чтобы уж завершить картину, бегло взглянем на остальную часть Пушкинского «сада». Белеющие там в тени вековых деревьев прочие статуи даны в тексте одним быстрым мазком, но сделанным рукой мастера. Мы видим здесь конкретно мраморные «циркули», «лиры», «мечи» и «свитки».

С этим всем есть небольшая загвоздка. В царскосельском парке нет и никогда не было ничего из вышеперечисленного.

Но ведь это же не анкета для получения визы в Китай, это стихотворение. Для сочности картинки Пушкин совместил здесь два плана, оба реальные. Ближний план (основной) – Царское село («Аполлон» и «Сивилла»), задний план (вспомогательный) – Летний сад в Петербурге (все остальные статуи).

И тогда всё сходится идеально. Пройдём прямо по партитуре. «Циркули» – это мраморная аллегория под названием «Архитектура» (с циркулем). «Лиры» – муза «Терпсихора» (правда, с мандолиной – но собственно «лир» в Летнем саду, как ни странно, нет). «Мечи» – аллегорическая фигура «Правосудие» (с мечом). «Свитки» – аллегория «Навигация» (со свитком). Имеется здесь даже поддержка необязательной строке «на главах лавры». Это – парная композиция «Аллегория Ништадтского мира» (с лавром на голове).

Откуда всё это взялось в Летнем саду – догадайтесь сами.

> - Два ящика, в них статуа таковая же рапрезентуема Архитектуру.
>
> - Два ящика, в них статуа, рапрезентуема Навигацию то есть Мореплавание.
>
> - Два ящика, в них статуа рапрезентуема Мусу Терпсикору
>
> (Рагузинский, «Фактура и щет кошту и издержки вещам вывезенным из Венеции на корабле Короне», март 1722. РГАДА, ф. 9, отд. II, д. 60, л. 1176–1176 об.)

А вот откуда есть пошёл «Ништадтский мир»:

> Две фигуры собраны, или соединенны и изсечены в едном марморе <…> Первая с лавровым венцем на главе, что изобразует мир славной и триумфалной.
>
> (Рагузинский, «Сигнификация статуов», составлена задним числом в марте 1725. Там же, д. 72, л. 1408–1408 об.)

За «Правосудием» тоже дело не станет:

> Роспись статуам подряженным <…> к месяцу марту [1717]:

- Иустициа и Паце [«Правосудие» и «Мир»]

(«Роспись…», приложение к письму Рагузинского к Петру I от 5 октября 1716. Там же, д. 33, л. 437–437 об.)

Так что «задний план» стихотворения Пушкина – он тоже, выходит, весь выстроен Рагузинским. Просто для сведения.

Итак, по всем ключевым позициям Рагузинский сотворил все требуемые обстоятельства для превращения Пушкина в поэта. Как до этого – для его появления на свет.

Пушкин прожил долгую и счастливую поэтическую жизнь. Двадцать три года в профессии. Начинал он с одного, пришёл к другому, закончил третьим. Одно из последних его стихотворений итожит весь его частный опыт пребывания на этом свете. Я говорю о «Памятнике».

Это, в сущности, о том, что его душа перешла в его стихи и поэтому не исчезнет после исчезновения его тела.

<…> Душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит.

Вообще-то, это довольно точный перевод оды Горация «К Мельпомене». Единственно, «пирамиды» заменены «александрийским столпом», «жрец» – «поэтом», «апулийцы» – «калмыками» и так далее. Тропинку для таких подмен протоптал ещё Державин, сделавший аналогичный (и очень неплохой) перевод той же самой оды ещё до рождения Пушкина.

Пушкин же добавил от себя единственно приведённую выше мысль. В оригинале Гораций надеялся на обретение «бессмертия» в фигуральном смысле, оставшись в памяти «благодарных потомков» за некие свои литературные заслуги. У Пушкина же «бессмертие» понимается буквально и реализуется без непосредственного участия населения – а напрямую, за счёт перехода его «души» в «заветную лиру».

Эта мысль кажется нам сейчас довольно банальной и несколько заезженной. Но она не столь очевидна, как кажется. Она о том, что исходно душа (то есть «структура личности») отдельного человека, хотя и локализована не очень понятно в каком органе, но в любом случае она находится где-то в границах тела. И если тело исчезает, то вместе с ним неминуемо исчезает и сама «личность». Даже у великих людей после их смерти остаются в лучшем случае результаты их дел, но не они сами.

И единственно у поэта всё обстоит по-другому. По роду своей профессиональной деятельности поэт занимается тем, что шаг за шагом выносит отдельные модули своей личности во внешнее пространство – это и есть стихи. Совокупность же всех его стихов представляет собой, таким образом, своеобразное ядро его внутренней «операционной системы», то есть его «личность». Рассредоточенную и вынесенную на внешние носители. Так что поэт живёт не столько «на облаке», сколько «в «облаке»». Теоретически, совокупность его стихов могла бы самостоятельно производить новые его стихи, без посредства своего автора. Эта возмож-

ность, к слову, и была реализована в процессоре «Пушкин 2.0» ещё на самой заре.

Понятно, что сами по себе слова, конвенционально находящиеся в общем пользовании, указанными сверх-качествами не обладают. Животворящими являются лишь строго определённые «уникальные последовательности слов». Так что Пушкинские слова о душе я бы перевёл на наш язык так:

> Вся «личность» поэта локализована в «уникальных последовательностях слов», которые, как смерть Кощея, вынесены вовне, и по причине своей нематериальности и неосязаемости (в отличие от «иголки») практически неуничтожимы.

Перспектива – давайте честно себе признаемся – ошеломительная. Судьба поэта, при всех её неисчислимых издержках – судьба невероятная и запредельная.

Но в 1813 подросток-Пушкин не знает не только этого, он вообще ничего не знает. Он понятия не имеет что это вообще такое – «поэзия» (хотя «стихи» он, конечно, читает). Он ещё только-только столкнулся с «Аполлоном» и «Сивиллой Персидской», и его только-только пронзила ледяная раскалённая игла неизвестной природы. «Бунт» плюс «Секс» равняется «?».

Пушкин ничего ещё не знает. Он только видит перед собой на ослепительной женской фигуре, прямо на том самом месте, к которому намертво прикован его взор, и которое чисто символически прикрыто узкой лентой, следующие (на ленте) слова:

> Invisible Verbum Palpabitur

Это не про то, что это «Можно щупать» («palpabitur»). Это про то, что «Невидимое слово станет осязаемым».

Невесомое, полностью вымышленное им, Пушкиным, слово – оно в его случае станет реальным, осязаемым фактором реального мира. Это не какая-то там фикция. А потому его душа // в его будущей заветной лире // его будущий прах // – да, переживёт.

Так сказала Пушкину «Сивилла Персидская». Обдав его с ног до головы волной мгновенной вечности.

Хотя «Сивилла» сказала, вроде бы, не совсем это. А нечто прямо противоположное. Неосязаемое, «помысленное» слово (ментальный понятийный объект), становясь стихами и выходя во внешний мир, неминуемо материализуется, а именно – в результате помещения его на тот или иной носитель. В пушкинское время это были книжные страницы, потом будет что-то другое – но всё равно будет. Так что, оно конечно, поэт живёт в «облаке» – но это «облако» в свою очередь живёт на очень даже материальных и осязаемых серверах, потребляющих энергии больше, чем иные города. А потому «душа», преобразуясь в «коды», вначале вроде бы вырывается из материальных оков – но тут же попадает в них опять, когда эти «коды» оказываются напечатанными на бумаге – а то и вовсе, как в случае со строками «Памятника», оказываются рельефно выбитыми на граните, становясь в прямом смысле слова «palpabitur». Так что с «вечностью» придётся пока повре-

менить.

Так сказала Пушкину «Сивилла Персидская», порождённая волей Рагузинского и оказавшаяся здесь его же волей. А ещё она сказала, что радость к нему грядёт спешно.

Лучшее, что можно сделать на этой радостной ноте, это дать занавес.

Занавес

Занавес поднимается. Мы видим внутренние покои султанского дворца, чем-то напоминающие эскизы Билибина к «Руслану и Людмиле». В окне видна лимонная роща. У мраморного фонтана немолодой величественный мужчина в чалме и загнутых туфлях – и женщина в шальварах и со следами былой красоты. Оба поют.

Содержание оперы поучительно. У султана два взрослых сына – один законный, другой от наложницы. В младенчестве они, с ведома султана, были поменяны местами. Знают об этом только султан и наложница.

И вот наступило время женить наследника престола. Приезжает симпатичная невеста – принцесса из соседнего султаната. И всё было хорошо, пока султану не стукнуло вдруг в голову, что так нельзя, что он должен жить по-правде и открыть окружающим настоящее происхождение своих детей.

Что тут началось. На султана обрушились все, со всех пяти сторон. Жена – за то, что её сын оказывается не её сын. Наложница – за то, что её биологический сын перестаёт быть наследником престола и отправляется из дворца на кухню. Оба сына тоже, мягко говоря, недовольны – один тем, что должен покинуть дворец и отказаться от принцессы, другой тем, что его биологическая мать (жена султана) отказывается его признавать, а принцесса всё равно не любит. Самое индифферентное ко всему происходящему лицо – принцесса – так и та недовольна возникшей неразберихой, мешающей скорейшей свадьбе (при том, что ей по большому счёту всё равно с кем, лишь бы получить свои деньги). У султан от всего этого просто едет крыша.

Это продолжается три полновесных акта. В конце-концов ситуация худо-бедно разруливается, но у зрителей всё равно остаётся осадок. Ну зачем было всё портить?

Называется опера «La verità in cimento». Что, с учётом содержания, я бы перевёл как «Испытание правдой».

Сочинил эту оперу Антонио Вивальди. Премьера состоялась в Венеции, 26 октября 1720. Посвятил Вивальди свою оперу Рагузинскому.

И где же, скажите на милость, эта опера пересекается с жизнью «графа иллирийского»?

Да везде. Вот лишь некоторые её арии:

- «Quando serve alla ragione» (Когда это служит разуму);

- «Lo splendor ch'à sperare m'invita» (Великолепие, которое, я надеюсь, меня ожидает);

- «Aure placide» (Мирная аура);

- «Quel bel ciglio» (Эти ясные глаза);

- «Vorrei veder anch'io» (Я бы тоже хотел это видеть);

- «Dopo i nembi, e le procelle» (После туч и гроз);

- «Vinta à piè d'un dolce affetto» (Повержен у ног сладкого чувства);

- «Cara sorte di chi nata» (Счастлива судьба родившихся);

- «Fragil fior» (Хрупкий цветок).

Вот она, музыка Вивальди, во всей её красе. Общее время звучания оперы два часа, тридцать восемь минут и десять секунд. Восклицание «O, Padre!» в устах будущего султана и «защитника правоверных» звучит почти трогательно. Название государства, где всё это произошло (Cambaja), дало неподошедший ключ к декорациям Билибина.

И, опять же, название. Чисто формально его следовало бы перевести, как «Истина в испытании», поскольку основное значение итальянского слова «cimento» – «испытание». Но есть и другие коннотации.

Если уж переводить в этом ключе, то для словосочетания «Ла верита ин чименто» я предложил бы скорее вариант «Истина в цементе».

Хотя самого цемента на тот момент ещё не существовало, слово «цемент» (cemento, cimento) было. Оно в разное время означало разное, в том числе и строительный раствор, получаемый отжигом известняка и используемый, за неимением цемента, для связывания кирпичей в кладке.

И в этом смысле название оперы «Истина в цементе», то есть – «Истина в связующей материи» – отсылало бы к теме «связей» как таковых. В опере – связей «семейных», в жизни Рагузинского – связей «деловых». Ибо Рагузинский обладал поистине уникальной способностью устанавливать связи и соединять между собой самых разных людей (Кантемира и Петра, Головкина и Папу римского, Ланга и китайского императора). Вот уж где чистейшая «Истина в цемете».

Я понимаю, что всё это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Нужны факты.

Вот факты. Чтобы избежать путаницы, сначала определимся с терминами.

«Цементом» называется изготовленный по специальной технологии сыпучий состав на основе известняка, который после смешивания с водой быстро твердеет и обретает прочность камня, и в дальнейшем (а иногда и в процессе твердения) устойчив к воде.

А «строительная известь» – это совсем другое. Она тоже производится путём отжига известняка, и она тоже худо-бедно твердеет после смешивания с водой – поэтому её иногда на умозрительном уровне (но никогда не на практическом) путают с «цементом». Однако прочность затвердевшей массы получается совсем не та, твердеет она медленно и неохотно, и при этом весьма чувствительна к влажности (как в ходе твердения, так и после).

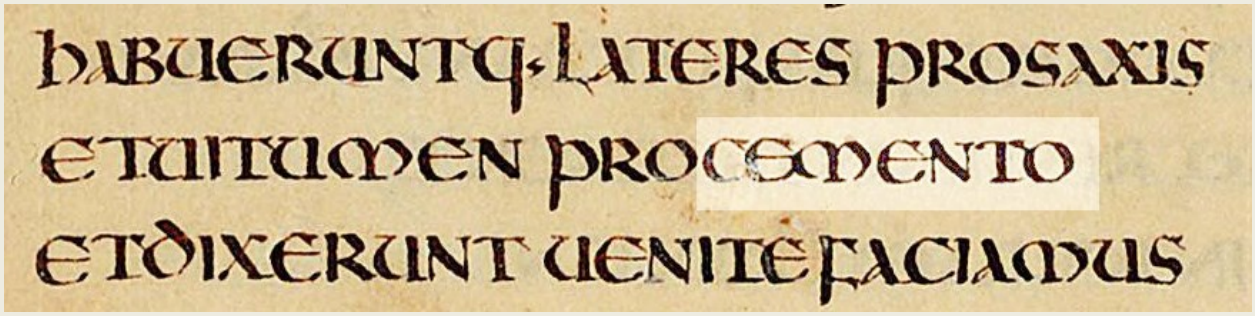
Таким образом из «цемента» (бетона) можно делать цельнолитые несущие конструкции, а из «строительной извести» – нельзя.

В исторической ретроспективе отдельным мастерам эпизодически удавалось случайным образом получать составы, отдалённо напоминающее современный цемент (так называемые «прото-цементы»). Но эти прецеденты развития не получили, в массовую практику не превратились и погоды в строительной индустрии никогда не делали. Когда мы приводим пример со знаменитым «бетонным» Пантеоном, мы должны чётко понимать, что всё остальное современное ему строительство во всей огромной империи велось с помощью раствора обычной «строительной извести».

И только уже при жизни Пушкина состав и технология реального «цемента» были, наконец, открыты и внедрены в производство. Начался строительный бум, не прекращающийся до сих пор. При этом «известковый раствор» был вытеснен на обочину прогресса и в каменной кладке сейчас практически не применяется, разве что при рафинированных исторических реконструкциях.

Так что настоящего «цемента» у человечества не было до Пушкина никогда, а «строительная известь» была почти всегда. От этого и будем отталкиваться.

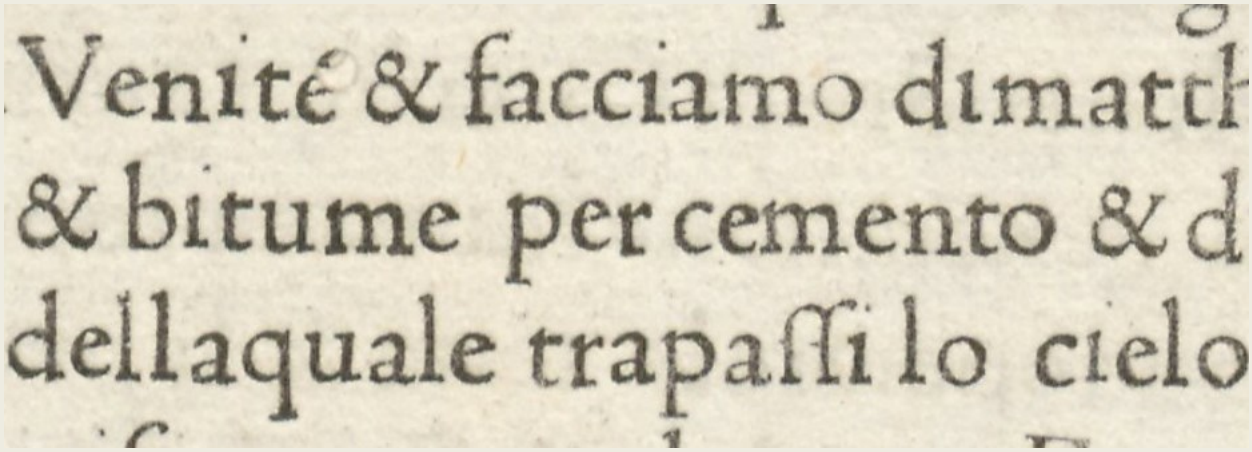
Слово «cemento» появилось в итальянском языке раньше самого языка, просочившись наружу сквозь глину вульгарной латыни. В классической латыни оно имеет форму «caementum» – однако в наиболее авторитетной латинской версии Библии, в «Вульгате» – и конкретно в самом авторитетном её списке, «Амиатинском кодексе» (716) – мы видим именно «cemento». Это слово фигурирует в эпизоде про Вавилонскую башню, когда возомнившие строители решили использовать битум вместо «цемента» (что бы это ни значило), «uitumen pro cemento»



[Илл. 08-07-03-03-1. «Cemento» в Амиатенском кодексе, 716, f. 17r. Эпизод про Вавилонскую башню (Бытие, 11:3)]

Итак, первое наше «cemento». Но это ещё латынь. А вот уже чистейший итальянский. Библия (простите, «Bibbia») «Малерми-Аммергау», изданная в Венеции в ок-

тябре 1471. Те же самые вавилонские строительные материалы, но уже на итальянском – «bitume per cemento»:


Venité & facciamo dimatt
& bitume per cemento & d
dellaquale trapassi lo cielo

[Илл. 08-07-03-04-1. «Cemento» в Библии «Malermi-Ammergau», изданной 1 октября 1471 в Венеции (Бытие, 11:3)]

Ну, и для комплекта. Ещё одно раннее итальянское «cemento», но в другом контексте. Тосканский переводчик и интеллектуал, Дзучеро Бенчивенни (Zucchero Bencivenni). Сочинение (около 1310) называется сложно, но суть его проста – построчный комментарий к молитве «Отче наш». И вот в пояснении к строке «Не введи нас во искушение» автор развёртывает образ человека, твёрдого в своих убеждениях, как стены, сделанные с помощью этого самого «cemento»:

> …I buono **cemento**, onde si fanno le mura saracinesche…
>
> (Bencivenni, «Volgarizzamento dell'esposizione del Paternostro…», ок. 1310)

Во всех приведённых случаях словом «cemento», судя по контексту, обозначается тот или иной вариант «строительной извести». Так что предложенный вначале перевод названия оперы Вивальди, как «Истина в связующей материи», получает полное подтверждение.

Но время идёт, и язык идёт вместе с ним. Для «строительной извести» в итальянском языке к концу XV века появляется специальный термин – «calcina». Потому высвободившееся слово «cemento» пускается теперь на другие нужды – для обозначения некоторых специальных категорий камней – крупной гальки, булыжника, просто ломаного камня. Вот несколько примеров.

Самая знаменитая книга Джордано Бруно «О бесконечности, Вселенной и Мирах» («De l’infinito, Universo e Mondi», Венеция, 1584). В ней Бруно продвигает идею о бесконечности и однородности нашей Вселенной – из чего прямо вытекает (в обход «парадокса Ферми») существование бесчисленного множества солнечных систем со своими населёнными планетами.

Книга написана в форме пяти диалогов. Четыре из которых посвящены вышеназванной теме, а пятый – пропаганде и (в меньшей степени) аргументации тезиса о принципиальной неуничтожимости материи и (как частном её случае) человека.

Последнее понимается как буквальное бессмертие (непонятно как сочетающееся с наблюдаемыми фактами).

Сочинению предпослано посвящение спонсору, а также краткое изложение основных аргументов будущих «диалогов» («Argomento del … dialogo»), в русских изданиях опущенное. И вот в пятом из этих (опущенных) «Аргументов» мы как раз и видим наш «цемент».

Бруно здесь как раз постулирует свой тезис:

> Ни мы сами, ни какая-либо субстанция не подвержены смерти.
>
> (Non esser morte, non solo per noi, ma né per veruna sustanza)

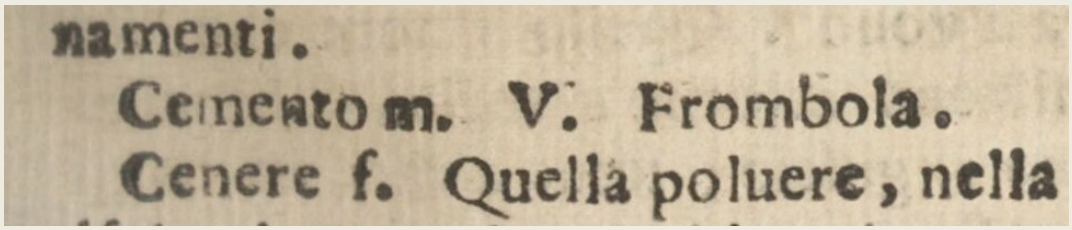
И если кто-то не понимает всей самоочевидности этого, то только потому, что он зациклен на частностях – в ущерб общей картине мироздания. Тут Бурно приводит следующую параллель:

> Красота всего здания не видна тому, кто смотрит только на мелкие детали, такие как камень, или покрытие из «**cemento**», или простенок.
>
> (La beltade dell'edificio non è manifesta a chi scorge una minima parte di quello, come un sasso, un cemento affisso, un mezzo parete)

Бруно родился в Италии, но потом уехал заграницу. Основные свои работы он написал во Франции, Англии и Германии, где прошла основная часть его зрелой жизни. Потом он зачем-то вернулся на родину, где вскоре и был арестован – и после семи лет, проведённых в тюрьме, гуманно казнён «без пролития крови», то есть сожжён заживо. Его слова о «цементе» идут в тексте непосредственно после вот какой фразы:

> Всё проистекает из добра, так как абсолютно всё является добром. Посредством блага и во благо. От добра – через добро – к добру.
>
> (Tutto è da buono; cossì tutto è buono, per buono ed a buono; da bene, per bene, a bene)

Что же, двинемся дальше. К концу XVII века «cemento» уже попадает в словари. Самый для нас интересный – это словарь терминов искусства, строительства и архитектуры, изданный во Флоренции в 1681 («Vocabolario Toscano dell’Arte del Disegno», di Filippo Baldinucci). Согласно ему, «cemento» – это ничто иное, как «frombola».


namenti.
Cemento m. V. Frombola.
Cenere f. Quella poluere, nella

[Илл. 08-07-03-05-1. «Cemento» – это «Frombola». Словарь «Vocabolario Toscano dell’Arte del Disegno», 1681, с. 31]

Остаётся узнать, что такое «frombola» в понимании составителя словаря. Он охотно это объясняет в соответствующей статье:

> Frombola f. – Мелкий камень или галька неправильной формы, собираемый в руслах рек и ручьёв; используется для заполнения стен и прочего; некоторые авторы называют его «**cementi**».
>
> (Frombola f. Piccolo sasso o ciottoletto di diverse figure bistonde, portato da' fiumi e torrenti; serve per far ripieni di muri, ed altro; da alcuni Autori, queste frombole vengon prese sotto nome di cementi)
>
> (Там же, с. 64)

Окончательно закрепляется данное значение слова «цемент» к середине XVIII века. В данном случае важно не «что», а «кто». Доменико Манни, действительный член «Академии Круска» – организации, олицетворяющей собой итальянский язык как таковой и устанавливающей его нормы. И вот Манни в 1750 издаёт книгу «Istoria degli Anni Santi», в которой мы читаем:

> Они повалили Святые Врата на землю; откуда... вырвалось более двухсот человек, прихвативших с собой те «**cementi**» (обломки).
>
> Gettarono a terra la Porta Santa; dalla quale (la plebe forzando le guardie) passò un numero di sopra dugento persone, con portarsene via parte di quei cementi.
>
> (Manni, «Istoria degli Anni Santi», 1750, c. 206)

Я старался подобрать примеры таким образом, чтобы они по времени (1681 и 1750) брали в «вилку» дату создания оперы Вивальди (1720). Так что на означенную дату «cemento» означало, получается, не «известковый раствор», а просто «ломаный камень». И, соответственно, предложенный вначале перевод названия оперы, как «Истина в связующем материале», не находит, как мы видим, подтверждения.

Но в языке ничего не бывает «окончательно». Всего через несколько десятков лет после книги Манни человечество изобрело неведомый ранее строительный материал. И всесильный итальянский язык отобрал у «ломаного известняка» его персональное обозначение («cemento») и отдал его новообразовавшейся реальности – цементу. Произошло это на самом излёте XVIII века.

Ради справедливости следует сказать, что старое значение слова «cemento» полностью утеряно не было. Оно было зафиксировано в многотомном толковом словаре итальянского языка («Grande Dizionario della Lingua Italiana», т. 2, 1995) в качестве «архаичного», а именно в значении – «sasso» (просто «камень»), «ciottolo» (галька, булыжник), «avanzo di muro» (остатки стен, руины). Всё как мы и видели выше.

А теперь о мелких разночтениях в написании – «cemento» vs «cimento». Первый вариант, конечно, основной. Но встречается также и второй. Особенно в районе Венеции.

Книга «I Fatti di Cesare» (1300-е годы), невероятно популярное сочинение о Юлии Цезаре, Помпее и вообще «древних римлянах». Представляет собой трудно расчленимую компиляцию переводов из древнеримских классиков. К тому же сначала написанную на старо-французском, и только потом переведённую на молодой итальянский неизвестным переводчиком где-то в венецианских землях. Опубликовано в 1863 по «сиенской» рукописи (Siena, Biblioteca Comunale degli Intronati, Ms. I.VII.6). Читаем:

> Крепость была неприступной, с высокими укреплёнными башнями, крытыми черепицей и «**cimento**».
>
> Lo castello era fortissimo con grandi fortezze di torri fatte di tegole e di cimento.
>
> («I Fatti di Cesare», публикация 1863, с. 171)

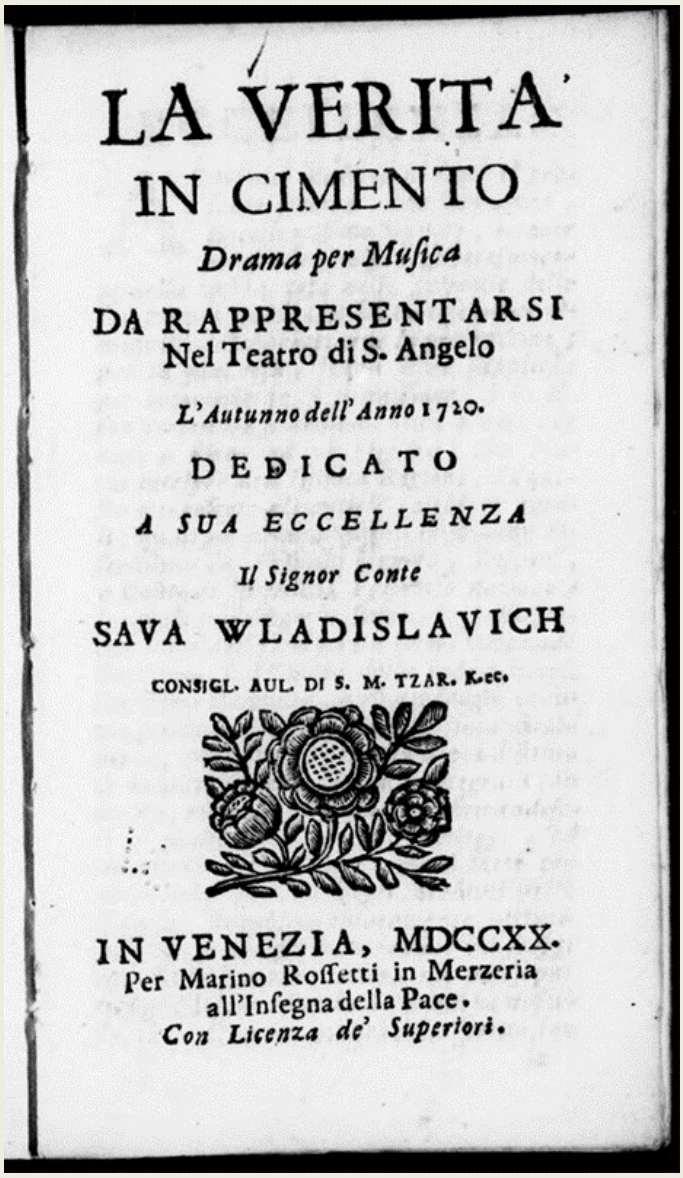
[Илл. 08-07-03-06-1. «Cimento» (через «i») в книге «I Fatti di Cesare» («сиенская рукопись», 1300-е). Публикация 1863, с. 171]

Показательно, что данное сочинение имеет венецианские корни. Ибо в этих местах, вообще говоря, вообще говорят не на «итальянском», а на «венетском». А в данном диалекте, как известно, для обозначения «цемента» даже сейчас основным является написание именно «çimènto». Что по звучанию близко к нашему «циментo».

А теперь вернёмся в Венецию-1720. Где слово «cimento», проделав за предыдущие века несколько кульбитов, вернулось в надёжное русло исходной латинской этимологии («caementum», «caed-mentum», от «caedere», и даже «opus caementicium») – то есть просто «тёсаный (ломаный) камень».

В полном соответствии с этим, в местной каменотёсной индустрии слово «cimento» означало ничто иное, как «грубый камень» и «ломаный карьерный мрамор в блоках». А от этого всего один шаг до профессионального жаргона венецианских скульпторов, называвших этим словом свою поточную мраморную продукцию (скульптуры), которую они гнали по шаблону на экспорт (типа, «глыбы»).

Отсюда проистекает двойная возможность в переводе названия оперы – в зависимости от смещения акцента. Если для Вивальди фраза «La verità in cimento» («Ла верита ин чименто») означала «Истина в обломках» (в смысле – «руинах семейного мира»), то для «крёстного отца» его оперы – Рагузинского – она означала буквально «Истина в скульптуре».



LA VERITA'
IN CIMENTO
Drama per Musica
DA RAPPRESENTARSI
Nel Teatro di S. Angelo
L'Autunno dell'Anno 1720.
DEDICATO
A SUA ECCELLENZA
Il Signor Conte
SAVA WLADISLAVICH
CONSIGL. AUL. DI S. M. TZAR. &c.
IN VENEZIA, MDCCXX.
Per Marino Rossetti in Merzeria
all'Insegna della Pace.
Con Licenza de' Superiori.

[Илл. 08-07-03-07-1. Афиша премьеры оперы Вивальди «La Verita in Cimento», посвящённой Рагузинскому. Осень 1720]

При этом Рагузинский вполне мог и не понимать истинный смысл названия посвящённой ему оперы. Ему просто должно было льстить, что там содержится намёк на его основное занятие, от которого трудно оторваться – закупку мраморных скульптур. Своеобразный аналог пресловутого «Истина в вине» применительно к художественной сфере.

По-факту же, пророческий смысл названия оказался в том, что одной из «скульптур» Рагузинского стала (ничем не выдающаяся на общем фоне) «Сивилла Персидская». Которая дала, когда пришёл её час, исходный толчок всему творчеству Пушкина. Начавшего, таким образом, с «памятника» – и «Памятником» же и закончившего.

Это кто хотел факты.

Поскольку данная новелла посвящена Рагузинскому, то напоследок вспомним ещё раз и о его исходном вкладе в «дело Пушкина» – обеспечении самого появ-

ления будущего поэта на свет. В 1704 Рагузинский, при активном посредничестве Спафария, забросил арапчонка Аврама далеко-далеко на север от любезной его сестры Лагань. Через тридцать лет после чего Аврам (не раз за эти годы охранённый Рагузинским) станет «Ганнибалом». Так Рагузинский со Спафарием Пушкина сделали.

Факт своего исторического сотрудничества со Спафарием Рагузинский, похоже, никогда не забывал. Через двадцать три года после смерти Спафария, Рагузинский написал труд под названием «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства» (1731). Секретного там было не много, а любопытного – предостаточно.

И самым любопытным мне показалось там косвенное признание Рагузинским того, что перед отъездом в Китай он тщательно штудировал рукописное «Описание Китая» Спафария. Рагузинский даёт это понять во вступительной части своего труда – в «Посвящении» царствующей императрице. Так вот, он характеризует там книгу Спафария фактически как лучшее, что было написано о Китае на русском языке («кроме некоторых фабол», разумеется). В устах автора собственного описания Китая это звучит, как запоздалая попытка отдать старый неоплатный долг.

Комплексовал Рагузинский, на мой взгляд, напрасно. Его путешествие в Пекин само стало историческим, подведя итог всей «романтической» эпохе русских «хождений» в Китай.

Да что говорить – путешествие Рагузинского упомянул в своём эпохальном труде «Museum Sinicum» сам Готлиб Байер.

Мост из радуги

Опытные читатели уже конечно поняли, что разговор сейчас пойдёт о Готлибе Байере.

Правильно, но не сейчас. Поскольку я обещал сначала рассказать о происхождении мифа о якобы чрезвычайной простоте пути в Китай через Сибирь. Тем более, что к судьбе Байера это имеет самое прямое отношение. Рассказ будет состоять из отдельных эпизодов.

1. Меркурий

У нас каждый ребёнок знает, что Пьер Корнель – поэт-лауреат, и что в его трагедиях долг борется с сердечным влечением. А вот если спросить о Тома Корнеле (его младшем брате и тоже писателе) – дети, как правило, тушуются и не могут назвать ничего, кроме пары-тройки его самых кассовых постановок («Тимократа», «Цирцеи» и, почему-то, «Мстящих женщин»). А то, что два последних сочинения написаны Тома Корнелем в соавторстве с Жаном Донно де Визе – об этом бессмысленно спрашивать даже взрослых. С глубиной погружения свет знаний меркнет по закону обратных квадратов.

Так что не буду никого мучить и сразу скажу, что Тома Корнель и Жан Донно де Визе были мало того, что соавторами, но ещё и со-издателями главного французского ежемесячного журнала «Галантный Меркурий» («Mercure Galant»).

И вот в сентябрьском номере «Меркурия» за 1687 была опубликована реально информационная «бомба» – первое в истории человечества печатное сообщение о существовании чисто сибирского пути в Китай.

И это было не просто «сообщение». На двадцати пяти страницах достаточно подробно, вполне адекватно и с умеренным количеством опечаток был описан маршрут от Москвы до Пекина через Сибирь и Забайкалье, шаг за шагом. С указанием времени движения по отдельным участкам, своего рода «дорожник» (в русской терминологии – «доезд», названный в публикации просто «Сообщением», «Relation»).

Судя по маршруту, это было описанием путешествия Николая Спафария, совершённого им за десять лет до этого. А если смотреть по разным мелким деталям – то тем более. При этом текстуально «Сообщение» не совпадает целиком ни с одним из сочинений, написанных самим Спафарием на эту тему («Путевой дневник», «Статейный список», «Описание Китая», «Отписки с пути следования», «Описание реки Амур»). Данное обстоятельство создаёт интригу.

И не только оно. В публикации редактор прямо указал автора и обстоятельства происхождения текста – всё в высшей степени подозрительное. Так что придётся с этим аккуратно разбираться.

В редакторском вступлении говорится, что в «Сообщении», некогда присланном в редакцию, речь идёт о путешествии из Москвы в Пекин, совершённом «около двух лет назад» («que fit il y a environ deux ans») неким «московитом» по имени «Nikiposa» (допустим, «Никифором»), куда тот ездил «вместе с купцами» («où il alla avec

des Marchands»). Ни о каком «Спафарии», и ни о каком «посольстве» здесь, заметьте, и речи нет.

Хочу заострить внимание на трёх моментах. а) В публикации нигде не утверждается, что этот текст написал сам «Никифор»; утверждается только, что в нём описывается «путешествие, совершённое Никифором». б) Указано, что путешествие это было совершено «примерно двумя годами ранее», но не говорится с какого именно момента ведётся отсчёт – при том, что «Сообщение» могло быть получено редакцией задолго до его публикации. в) Публикуется не само «Сообщение», а его свободный редакторский пересказ, с редакторскими ремарками.

Есть ещё одна очень показательная деталь. При описании сибирских рек автор для наглядности постоянно соотносит их ширину с шириной Вислы («Vistule»). Делается это целых пять раз. При этом Иртыш, Енисей и Ангара признаются автором «такими же большими, как Висла» (с. 21, 26, 33), Тунгуска – «почти как Висла» (с. 27), а Селенга – «значительно меньше Вислы» (с. 34). Это с несомненностью говорит о существовании «польского следа» (пока неизвестной природы) в истории возникновения этого текста.

На предмет установления авторства разные части текста не равноценны. Если начальный участок маршрута – от Москвы до Енисейска – к 1687 прошло немалое количество людей, то участок от Енисейска до Байкала, а тем более от Байкала до Нерчинска проходил уже мало кто. А путём через Даурию до Пекина проходили вообще считанные единицы. В предыдущих главах мы их всех уже посчитали.

Пора, наконец, делать предположения относительно авторства. У нас есть три сущностных репера – «Никифор», «Даурия» и «Польша».

Существует огромный соблазн назначить автором «Сообщения» Никифора Черниговского – польского пленника, проведшего в Сибири и Даурии около сорока лет (с 1636 по 1675). Это личность совершенно былинная, масштаба Эрнана Кортеса, Франциско Писарро и Лопе «Гнева Божьего» де Агирре.

После того, как в верховьях Лены илимский воевода (судя по всему, ещё та скотина) изнасиловал замужнюю дочь Черниговского, последний догнал флотилию воеводы, взял его дощаник на абордаж, высадил случайных пассажиров – а остальных перебил всех до единого, включая верховного (на данной территории) представителя власти. После чего с группой верных людей ушёл по неведомым рекам и перевалам на Амур, где в 1665 основал своё собственное государство под названием «Якса». Столица нового государства была выстроена им за одно лето на месте бывшего (и будущего) Албазинского острога.

Исходно Яксу основали восемьдесят четыре человека, но она быстро прирастала местным населением и беглым русскими – благо бежать было от чего. Границы Яксы не были чётко прописаны, но в любом случае она по площади была соизмерима с Австрией или Ирландией, и уж точно превосходила Швейцарию и Нидерланды. Природные же ресурсы этих стран даже сравнивать смешно, не говоря уж о перспективах «Амурского транзита».

Китайский император рассматривал Яксу, как партнёра по переговорам (Грамота императора Канси к Московскому царю от июня 1670. Архив АРАН СПб, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 11, д. 181, л. 294 об.).

Московский царь сначала объявил Черниговского государственным преступником, потом – национальным героем. Но ни о том, ни о другом основатель Яксы так и не узнал. Москва – это где?

Если Кортес отправился завоёвывать царство Монтесумы с 350 солдатами, то Чергиновский с теми же 300 казаками весной 1675 отправился завоёвывать 200-миллионный Китай.

И это ему удалось бы, я не сомневаюсь, если бы прямо в этот момент амурские Мойры не оборвали яркую нить его жизни.

Со смертью лидера, молодое перспективное государство утратило свой импульс. И попало под сень сначала Москвы, а через десяток лет – Пекина. Территория быстро пришла в полный упадок, в коем и прибывает до сих пор.

Спафарий ещё застал Черниговского, что называется, в действии. Осенью 1675 в своей Отписке из Иркутского острога Спафарий подтверждает информацию о весеннем походе Черниговского на Китай. И добавляет, что результатов этого похода здесь ещё никто не знает («Отписка» от 7 сентября 1675. РГАДА, ф. 62, оп. 1, кн. 4, л. 26). Может быть Китай уже завоёван Яксой – и теперь столица Поднебесной перенесена на высокие берега Амура?

Да, поляк Никифор Черниговский из Даурии был бы идеальной кандидатурой на роль автора «Сообщения» из журнала «Mercure Galant».

Но это точно не он. Мне самому безумно жалко, но не он. По целому ряду причин. Самая очевидная из которых – Черниговский никогда не совершал единого проезда из Москвы до Пекина – ни через Даурию, ни каким другим способом. Всё, вопрос закрыт.

Тем более, что кроме «Никифора», «Даурии» и «Польши» текст сообщения из «Mercure Galant» имеет ещё два репера, которые я условно назову «Маршрут Спафария» и «Записки Спафария» (что не одно и то же).

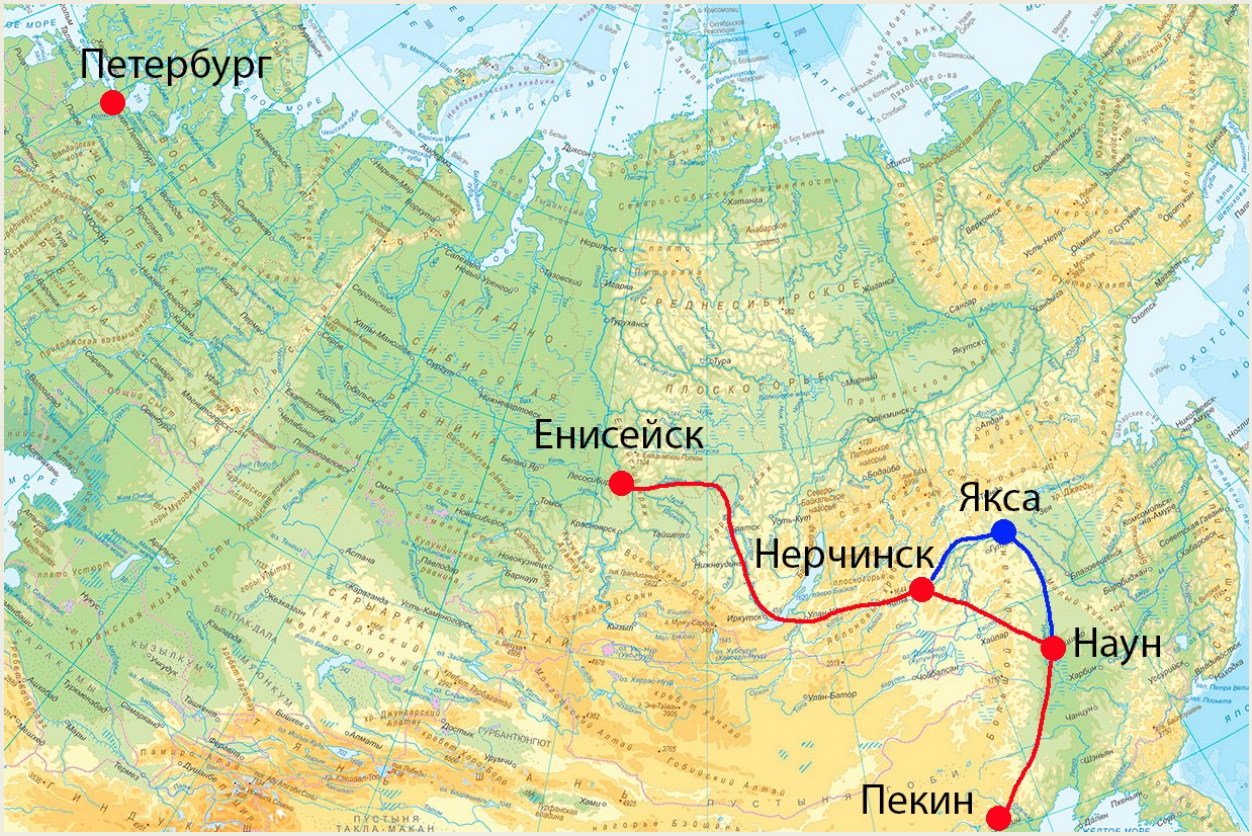
Рассмотрим в порядке поступления. Путь «Никифора» в «Сообщении» из «Mercure Galant» указан следующий:

Москва – Вологда – Тотьма – Великий Устюг – Кайгород – Соликамск – р. Кама – Верхотурье – Тюмень – р. Тюмень – Тобольск – р. Тобол – р. Иртыш – р. Обь – Сургут – Нарым – р. Кеть – Маковский острог – Енисейск – р. Енисей – р. Тунгуска (нижняя Ангара) – Илимский острог – Братский острог – р. Ангара – Иркутский острог – Байкал – р. Селенга – Селенгинский острог – Еравнинский острог – Теленбинский острог – Нерчинский острог – р. Шилка – р. Амур – Албазинский острог – далее посуху (через Манчжурию) в Пекин.

Так вот, из 35 пунктов «Сообщения», с реальным маршрутом Спафария совпадают 33 – то есть все, за исключением «Амура» и «Албазинского острога» (Яксы).

По поводу же этих двух исключений можно сказать следующее. Да, сам Спафарий Амура не видел и в Албазинском остроге не был. С реки Шилки (смотрим конец

списка) он поехал посуху напрямик через Манчжурию в Пекин. Тут лучше посмотреть на карте.



[Илл. 08-07-04-01-1. Маршрут Спафария на участке Енисейск – Пекин (красная линия) и «петля», которую сделал Милованов в том же путешествии (синяя линия). Дорога через Яксу (Албазин) получается несколько длиннее – зато половину пути можно плыть по Шилке и Амуру, а кроме того не нужно переваливать через хребет Большой Хинган]

Однако и «Амур», и «Албазинский острог» были, тем не менее, тем путешествием охвачены. Предупредить китайские власти о своём скором приезде Спафарий послал вперёд Игнатия Милованова (пять лет назад уже ездившего из Нерчинска в Пекин). Так вот, Милованов поехал в Китай именно вдоль Амура, через Яксу. В Манчжурии, в районе «наунских сёл», Спафарий встретил уже возвращавшегося назад Милованова и записал его фактический «доезд» («В роспросе сказал, что от Нерчинского острогу до Албазинского ехали 2 недели», «Статейный список», л. 41 об.)

А когда Спафарий сам возвращался из Пекина, он от «наунских сёл» пошёл прежним своим путём, но пятерых своих людей он отправил опять-таки через Яксу, специально запросив на это разрешение у китайских властей («Статейный список», РГАДА, ф. 62, оп. 1, кн. 4, л. 278 об.–279).

И в любом случае, путь в Пекин через Яксу представлен Спафарием в его «Описании Китая» («А из Нерчинского до Албазина плыть по Амуру реке на низ пятеро суток, а сухим путём – в две недели», гл. 5).

Так что описанный в «Mercure Galant» путь в Китай совпадает с реальным маршрутом Спафария практически точно.

Версия о происхождении «Сообщения» от Спафария имеет и другие подтверждения. Есть целый ряд текстуальных совпадений, хотя они и разбросаны по разным текстам Спафария. При этом важны не только совпадения самих фактов, но и совпадения в построениях фраз, об этих фактах повествующих. Насколько мне известно, никто не озадачивался данным сопоставлением, так что придётся это делать мне. Колорита добавляет то, что в результате получается перевод с устаревшего французского, являющегося переводом с устаревшего русского. Итак:

***

Mercure: «Ostiaski ne se nourrit que de poisson, & de venaison qu'il mange sans pain & san sel» (с. 24)

(Остяки питаются только рыбой и олениной, которые они едят без хлеба и соли)

Спафарий: «Остяки… се есть рыбоядцы… однако же соли и хлеба они не знают» («Путевой дневник»).

***

Mercure: «De Makouskichoroda, aprés avoir marché deux jours dans les Bois, où il se trouve quelques Villages Ruissiens, dans lesquels on peur se pourvoir de pain» (с. 24)

(От Маковского острога идти два дня по лесу, где располагаются несколько русских деревень, в которых можно разжиться хлебом)

Спафарий: «От того Маковского острога… ходят с вьюками 2 или 3 дня. <…> Множество деревень… и места… зело хорошие и хлебородные» («Путевой дневник»)

***

Mercure: «Ce chemin est très-difficile à cause des grandes Montagnes & des Rochers, qui sont extremement avancez dans la Mer» (с. 32)

(Этот путь [вдоль северного берега океана] очень труден из-за великих гор и скал, которые вдаются далеко в море)

Спафарий: «Камень… в моря прошёл далеко такожде стеною» («Сказание об Амуре»)

***

Mercure: «Les eaux de ce Lac sont si claires que l'on en peut voir la profondeur. <…> Il est environné de grandes & hautes Montagnes, où les neges ne fondent ny en Hyver, ny en Esté» (с. 33-34).

(Вода в этом озере [Байкале] столь чиста, что можно видеть [дно] на большой глубине. <…> Он [Байкал] окружён большими и высокими горами, на которых снег не тает ни зимой, ни летом)

Спафарий: «А вода в нём зело чистая, что дно виднеется многие сажени в воде <…> Кругом Байкала везде лежат горы превысокие, на которых и летнею порою снег не тает» («Путевой дневник»)

***

Mercure: «Il faut se pourvoir de Mulets & de Dromadaires» (с. 36)

(Необходимо [в Селенгинске] запастись мулами и верблюдами)

Спафарий: «Служилых людей отпустил [в Селенгинске] в Мунгалы для покупки верблюдов и коней» («Отписка с Селенгинской заимки»)

***

Mercure: «Il y croist beaucoup de fruits dans les jardins, aussi-bien qu'en bas sur le rivage. On y recueille mesme du vin & du bled en abondance» (с. 39)

(Здесь [в Даурии] растёт множество фруктов в садах, также как и по берегам рек, и в изобилии выращивают тот же виноград и хлеб)

Спафарий: «И тут [в Даурии], по тем рекам, родится виноград, хлеб и всякие овощи» («Описание Китая», гл. 5)

***

Mercure: «L'entrée neanmoins en est extremement difficile, parce qu'il y a sur le rivage de la Mer de si gros roseaux» (с. 39)

(Выйти [в море по реке Амур] при этом крайне трудно, поскольку у берегов там растёт густой камыш)

Спафарий: «И есть де там [в устье Амура] вырос великой густой камыш и толстой, и тем камышом на чистое море никоими меры пройти не возможно» («Сказание об Амуре»)

***

Mercure: «Un Jesuite habillé à la Chinoise, qu'on appelloit Alichachaura. Il estoit en grande estime parmy les Chinois, à cause de l'Astrologie. <…> Les Jesuites, dont le nombre n'est que de cinq» (с. 42)

(Там есть один иезуит, который одевается по-китайски, и которого зовут «Алишашора». Он находится в большом почёте среди китайцев из-за знания астрологии. <…> Всего же иезуитов здесь пять.)

Спафарий: «Привели с собою старца католика езуицкого чина имянем Фердинант Вербияст… в том приказе [возглавляемом Вербистом] учат-

> ся астрологию… А чин его по-китайски Алихахава. А платья носит он богдойское ж… А опричь ево есть 4 езуита.» («Статейный список», л. 120 об. – 121)

И ещё одно совпадение, самое на мой взгляд показательное. Спафарий пересёк в неком месте хребет Большой Хинган и попал в плодородную долину реки Наун. Здесь его вскоре встретили первые китайские представители и предложили прямо здесь, во чистом поле, остановиться и подождать, пока они получат из Пекина разрешение на пропуск посольства. Когда разрешение было получено, Спафарий из этого случайного места двинулся дальше. И вот что мы читаем в «Mercure Galant» и в «Статейном списке» Спафария:

> Mercure: «Aprés cela <…> on se rend en vingt-neuf jours à Pekin, Capitale de la Chine.» (с. 42)
>
> (После этого <…> до Пекина, столицы Китая, добираются за двадцать девять дней.)
>
> Спафарий: «А всего от Науна до Пежина ехали 29 дней.» («Статейный список», л. 113)

В последней фразе слово «Наун» у Спафария означает не «город Наун» (Цицикар, к которому он и близко не подходил), а некое случайное место в районе так называемых «наунских сёл», растянувшихся на многие десятки вёрст вдоль реки Наун. И вот эта-то восхитительная точность в «Сообщении» из «Mercure Galant» (не «четыре недели», не «месяц» – а ровно «vingt-neuf jours»), дающем расстояние до Пекина от некого совершенно случайного места – эта-то точность и выдаёт с головой автора – а именно, что он держит в уме не усреднённую устоявшуюся практику, а совершенно конкретный единичный прецедент. А именно – преодоление этого участка Спафарием с 17 апреля по 15 мая 1676.

Итак, по всему выходит, что «Сообщение» из «Mercure Galant» тесно связано как с «маршрутом» Спафария, так и с его «записками». Так что Никифор Черниговский на роль автора «Сообщения» тем более не подходит.

Что ж, рассмотрим другую кандидатуру. Менее яркую, зато реальную. Не всё быть былинным героям.

Попробуем приложить к нашему шаблону Никифора Венюкова (скажите спасибо, что не Лавра), подъячего Посольского приказа, сопровождавшего Спафария в его путешествии в Китай в качестве писаря.

Проверим наши «реперы». «Никифор» – да. «Даурия» – да. «Маршрут Спафария» – да, ибо Венюков прошёл вместе со Спафарием тот же самый путь.

«Записки Спафария» – тоже «да», поскольку в силу должностных обязанностей Венюков плотно работал с дорожными дневниками Спафария, а возможно какие-то из них собственноручно переписывал (например, он мог вести «технический дорожник», или делать беловые копии «Отписок» и писем).

Пока всё неплохо сходится. Остаётся только понять, каким боком здесь могла быть задействована «Польша»?

А «Польшу» в этой истории отбросить никак не получится, и не только из-за сравнения сибирских рек с Вислой. Есть указания не менее значимые.

В знаменитой книге Николааса Витсена «Noord en Oost Tartarye» (1692) в изобилии присутствуют выдержки из нашего «Сообщения», переведённые на голландский язык (с. 35, 421, 425, 428, 432, 433, 497 и др.). При этом ссылок на публикацию в «Mercure Galant» там нет, а в качестве источника указывается некий «польский путешественник Никифор» («Poolsche Reiziger Nikipera», с. 35, 428, 432; «Pool Nikipera» с. 425).

Витсен сообщает, что текст записок этого «Никифора» он имеет на руках, но пока полностью его не опубликовал («Hier van is te zien by een schriftelyke reisbeschryving van den Pool Nikipera, onder my noch ongedrukt berustende», с. 425).

Впрочем, постепенно начинает выясняться, что Витсен делает предположение о национальной принадлежности «Никифора» единственно на основании того места, откуда «Записки» были ему присланы – а присланы они ему были из Польши («volgens bericht van den Reiziger, Nikipera genaemt, wiens reis-tocht aen my uit Polen schriftelyk toegezonden is», с. 497). Так что «Никифор» у Витсена из «польского путешественника» незаметно превращается в просто «путешественника».

И, наконец, наступает час истины – и Витсен выкладывает всё как есть (с. 432):

> Некий господин, по имени Никифор, пребывающий сейчас при польском дворе, и который в 1677 ездил северным путём в Китай, рассказывал тому двору – и сведения эти поступили ко мне именно оттуда – что… и т.д.
>
> (Zeker Edelman, genaemt Nicephorus, zich nu ophoudende aen het Hof van Poolen, die door de Noorder gewesten tot in Sina heeft gereist, op den Jare zestien honderd zeven en zeventig, verhaelde daer ten Hoof, volgens berichten aen my van daer toegekomen…)
>
> (Витсен «Северная и Восточная Тартария», 1692, с. 432)

Это было опубликовано Витсеном в 1692. Показательно, что во втором издании своей книги, осуществлённом в 1705, Витсен уточнил, что этот «господин» после Китая находился «при польском дворе» в 1685 (с. 682), а вовсе не в 1692 (как можно было бы подумать, исходя из текста первого издания от 1692 – «сейчас», «nu»).

Итак, «Никифор», совершивший в 1677 путешествие в Китай по северному маршруту, имел отношение к Польше в том смысле, что около 1685 он находился при польском дворе, рассказывал там о своём путешествии, и оставил там копию своих «Записок».

И последний в этом расследовании аккорд. Иезуит Филипп Авриль в январе 1687 приплыл, как Степан Разин, по Волге из Персии в Москву, собираясь дальше двинуться в Китай через Сибирь и Забайкалье. Ни в какой Китай его, разумеется, не пустили, и уже в феврале Авриль уехал в Польшу, где потом пробыл при дворе достаточно долго. А пять лет спустя, в 1692, вышла в свет его книга (на француз-

ском) «Путешествия в разные страны Европы и Азии». Весь третий раздел которой был посвящён Китаю, где Авриль на тот момент ещё не был. И там, как и в книге Витсена (вышедшей в том же году), было полно мест, дословно совпадающих с «Сообщением» нашего «Никифора». Учитывая дату выхода книги Авриля и её язык, логично было бы предположить, что Авриль пользовался непосредственно публикацией «Сообщения» в «Mercure Galant».

Однако, Авриль прямо указывает другой источник и сообщает о нём дополнительные сведения (с. 420-421):

> Московский посол по имени Никифор, которого [Московские] цари посылали к Польскому королю через некоторое время после его возвращения из Пекина, куда он ездил в том же качестве, рассказывал [об этом китайском путешествии] королю, который [весной 1687] любезно со мной этими сведениями поделился – так же как и любопытным «Дорожником», который по его распоряжению был составлен господином д'Абланкуром по материалам «Записок», которые означенный посол ему [королю] оставил.
>
> (сноска на полях): Король Польши давал мне «Записки», оставленные ему московским послом по имени Никифор, который ездил в Китай через Великую Тартарию [т.е. Сибирь].
>
> (Un Ambassadeur Moscovite, nommé Nicephore, que les Czars avoient envoyé à sa Majesté Polonoise quelque têms aprés son retour de Pekin, où il étoit allé en la même qualité, avoit communiqué à ce Prince les belles lumiéres, dont il eût la bonté de me faire part, aussi-bien que du Routier curieux qu'il avoit fait dresser par Monsieur d'Ablancourt sur les Memoires que cet Envoyé lui laissa.»
>
> (сноска на полях): Le Roy de Pologne me fait donner les memoires que luy avoit laissé un Ambassadeur de Moscovie, nommé Nicephore, qui étoit allé à la Chine par la grandeTartarie.)
>
> (Philippe Avril «Voyage en devers etats d'Euroope et d'Asie», 1692, с. 420-421)

Оказывается (согласно Аврилю), «Никифор» являлся «московским послом», находившимся некогда (раньше 1687) при дворе польского короля, а ещё раньше ездившим, тоже послом, в Китай через Сибирь, о чём этот «Никифор» польскому королю подробно рассказывал. Уезжая, «Никифор» оставил в Варшаве свои «Записки», из которых некий «господин д'Абланкур» сделал своеобразную «выжимку» («Дорожник», «Routier») с описанием сибирского пути в Китай.

Интересно, кто бы мог быть сначала «московским послом в Китай», а потом «московским послом в Польшу» – и всё это до 1687? Ответ: никто.

Только Спафарий – однако после Китая он в Польше не был. Кроме того, он не «Никифор».

А вот Никифор Венюков – с очень существенными оговорками – может быть.

После возвращения из путешествия в Китай со Спафарием (где Венюков находился в качестве «писаря», а вовсе не «посла»), Венюков дважды посылался в Польшу (в качестве «гонца», а опять-таки не «посла»), где он находился при дворе два раза по два месяца – в июле-августе 1682, и в ноябре-декабре 1683 (Бантыш-Каменский, «Обзор внешних сношений России», т. 3, 1897, с. 153-154).

Реконструкция всей этой ситуации даёт нам примерно следующее. В 1683 Венюков в качестве гонца (с информацией об очередных «андрусовских» переговорах) прибывает в Польшу. В ожидании ответного письма, он пару месяцев болтается при дворе. В частных разговорах он выдаёт себя за посла, а также за знатока Китая. В Польше он уже второй раз, а потому, зная про существующий здесь интерес к китайской теме, он захватил с собой разные материалы Спафария («Путевые дневники», «Описание Китая» и так далее), которые он выдаёт за свои. Утверждая при этом, что и послом в Китай являлся именно он.

У Пьера Корнеля в борьбе долга с сердечным влечением неизменно побеждает долг. Если сердечному влечению что-то и перепадает (как в «Сиде»), то исключительно в результате счастливого стечения обстоятельств (например, нашествия сарацин).

Венюков же подобными глупостями не заморачивался. Долг (предписывавший ему беречь «гостайну» как зеницу ока) капитулировал сразу же, как только сердечное влечение (жажда славы) выкатило первую же допотопную мортиру (аргумент, что любой его выезд за границу может оказаться последним).

Привезённые Венюковым в Варшаву материалы были на русском языке, так что ему приходилось их озвучивать и разъяснять – с разной степенью близости к тексту. Попутно проводя некоторую локализацию. Например, там где Спафарий пишет «река Иртыш поперег и глубиною, что Дунай» («Отписка» из Самаровского яма от 10 мая 1675, РГАДА, ф. 62, оп. 2, 1674, д. 1, с. 165), или «река Енисей, бутто Дунай» (Письмо Матвееву от 9 июля 1675. Там же, ч. 2, л. 180) – то Венюков, в соответствии со своим местонахождением, диктует: «Иртыш так же велик, как Висла» («Mercure Galant», с. 21), и «Енисей… столь же велик, как Висла» (там же, с. 26).

«Господин д'Абланкур», который всё это записывал – это, судя по всему, Nicolas Frémont d'Ablancourt, бывший посол Франции в Португалии, проживавший в то время в Нидерландах (и зачем-то приезжавший, выходит, в Варшаву).

И вот этот-то текст, зачитанный вслух Венюковым и записанный в 1683 д'Абланкуром (скорее всего на французском) – его-то затем и рассылают «из Польши» всем, кому это может быть интересно – Витсену в Амстердам, Корнелю в Париж, а Аврилю выдают копию прямо на месте, в Варшаве.

Так что и Витсен, и Авриль могли в 1692, действительно, ничего не знать о публикации в «Mercure Galant» (в 1687), а совпадения их текстов объясняются тем, что они все пользовались разными копиями одного и того же оригинала – попурри из разных записок Спафария, пересказанных (и приписанных себе) Венюковым и обработанных д'Абланкуром.

Венюков, воодушевлённый успехом сочинения чужого, в течение следующих двух лет создал на ту же горячую тему уже своё собственное. Название у этого текста длинное, в науке он фигурирует, как просто «Описание Сибири».

Если судить по количеству дошедших до нас списков, «Описание Сибири» пользовалось известной популярностью. В нём присутствуют те же самые реалии, что и у Спафария, но увиденные другими глазами, и описанные другими словам. Так что я считаю этот текст вполне самостоятельным. Конечно, что-то Венюков у Спафария перенимает (например, пересекая очередную большую сибирскую реку, он, как бы пользуясь случаем, рассказывает об этой реке от верховьев до устья; или, как и Спафарий, он время от времени разбавляет географические сведения этнографическими). Но это всё совершенно нормально, люди должны учиться друг у друга.

Главная же изюминка сочинения Венюкова – это первые его несколько страниц, где автор пересказывает своими словами некий не дошедший до нас текст, повествующий об истории уже столетней в тому времени давности – захвате неким «Ермаком» некоторых посёлков местных жителей за Уральскими горами. Именно из «Описания Сибири» Венюкова люди впервые и услышали имя «Ермак» и связанную с ним волнительную историю так называемого «завоевания» Сибири.

«Описание Сибири» было начато Венюковым не раньше января 1684 и закончено не позднее ноября 1685, так что формально это было первое обнародование рассказа о Ермаке. Фактически же, данную историю первым опубликовал (то есть сделал реально доступной для всех желающих) всё тот же Витсен – в своей «Северо-Восточной Тартарии» (в 1692 – в сокращённом виде, в 1705 – в полном). Причём текстологи утверждают, что Витсен пользовался другим, нежели Венюков, источником – при этом более полным и достоверным, чуть ли не оригиналом исходной (и утерянной) рукописи.

Я так уверенно говорю о времени создания «Описания Сибири», поскольку в декабре 1685 Венюков был повторно отправлен из Москвы в Пекин – опять, увы, всего лишь гонцом. Документальное же подтверждение существования «Описания Сибири» (покупка в Москве его списка Юханом Спарвенфельдом) относится ко времени, когда Венюков в Москву из Китая вернуться ещё не успел. Так что он должен был закончить всю работу до своего отъезда.

Упреждая вопрос, сразу скажу, что вернулся Венюков из второй своей поездки в Пекин уже после опубликования в Париже «Сообщения» о сибирском пути в Китай. Так что его новый «китайский» опыт отразиться в «Сообщении» (как и в «Описании Сибири») никак не мог. В системе координат «Сообщения» вторая поездка Венюкова в Китай находилась в конусе «абсолютного будущего».

А вот во втором издании книги Витсена (1705), эта вторая поездка Венюкова в Поднебесную (декабрь 1685 – осень 1687) отражение нашла. Что логично: вторая поездка – второе издание.

Венюков (напару с Иваном Фаворовым) доставлял тогда в Пекин извещение о том, что русский посол (Головин, будущий заказчик у Рагузинского двух «арапчат») уже скоро отправится из Москвы на границу с Китаем, где он хотел бы провести переговоры с пекинскими представителями о демаркации.

В ответ на это из Пекина в Москву была отправлена пространная грамота. Следов её в русских архивах я что-то не нашёл, а вот Витсен умудрился раздобыть её копию – и опубликовал.

Данную копию (на латинском) ему прислали из Пекина неназванные «иезуиты» («by de Vaders Jezuiten tot Peking opgesteld, van waer my de zelve toegekomen is», с. 868). Однако, если сложить два и два, то на табло сразу же высветится, что это были Фердинанд Вербист и его секретарь Антуан Тома.

Вербиста я упоминал недавно в связи с его письмом в Рим, вызванным неожиданным появлением в Пекине в 1686 гонца из Москвы. Так вот, Венюков и был тем самым «гонцом», который, объявившись в Пекине через десять лет после отъезда Спафария (то есть в октябре 1686), умудрился в дороге «попортить», а потом и вовсе потерять драгоценное письмо Спафария к Вербисту. Я так думаю, что Венюков, снедаемый ревностью, его попросту выбросил.

А вот письмо к императору Канси у Венюкова почему-то не «попортилось». И хорошо, что не попортилось. Потому что в ответном письме императора от «16 дня, 10 месяца, 25 года Канси» (то есть от 1 ноября 1686), опубликованном Витсеном в его книге, были указаны имена гонцов, с которыми этот ответ был отправлен назад. Так появилось первое (и последнее) упоминание фамилии Венюкова в серьёзном европейском издании.

Витсен (следуя Вербисту) называет присланного в Китай гонца «Nikifor Winukof», чей статус в императорском документе определён, как «писарь» («schryver»). При этом по всему видно, что в сознании Витсена этот «Nikifor» никак не связывался с «польским» путешественником «Nikipera», мелькавшим через страницу в этой же книге.

Тема предложенных тогда Москвой переговоров оказалось для Пекина неожиданно актуальной. Государство Никифора Чергиновского «Якса» (в латинской транскрипции китайского написания – «Jatche») даже через десять лет после смерти своего основателя продолжало представлять для Поднебесной реальную проблему. И за проблему эту взялись с обеих сторон. Так что в грамоте китайского императора (написанной в 1686 и опубликованной в 1705) мы видим, возможно, один из последних следов «Яксы» на мокром речном песке международной арены.

den gedragen, daer op hebben myne Onderdanen met 'er haeſt de Stad *Jatſche* § ingenomen met gewapenderhand, doch niemand dood geſlagen, en wanneer de

§ Jakſa, Jatſie, of Albaſin.

[Илл. 08-07-04-02-1. Приамурская«Якса» («Jaksa») в грамоте императора Канси к московскому царю (1686). Опубликована Витсеном в переводе на нидерландский во втором издании «Noord en Oost Tartary», 1705, с. 868]

Вообще, любопытно видеть, как близкие сущности порой оказываются в текстах совсем рядом, а затем расходятся, никак не провзаимодействовав. Так, в первом

издании книги Витсена (1692), в одном предложении присутствует одновременно и Никифор Венюков, и Никифор Черниговский – но при этом оба так и остаются неопознанными (с. 433). Некий «путешественник» при польском дворе «Nicephorus» (по факту – Венюков, пересказывающий в 1683 истории Спафария) сообщает, что бывший военнопленный «польский дворянин Czaulinski» (по факту – Черниговский) пришёл в Забайкалье и основал здесь (в 1665) некое знаковое поселение. А ведь из этой фразы могла родиться и «Якса», и «Mercure Galant», и целая «Дальневосточная республика», чей средний класс охотно покупал бы на родине Корнеля «Château Margaux» урожая 1848.

Но вернёмся в осень 1687. Венюков ещё только едет в Москву из второй своей поездки в Китай, в то время, как в Париже под его именем выходит «Сообщение», составленное из материалов путешествия Спафария десятилетней давности.

Почему публикация произошла именно тогда и именно там? Я не знаю. Но даже невооружённым глазом видно, что весь 1687 год подспудно бурлил «сибирским маршрутом в Китай», вырвавшимся в конце концов на поверхность в неком парижском развлекательном журнале. И не стоит думать, что все года тогда были такими, это совершенное исключение. Вот неполный календарь событий.

- Январь 1687. Филипп Авриль приезжает в Москву с намерением отправиться через Сибирь в Китай. Через месяц ему отказывают, и он отбывает в Варшаву, где ему удаётся познакомиться с «Сообщением» Спафария («Никифора»), попавшим в Польшу четырьмя годами раньше посредством Венюкова.

- Февраль 1687. Юхан Спарвенфельд, три года изучавший в Москве русский язык, уезжает в Швецию и увозит с собой рукописный экземпляр «Описания Китая» Спафария (где перечислены все имеющиеся туда пути), а равно и «Описание Сибири» Венюкова.

- Сентябрь 1687. Кольбер де Круасси обсуждает в Париже с Яковом Долгоруковым возможность пропуска иезуитов в Китай через Сибирь.

- 1 октября 1687. В Париже выходит означенный номер «Mercure Galant».

- 1 октября 1687. Фердинанд Вербист отправляет из Пекина в Рим письмо, с жаром продвигающее идею «сибирского» пути в Китай.

- Осень 1687. Никифор Венюков возвращается в Москву из второй своей поездки в Пекин через Сибирь.

- Осень 1687. Николаас Витсен принимает окончательное решение издать, наконец, свою «Новую карту Северной и Восточной Азии», которую он готовил уже два десятка лет – и даёт отмашку на гравировку печатной формы с датой «1687». Эта карта, будучи изданной, даст в руки авантюристов всех мастей мощный (хотя не во всём точный) инструмент для достижения Китая через Сибирь.

- 28 мая 1687. С этого надо было бы начать, но я приберёг данную позицию на десерт. В указанный день в Париже вышла книга под редакцией иезуита Филиппа Купле (Couplet) «Confucius Sinarum Philosophus».

Книга представляла собой первый перевод (пока на латынь) трёх важнейших сочинений конфуцианского канона. В том числе – «Бесед и суждений» Конфуция, с их ослепительной «Полярной звездой» («Золотым гвоздём»), как будто специально переведённой для Спафария (Lib. 3, pars 1, F. 8, p. 1, §1) – правда, с десятилетним опозданием.

Китайскую философию в книге Купле дополняли портрет Конфуция в рост, свежая карта Китая и разные горячие сведениями об этой экзотической стране.

Эффект от книги Купле был ошеломительный. Никто ничего не понял, но все кинулись скупать китайский чай (реклама которого была предусмотрительно размещена в «Mercure Galant»). Думаю, что и переговоры Кольбера с Долгоруковым, и публикация «Сообщения» в «Mercure Galant», и форсирование Витсеном работ по выпуску его карты – всё это было инспирировано появлением книги Купле.

Редакторы «Mercure Galant» (Корнель и де Визе) этого, собственно, и не скрывали. Публикация «Сообщения» начиналась на девятнадцатой странице, а до этого (после обязательных реверансов в сторону короля) шла перепечатка демографической части книги Купле. Всё это предварялось такими словами:

> Ничто сейчас так не модно, как разговоры о Китае. (с. 9)
>
> (Rien n’est si à la mode aujourd’hui que de parler de la Chine)

Кто касается самого «Сообщения», то оно рассматривалось редакторами не просто как некий очередной материал на «китайскую тему». Самым узким местом всего европейского «китайского проекта» являлось отсутствие удобного пути – и редакторы «Mercure Galant» своей публикацией предлагали вариант решения этой проблемы.

Текст собственно «Сообщения» был обёрнут в кокон редакторского предисловия и послесловия. Вот как это выглядело. Редактор начинает:

> Путешествие в Китай для европейцев было бы приятным, если бы не приходилось преодолевать столько морей, таящих столько опасностей. <…> Именно это подталкивает к поискам способов добраться туда по суше. И поиски эти оказались небезрезультатны, если верить «Сообщению», которое было мне тут как-то прислано. (с. 18)
>
> [Далее идёт текст «Сообщения» (с. 19-43), которое завершается следующим редакторским резюме:]
>
> Достаточно уже того, что столь удобный, как это видно из «Сообщения», маршрут был однажды удачно пройден. Люди будут пытаться сделать его ещё короче и удобнее, и недостатка в этих попытках не будет. Самые безлюдные места будут заселены, <…> и через столетия, возможно, станет трудно поверить, что этот путь представлялся нам сложным.
>
> В письмах, которые я [редактор] недавно получил из Москвы, сообщается, что туда уже прибыли иезуиты, которые собираются идти в Китай этим новым путём. (с. 43-44)

Последнее замечание (насчёт «недавних писем») относится, конечно, к прибытию в Москву Авриля, полного ожиданий и надежд. Но пока означенные «письма» шли из Москвы в Париж, весь проект Авриля, как мы знаем, успел накрыться медным тазом. Только одиннадцать лет спустя, преодолев «столько морей, таящих столько опасностей», Авриль, 44, достиг берегов Китая. Где, уже на подходе, и погиб в кораблекрушении в Южно-китайском море.

Пока же, в феврале 1687, Авриль из Москвы вместо Пекина отправился в Варшаву – чтобы там неожиданно получить рукописную копию «Сообщения» о путешествии Спафария.

Всё вышесказанное, впрочем, не отвечает на вопрос – чем же 1687 год был столь особенным? Может быть тем, что через месяц после выхода на латинском языке философской книги «Confucius Sinarum Philosophus…», на той же божественной латыни вышла другая философская книга, «Philosophiæ Naturalis Principia…». Установленным там законам подчинялось (и подчиняется) движение не то что сибирских караванов – всей Вселенной.

Как бы там ни было, 1 октября 1687 на парижских прилавках появился свежий номер журнала «Mercure Galant», содержавший первое в истории опубликованное описание пути в Китай через Сибирь и Даурию, сделанное Спафарием в 1678 и рассказанное в Польше Венюковым в 1683.

А до своей публикации данное «Сообщение», как мы видели, четыре года ходило в рукописных копиях. Я уже говорил о списках Витсена, Авриля и Корнеля-Визе, однако известны ещё как минимум четыре рукописные копии «Сообщения», две из которых дошли до наших дней. Причём, что удивительно, одна из этих копий (Arch. Nat., MAR.2JJ.71, L. XVIII, № 11) была снята непосредственно с печатной журнальной публикации. И именно она-то и принесёт, когда придёт срок, много плода.

Как и положено, между рукописными копиями имеются расхождения. Так, в «Mercure Galant» (копия Корнеля-Визе) время в пути от «Албазинского острога» до «наунских сёл» указано, как «четыре дня» («quatre»), а в рукописи из BNF (MS, Fr. 15466) – «сорок дней» («quarante», л. 229 об.). Обе цифры не правильные, нужно – «четырнадцать» («quatorze», см. отчёт Милованова).

Двойная ошибка порождена тем, что именно этот короткий отрезок Спафарий самолично не проходил и не измерял, так что Венюкову пришлось здесь импровизировать. По тем же причинам время в пути из Нерчинска до Яксы (Албазина) он указал, как «девять дней», взяв, долго не думая, среднее-арифметическое значение от двух цифр Спафария – для движения по реке и посуху (пять и четырнадцать дней соответственно, «Описание Китая», гл. 5)

А ведь во всём «Сообщении» самым интересным являлся именно этот отрезок – от Нерчинска до «наунских сёл». Поскольку до Нерчинска люди худо-бедно хаживали, а после «наунских сёл» появлялись китайские проводники и вопрос прокладывания пути становился не актуальным. Здесь же лежала настоящая «Terra incognita», реально «белое пятно». И на этом-то животрепещущем участке Венюков подменил настоящий путь Спафария путём всё ещё отчасти гипотетическим – через Амур и Яксу.

Подмена на пользу делу не пошла. Путь в Китай через Амур и Яксу так никогда и не будет востребован. Скоро все караваны наладятся ходить от Байкала в Пекин по прямой – через Селенгинский острог и Монголию. Даже КВЖД (Китайско-восточная железная дорога) отвернётся от Амура и пойдёт скорее уж маршрутом Спафария – от верховьев Шилки (по Спафарию – «23-й стан», будущая станция «Китайский разъезд») напрямик через степь и Большой Хинган – к «наунским сёлам». Так что и Амур, и Якса так и останутся на обочине прогресса.

Рано или поздно Амур отомстит.

Это не я сказал. Это сказал Корнель, вместе с Визе. Это – последние слова последней сцены последнего акта их последней пьесы «Les Dames vangées», 1695: «Рано или поздно Амур отомстит».

Но, разумеется, самые безлюдные места будут со временем заселены, и через столетия станет трудно поверить, что этот путь представлялся нам сложным. И широкие магистрали соединят цветущие города. От Амура – до Туркестана.

<…>

Ну а там – Джунгария, а за ней – Уйгурия,
ну а там – Монголия, а за ней – Даурия.

Где поёт жакан
про цветочек алый –
там Большой Хинган.
А за ним и Малый.

Здесь, в сопках Манчжурии, жил Митюшёв.
Вил аист гнездо на его халабуде.
Как сказано некогда в «Тай цзы ту шо»,
Сибирью Поднебесная прирастать будет.

Весной здесь красно от багульника. И черно от клещей.
На лету замёрзший плевок зимой в порядке вещей.
Снега мало. Со времён ранней Цин населенье слегка поредело.
Чжоу Дунь-и, «Изъяснение плана Великого Предела».

Здесь мир ещё юн, ещё свод голубой.
Ещё всё рифмуется между собой.

Написано здесь, на перловке и луке,
четырнадцать строк о любви и разлуке.

Китайцы здесь содют капусту.
В получку, борчихи «сумо»
пускают друг другу кровь из-носу.

Поэзия – архаичная форма искусства.
Которое, в свою очередь, само –
архаичная форма шоу-бизнеса.

2. Витсен

Ни в каком 1687 карта Витсена, показывающая путь через Сибирь и Китай, напечатана, разумеется, не была. Не была она напечатана и в следующем году. Лишь к осени 1689 относится первое документальное подтверждение существования её печатного экземпляра – запись от 3 ноября 1689 в дневнике Константина Гюйгенса мл. (поэта, сына поэта и поэтессы, старшего брата великого физика), занимавшегося в тот день склейкой листов отпечатанной карты («Was langh besigh met de caert van Witsen, van Tartaryen te placken»). И только ещё через год – к середине 1690 – отпечатанная карта Витсена начала реально «работать» и на неё пошли профессиональные отзывы (письмо Роберта Саусвела от 29 ноября 1690).

Указать дату, когда карта поступила в свободную продажу, невозможно по той причине, что в свободную продажу она вообще не поступала. Витсен выбрал путь целевой рассылки своего двадцатилетнего труда. И в этом что-то было.

Но в этом чего-то и не было, поскольку рыночная ниша оказалась мгновенно заполненной множеством пиратских перепечаток его карты (с тучей упрощений, искажений и просто концептуальных измышлений), заявленных издателями, как некие самостоятельные карты неких сторонних картографов. Перечислять эти подделки здесь нет смысла.

С другой стороны, благодаря этим перепечаткам северная половина Азии за каких-нибудь десяток лет в сознании людей превратилась из «белого пятна» во вполне обжитое и устоявшееся пространство. Человечество в понимании своего мира поднялось сразу на целую ступень.

После 1689 Витсен перманентно допечатывал свою карту в течение как минимум десяти лет, с внесением в неё появляющихся уточнений. Сказать, когда конкретно был напечатан тот или иной её экземпляр не так просто. Не стоит обольщаться указанной сверху датой «1687» – она имеется на всех экземплярах и её следует понимать, как «карта образца 1687».

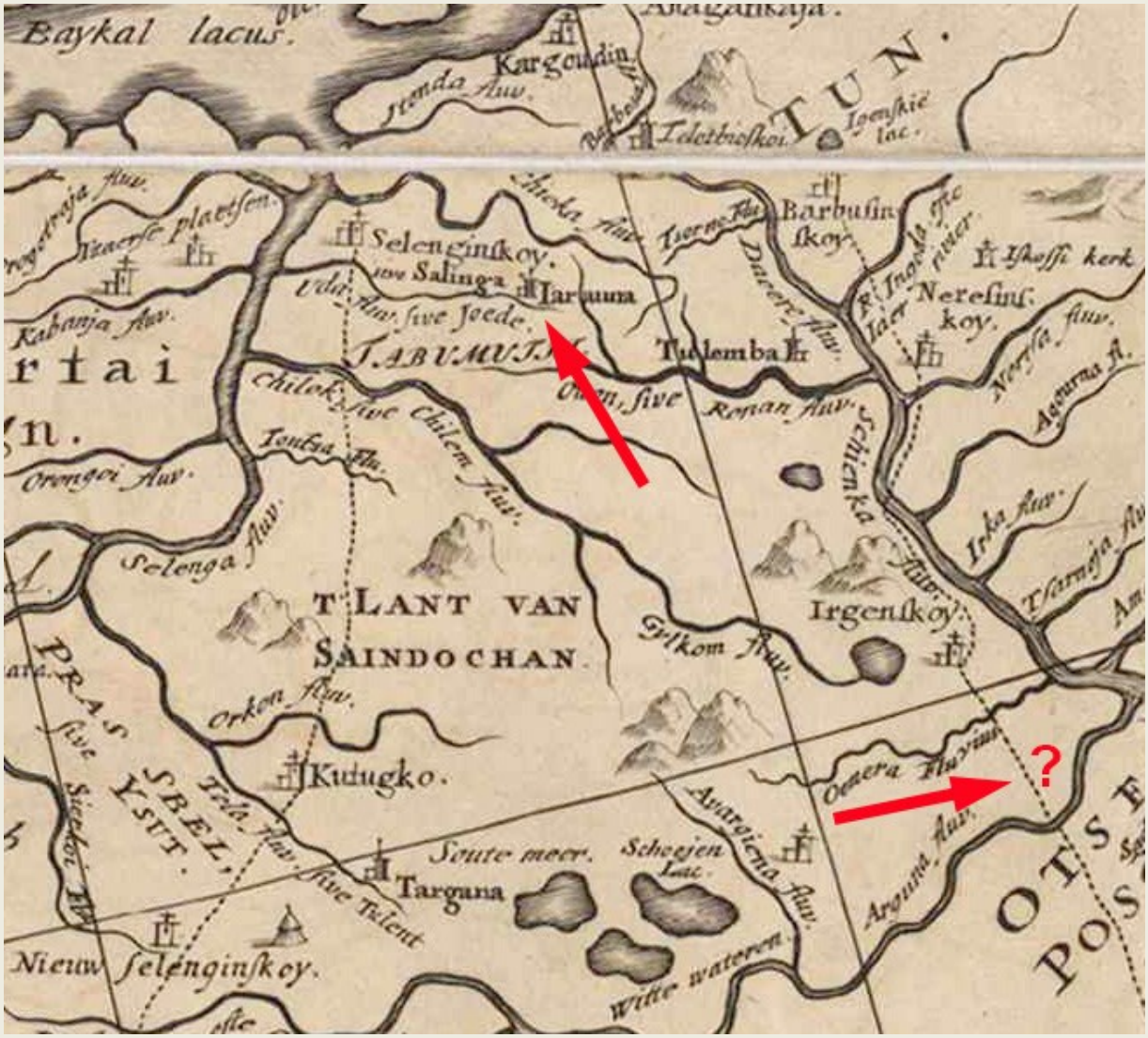
Датировку осложняет то, что карта Витсена представляет собой склейку из девяти разновеликих, отдельно напечатанных листов. По мере необходимости в те или иные печатные формы вносились изменения. Если же в каком-то листе изменения не требовались, то для очередной склейки этот лист мог свободно быть взят из старого тиража.

Исходно карта была посвящена сразу двум московским царям – Ивану и Петру, именно в такой последовательности. Это твёрдо заявлено самим Витсеном. Но мне не известно ни одного сохранившегося экземпляра с таким картушем. Начиная же с 1896 карта стала выходить с посвящением уже только одному царю – «Peter Alexewitz». Так что достаточно уверенно можно утверждать, что во всех сохранившихся экземплярах как минимум один лист (из девяти) был отпечатан в 1696 или позднее.

Нас же интересует в первую очередь один конкретный лист – средний лист нижнего ряда. Именно здесь происходит всё самое интересное – активное движение народов между Байкалом и Пекином. Лист этот известен мне в двух разных версиях. Ранняя версия (Amsterdam Het Scheepvaartmuseum, A.1109; РНБ, К 0-Сиб

4/5) однозначно базируется на данных Спафария, поздняя же версия (BNF, btv1b5962771d) добавляет данные, полученные из другого источника.

Очень похоже, что наиболее «ранняя» (из числа сохранившихся) версия листа с Даурией является одновременно и самой первой, исходной его версией (от 1689). «Руку» Спафария легко здесь опознать. Спафарий был первым путешественником, который видел Еравнинский острог (который при нём ещё только строился) – и последним, кто не видел Аргунского острога (ставшего с самого момента своего возведения в 1681 ключевой точкой всей конфигурации даурской экспансии). В полном соответствии с этим, на «ранней» версии даурского листа Еравнинский острог уже присутствует, а Аргунский – ещё нет. На «поздней» же версии он уже появляется – и Спафарий тут явно не причём.



[Илл. 08-07-04-03-1. Карта Витсена-1687, ранняя версия. Всё точно по-Спафарию – «Еравнинский острог» («Iarauna») есть (верхняя стрелка), а «Аргунского» нет (нижняя стрелка). В более поздней версии этой карты он появится на месте знака вопроса]

Кстати, на этом же листе карты Витсена мы видим и столицу государства Никифора Черниговского «Якса». Правда не совсем там, где она действительно располагалась, а на левом берегу Зеи – примерно напротив того места, где теперь

находится село Натальино Благовещенского района Амурской области. Такое расположение столицы «Яксы» мне даже больше по-душе.

[Илл. 08-07-04-03-2. «Якса» («Iaksa») на карте Витсена-1687. В реальности она находилась не здесь (низовья реки Зеи), а в низовьях реки Албазинки]

Влияние Спафария на Витсена не ограничивается данным участком «китайского» маршрута. Как мы помним, его книга «Noord en Oost Tartarye», начиная уже с первого издания (1692), была просто нашпигована сведениями, взятыми из «Сообщения» Спафария-«Nikipera», полученного Витсеном из Варшавы предположительно в 1685.

Во втором издании своей книги (1705) Витсен упоминает Спафария уже напрямую (с. 40, 101, 867), при этом открыто противопоставляя его роль в путешествии в качестве «посла» – роли Венюкова в качестве «писаря».

Впрочем, прямых упоминаний Спафария у Витсена меньше, чем можно было бы ожидать. Похоже, что в какой-то момент московские власти крепко припугнули Спафария – и он резко свернул все свои контакты с европейскими учёными. Витсен какое-то время пытался ещё с ним связаться, но безрезультатно. Об этом он в 1699 жалуется Лейбницу:

> Некогда я получал от него [Спафария] множество писем. Но, будучи в Москве иностранцем, он, как мне кажется, попросту боится давать копии «Записок» о своём путешествии.
>
> (Из письма Витсена к Лейбницу от 22 января 1699)

И всё-таки, как приятно иметь дело с человеком реально великими. О Витсене мне не пришлось ничего рассказывать, о нём все и так всё знают. Мне оставалось

лишь рассмотреть его карту и его книгу, показавшие путь в Китай, взятый у Спафария. Вот все бы так.

3. Авриль

В начале 1692 в Париже на французском языке вышла книга «Путешествие в разные страны Европы и Азии» («Voyage en divers etats d'Europe et d'Asie»). Автором значился иезуит Филипп Авриль.

Книга Авриля имела большой и мгновенный успех. И всё – благодаря третьей своей части (из пяти), которая была целиком посвящена Китаю, шестьдесят шесть страниц. Если книга Витсена была тщательно выверенным научным трудом, да ещё на редком голландском языке, да ещё и не предназначенная для свободной продажи – то «Путешествие» Авриля стало чисто феноменом массовой литературы, реально бестселлером, расходившимся, как горячие пирожки.

Авриля читали все. Мне трудно представить какую-либо работу на тему Китая после 1692, в которой не было бы ссылок на Авриля, хотябы дискуссионного плана.

Сам Авриль, несмотря на все приложенные старания, в Китай попасть так и не смог. Так что «китайскую» часть он писал исключительно по документам. Я уже говорил, что эта книга полна цитат из полученного Аврилем в 1687 в Варшаве «Сообщения» о путешествии Спафария («Nikipora»). Но этим дело далеко не ограничилось.

Самое сенсационное место в книге Авриля – это пять страниц (с. 170–174), на которых были обнародованы сверх-секретные данные – шесть разных сухопутных маршрутов в Пекин через Сибирь.

Так вот – все эти пять страниц являются дословным переводом соответствующего места из рукописной книги Спафария «Описание Китая», 5-й её главы (1678). Конечно, и сам Спафарий был не без греха, и своё «Описание Китая» он в своё время почти целиком позаимствовал у Мартино Мартини (1655). Но «5-я глава» – его собственное творение, его личный вклад в цивилизацию. И вот на этом-то вкладе Спафария, четырнадцать лет спустя Авриль и выстроил свой писательский успех.

Не сказать, чтобы он совсем не упоминал Спафария. Один раз в его книге мелькает «Спафарий, посылавшийся из Москвы в Китай» («Spartarius envoyé de Moscovie à la Chine», с. 173) – но опять-таки, в качестве дословного перевода соответствующего места из Спафария (единственно, слово «мы» заменено на «Spartarius»).

Об обстоятельствах своего знакомства с книгой Спафария Авриль говорит глухо:

> Вот что содержится в «Сообщениях», хранящихся за семью печатями в московском Посольском приказе, с которыми нам удалось не без труда ознакомиться частным образом.
>
> (Voici ce que les Relations qu'on garde dans la Chancellerie de Moskou nous en ont appris de plus particulier.)

(Авриль, «Путешествие…», 1692, с. 170)

Произошло ли это в Москве (в время его двух кратковременных туда визитов), или в Варшаве (куда эту книгу Спафария мог в 1683 вывезти Венюков) – так или иначе, главный посыл Спафария – удобство пути в Пекин через Сибирь – через книгу Авриля был пущен в массы.

4. Нёвиль

В данный список самых заметных явлений, ответственных за формирование ложного представление о чрезвычайном удобстве пути в Пекин через Сибирь – в этот мой список француз Фуа де ля Нёвиль попал назаслуженно, но по-праву.

В 1698 в Париже вышла его книга «Новое любопытное сообщение о Московии» («Relation curieuse et nouvelle de Moscovie… и т.д.»), написанная на основе собственного опыта посещения Москвы за девять лет до этого.

Собственно дороге в Китай через Сибирь (описанной с чужих слов) в этой книге автор с грехом пополам отвёл шесть страниц (с. 219-225) – и то только в рамках обсуждения животрепещущей темы международной торговли мехами. Но даже и на эти шесть страниц Нёвиль умудрился не набрать достойной (или хотябы достоверной) информации. Всё земное пространство от Москвы до Пекина состоит у него из «Tobolk» (Тобольска), «Irstik» (ладно, Иртыша – в написании «Mercure Galant») и «Oby» (Оби), плюс двух неведомых объектов – озера «Kesilbas» (без понятия), которое раскинулось у подножия горной гряды «Pragog» (аналогично). Короче, с таким «Дорожником» из Москвы не то, что до Пекина – до Загорска не доедешь.

Нёвиль решил не размениваться по мелочам. Все отведённые им на эту тему шесть страниц он посвятил не доказательствам, а констатации – путь в Пекин через Сибирь теперь самый лучший – и точка.

Это раньше ездить в Пекин было тяжело. Теперь же мудрый князь Василий Голицын (Нёвиль апеллирует к нему, как к фактическому правителю страны) установил по всему пути через каждые «десять льё» (пятьдесят километров) гостиницы для путешественников, где им предоставляют всё необходимое, включая транспортные средства («voitures»), лошадей («chevaux») и, если выпадет много снега, «больших собак» («gros dogues»); по рекам же вас повлекут большие комфортабельные лайнеры («grosses Barques»).

Теперь не надо забивать голову всякими-разными «маршрутами», всё теперь делается само. Планируя поездку в Пекин, достаточно знать всего две вещи – 1) дорога от дверей до дверей займёт пять месяцев («cinq mois en chemin»), и 2) путешествие будет столь же комфортным, как по Европе («avec autant de commodité, & de facilité, que dans nôtre Europe»).

Любая несусветица, повторенная тысячу раз, становится истиной. Книга Нёвиля была мгновенно переведена на английский и голландский, второе французское издание вышло уже через год.

А всё дело в источнике, к которому, делая свои утверждения, апеллировал Нёвиль. По факту, ему улыбнулась невероятная удача, которую он не смог оценить, и которой фактически не воспользовался.

Приезжал он в Москву из Польши по дипломатической линии (под чужим, кстати, именем), а за дипломатами полагалось присматривать. И «Посольский приказ» приставил к Нёвилю «приставом» никого иного, как Спафария.

Нёвиль прибыл в Москву в середине августа 1689, так что он попал прямо на стрелецкие беспорядки. Иностранцам, в целях безопасности, было рекомендовано на неделю-другую запереться в своих домах и сидеть, не высовываясь. И все эти дни Нёвиль провёл в обществе Спафария, нос к носу. Спафарий же, не закрывая рта, рассказывал о своём путешествии в Китай.

Даже удивительно, как мало Нёвиль смог почерпнуть из этих рассказов. То, что (со слов Нёвиля) Спафарий проявлял некоторую сдержанность в вопросах детализации его пути в Китай (как следствие векового русского страха сказать лишнего) – это Нёвиля всё равно не оправдывает. Только захоти – и он легко мог бы разжиться у Спафария и его «Описанием Китая», и «Путевым дневником». Обе эти книги не являлись секретными и свободно ходили по Москве в списках.

Об отсутствии у Нёвиля настроя на географическую конкретику говорит хотябы то, что описанию обстоятельств своих разговоров со Спафарием у него посвящено больше страниц, чем самим этим разговорам.

Но вот что Нёвиль сделал правильно – так это то, что в название своей книги он вынес имя Спафария. Ведь полное название было таким (если кто доберётся до конца):

> «Relation curieuse, et nouvelle de Moscovie. Contenent, L'état present de cet Empire. Les Expeditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des dernieres Revolutions. Leurs Moeurs, & leur Religion. Le Recit d'un Voyage de **Spatarus**, par terre à la Chine.» (конец названия книги)

Итак, опять «Spatarus». Прямо в китайском партере.

5-6. Идес – Бранд

Голштинец Избрант Идес и немец Адам Бранд. Сдвоенность данного эпизода определяется специфическим соотношением параметров этой истории. Главным в ней был Идес, но оба принимали полноценное участие. Оба написали потом свои воспоминания, но «Записки» Бранда мир прочитал значительно раньше. Так что с кого ни начни, всё будет не правильно. Начну в обоих.

Все до единого сочинения, упоминавшиеся до сих пор в этой главе, писались непосредственно по материалам путешествия Спафария и были их теми или иными перепевами. Поэтому-то мне и было так легко датировать, скажем, ранние версии карты Витсена. Кроме как от Спафария информацию по Даурии получить было просто неоткуда.

Но только до данного момента. До Идеса и Бранда.

Через семнадцать лет после Спафария, в 1692-1693 Идес и Бранд самолично прошли путь от Москвы до Пекина, а в феврале 1695 благополучно вернулись назад, сделавшись свежими экспертами в этом вопросе.

Путешествие Идеса и Бранда имеет два признака новизны. Впервые этот путь проделали реальные западные европейцы (датско-немецкий голландец и чистый немец), и впервые такое путешествие (официально оформленное, как посольство) стало результатом чисто инициативы снизу. Идес сам это «посольство» придумал, пробил и реализовал – государство же ни о чём таком и не помышляло.

Строился этот проект, конечно, не на чистом месте. Гамбурский купец Избранд Идес в 1687 перебирается в Москву (в возрасте 30 лет), поселяется в Немецкой слободе и устанавливает личные контакты с молодым царём. Характер их отношений таков, что Пётр запросто заходит к Идесу пообедать (например, 19 декабря 1690, или 9 марта 1691 – «Дневник» Патрика Гордона).

После ряда неудачных коммерческих операций, Идес решает поправить свои дела посредством весьма рискованного предприятия – торговой сухопутной экспедиции в Китай, организованной на заёмные средства. Но тут было две проблемы. Просто так в Китай его отсюда никто, конечно, не выпустил бы. А кроме того – ему, как хроническому должнику, нового кредита никто бы, конечно, не дал.

И Идес пишет на имя «царей» (Ивана и Петра) «Челобитную» – короткую и яркую, о четырёх пунктах:

> А. Что им (в смысле «ему») позволено было ехать чрез Сибирь в Китайское Царство.
>
> В. (пункт «Б» в старо-русской нумерации всегда пропускается) Из своей Государевой казны дать взаймы 3000 рублёв денег да толикое ж число собольми…
>
> Г. Пожалован был чином «купчины» и чтоб мне побыть в том Государстве для продажи своих и покупки тамошних товаров…
>
> Д. Что мне позволено было взять с собою 5 или 6 иноземцев и нескольких русских людей…
>
> («Челобитная» Идеса, РГАДА, ф. 62, оп. 1, кн. 14, л. 1-3)

29 января 1692 «Великие Государи» челобитную рассмотрели – и удовлетворили. При этом Идес вместо «купчины» был неожиданно сделан «послом» и снабжён некой «грамотой» к китайскому императору.

На подготовку путешествия ушло всего полтора месяца – и 14 марта 1692 «посольство» уже отбыло из Москвы. Одним из выговоренных Идесом «иноземцев» стал Адам Бранд, получивший должность «личного секретаря посла».

Вернулись они назад три года спустя, 1 февраля 1695, пройдя в Пекин и обратно точно по пути Спафария – через Вологду, Зырянский лес, Нерчинск и «наунские

сёла». Идес после возвращения остался здесь, а Бранд уехал обратно в Европу. Вот и всё.

Рассуждать на тему достижения или не-достижения поставленных целей достаточно бессмысленно, поскольку особых целей, кроме коммерческих, по-сути и не было. Так, передать привет ихнему императору. Ну, передали.

С другой стороны, коммерческий успех у Идеса и его спутников имелся несомненно. Деньги любят тишину, так что об их прибылях мы можем только догадываться – однако сразу по прибытии Идес известил всех своих безнадёжных кредиторов, что теперь-то он готов рассчитаться с ними сполна. Также показательно, что вскоре у Идеса появляются реальные промышленные предприятия, и очень прибыльные. На эту же чашу весов всем своим весом ложится и гигантский (в двадцать золотников) голубой сапфир, привезённый Идесом из Китая, дальнейшие следы которого теряются. Об этом сапфире мы знаем из достаточно равнодушной дневниковой записи Франца Лефорта, занятого тогда более интересными делами (Posselt, «Der General und Admiral Franz Lefort», II, 1866, c. 67).

Итак, очередная коммерческая операция – никому не интересная, кроме самих выгодоприобретателей и их наследников. Так бы оно и было, если бы не одно обстоятельство.

Идес остался в Москве – но Бранд-то уехал.

И уже через год в Берлине вышло краткое описание того путешествия (как приложение к книге Кристиана Менцеля «Kurze sinesische Chronologia…», 1696). Всего пять коротких страниц (с двумя упоминаниями Идеса и без упоминания Бранда) – но сколь разительно они отличались от аналогичных страниц Нёвиля, вышедших в том же году. Здесь сверх-сжато, иногда даже в ущерб грамматике (от обилия прущих сведения), пунктиром была дана канва всего маршрута от Москвы до Пекина, с именами и явками.

Ещё через два года вышла толстая книга Бранда, на двести с лишним страниц («Beschreibung der Chinesischen Reise…», 1698). И её переиздания на всех мыслимых европейских языках сразу же посыпались, как драже из лопнувшего пакета.

После шестого (за три года) переиздания Бранда, в Москве поняли, что секретиться дальше бессмысленно. И Идес получает царское разрешение на издания своей версии того путешествия.

Книга Идеса издаётся, разумеется, в Амстердаме, на голландском языке («Driejaarige Reize naar China…», 1704).

Логично было бы предположить, что предыдущие тиражи сочинения Бранда уже сбили первичный спрос на тему маршрута в Китай через Сибирь. Но оказалось, что ничуть. Волна Брандо- и Идесо-мании вспыхнула в 1704 с новой силой. Переиздания их книг словно соревнуются между собой, втянувшись в бесконечную гонку на выживание. Лишь тридцать с лишним лет спустя издательский пыл в этой области чуть остыл и в 1734 была поставлена временная точка.

Медийная слава Идеса и Бранда была заслуженной. При определённой вторичности самого их путешествия (ничем не выходившего за границы опыта Спафа-

рия), мир впервые получил – достоверный, из первых рук, с нюансами и подробностями, с маршрутными нитками и картами, составленный разумными образованными людьми – путь через Сибирь в Китай. А также описание того, как это всё реально выглядит на практике, день за днём (вместо восточных сказок Нёвиля). Сам же Китай в этом раскладе интересовал читателей уже во вторую очередь.

Вы можете справедливо заметить, что все приведённые выше эпитеты полностью применимы и к книгам Спафария. Абсолютно. Но вот только книги Спафария не были написаны ни на одном распространённом европейском языке и не были отпечатаны массовым тиражом ни в одной европейской типографии. В этом только и разница – но воздействие, оказанное этими книгами на умы современников, нельзя даже и сравнивать. В этом есть вопиющая несправедливость – а может быть это и есть справедливость высшая. Выбирая место, выбираешь судьбу.

Книги Идеса и Бранда целиком были разобраны на цитаты. Я, например, ранее уже дважды на них ссылался – в главе «Фарфор» (в связи с фарфоровым сервизом, привезённым Идесом из Тунчжоу в благодарность Патрику Гордону за его рекомендательное письмо), и в главе «Ланг» (ведь именно запись Бранда от 30 марта 1692 первой задала тему страшного Зырянского леса).

А вот в Москве китайское путешествие Идеса не вызвало особого интереса. В Пекине же и вовсе его визит остался практически незамеченным. В китайских хрониках была сделана проходная пометка об очередной доставке очередными вассалами очередной дани – более короткая, чем данная фраза о ней.

И совершенно напрасно. Пообщайся тогда император Канси с московскими послами побольше – и вся его жизнь, возможно, сложилась бы иначе. Поскольку все его комплексы и фобии на почве депрессивных мыслей о бесполезности книг и бессмысленности сущего – все они были бы излечены на тридцать лет раньше, а не на пороге уже смерти, когда в 1721 он встретился с Лоренцом Лангом. Ланг тогда, напомню, подтвердил императору истинность двух кажущихся невероятными «книжных» утверждений – о существовании гигантских «земляных крыс» весом в несколько тонн, и о льдах стометровой толщины в Северном океане. А ведь по поводу и того и другого у Идеса было что сказать уже в 1693.

Ещё находясь в пути между Обью и Енисеем, Идес записал следующее:

> Недалеко отсюда, в горах на северо-востоке находят бивни («tanden», зубы) и части тел мамонтов («Mammuts»); особенно часто они встречаются вдоль Енисея, у Туруханска, в Мангазее, вдоль Лены и у Якутска, вплоть до Ледовитого океана <…> При подмывах берегов рек они обнаруживаются в замёрзшей почве, и когда она оттаивает, то показываются целые их туши, ну или же только бивни. В моей команде имелся человек, который каждый год ездил на поиски таких костей.
>
> (Идес, 1704, с. 31)

А в конце своей книги, при описании климата в районе «Ледяного мыса» («Yskaap»), Идес как специально для Канси сообщает:

> Во многих местах море там покрыто тяжёлыми льдами («zwaar ys»), которые из года в год сбиваются ветром в огромные горы – так плотно, что

> всё это выглядит, как единая масса («klomp»)... образующая айсберги («ysbergen», буквально – «ледяные горы»).
>
> (Там же, с. 131)

Два коротких вопроса, два коротких ответа – и судьба мира, возможно, потекла бы по-иному руслу.

По поводу «мамонтов». Строго говоря, рассказ Идеса не был первым сообщением на эту тему. И вместе с тем, данные его слова должны быть начертаны золотыми буквами над парадными входами всех институтов «мамонтоведения».

Ведь что было до этого? Первое известное использование слова «мамонт» (на каком бы то ни было языке) мы видим только в 1578, в хозяйственной записи Антониева Сийского монастыря о закупке чёток:

> Да купил четверы чётки да пятая мамонтова кос… да пятдесят чёток усовых
>
> («Приходно-расходная книга» Антониева Сийского монастыря. Архив Спб ИИРАН, ф. 5, оп. 2, № 1, 71).

Через пол века после этого мир узнал, что на реке Печоре и в Усть-Цильме почему-то активно торгуют слоновой костью, которую здесь называют «Mamanta Kaost». Об этом в 1611 сообщает Ричард Финч в своём служебном письме, опубликованном Сэмюэлем Пёрчесом в 1625:

> Likewise being at Pechora, Oust Zilma, or any of those parts, there is in the Winter time to bee had among the Samoyeds, Elephants teeth, which they sell in pieces <…>. It is called in Russe, Mamanta Kaost.
>
> (Purchas, «Hakluytus Posthumus, or Purchas his Pilgrimes», 1625, т. 3, с. 538)

И только ещё пол века спустя, в 1671 Витсен в своей книге об основах кораблестроения сообщает откуда, по его сведениям, эта кость там берётся:

> В некоторых регионах Московии реки, текущие меж крутых берегов, часто обнажают огромные зубы («swaere tanden»), которые, как полагают, принадлежат слонам и были принесены сюда во время Великого потопа, а затем засыпаны землёй. Русские их называют «Mammotekoos». «Mammot» по-русски означает «огромное страшное чудовище» («groot vervaerlijck dier»), а «koos» – «кость».
>
> (Witsen, «Aeloude en hedendaegsche scheeps-bouw en bestier», 1671, с. 3)

Были и другие сообщения («Проезжая грамота» Васьки Матафона, 1609; рукописный «Словарь» Роберта Джейма, 1618; «Северная и Восточная Тартария» того же Витсена, 1692; «Путешествие» Авриля, 1692; «Грамматика» Генриха Лудольфа,1696, и многочисленные оттуда перепечатки и переводы).

Но во всех этих источниках предметом обсуждения являлась собственно «мамонтова кость» (как материал). А откуда она берётся – на эту тему строились лишь робкие догадки.

Идес же поднял данную тему на новый уровень. Он общался непосредственно с профессиональным добытчиком «мамонтовой кости», так что знал из первых рук (и сообщил об этом в своей книге), что «мамонтову кость» находят в составе целых туш гигантских животных, которые выглядят так-то и бывают таких-то размеров (например, диаметр их ног иногда достигает толщины человеческого корпуса). Стало совершенно ясно, что животные эти не мифические, а абсолютно реальные – и что это никакие не слоны. Так что именно с Идеса начинается собственно «мамонтоведение», подхваченное затем Тулишенем и Лангом.

Но не мамонтами едиными. Есть в книге Идеса и другие важные сведения. Например, что зимой лёд Байкала настолько гладок, что для того, чтобы по нему идти, и чтобы ветер при этом не сдувал, верблюдам следует одевать шипованные башмаки, а быкам набивать шипованные подковы. (Идес, 1704, с. 49)

А чтобы верблюдов переправлять через реки вплавь нужно использовать следующий приём. Как только дно уходит из-под ног верблюда, он тут же ложится набок и спокойно наблюдает, как его уносит вниз по течению. Грести верблюд отказывается категорически. Поэтому их следует соединять в цепочку по пять штук, а впереди ставить лошадь, которая грести умеет. И вот такая-то плавучая 6-секционная конструкция реку преодолевает неплохо. (с. 64)

Или вот гастрономическое наблюдение. В Китае участники путешествия хлеба не ели и по нему соскучились. Так что как только на обратном пути хлеб появился, они на него буквально набросились. И оказалось, что не такая уж это «всему голова». Организмы путешественников за пол-года успели перестроиться на другие злаки, а свой любимый хлеб («lieben Brod») переваривать теперь отказывались. Обратная пищевая перестройка потребовала значительного времени. (Бранд, 1698, с. 180)

Китайский театр описан у Идеса и Бранда подробно и со вкусом. Каждый принимавший их по дороге губернатор считал своим долгом развлечь гостей ярким представлением. Китайского языка наши герои не знали, но суть интриги они в целом улавливали, и в любом случае наслаждались невероятными костюмами, музыкой и артистизмом актёров. Часто представления из театральных плавно перетекали в цирковые. Здесь и понимать было нечего, чистые чудеса человеческой ловкости. И не только человеческой. В Пекине их повели на представления редких животных – слонов и тигров. Но при этом самым необыкновенным из всего виденного там Идес уверенно называет дрессированных мышей. Которые сначала совершенно безнадёжно запутывали друг друга в цепочку, а потом, по команде, столь же ловко распутывали. (Идес, 1704, с. 104)

По деловой части Идеса потряс фарфоровый рынок в городе Тунчжоу. Где фарфора было такое невообразимое количество, что драгоценные изделия приходилось выкладывать высоченными штабелями. (с. 87)

Есть в книге Идеса эпизоды, смысл которых выходит за рамки описанных в них событий.

Байкал Идес пересекал зимой по льду. И не было человека, который не предупредил бы его, чтобы во время перехода он ни под каким предлогом не вздумал назвать Байкал «озером» – только «морем». Иначе Байкал прогневится и караван неизбежно погибнет. В доказательство ссылались на множественные прецеденты.

Эти советы так достали Идеса, что когда он достиг середины Байкала (видите, я стараюсь на называть его сами знаете чем), он распорядился остановиться, подать ему бокал хорошего вина («Sireische Sek», «Сирийского сухого» – ?), поднял тост за здоровье «всех честных, искренних и добрых своих друзей по всей Европе» – и произнёс фразу, ради которой весь этот спектакль и затевался – «А тебя, Озеро, неподвижную воду, я беру в свидетели» («en U Osera, of stilstaande water, neeme ik ten dien einde tot getuige»). И – ничего не случилось. Наоборот – ветер ослаб, вышло солнце и остаток пути они преодолели при тихой, ясной погоде.

Из всего этого Идес делает правильный вывод, утверждающий торжество разума над косностью и темнотой:

> Сам водоём глух и нем, и он не может ни обижаться, ни мстить….
> Я от души посмеялся на глупостью тех людей, которые подвержены подобным суевериям… (с. 50)
>
> (De zee van zich zelve doof en stom is; weetende van geen belediging of wraakzugt… Most ik hartelyk over de dwaasheit van deeze menschen lachen, die aan zoodanige verzierzelen geloove gaven…)

И добавляет:

> … и которые не знают, что всё вокруг сотворил и всем управляет Бог, которому-то и подчиняются и море, и ветры.
>
> (…en op God niet vertrouwden, die alles geschapen heeft en regeert; dien de zee en alle winden moeten gehoorzaamen.)

Это было воистину сильно. На наших глазах одно суеверие было побеждено с помощью другого суеверия. Никакие водоёмы не способны откликаться на одни слова (например, относящие их к той или иной категории объектов) – но они решительно откликаются на другие слова (например, стократное повторение «иже еси на небесех»). К этому мы ещё вернёмся в «Теории понятийного поля».

Другой эпизод, не менее поучительный.

После пересечения хребта Большой Хинган, путешественники попали в верховья реки Яло, текущей в сторону «наунских сёл». И здесь, за тысячи вёрст от чего бы то ни было, Идес нашёл «земной Рай», буквально:

> Должен честно признаться, что берега этой реки [Яло] были подобны Раю из-за великолепных лугов, серебряных ручьев и самых прекрасных в мире лесов; в дополнение, взор радовали восхитительные виды гор. (с. 67)
>
> (Ik moet waarlyk bekennen, dat de oever van dezen vloed een Paradys gelyk is, wegens de schoone landsdouwen, de zilvere beekjes die 'er in vlieten, en

> de vermaakelykste bosschen van de waereld: ook word de lust der oogen door 't aanmoedigende gezigt van de bergen)

Это была первая неделя сентября 1693. А вот что было там же через полтора года, в первую неделю весёлого месяца мая 1695.

> После множества бед и лишений [перенесённых на реке Яло], мы с величайшим трудом дошли, наконец, до реки Садун. (с. 107)
>
> (Na veel sukkelens en ongemak, quamen wy eindelyk, met de grooste moeite van de waereld, by den Sadunstroom aan.)

Так что, выходит, Рай – вещь ситуационная. Зависящая от множества привходящих обстоятельств. Одно из которых – «ты туда, или – оттуда?»

И ещё один символический эпизод. Касающийся, пожалуй, одного только Идеса. Остальным же просто на заметку.

В самом начале путешествия, прямо от Москвы, езда пошла не очень хорошо. Дело было в сезоне. Ехать предполагалось санным путём, а уже была середина марта. Так что сверхбыстрая подготовка к путешествию (всего за полтора месяца) произошла тогда неспроста – хотелось успеть проехать до предгорий Урала ещё по снегу (как некогда Спафарий).

Но с погодой не повезло, начались ранние оттепели, пошли дожди. Так что только к 19 марта кое-как добрались до Вологды – где Идес принял решение остановиться и ждать либо заморозков, либо уже вскрытия рек. Через три дня, впрочем, ударил мороз, и путешественники двинулись дальше.

Итого, маленькая непредвиденная заминка в пути. Крохотный узелок на ниточке судьбы, на личном «земном шнуре» Идеса. Что такое Вологда? Проехали и забыли.

Действительно – что такое Вологда, в которой Идес на пути в Китай сделал маленькую остановку, по своей воле затормозив на мгновение естественный ход вещей. Но после этого «узелка» именно в Вологде у него однажды снова заест шестерёнки. Шестнадцать лет спустя именно здесь, в Вологде, Идес умрёт.

Если же брать отчёты Идеса и Бранда в целом, но в них отчётливо видны две силовые точки, между которыми оказался натянут «земной шнур» всего их путешествия. Одна точка – это «тёмный» Зырянский лес, который путешественники пересекали с первого по третье апреля 1692 (Бранд, 1698, с. 22; Идес, 1704, с. 3). Другая точка – «точка света» – это Нерчинский острог, где Идес с Брандом провели два летних месяца, июнь и июль 1693. Вот в каком свете он им тогда явился. Даю этот отрывок в переводе Марка Казанина – идеально, на мой взгляд, соответствующего мета-смыслу данного высказывания:

> В этих горах и вокруг города [Нерчинска] встречаются прекраснейшие цветы и травы, а также дикий ревень, или рапонтика, необычайной толщины и длины; прекраснейшие белые и жёлтые лилии и масса красных и снежно-белых пионов с необыкновенно приятным ароматом и много других неизвестных мне цветов. Из трав имеются здесь розмарин, тмин,

> майоран, лаванда, а также в изобилии другие красивые и ароматные растения, мне незнакомые, которые растут без всякого ухода. (с. 56)

Буквально тут же в тексте Идеса мелькает неназванная тень правителя этих волшебных мест – Нерчинского воеводы («Waiwoden uit Nerzinskoi», с. 56).

А давайте я его назову. Прошу любить и жаловать: Матвей Петрович Гагарин собственной персоной – средь бескрайних полей цветущих лилий и снежно-белых пионов.

Чтобы уж с этим закончить. В данной картине мира просматривается ещё одна, третья «точка силы» – «Новая Земля» (Бранд, 1698, с. 27). Из которой дополнительный «мировой шнур» оттягивает на север тугую струну «Зырянский лес – Нерчинск», зацепившись за неё примерно в районе Соликамска. Вдоль этой дополнительной хорды некая мифическая река «Wiesetzka» течёт на юг непосредственно с Новой Земли – прямо до своего впадения в Каму («unterschiedene kleine Revieren fallen insonderheit aber Wiesetzka… fliesset von nova Zembla herunter»).

По поводу того, с чьей конкретно подачи у Идеса возникла сама мысль отправиться в Китай.

Идес не был «послан в Китай», он сам задумал и спланировал эту поездку, и только потом «пробил» её официально. Так что на момент принятия исходного решения он не имел ещё доступа к документам Посольского приказа. А значит, все его сведения о наземных путях в Китай, как и вывод о самой возможности добраться туда через Сибирь – всё это могло быть получено только из открытых источников. А в Москве тогда на эту тему наиболее доступны были книги, написанные Спафарием по итогам его путешествия. Кроме того, Спафарий сам на эту тему охотно тогда распространялся (см. эпизод и Нёвилем, 1689).

При этом Идес, с его собственных слов, знал «московский язык» («Я ответил [императору Канси], что говорю по-московски, немецки, голландски и немного по-итальянски», «Waar op ik tot antwoort gaf, dat ik Muskovisch… etc», Идес, 1704, с. 91). Так что прочитать «Описание Китая» Спафария, написанное по-русски, он был способен.

Если исходить из главного принципа римского права – «судить не намерения, а поступки» – то поступок Идеса, прошедшего из Москвы в Пекин точно по маршруту Спафария, говорит об идейном вдохновителе этого мероприятия больше, чем любые литературные рассуждения Идеса на эту тему. Кстати, Идес так и остался чуть ли не единственным путешественником, который этим не слишком удобным маршрутом после Спафария воспользовался.

А «литературные рассуждения», они вот какие. В конце своей книги Идес сообщает, что первая внятная карта, касающаяся региона его путешествия, которую он увидел в жизни – это карта Витсена от 1687. И что эту карту он, Идес, брал с собой в путешествие и по ней, собственно, прокладывал свой путь.

> Эта карта [Витсена] служила мне [Идесу] реальным путеводителем в моём путешествии. (с. 115)
>
> (Welke Kaart my tot een Gidze of wegwyzer in myne reizen gedient.)

А коли так, то выходит, что ключевой отрезок пути от Байкала до первых китайских застав Идес шёл по данным, полученным Витсеном всё от того же Спафария.

Есть и обратная связь. Уточнения, разведанные на местности Идесом и Брандом в 1692-1695, были внесены Витсеном в очередную версию его карты – например, в экземпляр из Национальной библиотеки Франции (BNF, btv1b5962771d). В частности, на карте появились «Argoenoë» (Аргунский острог), «Schacks Lac.» («Шакские озёра») и «Plotbus» (Плотбище, будущая Чита).

Кстати, Витсен и являлся куратором и радетелем первого издания книги Идеса. Мир тесен.

Ну и напоследок вишенка на торте. Деталь из путешествия Идеса и Бранда. Без неё и путешествие-то не путешествие:

> На этой реке [Чусовой] мы испытывали сильные мучения от комаров, которые вились вокруг нашего транспортного средства в устрашающем количестве и ужасно нам досаждали. И хотя мы пытались им противостоять, спастись он них было невозможно.
>
> (Бранд, 1698, с. 40-41)

7. Лейбниц

Каждый, кто попадает в силовое поле человеческого ума масштаба Лейбница, ощущает, как его собственный ум начинает вибрировать, светиться и излучать. Ощущение, конечно, ложное, но приятное. Потом оно проходит, и тогда уже можно работать.

И попробовать для начала вычислить площадь круга. Не применить неизвестно откуда взявшуюся формулу, а именно вычислить, то есть получить эту формулу (или другую) самому. Так вот, в рамках мира, существовавшего до Лейбница, это было принципиально невозможно.

Делали как? Вычисляли приблизительно. В круг можно вписать, скажем, шестиугольник, затем разбить его на шесть треугольных сегментов, точно вычислить площадь каждого сегмента и площади их всех сложить. Так мы получим площадь фигуры, которая примерно, на глазок, должна быть, вроде бы, близка к искомой площади круга. А если увеличивать количество граней вписанного в круг многоугольника (восемь, шестнадцать, тысяча двадцать четыре…), то интуитивно кажется, что площадь такой фигуры будет всё более и более точно приближаться к площади круга.

Но это всё область ощущений, а не точного знания. При неограниченном увеличении числа граней многоугольника, площадь каждого входящего в него треугольника будет стремиться к нулю, а их количество – к бесконечности. И в результате мы должны эту «бесконечность» умножать на этот «ноль».

А что бывает при умножении бесконечности на ноль? Всё что угодно. Всё зависит от свойств конкретной «бесконечности» и конкретного «нуля». И умножение одно-

го на другое может дать либо ноль, либо бесконечность, либо упавший на голову кирпич, либо некое конечное число. В случае со вписанным в круг многоугольником это будет квадрат радиуса, умноженный на число «пи».

Техника, позволяющая со всем этом разбираться в каждом конкретном случае – это и есть интегральное и дифференциальное исчисление, так называемый «математический анализ». Подаренный человечеству Готфридом Лейбницем в 1684. Пользуйтесь на здоровье.

Интегральное исчисление, разработанное Лейбницем, было не только само по себе новым «знанием». Оно стало мощнейшим инструментом, породившим целую лавину следующих новых знаний, в том числе и сугубо практических. Например, тем же Лейбницем шутя был рассчитан оптимальный профиль корабельного корпуса, обладающего минимальным сопротивлением жидкой среде – и, соответственно, максимальной быстроходностью. Морские торговые державы за одно это пол царства могли бы отдать. В любом случае, каждый подобный росчерк пера заменял десятки и десятки лет слепых трудоёмких экспериментов.

При этом, интегральное исчисление – это только верхушка айсберга. Лейбниц может быть назван «отцом» доброй половины явлений современной жизни. В том числе и такого феномена, как «социальные сети».

Книгопечатание в эпоху Лейбница уже цвело пышным цветом. Издать в Амстердаме свою книгу – это было как стакан воды выпить. Но Лейбниц, хотя и исправно публиковал свои труды, но при этом главный упор делал на прямое целевое распространение своих идей. Тех своих современников, которые были в состоянии их воспринять, он предпочитал знакомить со своими идеями напрямую, посредством писем. Эпистолярное наследие Лейбница насчитывает десятки толстенных томов, во много раз превышающих в сумме объём его печатных работ.

Такая тактика имела свои резоны. На написание и издание книги у человека уходит иногда не один год (спросите Витсена). А из всех трёхсот, скажем, экземпляров тиража этой книги в «правильные руки» попадут считанные единицы. Так не лучше ли этим нескольким людям (а заодно и десятку других) рассказать о своих соображениях прямо сейчас в личных письмах, которые все можно написать и отправить за одно утро, ещё до завтрака.

И вот посредством именно этого канала Лейбниц и внедрял своим адресатам следующую свою далеко идущую мысль: «Лучший путь в Китай – это путь через Московию».

Выражал Лейбниц эту мысль в разных формах, но в основе всех его рассуждений лежал здравый исходный посыл – не то чтобы неизвестный современникам, но как-то не дошедший до них в своей обезоруживающей простоте. А именно, что Московское царство имеет реальную (а не фиктивную) сухопутную границу с Китаем, и граница эта контролируется и даже более-менее населена.

Вот далеко не полный список посланий Лейбница, продвигающих идею «в Пекин – через Москву», которые он отправил самым разным людям только за несколько лет (в районе публикации своей книги «Novissima Sinica», то есть около 1697-1699). Я упорядочил их по дате первого обращения к соответствующему адресату:

Итак, – Адам Коханский (от 2 янв. 1693, 10 авг. 1694), – Густав Шмидт (12 июля 1693), – Карло Вота (дек. 1693), – Даниель Ларрок (26 янв. 1694), – Николаас Витсен (26 марта 1694, 9 авг. 1694, 5 апр. 1698, 14 марта1699), – Иоганн Куно (20 янв. 1695, 21 февр. 1695, 4 апр. 1695, 21 апр. 1695, 7 окт. 1697), – Антуан Вержюс (15 апр. 1695, 30 янв. 1699), - Иоганн Райер (18 июля 1695), – Томас Кемни (17 июля 1696, 8 апр. 1698), – Этьенн Шовен (27 апр. 1697), – Юхан Спарвенфельд (13 июля 1697, 27 дек. 1698), – Генрих Лудольф (2 окт. 1697, 11 мая 1698), – Вильгельм Тенцель (20 фев. 1698), – Иоганн Менцель (21 янв. 1699), – Филипп Мюллер (27 янв. 1699), – Йоахим Буве (15 фев. 1701), – Маттиас Шуленбург (16 авг. 1705) и т.д.

Заявленные Лейбницем в этих письмах тезисы выстраиваются в целостную картину. Даю её в виде набора точных цитат:

> 1. «Московская империя распространилась далеко – до самых границ Китая.» (Письмо к Иоганну Куно от 20 января 1695)
>
> 2. «Нерчинск находится уже на одном меридиане с Пекином (Nipcheu esse fere sub meridiano Pequini).» (Письмо к Адаму Коханскому от 2 января 1693)
>
> 3. «Московиты имеют собственный военный гарнизон на реке Амур, где они с Китаем оспаривают границу.» (Письмо к Карло Вота от декабря 1693)
>
> 4. «Владения этого монарха [московского царя] соединяют (joignent) Китай с Европой; из Москвы до Пекина можно теперь добраться за 7-8 месяцев.» (Письмо к Иоганну Куно от 7 октября 1697)
>
> 5. «Со временем московиты ещё больше упростят (facilitera) эту сухопутную дорогу в Китай.» (Письмо к Этьенну Шовену от 27 апреля 1697)
>
> 6. «Московитам требуется только подсказка (n’ont que trop besoin d’instruction), чтобы стать мостом (servir de degré) в сообщении [Европы] с Китаем.» (Письмо к Генриху Лудольфу от 11 мая 1698)
>
> 7. «Мне [Лейбницу] хотелось бы, чтобы протестанты получили от него [московского царя] право свободного проезда в Китай через его земли.» (Письмо к Томасу Кемни от 8 апреля 1698)

Свои представления о Китае Лейбниц формировал на основе данных максимально достоверных, преимущественно прямых. О Китае вообще – из непосредственных контактов (письменных и личных) с миссионерами, десятилетиями проживавшими в Китае, но иногда приезжавшими в Европу на побывку. А вот о возможностях путешествий в Китай через Сибирь ему приходилось довольствоваться данными опосредованными – по крайней мере на начальном этапе (до путешествия Идеса с Брандом).

Со Спафарием Лейбниц прямых контактов не имел (хотя жили они в одно время) и книг его в руках не держал (хотя и пытался их раздобыть). Так что информаторами Лейбница в этом вопросе были поначалу всё те же Витсен, Авриль и

Нёвиль. Знакомство Лейбница с их книгами (а в случае Витсена – и наличие плотной личной переписки) – факт несомненный. Навскидку: письма от Хёнекена (от 24 марта 1694, о получении Лейбницем карты Витсена), к Куно (от 4 апреля 1695, о книге Авриля), к Спарвенфельду (от 27 декабря 1698, о книге Нёвиля).

Когда же через семнадцать лет после Спафария по его маршруту проехали Идес с Брандом, Лейбниц набросился на этот прецедент со всем жаром истинного учёного. Об этом путешествии в Китай он узнал раньше, чем Идес с Брандом успели добраться собственно до Китая (письмо к Коханскому от 2 января 1693, в это время путешественники ещё только пробивались на санях от Енисейска к Братску вдоль Ангары). А говорить об их «отчётах» («la petite description du voyage de M. Isbrand») Лейбниц начал уже через пару месяцев после возвращения путешественников в Москву (письмо к Куно от 21 апреля 1695).

Да что говорить. Именно Лейбниц и дал большую жизнь запискам Бранда.

Бранд, вернувшись из Китая к себе в Любек, разослал краткое описание этого путешествия разным потенциальным издателям. Первым успел его опубликовать Менцель на немецком языке в конце 1696. Но почти одновременно с ним, в начале 1697, Лейбниц издал собственную большую книгу о Китае – «Novissima Sinica» – и включил туда тот же самый текст от Бранда, но уже на латыни (с. 164-168). И если китаиста-любителя Менцеля читали в основном его друзья и знакомые, то Лейбница читал и перечитывал весь цивилизованный мир. При этом громадная научная репутация Лейбница косвенно переложилась и на записки Бранда.

Впрочем, конкретно тот именно текст, который Лейбниц опубликовал в своей книге, перу Бранда скорее всего не принадлежал. Уже через год Бранд напишет и издаст собственную книгу, но Лейбницу (и Менцелю) он прислал, похоже, некую выжимку из рабочих записок Идеса. Как минимум одно место из которых в публикации Лейбница хорошо опознаётся.

Идес в своей книге (которая выйдет только через семь лет) рассказывает об одном характерном обыкновении остяков (1704, с. 26). Когда они убивают медведя, то, чтобы отвести от себя вину за это убийство, они устраивают целый спектакль. Они задают убитому медведю вопросы – и сами за него на них отвечают, причём явную и очевидную неправду, сваливая собственные деяния на неких «русских». Это колоритное место из «записок Идеса» мы видим и у Лейбница – но только под шапкой «записок Бранда»:

> Quis te occidit? Russi; Quis caput reseca vit? Secures Russicae; Quis tibi pellem detraxit? Cultri Russici… (с. 165)
>
> (– Кто тебя убил? – Русские. – Кто отрубил тебе голову? – Русские топоры. – Кто снял с тебя шкуру? – Русские ножи…)

В целом, «Novissima Sinica» Лейбница представляет собой сборник свежих (за несколько предыдущих лет) писем и рассказов очевидцев о разных аспектах китайской действительности, снабжённых концептуальным предисловием составителя. Крылатой цитатой откуда стал призыв Лейбница пригласить в Европу китайцев в качестве «миссионеров», которые помогли бы наладить здесь правильное социальное и нравственное устройство (в чём, по мнению Лейбница, Китай опередил европейские государства на столетия).

> Для меня совершенно очевидно, что наше нынешнее состояние, при котором мы скатились в столь чудовищную деградацию, таково, что представляется реально целесообразным пригласить к нам китайских миссионеров, которые помогли бы нам внедрить в практику нормы естественной религии [здесь: разумные социальные и этические принципы]...
>
> (Certe talis nostraru rerum mihi videtur esse conditio, gliscentibus in immensum corruptelis, ut propemodu mecessarium videatur Missionarios Sinensium ad nos mitti, qui Theologiae naturalis usum praxinque nos deceant…)
>
> (Лейбниц, «Novissima Sinica», 1697, с. 14 Предисловия)

Также в своём Предисловии Лейбниц анонсирует публикуемое им ниже сообщение о свежем путешествии из Москвы в Китай – с выражением надежды, что скоро появится полная версия «записок». Правда, Лейбниц ошибочно считает Бранда послом. В следующем издании «Novissima Sinica» (1699) он эту ошибку исправит.

Показательно, что хотя буквально все гулявшие тогда по Европе материалы по «сибирскому» пути в Китай являлись производными от Спафария (в том числе и само путешествие Идеса с Брандом), сам Спафарий оставался там практически неизвестен. Лейбниц был близок к тому, чтобы вернуть всё с головы на ноги, но не сложилось. Спафарий также прошёл фактически мимо него.

Впервые Лейбниц услышал это имя в 1689. При этом источник был не московского происхождения (что было бы естественно), а пекинского. Вернувшийся оттуда иезуит Клод Гримальди при личной встрече с Лейбницем в Риме вскользь упомянул о визите (13-летней давности) в Пекин Спафария. Лейбница, похоже, тогда это не слишком заинтересовало. Лишь шесть лет спустя он вспомнил этот случай (и это имя) – и то только в общем контексте завершившегося недавно путешествия Идеса и ожидавшихся их с Брандом отчётов.

> Иезуит отец Гримальди, возвратившийся из Китая, рассказал мне в Риме о неком московском после по имени, как мне кажется, Спафарий (je crois, Spatarus), который ездил в Пекин и был принят там подобающим образом (avoit du merite).
>
> (Письмо к Райеру от 18 июля 1695. К этому времени Идес и Бранд уже вернулись в Москву, и о завершении их путешествия уже было известно в Европе)

После этого проблеска, «Спафарий» снова оказался Лейбницем благополучно забыт. Пока через два с половиной года, в январе 1698, Лейбниц не получил письмо от шведского лингвиста Спарвенфельда. В котором тот зачем-то (просто пришлось к слову) в нескольких фразах обрисовал жизненный путь некого «переводчика с турецкого, греческого и латинского» молдавско-валашского происхождения, учившегося некогда в Константинополе и служащего в настоящее время в Посольском приказе. С этим «Спафарием» (Spatharius), пишет Спарвенфельд, он, будучи в Москве (более десяти лет назад), частенько обсуждал разные лингви-

стические вопросы. Для изложения же всей китайской «одиссеи» Спафария, Спарвенфельду хватило двух строк, и то осталось:

> …он также ездил царским послом в Китай, перевёл на русский «Bellum Tartarum» [сочинение Мартини] и составил записки о своём путешествии.
>
> …il a esté aussi Envoyé du Tsar à la Chine, il a traduit Bellum Tartarum en Moskovite, et fait une relation de ce voyage.
>
> (Письмо Спарвенфельда к Лейбницу от 1 января 1698)

Прошёл ещё год, прежде чем Лейбниц отреагировал (конец декабря 1698). Произошло это опять-таки не само собой. Лейбница к этому подтолкнула только что вышедшая и попавшая ему в руки книга Нёвиля, где имя Спафария было вынесено в заголовок. И вот Лейбниц пишет Спарвенфельду ответ (на письмо годичной давности) с просьбой достать ему копию «Дорожного дневника» Спафария.

> Господин Фуа дё ла Нёвиль… составил «записки» о своём путешествии… Между тем я вижу, что он также говорит об этом самом Спафарии (Spatharius), о котором Вы сообщали мне в своём письме. Он называет его «Spatharus» и также его очень хвалит, говоря, что он дважды побывал в Китае по приказу царя. Нет ли возможности заполучить мне его «Дорожный дневник» («hodoeporicon», лат.), который он вёл во время путешествия в Китай?
>
> (Feu Monsieur de la Neuville… avoit fait une relation de ce voyage… Or je voy qu'il parle aussi de ce Spatharius, dont Vous parlés dans vostre lettre; il l'appelle Spatharus et le loue fort aussi, disant, qu'il a fait deux fois le voyage de la Chine par ordre des Tzars. N'y auroit il pas moyen d'obtenir l'hodoeporicon du voyage, qu'il a fait à la Chine?)
>
> (Письмо Лейбница к Спарвенфельду от 27 декабря 1698)

Дальше события развиваются быстро и определённо. В течение ближайшего месяца (январь 1699) Лейбниц получает сразу два письма. Николаас Витсен, помянув всуе «Яксу» и «Албазин», сообщает Лейбницу, что хотя Спафарий жив, но получить от него его «Записки» не представляется возможным – а Спарвенфельд развёрнуто отвечает на заданный Лейбницем вопрос (общий вывод – сочинения Спафария о Китае сильно переоценены).

Оба мнения заслуживают внимания, поскольку Витсен долгое время состоял со Спафарием в переписке (пока последний в одностороннем порядке её не разорвал) – а Спарвенфельд свободно владел русским языком, имел личный экземпляр «Описания Китая» Спафария и был хорошо со Спафарием знаком. Посмотрим оба письма.

Витсен:

> Господин Спафарий ещё жив. Человек он умный. Он служит в Посольском приказе в Москве. Некогда я получал от него множество писем (J'ay reçû autrefois plusieurs lettres de lui). Но, будучи в Москве иностран-

> цем, он, как мне кажется, попросту боится (n'a pas la hardiesse) давать копии «Записок» о своём путешествии.
>
> (Письмо Витсена к Лейбницу от 22 января 1699)

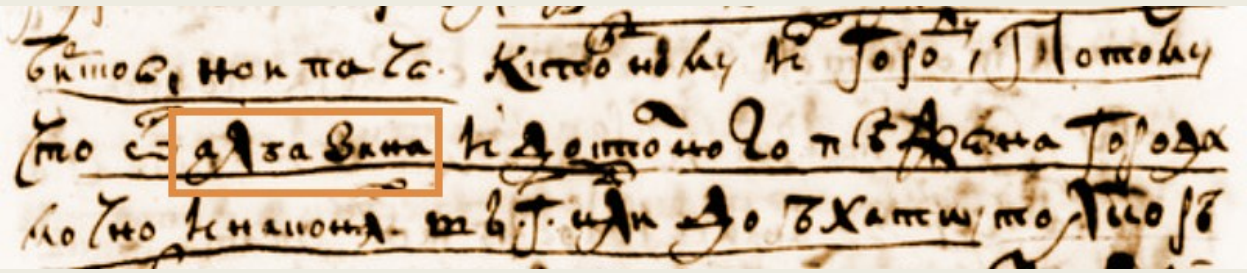
Спарвенфельд:

> Рукопись Спафария о его путешествии в Китай не столь уж и интересна (n'est pourtant pas grand chose) – за исключением разве что двух-трёх последних страниц, и то – содержащих описание практически того же маршрута с перечислением тех же мест, что и у Идеса, о котором Вы мне говорили. Всё же остальное, что Спафарий написал (avoit fait) и что так превозносится в Москве, особенно перед царём – есть ничто иное, как просто перевод разных сочинений иезуитов, в первую очередь отца Мартини – насколько я это вижу из сравнения [текста Спафария] с голландским переводом [книги Мартини], выполненным Пьером Койе для господина Витсена из Амстердама.
>
> (Письмо Спарвенфельда к Лейбницу от 15/25 января 1699)

После таких разъяснений, Лейбниц свои попытки добыть копии рукописей Спафария оставил.

Приведённые выше слова Спарвенфельда – святая и истинная правда. Но лучше бы он вместо этой правды просто взял и перевёл те самые «две-три страницы» (с имевшегося у него под рукой, к тому же, экземпляра) и прислал бы Лейбницу. Включая следующие слова:

> Ни единое государство не приближается так близко [к Китаю], как Сибирское [т.е. Московское], наипаче же к стольному их городу, потому что от Албазина и до стольного Пекина города можно на конях в три недели доехать.
>
> (Спафарий, «Описание Китая», гл. 5. BNF, л. 15)



[Илл. 08-07-04-04-1. «Албазин» в «Описании Китая» Спафария, гл. 5. Рукопись, BNF, MS Slav 35, 1685, f. 15]

Глядишь – и не стал бы тогда Лейбниц ждать ещё шесть лет, чтобы с горечью после этого констатировать:

> Будь я моложе, я бы поехал в Москву, а оттуда, возможно, в Китай – чтобы наладить «контакты света» («communication de lumieres»; банальный вариант перевода – «Просвещение»).

(Письмо к Шуленбургу от 16 августа 1705)

Замечу в скобках, что написано это было Лейбницем в том самом возрасте (59), в котором Рагузинский прекрасно себе налаживал в Пекине «контакты света».

Но дело тут не только в возрасте. В январе 1699 был упущен благоприятный момент. Через год начнётся Северная война, в ходе которой русские потерпят жестокое поражение под Нарвой. И всем расчётам Лейбница на «сибирский» путь разом придёт конец. О чём он, дипломатично подбирая выражения, напишет Йоахиму Буве в Пекин:

> Я боюсь, что это сильно осложнит реализацию моих планов использовать караваны, которые ходят из Москвы в Пекин [для этого самого «communication de lumieres»].
>
> (Письмо к Буве от 15 февраля 1701)

А ведь так хорошо всё начинало складываться. В том же самом письме к Буве в Пекин, всего несколькими строками выше, Лейбниц приводит в качестве примера один из блестящих результатов падения этого самого «света знаний» на мёртвую природу:

> Мы определили <…> форму профиля (la ligne), по которому тело, обладающее весом, скатится из одной его точки в другую за минимально возможное время (le temps le plus court qui soit possible).
>
> (Там же)

Да, это она. Родившаяся из пены морской («математического анализа») и покатившаяся в Китай по оптимальной траектории наша любимая «брахистохрона».

Всем спасибо.

8. Делиль

Вообще, Делилей в истории много. У нас это будет Гийом Делиль (Guillaume Delisle, De l’Isle, «Островной»), знаковый французский картограф.

Заявил о себе Делиль рано, ещё сильно до тридцати (при том, что под присмотром отца гравировал карты чуть не с пелёнок). Во многом благодаря ему французская картография на какое-то время обрела репутацию лучшей в мире. Из созданных Делилем географических карт многие стали культовыми и вошли в историю.

Причём у разных народов этими «историческими» картами Делиля считаются карты разные. Англоязычный мир знает его главным образом, как создателя «Карты Северной Америки» (восточного и южного побережья), так называемой «Луизианы» (1700). Население Магриба ценит Делиля за его «Карту Африки» (1700), которая стала не просто лучшей на то время, а прямо-таки революционно-лучшей. Мусульманский мир видит в Делиле создателя «Карты Турции, Аравии и Персии»

(1701). Голландцы – «Карты Объединённых провинций и Нижних земель» (1702). А жители Карибского региона не признают ничего другого, кроме его «Карты Мексики и Флориды» (1703).

Но мы-то знаем, что ничто из вышеперечисленного не может и близко сравниться с двумя картами Делиля – «Картой Московии» и «Картой Тартарии» (обе 1706).

Всё справедливо. Карты Делиля – это действительно новый уровень картографии. Мы однажды уже имели возможность видеть фрагмент его «Карты Московии» – в качестве иллюстрации к рассказу о прохождении «Зырянского леса» Лоренцом Лангом (эпизод «Первый игрок»).

При всём при том, характер работы картографов в то время по-прежнему оставался кабинетным. Хотя и широту (что относительно просто) и долготу (что невероятно сложно – но способ, тем не менее, был открыт) – так вот, хотя и широту и долготу с недавних пор стало возможно худо-бедно определять инструментально – географических экспедиций с тотальными промерами координат на местности ещё не было в заводе. Карты составляли по словесным описаниям – с привязкой, по возможности, к редким пунктам с известным (неизвестно откуда) местоположением.

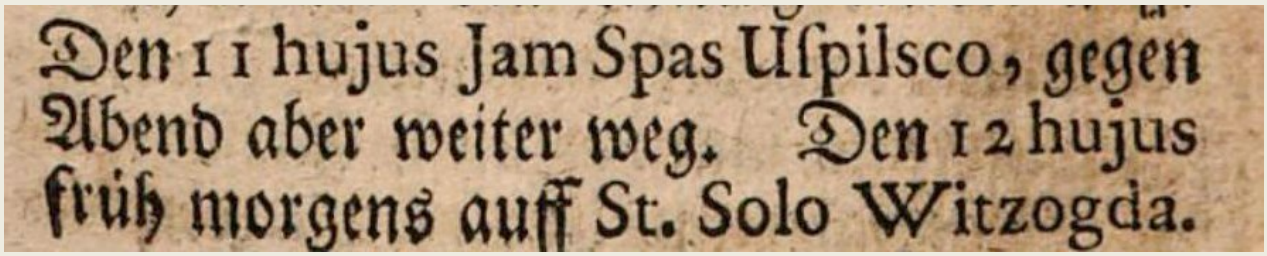
Если говорить о дороге в Китай через Сибирь, жирно прорисованной Делилем на обеих своих «русских» картах, то главным источником по этой дороге стали материалы двух конкретных путешествий – Спафария (1675) и Идеса (1692).

Во втором случае и объяснять ничего не надо, всё лежит на поверхности. Например, на «Карте Московии» дорога через «Зырянский лес» начинается у Делиля из пункта с загадочным названием «Iam Spas Ulpisko Relais».

[Илл. 08-07-04-05-1. «Карта Московии» Делиля, 1706. «Iam Spas Ulpisko Relais», на западном краю «Зырянского леса»]

Так-то оно понятно, что это «ямская станция» («Iam Relais») «Спасский погост» («Spas») на реки Виледь – но откуда взялось и что означает это загадочное слово «Ulpisko»?

Долгое время у меня на эту тему не было никаких идей. А вот после внимательного прочтения «Записок» Бранда (1698) всё сразу сложилось. У Бранда это слово тоже присутствует – но чуть-чуть в другом написании. И этот-то нюанс всё и решает. У Бранда значится: «Jam Spas Uspilsko» (1698, с. 190).


Den 11 hujus Jam Spas Uſpilsco, gegen
Abend aber weiter weg. Den 12 hujus
früh morgens auff St. Solo Witzogda.

[Илл. 08-07-04-06-1. «Jam Spas Uspilsko» в «Записках» Бранда, 1698, с. 190. Отличие от Делиля всего в одну букву]

А слово «Uspilsko» уже наполнено глубоким географическим смыслом. «Us(t)pilsko»» (букву «t», в ряду трёх согласных подряд, Бранд на слух всё-таки упустил) – это «Ust-Pilsko», то есть «Усть-Пилский» Ям. И это – абсолютно правильно, поскольку «Спасский погост» располагается в том самом месте, где в реку Виледь впадает устьем небольшая речка Пиела (не путать с Пыёлой, притоком Сысолы). И именно вдоль этой Пиелы на протяжении следующих десяти вёрст и проходит дорога, ведущая прямиком в «Зырянский лес» (на болото «Дёб», заимку «Раски», «Визингу» и так далее).

Теперь о Спафарии. Использование Делилем его материалов для своей «Карты Тартарии» зафиксировано даже документально. В Национальном архиве Франции, в отделе Гидрографии («Service hydrographique de la Marine»), хранится рукописная копия опубликованного ранее в журнале «Mercure Galant» (сентябрь 1687) того самого «Сообщения» о путешествии Спафария (под псевдонимом «Nikiposa»). Так вот, данная копия (Arch. nat., MAR.2JJ.71, L. XVIII, № 11) сделана рукой непосредственно Гийома Делиля, собственноручно переписавшего слово в слово всю журнальную статью. Кроме того, рукопись содержит следы сверки Делилем журнального текста с некими другими копиями того же «Сообщения» Спафария – на предмет сравнения написания топонимов. Типа, «Talembi» (так назван «Телембинский острог» в «Mercure Galant», с. 37, и в копии Делиля) – или «Telembi» (как значится, например, в копии BNF, btv1b9063771c). По факту (то есть в «Карте Тартарии») во всех спорных случаях у Делиля победила версия «Mercure Galant».

Помимо всего прочего, «Карта Тартарии» пролила слабый свет на загадочное озеро «Kisilbas» из книги Нёвиля. На карте Делиля так подписано большое озеро в верховьях Иртыша, с пояснением: «Lac Kisilbas ou Etracgeul» («Озеро Кизилбас или Этрак-кёль»). В результате одно неведомое слово заменилось другим неведомым. Ну хоть так.

Для людей, подумывавших во времена Делиля о путешествии в Китай, его «Карта Тартарии» стала реально пролившимся с небес светом, альфой и омегой. Тем

более, что в отличие от карты Витсена (1687), она свободно продавалась – в том числе и в парижском картографическом магазине Делиля (на набережной de l'Horloge). Об этой карте знали все и везде. За исключением, конечно, Московии.

Через одиннадцать лет после начала продаж «Карты Московии» и «Карты Тартарии», в мае 1717, в Париж прибыл русский царь. С королём Франции Людовиком XV у него было четыре встречи. И во время третьей их них (24 мая), обставленной как «случайная», Петру I был преподнесён неожиданный подарок (см., например, запись в «Журнале» маркиза де Данжо от 24 мая 1717). И вокруг этого подарка между двумя монархами завязалась оживлённая «получасовая беседа».

Ну, насчёт «беседы» я бы особо не разбегался. Людовик на тот момент был пухлым семилетним мальчуганом, а матёрый сорокапятилетний Пётр Алексеич годился ему реально в дедушки.

Для Петра это был первый и последний визит в Париж. Предыдущий французский монарх, «Король-Солнце», Петра не слишком жаловал и в гости к себе не звал. А вот с его преемником, Людовиком XV (приходившимся Людовику XIV не сыном, и даже не внуком – а правнуком) у Пётра вышел полный плезир.

И вот во время этой встречи Пётр получил от Людовика подарок – и не что-нибудь, а «Карту Московии» работы Делиля. Последовавшая за этим сцена детально описана в Приложении к майскому номеру (за 1717) журнала «Mercure Galant» (переименованного, правда, незадолго до того в «Le Nouveau Mercure»). Данное Приложение вышло отдельным выпуском под шапкой «Abbregé de l'hisroire du Czar Peter Alexiewitz… etc». Материал был написан по горячим следам и опубликован ещё до отъезда Петра из Парижа (в отличие от разных позднейших «мемуаров») – так что уровень его надёжности высокий.

Итак,

> Разговор [царя с королём] переключился на «Карту Московии»… Карта эта была создана господином Делилем.
>
> (La conversation étant tombée sur la Carte de Moscovie… Cette Carte a été dressée par M. de Lisle.)
>
> («Le Nouveau Mercure», Приложение к № 5 за 1717, с. 204)

Реакция Петра была бурной. Непосредственно перед этой встречей ему показывали роскошные бриллианты королевской короны – и Пётр при этом явно скучал («Мемуары» Сен-Симона, изд. 1829, т. 15, с. 88). А тут он прямо воспламенился («ravi… surpris…», Le Nouveau Mercure). Схватил карандаш («prit son crayon», там же) и стал что-то пририсовывать на карте и что-то втолковывать малолетнему королю. Одним словом, подарок ему пришёлся («очень понравился», «plut fort au czar», Сен-Симон). Так что, пожалуй, эта встреча и могла затянуться на те самые «пол часа», которые у маршала Вильруа (модерировавшего мероприятие) ушли на то, чтобы успокоить разгорячившегося гостя.

Судя по реакции русского царя, он не только не видел раньше данной карты Делиля, но даже и не предполагал, что нечто подобное вообще возможно. А потому в своём сверх-плотном рабочем и развлекательном графике Пётр тут же выделил

время для основательной встречи с создателем карты, Гийомом Делилем. Встреча эта состоялась в апартаментах Петра в последний день перед его отъездом из Парижа, 18 июня. О ней мы знаем из заметки во всё том же «Le Nouveau Mercure» (но уже в регулярном номере за июнь 1717, с. 197). На этот раз царь и картограф действительно долго (а вот этому я уже охотно верю) беседовали о «расположении и протяжённости» («sur la situation & l'étenduë»).

Результатом этого контакта русского царя с «Картой» Делиля и с её создателем станут две вещи. Через девять лет сразу два младших брата Делиля (Жозеф-Николя и Луи) приедут в Петербург работать там академиками. А, во-вторых, через шестнадцать лет после этой встречи начнётся Великая Северная Экспедиция, в ходе которой и образуется та самая «Карта Селифонтова» (см. главу «Шар»), которую мы всегда держим в уме.

Остаётся только добавить, что Жозеф-Николя Делиль введёт в Петербурге обычай палить из пушки точно в астрономический полдень для сверки населением своих домашних часов – а Луи Делиль отправится на Камчатку с Берингом. Где, как и Беринг, погибнет.

9. Спарвенфельд

Шведский лингвист, специалист по русскому языку, создатель огромного (но не опубликованного при жизни) русско-латинского словаря «Lexicon Slavonicum», путешественник и собиратель редкостей – вот что такое Юхан Спарвенфельд, церемониймейстер короля.

Однако сейчас он нам интересен лишь в одном своём, отнюдь не главном, качестве. В качестве «средства доставки» – человека, физически доставившего определённые книги Спафария в Европу.

С 1685 по 1687 Спарвенфельд провёл в Москве, где интенсивно изучал русский язык и вёл со Спафарием разговоры на всякие учёные темы. Потом он уехал обратно в Швецию, где со временем сделался крупнейшим экспертом по русскому языку. Поэтому-то Лейбниц и обращался к нему за консультациями по разным «русским» вопросам (не только по Спафарию).

С собой в Швецию Спарвенфельд привёз множество рукописных материалов на русском языке. В числе которых были как минимум две книги Спафария, связанные с его путешествием в Китай.

Одна из них – это тот самый «Путевой дневник» Спафария, о котором все столько говорили, но который никто толком не видел.

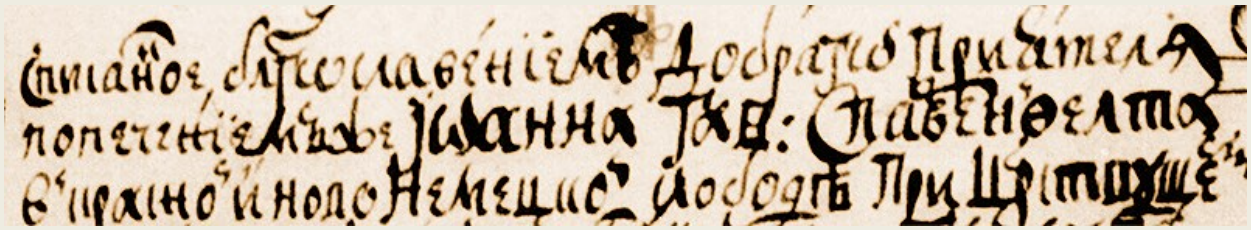
Именно так я понимаю название «Iter Spatharij in Chinam MS» («Путь Спафария в Китай. Рукопись»), что фигурирует в собственноручно составленном Спарвенфельдом списке «славянских книг форматом в лист» («libri Sclavonici in folio»), купленных им в Москве, с указанием цены. Кому интересно – за «Путевой дневник» Спафария Спарвенфельд выложил тогда четыре рубля (Национальный архив Швеции, документ Tidöarkivet 501, отдельный неподшитый ненумерованный лист в составе «Дневника путешествия в Московию… Спарвенфельда»).

Дальнейшая судьба данного экземпляра «Путевого дневника» Спафария мне не известна. Зато всем известна яркая судьба второй книги Спафария, привезённой в Швецию Спарвенфельдом – «Описания Китая».

Когда в параграфе о Лейбнице в качестве примера я поместил фотографию фрагмента из некого экземпляра «Описания Китая», выдержку откуда Спарвенфельд мог бы, без лишних слов, перевести и отправить Лейбницу – это был не «некий» экземпляр. Это был «тот самый» экземпляр, который Спарвенфельд заимел в Москве и привёз в Стокгольм в 1687. Помимо собственно «Описания Китая», рукопись включала в себя «Сказание о реке Амур» Спафария и его же «Тартарскую книжицу» (то бишь его перевод «Bellum Tartarum» Мартини). Поэтому, когда Спарвенфельд отвечал на вопрос Лейбница, он имел на руках все нужные материалы.

Данную книгу Спафария Спарвенфельд не просто «купил». Означенная копия была снята непосредственно по его заказу. Сообщение об этом включено в текст титульного листа рукописи:

> Списанное благославением доброго приятеля, попечением же Иоанна Гав. Спарвенфелта в красной и ново Немецкой слободе при царствующем граде Москве лета… 1685
>
> («Описания Китая» Спафария, список Спарвенфельда, f. 1)



[Илл. 08-07-04-07-1. «Попечением же Иоанна Гав. Спарвенфелта». Титульный лист «Описания Китая» Спафария в списке, заказанном Спарвенфельдом. BNF, MS Slav 35, f. 1]

«Гав.» – это «Гавриловича», поскольку второе имя Спарвенфельда – Габриэль. В Москве любили вторые имена.

Как мы знаем, Спарвенфельда данная книга не слишком впечатлила. Поэтому в какой-то момент, между 1701 и 1706, он подарил её Французской Королевской библиотеке. Где она благополучно и пребывает до сих пор (BNF, MS Slav 35), доступная всем желающим.

Но, похоже, первые десять лет желающих особенно не находилось. Рукопись, напомню, была на русском языке.

Когда в Париж в 1717 приехал русский царь, а потом ещё и заявился в Королевскую библиотеку (28 мая), здесь сделался страшный переполох – что бы такое показать высокому гостю, чтобы ему потрафить? Выяснилось, что во всей библиотеке имеется всего одна книга на русском языке – это самое пресловутое «Описание Китая» Спафария. Данная рукопись и спасла ситуацию. Русский царь, впервые

узнавший из неё о существовании Спафария и его путешествия, не без пользы для себя её полистал. Обо всём этом известно из сообщения аббата Журдена:

> С 1701 по 1706 не было никаких значимых поступлений [в фонды], за исключение подарка господина Спарвенфельда <…>, передавшего Королевской библиотеке две редкие рукописи <…>, вторая из которых – описание на русском языке некого путешествия («une relation de voyages en langue russe»). Эта последняя рукопись оказалась единственной на данном языке, имевшейся в библиотеке («estoit le seul en cette langue qui fust à la bibliotheque»), когда царь Пётр I её осматривал 28 мая 1717.
>
> (Ab.Jourdain, «Catalogue des livres imprimez de la Bibliotheque du Roy», серия «Teologie», ч. 1, 1739, Введение, с. xlv)

Следствия? Уже через год после возвращения Петра в Петербург, оттуда в Пекин отправилось официальное посольство (с Измайловым и Лангом), чего не происходило до этого уже почти тридцать лет. Обратно Измайлов привёз рассказ о «золотом гвозде»... и так далее.

А всего-то и нужно было, чтобы Спафарий съездил в Китай (1675), написал об этом книгу (содрав 98% у Мартини, 1677), Спарвенфельд заказал себе в Москве её копию (1685), забрал её с собой в Стокгольм (1687), убедился во вторичности её содержания (1699), подарил её Парижской библиотеке (1701) – и там её увидел и прочитал русский царь (1717), сделавший практические выводы (1719). Естественный 44-летний цикл «колеса сансары». Ровно два поколения.

10. Дефо

Даниэль Дефо в представлении не нуждается. Из всех наших героев он, без сомнения, является самым мощным рупором любой идеи, какую бы ни удостоило своим вниманием его быстрое гусиное перо. Разумеется, в рамках его цикла о Робинзоне Крузо. А так-то за свою долгую жизнь Дефо написал тонны сочинений, никому не нужных ни тогда, ни теперь.

История же о Робинзоне, которая является сейчас неотъемлемой частью операционной системы любого человека, имеет много разных аспектов. Об одном из них я в своё время опубликовал небольшую работу. Которая, как я с удивлением недавно обнаружил, достаточно широко разошлась в цитатах без указания источника. Так что не будет большим преступлением, если я тоже немного её поцитирую, с указанием.

> Роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо…» был написан 58-летним Даниэлем Дефо в 1719. Книга имела счастливую судьбу. Первое издание разошлось мгновенно. Второе и третье издания были осуществлены практически сразу за первым, но и они не смогли удовлетворить спрос. Все последующие 290 лет книга непрерывно переиздавалась, сделавшись одной из самых знаменитых книг мировой литературы <…>
>
> Как известно, у «Удивительных приключений...» имеется продолжение. Правильнее даже говорить не о продолжении, а о второй части единой

> книги. Обе части были написаны Дефо за один приём и изданы Уильямом Тейлором сразу одна за другой в 1719 году. И многие последующие издатели рассматривали сочинение Дефо, как единую книгу в двух томах: том 1 – «Удивительные приключения...», том 2 – «Дальнейшие приключения...». <…>
>
> В этой второй части Робинзон, вернувшись со своего острова в Англию и разбогатев, вскоре начинает тяготиться размеренностью буржуазной жизни. Он снаряжает корабль и снова отправляется на тот же остров. Там он находит достаточно многочисленную колонию поселенцев (70 человек). Робинзон проводит на острове социально-экономические реформы, разруливает конфликты, передаёт поселенцам инструменты и технологии (описанию этого посвящена вся первая половина книги) – и отбывает путешествовать дальше. Его путь лежит теперь в Восточные моря. Робинзон огибает Африку у мыса Доброй Надежды, попадает в переделку на Мадагаскаре и в конце-концов оседает в крупном городе на берегах Бенгальского залива, скорее всего в Калькутте. Шесть лет спустя, во время очередной торговой операции, он оказывается с грузом опиума в Китае, где лишается корабля. Однако он узнаёт, что в Пекин прибыл караван московско-польских купцов и решает отправиться с этим караваном на родину по суше.
>
> (Павел Митюшёв, «Робинзон Крузо в Вологодской губернии», М. «Геопоэзия»)

И вот Робинзон идёт из Пекина в Европу непосредственно по «сибирскому» караванному пути. Детальное описание этого путешествия занимает пятую часть романа, все семьдесят последних страниц.

Упоминавшаяся выше работа была как раз посвящена установлению точного маршрута Робинзона. Делалось это на основе разделения топонимов в тексте Дефо на реальные и вымышленные – с последующей идентификацией реальных (с учётом всевозможных изменений названий и исчезновений самих объектов). В качестве небольшого спойлера скажу, что хотя маршрут Робинзона и оказался местами достаточно нетривиальным (что имело свои художественные причины), но в целом он удивительно точно совпал с одним из реальных вариантов «сибирского пути». И, конечно, Робинзон пересёк-таки «Зырянский лес» (за что чуть было не поплатился жизнью).

Под пером Дефо путь Робинзона через Сибирь обрёл, впрочем, относительное удобство. Когда одному из компаньонов Робинзона потребовалось попасть из Пекина в восточную Индию, он посчитал целесообразным добираться туда не морем через Макао – а сначала посуху через всю Сибирь до Архангельска, потом морем до Лондона, а оттуда уже регулярным рейсом вокруг Африки в свою Бенгалию (Дефо, 1719, с. 306). Посмотрите на досуге по карте.

Книга Дефо, разойдясь несколькими массовыми тиражами, продвинула идею «сибирского» пути в Китай очень мощно. Но кто навёл на эту идею самого Дефо?

Первое, что обращает на себя здесь внимание – это то, что Робинзон шёл точно по пути Спафария (и, соответственно, Идеса-Бранда). А дальше нужно вспомнить, что Дефо сам путешественником не был. Маршруты своих героев он выстраивал

исключительно по печатным материалам. И в нашем случае главным таким материалом (согласно упомянутой статье) стали две карты Гийома Делиля – его «Карта Тартарии» («китайская» и «сибирская» части маршрута Робинзона) и «Карта Московии» («европейская» часть). На обеих этих картах путь Спафария-Идеса-Бранда был прорисован толстой двойной линией.

Итак, две карты Делиля навели Дефо на мысль пустить Робинзона через Сибирь, и снабдили его географической конкретикой. Но теперь я думаю, что не только они. Сейчас, с глубины обретённой мудрости, я склонен добавить к этому основному источнику ещё полтора вспомогательных – «Записки» Бранда (в английском переводе, 1698) и – в меньшей степени – «Записки» Идеса (в английском же переводе, 1706).

Маршрут Робинзона от Пекина до Тобольска в тексте Дефо обозначен так (привожу все имеющиеся там позиции):

Пекин – Наун – река Аргунь, Аргунский острог – Нерчинск – Плотбище – Шакские озёра – Еравнинский острог – Удинский острог, река Уда – Енисейск – Обь – Тобольск.

Как хорошо видно, здесь плотно прописан только один-единственный небольшой участок, а именно – от реки Аргунь до реки Уда. Всё же остальное представлено более чем скромно. При этом именно данный участок и являлся «ноу-хау» Спафария, его «открытием», его личным «вкладом» и главной его гордостью.

За одним исключением, все топонимы из книги Дефо на этом участке присутствуют на «Карте Тартарии» Делиля. Упомянутое же исключение – «Шакские озёра» – Дефо взял, видимо, из «Записок» Бранда (1698, с. 58).

С другой стороны, ни у Бранда, ни у Идеса нет таких пунктов, как «Veuslima» и «Lawrenskoy» (уже в европейской части маршрута Робинзона, на реке Вычегде, с. 371-372). Зато они имеются у Делиля на «Карте Московии» (ныне село Вожем и пристань Урдома соответственно). Так что, по всякому, маршрут Робинзона имеет комбинированное происхождение.

Это что касалось географических названий. Но в книге Дефо имеются также и содержательные заимствования.

Робинзон выехал из Пекина «в начале февраля» (с. 308) – точь-в-точь, как это сделали Идес с Брандом. В результате – оба путешествия (вымышленное и реальное) протекали по сходным сезонным профилям, что заметно облегчило работу писателя.

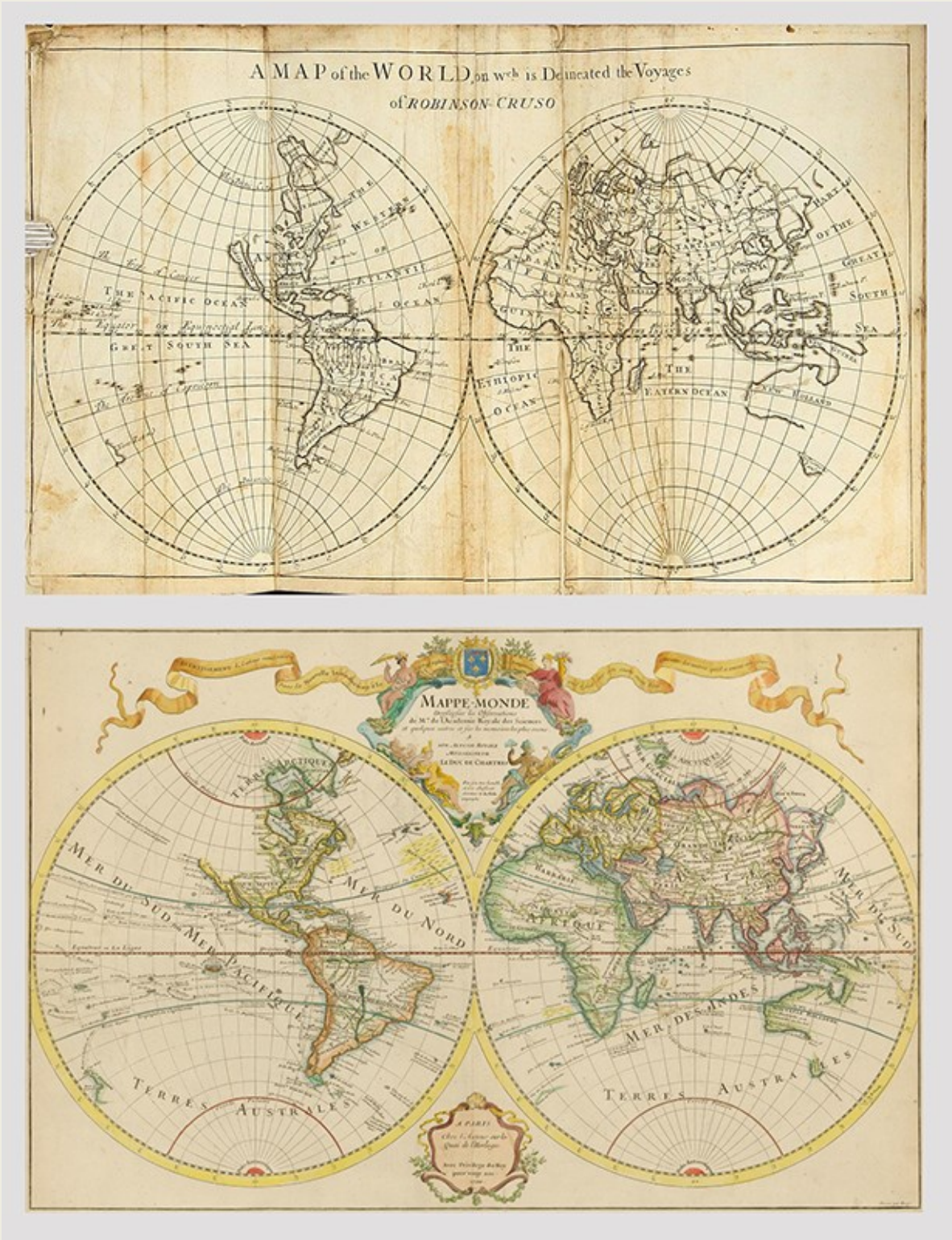
При приближении Робинзона к реке Аргунь, на его караван напали кочевники (с. 322), что позволило Дефо от души предаться описанию батальных сцен, обязательных для массового читателя. Всё как в реальности у Идеса с Брандом – ведь именно в этом месте их поджидали чтобы ограбить «четверо монгольских тайшей примерно с тремя тысячами человек».

Другой похожий случай произошёл с Робинзоном уже в Европейской части его путешествия. Не успел он пересечь здесь некий огромный лес («In passing this Forest…», с. 365), как на него со спутниками напала целая орда неизвестных во-

оружённых людей. Этот эпизод романа – прямой отзвук сообщения Идеса-Бранда о вооружённом нападении неизвестно откуда взявшегося отряда разбойников, произошедшем примерно в том же месте (что и у Дефо) незадолго до их прибытия (и всё ещё будоражившем умы местных жителей).

«Зырянский лес» у Дефо хотя и не называется впрямую, но описывается детально и узнаваемо (с. 365). Тянется этот лес на семьсот вёрст («seven hundred Miles») и населяют его некие дремучие люди («wholly barbarous»), которые поклоняются истуканам («Idols»), хотя формально и считаются христианами («Christians»). Данное описание местами дословно совпадает с соответствующим пассажем на карте Делиля (см. эпизод «Первый игрок») – равно как и с описаниями «Зырянского леса» у Бранда (с. 12) и Идеса (с. 3). Единственно, их «восемьсот миль» превратились у Дефо почему-то в «семьсот».

Книга «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо…» в первом издании (20 августа 1719) была снабжена картой (отдельная вклейка после Предисловия). На этой карте был показан весь кольцевой маршрут Робинзона (Лондон – его Остров – Мадагаскар – Бенгалия – Пекин – Архангельск – Лондон). При этом сама карта представляла собой облегчённую версию «Карты мира» Делиля 1700 года. Это нигде не указано, но тут не надо быть Конфуцием чтобы догадаться, сличив два изображения:



[Илл. 08-07-04-08-1. Вверху – карта из первого издания (1719) «Дальнейших приключений Робинзона Крузо…» с указанием маршрута его кругосветного путешествия. Внизу – «Карта мира» Гийома Делиля, 1700]

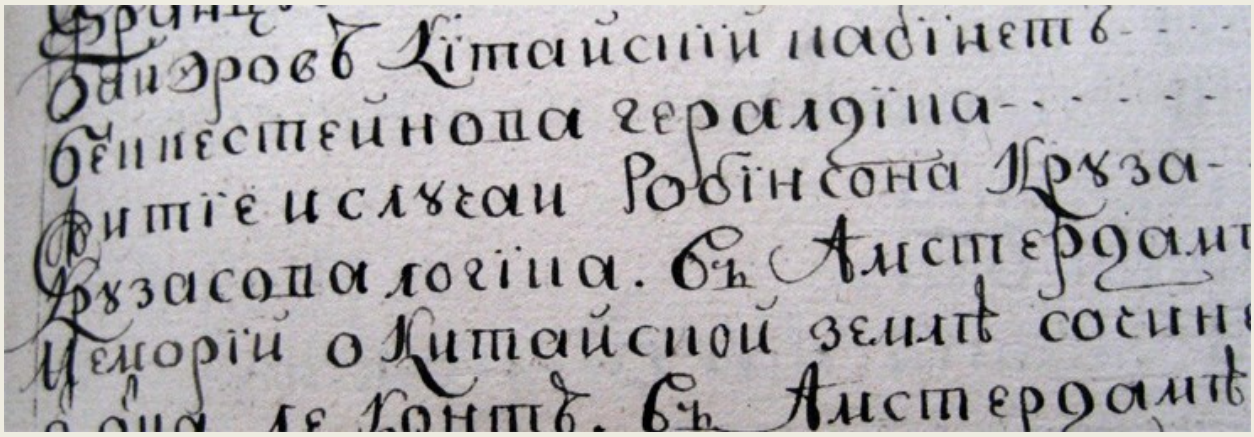
Включение в книгу Дефо данной карты – это чистая проговорка по-Фрейду. Дефо не может полностью умолчать о Делиле, но и не хочет показывать непосредственный источник происхождения своего сюжета («Карту Тартарии», 1706).

Вообще, в книге Дефо есть ряд весьма любопытных моментов. Например, Робинзон в 1703 (а Дефо, соответственно, в 1719) предсказывает существование пролива между Азией и Америкой, на тот момент (на оба) ещё не открытого Берингом. Робинзон, находясь в Даурии (с. 328), разглядывает географические карты своих спутников и путём единственно логических построений приходит к следующему фундаментальному выводу:

> Эти реки [Амур и «великая река» Tartarus] <…> текут все на Север, что с очевидностью показывает, что Северный океан омывает материк также и в этой его части. Таким образом нет ни малейшего основания полагать, что суша может простираться с этой стороны настолько далеко, чтобы соединяться с Америкой, или что не существует прохода между Северным и Восточным океанами. Больше к этому я ничего добавить не могу, поскольку это только моё личное мнение, имевшееся у меня на тот момент.
>
> (These Rivers running all Northward <…>, made it evident that the Northern Ocean bounds the Land also on that side, so that it does not seem rational in the least to think, that the Land can extend itself to join with America on that side, or that there is not a Communication between the Northern and the Eastern Ocean; but of this I shall say no more; it was my Observation at that time.)
>
> (Defoe, «The Farther Adventures of Robinson Crusoe…», 1719, с. 328)

Есть основания полагать, что данный пассаж внёс свою лепту в реальное открытие пролива между Азией и Америкой. В архивах мне на глаза как-то попала ведомость, содержавшая в числе прочего список книг, которые Беринг посчитал нужным взять с собой во Вторую камчатскую экспедицию. Список не такой уж большой, но при этом в него удостоились быть включёнными сразу две книги Дефо про Робинзона Крузо – первая и последняя части. То, что среди них не значилась вторая часть «Робинзона» (в которой, собственно, и декларировалось существование пролива) говорит о том, что Беринг имел собственный её экземпляр. И, соответственно, загодя знал мнение Робинзона по интересующему вопросу, что укрепило его веру в успех предприятия и дополнительно мотивировало на решительные действия.

Так Спафарий (в данном случае через Дефо) приложил руку ещё и к обеим Камчатским экспедициям – приведшим, в конечном итоге, к появлению «Карты Селифонтова».



[Илл. 08-07-04-09-1. Книги Дефо во Второй камчатской экспедиции Беринга – «Житие и случаи Робинсона Круза» и «Крузасова логика». Служебная ведомость «Роспись с объявлением цены от Академии наук в Камчатку отпущенным книгам, инструментам и прочим материалам», 1733. РГАДА, ф. 248, оп. 12, кн. 664, л. 280]

К слову о тех «картах», которые разглядывал Робинзон («the Charts, which some in our Caravan had with them», с. 327). Здесь мы видим классический случай «расслоения» времени. Дефо, писавший данные слова в 1719, имел ввиду, разумеется, «Карту Тартарии» Делиля (1706). Но для Робинзона в 1703 этой картой могла быть только «Карта Витсена».

Это не единственная «петля времени» в романе. Робинзон, собираясь переждать зиму 1703-1704 в Тобольске, заранее боится одиночества и зимней депрессии. Но с удивлением обнаруживает здесь блестящее светское общество, состоящее из ссыльных высокопоставленных лиц. В частности, он близко сходится с неким бывшим могущественным министром, князем Голицыным. Имеется ввиду, конечно, Василий Голицын, бывший Первый министр и фактически правитель страны при царевне Софье. В 1703 Голицын, действительно, находился в ссылке – хотя и не в Тобольске, а недалеко от Холмогор, на реке Пинега.

Робинзон рассказывает Голицыну историю своей знаменитой «робинзонады» (из первой части книги) и всячески агитирует Голицына бежать из ссылки, в чём предлагает свою помощь (с. 350-351). После долгой душевной борьбы Голицын всё-таки отказывается, но предлагает вместо себя своего сына. Так Робинзон со всякими приключениями (а у него по-другому и не бывает) и опасностями (тем более) вывозит «молодого князя» через Архангельск в Гамбург, где они и расстаются. Робинзон отправляется в Лондон, а «молодой князь» – в Вену, где он надеется найти защиту от своего родного государства (с. 373). Это практически последние строки книги.

Данный эпизод писался в 1719, когда ещё не остыла горячая прошлогодняя история с бегством, поиском, вывозом на родину и умерщвлением там царевича Алексея (лето 1718). Так что между вымышленным «молодым князем Голицыным» и реальным «царевичем Алексеем» (искавшем заступничества в той же Вене) просматривается прямая параллель. Только вот в 1704 царевичу Алексею было только четырнадцать лет и у него впереди была ещё целая половина жизни.

Не обошлось в романе, конечно, и без небольшой «развесистой клюквы». На пути Робинзона по обе стороны Байкала (в романе даже не упомянутого) раскинулись полноценные (безлесные и безводные) пустыни, которые приходилось преодолевать, везя с собою и дрова, и воду. Применительно к местности вдоль реки Уды (с. 344) это просто смешно, а для местности вдоль реки Ангары (с. 346) – очень смешно. Хотя писателю виднее как приваживать свою публику.

Другой эпизод я поначалу тоже воспринял, как «клюкву». Но по зрелом размышлении понял, что это скорее метафора, причём глубокая. Пока Робинзон ещё не распробовал тобольское общество, город представляется ему «медвежьим углом» и реальной «задницей мира». В этом своём ощущении он укрепляется окончательно (на некоторое время), когда вспоминает, что Тобольск находится «всего в нескольких градусах широты от Новой Земли» («within but a very few Degrees of Nova Zembla», с. 350). Что с точки зрения географии абсолютно не верно. От Тобольска до ближайшей точки Новой Земли простираются целых двенадцать широтных градусов, а до пролива М-Шар – все пятнадцать. Но «понятийная география» меряет по-другому. В представлении Робинзона Тобольск – это практически «край света». А Новая Земля (в представлении всего тогдашнего человечества) – это уже буквально его «край». Так что нет ничего странного в том, что две похожие по смыслу сущности располагаются по-соседству.

Хотя все рассмотренные до сих пор источники Дефо и тянутся в конечном счёте от Спафария, но связь эта опосредованная. Ведь Бранд с Идесом описывали всё-таки собственное путешествие (пусть даже и инспирированное Спафарием), а Делиль составлял свою карту с оглядкой на них же. Так что Спафарий до сих пор просматривался у нас где-то на втором плане.

Но есть в «Робинзоне…» один эпизод, который выдаёт факт прямого влияние Спафария на Дефо, без посредников.

Хотя тоже с посредниками – в том смысле, что слова, написанные Спафарием, попали к Дефо пройдя через несколько рук и языков.

Робинзон, ещё находясь в Даурии, разглядывает карту (Витсена) и видит на ней реку Амур («Yamour, or Gammour»). И вспоминает, что некий источник («the Story they tell us», с. 327) рассказывает об этих местах удивительную вещь:

> Устье этой реки [Амура] наглухо заросло камышом чудовищных размеров, а именно – три фута толщиной и двадцать или даже тридцать футов высотой.
>
> The Mouth of this River, is choak'd up with Bullrushes, of a monstruous Growth, (viz) three Foot about, and twenty or thirty Foot high.

Эта короткая, но яркая информация, перед тем как попасть к Дефо, проделала следующий путь.

Спафарий, «Сказание о великой реке Амур» (около 1677, рукопись):

> И есть де там [на реке Амур] вырос великой густой камыш и толстой, и тем камышом вдаль на чистое море никоими меры пройти не возможно.

Журнал «Mercure Galant» (сентябрь 1687, с. 39)

> Река Амур <…> впадает в Японское море. Выйти в него по реке при всём при этом невероятно сложно, поскольку берега заросли гигантским камышом – таким, что человек с трудом может его обхватить.
>
> (La Riviere Amor <…> tombe dans la Mer du Japon. L'entrée neanmoins en est extremement difficile, parce qu'il y a sur le rivage de la Mer de si gros roseaux, qu'à peine un paysan les peut embrasser)

И, наконец, Авриль – в английском (удобном для Дефо) переводе, «Travels into divers parts of Europe and Asia» (1693, с. 181):

> Река Амур <…> впадает в Японское море <…>. Хотя в том месте, где его воды смешиваются с морскими, растёт такое чудовищное количество камыша, что в устье образуется реальный лес <…>. Этот камыш столь невероятных размеров, что человек с трудом может обхватить его обеими руками.
>
> (Yamour <…> falls into the Sea of Japon <…> yet in that part where it mixes with the Sea, there grows such a prodigious number of Sea-Bulrushes, that you would take the mouth of it for a real Forest. <…> They are of such an excessive bigness, that a man can hardly grasp one of 'em with both his Arms.)

Что в результате мы видим? Дефо берёт слова о «гигантском камыше» у Авриля, взявшего их у Корнеля («Mercure Galant»), взявшего их у д'Абланкура (Варшава), взявшего их у Венюкова, взявшего их у Спафария. Чьи исходные слова после всех этих транспортаций остались свежими и узнаваемыми.

Все эти многочисленные цитаты я привёл лишь затем, чтобы предметно показать, как именно слова, будучи однажды написанными на бумаге, кочуют затем через материки и столетия, сквозь пространство и время.

В данном случае – слова Спафария. Родившегося через три года после Робинзона.

11. Ланг

О Лоренце Ланге всё уже было сказано. Я лишь хотел ещё раз акцентировать факт издания в 1721 во Франкфурте его «Путевого дневника» на немецком языке. Шутки шутками, а «дневник» этот стал третьим за всю историю (после Спафария и Идеса-Бранда) отчётом о путешествии в Пекин через Забайкалье, совершённом непосредственно его автором.

Прямого следа Спафария здесь я не вижу. А косвенный – очень даже, через Идеса и Бранда. Ланг в своих записках ссылается на Идеса четыре раза – а именно при описании своего продвижения в районе Байкала (конкретно, между Иркутском и Селенгинском, «Lorenz Langens Reise nach China», 1721, с. 80-81).

Так что если Идеса с Брандом (и всех остальных героев этой главы) можно условно назвать «детьми Спафария», то Ланг является его стопроцентным «внуком».

***

Примерно так к середине 1720-х обстояли дела с творцами радужного мифа о неком особом «русском пути в Китай».

А вот теперь можно и о Байере.

Последний герой

1. Вёсны и осени Готлиба Байера

1694, Кёнигсберг. Первый год жизни. Зима. Родился в первой луне.

Семнадцатый год жизни. Весна. Поступил в Кёнигсбергский университет.

Двадцать второй год жизни. Лето. Защитил диплом об окончании университета. Осень. Направлен в Германию на двухлетнюю стажировку. Берлинская библиотека и др.

Двадцать третий и двадцать четвёртый год жизни. Защитил в Лейпциге бакалаврскую и магистерскую диссертации.

С двадцать четвёртого по тридцать второй год жизни. Работал в Кёнигсберге на разных научных и преподавательских должностях.

Тридцать третий год жизни. Зима. Вторая луна. Переехал в Петербург, получив должность профессора греко-римской истории.

С тридцать третьего по сорок пятый год жизни. Занимался в Петербурге научной и преподавательской работой.

Сорок второй год жизни. Весна. Линь.

1738, Петербург. Сорок пятый год жизни. Зима. Вторая луна. Заболел и умер. Главный труд опубликован не был. Могила не сохранилась.

2. Настоящая жизнь

Всё так. Но не всё.

Каждый день, как только садилось солнце и выходила луна, Байер превращался в неукротимого и яростного бога Фуси с туловищем человека и хвостом дракона. Миром повелевают знаки, а Байер повелевал этими знаками, в одиночку создавая в этой части Вселенной китайскую грамоту.

И жизнь его после заката состояла из нескончаемых битв с полчищами демонов-графем, сумасшедших трипов в алмазные горы «фоноидеограмм», головокружительных взлётов и падений тональных «финалей», укрощения чудовищных тритонов «трифтонгов» и сладостных но кратких отдохновений в райских садах «Байхуа», где книги исчисляются в «корнях», зеркала – в «лицах», верблюды – в «горных вершинах», а облака – в «соцветиях весенних цветов».

Этот эпизод я хотел назвать «Тайная жизнь серийного синолога». Но дело в том, что жизнь эта не была такой уж и тайной. Просто за данную работу Байеру не платили. А то, за что тебе не платят – это не работа, а хобби. А хобби, как всем известно – это отстой.

Порой можно столкнуться с мнением, что Байер был китаистом-любителем. Под этим подразумевают, что он не прошёл должной академической выучки по данному предмету и не имел за спиной авторитетных учителей. Но по мне – это как пенять Господу Саваофу, творящему небо и звёзды, что у него нет диплома строительного техникума. У отцов-основателей наставников не бывает. Байер был именно что «один в поле воин», причём во голом поле, создававший для человечества китаистику буквально из ничего. Когда и слова-то такого не было.

Но период вхождения в тему был, разумеется, и у него.

Когда Байеру было девятнадцать (1713), ему в Кёнигсберге в руки попала книга Филиппа Купле (1687) с латинским переводом трёх сочинений конфуцианского «четырёхкнижия». И в глазах у молодого студента всё поплыло (Автобиография Байера в публикации Петра Пекарского; «История императорской Академии наук», т. 1, 1870, с. 183). Чуть придя в себя, он тут же взял быка за рога – сел составлять собственный словарь китайских иероглифов.

> В 1713 меня однажды вдруг охватило страстное желание (quaedam grauedo me inuasit) научиться китайскому языку (Sinicorum studiorum). Чего я только не передумал и о чём только не перемечтал, соображая как бы мне подступаться к этому таинственному предмету. Мне казалось, что я ощутил бы себя потомком богов и царём царей, если бы смог сделать хоть крохотный собственный вклад в этой сфере. Как беременная крольчиха, я тащил в своё гнездо всё, что только мог найти по данному предмету и что имело хоть какое-то отношение к китайским лексиконам и китайской литературе (lexicon et institutionem linguae litteratura).
>
> (Байер, «Museum Sinicum», т.1, 1730, с. 85-86)

По крупицам (в одной книге нашёл пятьдесят иероглифов, в другой десять…) он набрал их аж две с половиной тысячи (уже можно читать газеты) и свёл всё это богатство в единую толстую тетрадь (сохранилась; University of Glasgow Library, Ms Hunter 139, pp. 1-162, 1713). Но это была, так сказать, только разминка.

Во время стажировки в Германии (1716-1717) Байер надолго завис в Берлинской библиотеке. Здесь ему реально повезло. Главным хранителем библиотеки оказался Матурин Ла Крозе – выдающийся лингвист-востоковед, а главное – близкий знакомый Лейбница, который упорно подбивал Ла Крозе к изучению китайского языка. Сам Ла Крозе на это не повёлся (у него и других безумных языков хватало), но со всей душой поддержал интерес к китаистике у приехавшего стажёра. Так перед Байером разом распахнулись двери всех секретных кладовых и хранилищ одной из лучших в мире коллекций китайских книг и рукописей. И вот тут уже Байер что называется дорвался.

Он не только перечитал всё. Он чуть ли не всё скопировал себе в личное пользование, переписав вручную. Горы толстенных тетрадей, исписанных им иероглифами во время стажировки, впору было вывозить на телегах. Например, он скопировал все три (!) имевшиеся в библиотеке рукописные версии одной и той же грамматики (словаря) китайского языка – «Grammatica Sinica» Мартино Мартини (1652). К настоящему моменту все эти три исходные рукописи считаются утерян-

ными – и о них мы знаем только по копиям, сделанным тогда Байером (MS Hunter 299, 1716, с. 1-41, 49-104, 111-124).

Казалось, ему благоволило само Небо. Ла Крозе сообщил Лейбницу о молодом способном китаисте, и великий учёный предложил Байеру (через Ла Крозе) стать его ассистентом по Китаю (письмо Байера к Ла Крозе от 18 октября/15 кальв. ноября 1716, «Thesauri epistolici Lacroziani», т. 1, 1742, с. 7; также: «Museum Sinicum», т. 1, 1730, с. 86-87). Байер в полной эйфории («Лейбниц, я люблю тебя!») сам пишет Лейбницу письмо (Архив АН СПб, ф. 784, оп. 2, д. 1, с. 28 – 30 об.). Но из всего этого ничего не выходит – в ноябре Лейбниц умирает. А через год кончается стажировка – и Байер возвращается к себе в Кёнигсберг.

Здесь он, сгоряча, пишет и публикует свою первую работу, связанную с Китаем («De eclipsi Sinica», 1718) – об отражении в китайских источниках солнечного затмения 33 года нашей эры, случившегося в момент смерти Иисуса. Это ещё не китаистика – но уже где-то на подходе.

А дальше образуется маленькая техническая пауза. И пауза эта нехорошо затягивается. Год проходит за годом в совершенно неотложных служебный делах, при этом китайская тема отступает всё дальше и дальше к горизонту. У молодых учёных на хобби времени не бывает.

Так пролетают восемь лет. И Байер понимает – надо что-то делать. Либо сейчас, либо никогда. В Кёнигсберге китаисты не растут.

Нужно ехать туда, где есть соответствующие материалы, где есть понимающие люди. Реальный выбор стоит между Берлином, Веной и Парижем.

И как раз тут (конец 1725) Байеру поступает неожиданное и заманчивое предложение из Петербурга – занять научную должность в только ещё создаваемой Академии наук. Формально – это кафедра греко-римской истории, но (как утверждает приглашающая сторона) заниматься можно будет чем угодно. Просто какой-то подарок судьбы.

Тем более, что Байер (как и весь научный мир) твёрдо знает, что Россия – это прямой мост с Китаем, по которому денно и нощно идут караваны китайских книг. Откуда он это знает? Ну как же – от «Mercure Galant», от Витсена, от Авриля, от Нёвилля, от Идеса, от Бранда, от Спарвенфельда, от Делиля, от Ланга. От того же Лейбница. От Робинзона Крузо, наконец.

Все эти наводки вполне конкретны. Например, книга Менцеля «Kurze Chinesische Chronologia», в которой был опубликован самый первый отчёт о путешествии Идеса-Бранда (с. 141-145) – эта книга была для Байера вообще первым китайским пособием, ещё в далёком 1713 (см. «Museum Sinicum», т. 1, с. 86). А книгу Витсена «Noord en Oost Tartarye» (1705) Байер так просто конспектировал (MS Hunter 213, 1719, с. 91-92).

В своей «Автобиографии» Байер прямо говорит, что принимая решение отправиться в Петербург, он «питал надежду найти в России много пособий для изучения Китая» (Пекарский, с. 188). Куда уж прямее.

Итак, решено. Байер едет в Петербург.

Прибывает он сюда с семьёй в начале 1726.

На месте мгновенно выясняется, что китайским языком и литературой здесь даже и не пахнет. Китайских книг в Петербурге нет от слова «совсем». Первого живого китайца Байер увидит только шесть лет спустя.

Запись об этом ужасном открытии в «Автобиографии» Байера лаконична, но выразительна: «Надежда не осуществилась» (Пекарский, с. 188). Но он не зацикливается на этом. Ему 32. Если здесь нет китаистики, то нужно её создать.

И Байер создаёт «китаистику». В свободное от основной работы время.

Уже в начале 1731 он печатает в типографии Академии наук свой фундаментальный труд «Museum Sinicum» в двух томах (в выходных данных указан 1730). Труд даже не «фундаментальный», а просто «эпохальный».

В числе прочего, в «Museum Sinicum» вошёл составленный Байером китайско-латинский словарь на две с половиной тысячи иероглифов. И он стал первым в Европе типографски изданным словарём китайских иероглифов вообще. Отпечатанным в занесённом снегом Петербурге, на брегах замёрзшей Невы.

До Байера было вот что. Либо словари рукописные, привезённые по случаю из Китая и на всю Европу имевшиеся всего в нескольких копиях (та же «Grammatica Sinica» Мартини) – либо отпечатанные пусть и типографски, но без собственно иероглифов, где китайские слова передавались только их звучанием (то есть писалось «zhōu» вместо «周», и так далее – как, например, в «Arte de la lengua mandarina» Франциска Варо, 1703, Кантон). К тому моменту существовал всего один-единственный прецедент, когда словарь был и типографский, и с иероглифами («Sinarum scientia…» Просперо Инторсетта, 1669), но изготовлен он был в Индии (Гоа) и в Европу фактически не попал.

Так что словарь Байера был в практическом смысле – первым. С этого самого момента любой человек в любой точке Европы, где имелся книжный магазин или почта, мог брать и учить китайский.

После «Museum Sinicum» Байер удвоил свои усилия в данном направлении. Из вышедших публикаций в первую очередь следует отметить предпринятую им первую в истории попытку перевода «Вёсен и осеней» Конфуция («De Confucii libro Chun çieu», журнал «Commentarii Academiae scientiarum», т. VII, 1734-1735, с. 362-426). «Вёсны и осени» – это своеобразная хроника, ставшая со временем совершенно культовой, которая описывает год за годом события в Китае с 722 по 479 год до н. э. Байера хватило на перевод только первых девяти лет (из двухсот пятидесяти), но лиха беда начало. Весь мир увидел, что «Вёсны и осени» переводибельны.

Формально, учеников у Байера не было, хотя по уставу Академии наук они и полагались. Но по факту, сам того не подозревая, он своими действиями вызвал к жизни русскую школу китаистики. Механизм здесь был следующим.

Когда Байер только направлялся в Петербург, он полагал, что связи Петербурга с Пекином просто бурлят. На деле оказалось, что в этом смысле здесь чисто сонное царство. Контакты односторонни, редки и медлительны.

Но конкретно в тот период очередной контакт как раз намечался. Байер прибыл в Петербург 17 февраля 1726, а за четыре месяца до этого, 12 октября 1725, из Петербурга в Пекин отправилось посольство Рагузинского. Так совпало.

О Рагузинском я уже много сказал, но есть что и добавить. В конце 1715 в Пекине обосновалась так называемая православная духовная Миссия. Исходно она была достаточно представительна и состояла из архимандрита, священника, дьякона и семи светских прислужников. Но архимандрит вскоре умер, дьякон и четверо светских тут же уехали назад, так что Миссия фактически заглохла.

И вот Рагузинский, собираясь в 1725 в Пекин, рассудил примерно так: «Чем они там, вообще, занимаются? Надо эту Миссию пристроить к делу. Пусть там ученики язык хотя бы осваивают. Со временем будут переводчиками.»

Сказано – сделано. Рагузинский пробил у русских властей разрешение отправить в пекинскую Миссию несколько молодых людей для изучения китайского языка. Формально, отправка проводилась по синодальному ведомству, но инициатором и мотором всего этого был именно Рагузинский, все остальные – неохотные и тормозные исполнители. Вот документы.

Требование Рагузинского:

> 23 июня 1725. Доношение Рагузинского в Коллегию иностранных дел о нуждах посольства
>
> В чем, чаю, необходимая нужда в том посольстве: <…>
>
> 12) два школьника младых лет, ежели разсудится за благо покинуть их в Китае при консоле для науки китайсково языка и писания, о чем в Российской империи не без нужды.
>
> (АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1725, д. 4, л. 10-11)

Реакция Синода:

> 4 августа 1725. Определение Синода о назначении при посольстве в Цинскую империю священника и учеников
>
> В Святейший Синод приходил <…> иллирийской граф Сава Владиславич [Рагузинский] и требовал, дабы <…> для научения китайского языка из школьных людей отправлены бы были с ним <...> два человека.
>
> (ЦИА, ф. Канцелярия Синода, оп. 1, д. 120, л. 81-82)

Распоряжение канцлера:

> 19 августа 1725. Доношение канцлера Головкина в Синод

> Ея императорское величество указала при <…> иллирийском графе Саве Владиславиче <…> послать для обучения китайского языка и письма из Москвы <…> дву человек учеников, выбрав добрых и остроумных, немноголетных, и которых он, действительной штатской советник, за достойных быть усмотрит.
>
> (ЦГИА, ф. Канцелярия Синода, оп. 1, д. 120, л. 83)

На всё-про всё у Рагузинского ушло меньше двух месяцев – а ведь к этому делу десятилетиями не могли подступиться. Но саму эту идею первым кинул, насколько мне известно, Лоренц Ланг. Так ведь они оба у меня так и идут, в связке.

> 8 марта 1723. Реляция Лоренца Ланга в Коммерц-коллегию
>
> Прошу в здешную губернию его императорского величества указ послать, чтоб из-Ыркуцкой правинции несколько робят от 12 до 15 лет, которые бы российской язык добре читать и писать умели, мне даны были, дабы я их, когда паки в Китай поеду, с собою взять могл и там бы в китайскую школу отдал.
>
> (РГАДА, ф. Коммерц-коллегия, оп. 1, д. 459, л. 54)

Так что Рагузинский поехал из Москвы с двумя «школьниками младых лет» – для обучения их в Пекине китайскому языку. На деле всё получилось несколько сложнее – но получилось. Эти два ученика до Пекина с Рагузинским поначалу не доехали, а были оставлены им на границе для других заданий. Тем более, что пробить у русских властей разрешение на посылку в Пекин учеников – это было только четверть дела. Нужно было ещё добиться, чтобы китайский император разрешил им там находиться. Рагузинский этим, в числе прочего, и занялся. Как результат – в текст Кяхтинского договора вошла отдельная статья (п. 5) о допуске в Пекин для обучения китайскому языку русских «школьников» – и не двух, а целых шести.

> Четыре мальчика учеников, и два побольшаго возраста, которые по-руски и по-латыне знают и которых посол российской Ильлирийской граф Сава Владиславич [Рагузинский] хощет оставить в Пекине для обучения языков, будут жить также в сем доме, и корм дастся им из царскаго иждивения. А когда выучатся, по своей воли да возмутся назад.
>
> (Кяхтинский договор, 1727, п. 5)

И уже вскоре после отбытия Рагузинского из Пекина ученики заполнили (с караванами Ланга) созданные для них Рагузинским вакансии. Так пекинская духовная Миссия обрела, наконец, своё лицо – как место для подготовки будущих переводчиков китайского языка.

Так получилось, что весь этот проект прошёл мимо Петербуржской Академии наук, соответственно он никак не подпадал под её юрисдикцию. Так что Байер учеников в Пекин не отбирал, не утверждал и не курировал. И тем не менее именно он сыграл решающую роль в их профессиональной судьбе.

Когда я говорил, что в 1720-х ещё не существовало реальных «китаистов», я имел ввиду, что их не существовало в Европе. Но те же европейские миссионеры, постоянно проживавшие в Китае, таковыми, конечно, являлись. Уровень знания ими китайского языка, китайской культуры, да и вообще китайских реалий просто зашкаливал. Но это была отдельная изолированная каста, всего из нескольких человек, фактически полностью оторванных от европейских научных процессов. Их редкие вылазки в Европу (не каждое десятилетие) неизменно становились здесь научной сенсацией.

И вот Байер, отпечатав в Петербурге в начале 1731 свой «Museum Sinicum», дерзнул отправить один экземпляр этим святым отцам в Пекин. Реакция последовала быстрая и крайне положительная. Отписались Байеру чуть не все. Кто-то восторженно хвалил, кто-то благожелательно критиковал, кто-то вносил уточнения. Но суть была в следующем – Байер был ими признан, и был принят ими в их число. В число «бессмертных», которых всех можно было пересчитать по пальцам рук. При организационном посредстве Ланга и его караванов, между Байером и пекинскими миссионерами завязалась бурная переписка. И она-то и повлияла решающим образом на судьбу русских учеников в Пекине.

Пекин город маленький, всего несколько миллионов жителей, все всех знают. В смысле – все европейцы всех европейцев. Но о научных контактах между святыми отцами и учениками русской духовной Миссии смешно было при этом даже и говорить. С одной стороны – зрелые состоявшиеся люди, прожившие в Пекине не одно десятилетие, приехавшие сюда с дипломами лучших европейских университетов и являющиеся реально выдающимися учёными (астрономами, математиками, картографами, лингвистами), свободно владеющие множеством языков (включая китайский, маньчжурский и монгольский), написавшие не один научный труд и занимающие при императорском дворе высокие должности, предполагающие участие в управлении двухсотмиллионным государством. С другой стороны – фактически дети, зачастую родившиеся в простых крестьянских семьях тут же в Забайкалье (например в пограничном Селенгинске, как Россохин), не видевшие в своей жизни решительно ничего, нетвёрдые в счёте и являющиеся «мальчиками на побегушках» у начальника своей Миссии. Какие уж тут «научные контакты».

Но как только над горизонтом, как ослепительное солнце, взошёл Готлиб Байер, он лучами своей репутации мгновенно высветил в глазах святых отцов всех русских учеников (о которых, возможно, не особо и знал). Это кажется сказочным преувеличением, но факты твёрдо говорят за это. Так, например, влиятельнейший в Пекине миссионер Доменик Парренин (Parrenin) вскоре взял научное шефство над русским учеником Лукой Воейковым (тем самым, который приехал с Рагузинским из Москвы, знал латинский язык и был постарше остальных). Парренин даже вовлёк Воейкова в работу над своим латинско-китайским словарём. Об этом мы знаем как от самого Парренина, так и от Ланга.

В своём письме к Байеру от 31 августа 1732 Парренин пишет, что надеется, что копия его словаря будет готова к моменту отбытия Ланга из Пекина, так что он сможет послать её Байеру. И добавляет:

> Один из учеников, который прибыл в Пекин с графом Савой [Рагузинским] для изучения китайского языка, и который знает латынь, а именно Лука [Воейков], как раз занимается переписыванием этого словаря.

> (Копия письма Парренина к Байру от 31 августа 1732, снятая с оригинала Байером. Ms Hunter 392, с. 1)

Год спустя, 29 июня 1733 Ланг пишет в Коллегию иностранных дел, что:

> [Воейкову] поручено с помощью патеров езуитов на российском, китайском и латинском языках сочинить лексикон, что он на себя взял, и езуиты в том ему помогать обещались.
>
> (АВПР, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/7, 1733, д. 3, л. 286 об.)

Очевидно, что «патеры езуиты» не оставляли своим попечением Воейкова и дальше. По крайней мере, когда год спустя Воейков заболел и умер, Парренин посчитал себя обязанным немедленно сообщить об этом Байеру:

> Русский ученик, Лука Воейков (Lukas Wojeikoff), начинал было переписывать словарь, но он умер от болезни.
>
> (Письмо Парренина к Байеру от 30 июля 1734, Ms Hunter B/A, A8)

Выше я говорил, что Байера до сих пор иногда попрекают тем, что у него не было маститого «учителя». Так вот, с подачи Байера у русских «школьников» в Пекине такие учителя появились. Настоящие учителя, на тот момент – лучшие в мире. А это изменило вот что.

Русские власти, посылая «учеников» в Пекин, видели в них будущих «толмачей» – то есть людей, знающих иностранные слова и умеющих складывать из них фразы. Но «знать язык» это несколько другое. Знать язык – это знать весь корпус классических текстов, написанных на этом языке, знать историю родины языка, знать культуру, знать и понимать тонкости местной жизни. Так вот, подключившиеся к процессу «патеры езуиты» как раз и перевели в нужном направлении стрелки профессиональной ориентации своих русских подопечных. Уже из второго набора «учеников» вышли никакие не «толмачами», а реальные «китаисты».

Поминавшийся уже Илларион Калинович Россохин был в юном возрасте послан для обучения китайскому языку из Селенгинска в Пекин всё тем же Лангом (по велению и хотению всё того же Рагузинского). Так Россохин попал в Пекин в 1729 в возрасте двенадцати лет, всего два года спустя после Воейкова, на которого он смотрел тогда снизу вверх.

Но к своим 24 годам Россохин освоит китайскую тему настолько, что за успехи получит офицерский чин и дворянство (по прямому ходатайству Ланга), станет «вашим благородием» и в 1741 будет переведён из Пекина в Петербург на чистую работу в Императорскую Академию наук. Это он-то, голоногий мальчишка, не окончивший даже начальной школы и до сего момента никогда не бывавший западнее Иркутска.

В Петербурге у Россохина обнаружился поистине неисчерпаемый потенциал к переводу китайских книг. Вот только интереса к этим книгам здесь не обнаружилось. Так что Россохин переводил «в стол». Поскольку он работал в служебное время, то свои переводы он сдавал в канцелярию. Которая, не читая, отправляла их прямиком в архив, где они обретаются до сих пор.

Можно сказать что Россохину ещё повезло (благодаря ведомственной принадлежности). У простых людей рукописи не берут даже в архив. Наследники складывают их в аккуратные стопки, перевязывают бечёвкой и сдают в макулатуру.

Итак, переводы Россохина скапливались в архиве. Относительно всяких там «конфуциев» я бы это ещё мог понять. Но даже такое остро-актуальное и сугубо практическое его сочинение, как «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках» – и то осталось невостребованным.

А ведь в нём была детально изложена (с чертежами) технология изготовления «огненных фонтанов», «верховых ракет», «низовых ракет» (шутих), «летающих колёс» и прочих нужнейших государству (в лице Двора) вещей. Не говоря уж о точных рецептах секретных составов для таких огней, как «цветущий камыш», «белый пион», «красные персики среди бамбука», «золотые капли», «цветы на золотых ветвях», «орёл, гоняющийся за птицами», «цветы, ниспускающие шёлк», «цветы западных стран», «бабочка, порхающая над лепестками», «летающие луны» и проч. и проч.

Например, для «Бабочки, порхающей над лепестками» нужно смешать селитру (10 лян), серу (2 ляна 5 чин), уголье лозовое (2 ляна 5 чин) и молотый чугунный песок (6 лян). А для «Летающих лун» – селитру (4 ляна), серу (4 ляна), белила (1 чин 2 фуна), вещество «сен хуан» (1 чин 3 фуна) и камфору (3 чина). Не пытайтесь повторить самостоятельно.

Впрочем, одно переведённое Россохиным сочинение всё-таки было опубликовано, правда уже после его смерти. А именно – «Обстоятельное описание… всего Маньчжурского народа». Данное описание было действительно «обстоятельное», в шестнадцати томах, так что в помощь Россохину был отряжен Алексей Леонтьев, которому Россохин как бы передал этим эстафету местной «китаистики» (полученную им самим через Байера).

Мы однажды уже слышали про Леонтьева – в связи с Екатериной Дашковой (см. «Золотой гвоздь»). И вот опять. Так что придётся сказать и о нём пару слов.

Научное становление Леонтьева проходило (в отличие от предшественников) уже вполне гармонично. Сначала он окончил славяно-греко-латинскую академию. Потом несколько лет учил китайский язык с частным преподавателем (этническим китайцем). После чего был послан в Пекин (в 1743, то есть через два года после убытия оттуда Россохина) на 13-летнюю стажировку. А вернувшись, был принят в штат Коллегии иностранных дел по китайскому направлению. И вскоре попал в помощники к Россохину по переводу неподъёмной 16-томной текстовой махины.

В его резюме уже есть всё что нужно: и базовая подготовка, и специализированная стажировка, и стартовый толчок преемственности, и простор для самореализации. И вот Леонтьев-то напереводил и наиздавал уже страшно сказать сколько. Так что – всё, китаистика в этой стране пошла.

Из красивого. Одна из изданных Леонтьевым книг называлась «Уведомление о чае и шёлке» (1775). Ну, шёлк – ещё ладно, а вот мимо чая я пройти просто не могу. Процитирую хотя бы частично (слегка осовременив правописание и исправив явные опечатки):

О ЧАЕ

(из «Вань боу Кюань», перевёл Леонтьев)

- Когда снимать с деревьев листья?

У китайцев в лексиконе описано чаевое дерево подобным по виду ольхе.

Надобно знать время, когда листья снимать, для того, что ежели рано снимутся, чаевой вкус ещё не совершенен; а поздно – совершенство вкуса потерялось.

Настоящая пора снимать оныя за пять дней до наступления времени названного «Гоу юй» (а), и продолжать только десять ночей, ради того, что самое лучшее к сему время ночь чистая, когда нет облаков, тумана и росы.

(а) – По российскому календарю небесный знак Тельца, который обыкновенно бывает в апреле месяце, и начинается около 10 числа. «Гоу юй», две китайские литеры значат «хлебный дождь».

- Доброта листьев?

1) Цвета жидкомалинового. 2) В морщинах. 3) Кругловатые.

А кои красноваты и походят на камышевый лист, те самые худые.

- Доброта вкусов?

1) Самый лучший чай тот, который растёт между горами в буераках. 2) Который растёт в камышевых рощах. 3) В каменистых местах. 4) На песках.

- Каким образом листья высушивать?

[Следует подробное описание. Но поскольку нам их не сушить, я это пропущу.]

- Как на чай воду варить?

Чайник с водою в то время на жар поставить, как уже уголье вовсю покраснело; поставив чайник, тотчас раздувать уголье махавкою, помахивая полегоньку и при том скоренько; а как скоро в чайнике от закипанья звук слышен, то помахивать махавку прышче, до того времени, как пора придёт чайник долой снять.

Жар надобен прежде умеренный, а потом помалу увеличенный, ради того, чтобы вода свою (для чая) посредственную силу возымела; ибо когда жар очень мал, то вода будет слаба (хотя кипела) и может от чаю побеждена быть, а когда жар велик, будет очень сильна, и победительница на чаем, а нам надобно, чтобы как вода, так и чай своих умеренных действий не лишились, чтобы было между ними согласное сродство.

- Как кипучую воду распознать?

По виду: когда на воде появились пузырьки подобные рыбьим или рачьим глазам, в то время начинает закипать, а когда показались струи, волны, быстрый разлив, то знать надобно, что вода совершенно поспела и всей своей сырости лишилась.

По звуку: когда слышно подобие трескучего стука или бегущего топота, то закипать начинает, а по сем, как уже ничего не слышно, то совершенно поспела.

По пару: когда от воды вверх поднялся пар лоскутьями, по одному, по два и более, то закипает, а как пар вверх прямо столбом пошёл, то совершенно поспела.

- Как сырую воду хранить?

Держать в ценинном сосуде под кровлею, куда солнечные лучи не доходят, и накрывать только холстиною, чтобы звёзды и роса проницать могли, ради того, что солнечными лучами вытягается из воды природная сила, а от звёзд и от росы соблюдается в воде чистая влага.

- Чайник в коем воду греть?

Употреблять серебряный или оловянный, или глиняный – а медный и железный к сему не годится.

- Из чего чай пить?

Чайник и чашки употреблять фарфоровые, самые чистые белые, на коих цветов нет, а вытирать оные льняным чистым холстом.

И уж совсем меня покорил Леонтьев тем, что в том же 1775 опубликовал руководство по игре в «сянци», роду китайских шахмат. Удивительно, как с того момента всё население Руси не начало одним этим с утра и до вечера только и заниматься.

Итак, если коротко – в сотворении всего вышеперечисленного и состояла настоящая жизнь Готлиба Байера. Которого иногда называют то Зигфридом, то Теофилом.

3. Кодовое слово

Бессмысленно обсуждать, было ли решение Байера отправиться в Петербург фатальной ошибкой или высшей мудростью. Выбор был сделан – и дальше всё случилось как случилось.

Но есть прямой смысл обсудить тонкую механику принятия им этого неоднозначного решения.

«Толстую» механику мы уже видели: Байера к его решению подтолкнуло общественное мнение, транслированное от Спафария в публичную сферу многими уважаемыми людьми (см. «Мост из радуги»). Всё это лежит на поверхности.

Но был ещё один фактор, менее заметный. И похоже, что он-то и оказался в случае Байера решающим.

Когда Байер в 1716-1717 работал в «китайских» фондах Берлинской библиотеки, он столкнулся там с одной весьма специфической рукописью. Она была сделана на немецком языке и называлась «Актуальное и достоверное описание... Сибирского царства» («Eigendtliche und richtige Beschreibung…Königreichs Siberien»). На титульном листе было указано, что это – перевод на немецкий «некой славянской рукописи, хранящейся в Библиотеке курфюрста» («Auß einem zur Churfürste Bibliothek gehörigen sclavonischen Manuscript in die teutsche Sprach übergetragen»). Переводчик – Эрнст Готлиб фон Берген («EGvB»), год перевода – 1697.

Эта рукопись сохранилась доныне, и находится всё там же, в Берлинской библиотеке (MS Germ Qu. 231). Так что её содержание известно.

Большая её часть посвящена, как и указано в названии, общему описанию Сибири. Но для нас (как и для Байера) особый интерес представляют последние её страницы, где рассказывается о некоторых сторонах культурной жизни Китая.

Источники этого перевода уверенно просматриваются. Это «Описание Сибири» Венюкова («сибирская» часть) и «Описание Китая» Спафария («китайская» часть). Рукописи обоих этих сочинений (на русском языке) в Берлинской библиотеке к тому времени имелись, незадолго перед этим переданные туда переводчиком (MS Slav Fol. 23 и MS Slav Fol. 24 соответственно).

Эрнст фон Берген – человек известный. На 1697 он являлся секретарём Бранденбургского курфюрста. А в молодости он восемь лет прожил в России (с 1670 по 1678) и свободно владел русским языком. Оттуда он привёз в Берлин последнюю на тот момент московскую литературную новинку – только-только начинавшее ходить в списках «Описание Китая» Спафария.

Это сочинение представлялось Бергену весьма ценным. Во всяком случае, перед тем, как передать привезённую им из Москвы рукопись в Берлинскую библиотеку, он снял с неё для себя копию (по иронии судьбы со временем переехавшую в Пе-

тербург, РНБ ОР, ОЛДП.Q.64). А потом ещё и перевёл её (частично) на немецкий язык (MS 231).

И вот, через двадцать лет после появления перевода Бергена, в 1717, на этот перевод в Берлинской библиотеке натолкнулся Байер. И рукопись эта произвела на него, судя по всему, сильное впечатление.

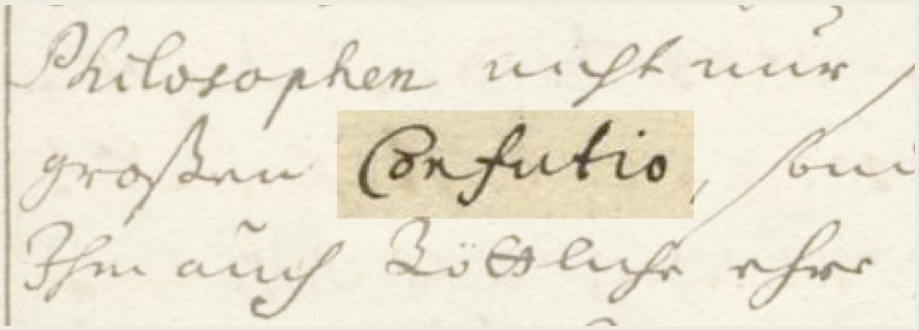
Строго говоря, это был не совсем перевод, а скорее вольный пересказ Бергеном наиболее важных сведений, почерпнутых им из указанных двух русских источников и скомпонованных в соответствии с собственной логикой составителя. Так что точных цитат здесь немного и все отрывки перемешаны – но даже при этом смысловые шаблоны источников видны прекрасно.

И что же Берген посчитал нужным взять у Спафария из его «Описания Китая»? Кроме ожидаемой 5-й главы с «сибирскими путями в Китай» (Берген, с. 86), это – выжимки из глав 8-й и 19-й Спафария, посвящённых религиозной и интеллектуальной практике китайцев (Берген, с. 115-119).

И в этой части Берген практически цитирует Спафария. И о «трегубой китайской вере – философской, идолослужительной и епикурской» (Спаф. гл. 8 – Берген, с. 115), и об обозначении этой тройственности, как «Санкао» (там же), и о разделении собственно философии «на трое» (Спаф. гл. 8 – Берген, с. 116), и о «стоголовых и сторуких идолах» (Спаф. гл. 19 – Берген, с. 117).

Но самая горячая позиция, отобранная Бергеном для перевода – это рассказ Спафария о «философе Конфуции». Вот как это прозвучало у Бергена:

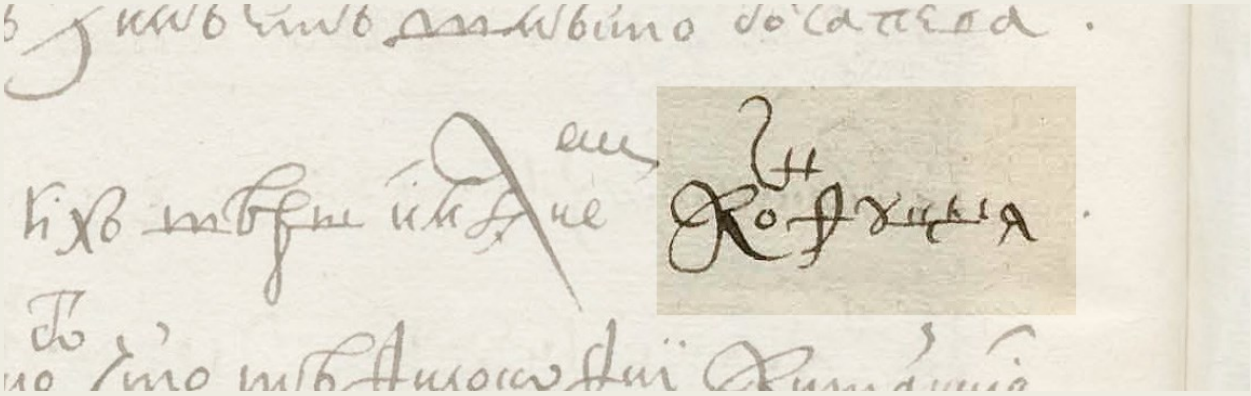
> «Философы» не только очень высоко отзываются о своём великом Конфуции, но также воздают ему божественные почести, и держат в своих идольских храмах тысячи изваяний – идолов со 100 головами и руками.
>
> (Philosophen nicht nur sehr hoch von ihren großen Confutio, sondern erweisen ihm auch Göttlich ehre, und huten in ihren götzen tempeln tausenderlei abgötten, Götzen mit 100 köpfen und handen.)
>
> (Берген, MS 231, с. 117)



[Илл. 08-07-05-01-1. Фрагмент «Описания Китая» Спафария в немецком переводе Бергена. Staatsbibliothek zu Berlin, MS Germ. Qu. 231, с. 117. Данный перевод был частично опубликован в 1784 в журнале «Magazin für die neue Histoire», т. 18, с. 83-110 – однако вся «китайская» его часть (начиная со страницы 106 и до конца) была при этом опущена]

А вот как то же самое выглядит в оригинале – конкретно в той копии «Описания Китая» Спафария, с которой переводил Берген (MS Slav Fol. 24):

> Китайская вера <…> первая есть «философская» <…> и имеют вместо бога перваго философа и начальника их веры именем Конфуцыя. И поучение и приказ его [исполняют]. <…> И толикое идолов множество, что и щитати невозможно, потому что не токмо в кумирницах <…> идолы поставлены <…> 100-главные и 100-ручные.
>
> (Спафарий, «Описание Китая», гл. 19. По рукописи, принадлежавшей Бергену, MS Slav Fol. 24, с 36 об., 38)



[Илл. 08-07-05-02-1. «Конфуций» в рукописи «Описания Китая» Спафария, глава 19, с которой Берген делал свой перевод. Привезена Бергеном из Москвы в 1678 и с 1697 хранилась в библиотеке курфюрста. После окончания Второй мировой войны находится в Кракове – Biblioteka Jagiellońska, Berol. Ms. Slav. Fol. 24, л. 36 об.]

Так что вот оно – кодовое слово в действии. Молодой Байер, не так давно ещё рыдавший над сочинениями Конфуция (в латинском переводе Купле), держит в руках «старинную» русскую рукопись (в немецком переводе Бергена) – и видит в ней не «Иванушку-дурачка» или «Бабу-Ягу», а самого что ни на есть Конфуция. Какие ещё тут нужны доказательства? Воистину, Московия – Эльдорадо для китаиста, ибо там с испокон веков знают Конфуция, изучают Конфуция и о Конфуции пишут.

Вот что в 1717 прочно отложилось в сознании Байера.

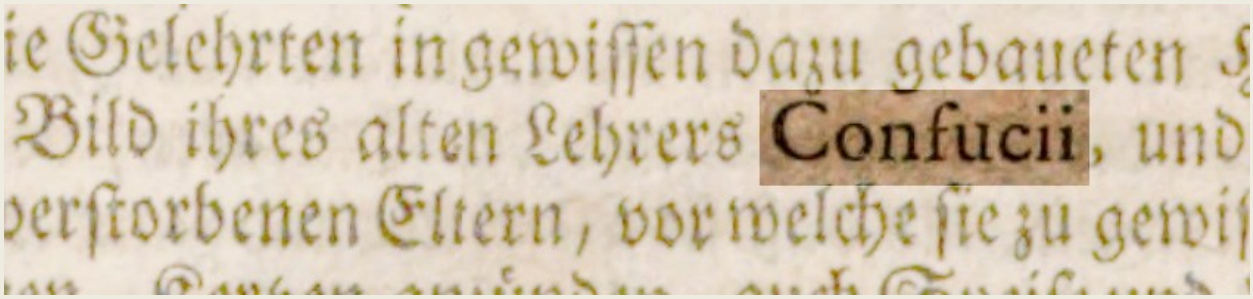
А лет пять спустя, уже незадолго перед получением Байером предложения из Петербурга, эта условно-рефлекторная фиксация («Московия = Конфуций») была обновлена и закреплена. Только что изданная на немецком языке книга Вебера «Das Veränderte Rußland…» (1721) предлагала вниманию публики новый русский отчёт о Китае (автор Лоренц Ланг). Где, опять-таки, как само собой разумеющееся поминался «Конфуций» (в выражениях, подозрительно напоминавших строки Спафария):

> Конфуций – самый выдающийся и первый учитель китайцев, которому они не только воздают глубокое почитание, но и всех его последователей одаряют всевозможными благами. <…> Кроме того, в специальных

домах, построенных для этих целей, учёные мужи хранят таблички или изображения своего учителя Конфуция.

(Confucius ist der vornehmste und erste Lehrer der Sineser, welchem sie biß aus diese Stunde alle ersmnliche Ehre anthum, wie denn auch alle seine Nachkommlinge mit grossen Gütern beschenkt worden sind, und in grossen Ehren gehalten werden. <…> Uberdem halten die Gelehrten in gewissen dazu gebaueten Häusern eine Tafel, oder das Bild ihres alten Lehrers Confucii.)

(Отчёт Лоренца Ланга о путешествии в Китай в составе книги Вебера «Das Veränderte Rußland…», 1721, с. 108, 110)


ie Gelehrten in gewissen dazu gebaueten
Bild ihres alten Lehrers Confucii, und
verstorbenen Eltern, vor welche sie zu gewi

[Илл. 08-07-05-03-1. «Конфуций» в отчёте Лоренца Ланга о его путешествии в Китай в 1715. Опубликовано в составе книги Вебера «Das Veränderte Rußland…», 1721, Франкфурт, с. 110]

И вот в этот именно момент (1725) как раз и поступает предложение из «Московии» – той самой, где «мужик с базара прёт Чжуанцзы, Конфуция». И Байер, ничтоже сумляшеся, отправляется туда.

То, что слова Спафария о Конфуции (в немецком переводе) произвели в Берлине в 1717 на Байера впечатление – это видно хотя бы из того, что Байер тогда тут же полностью скопировал эту рукопись себе в личное пользование (123 большие страницы мелкого текста). Так что собственноручно изготовленная копия перведённых Бергеном фрагментов из книги Спафария была с Байером всю его сознательную жизнь.

Мы знаем об этом из протокола заседания Академии наук от 13 июня 1740, на котором эта копия, оставшаяся после Байера, была передана следующему владельцу:

Передать профессору Штрубе де Пирмонту рукопись перевода со славянского на немецкий язык «Актуального и достоверного описания... Сибирского царства», выполненного Эрнстом Готлибом фон Бергеном, которая принадлежала профессору Байеру и осталась среди его вещей.

(Dem Hrn. Prof. Strube de Pirm. wurde extrediret aus des seel. Hrn. Prof. Bayer's hier gebliebenen Sachen, des Ernst Gottl. von Bergen eigentl. und richtige Beschreibund von <…> Königr. Siberica, <…> aus dem Slavonischen ins Teutsche getragen.)

(Протокол заседания АН от 13 июня 1740. «Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук», т. 1, 1897, с. 615)

Итак. Кодовое слово, зашитое в сознание Байера в 1717, в 1725 сработало – и Байер принял предложение Петербуржской Академии наук. И в начале 1726 поехал навстречу своему Конфуцию.

Понятно, что никакого «Конфуция» здесь не обнаружилось, да и прочая «китаистика» оказалась никому не нужна. Похоже, что самым важным заданием, полученным Байером от правительства в этой области (переданным через президента Академии наук Корфа), была просьба перевести рекламный листок, который прилагался к присланному Рагузинскому в подарок пачки чая (само поручение – записка от 6 января 1735, MS Hunter A9; выполненный перевод – MS Hunter E38, с. 2).

Реальное положение дел с «китаистикой» открылось Байеру достаточно быстро. Чуть ли не с первых дней своего здесь пребывания он пытался вернуться назад в Европу (Пекарский, с. 192, с ссылкой на свидетельство Герхарда Миллера, с. 52-56). Временами попытки ослабевали, временами вспыхивали с новой силой (как , например, в 1733 – см. письмо к Кристофу Вольфу от 8 апреля 1733, «Wolff Corresp.», Sup. Ep. 114, f. 134-5). Но уехать отсюда оказалось сложнее, чем сюда въехать. Байера не отпускали то власти, то обстоятельства.

И только через двенадцать лет он смог добиться разрешения уехать. При этом он уезжал не куда-то конкретно (никаких предложений у Байера не было), он уезжал конкретно отсюда.

Итак, разрешение было всё-таки получено, и в конце 1737 Байер отправил в Кёнигсберг свои вещи и рукописи. Собственный его отъезд с семьёй, уже налегке, был запланирован на весну 1738.

Всякие мелкие дела, знаете ли.

4. Ad astra

Как мы помним, двенадцать лет назад Байер ехал в Петербург в надежде найти здесь Конфуция. И, как ни странно, он его нашёл. Как находят в тёмной комнате чёрную кошку все, кто хорошо ищет. Вся история перевода Байером фрагмента «Вёсен и осеней» – это история обретения им своего Конфуция.

Самое знаменитое место данной китайской хронике – это последняя её страница, где в записи за весну 481 года до н.э. коротко значится: «Поймали Линя».

«Линь» (у Конфуция «麟», произносится «lín», в первом тоне; он же – «цилинь») – это мифическое парнокопытное животное, имеющее на лбу один рог (наподобие европейского «единорога»). Никакой смертный не может его увидеть, и его появление расценивается, как предвестье какого-то очень значительного события. В случае «Вёсен и осеней» это был знак близкой смерти Конфуция – действительно наступившей вскоре после появления «Линя». Данная причинно-следственная связь воспринималась тогда столь однозначно, что в китайском языке выражение «Поймать Линя» стало нарицательным.

Надо сказать, что этот загадочный «Линь» («цилинь») волновал Байера всю его сознательную жизнь. Впервые Байер узнал о нём в 1716 в Берлине – скорее всего из книги Мартини «Sinicae Historicae», 1658 («…animal rarum Kilin nomine», кн. 4, с. 149). И тут же молодой стажёр развернул жаркую дискуссию на эту горячую тему («Ki lin», в два слова) со своим старшим коллегой Ла Крозе (письма Байера к Ла Крозе от октября и декабря 1716).

Пройдёт много лет, Байер повзрослеет и много чего узнает, но «Линь» так и не оставит его в покое. Первая же почта, полученная Байером в Петербурге от пекинских иезуитов, будет содержать шёлковую картину с изображением «Линя» – с пояснением, что это мифическое животное разные художники изображают по-разному (письмо Парренина к Байеру от 31 августа 1732, MS Hunter A2).

Как только канал связи с Китаем более-менее наладился, Байер буквально завалил своих пекинских корреспондентов вопросами о «Лине», а также собственными о нём суждениями.

Парренину он сообщает, что уже видел изображение «Линя» здесь в Петербурге, в коллекции восточных редкостей в доме архиепископа Прокоповича – «Линь» здесь был вышит на пологе калмыцкого шатра (копия письма к Парренину от 30 октября 1734, MS Hunter B12).

У Гобиля он просит разъяснений по поводу последних слов в «Вёснах и осенях», связанных с «Линем» (письмо к Гобилю от 30 октября 1734, MS Hunter B7) – а год спустя уже сам объясняет Гобилю, что появление «Линя» в хронике Конфуция следует рассматривать, как пророчество о будущем пришествии Христа (письмо к Гобилю от 31 декабря 1735, MS Hunter B11).

Присутствует «Линь» и в переписке Байера с Кёглером, Перейрой и Славичеком (12 сентября 1732, MS Hunter A3). Так что никто не остался забытым.

Научные рукописи Байера также полны «Линями». Байер сообщает, что европейцы иногда смешивают «Линя» с носорогом или жирафом (MS Hunter E17). Подтверждает, что появление «Линя» неизменно рассматривается, как предзнаменование важного события (там же). И даже проводит раздельный лексический анализ компонентов этого слова – «Ци» отдельно, «Линь» – отдельно (MS Hunter E30, т. 2, с. 11-12). А статья Байера «De lexico sinico çu gvey» так прямо с «Линя» и начинается («Commentarii Academiae Scientiarum», т. 6, с. 339. Принято в печать в 1732-33, отпечатано в 1738).

И это всё при том, что мы не добрались ещё до главной в этом смысле работы Байера – «De Confucii libro Chun çieu», 1735, целиком посвящённой «Вёснам и осеням» Конфуция и включающей в себя перевод Байером фрагмента этой хроники («Commentarii Academiae Scientiarum», т. 7, с. 362-426; принято в печать в 1735, отпечатано в 1740).

Планируя данную работу, Байер понимал, что полный перевод «Вёсен и осеней» он сейчас не потянет. Так что надо было выбрать подходящий для первой публикации фрагмент. Вариантов было много. Можно было начать по-порядку и взять записи за несколько первых лет. Либо взять то знаменитое место, где на протяжении пяти лет были зафиксированы аж четыре солнечные затмения (553, 552, 550

и 549 годы до н. э.). Либо, что лучше всего, взять завершающие страницы – с тем самым сообщением о поимке «Линя». Это было бы самым логичным.

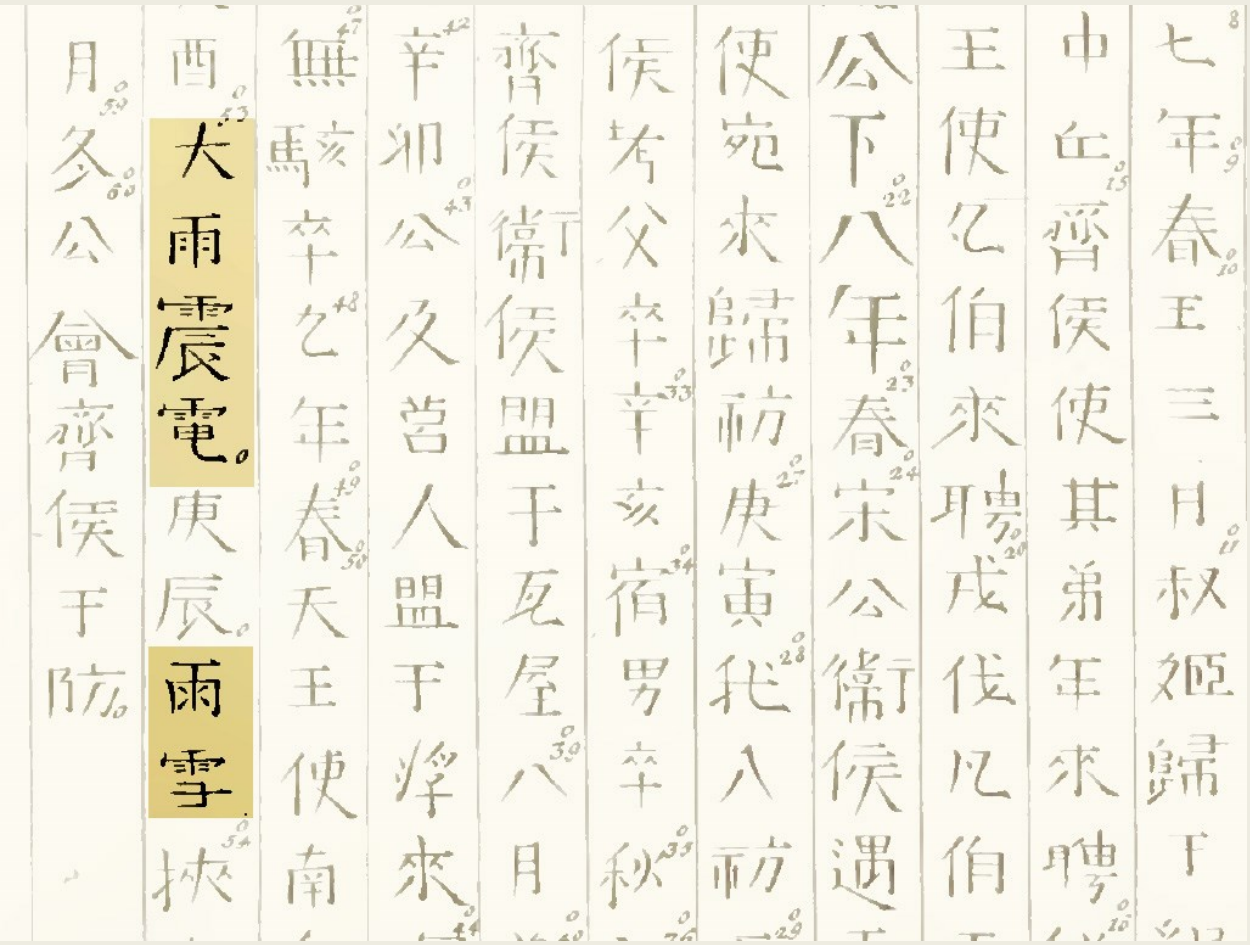
Однако Байер не только отказался от перевода фрагмента с «Линем», но во всей своей объёмистой работе, сообщающей много чего о «Вёснах и осенях», он «Линя» даже не упомянул. В свете всего вышесказанного, это выглядит странным.

Хотя, если чуть задуматься, ничего странного. Наоборот, тут всё как на ладони. Лучше чем кто-либо другой зная, чем именно чревата «поимка Линя» для сообщившего о ней (а может и для переводчика такого сообщения, кто знает?), Байер решил просто «не будить Лихо». И выбрал для своего перевода нейтральный фрагмент. А именно – первые несколько лет хроники, в которые не случилось ничего особенного.

Тут всё было тихо-мирно. Начинался фрагмент в 722 году до н.э. с сообщения о начале правления «Вана», а заканчивался в 714-м, где самым заметным событием всего-то и было, что необычное для поздней весны погодное явление. В переводе Байера оно выглядело так:

> Magna plavia, sive et nix.
>
> (Большой дождь со снегом)
>
> (Байер, «De Confucii libro Chun çieu», 1735, с. 425-426)

Кроме своего перевода, Байер опубликовал в качестве приложения и исходный текст переводимого фрагмента. Выглядел он, надо сказать, несколько по-другому.



[Илл. 08-07-05-04-1. Фрагмент «Вёсен и осеней» Конфуция, запись за весну 714 года до н. э. Опубликовано Байером в качестве приложения к его статье «De Confucii libro Chun çieu» (таблица XX, п. 53) в журнале «Commentarii Academiae scientiarum», т. VII, 1735 (вышел в 1740). Выделены фразы «Большой дождь, грохот и вспышки» (вверху) и «[Большой] дождь со снегом» (внизу)]

Как мы видим, здесь описано не одно, а два разных события, относящихся к двум разным дням «третьего месяца» года. В пересчёте на современный календарь, это были 27 марта и 3 апреля 714 года до н.э.

Так вот, в первый из этих дней имели место такие явления, как «большой дождь (大雨), грохот (震) и вспышки (電)», а во второй – «большой дождь со снегом» («大雨雪», в публикации Байера иероглиф «большой» («大») в этом месте пропущен).

Сводя два эпизода в один, переведённый Байером фрагмент «Вёсен и осеней» в оригинале состоял из следующих смысловых элементов:

Большой дождь со снегом. Грохот. Вспышки.

(Смысловой экстракт записи за весну 714 года из «Вёсен и осеней»)

Итак, сильный дождь со снегом, громом и молниями. Для конца марта – начала апреля это несколько необычно, но в общем-то ничего особенного. Главное, здесь нет никаких «Линей».

Пользуясь случаем, хочу сказать о невероятном языковом чутье Байера. Ни тогда, ни сейчас никто не брался и не берётся переводить «Вёсны и осени» без целой кипы классических к ним комментариев, в первую очередь – комментария «Цзо чжуань», разжёвывающего буквально каждое слово. Но Байер был этого лишён, поскольку конкретно в его экземпляре «Вёсен и осеней» (присланном в 1733) комментарий «Цзо чжуань» отсутствовал. Нанкинское издательство Чжэна Юаньмэя (鄭元美, 奎壁) специализировалось на пособиях для подготовки к квалификационным экзаменам и ограничивалось лишь необходимыми для этого материалами. Но то, что достаточно для студента, мало для профессора и переводчика. Так что Байер переводил «Вёсны и осени» во многом вслепую. И тем не менее ему каким-то сверхъестественным образом удавалось нащупывать истинные смыслы (как в случае с загадочной фразой о «демонстрации шести перьев», 718 г. до н.э., в статье Байера с. 416).

Так или иначе, но к 1735 перевод фрагмента «Вёсен и осеней» был Байером закончен и материал сдан в печать (до которой у издателей дойдут руки только через пять лет). А в январе 1738 он уже полным ходом готовился к отъезду, завершая самые последние дела.

Но не делами едиными. Не стоит забывать и о развлечениях. 28 января 1738 (ст. ст.) в Петербурге прошли пышные празднования дня рождения царствующей императрицы Анны Иоанновны. Где главным «гвоздём» дневных мероприятий был «преизрядный концерт италианской капеллы» («Санкт-Петербургские Ведомости», № 9, 1738, с. 6). Музыка во дворце лилась в тот день рекой.

Надо сказать, что Конфуций ставил «музыку» очень высоко, реально на одну ступень с «ритуалами» – а ведь в его иерархии выше уже нет ничего. При этом «музыка» понималась им в первую очередь, как инструмент управления и манипулирования подданными, своего рода «мягкая сила» (призванная дополнять «жёсткую силу» – карательную систему). Цель музыки – создавать у населения нужный настрой – такой, какой в данный момент правителю нужен.

> Прежние [мудрые] ваны <..> направляли обряды и музыку на то, чтобы научить народ соразмерять любовь и ненависть и исправлять тех, кто нарушает истинный путь поведения людей.
>
> («Ли цзи» (Книга ритуалов), гл. 37 (19) «Записки о музыке», пер. Рудольфа Вяткина)

В разных ситуациях настрой народа требуется разный. В одних случаях может требоваться «сдержанная радость» (в дни государственных праздников), в других – «светлая печаль» (в дни официальных трауров), в третьих – «умиротворение» (основная тональность). А вот чувство «гнева» или «возбуждения» музыка вызывать не должна. Такая музыка – неправильная и вредная. Так что Конфуций вряд ли бы одобрил битлов или роллингов, как носителей музыки протеста.

Итак, музыка – это инструмент. Но инструмент достаточно тонкий, так что правителю (ну и «благородному мужу», разумеется) нужно уметь им пользоваться – а для этого самому хорошо в музыке разбираться. Чтобы понимать, какое действие она на население окажет и к какому результату приведёт в каждом конкретном случае. Так что «благородному мужу» нужно постоянно музыку изучать.

С точки же зрения её производства и применения, музыка представляет из себя вот что. Делают её профессиональные музыканты. Разные внешние обстоятельства вызывают разные эмоции в их сердцах – и музыканты эти эмоции сублимируют в создаваемой ими музыке.

> Музыка – это то, что рождается из звуков. Их основа в чувствах человеческого сердца, пробуждённых внешним миром.
>
> (Там же)

А потом, когда надо, музыканты (по заказу правителя) соответствующую музыку исполняют, и она генерирует соответствующие эмоции у слушателей. Роль в этом процессе правителя – отбирать полезное и отфильтровывать вредное. Так, например, песни «царства Шэн» полезны, а песни «царства Чжэн» – вредны («Суждения и беседы», 15:10).

Итак, говоря коротко, музыка – это «законсервированная эмоция». Когда нужно – банку открывают, музыку высвобождают и требуемую эмоцию у слушателей активируют.

Данная концепция – «Музыка, как законсервированная эмоция» – ярче всего, на мой взгляд, воплощена в истории, произошедшей с бароном Мюнгхаузеном и итальянской певицей Габлиэллой. Вот она:

> Вы все, конечно, знаете великую певицу Габриэллу. Я слышал её в Петербурге («Ich hörte sie in Petersburg»), и был просто покорён. Незадолго до моего отъезда я пришёл к ней – и просил её, и умолял, а потом бросился перед ней на колени и предложил ей сто золотых луидоров (всё моё состояние на тот момент) – пока она, наконец, не согласилась на то, чего я от неё добивался. И она выдала мне свою самую прекрасную трель, которая меня так восхищала. Я же, не теряя времени, тут же законсервировал эту трель в спирте («ich machte ihn in Spiritus ein») – и в таком виде с тех пор её и храню. О, это трель! («Ach, es ist ein Triller!»)
>
> (Первая публикация о Мюнгхаузене, «M–h–s–nsche Geschichten», шванка № 16, без указания автора. В журнале «Vade Mecum für lustige Leute», т. 8, № 175, с. 101, Берлин, 1781)

Этот эпизод имеется только в самой первой журнальной «мюнгхаузенской» публикации. В последующих книжных изданиях его уже нет. И вообще – из всех «петербуржских» приключений барона в канонический сборник вошла лишь история про шубу, которую в Петербурге покусала бешеная собака – после чего шуба сама взбесилась и изодрала в шкафу всю одежду барона.

Впрочем, в Петербурге Мюнгхаузен пробыл недолго. Вскоре он, под командованием графа Миниха («Count Munich»; первое книжное издание «Baron Munchausen's Narrative…», 1786, с. 33) – так вот, под командованием Миниха Мюнгхаузен отправился на турецкую войну, призванную загладить позор петровской «Прутской авантюры» («Czar Peter's last campaign on the Pruth», там же, с. 34). Здесь Мюнгхаузен облетел на пушечном ядре крепость, попал в плен к туркам, залез по ростку фасоли на Луну – и так далее.

Ради объективности следует сказать, что конкретно 28 января 1738 «итальянская капелла» выступала на дне рождения Анны Иоанновны без участия Габриэллы (на тот момент ещё слишком юной).

Среди гостей, в числе прочих, присутствовал молодой принц Антон Ульрих Брауншвейгский. Находившийся здесь в качестве жениха принцессы Анны (племянницы императрицы), и пожалованный по случаю дня рождения государыни званием майора Семёновского полка («Санкт-Петербургские Ведомости», № 9, 1738, с. 6).

Это была уже не первая попытка свести принцессу Анну с навязываемым ей женихом, хотя он ей решительно не нравился – низенький, пухлый, женоподобный и какой-то совершенно безвольный.

На деле же, когда придёт время, принц Антон покажет себя человеком безоглядной личной храбрости, железной выдержки и огромного мужества в перенесении ударов судьбы.

В Петербурге же он сейчас находился на отдыхе после летней военной кампании 1737 против турок, куда записался волонтёром. В одном из сражений рядом с ним был убит его паж, ранен его адъютант, и под ним самим была убита лошадь. Так что принц послал домой (в Брауншвейг) письмо с просьбой подобрать ему нового пажа и прислать его в Петербург – где принц, как и все военные, планировал провести зиму.

Такой паж был найден, и 2 декабря 1737 он выехал из Германии в Петербург (РГАДА, ф. 5, оп. 1, д. 66, л. 3), куда благополучно прибыл в распоряжение принца в январе 1738.

Дальнейшая судьба принца Антона достойна пера Софокла.

Через год принц женился-таки на принцессе Анне (июль 1739). Ещё через год у них рождается сын Иван (август 1740).

А через два месяца умирает родная тётя принцессы Анны, она же – государыня-императрица Анна Иоанновна (октябрь 1740). Умирая, она передаёт корону империи сыну своей племянницы, двухмесячному Ивану (теперь уже Ивану VI), а регентом назначает Бирона.

Ещё через 23 дня принцесса Анна (21 год) свергает Бирона и становится полновластной правительницей-регентшей при своём 3-месячном сыне-императоре. С этого момента она зовётся «великая государыня Анна Леопольдовна» (ноябрь 1740), а её муж, принц Антон, получив очередное повышение, становится генералиссимусом.

А ещё через год младенца-императора Ивана VI (1 год 3 месяца), как и его мать-государыню Анну Леопольдовну (22 года), как и её мужа-принца Антона Ульриха (27 лет) – всех их свергают в очередном перевороте (ноябрь 1741), последнем на ближайшие двадцать лет. И всю их семью новые власти отправляют в ссылку.

Сначала это была Рига, потом ещё что-то, но с января 1744 местом содержания семьи становятся Холмогоры, что близ Архангельска.

И здесь, в Холмогорах, Анна Леопольдовна и Антон Ульрих останутся уже навсегда. Анна через два года (1746) умрёт при родах очередного ребёнка (уже пятого). А Антон отмотает здесь ровно тридцать лет и умрёт в 1774. Похоронят его скрытно и неизвестно где.

Эти тридцать лет будут для принца Антона горькими. Когда его первенцу, бывшему Ивану VI, исполнится в ссылке шестнадцать, его переведут в Шлиссельбургскую крепость, где через несколько лет по-тихому умертвят, якобы «при попытке к бегству» (что-то знакомое, не так ли?). Самому принцу Антону уже на излёте жизни предложат уехать к себе в Европу, но он откажется это делать без детей (которым к тому времени будет уже под тридцать лет) и до конца останется с ними в Холмогорах.

Через шесть лет после смерти Антона Ульриха, его взрослых детей отпустят-таки в Европу (1780), но на пользу им это уже не пойдёт.

Но всё это ещё впереди. А пока, 28 января 1738, на праздновании дня рождения императрицы Анны Иоанновны принц Антон получает новенький чин майора, пьёт токайское, продолжает обхаживать принцессу Анну и вместе с ней (и своим новым пажем) наслаждается божественным пением «итальянской капеллы».

Кстати, 17-летний новый паж принца Антона (которого он через год отпустит служить в русскую армию) сам имел титул барона. Звали же его Иероним Мюнгхаузен, тот самый. Через несколько дней он вместе с принцем Антоном Ульрихом отправится в действующие войска – на реку Прут, под командование генерал-фельдмаршала Миниха. Мурлыкая себе под нос (это уже моё предположение) восхитительные итальянские трели.

Да, выступление «итальянской капеллы» было, вне всяких сомнений, истинным «гвоздём» дневной программы празднований дня рождения императрицы. При этом, однако, надо понимать, что центр тяжести развлечений приходился, конечно, на вечер. Музыка – это хорошо, но когда говорят пушки – Музы помалкивают.

А пушки, установленные на льду Невы, вечером как раз заговорили, начав сумасшедшую праздничную пальбу. Которая сменилась совершенно беспрецедентным фейерверком.

> ***
> Имелась пальба из пушек с обеих крепостей, и из пушек же, стоящих тогда против двора Ея Императорского Величества, на льду Невы реки.
>
> («Камер-фурьерский журнал» за 1738, запись за 28 января)
>
> ***
> В самый высокий праздник, то есть 28 числа <…> при наступлении ночи зажжена на великом театре фейерверков преизрядная иллюминация, а по окончании бала пущенным с балкона большого зала беглым огнём зажжён фейерверк.

> Иллюминация представляла в перспективе великолепный перед садом построенный дом, который убран всеми садовыми украшениями. Внизу, как по сторонам так и напереди, находятся при нём горшки с цветами и пальмовые деревья.
>
> Фейерверк заключал в себе переднюю часть великого сада. При входе оного находились два ряда старых дерев, у которых из ветвей непрестанно огонь шёл.
>
> («Санкт-Петербургские Ведомости», 30 января 1738, № 9, с. 5-7)

Да уж. Илларион Россохин ещё только осваивал в Пекине искусство «огненных фонтанов и ракеток», а тут уже творилось такое.

Но с погодой, надо сказать, не повезло. Как назло, разразилась сильная оттепель. Фельдмаршал Миних, накануне празднований отбывший из Петербурга в войска, из-за неожиданной распутицы смог добраться только до Вышнего Волочка.

> Паки оттепель стала, и для того в скорейшем моём следовании от выбитой дороги не без помешательства происходит.
>
> («Всеподданнейшие донесения гр. Миниха», ч. 2, 1899, с. 230. Донесение от 27 января 1738).

А в Петербурге резкая оттепель в середине зимы означает тучи, ветер, и дождь со снегом.

Так что в ночь с 28 на 29 января (по ст. ст.) здесь имели место следующие естественные (и искусственные) явления: 1) Дождь со снегом, 2) Грохот, 3) Вспышки.

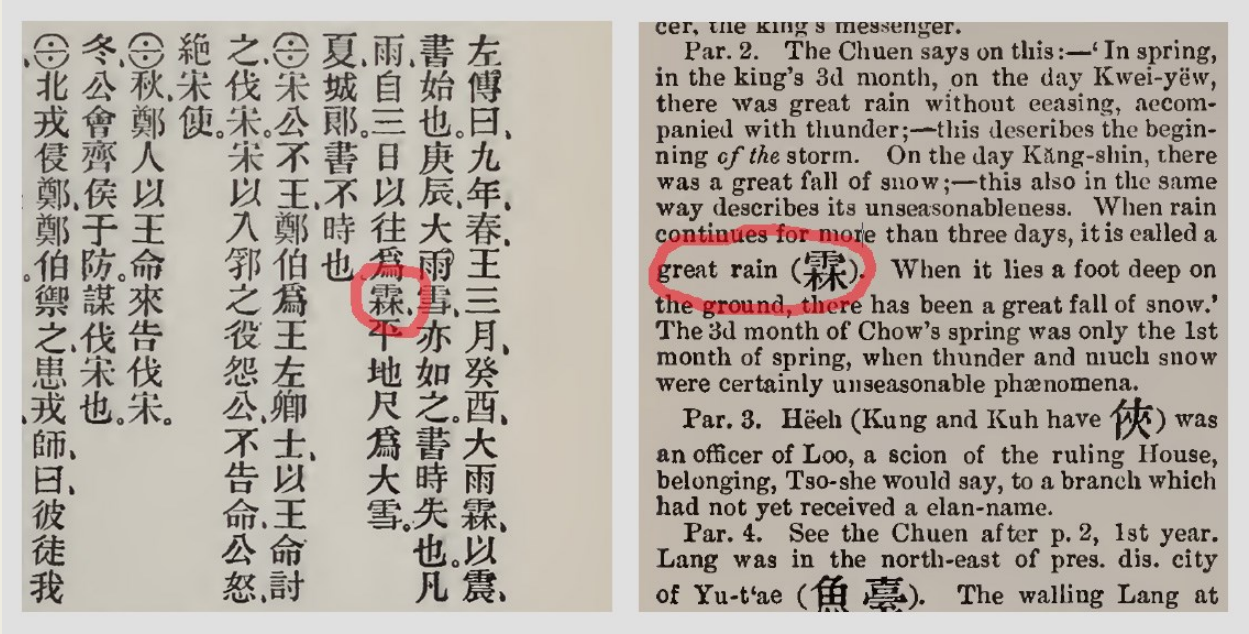
То есть полный набор явлений того самого дня из хроники «Вёсны и осени», которым Байер, дабы избежать упоминаний «Линя», закончил свой перевод. «Magna pluvia et nix», а также «грохот» и «вспышки» – всё по-писанному.

А через три дня после «дождя со снегом, грохота и вспышек» Байер заболел, а ещё через одиннадцать дней – 10 (21) февраля 1738 – умер.

…….

Как я уже говорил, когда Байер переводил «Вёсны и осени» он не пользовался комментарием «Цзо чжуань». Поэтому некоторые специфические выражения ему приходилось переводить буквально, хотя для них в китайском языке существовали специальные термины.

Так, например, словосочетание «大雨» (прилагательное «большой» и существительное «дождь») он так в лоб и перевёл – «magna plavia», «большой дождь». Хотя в комментарии «Цзо чжуань» к этому месту имеется отдельное разъяснение, что для данного понятия существует специальный иероглиф «霖», как раз и означающий «большой дождь» (идеографически – «лес дождя»).



左傳曰、九年、春、王三月、癸酉、大雨霖、以震、書始也。庚辰、大雨雪、亦如之。書時失也。凡雨、自三日以往爲霖、平地尺爲大雪。夏、城郎。書不時也。

㊀宋公不王、鄭伯爲王左卿士、以王命討之、伐宋。宋以入郛之役怨公、不告命、公怒、絕宋使。

㊀秋、鄭人以王命來告伐宋。

冬、公會齊侯于防、謀伐宋也。

㊀北戎侵鄭、鄭伯禦之、患戎師、曰、彼徒我

cer, the king's messenger.

Par. 2. The Chuen says on this:—'In spring, in the king's 3d month, on the day Kwei-yëw, there was great rain without ceasing, accompanied with thunder;—this describes the beginning *of the* storm. On the day Kăng-shin, there was a great fall of snow;—this also in the same way describes its unseasonableness. When rain continues for more than three days, it is called a great rain (霖). When it lies a foot deep on the ground, there has been a great fall of snow.' The 3d month of Chow's spring was only the 1st month of spring, when thunder and much snow were certainly unseasonable phænomena.

Par. 3. Hëeh (Kung and Kuh have 俠) was an officer of Loo, a scion of the ruling House, belonging, Tso-she would say, to a branch which had not yet received a elan-name.

Par. 4. See the Chuen after p. 2, 1st year. Lang was in the north-east of pres. dis. city of Yu-t'ae (魚臺). The walling Lang at

[Илл. 08-07-05-05-1. Комментарий «Цзо чжуань» к «Вёснам и осеням» Кофуция раскрывает понятие «Большой дождь» с помощью иероглифа «霖» (слева). Это же место из «Цзо чжуани» в английском переводе (справа, James Legge, «The Chinese Classics», т. 5, ч. 1, 1872, с. 28)]

Но Байер этого знать не мог. Соответственно, он не мог знать, что этот специальный «дождевой» иероглиф произносится, как «lín» (в первом тоне) – то есть точно так же, как произносится мифический «Линь» Конфуция, явившийся ему перед смертью.

Так что, выходит, Байер поймал-таки своего «Линя». Хотя об этом так никогда и не узнал.

Что ещё? Архивы, которые Байер успел переправить в Кёнигсберг, со временем оказались в Шотландии, в библиотеке города Глазго. Где они и были благополучно всеми забыты. Лишь в 1818 на них случайно наткнулся там Иосиф Гамепь, который через 28 лет после этого предпринял попытку вызволить их оттуда. Данная попытка и дала, похоже, мощный импульс к изучению байеровского наследия.

5. Ad astra-2

Родиться, пожить и умереть удаётся многим. Мало кому удаётся что-то сделать.

Один из оставшихся после Байера документов представлял собой результат его практически завершённой работы над совершенно грандиозным проектом, реально циклопическим. Носившим явные признаки безумия и гениальности. Это была рукопись составленного Байером словаря ВСЕГО китайского языка. Двадцать шесть неподъёмных рукописных томов, шестьдесят тысяч иероглифов.

При этом, собрать в одном месте все известные человечеству иероглифы – это была лишь часть его проекта, самая простая и наименее интересная. Основная

же цель Байера была столь заоблачна, что даже объяснить её можно лишь после предварительного объяснения.

С китайскими словарями есть одна проблема, которая поначалу кажется чисто технической и не слишком серьёзной. Когда мы составляем, например, немецко-китайский словарь, то слова в левой (немецкой) колонке мы выстраиваем по алфавиту. Скажу больше. Для такого словаря никто сам не сочиняет левую колонку, её берут готовой из какого-нибудь подходящего европейского словаря (скажем, немецко-французского). А после того, как левая колонка так или иначе готова, правую колонку заполняют соответствующими иероглифами. Всё предельно просто.

А теперь нам нужно составить китайско-немецкий словарь. Для этого просто поменять местами левую и правую колонки не получится. Этот словарь предназначен для тех, кто не знает китайского языка и хотел бы получить перевод некой китайской надписи. Как звучат составляющие её иероглифы он понятия не имеет.

Допустим, что нужные иероглифы в нашем словаре имеются. Но как их там найти? Поначалу проблема кажется смешной, но скоро вам становится не до смеха. Словарь может содержать десятки тысяч иероглифов, непонятно как организованных.

Данная проблема существовала всегда, причём как для двуязычных, так и для китайско-китайских толковых словарей. И проблема эта так никогда и не была удовлетворительно решена – вплоть до снятия с повестки всего этого вопроса в связи с появления сенсорных экранов и цифровых систем распознавания образа.

А до этого к проблеме подходили по-разному. Наиболее приемлемые решения отталкивались от «графем» и «элементарных черт».

Если внимательно рассматривать китайские иероглифы, то даже ничего не зная о китайском языке легко можно видеть, что у разных иероглифов нередко встречаются одинаковые элементы (например, пустой квадратик, или опирающийся на горизонтальную черту крестик, или нечто вроде буквы «Ш»).

Эти элементы называются «графемы» и они представляют собой как бы исходные «кирпичики», из которых иероглифы строятся. Число «графем» строго не определено, но если ограничиться примерно двумя сотнями самых ходовых, то окажется, что практически все иероглифы представляют собой ту или иную комбинацию этих двухсот «графем» – в крайнем случае дополненную одной-двумя простыми чертами.

Если же спуститься ещё на один уровень в познании «иероглифической материи», то окажется, что «графемы» в свою очередь сами состоят из элементов – отдельных «черт». Различают около двадцати видов «элементарных черт» («горизонтальная», «вертикальная», «откидная», «откидная с засечкой», «изломанная» – и так далее).

Знать виды «черт» нужно хотя бы уже для того, чтобы уметь правильно сосчитать их количество в «графеме» (скоро скажу зачем) – а без знания видов «черт» сделать это никак не получится. Например, «квадрат» всегда состоит из трёх черт («вертикальная», «изломанная» и «горизонтальная»), а вовсе не из четырёх.

Итак, существуют три уровня письма: «черта» – «графема» (совокупность «черт») – «иероглиф» (совокупность графем). При этом «черта» – элемент чисто служебный. А вот «графема» уже имеет собственное звучание и собственное словарное значение, так что она может выступать и в качестве самостоятельного «иероглифа».

Хотя количество «графем» и большое, но оно всё-таки обозримое. И идея по организации словарей заключалась в следующем. Сначала нужно определить – какая в каждом иероглифе «графема» является «основной» – и в соответствии с этим разделить иероглифы на группы. После чего в каждой группе выстроить иероглифы в порядке возрастания числа составляющих их «черт».

Теоретические расчёты здесь обнадёживают. Если общее количество иероглифов в словаре пусть даже тридцать тысяч (что уже много), а количество «графем» пусть даже всего сто (не все оказываются задействованы), то в каждой группе окажется триста иероглифов. Тогда в каждой подгруппе, соответствующей какому-то конкретному количеству черт, окажется в среднем всего двадцать-тридцать иероглифов – среди которых найти нужный уже не сложно.

Это теория. С практикой дело обстоит хуже. Первое и главное – как определить, какая именно «графема» в иероглифе «основная»?

Ответ: в общем случае – никак. Нужно изобретать какие-то дополнительные правила, в которых сам чёрт ногу сломит. И в любом случае всегда будет оставаться огромное количество иероглифов, к которым эти правила (какие бы они ни были) решительно не применимы.

И вот Байер решил закрыть эту тему – раз и навсегда. Ведь очевидно, что иероглифы образуют стройную, точно выверенную и математически строгую систему. Эту систему разработали древние китайцы, а нынешние её просто забыли. И Байеру всего-то и нужно, что эту систему открыть заново.

А ещё Байер понял, что у этой «системности» есть ошеломительное следствие. Смотрите. Каждый иероглиф соответствует определённому слову. А поскольку его начертание не бралось каждый раз с потолка, а строго вычислялось исходя из значения этого слова, то справедливо и обратное. Зная принципы, по которым конструировались иероглифы, можно определять их значения исходя единственно из их вида.

То есть никакой словарь и не нужен. Достаточно выстроить все иероглифы китайского языка в «правильной» последовательности (отражающей сущность системы) – и словарное значение каждого иероглифа будет однозначно определяться его местом в этой системе.

И Байер начинает лихорадочно раскладывать и перекладывать карточки с написанными на их иероглифами, часто даже не тратя время на их перевод (зачем?). Шестьдесят тысяч карточек.

Первые следы этого сумасшествия относятся к 1732, когда Байер прямым текстом обозначил своё намерение собрать «ВСЕ слова китайского языка», а также назвал инструмент, с помощь которого собирается выстроить иероглифы в еди-

ную стройную «систему», а именно – «искусство комбинаторики» (письмо Байера к Эрику Бензелиусу от 5 октября 1732).

Как именно Байер выстроил свои иероглифы мы знаем (двадцать шесть тетрадей), а почему именно так – нет. В феврале 1738 он умер.

В повести Стругацких «За миллиард лет до конца света» главный герой, физик-теоретик, хорошим летним днём собирается поработать дома. Но вокруг него начинают происходить события, препятствующие этому. Поначалу это какие-то мелкие бытовые происшествия, но раз от раза помехи становятся всё серьёзней и серьёзней. И вот наш герой уже задержан в качестве подозреваемого в убийстве соседа – но и это не предел. Валящиеся на него проблемы достигают каких-то совершенно запредельных, космических, даже фантасмагорических масштабов. Это-то и даёт нашему герою нить к пониманию происходящего. За всей этой чертовщиной никто конкретно не стоит. Это само Мироздание принимает меры к тому, чтобы он не смог закончить свою нынешнюю работу. Ибо уравнение, которое он вот-вот может получить – именно оно через миллиард лет неминуемо приведёт к концу света.

Временами мне кажется, что стремительная, совершенно беспричинная и не имевшая абсолютно никаких предпосылок смерть Байера была результатом срабатывания сходного механизма. Байер был на пороге глобального открытия, которое Природа по каким-то соображениям посчитала лишним. И приняла свои меры. Задействовав привычные безотказные рычаги – дождь со снегом, грохот и вспышки.

Примерно за год до смерти, Байеру в руки попала интересная рукопись. Создана она была кем-то из учеников русской пекинской Миссии и привезена в Петербург в 1737 Лоренцом Лангом. Это был первый известный науке русско-китайско-маньчжурский словарь на две с лишним тысячи слов (MS Hunter B/E1). Байер собирался его издать, предварительно дополнив собственным переводом на немецкий. Чем он последний год и занимался, успев продвинуться чуть дальше середины.

Начинался этот словарь со слова «Абие» (тетрадь 1, с. 1), выражающим понятие «сиюминутности» («прямо сейчас», «тотчас», «в ту же минуту») и переведённого на китайский, как «一會兒» («настоящее мгновение»).

А заканчивался – простым и неотвратимым словом «Ящик» (в переводе – «箱子», что «ящик» и будет; тетрадь 2, с. 103 об.), замыкающим, таким образом, круг человеческого бытия. Полностью уместившегося в 2.328 слов – от «настоящего момента» и до финального «ящика», то есть – «вечности». Которую Байер 21 февраля 1738 и обрёл.

Байер ушёл в вечность, оставив после себя густо засеянное поле знаний. И не только о Китае. Его дипломная работа (1715) о последних земных словах Христа («лама савахфани») создала фундамент для последней главы бессмертной в будущем поэмы. Его академическая статья (1729, «Comm. Acad. Scien.», т. IV, с. 259) об античной статуе Венеры (незадолго до этого добытой Рагузинским) направила чёлн Пушкина к М-острову.

6. Первые цветы

Когда Байер в 1726 прибыл в Петербург, здесь не было ни одной китайской книги. Когда же он в 1738 его покинул, здесь его трудами этих книг образовались целые горы. И они продолжали и продолжали прибывать.

Китайские книги регулярно горели в петербуржских пожарах, тонули при наводнениях и испарялись при инвентаризациях – но их количество всё равно неуклонно росло. В библиотеке Академии Наук в конце XVIII века значилось более двухсот наименований, а в начале XIX – уже более трёхсот. Столько классических китайских книг я не прочитал за всю свою жизнь.

И здесь было уже всё, чего душа могла только пожелать. Вы только посмотрите:

- «Вёсны и осени» («Чунь цю»), с их судьбоносным «Линем». В Петербург книга прибыла в июне 1730 по прямому заказу Байера (см. «Museum Sinicum», т. 1, с. 142 «Предисловия»)

- «Книга песен» («Ши цзин»), с её стихотворениями «Совпадение десятого месяца» и «Птичка-невеличка» (в Петербурге с 1730, там же, с. 141).

- «Книга обрядов» («Ли цзи»), с её главой № 19, излагающей конфуцианское видение музыки как таковой, а также фантомной главой № 42 с «Да сюэ» и его «Циньской клятвой» (в Петербурге с 1730, там же).

- «Суждения и беседы» Конфуция («Лунь юй»), с их концепцией «ветра и травы» (лидера и простых людей, гл. 12, п. 19), а также призывом к «исправлению имён» (гл. 13, п. 3). Её наличие в библиотеке Академии наук документально зафиксировано в 1752 («Список Россохина» для закупки китайских книг в Пекине, где она указана как уже имеющаяся).

- «Каталог гор и морей» («Шань хай цзин»), с его описанием мировой арктической горы «Бучжоу». Заказана Россохиным в 1752 для закупки, наличие зафиксировано в «Реэстре…» Леонтьева от 1766 (№ 147).

- Книга «Чжуанцзы», с её железобетонной «бабочкой». В каталоге 1843 года книга фигурирует как «Южные цветы» («Нань хуа цзин») с пояснением: «Сочинение философа Чжуан-цзы, заключающее в себе умозрения о происхождении мира, как духовного так и вещественного».

Впрочем, всё это ещё можно себе как-то представить. А вот то, что на берегах Невы ещё до издания здесь первой отечественной «Библии» имелись печатные экземпляры всех существовавших на тот момент великих китайских романов – вот это уже совершенно невероятно.

«Троецарствие», «Речные заводи», «Путешествие на Запад», и даже с трудом представимая здесь «Цзинь, Пин, Мэй» – всё имелось на стеллажах библиотеки Академии наук и ждало своих переводчиков. А книги эти действительно культовые.

«Троецарствие» является самым читаемым китайским романом всех времён. Это огромное произведение (как, впрочем, и все остальные перечисленные романы),

со множеством персонажей – как вымышленных, так и реальных (которые всё равно в основном вымышлены).

Великая империя Хань рушится – и возникающие на её месте «царства» пускаются в бесконечные междоусобные разборки. Которые заканчиваются только тогда, когда одному из «царств» удаётся прибрать к рукам все прочие. Но происходит это не сразу, а в результате восьмидесятилетней непрерывной резни. Являющейся своеобразным стержнем, на который удобно навешиваются конкретные судьбы множества (более тысячи) героев романа.

Кроме полного спектра всевозможных вариантов человеческих судеб, роман предлагает не менее полный спектр военных стратегий. Какие только схемы не опробуют герои для достижения своих целей (в том числе и стратегию «отсутствия стратегии») – но побеждает в конце концов всё равно самый упёртый. То, что все персонажи на русский слух зовутся практически одинаково, превращает чтение в захватывающий галлюциногенный квест. Основано на реальных событиях.

А вот «Речные заводи» – это уже другое. Вопреки ожиданиям, порождённым умиротворяющим названием, умиротворением здесь также не пахнет. Отличие же от предыдущего романа в том, что резня здесь не легитимизированная, а потому называется она не «военные действия», а «разбой». Но так-то всё то же самое – непрерывная борьба за доминирование и контроль над ресурсами.

Конкретная преступная группировка состоит из ста восьми головорезов – и автор романа считает себя обязанным подробно рассказать биографию каждого. Типа, «как он дошёл до жизни такой». Впрочем, у всех мы видим одно и то же – зашёл в корчму, потребовал вина, отказался платить, зарезал хозяина, корчму сжёг и пошёл дальше. Пришёл в захваченную другими злодеями святую обитель, злодеев порубил, святых освободил, потом зарезал и их, обитель сжёг и пошёл дальше. Пришёл в деревню… и так далее.

И так – страница за страницей, глава за главой, том за томом. Вроде бы – плотная «движуха», сплошное «у-шу», но как-то всё это по большому счёту тоскливо. Не знаю. У меня «Речные заводи» не очень пошли. Хотя название мне нравится.

Зато «Путешествие на Запад» – это реально праздник, который всегда с тобой. Упоительная «road-story» с элементами фэнтази и комедийного боевика. Монах-неумеха получает задание отправиться в Индию за священными буддийскими книгами. Он труслив, ленив и совершенно не годится для подобной миссии. Поэтому высшие силы выделяют ему в помощь сказочную обезьяну по имени Сунь У-кун – мало того что обладающую сверхъестественными способностями и владеющую волшебным оружием, так ещё и награждённую неудержимой и деятельной натурой.

Это-то последнее обстоятельство и создаёт яркие коллизии романа. Сунь У-куна постоянно заносит, любое дело он начинает за здравие, а кончает за упокой, ввязывается туда, куда ввязываться не следовало, и легко увлекается самим процессом в ущерб желаемому результату.

Сколько существует художественная литература – столько продолжается спор о критериях, по которым её следует оценивать. Одна из точек зрения состоит в том,

что сверх-цель любого литературного произведения – создать новый архетипичный образ. Мы можем не помнить имени автора некой военной эпопеи, но не можем, даже захоти, забыть имя главного её героя – Швейка. На эту же чашу весов ложатся и король Лир, и барон Мюнгхаузен, и князь Мышкин.

В этом смысле «Путешествие на Запад» подарило миру ярчайший образ «царя обезьян» Сунь У-куна. Которого узнав однажды – уже не забудешь и не спутаешь ни с кем.

По ходу путешествия к нашим героям прибиваются ещё двое спутников. Оба – перековавшиеся бывшие бесы, чьё тёмное прошлое нет-нет, да даёт о себе знать. Но в целом они бьются на стороне сил добра и стараются как могут.

И вот наша четвёрка влечётся по бескрайним пространствам на запад, через долы и горы, встречая буквально за каждым поворотом свирепых демонов и чудовищ. Типологически это напоминает путешествие Элли и трёх её спутников в Изумрудный город.

И, наконец, роман «Цзинь, Пин, Мэй». Название можно перевести, как «Цветы сливы в золотой вазе», но вообще-то это имена трёх главных героинь.

Роман совершенно шикарный. На мой вкус – лучший из всех перечисленных. Возможно, благодаря невероятному переводу Виктора Манухина. При первом издании этот перевод сократили чуть не вдвое, посчитав его «слишком подробным». Но как может быть «слишком подробным» то, чей смысл и состоит в подробностях?

Там, где в других романах ограничиваются фразой типа «Был подан вкусный завтрак», здесь мы увидим что-нибудь вроде такого:

> Инчунь принесла завтрак: четыре блюдечка – тыкву с баклажанами под сладким маринадом и из свежей зелени тонкие яства. Были поданы: блюдо жареных голубей, блюдо пирожков с жёлтым пореем и поджаренной кислой капустой, тарелка копчёного мяса, тарелка пузанка в винном соусе, также два краплёных серебром блюда мягкого и душистого белого-пребелого риса.
>
> («Цзинь, Пин, Мэй» в переводе Манухина, гл. 20)

И так здесь во всём. Вместо привычных и уже не вызывающих у нас протеста «роскошных одеяний», героини «Цзинь, Пин, Мэй» одеваются каждый раз по-новому, в соответствии с ситуацией:

> Перья зимородка и жемчуг щедро украшали её причёску, придерживаемую парою парящих фениксов-шпилек. Одета она была в карминовый узорный халат, богато расшитый вплоть до рукавов, который переливался всеми цветами радуги. На нём красовались четверо животных с Линем, и пояс с бляхами из голубовато-зелёного нефрита в золотой оправе. Из-под расходящихся пол её платья была видна расшитая цветами голубая парчовая юбка. Каждый её шаг сопровождался мелодичным звоном яшмовых подвесок и брелков. От неё исходил густой аромат мускуса и орхидей.

(Там же, гл. 78)

Короче. Если хотите узнать всё обо всём – вам в «Цзинь, Пин, Мэй».

Так вот – экземпляры всех этих четырёх романов, всё это богатство поступило в распоряжение петербуржских «китаистов» ещё практически при жизни Байера.

Первым дорожку сюда протоптало «Троецарствие», прибыв в 1730 с караваном Лоренца Ланга, в составе самой первой книжной поставки из Пекина – сначала в Москву (февраль 1730), а оттуда в Петербург, прямиком в руки Байеру (июль 1730). Это событие настолько знаковое, что нелишне будет документально его подкрепить.

> Мы [только что] получили также два тома «San que», что можно перевести, как «Три царства». Это сто двадцать историй («comoediae»), причём многие страницы здесь снабжены иллюстрациями.
>
> (Duo quoque volumina «San que» («Tria Regna» interpretari potes) acceptimus. Sunt autem centum et viginti comoediae, quibus totidem folia picturarum duobus in cidicibus praefiguntur.)
>
> (Написано Байером 15 июля 1730. «Museum Sinicum», т. 1, с. 142 «Предисловия»)

Остальные три книги привёз с собой из Пекина в 1741 Россохин. В его передаточной ведомости «Речные заводи» поданы следующим образом:

> История о 108 славных разбойниках, которые были при царях сунских, на китайском языке.
>
> (Россохин, «Реестр китайским книгам» от 24 марта 1741)

«Путешествие на Запад» в академических каталогах удостоилось следующих записей:

> ***
> История о странствовании одной духовной персоны в западные стороны.
>
> (Россохин, 1741)
>
> ***
> Путешествие одного идолаторского старца в западные края для принятия от своего бога закона, называемая «Си ю дзи».
>
> («Реэстр…» Леонтьева, 1766)

***

Аллегорическое путешествие на Запад в Индию одного китайского жреца Фоевской веры, где описываются разные чудесные приключения.

(Каталог 1818, с. 39)

И, наконец, «Цзинь, Пин, Мэй». Как и следовало ожидать, подаётся этот роман (имеющий устойчивую репутацию «классики порнографии»), как «нравоучительная сатира»:

***

История о похождениях одного богатого человека и семи женщин, на китайском языке, **славная**, **с рисунками.**

(Россохин, 1741)

***

История о невоздержанном богаче, называемая «Дзинь пин мый», **на китайском и на маньчжурском** языках.

(Леонтьев, 1766)

***

Повествование о роскошном богаче, в сладострастие погрузившимся.

(Каталог книг Академии наук от 1818, с. 39)

***

Цзинь-Пин-Мэй. Цветочный персик в золотом кувшине. Сатира на разврат нравов.

(Каталог от 1843, с. 56)

Понимаю ваше недоумение. Действительно, а где же среди всего выше перечисленного «Записки о Камне» («Шитоу Цзи»), они же – «Сон в красном тереме»?

А нигде. К моменту смерти Байера этот великий роман ещё попросту не был написан. Но как только – то сразу. В Каталоге академической библиотеки от 1843 мы уже видим:

Хун-Лоу-Мэн. Сновидения в красном тереме. Нравоописательный роман времён Маньчжурской династии.

(Каталог 1843, с. 56)

Вот оно – реальное «эльдорадо китаистики», созданное Байером на брегах Невы.

Шесть девяток

(Уравнение с тремя известными – «И» – Цветение сливы – Проблески перемен – Прыжок в бездну – Небо)

1. Уравнение с тремя известными

«Цифровой мир», при всём уважении, сфера пассивная. Ибо цифры – материя неживая. И вообще не материя.

Взять те же «шесть девяток». Что они могут произвести? Шестью девять – пятьдесят четыре. Не бог весть что.

Но есть люди, которые видят цифры не так, как мы. Например, для нас «762» – это год смерти поэта Ли Бо, автора бессмертного «Лунного света». А для них это – взрывная сумма четырёх простых чисел, идущих подряд (181 + 191 + 193 + 197). А кроме того – сладостная точка на числовой оси, для которой существует простое решение «диофантова уравнения», определяющего разложение натурального числа на три натуральных «куба» (в данном случае $5^3 + 5^3 + 8^3$). Для справки: решение подобной задачи всего лишь для числа «42» потребовало нескольких специально под это созданных разделов математики и более миллиона часов вычислительного времени распределённой компьютерной сети.

Но это ещё не всё. Для наиболее тонко чувствующих натур в области «теории чисел», «762» – это, конечно, «число Смита» (с фактором 15). Это когда сумма всех цифр, образующих число (в данном случае 7 + 6 + 2), равна сумме цифр всех его простых множителей (в данном случае это 2, 3 и 127; то есть, соответственно, 2 + 3 + 1 + 2 + 7). Чем ценно данное свойство для мироздания (или хотя бы бюджета) – я объяснить не берусь.

Но факт есть факт – для понимающих людей все числа полны скрытых пружин, запечатанных в них джиннов и тайных наслаждений. «Цифровой мир» для них – это главный, верхний мир. Управляющий нашим, нижним.

Я перечитал написанное и вижу, что слишком задрал планку. «762» для меня это чересчур, подобное число мне не по зубам. Так что возьму что-нибудь попроще, число «три». Три силы природы, три сходящиеся тропинки, три инструмента судьбы. Три ключевые фигуры нашей шахматной партии. Лоренц Ланг, Савва Рагузинский и Готлиб Байер.

Скажу даже так. Весь данный большой раздел («Перемены») можно полностью свести к сумме этих трёх персонажей, конкретно – к одному эпизоду их взаимодействия.

При том, что это были совершенно разные по натуре люди. Ланг был прирождённым путешественником, Рагузинский – предпринимателем до мозга костей, Байер – до мозга костей кабинетным учёным. Три совершенно разные стихии. Которые, слившись, произвели реально взрыв.

О связях Ланга с Рагузинским я уже говорил. Чтобы замкнуть этот треугольник, скажу коротко о двух других его сторонах – связях Ланга с Байером, и Байера с Рагузинским.

Не знаю, стоит ли напоминать, но «Дневник» Ланга был одним из тех информационных источников, что толкнули Байера собственно к переезду в Петербург. И хотя Байер здесь Ланга поначалу не застал (весна 1726), но со временем у них установились плотные деловые отношения. Обойтись без Ланга Байер просто не мог, ибо в тот период именно Ланг осуществлял на практике всю логистику между Пекином и Петербургом.

В переписке Байера с пекинскими иезуитами Ланг упоминается постоянно (MS Hunter 392, A8, A13, A14, B12, C1 и др.) – и всегда как безотказный доставщик писем и книг в обе стороны («получил вашу посылку через Ланга», «спешу закончить свой словарь, чтобы отправить его с Лангом», «все книги дошли в отличном состоянии благодаря надёжному сервису по доставке, налаженному Лангом» и т.п.).

Характеристика Ланга, данная Байером ещё в 1730, хорошо высвечивает общую тональность их отношений:

> В течение многих лет Лоренц Ланг находился в посольствах при дворе Пекина, во время которых служил русской короне не только с величайшим старанием и величайшим усердием, но и исключительно успешно (successu autem prosperrimo perfecti).
>
> (Байер о Ланге, «Museum Sinicum», т. 1, с. 131 Предисловия).

Личные встречи Байера и Ланга были не частыми (по причине постоянного отсутствия последнего в Петербурге), но всегда дружескими и продуктивными. Например, летом 1730 Ланг, только что в очередной раз вернувшийся из Пекина, охотно консультировал Байера по разным «китайским» вопросам.

> Чрезвычайно предупредительный Ланг (humanissimus Langius) сделал мне самый дорогой подарок – деревянный эталон китайского «фута» (pedem Sinicum ligneum), используемого там в качестве «локтя» (ulna).
>
> По поводу китайских мер весов Ланг мне сказал (Langius me docuit), что один «лян» (unum «lean») равняется 8 ¾ русским «золотникам» («Solotnicas» Russicas).
>
> (Байер, «Museum Sinicum», т. 1, с. 134-135 Предисловия)

С Рагузинским же дело обстояло так. Личной дружбы между ним и Байером, по-видимому, не было – по причине сильного различия в возрасте, общественном положении, жизненном опыте, сфере интересов, а главное – в фазах их жизненных циклов (хотя умрут они почти одновременно). Однако, именно Рагузинский сыграл решающую роль в эпизоде доставки Байеру самой первой партии китайских книг в 1730. В результате в руки Байеру попали поистине драгоценные для него материалы – в том числе рукописный китайско-латинский словарь Парренина (Vatican library, Borgia Cinese, 424) – подаренный Парренинымлично Рагузинскому и предоставленный затем Рагузинским Байеру на время для копирования.

Пути Байера и Рагузинского пересекались и позже. Удивительно, но пекинские иезуиты вспоминали о Рагузинском даже семь лет спустя после его отъезда – такое впечатление произвёл тогда на них «граф Савва». И вот летом 1734 Парренин отправил Рагузинскому с оказией подарок – упаковку какого-то редкого чая, «выращенного в горах». В сопроводительном письме он сообщал, что к чаю прилагается подробная инструкция на китайском языке, которую Байер, конечно, сможет легко для Рагузинского перевести. Возможно, это был своеобразный экзамен, устроенный Парренинным Байеру. Рагузинский всё так и сделал и передал китайский текст Байеру – и Байер этот «экзамен» блестяще выдержал.

Известно также, что 17 июня 1735 Рагузинский принимал Байера у себя дома, где показывал ему некую ценную фарфоровую вазу эпохи Мин с драконами (Hunter E31, ff. 6r-7r). Так что связь Байера и Рагузинского также носила вполне личный характер.

Итак, перед нами сложная трёхполюсная система – Ланг, Рагузинский и Байер. Классическая задача «трёх тел».

Три звезды летят в разных направлениях с разными скоростями. И вдруг – бац! – и в некой точке история резко меняет свой ход и течёт дальше по совершенно новому руслу.

В нашем случае причиной глобального сдвига стала цепочка из всего лишь трёх элементарных событий. А именно: «Байер заказал – Рагузинский распорядился – Ланг исполнил». Три простых последовательных действия.

Действие первое: Байер.

Когда Байер впервые приехал в Петербург 17 февраля 1726, он с Рагузинским немного разминулся. За четыре месяца до этого тот отбыл отсюда в Пекин.

Примерно год ушёл у Байера, чтобы освоиться на новом месте и понять что здесь к чему. И, главное, как тут всё работает. И вот через год вдогон Рагузинскому из Петербурга полетел с курьером заказ Байера на китайские книги, оформленный в виде официального Рескрипта от имени самой государыни-императрицы, Екатерины I. Вот как солидно всё это выглядело:

> Божиею милостию мы, Екатерина, императрица и самодержица всероссийская <…>
>
> Благородный, нам любезноверный.
>
> Понеже потребно в здешнюю Академию некоторые хинские лексиконы, изданные в Пекине, о чём прилагается при сём к вам реэстр <…>, вы имеете в бытность в Пекине старание приложить оные лексиконы сыскать и купить и сюда привесть. <…>
>
> Дан в Санкт-Петербурхе генваря 22 дня 1727 году.
>
> (АВПР, ф. Сношения России с Китаем, 1727 г., д. 8, л. 12)

К «Рескрипту» прилагался список требуемых китайских книг, составленный Байером. В нём значились «два славных лексикона» (китайско-китайских, «Тасугой» и «Ганпиен») – а также четыре «зело полезные» словаря, составленные иезуитами (там же, л. 14). Подписи Байера под этим «реэстром» нет, но всё это могло исходить только от него. Итак, курьер Иван Шумилов повёз в начале 1727 Рагузинскому «Рескрипт» и прилагаемый к нему «Реэстр».

Действие второе: Рагузинский.

Курьер догнал Рагузинского, когда тот уже возвращался из Пекина обратно в Селенгинск и находился «на Гобейской степи» (8 мая 1727). Так что выполнить поручение Байера Рагузинский сам уже никак не мог.

Но о заказе Байера он не забыл. Когда четыре месяца спустя он отправлял из Селенгинска в Пекин торговый караван во главе с Лангом, он снабдил Ланга чёткой на сей счёт письменной инструкцией.

> 5 сентября 1727
>
> Инструкция <…> благородному господину Лоренцу Лангу <…>
>
> [пункт 11]
>
> Трудитьца, приискав, купить книги на китайском, латинском и немецком языках, сиречь лексиконы против приключённой при сём <…> копии, и искупя оные книги, пошлите с вышеписанным куриером или с караваном или с собою привезите, как наилутче и скорее разсудите за благо.
>
> Подлинная инструкция за приписанием руки графа Савы Владиславича [Рагузинского].
>
> (там же, д. 9, л. 116-118 об.)

Что характерно – сделав данное распоряжение, Рагузинский продолжал считать себя ответственным за выполнение этого поручения. Когда через два с лишним года Ланг привезёт китайские книги в Москву, они будут считаться там «грузом Рагузинского» – и именно в таком качестве будут оприходованы государством (сначала Камер-коллегией, затем Сибирской канцелярией, затем Коллегией иностранных дел, и уже только после всего этого – Академией наук).

Действие третье: Ланг.

Ланг, получив указание Рагузинского, не стал долго рефлексировать на тему контроверсности нарративов дискурса принципиальной непереводимости понятий с языка на язык. Он просто взял и сделал. И хотя в списке значились только словари, Ланг понял указание Байера правильно – по возможности приобрести побольше всяких-разных китайских книг.

И Ланг их приобрёл. Три лексикона отправил вперёд с нарочным, а остальные книги лично доставил в Москву в феврале 1730. Всё это, напомню, считалось «грузом Рагузинского».

***

Доношение агента Л. Ланга в Государственную коллегию иностранных дел (от 1 июня 1730)

В прошлом 1728-м году в бытность мою в Пекине сыскал я чрез тамо обретающихся езувитов три лексикона: один на латинском и на китайском языках, второй и третей в 12 и 14 переплетах на китайском языке, которые нынешним языком древний их язык толкуют. О вышеписанных книгах написал мне его сиятельство <…> граф Сава Владиславич, в-ынструкцыи. <…> А понеже таких книг в Пекине на продажу не бывает, трудился я их получить чрез помянутых езувитов. И получа, выслал в Москву со служителем <…>, которой их привез и отдал в Сибирскую канцелярию, где и поныне обретаются.

(там же, 1730, д. 6, л. 27-27 об.)

***

Доношение Сибирской канцелярии (от 2 июня 1730)

Прошедшаго апреля 27 дня (1730) по приказу Правительствующаго Сената велено привезеные в Москву при китайском караване <…> графа Савы Владиславича (Рагузинского) <…> книги, лексиконы и письма от езувитов <…> удержать.

(там же, д. 9, л. 1-1 об.)

И что же привёз тогда Ланг в Москву кроме означенных «трёх лексиконов»?

Известно, что общее количество доставленных Лангом книг было заведомо больше трёх. Мы знаем это из сообщения библиотекаря Академии наук Иоганна Бакмайстера, специально изучавшего в 1779 этот вопрос:

Первые вступившие в библиотеку китайские книги суть те, которые г. Ланг <…> привёз в 1730 году из Пекина от езуитских миссионеров, числом 82 тетради в 8 папках.

(Бакмайстер, «Опыт о библиотеке <…> Академии наук», 1779, с. 93-94)

Но хотя общее число книжной продукции указано здесь вполне определённо, полного понимания это нам не даёт, поскольку есть неопределённость с самими единицами измерения. Связано это со спецификой китайских издательских технологий.

Печать в Китае шла с резных деревянных досок (а не с наборных металлических форм); одна доска – одна страница. В результате книжный блок представлял собой стопку одинарных листов (а не двойных, как в Европе). Соответственно, сшивать такой блок можно было только «втачку», то есть прошивая ниткой весь блок насквозь. Раскрывается подобная конструкция у корешка не слишком хорошо, а потому тетради в Китае делали достаточно тонкими, как правило от 30 до 90 листов.

Однако, редкое китайское сочинение способно уместиться в таком маленьком объёме. В результате типичная книга состояла из 10-30 отдельных «тетрадей», складывавшихся для удобства в общую «папку».

Но часто бывало и так, что в одну «папку» влезало сразу несколько самостоятельных книг. И, наоборот – тетради одной большой книги приходилось делить на две или три «папки».

Так что когда Бакмайстер говорит о «папках» (китайских книжных единицах), мы не можем быть до конца уверенными, что он не имеет ввиду «книги» (единицы европейские). А это, как мы видели, не всегда одно и то же.

Я так подробно это разбираю, потому что известны названия восьми «книг», привезённых тогда Лангом в Москву, скомпонованных в пять «папок». Понимайте как хотите. Если предположить, что Бакмайстер имел в виду всё-таки «папки», то в этом случае содержание трёх «папок» остаётся нам неизвестным. Что же до количества «тетрадей», то указанное Бакмайстером число «82» выглядит во всех раскладах вполне правдоподобным.

Перечень означенных восьми «книг» дал нам, конечно же, Байер – в Предисловии к первому тому своего «Museum Sinicum», датированному 15 июлем 1730 («Id. Iulii 1730», то есть «июльские иды», с. 145).

Сначала – его предыдущая запись, вводящая в контекст:

> Мы получили Календарь, переданный библиотеке Академии вернувшимся недавно в Москву из Китая светлейшим графом Савой Владиславичем [на самом деле – недавно вернувшимся Лангом; Рагузинский же к тому моменту вернулся уже полтора года как].
>
> (Байер, «Museum Sinicum», т. 1, с. 136 Предисловия, 15 июля 1730)

Далее у Байера идёт обсуждение этого Китайского календаря за 1727, после чего он переходит к сути:

> Кроме того, в библиотеку были переданы пять классических книг под общим названием «У цзин» («U kim»), собранных в одном томе.
>
> (Praeterea aduecti sunt in bibliothecam, uno in tomo quinque libri classici, dicti «U kim»)
>
> (там же, с. 140)

В сумме это составило 17 «тетрадей». «Папку» Байер называет здесь «томом». И подчёркивает, что эти книги попали в Петербург всего несколько дней назад, так что он не успел с ними ещё толком ознакомиться («paucis diebus inspecti sunt», с. 142). Итак, «пять книг – одна папка».

Следующим номером Байер называет только что поступивший к нему из того же источника роман «Троецарствие»:

> Мы [только что] получили также два тома «San que», что можно перевести, как «Троецарствие».
>
> (Duo quoque volumina «San que» («Tria Regna» interpretari potes) acceptimus.)
>
> (там же, с. 142)

Это ещё «одна книга – две папки». И, наконец, Байер называет уже известные нам словари. Которые, впрочем, до него ещё не добрались – поскольку, в отличие от других книг, считались прямым госзаказом и поэтому проходили при приёмке много инстанций. Но из Москвы в Петербург они, тем не менее, были уже отправлены.

> Ну а сейчас мы ожидаем прибытия, наконец, из Москвы словарей «Hai Pian» и «Zi Hui», а также рукописного китайско-латинского словаря.
>
> (Exspectamus denique Moscua «hai pien» et «çu hoei» et tertium quoddam lexicon Sinicum et Latinum manu scriptum.)
>
> (там же)

Это – последние в данном подсчёте «две книги – две папки». Третью же упомянутую Байером книгу (рукописный китайско-латинский словарь Парренина) Бакмайстер в свой подсчёт включить не мог, поскольку она являлась собственностью Рагузинского (была подарена ему лично Парренинымъ, о чём свидетельствует дарственная надпись на седьмой странице) и в фонды Академической библиотеки никогда не поступала. Правда Байер, которому Рагузинский давал этот словарь на время, снял с него (всего за месяц) копию – но и она осталась в личной собственности Байера и к библиотеке Академии наук также отношения не имела.

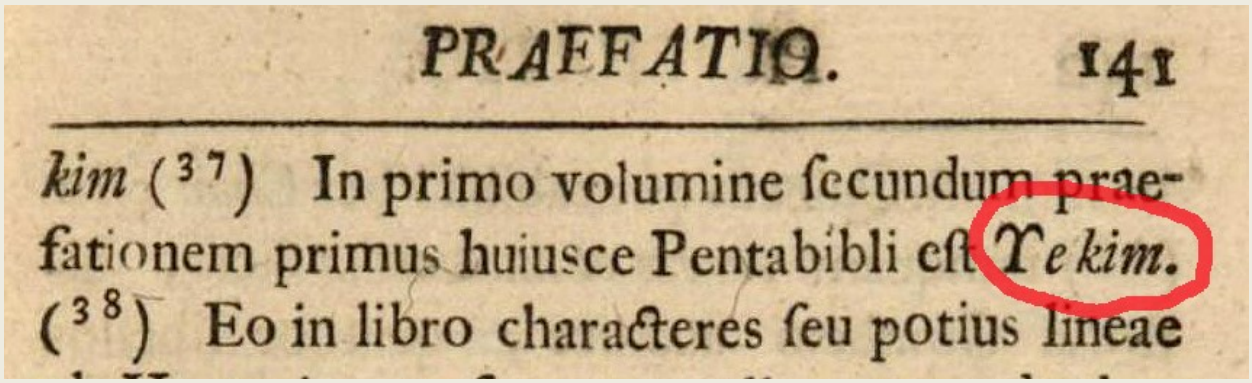
Итого мы имеем – 5 книг конфуцианского «Пятикнижия» (в одной папке), 1 роман «Троецарствие» (в двух папках) и 2 китайско-китайских словаря (в двух папках). Что составляет ровным счётом «восемь книг – пять папок».

Состав привезённого Лангом «Пятикнижия» Байер также подробно расписывает. Первым номером здесь идёт «И цзин», «Книга Перемен».

> Согласно предисловию, первой книгой в данном экземпляре «Пятикнижия» является «И цзин» («Ye kim»).
>
> (In primo volumine secundum praefationem primus huiusce «Pentabibli» est «Ye kim».)
>
> (там же, с. 141)

Стоп. Вот оно! Вот то, ради чего мы столько времени продирались сквозь все эти сложносплетения слов. Ради этого нового знания.

Итак. Благодаря совместным действиям Байера, Рагузинского и Ланга, в феврале 1730 в Москву впервые попал экземпляр «Книги Перемен».


PRAEFATIO. 141

kim (37) In primo volumine ſecundum prae-
fationem primus huiusce Pentabibli eſt Ye kim.
(38) Eo in libro characteres ſeu potius lineae

[Илл. 08-07-06-01-1. Сообщение Байера о получении им в июне 1730 первого в России экземпляра «И цзина» («Ye kim»). «Museum Sinicum», 1730, т. 1, с. 141 Предисловия]

2. «И»

Книга «И цзин», она же «Чжоу и», она же «Книга Перемен». «И» в данном случае означает «перемены».

Это – самая знаменитая китайская книга из всех существующих. И самая древняя из известных. В любом археологическом срезе, где присутствуют книги, рано или поздно обнаруживается «И цзин». В бумажных тетрадях, а до этого – в шёлковых свитках, а до этого – на бамбуковых дощечках, а до этого – на черепашьих панцирях. Такое ощущение, что «И цзин» в Китае был всегда.

Главные свои книги китайцы группируют в особые комплекты. Есть «Тринадцатикнижие», есть «Девятикнижие», есть «Пятикнижие», есть «Четырёхкнижие». Но если говорят об одной-единственной Книге, то это, вне всякого сомнения, будет «И цзин».

«И цзин» довлеет надо всей китайской мыслью, как Небо над землёй. Как гравитация над материей Вселенной. Как Маркс и Энгельс над советской гуманитарной наукой.

Краткая библиография специальных работ, посвящённых «И цзину», заняла бы много томов. Так что рассказывать об этой книге и просто, и сложно. Буду рассказывать просто.

Из всех классических китайских книг «И цзин» выделяется наличием чёткой формальной структуры. У большинства обычных книг структуры нет вообще. Название и дальше текст – вот и вся «структура». В лучшем случае текст делится на главы. «И цзин» же в этом смысле устроен достаточно прихотливо.

Книга состоит из шестидесяти четырёх практически автономных текстовых «кластеров», образующих своеобразное ядро. На это «ядро» за прошедшие тысячелетия наросли бесчисленные комментарии, как ракушки на днище корабля. Ряд этих комментариев сами стали классикой и сейчас считаются практически неотъемлемой частью «И цзина». В дальнейшем я буду говорить только о «ядре», то есть о совокупности исходных кластеров.

Каждый кластер книги состоит из заглавия, развёрнутого подзаголовка и основной части.

«Заглавие» даётся одним-двумя иероглифами. При этом иероглифам зачастую приписываются значения, совершенно не совпадающее ни с одним из их словарных значений. Например, мы видим в качестве названия одного из кластеров иероглиф «цянь» (乾), что в общем случае означает «сухость», «пустоту», «чистоту» и тому подобное. Но в рамках «И цзина» (и только в качестве названия данного кластера) этот иероглиф нам предлагается понимать, как «небо» (или, в крайнем случае, «творчество»). В продвинутых современных словарях, в статьях к соответствующим иероглифам можно даже встретить два раздела: значение иероглифа вообще – и его значение исключительно в рамках «И цзина». Это как если бы слово «вожатый», которым Пушкин обозначил вторую главу «Капитанской дочки», нам предложили бы понимать там в значении «мятежная слобода». Более того – последовательность букв «в-о-ж-а-т-ы-й» в данном конкретном случае предложили бы ещё и произносить, как «мятежная слобода». А в «И цзине» дело обстоит именно так. Вот как тут всё интересно.

«Подзаголовок». Его длина колеблется от одной до нескольких фраз. Часто это некая ритуальная конструкция, типа «Благоприятна стойкость», «Хулы не будет» и тому подобное.

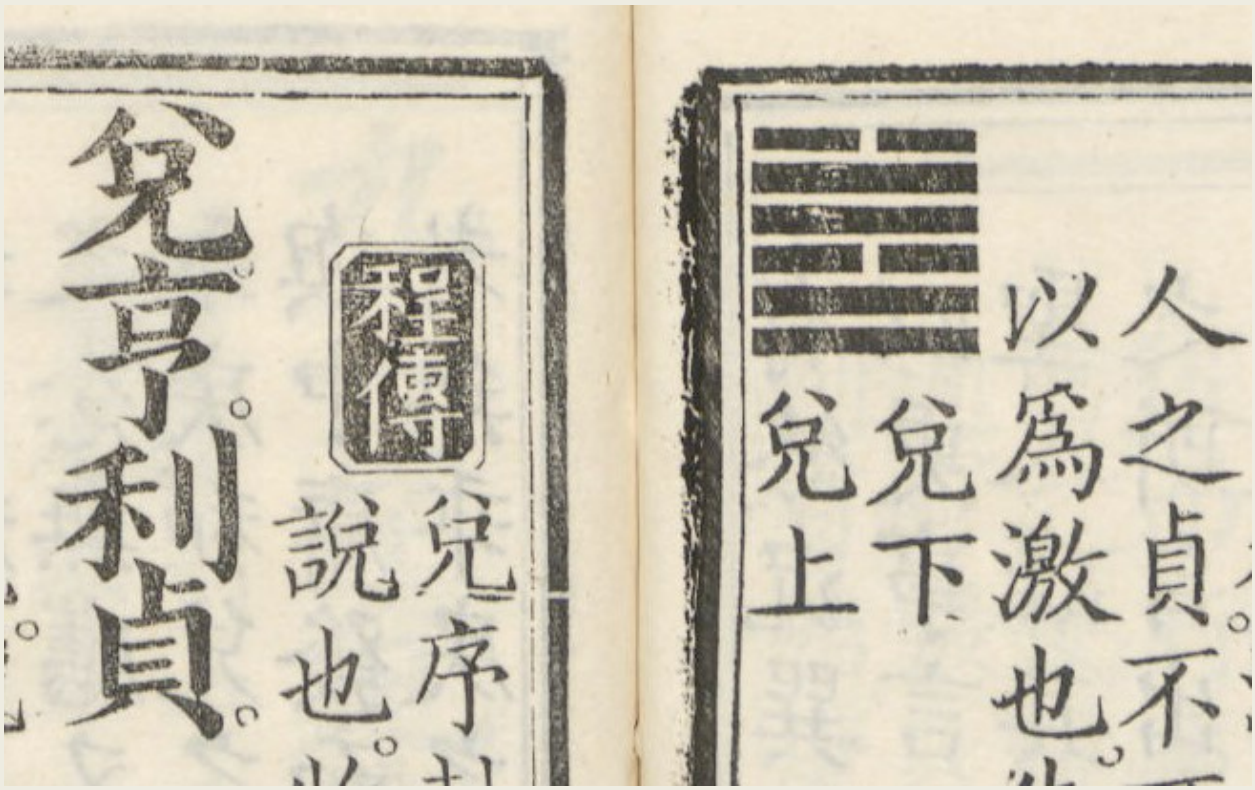
«Основная часть» каждого кластера представлена шестью своеобразными текстовыми «формулами». Которые, в отличие от самих кластеров, строго пронумерованы. Количество формул в кластере (шесть) принципиально, и оно точно выдерживается во всех кластерах. Длина каждой формулы – от одной до нескольких фраз, зачастую весьма туманных.

Хотя кластеры в «И цзине» принципиально не нумерованы, но при публикации в виде книги их хочешь-не хочешь, а приходится выстраивать в ту или иную последовательность. Известны три классических способа такого выстраивания – «последовательность Вэнь вана», «последовательность Фуси» и «мавандуйская последовательность».

В современных публикациях «последовательность Вэнь вана» стала практически стандартом. Так что когда для удобства называют «номер» (исходно отсутствующий) того или иного кластера, то по умолчанию это означает порядковый номер в «последовательности Вэнь вана».

А теперь главное. Каждому кластеру в «И цзине» предшествует некий весьма специфический рисунок, так называемая «гексаграмма». Все гексаграммы состоят из шести горизонтальных линий, расположенных в столбик одна над другой. Каждая из этих линий может быть одного из двух типов – либо целой, либо разорванной посередине. Комбинации линий подобраны так, что гексаграммы ни разу не повторяются.

Эти-то гексаграммы и придают «И цзину» незабываемый визуальный колорит. Они – это первое, на что обращаешь внимание, открывая книгу. Вообще, гексаграммы являются своеобразной визитной карточкой «И цзина».



[Илл. 08-07-06-02-1. Так выглядит, к примеру, гексаграмма «Радость» (№ 58 по Вэнь вану). Название задано иероглифом «兌» («dui»), который в общем случае означает «обмен», «добавление». Но «И цзин» – это не «общий случай». Конкретно здесь этот иероглиф велено понимать, как «радость». «И цзин», 1715, Пекин, в 12 тетрадях, т. 5, с. 416. Harvard Library, id 990079179900203941]

Итак, структуру любого кластера в «И цзине» можно схематически представить следующим образом:

[Гексаграмма (рисунок из шести линий двух типов)]

[Название кластера (один-два иероглифа)]

[Подзаголовок (до нескольких фраз)]

[1-я «формула» (начало «внутреннего» цикла)]

[2-я «формула»]

[3-я «формула»]

[4-я «формула» (начало «внешнего» цикла)]

[5-я «формула»]

[6-я «формула»]

[Резюме (опционально)]

Это что касается формальной структуры. А теперь пару слов о содержании «И цзина».

Сначала одно важное замечание. Я не люблю слово «считается». И стараюсь по возможности его избегать. Кем «считается»? На основании чего «считается»? «Исследователь такой-то на основании сравнения рентгеновских снимков таких-то рукописей считает, что…» – это ещё куда ни шло. Но просто «считается»? Я сразу начинаю подозревать, что автор плохо ориентируется в описываемом предмете и механически повторяет чужие слова.

Так вот. В рассказе об «И цзине» избежать слова «считается» решительно невозможно. Настолько здесь глубоки, разветвлёны, обильны и деперсонифицированы корни устоявшихся представлений о тех или иных аспектах книги. Пытаться выводить эти утверждения на чистую воду, даже когда они откровенно противоречат очевидности – это как биться с ветряными мельницами. Концы многих консенсусов относительно «И цзина» уходят в песок трёхтысячелетней истории. Так что придётся немного потерпеть. Итак.

Считается, что каждый кластер в «И цзине» описывает некую типичную (архетипичную) жизненную ситуацию. При этом ситуация даётся не статично, а в развитии. Под «развитием» здесь понимается не поступательный рост, типа «восхождения на вершину», а скорее замкнутый цикл – вроде оборота «белки в колесе». Каждая ситуация здесь зарождается, развивается, достигает апогея, перезревает, и в конце-концов вырождается, возвращаясь (в теории) к исходной точке. Типа, «весна, лето, осень, зима… и снова весна». Так что, строго говоря, «конца-концов» в «И цзине» не бывает. Никакая победа не является здесь окончательной, никакое поражение не ставит на надеждах крест.

Считается, что развитие всех описанных в книге ситуаций протекает в шесть фаз, отражённых в шести соответствующих текстовых формулах. При этом первые три формулы соответствуют «внутреннему» развитию ситуации (мысленному осознанию протагонистом происходящего), последние три формулы – «внешнему» развитию (реальным действиям и реальным событиям).

Таким образом «внутренняя» и «внешняя» стадии состоят каждая из трёх фаз – зарождения ситуации, достижения ею максимума и её перезревания – описанных для «внутренней» стадии в текстовых формулах 1, 2 и 3, и для «внешней» – в формулах 4, 5 и 6. Получается, что формулы 2 и 5 являются в каком-то смысле ключевыми, поскольку соответствуют кульминациям «внутреннего» и «внешнего» циклов.

Считается, наконец, что текст каждой формулы неразрывно связан с элементарным графическим рисунком, а именно – с соответствующей линией своей гексаграммы. Мало того – считается, что формула является лишь словесным выражением глубинных свойств соответствующей линии. То есть, что содержание первой формулы любого кластера якобы напрямую вытекает из конкретного вида первой (нижней) линии соответствующей гексаграммы, второй формулы – из вида второй линии, и так далее.

При совершенно очевидной необоснованности такого представления (из вида линии ещё никому не удавалось получить текста формулы, а из текста формулы – определить вид линии) – так вот, вопреки очевидности данная связь считается

безоговорочно существующей – и это не обсуждается. Хотя бы уже потому, что прямое указание на эту связь содержится непосредственно в текстах всех формул. Каждая из них начинается со слов, указывающих вид соответствующей ей линии. Типа, «Третья линия имеет такой-то вид. [А потому…]» – и далее следует текст третьей (в данном примере) формулы.

Но нет худа без добра. Представление о неразрывной связи графических линий и текстовых формул позволяет обосновать глобальность и исчерпывающую полноту «И цзина» в целом. Поскольку шестьдесят четыре гексаграммы, действительно, полностью исчерпывают все возможные комбинаций шести линий двух видов (целых и разорванных). Соответственно, произведённые от гексаграмм текстовые кластеры также, выходит, должны исчерпывать все основные расклады Мироздания.

Считается, что шестьдесят четыре кластера «И цзина» описывают все явления мира – как природы, так и человека. Содержанием книги является, таким образом, вся Вселенная, во всех проявлениях и на всех уровнях.

Подряд «И цзин» не читают.

3. Цветение сливы

Да. Подряд «И цзин» не читают. И вообще, его не «читают». Его применяют.

Самое распространённое применение «И цзина», успешно практикуемое уже не одно тысячелетие, это использование его для гаданий. Хотя в данном случае это не совсем точное слово.

Институт «гаданий» предполагает жёсткую предопределённость будущего. Будущее уже назначено, утверждено и подписано, просто до человека оно ещё не доведено. И цель гадания – попытаться подсмотреть эту запись.

«И цзин» же работает в парадигме «мягкого будущего». Никакие грядущие события не являются неизбежными, существуют лишь тенденции. Есть более вероятные и менее вероятные сценарии, но жёсткой предопределённости нет.

В этих условиях задача «гадательной» книги – это помочь человеку понять существующие тенденции и предложить оптимальную стратегию действий в имеющихся обстоятельствах.

В этом смысле работа «И цзина» чем-то напоминает работу психоаналитика – помочь пациенту осознать сложившуюся реальность и сориентировать его на разумное поведение. В какой-то ситуации следует действовать решительно и твёрдо, в какой-то – проявить осторожность и выждать. Как отличить первое от второго? Сходить на приём к «И цзину».

При всём изобилии различных техник «гадания» по «И цзину», все они сводятся к определению нужного в вашем случае текстового кластера и последующему истолкованию шести его текстовых формул применительно к вашей ситуации.

Элемент случайности (другое имя «судьбы») присутствует при этом лишь на первом этапе «гадания» – при определении нужного кластера. Делается это разными способами.

Самый простой (и самый ненадёжный) способ – вытягивание вслепую бумажки с названием кластера. Что с успехом практикуют уличные гадатели на потеху праздной публике. Это, конечно, профанация.

На другом полюсе находится древний, сложный и весьма трудоёмкий способ определения нужного кластера с помощью стеблей тысячелистника. Каждый уважающий себя «ицзинист» имеет собственный комплект таких стеблей. Есть он, конечно, и у меня. Могу показать.

[Илл. 08-07-06-03-1. Мой комплект стеблей тысячелестника]

Суть «гадания» по стеблям тысячелистника состоит в случайном разделении пучка из пятидесяти стеблей на случайные части. Делается это по особой процедуре, состоящей из многих этапов. В результате в руках остаётся пучок из того или иного количества стеблей. Технически возможны четыре варианта этого остатка. При этом два из этих вариантов интерпретируются, как «целая» линия, два других – как «разорванная». Так определяется конкретный вид первой (нижней) линии искомой гексаграммы. Напомню, что гексаграмма растёт снизу вверх, как стена бревенчатого сруба.

Затем вся процедура повторяется сначала, и мы получаем вторую линию. И так далее – пока не будут определены все шесть линий. Полученная в результате гексаграмма и укажет нам на нужный кластер «И цзина».

Может так получиться, что в процессе гадания некоторые линии выкажут тенденцию к изменению на противоположные. Тогда на выходе мы получим сразу два кластера – первый (основной) описывает текущую ситуацию, а второй (в чьей гексаграмме неустойчивые линии заменены противоположными) – показывает долгосрочную тенденцию. Но это уже нюансы.

В описанной процедуре стебли тысячелистника выступают в качестве своеобразного генератора случайных чисел. Сухие стебли не являются идеально прямыми – и это при разделении их на пучки затрудняет подгонку результата под желаемый. И, потом – кого вы хотите тут обмануть? Небо?

Практика гадания по «И цзину» с помощью стеблей тысячелистника освящена глубокой древностью. В главном комментарии к «Вёснам и осеням», а именно в «Цзо чжуани» (ок. 350 года до н.э.), рассказано о множестве подобных случаев.

Например, при гадании о судьбе наследника в 660 году до н.э. (второй год правления Мин-гуна) стебли тысячелистника (筮) показали на гексаграмму «Цянь» (乾, шесть «целых» линий), что дало в целом благоприятный прогноз.

Или вот взять комментарий к записи за 513 год до н.э. (двадцать девятый год правления Чжуан-гуна), где также фигурирует гадание по «И цзину». При этом содержание шести текстовых формул, соответствующих всё той же гексаграмме «Цянь», дали автору комментария повод рассказать об интересных и взаимовыгодных отношениях людей и драконов.

Гадание с помощью стеблей тысячелистника – самое надёжное из существующих. Но для применения в реальной жизни оно слишком сложное. Поэтому на практике часто используют компромиссный способ – тоже проверенный временем и хорошо себя зарекомендовавший. Это гадание по дате.

Любой момент времени характеризуется четырьмя числами – годом, месяцем, днём и часом. С помощью этих четырёх параметров, взятых для некоторого характерного события, можно по специальной методике вычислить нужный кластер «И цзина», который нам и расскажет о будущем.

Особенно хорошо данный метод подходит для случаев, когда анализируемая ситуация связана с неким ключевым событием (уже произошедшим или только намечающимся), жёстко привязанным к определённому времени.

Гадание по дате широко применяется уже как минимум тысячу лет. Подробное описание метода приводится в книге сунского учёного Шао Юна «Числа Книги Перемен в Цветении Сливы» («Мэй хуа и шу»), написанной около 1050 года. Судя по всему, Шао Юн этот метод сам и открыл.

Со слов Шао Юна (цз. 1, п. 30), к открытию этого метода его подтолкнул конкретный случай. Как-то раз он любовался цветением сливы. И тут два воробья (雀) начали драться и сломали цветущую ветку. «Ничего в этом мире не происходит просто так», – подумал Шао Юн. Он взял четыре числа, характеризовавшие тот

момент, и вычислил с их помощью нужную гексаграмму и нужный кластер. Всё это предсказывало некое событие, которое должно было произойти следующим днём. Данный прогноз в точности сбылся, а потому Шао Юн принял опробованную им технику на вооружение. Этот метод гадания вошёл в историю, как «метод цветущей сливы».

В той же книге Шао Юн детально описывает саму технику (цз. 1, п. 15). Но здесь сначала требуется некоторое пояснение.

Все гексаграммы состоят из шести горизонтальных линий. Но их можно представить, как совокупность двух фигур из трёх горизонтальных линий каждая (то есть двух «триграмм»), поставленных одна на другую. И это не умозрительная конструкция, а вполне реальная практика. На заре китайской цивилизации, когда до гексаграмм мысль ещё не доросла, в ритуальной и гадательной практике были задействованы именно триграммы. Два варианта линий («целая» и «разорванная») давали, соответственно, восемь разных триграмм.

Все триграммы имеют собственные названия, частично совпадающие с названиями гексаграмм (например, «Цянь», или «Кунь»). Но, в отличие от гексаграмм, триграммы строго нумерованы. Так, триграмма «Цянь» (три «целые» линии) идёт под номером «1», а триграмма «Кунь» (три «разорванные» линии) – под номером «8».

Так вот, если при гадании с помощью стеблей тысячелистника мы выстраивали нужную гексаграмму за шесть циклов гадания (добавляя каждый раз по одной линии), – то при гадании методом «цветущей сливы» нужная гексаграмма получается всего за две операции, как совокупность двух триграмм. В первой операции получается верхняя триграмма, во второй – нижняя.

Что касается самой техники гадания, то она чрезвычайно проста. Сумму чисел, соответствующих «году», «месяцу» и «дню» выбранного события, делят на восемь нацело – и получившийся остаток (от 1 до 8) даёт номер верхней триграммы. Та же процедура, но проделанная с суммой «года», «месяца», «дня» и «часа», даёт номер нижней триграммы. Единственная тут специфика – это что «месяц» и «день» представлены непосредственно их порядковыми номерами, а «год» и «час» пересчитывают по специальной таблице «двенадцатеричного цикла». Но тут нет ничего сложного. Шао Юн сначала описывает метод в целом, а потом дополнительно разбирает его на примере (всё той же обломанной ветке цветущей сливы).

Итак, гадание по «Книге Перемен» с помощью стеблей тысячелистника – это для перфекционистов, а метод «цветущей сливы» (по дате) – для всех и каждого.

4. Проблески перемен

«Книга Перемен» проникала из действительно старого света в наш Старый Свет не спеша. Вот основные вехи.

1659: Мартини

Окно в «И цзин» открывалось Европе рывками. Первым здесь (как и во всём прочем) стал Мартино Мартини.

В 1659 в Амстердаме вышла его книга «История Китая» («Sinicae Historiae»). И в ней Мартини что называется сразу берёт быка за рога. Текст «Истории» начинается на одиннадцатой странице, а уже на пятнадцатой мы видим полную таблицу всех шестидесяти четырёх гексаграмм «И цзина». Причём в редкой «последовательности Фуси».

Впрочем, не обошлось здесь без курьёза. Таблица, с лёгкой руки печатника, дана в книге вверх ногами. При этом общая номенклатура гексаграмм осталась без изменений (у любой гексаграммы есть зеркальная), а вот их последовательность вся перемешалась.

Следом за таблицей в книге идёт характеристика, которую Мартини дал «И цзину» в целом. Она краткая, но исчерпывающая. Каждое слово – не в бровь, а в глаз.

> Древнейшая китайская книга (Antiquissimus Sinarum liber).
>
> У китайцев есть книга под названием «И цзин» («Yeking»), которая целиком посвящена разъяснению неких графических символов (figuris explicandis). Эта книга в их глазах имеет огромную ценность, поскольку они верят, что в ней содержится великий скрытый смысл.
>
> Мне представляется, что эта книга – род философской мистики (philosophia mystica) навроде сочинений «пифагорейцев», и что всё это возникло много веков назад, поскольку появление книги связывают с Фуси (Fohio), о котором я ещё скажу.
>
> В данной книге много говорится о «зарождении» и «распаде» (generatione & corruptione), о грядущем будущем (de fato), о «предсказательной астрологии» (astrologia judiciaria), и вообще – о базовых принципах устройства мира (principiis naturalibus).
>
> Но все эти предметы обсуждаются здесь поверхностно, без определения понятий и приведения доказательств, и все утверждения здесь рассчитаны на голую веру – как, впрочем, и во многих других китайских книгах.
>
> Считается, что числа и графические символы этой книги, о которых я говорил выше, могут подсказать способы правильного управления государством (reipublicae administrationem) и пути к исправлению нравов.

> Однако в настоящее время эту книгу чаще используют для гаданий и колдовства (divinationes & sortilegia), а её истинное назначение либо игнорируется, либо неизвестно.
>
> В любом случае удивительно, какое большое значение китайцы придают этой конкретной книге (hoc capite), которая, как они ожидают, при правильном прочтении откроет им точные знания относительно всех скрытых вещей и событий мира.
>
> (Мартино Мартини, «Sinicae Historiae», 1659, с. 16)

Ни прибавить, ни убавить. Окно прорублено. Идём дальше.

1687: Купле и др.

Знаменитую книгу «Confucius Sinarum Philosophus», составленную Филиппом Купле из работ целой группы миссионеров и изданную в Париже в 1687 (то есть через три десятилетия после Мартини), мы уже разбирали. Это хорошо. Потому что сейчас нам остаётся лишь уточнить отдельные нюансы касательно «И цзина». На этот предмет в книге Купле имеется следующее:

а) Понятие восьми триграмм («Pa qua, octo scilicet Figurae», с. XLI);

б) Правильно напечатанная таблица из шестидесяти четырёх гексаграмм в последовательности Вэнь вана («Ven vam, с. XLIV);

в) Рассуждения о предсказательной силе (или отсутствии таковой) отдельных линий, гексаграмм и кластеров «И цзина» («Ye kim», с. XLV-XLI);

г) Краткое описание первых пятнадцати кластеров (с. XLVI-L);

д) Полный перевод и развёрнутое толкование кластера № 15 (по Вэнь вану, с. L-LVI).

Что ж, для эпохи «невыдержанных вин» не так уж и плохо.

Почему кластер № 15 удостоился особой чести? Возможно потому, что в его названии («Смирение») составителю сборника хотелось усмотреть признание китайцами приоритета христианской доктрины. А может потому, что «15» является фактором числа «762», как «числа Смита». В любом случае тут есть над чём подумать.

Более показательными (как менее ангажированные) являются описания, данные в книге Купле предыдущим четырнадцати кластерам «И цзина». Например, для описания первого кластера под названием «Цянь» автору хватило трёх строк. В моём сухом переводе с его сочной латыни вышло не намного больше.

> Первый графический символ называется «Цянь» (Prima figurarum Kien dicitur). Составляющие его триграммы – верхняя и нижняя – обе представляют собой «Небо» (designat Caelum). Из данной символики Конфуций выводит, что смысл этого кластера – утверждение императорской

формы правления и её исходной добродетельности (formam Regis ac regiarum virtutum).

(Couplet, «Confucius Sinarum Philosophus», 1687, c. XLVII)

Вот и всё. «Небо» взвешено на весах истины и признано «монархоутверждающим».

1701: Лейбниц

Если уж речь о Европе, то мы говорим: «И цзин», понимаем – «Лейбниц». Говорим: «Лейбниц», понимаем – «математический анализ», «брахистохрона» и «компьютер». И «И цзин».

В общественном сознании факт изобретения Лейбницем «двоичного исчисления» прочно связывается с его интересом к «Книге Перемен». И хотя в этой конструкции имеется известная нестыковка по времени (сначала было «изобретение», потом «интерес»), но «И цзин» с Лейбницем определённо рифмуется. Возможно, ничто не сыграло такой роли в продвижении «И цзина» в Европе, как те несколько слов на данную тему, что проскользнули в паре-тройке узконаучных математических статей великого учёного.

А началось всё с переписки Лейбница с пекинским миссионером Иоахимом Буве. Длилась она недолго, с ноября 1700 по май 1703. Вот хроника её ключевых моментов.

В конце 1700 Буве послал Лейбницу письмо. Где между делом сообщил, что разгадал «систему», по которой выстроена последовательность гексаграмм «И цзина» в версии Фуси. Однако суть «разгаданной» им «системы» он не сообщил (письмо от 8 ноября 1700).

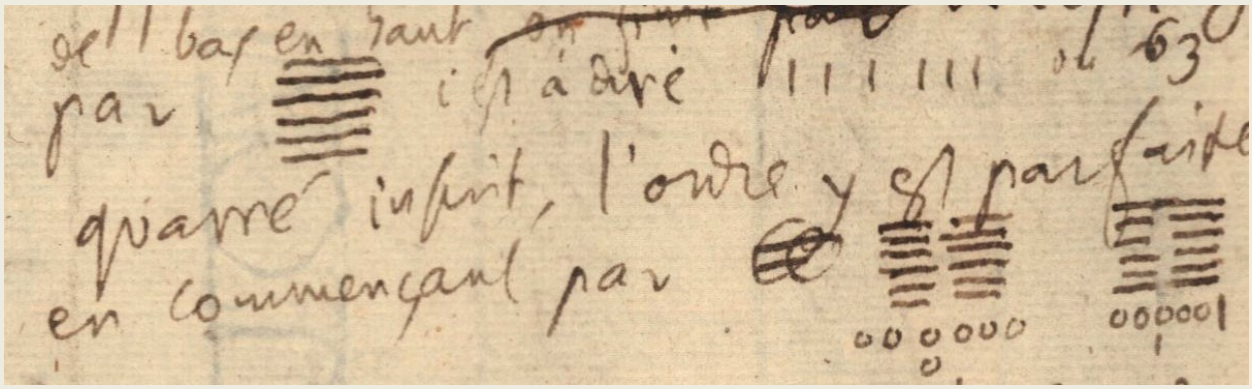
Надо сказать, что за предшествующие три тысячи лет эту «систему» кто только не брался разгадывать. Так что сообщение об очередном якобы успешном «разгадывании», но без конкретики, мало что стоило.

В ответ Лейбниц отправил Буве (вне всякой связи с «И цзином») детальное описание изобретённой им (уже достаточно давно) системы «двоичного исчисления». И привёл первые 32 числа, записанные в этой системе (15 февраля 1701).

От данного письма Буве пришёл в сильное возбуждение. И тут же в ответном письме предложил Лейбницу записать числа от 0 до 63 в его «двоичной системе», но при этом вместо «нулей» и «единиц» использовать «разорванные» и «целые» линии. И тогда (писал Буве) получится точь-в-точь таблица гексаграмм в последовательности Фуси. В подтверждение данного тезиса, Буве приложил к письму саму «схему Фуси», отпечатанную типографским способом (4 ноября 1701).

В ответном послании Лейбниц с готовностью признал эквивалентность гексаграмм в «последовательности Фуси» и чисел натурального ряда в «двоичной» записи (18 мая 1703):

> Возвращаясь к «гуа», или фигурам из линий, начинающимся от 0 и 1 <…> мы заканчиваем счёт на [гексаграмме «Цянь»], то есть на 111111, или 63.
>
> (Pour revenir aux «Coua» ou figures linéaires du cercle commençant de 0 et 1 <…> …оп finit par […], c'est à dire 111111 ou 63.)
>
> (Письмо Лейбница к Буве от 18 мая 1703)



[Илл. 08-07-06-04-1. Рисунок Лейбница, изображающий гексаграмму «Цянь». Черновик его письма в Пекин к Буве от 18 мая 1703, где Лейбниц подтверждает возможность интерпретации гексаграмм «И цзина», как двоичных чисел. «…Оп finit par [рисунок гексаграммы «Цянь»], c'est à dire 111111 ou 63». Niedersächsische Landesbibliothek, Hannover. LBr. 105, 30r]

По поводу же авторства данного открытия Лейбниц высказался так:

> Один из главных сюжетов вашего письма – сопоставление моего двоичного счисления со схемой Фуси. <…> Эта схема, похоже, является одним из самых древних научных памятников в мире, <…> смысл которого был, возможно, уже непонятен в течение нескольких последних тысячелетий. Удивительно, что она полностью совпадает с моим новым способом исчисления и что я написал вам о нём как раз тогда, <…> когда вы занимались расшифровкой этих линий.
>
> Уверяю вас, что я и сам, если бы я не открыл своих «двоичных чисел», долго бы, наверное, рассматривал эту систему «гуа», или линий Фуси, не проникнув в её назначение. Вот уже более 20 лет я ношу в голове это исчисление «нулей» и «единиц», в котором я вижу чудесные возможности.
>
> (Письмо Лейбница к Буве от 18 мая 170)

Данное письмо Лейбница подводит итог его контактам с Буве. Больше они писать друг другу не будут.

Это пока что была лишь частная переписка. Но и в своих научных публикациях на данную тему Лейбниц после этого эпизода всегда честно упоминал и Буве, и Фуси. В результате «Книга Перемен» ненавязчиво, но плотно связалась не только с самим «двоичным исчислением», но и с историей его открытия Лейбницем.

В реальности «И цзин» не помогал Лейбницу открывать новую систему. Но он помог ему утвердиться в осознании глобальности своего открытия. А ведь именно в этом Лейбниц и нуждался больше всего. Недаром он чуть ли не каждому встречному пытался горячо, но сбивчиво объяснять перспективы новой системы. Так и видишь благородную публику, выслушивающую, зевая, все эти бредни слетевшего с катушек учёного на высосанную из пальца тему.

И вот тут-то и подоспел «И цзин», с его четырьмя тысячелетиями за спиной. Такое дорогого стоит.

Ирония ситуации заключается в том, что Лейбниц и до переписки с Буве много раз видел схему гексаграмм «И цзина» – по парижской публикации Купле (1687). Однако гексаграммы там были расположены в «последовательности Вэнь вана», совершенно не совпадающей с «двоичной» системой. А вот в сочинении Мартини (1659) последовательность гексаграмм была как раз нужной (их перевёрнутость делу не мешала) – однако Лейбницу эта книга на глаза так и не попалась.

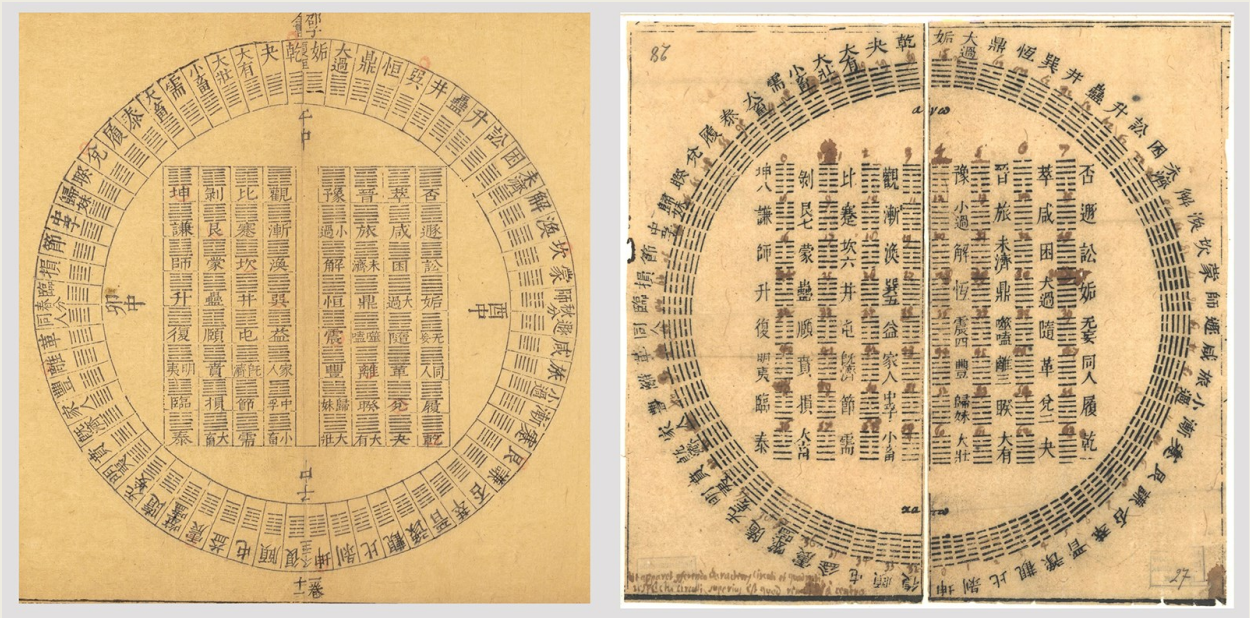
И ещё один интересный момент, если уж речь зашла о вопросах авторства. Я всё говорю – «последовательность Фуси», «последовательность Фуси». Говорю я так, потому что она так называется.

Однако сам Фуси (3-е тыс. до н.э.) понятия не имел, что существует какая-то «последовательность» его имени. То, что называют «последовательностью Фуси», появилось и вошло в оборот относительно недавно, в середине XI века. Впервые «последовательность Фуси» обнаруживается в знаменитом сочинении уже знакомого нам Шао Юна – «Книге о высших принципах, управляющих миром» (皇極經世). И похоже, что Шао Юн эту последовательность сам и придумал. Так что в научном мире её всё чаще называют «последовательностью Фуси-Шао Юна». Нельзя исключить, что слово «Фуси» в этой фразе со временем отпадёт.

Кстати, сохранился подлинник той самой круговой схемы с гексаграммами, которую Буве посылал в 1701 Лейбницу. С пометками – сделанными как рукой Буве, так и рукой Лейбница.

> Круговая китайская схема, которую я вам посылаю. <…> Эта схема – одна из двух схем Фуси.
>
> (La figure circulaire Chinoise que je vous enyoye <…> Cete figure est une des deux figures de Fo-hii.)
>
> (Письмо Буве к Лейбницу от 4 ноября 1701)

Так вот, эта схема чрезвычайно похожа (даже в полиграфическом смысле) на аналогичную схему из «Книги о высших принципах…» Шао Юна (в издании XVII века). Скорее всего Буве использовал какое-то близкое переиздание Шао Юна. Даже номера страниц совпадают (27 и 28).



[Илл. 08-07-06-05-1. Слева – схема гексаграмм из «Книги о высших принципах, управляющих миром» Шао Юна, издание начала XVII века (Xu Bida, в 32 тетрадях, т. 1, с. 27-28, Harvard Library, id 990081079360203941). Справа – схема, присланная Лейбницу из Пекина в 1701. Конкретное издание, откуда она взята, не известно, однако указаны номера страниц – «27» и «28» (Niedersächsische Landesbibliothek, Hannover. LBr. 105, 27r)]

А вы говорите – «Лейбниц».

1736: Жан-Батист Режи и др.

Это имя не слишком на слуху, а зря. Французский миссионер Жан-Батист Режи (Régis) в начале 1700-х изъездил Китай вдоль и поперёк, составляя карту страны. Он видел и Пекин, и Тибет, и Сычуань, и Янцзы, и чего ещё он только ни видел.

А в свободное от основной работы время он вместе с двумя коллегами (Жозефом де Майаком и Пьером дю Тартром) переводил «И цзин» на латынь.

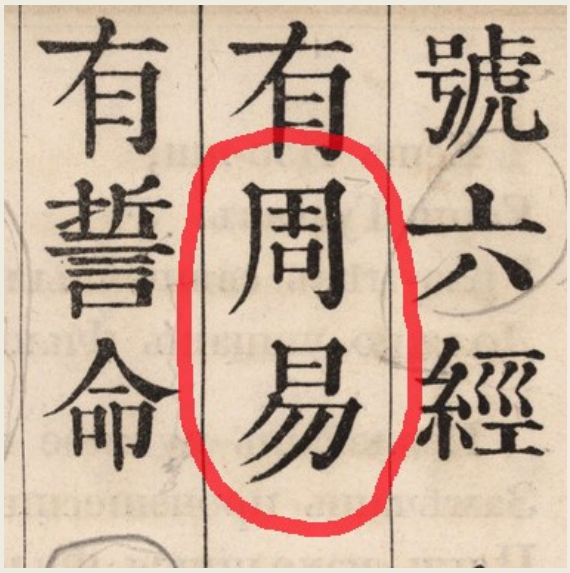
В результате появился первый в истории полный перевод на европейский язык «И цзина» (включая совершенно необъятные комментарии). Работа продолжалась долго, не одно десятилетие, и точно указать момент её завершения сложно. В любом случае к 1736 перевод был гарантированно закончен и переправлен в Европу.

Где рукопись пролежала без движения сто следующих лет. Но даже с учётом этого, перевод Режи и его коллег всё равно стал первым изданным в Европе переводом «И цзина». Сие знаковое событие произошло в Штутгарте, где в 1834 перевод Режи (под названием «Y-King») вышел в двух толстенных томах, по пятьсот страниц каждый.

Так что Пушкин вполне мог успеть купить этот двухтомник в книжной лавке Беллизара. И хотя великий поэт владел латынью так сказать «на уровне школьной программы» (то есть достаточно для Апулея, но недостаточно для Цицерона), но для

чтения «И Цзина» (где всё равно понять что-либо можно только сердцем) этого уровня должно было бы хватить. Короче, даже и с этой точки зрения данная покупка была возможной. Впрочем, у меня нет никаких данных, подтверждавших бы реализацию этой красивой возможности.

А вот данные о том, что Пушкин определённо должен был иметь известное представление об «И цзине», у меня есть. И не просто «иметь представление», а знать об «И цзине» достаточно много. Конкретно – о всех трёх названиях книги («И цзин», «Чжоу и», «Книга Перемен»), об императоре Фуси, о восьми фигурах «гуа» и их устройстве из трёх «целых» и/или «разорванных» линий, о шестидесяти четырёх гексаграммах, а также о связываемых с ними фундаментальных понятиях («Небо», «Земля» и т.п.). Более того, имеется документальное подтверждение того факта, что Пушкин имел в личном пользовании иероглифическое изображение названия «Книги Перемен» (в форме «Чжоу и»). Это, пожалуй, я даже покажу. Чтобы раньше времени не портить интригу, источник я назову несколько позже.



[Илл. 08-07-06-06-1. Надпись «Чжоу и» («Книга Перемен»), которая была с Пушкиным последние семь лет его жизни (карандашные пометки не его)]

Итак, в 1736 в Китае был сделан первый перевод «И цзина» на европейский язык (латынь), а в 1834 он был опубликован в Европе. Для общего представления – вот как выглядел текст первого кластера («Цянь») в версии 1834. Текстовые формулы в данном издании перемежаются длинными рассуждениями и пояснениями (в сумме 26 страниц на один первый кластер), здесь мною опущенными. Итак, очищенный от всего наносного кластер № 1 в издании 1834. «Цянь» («Небо»).

(*Название кластера*) Kien

(*Подзаголовок*) Magnum, penetrans, convenies, solidum.

(1) In primum nonum. Draco est absconditus. Nolite eo uti.

(2) In secundum nonum. Draco exivit. Est in campis. Oportet convenire magnum virum.

> (3) In tertium nonum. Sapiens quotidie sibi invigilans, singulis serotinis maxime timet – est quod timeat, sed nulla est culpa.
>
> (4) In quartum nonum. Videtur assurgere. Est in profundo. Nulla est culpa.
>
> (5) In quintum nonum. Draco volans est in coelo. Oportet convenire magnum virum.
>
> (6) In sextum nonum. Draco transgressus est, est quod poeniteat.
>
> (*Резюме*) Si videas Draconum multitudinem sine capite, bonum est, vel bona fortuna est (Ki).
>
> («Y-King, antiquissimus sinarum liber…», т. 1, 1834, Штутгарт, с. 163-188. Пер. Régis, de Maillac, du Tartr. Изд. Julius Mohl)

Без комментариев.

На этом, пожалуй, можно остановиться. Примерно так разворачивался процесс в Европе. Теперь же – как это происходило на территории между Амуром и Невой.

1730: Байер

Первую весть об «И цзине» на просторы Российской империи принёс Байер. Сделал он это в своём труде «Museum Sinicum», вышедшем в Петербурге в начале 1731 (в выходных данных 1730). На момент сдачи рукописи в печать Байер ещё не успел как следует поизучать «И цзин». Привезённый ему только что экземпляр он разве что только подержал в руках.

А потому сообщение Байера представляло собой изложение сведений и суждений, почерпнутых им у Купле и Лейбница. Собственно, это и называется «просветительством».

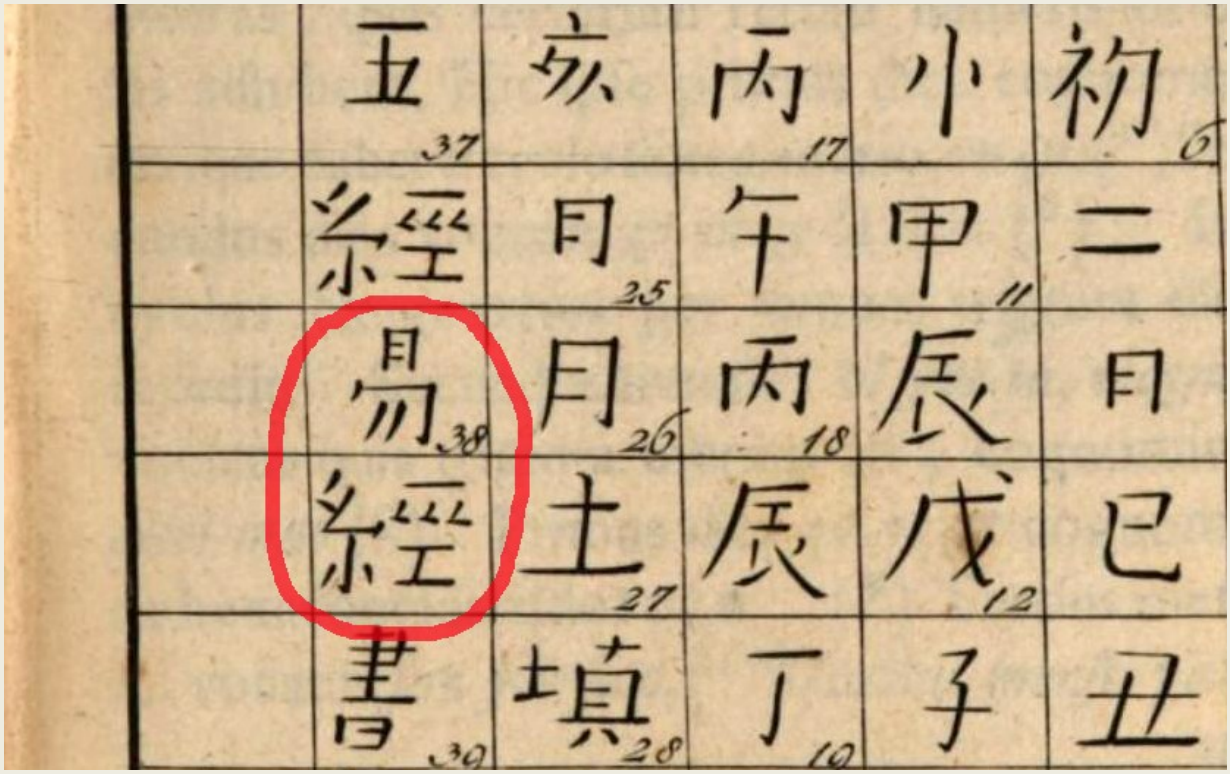
> Я не считаю абсурдным утверждение, что книга «И цзин» («Ye kim») является одной из самых древних книг. Предлагаю почитать о ней у Купле в его книге о Конфуции [«Confucius Sinarum Philosophus», 1687]. <…>
>
> Множество философов во все века пытались толковать эту книгу. <…>
>
> Иоахим Буве очень точно сравнил двоичную арифметику Лейбница с таблицей гексаграмм [из «И цзина»].
>
> (Байер, «Museum Sinicum», 1730, т. 1, кн. 2, с. 95)

Но кое-что Байер добавил и от себя. Мы помним, что его главная «идея-фикс» состояла в попытке обнаружить строгую систему в китайских иероглифах. В дело тут шло всё. И «И цзин», с его структурированными гексаграммами и буйством комбинаторики, оказался как нельзя кстати.

> Я полагаю, что древние люди использовали эти знаки (figures, здесь: триграммы) в своих записях в качестве слов (litteris), и даже до сих пор

> сохранилось представление, что одна из этих триграмм означает «небо», другая – «воду, стекающую с гор», третья – «огонь» и так далее <…>
>
> Более чем вероятно, что китайцы, комбинируя триграммы, пришли к формированию простых иероглифов (characteres), из которых постепенно рождались всё более и более сложные.
>
> (Там же, с. 97-98)

Если суммировать, то Байер познакомил население страны с «И цзином» в следующем объёме (на латыни). Есть вообще такая книга. Она очень древняя, очень важная и очень сложная. В ней есть особые графические знаки, от которых, возможно, произошли все китайские иероглифы. Эти знаки выглядят так-то (показано на примере четырёх гексаграмм). Особо интересующимся давалась ссылка на книгу Купле. И, наконец, всем желающим Байер предоставил возможность увидеть, как выглядит название «И цзина» в исходном написании (и в его собственной каллиграфии). И напечатанное им на сто лет раньше, чем «пушкинские» иероглифы, обозначающие «Книгу Перемен».



[Илл. 08-07-06-07-1. Надпись «И цзин» («Книга Перемен») в каллиграфии Байера. «Museum Sinicum», 1730, т. 1, с. 136-а Предисловия]

Как только Байер получил экземпляр «И цзина» на руки (конец июня 1730), он нырнул в него, как в омут. И уже скоро начал чувствовать там себя, как рыба в воде. По его просьбе Парренин прислал из Пекина ещё один экземпляр «И цзина» – уже лично ему (первый экземпляр считался имуществом Академии наук и для получения его требовалась санкция библиотекаря Шумахера, с которым Байер был на ножах). Этот второй («байеровский») экземпляр сохранился. Сейчас он находится в библиотеке университета Глазго (MS Hunter HC38).

Имея полный текст «И цзина», Байер быстро продвинулся в своём понимании книги, перейдя от триграмм (почерпнутых у Купле) к гексаграммам (то есть от трёх линий – к шести). И это было только начало. Его взор простирался дальше, от отдельных гексаграммам – к их загадочным и волнующим последовательностям. В своей работе «De horis sinicis» (1735) Байер обозначил этот вектор «И цзина» вполне чётко.

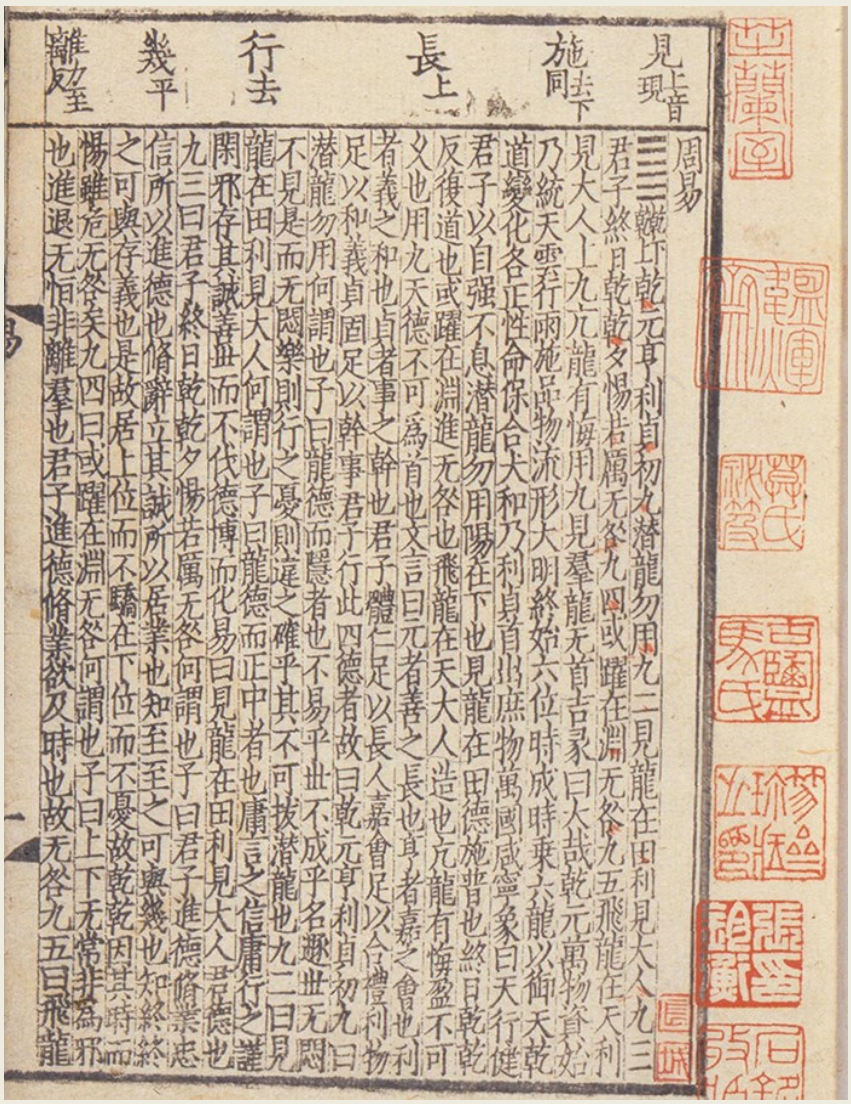
> Определённая последовательность гексаграмм и есть система Фуси (Hic ille integer liber Fohianus est), которая описана и одновременно объяснена в «И цзине». У каждой гексаграммы («pa qua») есть собственное имя. <…>
>
> Данная система в «И цзине» называется «великий круг», или «великий полюс» («magnus polus»). Такое же название имеет и полный комплект из 64 гексаграмм. <…>
>
> Итак, 64 гексаграммы образуют совершенный круг. Однако, последовательность гексаграмм у Фуси (Fohi) и у Вэнь вана (Ven vam) – разная.
>
> (Байер, «De horis sinicis», 1735, с. 12-13)

За всеми этими подробностями мы ни на секунду не должны забывать, что благодаря Байеру в России появилась не только первая «информация» об этой судьбоносной книге, но и сама книга. Вот как Байер описал свои первые впечатления от только что полученного им от Ланга экземпляра «И цзина» (в составе «Пятикнижия»):

> Согласно оглавлению, первым номером в данном «Пятикнижии» идёт «И цзин» («Ye kim»). В этой книге некие знаки (characteres), а проще сказать линии, изобретённые Хуанди (lineae ab Hoamtio), разъясняются в двух разных комментариях. По нашим меркам эта книга не очень большая, она состоит всего из тридцати листов (triginta foliorum), образующих одну стандартную китайскую тетрадь (Sinici libelli).
>
> (Байер, «Museum Sinicum», 1730, т. 1, с. 141 Предисловия)

Как мы помним, «И цзин» в переводе Режи еле уместился в два тома по пятьсот страниц каждый. А тут – тонкая тетрадка в тридцать листов. Где здесь подвох?

А нет никакого подвоха. По некотором разыскании, я обнаружил «Пятикнижие», изданное в Китае в минскую эпоху (до 1644), где «И цзин», действительно, умещается в одной тетради из тридцати двух листов (из которых десять ещё остаются свободными). И это включая два комментария. Не берусь утверждать, что именно данное издание привёз тогда из Пекина Ланг, но в любом случае указанные Байером параметры вполне реалистичны. Да, печатное поле заполнено здесь плотно, что не слишком комфортно для глаза – зато все сокровенные знания мира умещаются в рукаве.



[Илл. 08-07-06-08-1. Начальная страница «И цзина», изданного в формате одной тетради на 32 листа (не позднее 1644). Первый текстовый кластер («Цянь») умещается здесь в первых двух с половиной столбцах, дальше идут уже комментарии (считаем сверху вниз, справа налево). Национальная библиотека Тайваня, Фонд редких книг, id 01260]

1782: Леонтьев

Давным-давно, в глубоких недрах эпизода «Золотой гвоздь», у меня мельком проскочила такая фраза:

> Наконец, были оплачены перевод <…> и издание трёхтомника «Тайцин гурунь…», <…> в котором, кроме свода современных китайских законов, имелись ещё и разные занятные приложения – например, Приложение Б: «О двойственных действиях».

Речь шла о распоряжении Екатерины Дашковой, только недавно вступившей в должность директора Академии наук, выплатить в 1782 году задолженность в размере 2928 рублей и 99 ¼ копеек китаисту Алексею Леонтьеву за проделанную

им ранее работу (финансовая Ведомость, составленная Дашковой 1 июня 1783 для Екатерины II).

Тогда я оставил эту скучную бухгалтерскую проводку без должного пояснения. А сделать его следовало бы, поскольку за этой записью скрывается событие совершенно исключительное – первая публикация на русском языке отрывка из «И цзина». Ведь Приложение «О двойственных действиях…», вышедшее в 1782 – это оно самое и было.

Хотя, градус сенсации здесь нужно слегка сбавить. В публикации Леонтьева никакого текста собственно «И цзина» не было. А что было – так это двенадцать страниц махровой нумерологии, взятой из некого комментария к «И цзину», и вырванной к тому же из контекста. Об уровне ценности сообщаемых Леонтьевым сведений можно составить представление по следующей цитате (совершенно типовой в рамках рассматриваемой публикации):

> Четыре образа, рождающие с 5 серединными, то есть с видом «Ян», называются четырьмя образами внутренними, по чему как 1 с 4 составляет 5, так и 2 с 3 составляют 5 же, а 5 такое число, которое скрытно содержит в себе 15, и которое называется числом рождения и совершения вещей; оно скрытно содержит в себе 15, так как «Яном» во время весны и лета рождающиеся вещи, «Ином» совершаются во время осени и зимы… и т.д. и т.п.
>
> (Леонтьев, «О двойственных действиях…», с. 308. Приложение «Б» к «Тайцин гурунь…», т. 2, 1782)

Ну, сами всё видите. Разве что здесь проливается дополнительный свет на повышенное внимание Филиппа Купле к именно 15-му кластеру книги. Но в любом случае, для первого знакомства с «И цзином» подобные публикации просто вредны, поскольку откровенно отвращают от этой глубокой книги даже заинтересованного читателя.

А коли так, в чём же тогда состояла ценность всего этого, и имелась ли она вообще?

На мой взгляд – ещё как имелась. Но заключалась эта ценность не в основном материале, а в словах одной-единственной сноски внизу страницы, набранной мелким шрифтом. В которой Леонтьев давал некоторые сведения о книге. Вот эта сноска:

> Приложение «Б»
>
> О двойственных действиях духа «инь» [и] «ян», из китайской книги «И гин» называемой*
>
> [далее сразу идёт сноска]
>
> * – «И гин» значит «удобное основание». Книга сия у китайцев важная, и первая из всех древних книг их. Они почитают её основанием для всех в свете наук. Один французский аббат, который был здесь в Петербурге в 1769 году, говорил, что древнее книги сей нет в целом свете, и что по

> сему учёные люди весьма желают видеть её на европейских языках. Я, услыша от него сие, покусился, для оказания учёным людям услуги моей, переводить оную книгу на российский язык; но перевёл по возможности моей только то, как начинается – а далее, за многими в ней начертаниями и терминами, переводить не могу.
>
> (Там же, с. 301)

Здесь об «И цзине» сказано не так уж и много – но прошу учесть, что даже это было сказано по-русски впервые. Ведь все ранее цитированные мной работы предыдущих китаистов – они все до единой были написаны и опубликованы на латыни (включая статьи сидевшего в Петербурге Байера), просто я сразу переводил их на русский. Так что Леонтьев стал первым, кто удосужился написать про «И цзин» по-русски.

Для укрепления глобальной симметрии мира и комбинаторной полноты бытия, и просто – для гармонизации вселенских линий, да даже из соображений чисто лингвистической справедливости – считаю правильным дать здесь перевод оригинального русского текста Леонтьева на латынь. Особенно хорошо получились здесь «docti homines», «учёные мужи». Прошу оценить.

> Appendix «B»
>
> De actionibus dualibus «Yin» [et] «Yang», ex libro Sinensi cui titulus «I gin»*.
>
> * – «I gin» significat «conveniens fundamentum». Hic liber a Sinensi maximus et omnium librorum antiquissimus habetur. Fundamentum esse omnium scientiarum existimant. Unus abbas Gallicus, qui hic fuit Petropoli anno 1769, dixit nullum hunc librum antiquius esse in toto orbe terrarum, et propterea docti homines in lingua Europaea volunt habere. Hoc audito, eruditorum gratiam facere decrevi, ac hunc librum in Russicum transferre; sed initium tantum interpretari potui, et amplius ob varietatem signorum graphicorum et terminorum specialium, illud interpretari non potui.

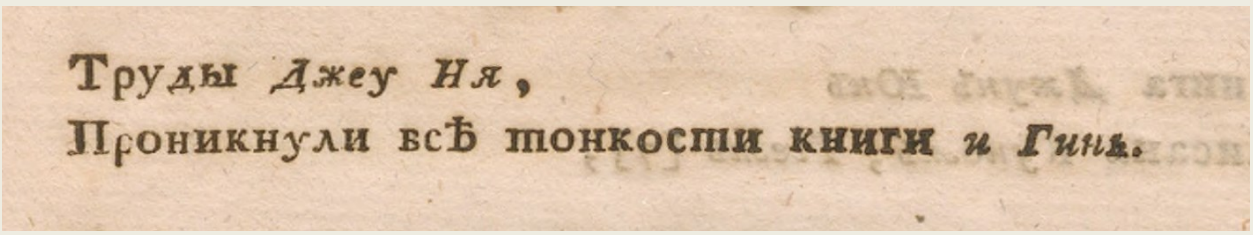
Работа Леонтьева «О двойственных действиях…» вышла в 1782. Но ещё за три года до этого, в 1779, Леонтьев опубликовал другую свою переводческую работу, где «И цзин» уже был назван по имени и вставлен в некоторый контекст. Книжка называлась «Букварь китайской», хотя никакой это был не букварь, а прозаический перевод Леонтьевым поучительных китайских стишков, предназначенных для обучения китайских детей грамоте.

«И цзин» здесь был представлен так:

> Тогда может учить [школьник],
> Книги подобные книгам пять «Гин» называемым.
>
> Пять «Гин» называются так,
> «Ши Гин», «Шу Гин», «И Гин».
>
> «Лиги», «Чунь Цю» <…>
>
> Труды Джеу Ия,

Проникнули все тонкости книги «и Гин».

(«Букварь китайской», 1779, с. 11-12, пер. Леонтьева)


Труды Джеу Ня,
Проникнули всѣ тонкости книги и Гинъ.

[Илл. 08-07-06-09-1. Возможно, первое на русском языке упоминание «И цзина» («и Гинъ»). В книге «Букварь китайской, состоящей из двух китайских книжек», Петербург, 1779, с. 12. Составление и перевод Алексея Леонтьева]

Данное появление «И цзина» (предположительно, первое) в русскоязычном печатном поле не стоило бы, возможно, особого внимания, если бы после смерти Пушкина экземпляр этого «Букваря» не был бы обнаружен в его квартире (позиция № 52 по «списку Модзалевского»). Так что данные строки, переведённые и изданные Алексеем Леонтьевым, явились по факту одной из тех ниточек (хотя и не главной), что связали поэта с «Книгой Перемен».

До публикации же русского перевода «И цзина» оставалось ещё долгих 180 лет.

5. Прыжок в бездну

25 февраля 1730 недавняя герцогиня курляндская Анна, сама не зная что делает, разорвала в Москве подписанные ею же месяц назад в Митаве «Кондиции», а уже 1 марта народ вторично присягнул ей, как новой русской императрице.

Всё произошло так стремительно, так неожиданно и так нереально, что даже инициаторы этого процесса сами ничего не успели понять. Это был какой-то небесный вихрь. А потом всё сразу снова улеглось на десять следующих лет.

Напомню. Процесс восшествия на престол Анны Иоанновны сложился из четырёх совершенно разных по своей сути этапов. И все они пронеслись, сменяя один другой, за тридцать один день.

За месяц до будущей развязки, 24 января 1730 мы видим 36-летнюю герцогиню Анну, к тому времени прозябавшую в Курляндии уже двадцатый год, в весьма незавидном состоянии – без денег, без возможностей, с прохудившейся крышей и распустившейся прислугой. И вдалеке решительно от всего. Короче, на самой что ни на есть обочине истории.

На следующий день, 25 января, в Митаве появляется некое важное лицо из Москвы и предлагает ей ни много ни мало, как занять престол Российской империи. Нужно лишь подписать некий документик – так, формальность. Называется «Кондиции».

Анна подмахивает всё не глядя, и тут же отбывает по новому месту службы – работать императрицей, где хотя бы крыша не течёт. Её кортеж пробивается в

Москву по заснеженным полям следующие две недели. На подъезде к столице её останавливают чуть ли не во голом поле и поселяют в подмосковном селе Всехсвятском (м. «Сокол»), где выдерживают ещё пять дней, чтобы успеть утрясти некоторые вопросы. Наконец, 15 февраля Анна въезжает в Первопрестольную.

И здесь начинается чистый кавардак. С утра до ночи Анна встречается с кем ни попади, со всеми подряд – и всем она старается угодить. Её поведение совершенно открытое, но одновременно и крайне осторожное. Она со всеми соглашается и всем обещает всё. Тем временем власти под шумок приводят население к присяге новой императрице.

Верховный тайный совет, всё это и замутивший, полагает, что после принятия присяги вся эта ненужная общественная активность, сопровождавшая процесс смены власти, должна быстро пойти на спад. Но тут случается невозможное.

Эта провинциальная домохозяйка, привезённая из какой-то там Митавы – она вдруг, ни с того ни с сего, берёт – и публично рвёт в Кремле подписанный ею же договор с «верховниками», те самые «Кондиции». Да понимает ли она, что она сейчас наделала, против каких сил посмела пойти? Понимает ли она, что теперь ей конец?

Похоже, не понимает. Да точно не понимает. И никто ничего не понимает. Потому что Анне всё сходит с рук, и всё у неё получается наилучшим образом. И вот уже она – полновластная императрица, а Верховный тайный совет в полном своём составе – готовые кандидаты в колодники.

Да, по всем понятиям так делать было нельзя. Но Анна сделала – и оказалось, что можно. А почему у неё это получилось – никто из профессионалов не знает до сих пор.

Предлагаю рассмотреть один из возможных вариантов. А именно, что ситуация просто оказалась «втянутой» в некий «ситуационный шаблон», каким-то образом активировавшийся по ходу дела. А подробности – они сами-собой подтянулись, в процессе. Вижу, что нужны пояснения.

Все описанные события происходили в Москве в течение февраля 1730. И в том же феврале в Москве появился первый экземпляр «Книги Перемен».

Если просто перевернуть обложку, то первое, что там открывается – это гексаграмма «Цянь» с соответствующими текстовыми формулами. Их я уже как-то приводил – в латинском переводе Жана-Батиста Режи.

А теперь посмотрим всё это по-русски – хотя бы первые четыре формулы. И попробуем соотнести их с четырьмя этапами воцарения Анны Иоанновны.

Итак.

1-й этап (до 24 января 1730 включительно, по ст. ст.). Анна Иоанновна буквально «залегла на дно» в своей глухой Курляндии. И сидит там тихо – не высовываясь, не выказывая никаких амбиций и не предпринимая никаких действий.

А вот – что сказано в первой текстовой формуле первого кластера («Цянь») «Книги Перемен» (в научном переводе Юлиана Щуцкого):

(*1-я «формула»)*

- Нырнувший дракон. Не действуй.

2-й этап (25 января – 14 февраля 1730). Анна Иоанновна встречается в Митаве с высокопоставленным представителем Верховного тайного совета, князем Василием Долгоруковым. Результаты этой встречи для неё крайне благоприятны. Она выходит из «политической тени» и срочно отправляется в Москву. В течение всего этого этапа она находится в дороге, пересекая бескрайние заснеженные русские поля.

(*2-я «формула»)*

- Появившийся дракон находится в полях. Благоприятна встреча с влиятельным лицом.

3-й этап (15 – 24 февраля 1730). Анна Иоанновна въезжает в Москву, где ей уготована роль марионеточной правительницы при Верховном тайном совете. Однако она развивает здесь бурную деятельность – вступая в контакт со всеми заинтересованными сторонами, но при этом ведя себя чрезвычайно осторожно.

(*3-я «формула»)*

- Благородный человек днём деятелен; вечером – осмотрителен, точно в опасности. Хулы не будет.

4-й этап (25 февраля 1730). Состоит всего из одного дня. Точнее – из одного мгновения этого дня. Поддавшись непонятному импульсу, Анна Иоанновна делает чрезвычайно рискованный шаг, будто в пропасть прыгает. Она публично разрывает все ранее заключённые договорённости с Верховным тайным советом и провозглашает свою полноценную власть. Со стороны это выглядело чистым самоубийством. Но всё оборачивается в её пользу.

(4-я «формула»)

- Словно прыжок в бездну. Хулы не будет.

Я привёл здесь полные тексты четырёх формул первого кластера («Цянь») – без каких-либо изъятий или добавлений. Для контроля – вот оригинал:

(1） 初九 潛龍。勿用。

(2） 九二 見龍在田。利見大人。

(3） 九三 君子終日乾乾夕惕若厲。无咎。

(4） 九四 或躍在淵。无咎。

То, что «Книга Перемен» оказалась рядом с разворачивающимся событиями, сыграло, похоже, свою роль. Конкретный механизм передачи воздействия в данном случае не так важен. Важно лишь понимать, что слова о возможном развитии событий способны влиять на развитие самих событий. Как слова о ходе голосования всегда сильно влияют на ход голосования.

Из всех шестидесяти четырёх «ситуационных шаблонов» «Книги Перемен» в данном случае сработал самый первый из них, «Цянь» («Небо»). Что вполне логично, учитывая главную повестку данных событий. Ведь согласно приписываемой Конфуцию традиции, именно в первом кластере «Книги Перемен» решаются как раз династийные и государственно-устроительные вопросы (Купле, «Confucius…», с. XLVII). Те самые «formam Regis ac regiarum virtutum».

Всё начинается с головы. А заканчивается прыжком в бездну.

[Илл. 08-07-06-10-1. «Словно прыжок в бездну». 4-я текстовая формула из 1-го кластера («Небо») из «Книги Перемен» в компактном издании эпохи Мин. Возможно, именно такое издание было первым привезено в Москву в 1730. Национальная библиотека Тайваня, Фонд редких книг, id 01260]

6. Небо

Все гексаграммы в «Книге Перемен» равноправны. Но некоторые равноправнее других.

Для этого, впрочем, есть определённые резоны. Графический знак, состоящий из шести «целых» линий хочешь-не хочешь, а выделяется из общего ряда похожих знаков – своей законченностью и простотой, даже предельностью, если хотите.

Это и есть гексаграмма «Цянь» («Небо»). Во всех классических вариантах «Книги Перемен» соответствующий этой гексаграмме текстовый кластер занимает ключевую позицию – либо первую (Вэнь ван, «мавандуй»), либо последнюю (Фуси).

Когда я ранее говорил, что текстовые формулы кластера «Цянь» («Небо») я привожу «без каких-либо изъятий», то я имел ввиду «почти без». Думаю, это было и так понятно, поскольку из приложенного оригинала хорошо видно, что некие крохотные кусочки я всё-таки опустил, как чисто технические.

Эти «кусочки» (по два иероглифа в начале каждой формулы) действительно технические. В них указывается порядковый номер и тип линии, соотносимой с соответствующей текстовой формулой. Напомню, что формулы считаются всего лишь «словесными воплощениями» отдельных линий своих гексаграмм.

С этими «кусочками» связана небольшая тонкость. Если переводить их буквально, то получится какая-то абракадабра. В приведённом выше примере конкретно такая: «Сначала девять» (初九), «Девять два» (九二), «Девять три» (九三), «Девять четыре» (九四) – и так далее. Это, вообще, о чём?

Дело тут в следующем. Согласно установившейся традиции, «целые» линии в «Книге Перемен» называют почему-то «девятками», а «разорванные» – «шестёрками». Почему именно так – не надо даже брать в голову. Данная терминология используется с самых древних времён и не нам обсуждать её обоснованность. Просто надо запомнить, что «целая» линия – это «девятка», «разорванная» линия – «шестёрка».

[Илл. 08-07-06-11-1. Уже в самых ранних версиях «Книги Перемен» для обозначения «целых» линий использовался иероглиф «девять» (九), а для обозначения «разорванных» линий – иероглиф «шесть» (六). Слева – фрагмент «мавандуйского» шёлкового свитка с текстом «Книги Перемен» (ок. 190 года до н. э.). Выделенные надписи, слева направо: «девятка третья», «шестёрка вторая», «девятка четвёртая», «шестёрка пятая», «девятка третья», «шестёрка четвёртая». Справа – «чуские» бамбуковые дощечки (Цзинчжоу) из Шанхайского музея с фрагментами книги (ок. 300 год до н. э.). Надписи: «сверху шестёрка», «девятка пятая», «шестёрка четвёртая»]

В свете вышесказанного упомянутые «кусочки» правильней будет переводить так: (1) «Вначале – *девятка* [то есть «целая линия»]»; (2) «*Девятка* – вторая [то же самое]»; (3) «*Девятка* – третья»… и так далее. Единственно, последняя линия обозначается не по своему порядковому номеру, а называется просто «верхней» (上), ибо в гексаграмме она действительно верхняя. При этом она тоже «*девятка*».

Короче. Поскольку в гексаграмме «Небо» все линии являются «целыми», то все они, по данной терминологии – «девятки». Итого шесть линий – шесть «девяток». То есть гексаграмма «Небо» представляет собой ничто иное, как «999999».

А число «999999» – число весьма любопытное. Одно из его удивительных проявлений связано с числом «пи», выражающим отношение длины окружности к диаметру.

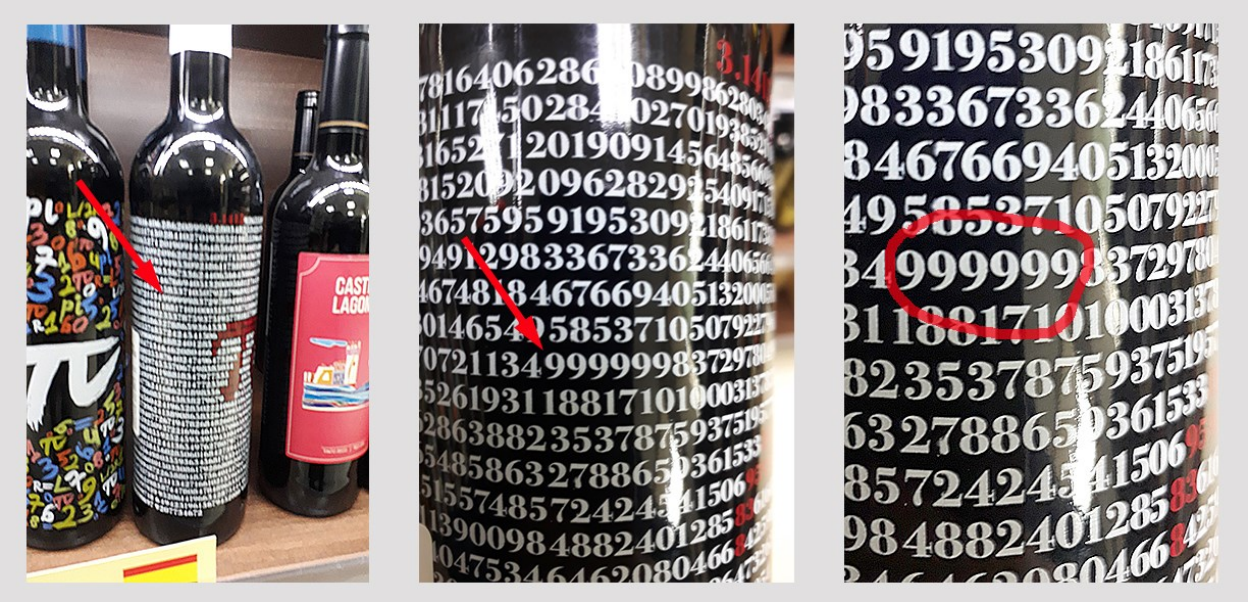
Число «пи» обладает массой свойств, бередящих неокрепшие души. Оно иррационально и трансцендентно. В десятичной записи его нельзя выразить никакой конечной последовательностью цифр. До сих пор не доказана даже его «нормальность».

Гонка за рекордами по точности вычисления числа «пи» идёт беспощадно уже пятое тысячелетие. В V веке удалось получить семь цифр после запятой, в XVI – двадцать цифр, в 1717 году – сто двенадцать, в 2024 – более двухсот триллионов.

Но фанатам числа «пи» этого мало. Существует отдельное направление искусства, создающее произведения исключительно на основе числа «пи»; существуют праздники числа «пи» (несколько); существуют охотники за природными объектами (камнями, ракушками, особенностями ландшафта, случайными конфигурациями мусора на свалках, формами облаков), визуально напоминающими общепринятое обозначение этого числа («π»), или же напоминающими несколько первых его знаков (3,14…). Американский медовый «pie» и русский капустный «пирог» – всего лишь два земных отражения этого небесного числа.

Никакой, даже малейшей, закономерности в последовательности десятичных знаков числа «пи» обнаружить не удалось. Это – безраздельное царство ветра и хаоса. Никакой предыдущий опыт вам здесь не поможет. Что бы вы ни получали до сих пор, каждая следующая цифра будет для вас откровением.

И вот на этом фоне в последовательности цифр числа «пи» непостижимым образом обнаруживаются те самые «шесть девяток» подряд. Причём довольно близко от начала.



[Илл. 08-07-06-12-1. Вино из Арагона (Испания) под названием «π». На этикетке по спирали напечатаны первые 3080 знаков числа «пи» после запятой. Местонахождение «шести девяток» указано стрелкой. По утверждению производителей, площадь соответствующего виноградника по земельному кадастру составляет 3,14 (и так далее) гектаров. До какого конкретно знака выдержана при этом точность не указано. Само вино пикантное и питкое. Логично было бы предположить сорт винограда «пино нуар» или, в крайнем случае, «пинотаж». Однако в реальности используется некий автохтонный сорт «консехон», в котором хорошего только его автохтонность. Идеально подходит для личной пинакотеки]

То место в числе «пи», где начинаются «шесть девяток», в науке называется «точкой Фейнмана». Легенда гласит, что создатель «квантовой электродинамики»

и нобелевский лауреат Ричард Фейнман на какой-то лекции пошутил, что хотел бы запомнить наизусть последовательность цифр в числе «пи» вплоть до этих самых «шести девяток», чтобы иметь возможность озвучивать связанный с этим каламбур (использующий два разных значения выражения «и так далее»).

«Точка Фейнмана» находится в первой тысяче знаков. Для сравнения: рекорд по запоминанию числа «пи» сейчас приближается к ста тысячам знаков после запятой. Со знанием же наизусть только первой тысячи вас не допустят даже к отборочным соревнованиям районного уровня.

Так что в данном случае тысяча знаков – это не много. При случайном распределении цифр, вероятность появления «шести девяток» в первой тысяче знаков оценивается, как исчезающе малая. Ни пять, ни даже четыре одинаковые цифры подряд в числе «пи» в первой тысяче знаков не встречаются ни разу.

Конкретно «точка Фейнмана» находится на 762-й позиции.

А теперь обратим внимание на следующее. Все шестьдесят четыре гексаграммы «Книги Перемен» в рамках общепринятой терминологии описываются в виде последовательностей из шести цифр, а именно – «девяток» и «шестёрок» во всевозможных их комбинациях. Так, «999999» – это гексаграмма «Небо», «666666» – «Земля», «996699» – «Внутренняя правда», и так далее. Так что все «гексаграммные» последовательности могут, теоретически, присутствовать в числе «пи». И присутствуют.

Так вот, последовательность «999999» появляется в числе «пи» первой. Что полностью совпадает с положением соответствующей гексаграммы («Небо») в «Книге Перемен». Более того, ни в первой тысяче, ни даже в первых десяти тысячах знаков числа «пи» мы не видим никаких других «гексаграммных» последовательностей. Только «шесть девяток», только «Небо».

Вероятность случайного совпадения в данном случае весьма мала (меньше 2%), что наводит на мысль о возможности существования связи между явлениями.

Ряд дополнительных фактов ещё больше укрепляет гипотезу о наличии глубинной связи между «точкой Фейнмана» в числе «пи» – и гексаграммой «Небо» в «Книге Перемен».

Как я уже говорил, последовательность из «шести девяток» начинается в числе «пи» на 762-й позиции после запятой. А число 762 обладает неким уникальным набором характеристик. Которые в свою очередь выражаются также числами.

Во-первых, «762» является «числом Смита» с фактором «15» (см. эпизод «Уравнение с тремя известными»). Во-вторых, для числа «762» имеется чрезвычайно простое решение «диофантова уравнения» с тремя переменными (см. выше). Решение это представлено тройкой чисел (5; 5; 8).

Таким образом число «15» и комплект чисел (5; 5; 8) образуют в совокупности уникальный «цифровой код» числа «762», его так сказать «отпечаток пальца».

А давайте посмотрим – не обнаружится ли каких следов этого «пальца» в «Книге Перемен» вообще, и в гексаграмме «Небо» в частности.

Начнём с числа «15».

Согласно общепринятым представлениям, базовая структура «Книги Перемен» исходно была задана двумя древнейшими документами – «Планом из Жёлтой реки» («Хэ ту») и «Письменами из реки Ло» («Ло шу»). По легенде, оба эти документа были принесены людям мифическими животными, вышедшими из двух разных рек – из Хуанхэ и из её притока Ло соответственно.

Хотя происхождение этих документов и мифическое, сами они вполне реальны и хорошо известны во многих копиях. Оба документа являются чисто математическими схемами и представляют собой голые наборы чисел, специальным образом расположенных в плоскости листа – в «Хэ ту» в виде своеобразного креста, в «Ло шу» в виде квадрата из девяти клеток (3 х 3).

Конкретное распределение ролей этих двух документов в возникновении и функционировании «Книги Перемен» следующее. Схема «Хэ ту» дала исходный толчок к возникновению самих «триграмм» (а через них и «гексаграмм», а через них и всей «Книги Перемен»), а схема «Ло шу» наполнила «триграммы» смыслами (поставив их в соответствие со сторонами света, стихиями, первоэлементами, жизненными циклами, временами года и всем чем только можно).

Кроме того, участие «Ло шу» в формировании структуры «Книги Перемен» хорошо прослеживается и на чисто математическом уровне.

Основой «Книги Перемен» являются восемь исходных «триграмм». Которые в версии Фуси фигурируют в двух разных конфигурациях – в виде линейной последовательности (где есть и «первая», и «последняя» триграммы) – и виде кругового их расположения (то есть без «начала», и без «конца»). Логично было бы предположить, что «круговая» последовательность представляет собой просто замкнутую «линейную» последовательность, где после «последней» триграммы снова идёт «первая». Однако, это не так. Способ «круговой» организации триграмм, мягко говоря, совершенно не очевиден.

Однако, если подключить к данной проблеме «Писания из реки Ло», то всё сразу становится на свои места. Внешне «Ло шу» выглядит достаточно экзотически, но по-сути представляет из себя квадрат из девяти клеток (3 х 3), в каждой из которых стоит одна из цифр от 1 до 9. В центральной клетке располагается цифра «5», остальные восемь цифр (1-4 и 6-9) располагаются неким образом в клетках по периметру.

Так вот, если линейную последовательность триграмм (по Фуси) перенумеровать с учётом удаления центральной «пятёрки» (то есть из «1-2-3-4-5-6-7-8» сделать «1-2-3-4, 6-7-8-9»), а затем расставить триграммы по клеткам «Ло шу» в соответствии с их номерами, то после этого останется только поменять местами две диагональные триграммы («Гэнь» и «Дуй») чтобы получить искомую «круговую» последовательность Фуси. Если кому-то кажется, что это всё слишком сложно, то он просто не видел настоящих нумерологических выкладок. Да, в перестановке «Гэнь» и «Дуй» можно увидеть некоторую натяжку (имеющую, впрочем, свою логику) – но это очень умеренная плата за решение задачи, веками казавшейся неразрешимой.

Так или иначе, схемы «Хэ ту» и «Ло шу» имеют для «Книги Перемен» поистине фундаментальное значение. Да в этом, собственно, никто и не сомневался:

> ***
> Небо и Земля претерпевают Перемены, и совершенномудрый следует им. Небо являет знаки, предвещающие удачу и неудачу, и совершенномудрый истолковывает их. Жёлтая река явила свой «План», река Ло явила свои «Письмена» – и совершенномудрый использует их (河出圖 洛出書 聖人則之). В «Книге Перемен» всё это выражено с помощью [шестидесяти] четырёх графических знаков.
>
> («Си цы чжуань», комментарий к «Книге Перемен», ч. 1, п. 11. Ок. IV в. до н.э.)
>
> ***
> «План из Жёлтой реки» стал указанием для Фуси, «Письмена из реки Ло» – для Юя; так были упорядочены восемь триграмм и установлены девять категории (河圖命庖 洛書賜禹 八卦成列 九疇迺敘).
>
> («Хань шу», том 100, ч. 2, п. 27. Ок. 100 года)
>
> ***
> В своё время Фуси получил «План из Жёлтой реки», который стал основой «Книги Перемен» (伏羲王 河圖 從河水中出 易卦是也). Позже Юй получил «Письмена из реки Ло», которые стали основой «Великого Плана». Так Фуси управлял миром с помощью триграмм, а Юй использовал «Великий план» для обуздания потопа. <...>
>
> Говоря об «И Цзине», обычно сообщают, что Фуси создал восемь триграмм. Но это не совсем точно. <...> Фуси не «создавал» восемь триграмм, а «получил» их. <...> Часто забывают о том, что «Книга Перемен» напрямую произошла от «Плана из Жёлтой реки» (既不知易之為河圖).
>
> (Ван Чун, «Лунь Хэн», гл. 81, п. 14-16. Ок. 80 года)
>
> ***
> «План из Жёлтой реки» и «Письмена из реки Ло» – они показывают все возможные взлёты и падения, расцвет и упадок, все судьбы всех правителей. Всё это содержится там (因此復原河圖 洛書 言興衰存亡 帝王際會 審有其文矣).
>
> (Там же, гл. 64, п. 26)

В дальнешем у меня ещё будет случай показать (в главе «Лирика») как именно выглядит Жёлтая река в тех местах, где из её вод вышел одноимённый «План». А вот какими я увидел истоки реки Ло, подарившей человечеству свои «Письмена» – это я, пожалуй, покажу прямо сейчас.

[Илл. 08-07-06-13-1. Вид с горы Хуашань на истоки реки Ло («洛河», за отрогами). Фото автора]

Что ж, истоки мы посмотрели. Можно переходить к числам.

Центральным «ядром» всей схемы «Хэ ту» является число «15», представленное там пятью «Небесными дворцами» (пять кружков), окружёнными «Небесной рекой» (ещё десять кружков).

А схема «Ло шу» представляет из себя так называемый «магический квадрат». То есть квадрат, разбитый на клетки, которые заполнены числами так, чтобы их суммы по всем столбцам, по всем строкам и по всем диагоналям были равны. Так вот, в случае «Ло шу» эта «магическая» сумма равна 15.

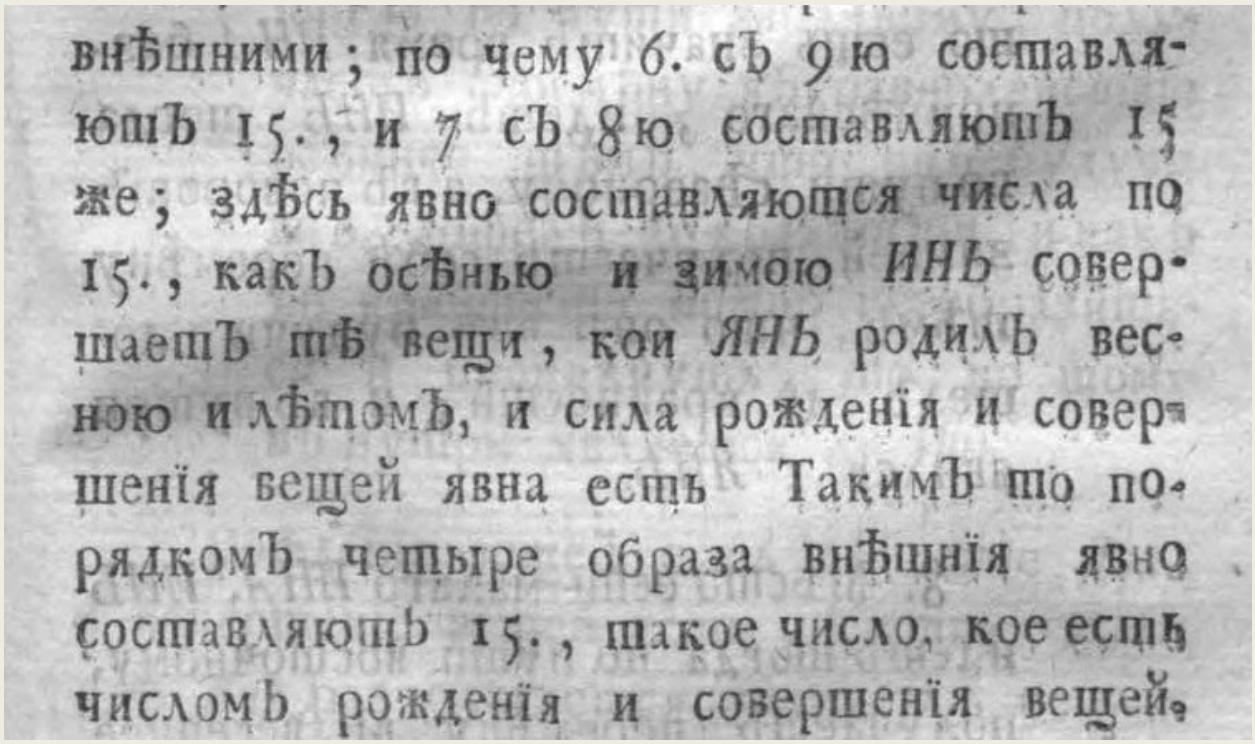
Так что «Книга Перемен» завязана на число «15» со всех сторон. Но всего этого можно было даже и не знать. Достаточно было вспомнить, что главная идея «Книги Перемен» состоит в разделении исходной гомогенной и изотропной сущности на две выраженные противоположности – «ян» и «инь», и в последующем их поэтапном делении (в шесть приёмов), охватывающем все возможные комбинации и варианты.

Таким образом, Единая Исходная Сущность «Книги Перемен» представляет собой сумму «ян» и «инь» (до разделения), то есть – сумму «девятки» и «шестёрки». А это будет всё то же «магическое» число «15».

Короче, куда ни кинь – везде здесь вылезает «15». Собственно, это и пытался донести до меня Алексей Леонтьев в своём переводе отрывка из «Книги Перемен»,

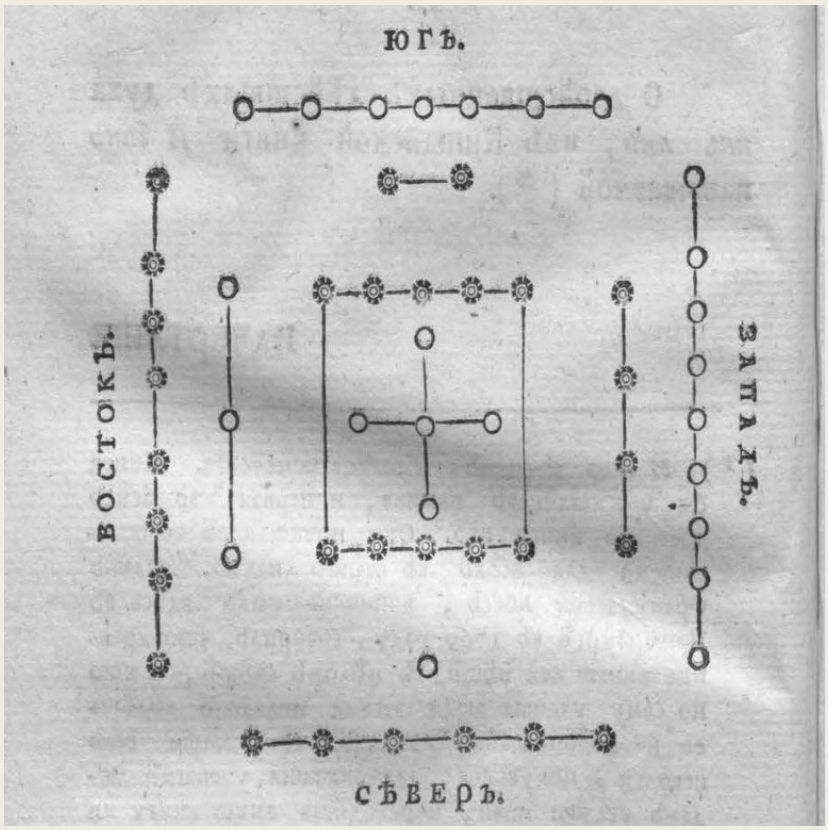
который он опубликовал в 1782. А я в очередной раз пропустил всё мимо ушей. Хотя там было чёрным по белому сказано:

> Четыре образа внешние явно составляют «15» – такое число, кое есть число рождения и совершения вещей.
>
> (Леонтьев, «Из китайской книги «И гин». В составе: «Тайцин Гурунь…», т. 2, 1782, с. 309)


внѣшними; по чему 6. съ 9ю составляютъ 15., и 7 съ 8ю составляютъ 15 же; здѣсь явно составляются числа по 15., какъ осѣнью и зимою *ИНЬ* совершаетъ тѣ вещи, кои *ЯНЬ* родилъ весною и лѣтомъ, и сила рожденія и совершенія вещей явна есть Такимъ то порядкомъ четыре образа внѣшнія явно составляютъ 15., такое число, кое есть числомъ рожденія и совершенія вещей.

[Илл. 08-07-06-14-1. О значении числа «15» для «Книги Перемен». Вступление к «Книге Перемен» в духе комментаторской школы Чжу Си (типа «周易本義»). Перевод Леонтьева. В составе: «Тайцин Гурунь…», т. 2, 1782, с. 309]

В качестве хоть какой-то компенсации, покажу ту конкретно версию «Плана из Жёлтой реки», которую Леонтьев включил тогда в свой перевод. Собственно, обсуждением этого «Плана» у него рассказ о «Книге Перемен» и ограничился.



[Илл. 08-07-06-15-1. Схема «Хэ ту» из перевода фрагмента «Книги Перемен», выполненного Леонтьевым. В центре расположено число «15» – пять «Небесных дворцов» (крест), окружённых замкнутой «Небесной рекой» (квадрат из десяти кружков). Наружные цепочки, расположенные коаксиально в два ряда, интерпретируются как числа, соответствующие количеству кружков. Эти «янские» (белые) и «иньские» (чёрные) числа образуют две вложенные друг в друга спирали, раскручивающиеся, как и положено, по часовой стрелке: 1-3-7-9 и 2-4-6-8. Картинка получается весьма изысканной. Там же, с. 302]

От внимания Леонтьева не ускользнуло даже то, что согласно этому «Плану» суммарный вес «Запада» и «Севера» равен суммарному весу «Востока» и «Юга» (глобальное разделение мира на две части: Запад+Север и Восток+Юг) – и что обе эти суммы равняются опять-таки числу «15». Являющемуся, напомню, характерным атрибутом «точки Фейнмана» в числе «пи».

Это что касается связи «точки Фейнмана» с «Книгой Перемен» в целом. А сейчас о связи этой точки с конкретно гексаграммой «Небо».

Здесь в дело вступает специфическая тройка чисел – (5; 5; 8). То есть – решение «задачи трёх кубов» именно для «точки Фейнмана».

«Задача трёх кубов» (частный случай «диофантовых уравнений») состоит в том, чтобы определить три целых числа, сумма кубов которых равнялась бы определённому, наперёд заданному, числу (в нашем случае – числу 762).

При кажущейся простоте, это предельно сложная математическая задача, в общем случае не решённая до сих пор. И даже для тех частных случаев, для которых решения были всё-таки найдены, эти решения зачастую выражаются совершенно астрономическими числами. Например, корнями «задачи трёх кубов» для

числа всего лишь «33» (прописью: тридцать три) является следующая тройка чисел (8866128975287528; –8778405442862239; –2736111468807040). Счёт здесь идёт, как можно видеть, на миллионы миллиардов.

А вот для числа «762» («точки Фейнмана») решение «задачи трёх кубов» представлено изящнейшей тройкой (5; 5; 8). Можете проверить.

Вернёмся к «Книге Перемен» и взглянем с высоты птичьего полёта на все шестьдесят четыре её гексаграммы. Их линейное расположение (в версии Фуси) долгое время представлялось совершенно загадочным. До тех пор, пока пекинский миссионер Буве не обратил внимание на две вещи. 1) Если «сплошные» линии гексаграмм обозначать как «единицы», а «разорванные» линии как «нули», то все гексаграммы будут представлять собой числа натурального ряда от «0» до «63» в двоичной системе счисления, предложенной незадолго до этого Лейбницем (где «000000» = 0, «100000» = 1, «010000» = 2, «110000» = 3, и так далее). 2) Все гексаграммы «Книги Перемен» оказываются выстроенными (в версии Фуси) точно в соответствии с возрастанием соответствующих им «двоичных» чисел. В частности, гексаграмме «Небо» соответствует двоичное число «111111» (все линии «сплошные»), что в нашей привычной (десятичной) записи означает число «63».

Ещё раз: гексаграмма «Небо» в данном представлении (убедительно подтверждённом самим порядком расположения гексаграмма в версии Фуси) – она является ничем иным, как буквально записью числа «63».

В этом новом свете посмотрим на «диофантову» тройку чисел «точки Фейнмана», то есть на (5; 5; 8). Не требуется большого математического воображения, чтобы увидеть здесь (55; 8) или (5; 58). А в обеих этих парах уже совершенно отчётливо проступает число «63» (55+8=63, 5+58=63). Что замыкает цифровой мост между «точкой Фейнмана» и «Небом».

Всё вышесказанное можно подытожить так. Имеются веские основания предполагать наличие функциональной связи между «точкой Фейнмана» в числе «пи» и гексаграммой «Небо» в «Книге Перемен».

И это при том, что расположение гексаграммы «Небо» в «Книге Перемен» не могло быть сознательно подогнано её авторами под конкретную особенность числа «пи». Даже на момент прибытия первого экземпляра «Книги Перемен» в Москву (февраль 1730), число «пи» было известно человечеству всего лишь до сто двенадцатого своего знака (расчёты Thomas de Lagny, 1717).

Наши же «шесть девяток» были впервые обнаружены в числе «пи» только в январе 1947 (John W. Wrench), одновременно с получением человечеством первого снимка антарктического зеркального отражения горы «М-Камень» на фоне аномального всплеска «понятийной турбулентности». А общедоступным это знание о «шести девятках» стало ещё на три месяца позже, в апреле 1947 («Mathematical Tables and other Aids for Computation» т. 2, выпуск 18, апрель 1947, с. 245). Так что за обнаруженными параллелями между «шестью девятками» в «Книге Перемен» и «шестью девятками» в числе «пи» стоят какие-то более глубокие механизмы.

А теперь вернёмся, наконец, в февраль 1730. Тогда при воцарении Анны Иоанновны сработал именно кластер «Небо» – как самый первый в «Книге Перемен», а

также – как имеющий непосредственное отношение к вопросам монархического устройства.

Но кроме всего этого, по моим скромным прикидкам, там было ещё кое-что.

Высшей точкой всей той истории являлся момент, когда Анна Иоанновна публично разорвала «Кондиции». Это событие хорошо задокументировано. Произошло оно 25 февраля 1730 по старому стилю. Время – «пополудни в четвёртом часу» (даю по «Истории России…» Сергея Соловьёва, 1869, где он цитирует соответствующий Протокол Верховного тайного совета, т. 19, гл. 3, с. 268).

К тому времени Россия уже твёрдо перешла на новое лето-исчисление и новое часо-исчисление. Сутки уже не делились на «ночь» и «день» (отсчитываемые от заката и от восхода соответственно), как это делалось ещё недавно. Середина дня была синхронизирована теперь с моментом прохождения Солнцем точки своего зенита (с подачи академика Жозефа-Николя Делиля в это мгновение как раз и палила пушка Петропавловки), что являлось точным астрономическим «полднем» (или «12-ю часами дня»). А начинали отсчитывать сутки за 12 часов до этого момента, вне зависимости от восходов и закатов. Таким образом «четвёртый час пополудни» являлся «16-м часом текущих суток».

Итого, касательно момента разрыва «Кондиций» мы имеем следующее – 30-й год текущего столетия, 2-й месяц года, 25-й день месяца, 16-й час суток. Именно в этот момент свершилась История.

Давайте посмотрим на что нам указывает это мгновение при гадании по «Книге Перемен» методом «цветущей сливы» Шао Юна.

Сумма «года», «месяца» и «дня» (30 + 2 + 25) даёт 57. Делим это нацело на 8 и получаем в остатке «1». Что соответствует триграмме «Небо» (три «целые» линии).

[Илл. 08-07-06-16-1. Триграммы и их фиксированные номера. Под номером «1» всегда идёт «Небо» («Caelum», «Kien», «Цянь»). Байер, «De Horis Sinicis», с. 12]

Сумма «года», «месяца», «дня» и «часа» (30 + 2 + 25 + 16) даёт 73. Делим это нацело на 8 и получаем в остатке снова «1». Что также соответствует триграмме «Небо».

Составляем вместе две получившиеся триграммы (одну над другой) и получаем нужную для гадания гексаграмму «Книги Перемен». В данном случае это – «Небо» («Цянь»). Именно на эту гексаграмму указывает момент разрыва «Кондиций».

[Илл. 08-07-06-17-1. Гексаграмма «Небо» («Цянь»), с которой начинается «Книга Перемен». Данное конкретное издание осуществлено в 837 году и выполнено на каменных плитах высотой в полтора человеческих роста. Верхняя линия гексаграммы на снимке попадает в тень. Сиань, «Forest of Steles». Фото автора]

Если бы события происходили в Китае, то дату следовало бы брать в соответствии с китайскими обыкновениями (лунный месяц, двенадцатеричный год, час по таблице соответствий и т.д.). Но поскольку всё происходило в Москве, то и времяисчисление следует применять московское. Так что всё здесь было сделано правильно.

Следут отметить, что результат гадания методом «цветущей сливы» является в данном случае настолько устойчивым, что даёт гексаграмму «Небо» даже если брать год «от сотворения мира» («38-й год сооотвествующего столетия», и даже просто «7238-й год»). Более того – даже если день и месяц разрыва «Кондиций» мы возьмём по «новому стилю» («8-е марта»), то всё равно стрелка «компаса судьбы» будет упорно показывать на гексаграмму «Небо». Так что с этим, похоже, ничего не поделаешь.

И ещё. «Книга Перемен» въехала в Москву в багаже Лоренца Ланга 25 февраля 1730 (Бантыш-Каменский, «Дипломатическое собрание дел…», 1882, с. 165, сноска 1). То есть точно в день разрыва «Кондиций».

Итак, кластер «Небо» из «Книги Перемен» определил, похоже, весь ход тех событий – вплоть до судьбоносного 25 февраля 1730. А дальше?

Выше мы подробно рассмотрели первые четыре текстовые формулы кластера «Небо» из «Книги Перемен». Но остались не задействованными ещё две формулы. Как и два этапа правления Анны Иоанновны. Давайте посмотрим и их.

5-й этап (5 часов пополудни 25 февраля – 1 марта 1730). Анна Иоанновна буквально сметает Верховный тайный совет и возносится на престол. Главным её советником на этом этапе становится вице-канцлер Генрих (Андрей) Остерман – единственный реальный политический тяжеловес, безоговорочно поддержавший разрыв «Кондиций».

(*5-я «формула» кластера «Небо»)*

- Летящий дракон – в небе. Благоприятна встреча с влиятельным лицом.

6-й этап (март 1730 – октябрь 1740). Правление Анны Иоанновны по факту многих разочаровало. Связывавшиеся с ней надежды не оправдались. Власть, буквально свалившаяся ей на голову, раздавила её саму. Десять лет пролетели в фейерверках, балах и сведениях счётов с оппонентами. Похоже на классический «застой». Хотя, с другой стороны – была проведена «Вторая Камчатская экспедиция». Тут надо аккуратно всё взвешивать. Короче:

(*6-я «формула»)*

- Возгордившийся дракон. Будет раскаяние.

Завершает же данный кластер «Книги Перемен» своеобразное резюме. Произнесённое, похоже, в воздух:

(Резюме:)

- При действии «девяток»(«целых» линий) смотри, чтобы драконы не главенствовали. Тогда будет счастье.

Но «смотреть» за драконами оказалось некому. «Счастья» стране опять не случилось.

Подведём итог всего большого эпизода «Перемены». Много страниц назад мы отправились «Навстречу утренним лучам», а попали в результате на «Небо», полное летающих драконов. «Книга Перемен», определившая в какой-то момент вектор всей русской истории, появилась в Москве благодаря Байеру, Рагузинскому и Лангу. А они оказались «в нужном месте в нужное время» благодаря путешествию Николая Спафария и его книге «Описание Китая».

Так можно ли тогда говорить, что путешествие Спафария в Китай было для «короны» и страны «малозначимым»?

Следы ветра

(Зри шинуа – Между Венерой и Амуром – Огонь сатира – Прямо комедия – Просто сказка – Чисто лирика – Воздух)

Зри шинуа

Примерно с середины XVII века Европу на сто лет окутал туман «очарования Китаем». Разразился век «шинуазри».

В целом это явление вроде бы достаточно понятно. Однако при ближайшем рассмотрении конкретные составляющие общей картины начинают расползаться в разные стороны – и вся понятность куда-то исчезает. Простой вопрос: что должно являться предметом исследования? Оборот собственно китайских товаров? Или практика их подделки в Европе, то есть производство контрафакта? Или открытое использование «китайских мотивов» в сугубо европейской продукции? Или возникшая в связи со всем этим шумиха вокруг «Китая»?

«Шинуазри» это что – разновидность интерьерного дизайна? Стиль одежды? Течение моды? Направление в искусстве? Ход мыслей?

Для означенного сумбура имеются объективные причины. «Китайский стиль» входил в Европу в несколько поступательно-возвратных движений. Что наполнило картину неповторимыми особенностями.

Началось всё с простого импорта китайских товаров, пошедших здесь «на ура».

Затем, когда морская логистика более-менее наладилась, из Европы в Кантон пошли конкретные заказы, снабжаемые эскизами. Так возникло колоритное явление «гуанцай» («кантонские цвета») – китайский фарфор, производимый в Кантоне «под заказ» сразу в европейском вкусе, как его понимали в Китае (при том, что в самом Китае это однозначно воспринималось как безвкусица и дешёвка). В результате в Лондон поплыли чайники и чашки со всеми этими китайчатами, даосскими старцами, служанками с опахалами, красавицами на качелях, буйными пионами и цветущими сливами. Что было воспринято европейскими покупателями как оригинальное, самобытное, тонкое и загадочное искусство Поднебесной.

Спрос на «гуанцай» образовался такой, что даже непрерывно растущего импорта решительно не хватало. А потому ушлые европейские цеховики со временем наладили выпуск поддельных изделий (фаянс, шкатулки, мебель, веера), худобедно имитирующих китайские оригиналы стиля «гуанцай» – представлявшего собой, напомню, творческую переработку европейских эскизов.

И, наконец, когда в начале XVIII в Европе возникла собственная фарфоровая индустрия и в течение пары десятилетий догнала по качеству китайскую, то она достаточно долго по-инерции использовала в своей продукции «а-ля китайские» сюжеты, заимствованные как у собственно «гуанцая», так и у сугубо местного контрафакта.

Чтобы не упустить ничего из перечисленного, я буду понимать под «шинуазри» китайскую разновидность того общего явления, когда очарованность некими импортными товарами (в данном случае китайскими) приводит к возникновению у

потребителя стойкого интереса к самой стране-производителю (в данном случае к Китаю).

В общем случае данная связка образуется далеко не всегда, даже редко когда. Колониальные товары воспринимаются как правило обезличено. Такие уникальные и не имеющие в Европе аналогов позиции импорта, как каучук, слоновая кость, кофе или табак – они отнюдь не вызывали здесь желания следовать моде ацтеков или зулусов.

Явление типа «шинуазри» становится возможным, я полагаю, только тогда, когда импортный товар представляет собой продукт высоких технологий, не доступных стране-импортёру – то есть когда за продуктом отчётливо просматривается высокоразвитая цивилизация.

Так, Франция когда-то навсегда вошла в моё сердце на острие шариковой ручки «Bic Orange», которую, как диво дивное, я выменял у Сени Балякина, отдав за неё целый альбом марок серии «Космос». Эта ручка была как вспышка молнии, как «Алмазная сутра». В её ослепительном сиянии и неземном совершенстве мне открылось, что существуют-таки, существуют где-то «лучшие миры». Обратной стороной откровения стали первые зёрна понимания того, что строй, не способный наладить производства шариковых ручек – такой строй не имеет права на существование.

В случае с китайскими товарами дело обстояло похожим образом. В середине XVII Китай находился на одном технологическом уровне с Европой, а в отдельных областях её опережал.

И фарфор, и шёлк, и лаковые изделия – это были не какие-то там «колониальные товары». Это были абсолютного инновационные продукты, сделанные из материалов будущего с помощью неведомых технологий.

Данный факт и определил появление «шинуазри». Интерес к Китаю вышел за пределы посудных и галантерейных лавок – и выплеснулся на улицу («китайские беседки», павильоны, дворцы), в жилые пространства («китайские кабинеты», мебель, ширмы, обивка стен), в повседневную одежду (рукава-пагоды, особые туфли без задников), в индустрию развлечений («китайский репертуар» театров), на страницы журналов, наконец.

Это наваждение длилось около ста лет. По ходу которых, однако, баланс в технологическом уровне неуклонно менялся – не в пользу Китая. И в какой-то момент обнаружилось, что Китай в текущем его состоянии – это уже никакая не «страна будущего», а очередная слаборазвитая азиатская деспотия. Ничего интересного.

Так, к середине XVIII века «шинуазри» в Европе само собой закончилось. Испытав, правда, завершающую яркую вспышку. Вызванную в общем-то случайной причиной.

Когда в начале 1700-х «шинуазри» уже фактически исчерпало себя в идейном плане (Китай стремительно переставал быть «образцом для подражания» и «предметом мечтаний»), в плане эстетическом «китайский стиль» получил неожиданную поддержку в лице нововозникшего направления искусства (оказавшегося близким ему стилистически). Что на некоторое время продлило «моду на китай-

ское». Более того, если исходно «шинуазри» циркулировало исключительно в прикладной сфере, то теперь оно засветилось уже в «настоящем» искусстве.

«Король-Солнце» умер (1715), взошла звезда «рококо» (1717).

Мне нравится «рококо». Да, я всё знаю. Знаю, что «рококо – это барокко без костей». Но мне нравится когда «без костей». Ломаных костей хватает вокруг и так. Опять же – этот пафос и надрыв «барокко», его контрастные, играющие на нервах краски. Эта чёрная ночь, почему-то всегда затягивающая края холста.

Я вовсе не против «барокко». Но мне нравится «рококо». Светлые пастельные цвета, изысканная асимметрия, ироничная вычурность. Беззаботность, прилично одетые люди, лужайки, розы, пастораль. «Праздник жизни» в чистом виде. Что ещё надо человеку, чтобы встретить старость.

И вот так случилось, что зачинатель всего этого «рококо», художник Антуан Ватто, имел в молодости неосторожность ненадолго соприкоснуться с китайской темой. В рамках коллективного заказа по оформлению неких частных интерьеров.

А Ватто – художник безоговорочно великий. Мой любимый французский художник вообще.

Когда мы с женой впервые оказались в Лувре, то ни капельки не растерялись (как некоторые) , потому что у нас имелся чёткий план. В основе которого лежал тот необоримый факт, что увидеть всё значимое за один день невозможно – ни физически, ни эмоционально. Поэтому мы заранее определили пять реальных целей. Это были: «Венера Милосская», «Ника Самофракийская», «Стелла с законами Хаммурапи», «Джоконда» и «зал Ватто». Всё остальное мы решили в тот раз проскакивать насквозь, зажмурясь и залепив уши воском, как Одиссей.

Не скажу, что эту линию нам удалось выдержать стопроцентно, но тем не менее к концу четвёртого часа скитаний мы полноценно насладились первыми четырьмя позициями из списка. Оставался «зал Ватто».

Время между тем шло к закрытию. А мы давно уже перестали понимать где находимся и куда нам надо. Так что пришлось спросить направление у смотрительницы.

Её ответ я не забуду никогда. – Кто-кто вам нужен? – Ватто. – Простите? – Ну, Ватто… художник. – Как, вы говорите?

Она такого не знала.

Подоспевшая помощь в лице консультанта только усилила невозможность ситуации. Консультант тоже ни о каком «Ватто» никогда не слышал. Я перестал понимать в какой параллельной вселенной мы оказались.

Но тут луч догадки скользнул по лицу консультанта. «Постойте… Постойте-постойте! Может быть вам нужен – В***я***тто? Тогда – прямо до конца, второй зал направо».

Это была самая гротескная в моей жизни подстава, устроенная мне моим прованским акцентом. Ну конечно же «В**я**тто» (Watteau), теперь-то я понимаю, сам вятский. Ну почти, визингский.

И мы понеслись по наводке. Прямо до конца, второй зал направо.

Вот такой у нас получился В**я**тто. И вот именно с его-то лёгкой руки «век шинуазри» и продлился в Европе на дополнительные тридцать лет. История этого продления показательна своей случайностью и неизбежностью.

Как и положено гению, Ватто умер в тридцать семь лет. Успев за короткую жизнь создать великое множество картин. Но на момент его смерти в 1721 никто и слыхом не слыхивал ни о каких его «китайских» работах.

А пятнадцать лет спустя в продажу поступила книга с эстампами, представляющими собой чёрно-белые гравированные копии картин Ватто («Oeuvres des estampes gravées d'apres… Antoine Watteau», vol. 1, 1736). Так, во всяком случае, сообщалось на титульном листе.

И эта книга содержала, в числе прочего, тридцать гравюр «китайской» тематики, якобы воспроизводящих живописные стенные панели, якобы сделанные некогда Ватто для одной из королевских резиденций – замка Мюэтт. Это было прямо указано в подписи к каждой гравюре («A Watteau pinxit. Tiré du Cabinet du Roy au Chateau de la Meute»).

Деликатность ситуации заключалась в том, что даже на тот момент проверить эти утверждения уже не представлялось возможным. В замке был проведён капитальный ремонт, в ходе которого всё прежнее убранство было снято и утилизировано. В чём именно заключалась «утилизация» неизвестно, но предполагаемые панели исчезли с концами. Более того, до сих пор не найдено никаких внятных описаний этих панелей. Нет даже единого мнения о том, как именно следует понимать слово «Cabinet» в вышеприведённых подписях – как конкретную «комнату» или как «коллекцию».

С другой стороны, имеются документальные свидетельства того, что Ватто, действительно, некогда выполнял для замка Мюэтт некие работы. К тому же экспертное сообщество вроде бы разглядело в означенных гравюрах «руку Ватто». На эту же чашу весов дополнительными пушинками ложатся и сообщения о двух якобы сохранившихся панелях (размером в половину листа А4), кочующих до сих пор по разным частным собраниям.

С учётом всего сказанного было принято соломоново решение – атрибуцию гравюр считать подлинной, но с неким налётом недоопределённости (для подстраховки).

Эта запутанная история так и осталась бы в недрах искусствоведческих талмудов, если бы упомянутая книга гравюр не обрела по выходу большой популярности. В результате чего стали широко известны и её «китайские гравюры», самочинно вписавшие себя в послужной список признанного гения. А с их помощью «шинуазри» и обрело в 1740-х второе дыхание.

Это при том, что не так-то просто углядеть, в чём именно заключается «китайскость» тех «китайских гравюр» Ватто. Уж во всяком случае не в этнографической или антропологической достоверности. Здесь нет не только сино-тибетских, но даже и монголоидных типов лиц. Позируют явные европейцы (в крайнем случае тюрки) – мужчины с длинными носами с горбинкой (а иногда и окладистой бородой) и статные ясноглазые блондинки, будто только оторвавшиеся от чтения Вольтера. Единственно, одеты все в условные китайские халаты и окружены условными китайскими цветами. Ну, и веера и зонтики, конечно. Этим, пожалуй, «китайскость» данной серии и исчерпывается.

Но даже и этого хватило с лихвой. Ученики и последователи не заставили себя долго ждать. А тут ещё так совпало, что одним из гравировщиков этой «китайской серии» гравюр оказался Франсуа Буше – который вот-вот сам станет яркой звездой «рококо».

И уж кто-кто, а Буше сдерживать себя не станет. Сразу в нескольких его картинах 1740-1750-х «китайские грёзы», сошедшие было со сцены, расцвели пышным цветом – и в переносном смысле, и в прямом. «Китайская свадьба», «Китайские шахматы», «Китайский танец», «Отдых китайского императора», «Охота», просто «Шинуазри» – не говоря уж о незабвенном «Утреннем туалете», где прелестница подтягивает шёлковый чулок на фоне великолепной китайской ширмы с попугаями. И вся эта красота лучше любых слов поддержала дышавшую тогда на ладан «китайскую моду».

Буше много сделал для реанимации «шинуазри». Но при этом не следует ни на минуту забывать, что исходный толчок всему этому дали именно «китайские» гравюры Ватто.

[Илл. 08-08-01-1. Гравюра с «китайской» панели Антуана Ватто «Habillements des habitants de la Province de HOU KOUAN à la Chine», фрагмент. Гравировал Мишель Обер. Я развернул эту гравюру зеркально – так, как предположительно должна была выглядеть исходная панель Ватто. «Oeuvres des estampes gravées d'apres… Antoine Watteau», vol. 1, f. 90, 1736]

Гравюры по рисункам Ватто великолепны. Но искали мы тогда в Лувре «зал Ватто» не ради них (тем более, что их нужно заказывать заранее и смотреть в специальной комнате). И даже не «Купание Дианы» влекло нас туда (хотя и оно тоже).

Мы хотели соприкоснуться высшему – увидеть картину «Отбытие с Острова Любви». Главный шедевр «зала Ватто», а может и всего Лувра.

Картина эта для Ватто была этапной, даже с чисто формальной точки зрения. Она являлась официальным квалификационным заданием, по результатам выполнения которого решался вопрос о принятии (или не-принятии) художника в члены Академии живописи.

Работал Ватто над этим заданием очень долго, более пяти лет. Только в августе 1717 он смог представить картину комиссии – зато результатом стал полный триумф.

За время работы над этой картиной художник набрал такой импульс, что будучи не в силах остановиться, он по-инерции тут же приступил к работе над второй её версией (которую, впрочем, сделал уже быстро, всего за год).

В настоящее время первая версия находится во Франции (Лувр), вторая – в Германии (Шарлоттенбург). Причём вторая версия и пышнее, и ярче, и насыщеннее

сюжетно. Но по моему скромному мнению она и близко не лежала с первой. Дважды в одну воду зайти нельзя. Так что говорить я буду исключительно о первой (луврской) версии картины.

Чтобы кто-то не повторил наших ошибок – это крыло «Сюлли», второй этаж, комната 917. Прямо до конца, второй зал направо.

[Илл. 08-08-02-1. Антуан Ватто, «Отбытие с Острова Любви», 1717. Лувр, инв. 8525. Несмотря на срезанный верхний край и засветку от вспышки, я со всей ответственностью выбрал именно это изображение. Поскольку это – полностью аутентичный снимок, сделанный мной именно тогда, в ходе описанной выше истории. Так что кроме голого набора пикселей, здесь присутствуют также Время и Место. Снимал без штатива, на плёночную «мыльницу», уж извините]

Применительно к произведениям искусства часто используют эпитет «загадочное», желая их похвалить. Но оборотной стороной «загадочности» является «невнятность». Так что «загадочность» – это не обязательно хорошо.

Но в данном случае «загадочность» и «неопределённость» идеально соответствуют самой сути произведения, поскольку предметом данной картины является принципиальная неопределённость бытия.

А картина эта загадочна буквально всем. Начиная с сюжета.

Даже ещё раньше – начиная с названия. Строго говоря, его не существует. Художник свою работу не назвал никак, а в протоколе приёмной комиссии она была сначала как-то обозначена, но потом это словосочетание было вычеркнуто и заменено чисто описательным выражением – «Une feste galante», «род галантного празднества» (протоколы Академии «Procès-verbaux de l'Acadèmie Royale…», vol.

4, p. 252, отчёт о заседании 28 августа 1717). Со временем (и не очень понятно с чего бы) к картине прилепились слова «остров» («île») и «паломничество» («pèlerinage»). На следующей итерации этот «остров» обрёл уже конкретику, став греческим «островом Китира» («Cythère»), хотя на реальной Китире нет ни только снежных гор, но даже и леса. Логика же данной привязки была простая: на картине имеется статуя Венеры, а Китира слывёт «островом любви» – значит это Китира.

Итак – «остров Венеры» и «паломничество». Уже кое-что. Но оставалась ещё неопределённость с направлением этого «паломничества» – персонажи только ещё собираются плыть на означенный остров, или уже возвращаются с него?

Данная неопределённость дожила в полной сохранности до наших дней – и, не сомневаюсь, счастливо переживёт их. Мнения разделились.

А вот теперь мы как раз подошли к неопределённости сюжета.

- Сюжет. Некая «волшебная» местность. Лес, снежная гора, сквозь дымку поблёскивает вода. Под кронами деревьев мраморный бюст Венеры указывает на то, что это и есть «Остров Любви». Видна корма вытащенной на берег лодки. К ней выстроилась длинная очередь людей, разбитых на пары.

Когда смотришь на очередь в целом, то вроде бы идёт активная посадка. Если же приглядеться к отдельным парам, то становится ясно, что никакой посадки нет и в помине. Все тянут время, словно пытаясь отсрочить неизбежное.

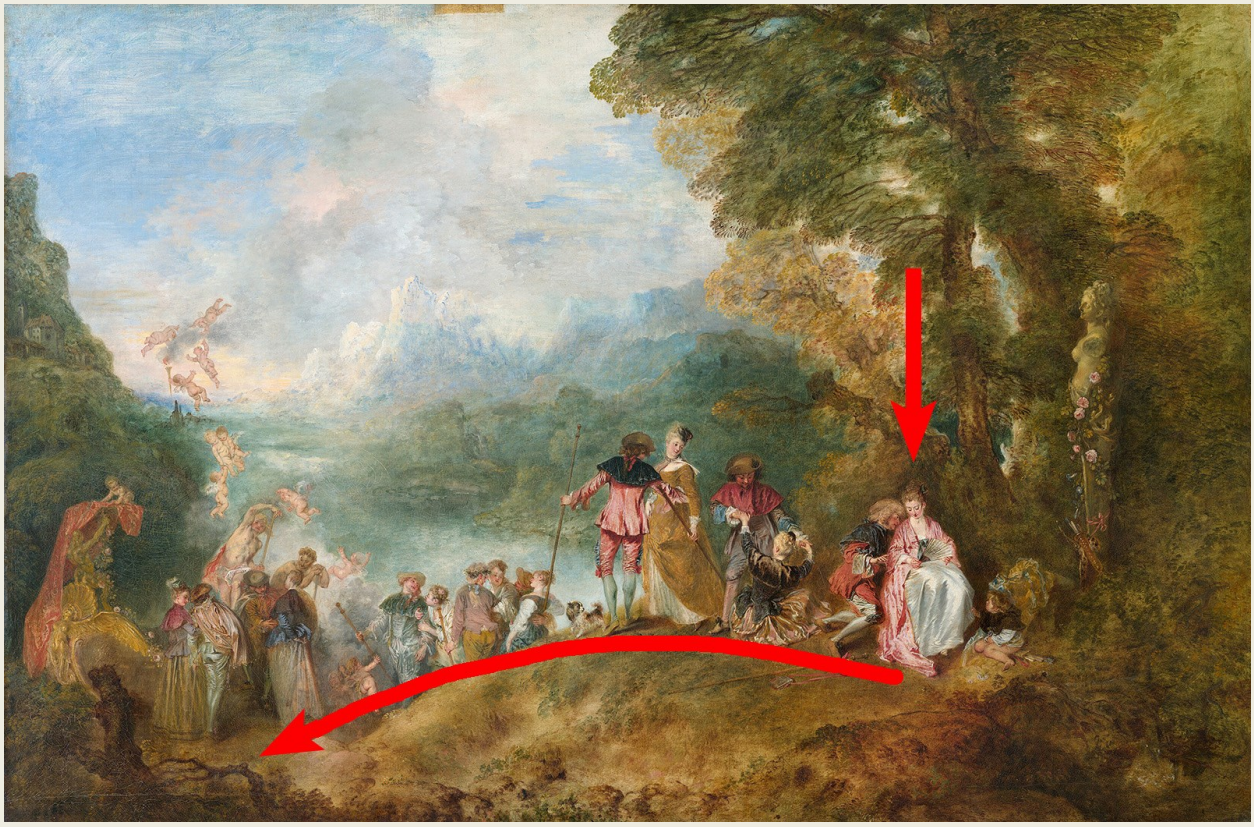
Выше я назвал эту картину «Отбытие с Острова Любви». Это название, как и все прочие, не является общепринятым. Но мне оно представляется достаточно точным. Восемь изображённых пар переживают (в порядке очереди) разные стадии возвращения на землю после соития. Любовь позади, впереди только смерть. Так что никто не торопится. Многие с сожалением оглядываются назад.

А дальше сами решайте.

[Илл. 08-08-03-1. «Отбытие с Острова Любви». Фрагмент]

Кроме «загадочности» собственно сюжета, у этой картины есть и другие измерения «загадочности». Например.

- Композиция. Работа над любой картиной (и книгой) всегда начинается с тщательной проработки общего устройства, то есть композиции. Чертятся схемы, намечаются оси, расставляются и переставляются объёмы. Это очень ответственный этап. А здесь мы видим открытое попрание всех правил – главная по сюжету пара (дополнительно выделенная ещё и светом) сделана крайней не только в организационном смысле (поставлена в конце выстроившейся очереди), но и в смысле банальной геометрии (будучи расположенной на откровенной периферии холста). А ведь именно данную пару наш глаз непроизвольно выбирает в качестве точки начала осмотра, от который взгляд затем движется по дуге вдоль очереди, пересекая холст поперёк – созерцая при этом в основном спины и затылки, всё более и более растворяющиеся в дымке.



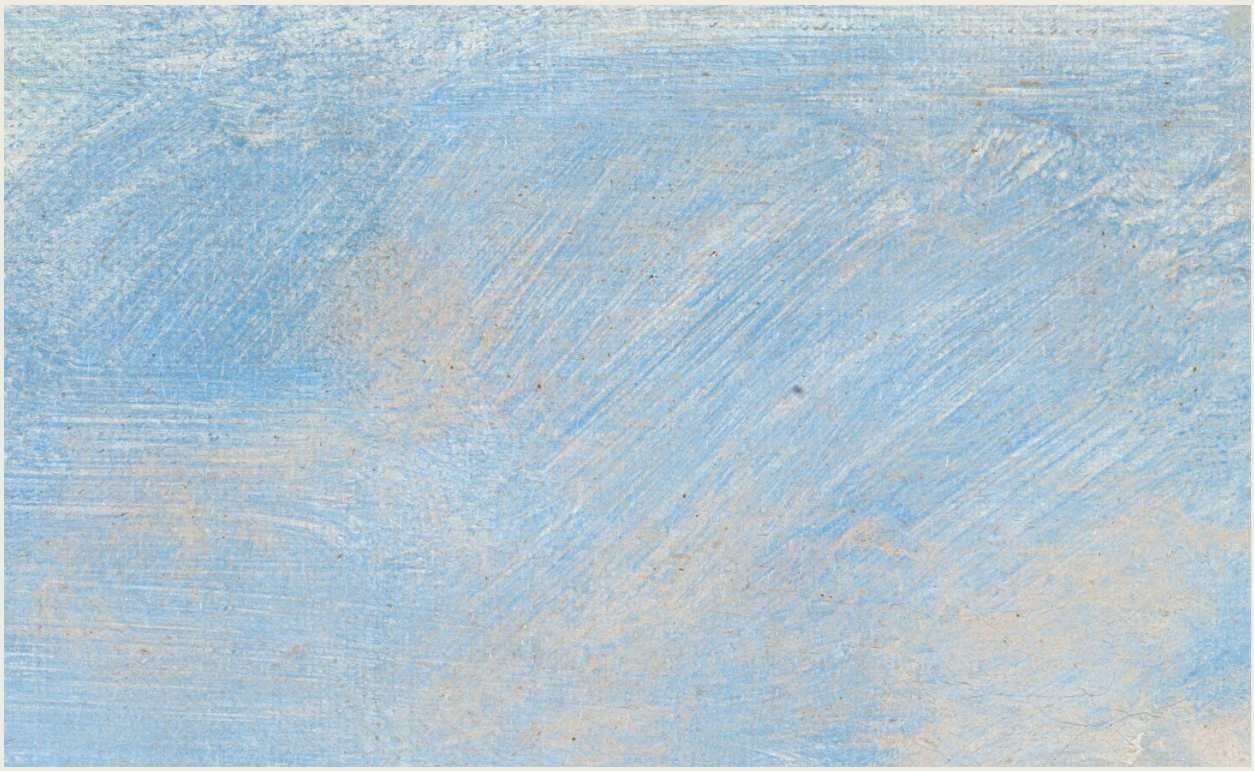
[Илл. 08-08-04-1. «Отбытие с Острова Любви». Стрелками показано движение взгляда, предписанное композицией]

- Смысловые акценты. Предметом картины являются люди. Однако эти самые «люди» занимают почему-то совершенно незначительную площадь полотна. Львиная доля которого отведена «небу» и «лесу», причём в данном случае не слишком содержательным. Почему?

- Топография. К какой бы партии ни принадлежал тот или иной исследователь картины, но все сходятся в том, что действие происходит на берегу моря – то ли материковом (откуда собираются отплыть на остров), то ли островном (откуда собираются возвращаться на материк). Но в любом случае это берег моря. Так вот – собственно «берега моря» здесь никакого не видно. Слабо поблёскивающий неопределённый водоём (замкнутый берегами со всех сторон и занимающий к тому

же ничтожную часть картины) – он больше похож на реку, в крайнем случае – на озеро. А тогда – из чего, собственно, следует, что это «остров»? И тем не менее.

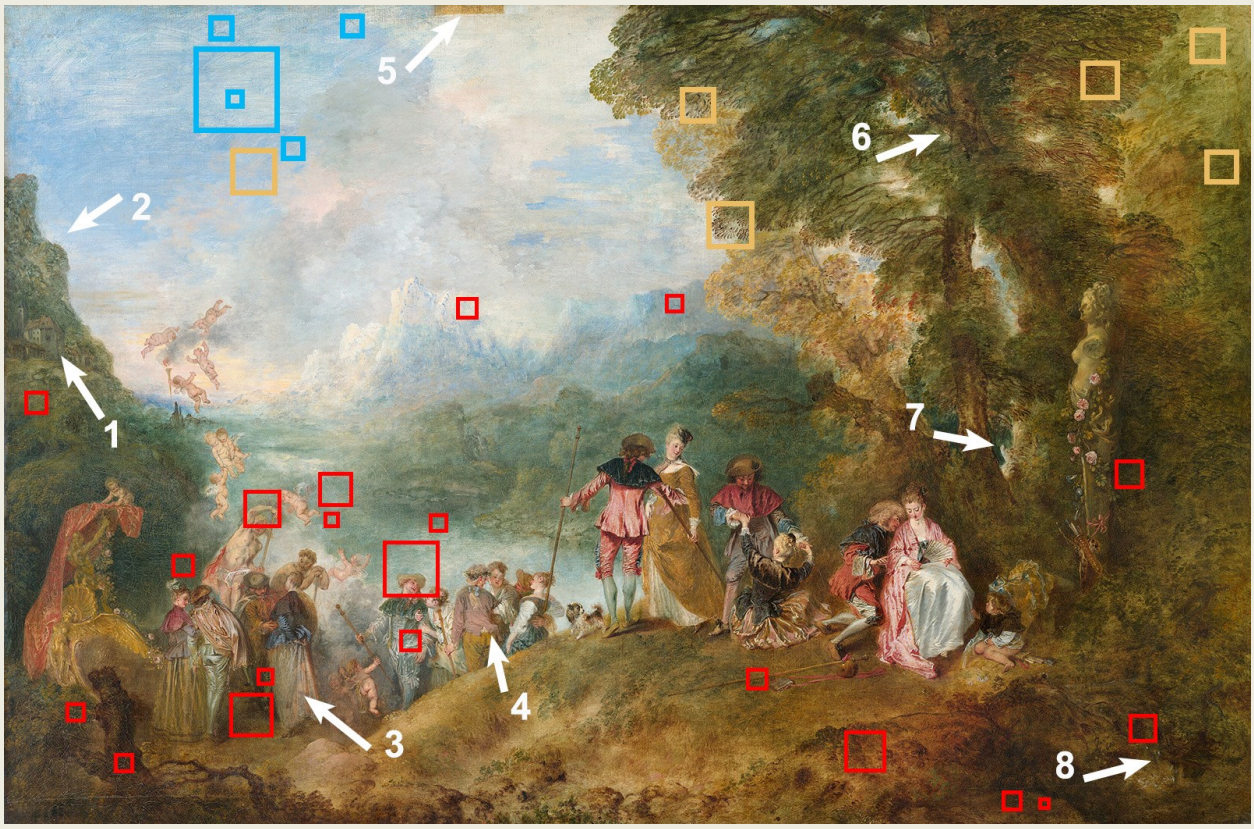
- Обстоятельства создания и характер работы. Как я уже говорил, у Ватто ушло на картину целых пять лет. Что предполагает, в числе прочего, выверенность деталей и тщательность их проработки. Но если посмотреть на холст вблизи (лучше с увеличительным стеклом), то по поводу размеренности процесса возникают больше сомнения. Во всём сквозит крайняя спешка и сумбур, граничащий с небрежностью. Лессировка неба (требующая максимальной плавности переходов) просто лихорадочна, если не сказать – истерична. Прямые мазки режут и подсекают друг друга, голубая краска не везде даже кроет холст (плохо, кстати, прогрунтованный). В результате сквозь краску местами просвечивает голая ткань – как если бы сквозь разрывы в «небе» проступала некая «основа мироздания» (в данном случае текстильная). Видно, что художник очень спешит и нервничает. И это – пять лет кропотливой работы? С деревьями дело обстоит ещё откровенней. Изображение листвы доходит порой до карикатурности. От сильного нажима, краска из-под кисти выдавливается в стороны, оставляя сам мазок фактически чистым. Это надо видеть. Ну, так и посмотрим.



[Илл. 08-08-05-1. Там же. Перекрёстная штриховка «неба»]

[Илл. 08-08-06-1. Там же. Мазки с нажимом при изображении кроны дерева]

До сих пор я говорил о «загадках» общей, так сказать, юрисдикции. Но если брать в рассмотрение локальные странности – то они покрывают буквально всё полотно. Покажу лишь те, что лежат буквально поверхности.



[Илл. 08-08-07-1. Схема «особых точек» картины «Отбытие с Острова Любви». Красными квадратами я отметил местоположение «знаков времени», голубыми – «небесных объектов», жёлтыми – мест, выдающих явную спешку в работе. Все объекты проявляются лишь при достаточном увеличении. Белые стрелки с цифрами объяснены ниже]

На вышеприведённом рисунке стрелками я отметил следующие странные (в разных смыслах) объекты.

(1) По сюжету эта местность дикая и волшебная (мифический остров Венеры) – однако на склоне горы в густой зелени спрятался целый посёлок. Посёлок – кого?

(2) Явного солнца на картине нет, но при этом из-за горы бьют жёсткие лучи неизвестного происхождения.

(3) Купидоны на картине хоть и волшебны, но вполне материальны. Кроме одного – который проходит сквозь ткань дамской юбки совершенно не взаимодействуя с ней – как протонный поток в ускорителе проходит сквозь лист бумаги.

(4) Всегда нужно помнить, что любая картина – это произведение искусства. В смысле – искусственный объект. То есть – любая деталь здесь появляется «зачем-то», а не потому что «так было». Исходно «был» лишь грунтованный холст (да и то), а всё остальное привносится сюда осознанно. Поэтому в данный список «странностей» я включил некий невидимый предмет (сюжетно никак не обусловленный и не объяснённый художником), который явственно оттопыривает заднюю полу куртки центрального господина (который единственный без шляпы, но в лавровом венке).

(5) К вопросу о продолжительности работы над картиной – стрелкой указана область холста, для которой художнику не хватило пяти лет, чтобы её не то что записать, но даже просто загрунтовать.

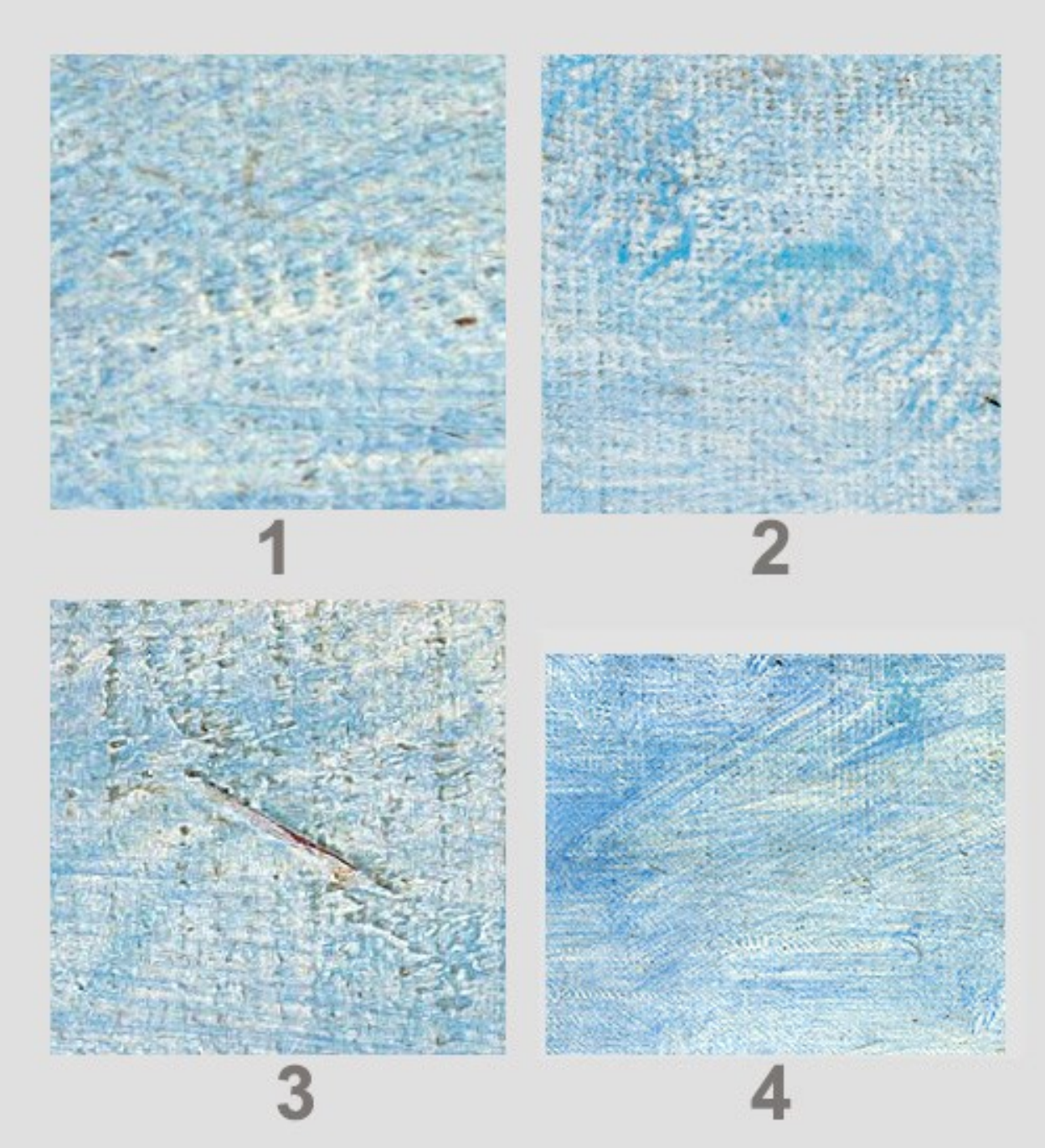
(6) В густой листве – две красные точки, окружённые белыми ореолами. Это не цветы. Тогда – что? Нигде рядом следов такой краски больше нет.

(7) А вот тут всё предельно прозрачно. Просвет в листве, сделанный (вопреки всякому правдоподобию) точно в форме эрегированного члена. Фрейд тут не причём, так художник распорядился.

(8) Здесь я даже не знаю что и сказать. Явный кусок электрического кабеля. А может – порез холста. Но тогда почему мазки кисти не пересекают его, а идут вдоль – а трещины в краске, наоборот, пересекают? Объект виден только при достаточном увеличении.

Данный список «странностей» легко можно было бы продолжать. Но описывать словами сугубо визуальные объекты – занятие неблагодарное. Что рассказал то рассказал, остальное же просто покажу – по крайней мере что-то из этого.

Например – неопознанные сущности, заполняющие у Ватто его голубые небеса (на схеме отмечены голубыми квадратами). Все они – рукотворного происхождения.

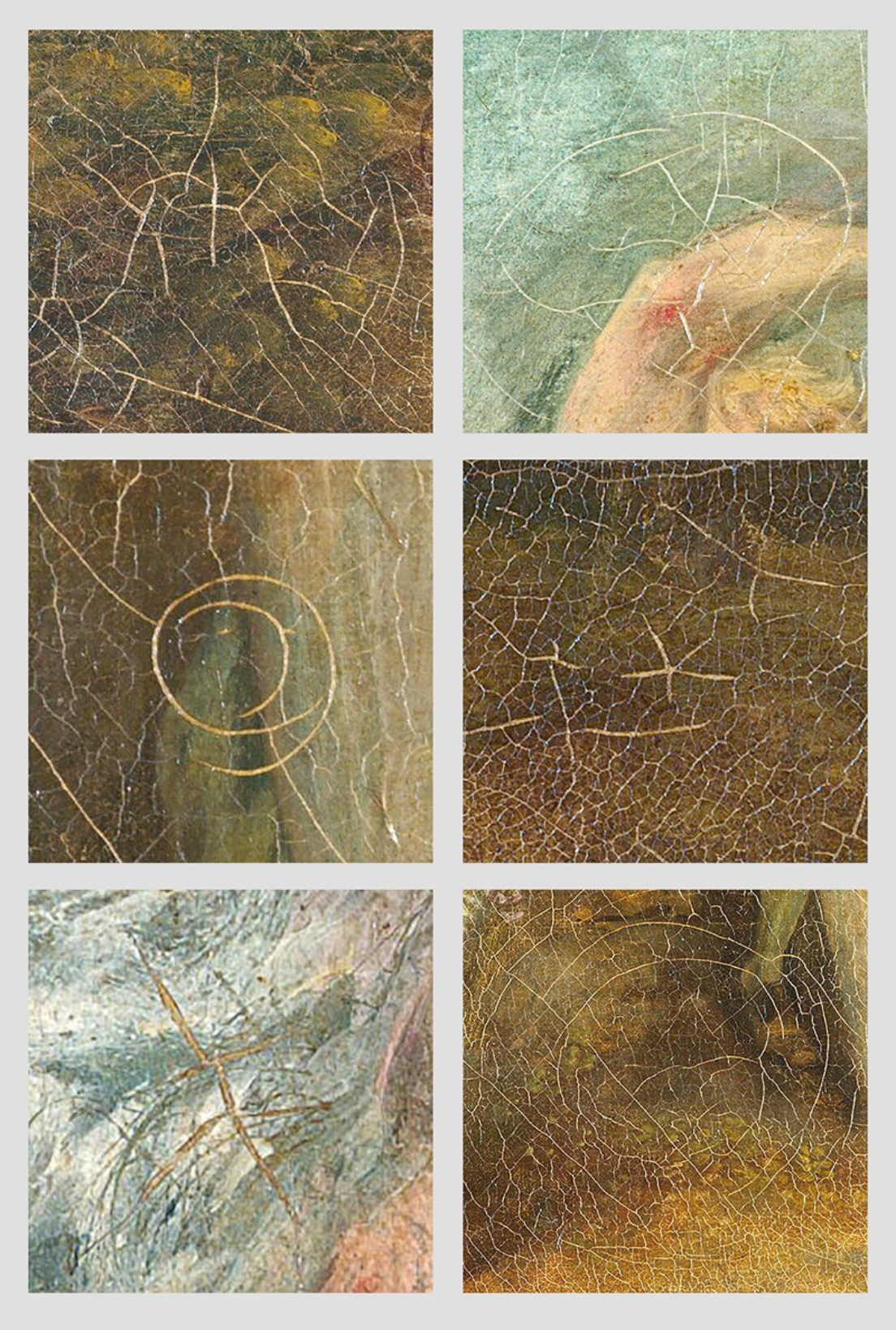


[Илл. 08-08-08-1. Неопознанные небесные объекты на картине «Отбытие с Острова Любви». Различные типы этих объектов: «небесные узлы» (1), «небесные письмена» (2), «инородные небесные объекты» (3), «небесные векторы» (4)]

А теперь – самое, пожалуй, интересное. У художника всегда есть соавтор. Это – четвёртое наше измерение, время. И оно никогда не упускает возможности добавить от себя пару штрихов.

Но в случае с «Отбытием с Острова Любви» дело не ограничилось «парой штрихов». Речь здесь идёт о полноценных «письменах времени», буквально испещряющих картину. Даже предварительный анализ топологических их групп – предмет

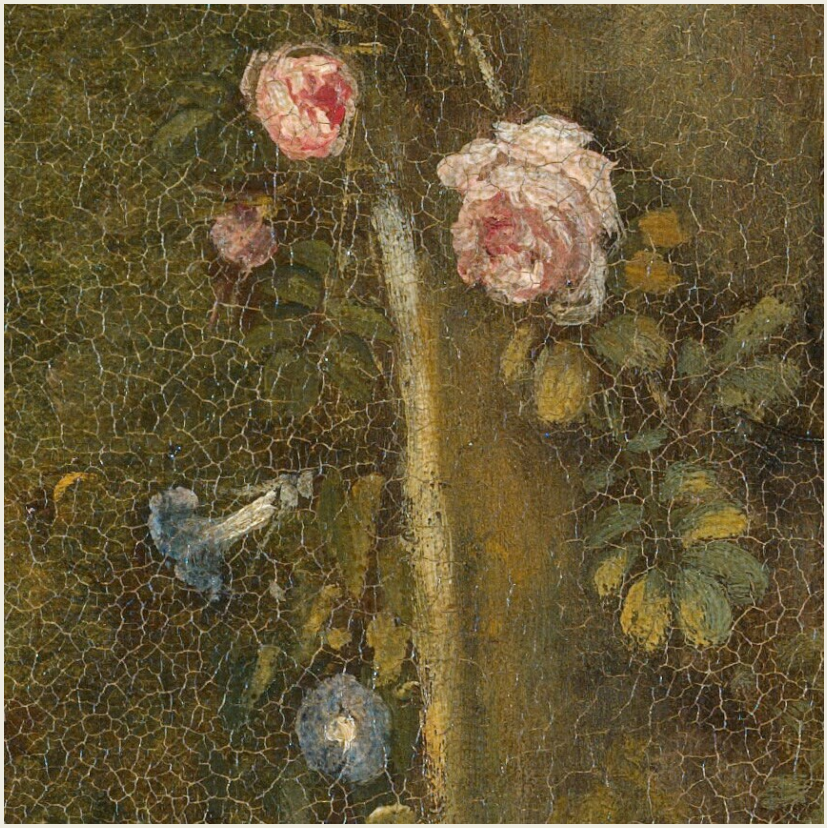
отдельного исследования. Приведу пока для примера лишь некоторые образцы этих «букв», «знаков» и «символов», без комментариев.



[Илл. 08-08-09-1. «Письмена времени», появившиеся при неизвестных обстоятельствах на картине «Отбытие с Острова Любви». Часть из них – явно рукотворные]

Было бы неправильным заканчивать разговор о великой картине обсуждением её царапин и трещин. А потому – просто пара фрагментов напоследок, из числа моих любимых:

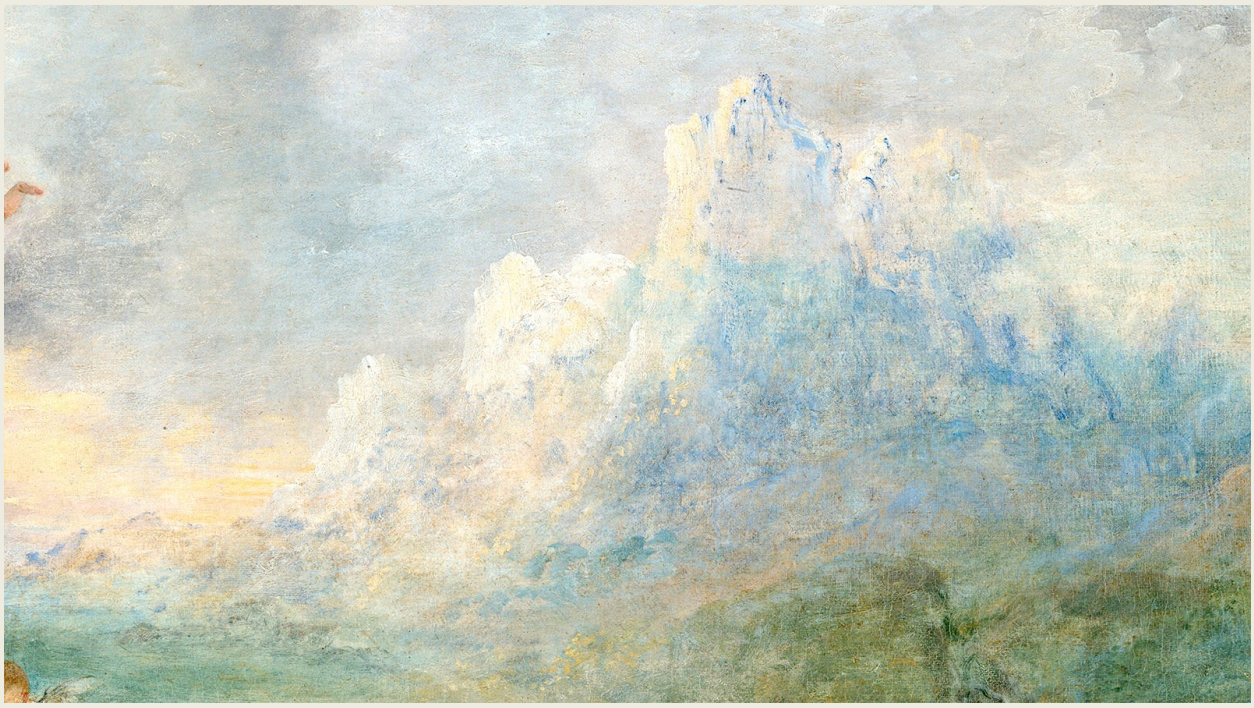
[Илл. 08-08-10-1. «Отбытие с Острова Любви». Фрагмент]



[Илл. 08-08-11-1. Там же. Фрагмент]

И последнее. За всеми этими разговорами о «загадочных» аспектах картины, я чуть не забыл упомянуть самый загадочный её элемент. То, чего на эгейском «острове Венеры» не могло быть в принципе, даже в рамках парадигмы «волшебности».

Это – огромная, покрытая снегом и льдом гора, возносящаяся прямо от берега моря прямо к небу. При этом удивительно похожая на гору «М-Камень», какой её изобразил в 1837 художник Карл Редер – непосредственный участник экспедиции Бэра к Новой Земле (см. главу «Топонимический кластер»).



[Илл. 08-08-12-1. Там же. Ледяная гора у самого берега моря. «М-Камень»?]

Вот сколько всего интересного мы увидели тогда в «зале Ватто» в Лувре. Куда тут втиснешь ещё и «китайские» гравюры?

Хотя, как посмотреть. Если присмотреться внимательней к главной женской фигуре на картине «Отбытие с Острова Любви» (с которой, собственно, и начинается движение взгляда), то несложно понять, откуда эта фигура сюда пришла. А пришла она с тех самых «китайских» панелей Ватто из замка Мюэтт, воспроизведённых впоследствии в гравюрах. При этом сами эти панели мало кто видел – а вот главную женскую фигуру с главной картины Ватто увидел весь мир. Так что, похоже, эта фигура по факту и стала пусковым механизмом для финального взлёта французского «шинуазри».

Шёлковый китайский халат и бумажный китайский веер. Что ещё надо человеку, чтобы встретить старость.

[Илл. 08-08-13-1. Ключевое место картины Ватто «Отбытие с Острова Любви» (сравните с гравюрой «Habillements des habitants de la Province de HOU KOU-AN à la Chine»). Возможно, что именно данная фигура, решённая в «китайском» стиле, и дала исходный толчок ренессансу французского «шинуазри»]

Вместо эпилога. Ватто представил свою картину Королевской Академии живописи 28 августа 1717. Данное событие всего на два месяца разминулось с пребыванием в Париже Петра I, занимавшегося здесь скупкой всего, что плохо лежит. А не случись данной разминки – и «Отбытие на Остров Любви» вполне могло бы сейчас находиться не в Лувре, а в Эрмитаже.

Между Венерой и Амуром

Античная статуя Венеры (ставшая в будущем «Венерой Таврической») прибыла из Рима в Петербург стараниями Рагузинского 13 марта 1721 – и была без промедления выставлена на всенародное обозрение в крытой колоннаде Летнего сада – в том месте, где сад выходит торцом прямо на Неву.

На тот момент именно данная точка являлась истинным центром столицы, ибо находилась всего в нескольких десятков метров от Летнего дворца Петра I – то есть официального места постоянного пребывания царя в городе. Таким образом, вольно или невольно, статуя Венеры стала олицетворением самого Петербурга – как города, и как места средоточия государственной власти. Что было по-своему символично, ибо уже через четыре года власть в этом государстве надолго перейдёт в руки женщин. Со всеми их «грёзами» и «амурами».

Примерно со времени появления в Петербурге «Венеры» (удобно запомнить) ведёт свой отсчёт и «русское шинуазри». В целом это явление было схожим с европейским. Но имелась и своя специфика.

Во-первых – сроки. Началось тут всё значительно позже – но зато и закончилось позже.

Во-вторых – двойной механизм возникновения, «первичный» и «вторичный».

«Первичный» был тот же, что и в Европе – с тем лишь отличием, что если там «китайское поветрие» инициировали товары, доставляемые по морю из Кантона, то здесь – товары, доставляемые по сибирским рекам из Пекина (а именно – по пути, проложенному Спафарием). А это означало несколько другой ассортимент.

«Вторичный» же механизм заключался в том, что дорожка для нового стиля была на тот момент уже протоптана зрелым европейским «шинуазри» (оказывавшим «китаизирующее» влияние на Россию посредством как моды, так и реэкспорта китайских товаров) – что подталкивало к движению в этом направлении. Так что «шинуазри» пришло в Россию с двух противоположных концов – и с востока, и с запада.

Что касается протекания процесса, то здесь можно выделить три характерные фазы – «пре-шинуазри» (латентная фаза, примерно с 1710-х), «высокое шинуазри» (зрелая классическая фаза, с 1740-х) и «пост-шинуазри» (завершающая кратковременная вспышка, примерно с 1820-х).

Зрелая фаза «русского шинуазри» является излюбленным предметом исследований, а потому обсосана со всех сторон. Две же другие фазы оказались как-то в тени, так что будет не лишним сказать о них пару слов.

«Пре-шинуазри»

Точно указать момент начала этой фазы невозможно в принципе, на то оно и «пре-». В любом случае в 1710-1720 явление уже достаточно заметно.

Главный признак наступления «пре-шинуазри» – китайские товары обретают статус самостоятельного и чётко осознанного «объекта желания».

Поскольку в этот период всё здесь пляшет от личности царя, то с него и начну. О «китайских цельно-фарфоровых печах» Петра I (1715) и его «китайских обоях» (1719) я уже подробно рассказывал, а о его пресловутом «китайском халате» говорить считаю излишним – так что скажу лучше о его «шёлковом» Указе (1717).

Суть Указа проста – полный запрет на использование одних тканей с предписанием использования других. Запрещено – золотое и серебряное шитьё, предписаны – китайские шелка. Коротко и ясно, в духе времени.

> Объявить <…> чтоб вновь никакого золота и серебра пряденого и волочёного не носили, <…> под великим штрафом. А носить только китайские из Сибири шёлковые материи, и персидские, также из здешних мануфактур, всякие, кроме золота и серебра.
>
> (Именной царский Указ от 17 декабря 1717)

Увлечение в «верхах» всем «китайским» в означенный период уже массовое, но ещё не публичное. У всех всё есть, но не на показ. Фарфор активно скупается, но не ставится на столы, а копится в сундуках. Это – род сокровища, инвестиция в будущее.

Показательно, что драгоценностью считается не только сама фарфоровая посуда, но и остающиеся от неё битые черепки. Которые не выбрасывают, а продолжают благоговейно хранить, считать и пересчитывать. Вот что мы видим в кладовых высших чиновников империи:

> …Блюдо китайское клеёное, по нём травы жолтые.
>
> (Конфискационная ведомость Гагарина, 1721. РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 132)
>
> …Ящик лубяной с посудою китайскою битою.
>
> (Конфискационная ведомость Меншикова, 1733. РГАДА, ф. 248, оп. 1, д. 782)

Появляется даже отдельная профессия – скрепщик осколков. Это умелец, соединяющий битые фарфоровые черепки снова в целое изделие. Учиться этому посылают специально в Пекин.

> С 1735 году был я, нижайший, в Китайском государстве <…> для обучения <…> ломаные парсолейныя всякие посуды как железными скобами скавывают.
>
> (Доношение Осипа Мясникова об успехах в изучении китайского ремесла. РГАДА, ф. 14, д. 8, л. 2)

Скрытые пласты китайских накоплений в кладовых русской знати хорошо высвечиваются в многочисленных «конфискационных ведомостях», благо на каждого

«героя отечества» рано или поздно всегда находится следующий «герой отечества».

Опись имущества, конфискованного у одного только князя Гагарина в апреле 1721, развеивает малейшие сомнения в том, что «русское шинуазри» к тому моменту уже вполне назрело. Устаёшь читать, лист за листом, монотонное перечисление рундуков со сказочными китайскими шелками и ящиков с невероятным китайским фарфором (РГАДА, ф. 340, оп. 1, ч. 1, д. 132, лл. 10-65 об.). Перечислю лишь то, что показалось мне удивительным даже на этом удивительном фоне (с предварительной смысловой расшифровкой):

- Классический бело-голубой фарфор эпохи Мин, ставший прототипом современного «гжельского» стиля:

> «Фарфоровой посуды... восемь чашек кофейных по белой земле травы синие»;

- Похоже, что это «пилюли бессмертия» – за какими некогда посылался в Китай «лекарь и алхимист» Ян Ган в составе посольства Спафария:

> «Ящичек же китайской маленкой, а в нем лепёшечки красные, а какие нихто не знает»;

- Мелкое копеечное рукоделие – шёлковые птицы и цветы – наповал сразившие сердце сурового вельможи:

> «Птички шёлковые разных цветов»;

> «Китайских цветков маленьких восемьдесят шесть бумажек…. а в тех бумашках по осми, и по десяти, и по двенатцати цветков»;

- А здесь речь идёт о мамонтовых бивнях. Ровно за месяц до составления этой описи, на другом конце земли, в Пекине, Лоренц Ланг рассказал китайскому императору о том, что самолично видел в Сибири свеженайденные туши мамонтов – чем навёл императора на ряд глубоких раздумий с далеко идущими выводами:

> «Черепья костяные мамонтовые»;

- Заварной чайник красной «исинской» глины. Такие чайники на вид достаточно неказисты, но при этом чрезвычайно ценятся знатоками чайного дела – что выдаёт во владельце реального эксперта:

> «Чайник китайской глиненой красной»;

- Очередное подтверждение того, что чай в то время пьют преимущественно зелёный:

> «Четыре кулька чаю зелёнова, а в них весу три пуда; цена по два рубли пуд»;

- Некая китайская карта – возможно, «Полная карта всего, что обретается под Небесами» Цао Цзюаньи, которая, сохранись она, сейчас стоила бы десятки миллионов долларов:

«Лист землемерия китайской на бумаге»;

- Тексты, про которые мне не известно ровно ничего, так что буду исходить из лучшего:

«Пятьдесят листов китайских печатных»;

- Две из четырёх «драгоценностей учёного», а именно – брусковая тушь и рисовая бумага. Логично предположить, что где-то рядом были и две недостающие «драгоценности» – кисти и тушечница, но в описи я их что-то не увидел. Возможно, что при обыске на кисти не обратили внимания, а тушечница была воспринята, как простой камень:

«Двенатцать ящичков чернил китайских золоченых»;

«Две дести бумаги китайской завертошной».

Таково было положение дел на 1721. А к началу 1730-х «шинуазри» из сусеков и подклетей открыто выходит на свет. Новгородский архиепископ Прокопович не таясь показывает гостям свою «китайскую коллекцию», в том числе и ковёр с «цилинем» (письмо Байера к Парренину в Пекин от 30 октября 1734, University of Glasgow Library, Ms Hunter B12), а об огромной «жёлтой» китайской вазе эпохи Мин, что стояла в доме у Рагузинского, знает весь Петербург.

Дополнительный мощный (и весьма своевременный) толчок этому живому процессу дали сразу два китайских посольства, прибывших из Пекина одно за другим – первое в Москву (1731), второе в Петербург (1732). Посольства произвели фурор – что не удивительно, если учесть, что до этого никаких посольств из Китая здесь не бывало вообще никогда.

Китайские послы с удовольствием пили водку, вино и кофе (не брезгуя и местным чаем), дивились физическим опытам в Академии наук, не могли оторвать глаз от гигантского глобуса, зависали в «слесарных каморах» и типографской «словолитне», гуляли по Летнему саду, хвалили пышные фейерверки и тихо радовались тому, что гигантский красный драгоценный камень, привезённый сюда некогда из Китая, венчает теперь большую императорскую корону (во время официального приёма в Москве специально выставлявшуюся «подле трона» на «уготовленном столе»). Также китайцы узнали много нового о своём языке и своей культуре из двухтомника «Museum Sinicum», поднесённого им лично его автором, Готлибом Байером.

Но слова словами, а дело делом. Послы по описи передали русскому двору целые горы продукции китайской промышленности – всё те же шёлк, фарфор, лаковые шкатулки и чай (Архив ВПРИ, ф. 62, оп. 62/1, 1732, д. 8, л. 398). Восемнадцать ящиков в первый приезд, и девятнадцать ящиков во второй.

С одной стороны – в масштабах страны это была капля в море. Но то была именно та капля волшебного эликсира, что попала точно в глаз морской царице, пове-

левающей всеми течениями и волнами. Китайские чудеса заполонили личные покои Её Императорского Величества – и можно уверенно предположить, что именно это и дало официальную отмашку начала новой стадии процесса. Курс на построение «шинуазри» в отдельно взятой части света был взят.

Для того, чтобы догнать и перегнать Запад в «китаизации» потребовалось, понятно, некоторое время. Но и это время не заставило себя ждать.

«Высокое шинуазри»

Зрелая фаза «русского шинуазри» царила практически полвека – с 1740-х до конца 1780-х. Царские резиденции превратились в реально «китайские деревни». Не хочу тратить время на перечисление всех этих китайских дворцов, беседок, павильонов, театров, мостов и буквально «деревень», навыраставших за это время в Петергофе, Ориенбауме, Царском селе, и где ещё только не.

И это только то, что было снаружи. А ведь основное действо разворачивалось внутри помещений. Не будем забывать, что «шинуазри» – это в первую очередь интерьерный дизайн. Если специальный дворец не всякий мог себе позволить, то уж устроить собственный «китайский кабинет» считал себя обязанным каждый второй столоначальник. Иначе что люди подумают.

Свой вклад в этот процесс внесло, как и во Франции, новомодное «рококо». Только не на завершающей стадии «шинуазри» (как это было там), а на начальной. Механизм был следующим.

Уже в правление Анны Иоанновны (1730-1740) беспрекословным законодателем петербургской моды становится Версаль. Вместе с парижскими фасонами, на берега Невы приходит и парижская цветовая гамма, а именно – светлые и лёгкие тона французского «рококо».

Данный новомодный изыск как нельзя лучше встроился в русло китайской торговли, тут же предоставившей широчайший ассортимент шелков именно пастельных тонов – благо они-то и являлись традиционными и хорошо отработанными для китайской промышленности. Из Кяхты в Петербург пошли караваны с бархатом, камкой, атласом, флёром и фанзой – и всё это новой, ранее не востребованной, цветовой гаммы.

Радикальное обновление ассортимента вызвало обновления лексикона. Для новых понятий потребовались соответствующие обозначения. В результате начинают широко употребляться названия цветов с приставкой «светло-».

Так, в записи «Придворного ведомства» о закупках для нужд императорского двора шёлковых тканей, привезённых караваном Фирсова (чей ассортимент отражал спрос, существовавший в 1739), фигурирует столько «светлых» тонов, сколько я до этого и близко не видел ни в одной караванной ведомости – «светлозелёный», «светловишнёвый», «светлоалый», «светлопурпуровый», «светлосеребряный», «светлочижевый», «светлоголубой» (РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 8, л. 67-69 об.). Со временем в оборот входят и специальные слова – «сиреневый», «салатный», «розовый».

В качестве обратного эффекта – новые слова, вошедшие в язык, легитимизировали в сознании публики обозначенные ими новые явления – и вот уже глаза покупателей (с подачи языка) начинают и вправду улавливать тонкие различия между близкими оттенками, предписанными модой. Воистину, нужно сказать «розовый», чтобы увидеть розовый.

Факт есть факт – «рококо» утвердилось на российских просторах при активной поддержке китайского легпрома. А что есть «шинуазри», как не китайские товары в европейской упаковке (и наоборот)?

Высокая фаза «русского шинуазри» имела множество колоритных проявлений. Чтобы не тиражировать общие места, ограничусь парой менее известных примеров, которые хорошо, на мой взгляд, показывают общий градус.

В 1772 Екатерина II дозрела до понимания, что ей необходимо освоить игру в «китайские шахматы», «сянци». Данное желание императрицы было оформлено в виде «Высочайшего указа» (от 19 марта 1772), предписывавшего иркутскому губернатору организовать закупку в Пекине и доставку в Петербург, в числе прочего, комплекта «сянци».

Вроде бы – чего проще. Но проблема оказалась в том, что всё, что выходило за рамки типового ассортимента, вызывало сложности. Губернатор буквально с ног сбился, разыскивая требуемое (чтобы выиграть время, пришлось дважды посылать в столицу отписки, что было чревато). Но всё равно – быстрее, чем за год (плюс время транспортировки), он не смог выполнить этого простого, казалось бы, задания.

> Всевысочайшие Вашего Императорского Величества указы <…> о выписывании из Китай <…> одной игры, наподобие шахматной <…> со всеподданнейшею моею преданностию я счастье имел получить. <…> И исполняя оные <…> с рабскою моею преданностию доношу:
>
> Вологоцкова купца Мизгирёва договорил вывести из китайских же купцов <…> шахматну игру, какая у них во употреблении бывает, а прежде годового времени китайцы к вывозу не согласились.
>
> (Реляция иркутского губернатора Бриля от 24 августа 1772, РГАДА, ф. 14, оп. 1, д. 213, л. 2 об.)

Когда именно «китайские шахматы» добрались-таки до Петербурга мне точно не известно. Но сильно подозреваю, что пособие Леонтьева по игре в «сянци» было издано конкретно в 1775 неспроста.

Другой августейший пример. Известно, что отношение Екатерины II к своему сыну было достаточно прохладным. Дело усугублялось ещё и тем, что некогда императрица публично обещала уступить престол сыну по исполнении тому шестнадцати лет (чего, как мы знаем, не произошло. В смысле – уступки).

Однако, как только Екатерина стала бабушкой, природа взяла своё с лихвой. Внук сделался таким любимчиком, что можно бы, право, и поменьше. Всю свою неукротимую энергию новоявленная бабушка направила на выращивание из внука иде-

ального будущего императора. Это был классический случай «иллюзии обретения смысла жизни».

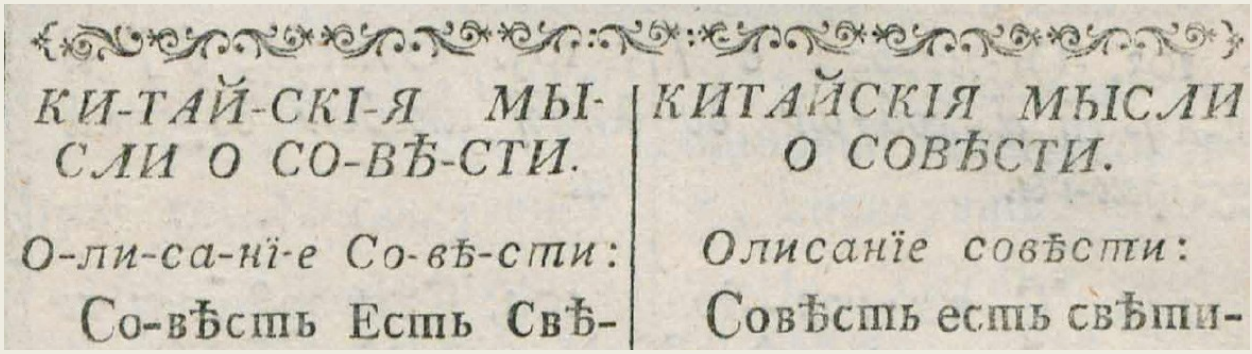
Воспитание маленького Саши было организовано в лучших традициях Просвещения. Вплоть до того, что бабушка собственноручно написала для ещё не умевшего читать малыша (на перспективу) полноценный «учебник жизни», так называемую «Бабушкину азбуку». Составленную, по задумке, из самых важных вещей, которые должен знать человек об этом мире (и в первую очередь о самом себе).

Пока суть да дело, сочинение было издано под названием «Российская азбука для обучения юношества чтению» (1782). Основной раздел книги («Гражданское начальное учение») представлял собой совокупность из более чем ста мудрых сентенций.

Возразить против этих сентенций мне совершенно нечего, подо всеми под ними я легко подписался бы. Типа: «Кто состоянием своим доволен, тому жить весело». Или: «Делай добро дабы делать добро, а не ради того, чтобы приобрести похвалу». Кто бы спорил.

Учитывая возраст предполагаемого читателя, свои «максимы» Екатерина подавала на максимально заземлённом, нарочито конкретном уровне. Все понятия материальны, все примеры наглядны. Но в одном месте она всё равно была вынуждена выйти на уровень абстрактный. Там, где речь зашла о такой тонкой вещи, как «совесть». О понятии, которое даже трудно определить.

И этот-то раздел – небольшой, но по-смыслу центральный – Екатерина снабжает особым заголовком – «Китайские мысли о совести» («Совесть есть светило внутреннее, закрытое, которое освещает единственно самого человека… следуя за человеком везде, не даёт ему пощады ни в каком случае… и т.д.»).


КИ-ТАЙ-СКІ-Я МЫ-
СЛИ О СО-ВѢ-СТИ.

О-ли-са-нї-е Со-вѣ-сти:
Со-вѣсть Есть Свѣ-

КИТАЙСКІЯ МЫСЛИ
О СОВѢСТИ.

Олисанїе совѣсти:
Совѣсть есть свѣти-

[Илл. 08-08-14-1. «Китайские мысли о совести» Екатерины II. В составе её же «Российской азбуки для обучения юношества чтению», СПб, 1782, с. 80]

Почему эти «мысли» стали именно «китайскими»? Да потому, что на дворе стоит «высокое шинуазри», русский «китайский век». Когда всё лучшее – китайское.

«Высокое шинуазри» пышно процветало не только в границах придворной вселенной. Вот чисто провинциальный пример.

Москва – это уже не столица, а Серпухов – это уже и не Москва. А Троицкое – это даже не Серпухов.

И вот в этом самом «Троицком» на реке Протве, в имении Дашковой, в двадцати верстах от Серпухова мы видим посреди цветущего розового сада («кринного дола») не что-нибудь, а реально «китайский храм».

> В одном из уголков имения стоит небольшая китайская беседка, называемая храмом. Перед ней расстилается поле, на котором не растёт ничего, кроме цветущих и невыразимо благоухающих роз.
>
> (Письмо Марты Вильмот к матери из Троицкого от 13 июля 1805)

Хотя приведённое свидетельство и относятся к 1805, но «храм» этот появился не позднее 1790, когда модернизация поместья благополучно завершилась и ансамбль полностью сформировался.

Впрочем, 1790 год отмечает собой не только появление «китайской беседки» на Протве, но и момент завершения фазы «высокого шинуазри». Главных причин этому, на мой взгляд, было две. Первая (субъективная) – радикальная перемена в настроениях императрицы (реакция на кровавые гримасы французской революции, плюс резко подошедший возраст). Вторая (объективная) – стремительно исчезающая, увы, способность китайской промышленности предложить миру что-то уникальное или хотя бы передовое.

И то и другое – горькая правда. Так что есть смысл прислушаться здесь к голосу великого правдолюбца – Александра Радищева.

То, что Радищев ярко отметился также и в «китайском вопросе» – это отнюдь не говорит о процветающем состоянии «шинуазри», скорее наоборот. Будучи сослан в Иркутск, он волею судеб (в лице императрицы) оказался у самого истока китайской торговли. С ней он там столкнулся, в неё вник, о ней написал.

Сочинение называется «Письмо о китайском торге» (1792). Адресовано данное послание, кстати, родному брату Дашковой, незадолго перед тем принимавшему деятельное участие в публикации эпохального «Географического известия о Новой Земле Полунощного Края» Василия Крестинина (1788-1789).

И вот Радищев (профессиональный таможенный чиновник) пишет о текущем состоянии «китайского торга». Состояние это плачевное.

Не говоря о том, что все последние годы торговля в Кяхте постоянно и надолго прерывалась по инициативе китайской администрации (на момент составления «Письма» торговли тоже не было) – даже не говоря об этом, от былого великолепия китайского импорта ко времени Радищева осталось мало что.

Из классической «великолепной четвёрки» – шёлка, фарфора, лаковых изделий и чая – «фарфор»» и «лак» выбыли напрочь (и то и другое в Европе делали уже лучше), «шёлк» скатился с первой позиции на третью (причём, с огромным отрывом – менее пяти процентов оборота), а оставшийся «чай» пока так и не набрал критической массы (об этом скажу ниже), будучи к тому же представлен более чем наполовину так называемым «кирпичным чаем», потреблявшимся исключительно монголами и бурятами в Забайкалье.

Основную же долю китайского импорта составляли теперь рутинные хлопчато-бумажные ткани низкого качества, используемые крестьянами в основном в Сибири. Где тут, скажите, топливо для поддержания священного огня «китайских грёз»?

Где нет инновационного импорта, там нет места и для «шинуазри».

Вот несколько радищевских цитат:

> Бумажные товары, из Китая вывозимые, составляют главную оных статью и две трети почти всего торга, за ними следует чай, более нежели на одну четверть всей суммы торга. Потом шёлковой товар и шёлк.
>
> Шёлковые <…> товары <…> нашли замену или в лионских тканях или других французских модах.
>
> Посуда, из Китая вывозимая, а особливо так называемая чайная и фарфоровая, могла бы больший иметь расход, если бы была делана со вкусом и была бы покрепче. <…> Вся сия посуда расходится большею частию в Сибири.
>
> Кирпичный чай, которого <…> выходит больше, нежели всех лучших сортов, в Россию нейдёт, а расходится весь в Сибири <…> и больше употребляем бурятами и русскими, живущими за Байкалом.
>
> (Радищев, «Письмо о китайском торге», 1792, опубл. 1811)

Короче, всё плохо. Единственно, некоторая надежда ещё оставалась на чай:

> О повсеместности употребления чая я говорить нужды не имею. Сколь все в России к нему сделали привычку, то всякому известно.
>
> Возобновление торга на Кяхте <…> размножит плавание по Байкалу и рекам Сибирским, <…> доставит казне знатный годовой доход, <…> – и подешевеет вожделенное всеми питиё – чай, забайкальские жители завтракать будут «затураном» [род «чифиря»] – и я <…> охотно выпью несколько чашек чаю в день, лучшего, нежели ныне.
>
> (Там же)

Таким вот в своих мечтах видел будущее – лучшее нежели ныне – последний рыцарь Просвещения. И правильно видел.

«Пост-шинуазри»

В целом, к началу XIX века «шинуазри» своё отжило, даже в России. На носу уже были «Опиумный войны» между Британией и Китаем, в ходе которых развеются последние остатки очарованности «китайским путём развития» (и, соответственно, «китайской мудростью»).

Если раньше Пекин поражал европейцев своим масштабом и великолепием, то теперь своим великолепием и масштабом поражал китайцев Лондон. Вот какими глазами увидел британскую столицу китайский поэт-путешественник в 1813 (даю выборочно):

***
Далеко на северо-западе, у моря,
лежит страна под названием Англия (英倫, «Ин-лунь») <…>
Дома здесь так высоки, что можно коснуться звёзд (樓高可摘星). <…>
Одну лишь Францию они ненавидят.

***
Летними сумерками в загородных садах
люди гуляют нескончаемой чередой.
Среди трав и пасущихся лошадей <…>
поют песни и собирают цветы.

***
Три моста соединяют берега потока.
Самые разные суда проплывают под ними,
а люди и лошади едут вверху, в облаках.
От тысяч ступеней рябит в глазах.

***
Богатая и благополучная земля тает в цветочной дымке (富庶煙花地).
<…>
Огромные деревья высятся среди бессчётных домов.
Молодые господа разъезжают в конных повозках,
Красавицы прогуливаются в великолепных шелках.

***
Здания вздымаются ввысь, этаж за этажом.
Императорские дворцы грандиозны.
Железные ограды окружают дома.
Речная вода бежит внутри стен.

***
Вечерние фонари висят вдоль улиц,
их огни сияют подобно звёздам. <…>
Уже давно здесь не знают голода.
В крепкий чай добавляют сливки (濃茶調酪潤).

(Анонимный китайский автор, «Десять песен о Лондоне», «蘭墩十詠», 1813. Опубликован в «Transactions of the Royal Asiatic Society», vol. 2, p. 443-449, 1830)

Интересно, что в оригинале слово «Лондон» написано не традиционно, а так, что в буквальном переводе это означало бы «Орхидеевый причал» («蘭墩», «Лань-дунь»). С «Францией» тоже вышла небольшая накладка – она дана иероглифом, которым вообще-то обозначается Будда Шакьямуни («佛»).

Итак, время Китая прошло (на время).

Однако, несмотря на всё вышесказанное, где-то с 1820 по 1840 имел место локальный (и завершающий) всплеск «русского шинуазри». Он протекал в несколько иной плоскости, чем предыдущие фазы, а потому исследователями остался малозамеченным. Но этот этап сыграл важную роль в последующем, а потому я остановлюсь на нём чуть подробней.

Если уж приклеивать бирки, то я дал бы этой фазе название «чайное шинуазри». Поскольку основные его проявления сконцентрировались вокруг чая – торговли чаем и его потребления.

За время жизни Пушкина оборот чая в России вырос в четыре раза (с 50 до 200 тысяч пудов в год, если брать по всем сортам и видам). Если же вести отсчёт от «Письма о китайском торге» Радищева, то есть прихватить ещё десять предшествующих лет, а также выкинуть из расчётов «кирпичный чай» (полностью остававшийся в Забайкалье), то рост уже будет более чем десятикратным – с 12 тысяч в 1790 (данные Радищева), до 134 тысяч пудов в 1837 (официальные данные Департамента внешней торговли).

Эта простая и скучная арифметика («в десять раз») означала реально глобальный сдвиг во всём мироустройстве. Социальная база чайного бизнеса распахнулась настежь. Горстка высших аристократов, выпивавших до того чашечку-другую за бриджем (да и то) – она буквально утонула в нахлынувшем море новообращённых потребителей чая – провинциальных помещиков, мелких чиновников, младших офицеров и состоятельных горожан даже низших сословий (купцов, мастеровых и просто обывателей).

И вот в этой-то благодатной среде затухшее было «русское шинуазри» и обрело новое дыхание. Как говорится, «низкая цена – высокие обороты».

Хорошим индикатором наступления новых времён является «Положение» Комитета министров от 10 октября 1822 «О позволении иметь чай в харчевнях».

Положение это имеет свою предысторию. За полтора года до него, 2 февраля 1821 другим Положением была впервые регламентирована деятельность заведений общественного питания всех мыслимых типов. Собственно, эти «типы» тогда и были впервые определены. А именно – «гостиницы» (как род общепита), «рестораны», «кофейные дома», «трактиры» и «харчевни».

Пресловутые «питейные дома» (официальное именование «кабаков»), посредством которых реализовывалась монополия государства на спаивание населения, всегда стояли особняком и в данной истории не участвовали.

Фундаментальное разграничение между ново-вводимыми заведениями проходило по линии разрешённых к подаче напитков.

Так, в «гостиницах» и «трактирах» разрешалось подавать – алкоголь, кофе и чай.

В «ресторанах» – алкоголь и кофе.

В «кофейных домах» – только кофе.

В «харчевнях» – ничего (кроме кваса).

Для «гостиниц» требовались постояльцы (что было хлопотно), так что наиболее лакомым куском бизнеса в такой конфигурации являлись «трактиры» и «рестораны». Но их устройство было законодательно обременено невероятными сложностями. Были установлены ограничения по количеству трактиров в каждом городе (на весь Петербург отводилось всего пятьдесят «лотов»), по местоположению (которое нельзя было менять ни при каких условиях), по владению другими заведениями (никаких других). В добавление ко всему, «лоты» на учреждение трактира распределялись по аукционной схеме (кто больше предложит).

А вот завести «харчевню» было легче лёгкого – но и обороты предполагались совсем не те.

Имелось ещё одно регламентированное разделение между заведениями – по контингенту посетителей.

Для «гостиниц», «трактиров», «ресторанов» и «кофейных домов» законодательно был установлен «дресс-код» и «фейс-контроль». А именно, вход был разрешён – «всем, в пристойной одежде и наружной благовидности» (кроме солдат в форме и слуг в ливреях).

В «харчевне» же никакая «пристойная одежда» не требовалась, как и «наружная благовидность». Так что в каждом варианте были свои плюсы и минусы.

Так исходно задумывалось. Но по прошествии полутора бурных лет этой новой экономической политики, Министр финансов не выдержал, и потребовал всё вернуть назад. Ибо, с его точки зрения, новые заведения подрубали сук государственной алкогольной монополии (за поступление средств от которой он отвечал).

Так бы «оттепель» тогда и закончилась, если бы на защиту прав и свобод граждан не встал грудью Министр внутренних дел. Его решительная отповедь Министру финансов легла в основу правительственного документа, одобренного Кабинетом министров и утверждённого затем Высочайше.

Новое «Положение» (от 10 октября 1822) не только не запретило «рестораны» и «трактиры» (как требовал министр финансов), но и открыло шлюзы новым ветрам (масштаб которых и возможные последствия, подозреваю, участники и близко не осознавали). Короче, «Положение» разрешило подавать теперь чай даже в «харчевнях». Для нас здесь представляет интерес мотивировка:

> Я [Министр внутренних дел] полагал полезным предоставить харчевням иметь чай. Употребление онаго сделалось почти вещью первой потребности. Проезжие ремесленники и всякого рода люди привыкли и имеют надобность в питье, в суровом нашем климате согреть их могущем. Сие так положительно, что нет почти крестьянина в богатых наших губерниях, который бы не имел в доме своём самовара и не употреблял чаю – посему и в харчевнях требуют напитка сего.
>
> (Положение Кабинета министров от 10 октября 1822)

О фактически безграничном потенциале чая в этой стране предупреждал ещё Радищев, который имел возможность самолично наблюдать «чайную лихорадку» в действии. Речь у него, правда, идёт преимущественно о «кирпичном чае», но тенденцию можно экстраполировать и на другие виды этого транквилизатора. Вот как описывает Радищев последствия повышения цены на чай из-за очередного (около 1790) пресечения Кяхтинской торговли:

> Возвысившаяся цена на чай заставила некоторых людей оставить свою привычку и употреблять вместо чаю кофе; но те, которые сей привычки преобратить в другую не могли, покупали и употребляли чай, привозимый из Англии, Голландии и Дании, платя за оный втрое или четверо.
>
> Бедные люди, которые чай пивали во дни празднества или веселия, или же подражая в роскоши богатым и причаствуя сей постепенной заразе, <…> употребляли веронику и богородскую траву.
>
> Но жители Забайкальские, которые издерживают весь почти кирпичный чай, из Китая привозимый, <…> привыкнув к употреблению оного от самого детства, <…> приходят в великую расстройку и многие семейства, от чая обнищав, пошли по миру.
>
> Таким образом многие Забайкальские жители пропивалися на чаю, доколе доставало их имущество. Овца, корова, лошадь преобращалися в чай.
>
> (Радищев, «Письмо о китайском торге», 1792)

И общий вывод:

> Чай, как вещь, прихотью введённая в употребление, а не нуждою, не могл истребиться из употребления, хотя привоз его пресекся и с ним низкая его цена.
>
> (Там же)

И вот теперь, с выходом «Положения» от 10 октября 1822, последний рубеж на пути чая, похоже, пал – и чай вышел в России на оперативный простор.

И на этой чайной волне в новых слоях населения пробудился живой, хотя и специфический (более предметный, но и более массовый), «интерес к Китаю». Началось «чайное шинуазри».

Самым убедительным в этом смысле «знаком времени» стало, на мой взгляд, то, что знаменитые гжельские керамические промыслы (имевшие к тому моменту уже долгую историю), именно в начале 1820-х все перешли исключительно на бело-голубой дизайн, имитирующий цветовую гамму китайского фарфора эпохи Мин. Не все знают, что до этого момента в тех же самых мастерских успешно производилась, наоборот, многоцветная керамика, неизменно пользовавшаяся спросом. Но теперь, выходит, что-то изменилось. Что именно? Очень просто – потребитель потребовал «китайское».

Чтобы ни у кого не было сомнений относительно момента перелома, для иллюстрации я подобрал такую гжельскую продукцию (до 1820 и после), чтобы прямо на ней был явно обозначен год производства.

[Илл. 08-08-15-1. Типовая многоцветная гамма гжельской керамики ДО 1820 года]

1820

1829

1830

1836

[Илл. 08-08-16-1. Практически единственная цветовая гамма гжельской керамики ПОСЛЕ 1820 года. Имитирует классический китайский фарфор эпохи Мин]

Обновление «гжели» – это был явный знак наступления «чайного шинуазри». А вот и оно само.

Архитектор Огюст Монферран. На ум сразу приходит Исаакиевский собор, вознёсшийся главою непокорной вдвое выше Александрийского столпа. Когда-то я привёл в умиление своих маму и папу тем, что в ходе посещения с ними этого творения Монферрана я большую часть времени провёл, разглядывая в увеличительное стекло сначала малахитовую колонну, а потом – колонну из бадахшанского лазурита. Я же просто прочитал где-то, что колонны эти не цельные, а лишь облицованы драгоценным камнем – и вот проверял с помощью специально принесённого инструмента, так ли это (ища следы стыков).

Но Монферран – это ведь не только «Исаакиевский собор», и даже «Александрийский столп». В первую очередь (причём буквально – «построенное им в России в первую очередь») это – двенадцать «китайских пагод», образовавших в 1822 целый квартал на Нижегородской ярмарке.

Проектировал Монферран эти «пагоды» одновременно с Исаакиевским собором, но до строительства собора было ещё как до луны, а «пагоды» («китайские ряды») в 1822 – вот они уже.

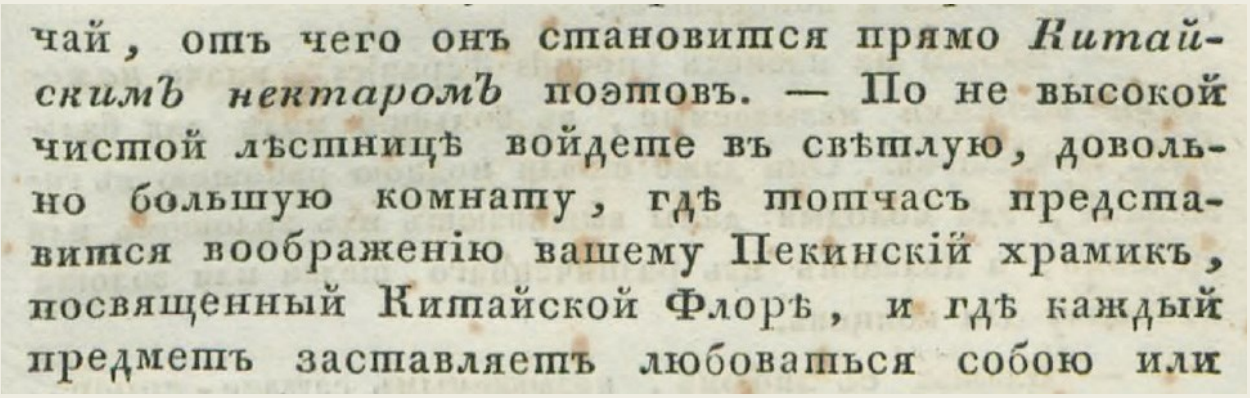
Время царскосельских «китайских дворцов» к тому времени давным-давно ушло (вместе с эпохой «высокого шинуазри»), но для «китайских рядов» как раз в 1820-х наступил звёздный час.

[Илл. 08-08-17-1. «Китайские ряды» Нижегородской ярмарки, спроектированные Монферраном в 1822]

«Китайские ряды» – это уровень оптовой чайной торговли. Но ещё важнее для распространения «китайской моды» был уровень торговли розничной. Именно здесь «чайное шинуазри» и находило свою преданную паству. В магазин идут не за покупками – идут окунуться в мир неги и роскоши, в данном случае – роскоши китайской. Даже те, кто о Китае не имел до того и малейшего представления, его здесь как раз и получал.

Вот под каким соусом подавался в то время рутинный акт приобретения заварки для домашнего хозяйства:

> Дозвольте, Милостивые Государыни, подать вам руку и просить вас последовать <…> в чайный магазин на Кузнецком мосту, под фирмою Голубкова. Этот магазин в особенности достоин посещения со стороны тех любезных хозяек, которые сами разливают чай, от чего он становится прямо Китайским нектаром поэтов. <…>
>
> По невысокой чистой лестнице войдёте в светлую <…> комнату, где тотчас представится воображению вашему Пекинский храмик, посвящённый Китайской флоре, и где каждый предмет заставляет любоваться собою. <…>
>
> Спокойно будете всё рассматривать и во всё входить, сидя на обитом шёлковою голубою матерьею канапе из карельской берёзы, украшающей, в соединении с золотом, весь храмик.
>
> («Дамский журнал», 1831, № 13, с. 207)


чай, отъ чего онъ становится прямо *Китайскимъ нектаромъ* поэтовъ. — По не высокой чистой лѣстницѣ войдете въ свѣтлую, довольно большую комнату, гдѣ тотчасъ представится воображенію вашему Пекинскій храмикъ, посвященный Китайской Флорѣ, и гдѣ каждый предметъ заставляетъ любоваться собою или

[Илл. 08-08-18-1. Образец высокого «чайного стиля». Статья из «Дамского журнала», 1831, № 13, с. 207]

А теперь – о самом нижнем и самом важном уровне циркулирования «чайного шинуазри». Уровне бытовом.

Чай пьют все, и непрерывно. Пьют его из чашек. А что у человека в руке, то у него и в голове. Какие у населения чашки – такие и грёзы.

А чашки были такие.

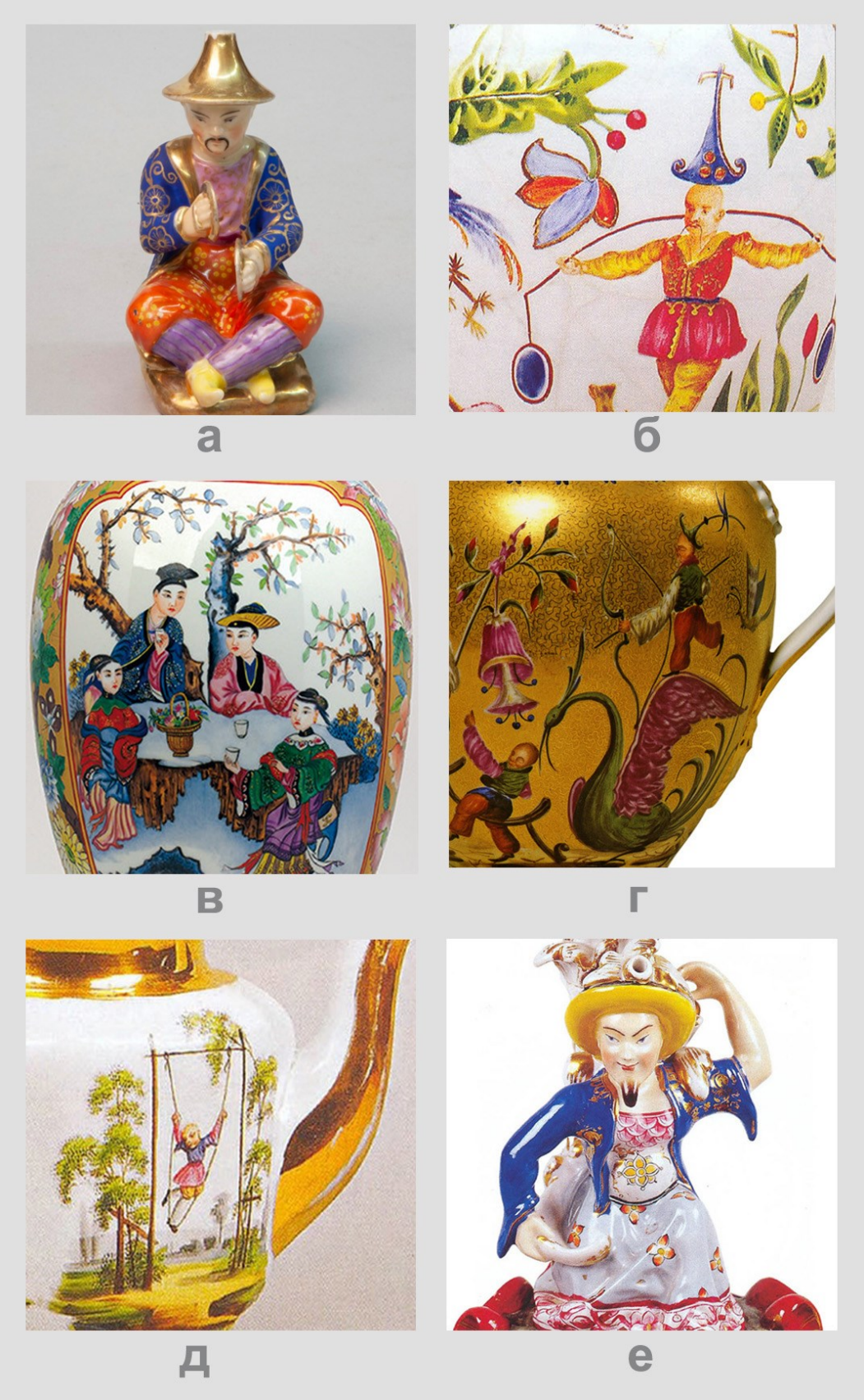
К тому времени в России уже существовало много первоклассных фарфоровых заводов. Самый крупный из них – «Императорский фарфоровый завод» – тради-

ционно ориентировался на вкусы двора, товарные же линейки частных заводов (Гарднера, Батенина, Попова, Гулиных, Корниловых, Терехова, и множество других) отражали разные сегменты массового спроса, в сумме покрывающие все группы населения.

Но в 1830-е все заводы, как один (а «Императорский» – прежде всего), дружно ударились в откровенную «китайщину». А как было иначе – для китайского чая всем потребовались «китайские» чашки. А тут ещё как нельзя кстати из Франции подоспела вторая волна «рококо». Так что даже у Плюшкина в глухой провинции завёлся в хозяйстве «китайский фарфор» (вместе с «графинчиками» и «перламутровым бюро»).

Покажу лишь самую верхушку этого циклопического фарфорового айсберга. Образованного не только чашками – но и блюдцами, заварочными чайниками, сахарницами и просто статуэтками на стол – для создания соответствующего настроя. Сюжеты здесь в целом перекликаются с росписями фарфора «высокого шинуазри» – только они ещё более, что ли, карикатурные:

[Илл. 08-08-19-1. Образцы стиля «чайного шинуазри». Вся представленная посуда произведена в 1830-е годы на отечественных заводах: а) чашка, завод Корниловых, б) блюдце, завод Гарднера, в) блюдце, завод Гулиных, г) и д) чашки, завод Батенина, е) сахарница, завод Попова]



[Илл. 08-08-20-1. Аксессуары в стиле «чайного шинуазри» 1830-х годов: а) статуэтка, завод Гарднера, б) и в) вазы, Императорский фарфоровый завод, г) заварочный чайник, завод Батенина, д) заварочный чайник, завод Тереховых и Киселёва, е) статуэтка, завод Миклашевского]

Конечно, у фарфоровых заводов имелась и обычная продукция. «Чайное шинуазри» носило всё-таки ограниченный характер. Но оно имело свою уверенную область распространения – которую я и показал.

Бытовой фарфор, при всей его значимости, не являлся единственным пространством, где разворачивалось «чайное шинуазри». Поднявшуюся волну «интереса ко всему китайскому» попытались оседлать и те виды бизнеса, которые к чаю никакого отношения не имели. В частности, бизнеса журнального.

Издатели поступили по принципу: «Они хотят Китая? Они его получат!»

И в журналах косяком пошли публикации разнообразных «китайских материалов», преимущественно развлекательного толка. Реальной классики тут было не густо, но в сочном колорите этим публикациям не откажешь. Вот несколько навскидку, по песчинке от каждого года:

- 1821: «Китайские анекдоты» («Журнал департамента народного просвещения», 1821);

- 1826: «Гоа Тзиан», роман в стихах, краткий пересказ («Московский телеграф», 1826, ч. 11, № 18);

- 1827: «Три брата», сказка («Московский телеграф», 1827, ч. 17, № 20, октябрь, с. 173-202);

- 1828: «Обнаруженная клевета», сказка, фрагмент («Русский зритель», 1828, ч. I, № 3-4, с. 226-260);

- 1829: «Оставленная туфель в первый вечер новолуния» («Атеней»,1829, ч. 2, № 11, с. 453-457);

- 1830: «Китайский обед» («Вестник Европы», 1830, ч. 174, № 19-20);

- 1832: «Хао цю чжуань, Беспримерный брак», гл. 12 («Северные цветы», 1832, с. 86-109);

- 1834: «Китайский плутовской устав» («Библиотека для чтения», 1834, т. 4, отд. VII Смесь, с. 79-83);

- 1839: «Фаньсу, или Плутовка горничная» («Библиотека для чтения», 1839, т. 35, отд. II, с. 53-140);

- 1839: «Минь-Сянь-Дзы» («Сын Отечества», 1839, т. 7, январь-февраль, отд. II, с. 104-114);

- 1839: «Китайские анекдоты» («Сын Отечества», 1839, т. 12, отд. Известия и смесь).

Выглядело всё это на практике примерно так:

> Ванг-иуе-чинг и Куо-чуй, влюбившись друг в друга, обещались сойтись в каком-то храме в первый вечер новолуния. Молодой учёный пришёл первый в назначенное место, но выпивши слишком много вина, уснул. Молодая Ванг-иуе-чинг, пришедшая после, не могла его разбудить и, рассердившись на него, оставила в знак посещения её туфель, и ушла. Куо-чуй проснулся, и увидев туфель, в отчаянии хотел себя лишить жизни; но его предупредили и наконец он счастливо на ней женился.
>
> («Оставленная туфель в первый вечер новолуния», журнал «Атеней»,1829, ч. 2)

Или так:

> ***
> Я – Ми-Лашун, известный под именем пресноводного мандарина, то есть моя фамилия Ми, а имя моё Лашун. Пусть говорят, что угодно, а по-китайски никто лучше меня не пишет. Когда я сочиняю быль, или повесть, или роман, то вся Поднебесная Империя надивиться не может блеску моего слога, отборности моих букв, благозвучию моих фраз. Недавно сочинил я прекрасную повесть, под заглавием «Княжна Цинь-ская», и напечатал её на ясеневых досках. Удивительная повесть! А между тем <…> этот невежда Пху-Лалинь, книжных дел мастер, разругал её в своём листке за то, что я не напоил его рисовым вином.
>
> ***
> Меня зовут Бей-Миньджаном... Грамоте-то я превосходно знаю. Когда мне было пять лет, я уже проглотил тысячи две букв, а семи лет от роду свободно писал о предметах важных и совершенно проник книжную мудрость. Когда я, бывало, сочиняю стихи, то все мандарины и книжники наперерыв их списывают. Мне остаётся только отыскать траву «ши», которая растёт на могиле Конфуция, и я тогда буду первый мудрец в подсолнечной (так!): я разгадаю таинственное значение геометрических фигур, нарисованных природою на спине черепахи [то есть «Письмена из реки Ло»] что, как известно, есть верх философии.
>
> («Фаньсу, или Плутовка горничная», журнал «Библиотека для чтения», 1839, т. 35, отд. II)

Что ж? Есть теперь народу что выпить (в хорошем смысле), есть из чего, и есть что почитать. Все компоненты бытового счастья соблюдены. И даже сверх того – ещё на заре «чайного шинуазри» Павел Шиллинг изготовил типографский китайский шрифт высочайшего качества. Этот шрифт я уже как-то показывал, просто не стал тогда акцентировать на нём внимание. А вот теперь акцентирую.

А раз всё сложилось так замечательно, то чего бы «чайному шинуазри» не длится вечно? Но – нет.

Рост потребления чая в 1840 году не остановился, а даже ещё больше ускорился. Но именно это и вызвало, парадоксальным образом, сворачивание «чайного шинуазри».

Задача выведения продукта на новый уровень сбыта потребовала решительного изменения в позиционировании самого продукта и новой стратегии его продвижения. Чай не мог больше подаваться, как «редкий и экзотический колониальный товар», он стал отныне «исконным русским продуктом повседневного спроса». «Экзотика» больше не требовалась и была даже вредна – и «экзотику» убрали. Чай стал «чисто русским» напитком.

На этом «чайное шинуазри» естественным образом закончилось. На сцену вышел стилистически нейтральный гранёный стакан в подстаканнике.

Две «Опиумные войны» между Британией и Поднебесной поставили на этом деле окончательную точку. Как только британский флот перекрыл Великий канал, по которому шло снабжение императора деликатесами, и в воздухе отчётливо запахло капитуляцией – так тут же «северный сосед» Китая, чтобы не остаться за бортом, под шумок оттяпал у побеждённого весь левый берег Амура – от истока до устья. Китай больше с гламуром не рифмовался.

Как видим, век «чайного шинуазри» оказался недолог. Это явление не было возможно до 1810-х (потребителей чая было слишком мало), и оно перестало быть возможным после 1840-х (потребителей чая стало слишком много). Хорошо хоть Пушкина оно застало.

Итак, всё «русское шинуазри» продлилось в сумме более века и составилось из трёх характерных фаз – «пре-шинуазри» (1710-1740), «высокое шинуазри» (1740-1790) и «пост-шинуазри» (1820-1840).

Но так или иначе, всё это закончилось почти двести лет назад. И есть грустное ощущение, что от всего этого не осталось ровно ничего. «Китайская мода» лишь скользнула тогда по национальному сознанию, его не задев – и улетела в темноту далёкого космоса.

Конечно, всё это было весьма забавно – все эти «изыски» и «курьёзности», и милые человечки в широкополых соломенных шляпах с колокольчиками, как у жителей страны Оз.

Но чашки побились, ткани изветшали, благородная публика перешла на кофе. Что может быть нелепей, чем раскрашенный «китайский болванчик», продолжающий сторожить никому не нужный мост через замёрзшую царскосельскую протоку.

Но всё-таки есть, есть остаточные следы этого яркого поветрия, не всё в этом мире происходит зря. И следы эти не стёрлись, и не смогут уже стереться, поскольку оказались встроены прямо в базовые коды локального понятийного поля. Их немного, и они внешне не слишком заметны, но они есть.

И именно ради них я и затеял весь этот разговор о «русском шинуазри». Возникшим некогда с лёгкой подачи Спафария – и просвистевшим над страной, как ветер.

Огонь сатира

Согласно Поликандру-младшему («Полипсихотропа», IV:7), нимфа озёр и рек понесла на острове Венеры от местного сатира. Испугавшись гнева Зевса, виновник спрятался в дупле священного дуба. Но от огня, полыхавшего в его чреслах, дуб загорелся – а от него и вся священная роща. Пламя взметнулось выше Парнаса – и в его свете люди впервые увидели, сколь они неприглядны и жалки. А потому разгневанный Зевс превратил разжёгшего этот огонь сатира в тектонический разлом, вдоль которого проходит сейчас Суэцкий канал. Но чем беспрестанно выравнивать исходно кривую основу, лучше сменить пол – тем более, что сатира, о которой пойдёт речь, действительно яркая и пламенная. Так что зайдём с другого конца.

В Эль-Джумейре нету виски.
Месяц серебрит виски.
Здесь кончаются записки.
Начинаются пески.

Едешь, едешь меж барханов,
колокольчик – «дин-дин-дин».
Ананасы и бананы
доставляют с Филиппин.

Из Антверпена – брильянты,
из Шираза – виноград,
крашеных блондинок – с Ялты,
из Москвы – систему «Град»,

из Ахмадабада – дыни,
полны баржи огурцов.
Аравийская пустыня
огорожена с торцов.

А ты едешь средь барханов,
повторяя, чуть дыша:
«Лермонтов – лежит в Тарханах,
Герцен – похоронен в Каннах,
Кантемир – из крымских ханов…
а твоя-то где душа?»

Итак, значит, Кантемир (Антиох). Время: 1731. На дворе пышным цветом цветёт «пре-шинуазри».

А Кантемир, он ведь кто? Если в трёх словах – «отец русской поэзии». Это не я придумал. Так пророчески сказал Готлиб Байер.

«Пророчески», поскольку на момент его высказывания (1730), этой самой «русской поэзии» ещё и в помине не было, а Кантемир успел написать хорошо если половину своих знаменитых в будущем произведений. Но даже если бы он и написал всё что надо, то Байер, не знавший русского языка, всё равно вряд ли бы смог оценить масштаб явления. И тем не менее – он смог, что лишний раз под-

тверждает его собственную гениальность. Так что Кантемир, как есть, «Pater poesis Russicae» (Glasgow Univ. Lib., Hunter 211, f. 25v). И это ещё только 1730.

Вообще-то, тема отцовства в искусстве – тема скользкая. Если мать у поэзии одна, то отцов может быть сколько угодно. Поэзия обычно идёт волнами, и у каждой волны есть свой символ. Так, отцом «четвёртой волны» русской поэзии я бы назвал Вознесенского, «третьей волны» – Мандельштама, «второй волны» – Пушкина, а «первой волны» – да, Кантемира. Это при том, что есть ещё «нулевая волна» и «пятая», не говоря уж о массе промежуточных.

Но с другой стороны – «первая волна», она и есть первая. При всём уважении к остальным.

Теперь – как и что меряем. Для оценки столь зыбкой материи, как поэзия (для которой принципиально отсутствуют общепризнаваемые критерии) – для её оценки неплохо работает такой показатель, как «динамика средневзвешенного представления». То есть – временной срез усреднённого общечеловеческого понимания данного предмета. При этом не суть важно, откуда бралось данное понимание – важно, что на некотором отрезке истории его разделяло большинство человечества.

Хотя, признаться, меня всегда удивляло, что при оценке того или иного стихотворения люди панически боятся довериться собственному восприятию, а хотят сперва заручиться поддержкой какой-нибудь уполномоченной инстанции. Это при том, что стихи по самой своей сути являются вещью «прямого действия», а «уполномоченных инстанций» попросту не существует. И тем не менее. По поводу пирога с визигой все готовы сходу высказать своё мнение, а по поводу элегии – как-то сразу напрягаются и начинают отводить глаза, будто им предлагают решить диофантово уравнение. Люди явно ждут сторонней подсказки – и «динамика средневзвешенного представления» будет им как раз в помощь.

В качестве общечеловеческого стандарта знаний я буду здесь использовать все основные версии «Encyclopaedia Britannica», отражающие в сумме эволюцию человеческих представлений обо всех значимых предметах за последние двести пятьдесят лет истории. И вот что мы видим здесь касательно Кантемира (издания 10, 12 и 13 я опустил, как вспомогательные):

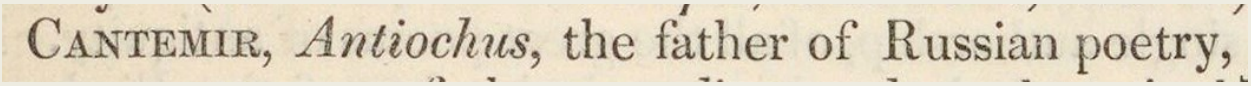
- 1778-1853: «Считается создателем русской поэзии » («Esteemed the founder of the Russian poetry», изд. 2, 3, 4, 5, 6, 7).

- 1854-1909: «Отец русской поэзии» («The father of Russian poetry», изд. 8, 9).

- 1910-1974: «Практически первый автор сатир в современной русской литературе» («Almost the first author of satires in modern Russian literature», изд. 11, 14).

- 1975-2005: «Первый светский поэт в своей стране и один из ведущих представителей её классической школы» («His country’s first secular poet and one of its leading writers of the classical school», изд. 15, последнее бумажное).

- 2006-наст. время: «Его называли «отцом русской поэзии» («Has been called «the father of Russian poetry», Wikipaedia).


CANTEMIR, *Antiochus*, the father of Russian poetry,

[Илл. 08-08-21-1. «CANTEMIR… the father of Russian poetry». «Encyclopaedia Britannica», издание 8, 1854, с. 197]

К данному общечеловеческому взгляду можно добавить внутреннее (русское) энциклопедическое понимание роли Кантемира:

- 1895: «Родоначальник современной нашей изящной словесности» («Брокгауз и Эфрон», т. 14, с. 322)

- 1981: «Один из основоположников русского классицизма в жанре стихотворной сатиры» («Советский энциклопедический словарь», с. 545)

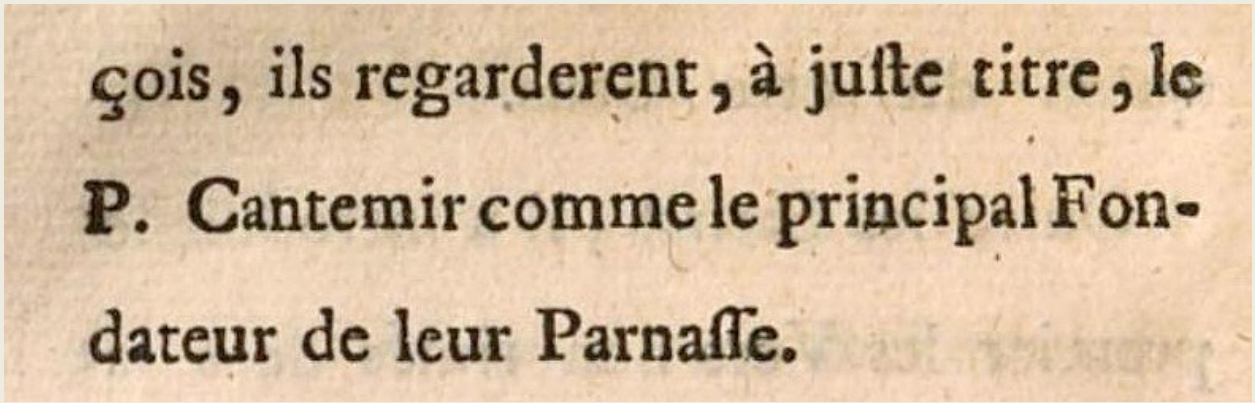
И ещё одно мнение – с одной стороны частное, но при этом чрезвычайно важное с учётом времени и обстоятельств его появления.

- 1749: «Русские рассматривают князя Кантемира, как главного основателя их Парнаса» («les Moscovites… regarderent… le Prince Cantemir comme le principal Fondateur de leur Parnasse», «Satyres…», с. 74)

Это – цитата из предисловия к самому первому изданию сатир Кантемира, вышедших сразу во французском переводе через пять лет после смерти поэта («Satyres de Monsieur le Prince Cantermir, avec l'histoire de sa vie», Londres, 1749). Местом издания указан Лондон, хотя есть основания полагать, что это была Гаага.

Особую пикантность публикации этих сатир во французском переводе придаёт то, что сами эти сатиры являются фактически переводом с французского сатир Буало. Однако поэтическая сила Кантемира оказалась столь велика, что породила обратный перевод и сделала его культурным событием.

А вот Петербургу потребовалось восемнадцать лет после смерти поэта, чтобы дозреть до публикации стихов «основоположника своей поэзии» (1762) – хотя его сатиры были здесь на устах у всех и каждого с самого момента их написания (сохранилось множество рукописных списков). Ещё одно очко в пользу версии отцовства.


çois, ils regarderent, à juſte titre, le P. Cantemir comme le principal Fondateur de leur Parnaſſe.

[Илл. 08-08-22-1. «Они [русские] рассматривают… князя Кантемира, как главного создателя их Парнаса». Фрагмент предисловия к самому первому изданию сатир Кантемира, вышедших сразу во французском переводе. «Satyres de Monsieur le Prince Cantemir», Londres, 1749, с. 74]

Об этих сатирах я ещё скажу, но вклад Кантемира в русскую цивилизацию ими не ограничивается. За разговорами о «зависти и гордости дворян злонравных» иногда забывают, что Кантемир наполнил русский язык словами. Вышло это случайно.

Ещё в юношеском по сути возрасте (20 лет), Кантемир взялся за перевод одной очень важной французской книги – которая, по всему, была ему не по зубам. А он, вместо того чтобы завязнуть в ней намертво, перевёл её одним махом (в течение лета 1730), причём перевёл блестяще.

Я говорю о книге Бернара Фонтенеля «Entretiens sur la pluralité des mondes» (1686), превратившейся у Кантемира в «Разговоры о множестве миров».

Для европейской цивилизации значение этой книги Фонтенеля трудно переоценить. Чем говорить, я лучше вкратце перечислю то, о чём в ней сообщалось, а вы уж сами решите. А сообщалось в ней ни больше ни меньше, как об устройстве всего нашего мира.

Короче, Земля – круглая. Она вращается вокруг собственной оси и вокруг Солнца. Остальные известные планеты (на тот момент пять) также вращаются с разными скоростями вокруг Солнца.

Наше Солнце – отнюдь не центр мироздания. Каждая из так называемых «неподвижных звёзд» – такое же солнце, как наше. Вокруг каждого такого «солнца» (то есть каждой звезды) вращаются собственные планеты. Которые, возможно, обитаемы.

Далее. Никакая звезда не является вечной и неизменной (и наше Солнце не исключение). Это проявляется в множестве разных наблюдаемых эффектов.

Некоторые звёзды имеют переменную яркость (автор имеет ввиду «мириды», хотя уже недалеко было и до обнаружения «цефеид»), некоторые звёзды неожиданно появляются а потом исчезают навсегда («сверхновые»), некоторые выглядят как «туманности» («области белизны», «blancheur»), но на самом деле представляют собой скопления неразличимых издали звёзд (Фонтенель поясняет это на приме-

ре Млечного Пути и Мальдивских островов, хотя на тот момент «Туманность Ориона» была уже также известна).

Более того – все звёзды в свой срок умирают. Но небо не опустеет никогда, поскольку одновременно формируются новые звёзды из распылённого звёздного вещества.

И самое, может быть, главное. То что мы видим на небе – это далеко не всё. Ещё больше звёзд находится за пределами нашего зрения, в невидимых пока глубинах космоса.

Ну, как вам всё это? Ничего особенного, говорите, каждый школьник это знает? Да, но только написано это было в 1686, когда ещё не так давно даже за меньшее сжигали. А Фонтенель за эту книгу был принят во Французскую академию, получил твёрдый оклад и стал почтенным членом общества. Времена изменились.

Определённо, изменились. Но только вот «времена» сами собой не меняются, их меняют конкретные люди. И Фонтенель – один из этих людей.

Сам он ничего, впрочем, не открывал. Положения, которые составили его книгу, были взяты им из работ Коперника, Бруно, Галилея, Браге, Декарта и множества других выдающихся учёных. Но кто когда читал книги учёных? А Фонтенель умудрился впихнуть все эти знания в книгу популярную, живую и увлекательную. Можно сказать «куртуазную».

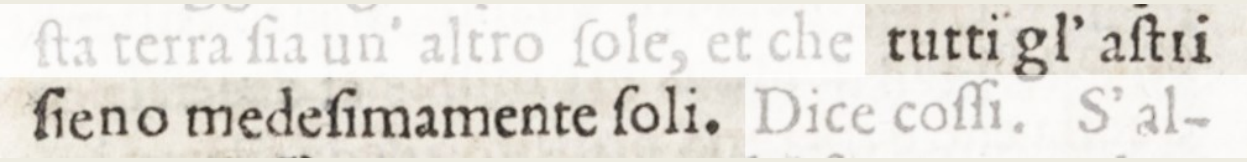
Герой книги – галантный кавалер, от имени которого ведётся повествование. Прекрасным летним днём он приезжает в гости к некой молодой маркизе в её загородное поместье – и засиживается там допоздна. Дневная жара сменяется вечерней прохладой и сладкая парочка выходит прогуляться в парк («promener dans le parc», что Кантемир почему-то переводит как «пошли мы в зверинец проходиться»). Небо усыпано звёздами, сияет луна, момент идеальный. Всё идёт к удачному разрешению интриги, но галантный разговор неожиданно обретает совершенно непредвиденное направление. Наш герой, изобретая очередной игривый комплимент, случайно употребляет некое слово. Само по себе слово совершенно безобидное, но оно почему-то цепляет внимание маркизы и она требует объяснений. Герой даёт задний ход, отнекивается, юлит, извиняется, пытается переиначить и зайти с другого конца – но ничего не помогает, маркиза непреклонна. Она непременно хочет знать. Так что герой хочешь-не-хочешь вынужден пуститься в объяснения – и объяснения эти, растянувшись на несколько вечеров, занимают всю оставшуюся часть книги, до последней строчки. Как говорит в другом месте всё тот же герой всё той же маркизе:

> Если ты хоть малое что позволишь полюбовнику, принуждена потом более позволить, и напоследок дело в даль зайдёт. Подобным образом, если ты дозволишь математику одно его начало, тот час он того произведёт следствие, которое ты принуждена будешь также дозволить; а из того следствия выведет другое, и так хоть бы ты не хотела, нельзя верить, сколь далеко тебя заведёт.
>
> (Фонтенель, «Разговоры о множестве миров» в переводе Кантемира, СПб, 1740, с. 141)

А слово, с которого всё началось, было вроде вполне нейтральное – «миры» («mondes»). Но его объяснение потянуло за собой целую цепь взаимосвязанных понятий. И маркиза глазом не успела моргнуть, как эти понятия выстроились в единую концепцию устройства мира. Да что там маркиза – эти фонтенелевские «mondes», «миры», дали зелёный свет кантовским «Welt von Welten», «мирам миров» (1755), проложившим в свою очередь заветную дорогу прямо к Острову мироздания.

Фонтенель не был первым, кто сообщил человечеству, что звёзды являются дальними «солнцами». За сто лет до него это сделал, в частности, Джордано Бруно (с известными последствиями) в своей книге «О Бесконечности, Вселенной и Мирах». Там автор от лица своего персонажа Эльпино высказывается вполне определённо:

> Все звёзды являются также солнцами.
>
> «Tutti gl' astri sieno medesimamente soli»
>
> (Бруно, «De l'infinito universo et Mondi», 1584, Dialogo Terzo, c. 75)


ſta terra ſia un' altro ſole, et che tutti gl' aſtri
ſieno medeſimamente ſoli. Dice coſſi. S' al-

[Илл. 08-08-23-1. «Все звёзды являются также солцами». Джордано Бруно, «De l'infinito universo et Mondi», 1584, c. 75]

Ради справедливости должен сказать, что герой Бруно (Эльпино) высказанную им мысль приписывает не себе, а Николаю Кузанскому. Ради ещё большей справедливости должен также сказать, что Николай Кузанский в указанном месте говорит несколько о другом, а именно – что Земля при взгляде на неё со стороны может теоретически выглядеть ярким (а не тёмным) объектом – и всё («Об учёном незнании», 1440, кн. 2, гл. 12).

Принципиальное отличие сообщения Фонтенеля от высказывания Бруно состоит в том, что высказывание Бруно – это лишь умозрительная конструкция, игра ума, а сообщение Фонтенеля – самосогласованная теория, подтверждённая целым рядом воспроизводимых экспериментов.

А вот рассуждения Фонтенеля по поводу обитаемости звёзд, планет, и особенно Луны – это как раз та самая «игра ума». Скорее даже – литературный приём, без которого книгу и читать бы никто не стал. Кому нужны слова без картинок, а Луна без лунатиков?

Для разгона, Фонтенель пересказывает своими словами историю посещения Луны одним из персонажей поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (1516). Чтобы помочь Роланду вернуть потерянный им от ревности разум, рыцарь Астольф отправляется на Луну. Она оказывается населённой и обжитой. Более того, города там застроены такими высокими зданиями, каких он не видывал ни до ни после («…case de le quai mai le più magne non vide», XXXIV:72). Что, кстати, совпадает с картиной лунных городов, которую мы видим и в «Незнайке на Луне» («Чем дальше шёл

Незнайка, тем шире становились улицы, выше дома, наряднее магазины и ярче огни реклам», гл. 9; «Контора… помещалась на третьем этаже восемнадцатиэтажного дома», гл. 13). Впрочем, рыцарю Астольфу некогда было вникать в тонкости лунного градостроительства. Он сразу же отправился на лунную свалку, на которой скапливалось всё то, что когда-либо терялось на Земле. Причём это были не столько материальные объекты, сколько такие деликатные материи, как «совесть», «время», «мечты» и тому подобное. К таким потерянным вещам Ариосто отнёс и «стихи, воспевающие владык» («versi ch'in laude dei signor si fanno», XXXIV:77). Астольф же подобным рефлексиям не предавался, а в бескрайних развалах быстро нашёл сосуд с утерянным «разумом Роланда» и благополучно доставил его на Землю.

Роланду, правда, это не сильно помогло. Похитительница его сердца (и ума), китайская принцесса с красивым китайским именем Анджелика, успела к тому времени бежать со своим любовником обратно в Китай, оказавшись таким образом вне досягаемости автора поэмы (и соответственно Роланда). Китай это вам не Луна.

Как и в поэме Ариосто, в книге Фонтенеля китайская тема присутствует отчётливо. А как могло быть иначе – во Франции уже вовсю бушевало «шинуазри». Есть в книге и фарфор («tours de porcelaines»), есть в ней и шёлк («ver à soie»). Но не фарфором и шёлком единым, есть в Китае вещи поинтересней и материи потоньше.

Исходно книга Фонтенеля состояла из пяти глав («Пять вечеров»), и в таком виде она благополучно выдержала четыре издания. Но затем возникли некие новые обстоятельства, которые вынудили автора добавить ещё одну главу, «китайскую».

Я неспроста в начале этого рассказа использовал термин «неподвижные звёзды». Именно так во все предыдущие века человечество называло собственно «звёзды». Данные эпитет был необходим, поскольку обычные планеты также считались «звёздами», только «подвижными». Таким образом, на небе имелись «подвижные звёзды» (планеты) и «неподвижные звёзды» (звёзды).

Неподвижность звёздного неба (вращающегося как единое целое с 24-часовым периодом) была вопросом принципиальным. Именно на этой «неподвижности» зиждились все космологические концепции. Звёзды были прибиты к божественной сфере – неподвижные и вечные. Отдельные факты, не укладывавшиеся в эту картину, считались исключениями, происками дьявола и в расчёт не брались.

Однако по мере всё более и более широкого вхождения в астрономический быт телескопов (середина XVII) подобные «исключения» становились всё более и более массовыми. И в какой-то момент произошёл качественный перелом. Звёзды, как стало наконец понятно, не такие уж «неподвижные» и «неизменные» – они меняют яркость, смещаются, исчезают и появляются – что потребовало кардинального пересмотра всей модели мироздания.

Публикация книги Фонтенеля пришлась как раз на это вдохновенное время – время, когда каждый новый факт переменчивости звёзд встречался научным сообществом с воодушевлением и поднимался на знамя.

Так вот, когда книга Фонтенеля уже выдержала четыре триумфальных издания, открылся сразу целый набор новых для европейских учёных фактов решительного непостоянства звёзд в далёком прошлом. Эти-то факты и побудили Фонтенеля к написанию новой главы.

Как нетрудно догадаться, факты эти стали известны здесь благодаря китайским хроникам, наконец-таки попавшим в Европу. Даю слово Фонтенелю:

> Я читал в одном сокращении китайского летописца по латински писанном. Там увидишь, что вдруг бесчисленные звёзды спадают с неба в море с великим шумом, или такие, что вовсе разрушаются в сделается из них дождь; и то не однажды видано в Китае: наблюдение то дважды мне попадалось в двух временах гораздо между собою расстоящих, не считая ещё звезду одну, которая спустившись к востоку лопнула, как ракета некая с превеликим звуком.
>
> (Фонтенель, «Разговоры о множестве миров» в переводе Кантемира, СПб, 1740, «Вечер шестой», с. 187)

Фонтенель не называет своего источника, но установить его было делом не слишком сложным. Помогла мне первая фраза приведённой выше цитаты, которая в оригинале начинается несколько по другому, а именно: «Je lisais l'autre jour dans un abrégé…». То есть – «Я читал НА ДНЯХ в одном сокращении… и т.д.».

Это «на днях» Кантемир в своём переводе опустил, а ведь оно даёт хорошую наводку. Фонтенель добавил шестую главу летом 1687. А непосредственно перед этим («l'autre jour»), а именно 28 мая 1687, в Париже вышла книга под редакцией Филиппа Купле «Confucius Sinarum Philosophus» (см. «Мост из радуги»), содержавшая более пятиста страниц самых разных китайских текстов, переведённых на латинский язык .

Данная книга никак не могла пройти мимо Фонтенеля. Она являлась хитом сезона и в Париже её читали все поголовно. Но сверх того, у Фонтенеля с этой книгой была ещё и связь, так сказать, по родственной линии.

Тут надо знать, что Фонтенель был родным племянником Пьера Корнеля, и одно время он даже жил в его доме в Париже. Соответственно, Фонтенель приходился племянником и Тома Корнелю. Который – правильно – являлся издателем и редактором журнала «Mercure galant». В сентябрьском номере которого был в том году опубликован не только отрывок из книги Купле (во французском переводе), но ещё и краткое описание путешествия Спафария в Китай через Сибирь (в редакции Венюкова-Абланкура). Так что Фонтенель, благодаря родственным связям, реально держал руку на пульсе всех парижских китайских новинок.

Теперь нам остаётся только внимательно перечитать книгу Купле и найти там те места, которые подвигли Фонтенеля на написание шестой главы. Рад их вам предъявить:

> ***
>
> Было замечено, как звезда упала в море, и тысячи других звёзд разлетались и падали с грохотом («Stella visa in mare delabi, quam millenae censcutae cum fragore»).

> («Confucius Sinarum Philosophus» под ред. Купле, 1687. Раздел «Tabula Chronoligica Monarchiae Sinicae», с. 77)
>
> ***
>
> В год появления кометы звезда также с громом рассыпалась дождём («Quo anno Cometa apparuit, stella item cum tonitru in pluviam refolvitur»).
>
> (Там же, с. 84)
>
> ***
>
> Звезда на востоке распалась («исчезла») со звуком («Stella versus ortum cum sonitu desiit»).
>
> (Там же, с. 82)
>
> ***
>
> Звезда упала с неба, земля вздрагивала от бесчисленных и ужасных сотрясений («Stella palam visa e caelo decidere, terra insiohtis motibus horrendum conuti»).
>
> (Там же. Раздел «Scientiae Sinicae. Liber Primus», с. 22. Комментарий к «Ta-Hio» f.9, p.2, §2)

Так китайские хроники, изданные Купле (1687), дали толчок шестой главе «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля (1687).

Эпизод со взрывающимися звёздами (а вместе с ним и всю книгу) Фонтенель заканчивает на высокой гносеологической ноте:

> Не много ещё времени минуло, как все наши философы думали... что небеса и все телеса небесные суть неистлеваемы, от всякой перемены свободны; а в то же самое время другие люди, на другом краю земли, видели, что звёзды… тысячьми разрываются.
>
> (Фонтенель, «Разговоры о множестве миров» в переводе Кантемира, СПб, 1740, «Вечер шестой», с. 187)

А начиналось-то всё так невинно. Одна прелестная блондинка (маркиза была именно блондинкой, «blonde», что специально оговорено автором), так вот – прелестная блондинка в тёмной аллее парка (а пусть бы даже и в зверинце) всего-то и попросила своего кавалера: «Научите меня вашим звёздам» («Apprenez-moi vos étoiles»). И вот результат – перед человечеством распахнулась бушующая пропасть космоса, где звёзды взрываются «тысячьми».

Книга Фонтенеля произвела фурор не только в Европе. Когда сорок три года спустя она добралась-таки, благодаря Кантемиру, до Петербурга (1730), она и здесь имела все шансы стать хитом. Правда, издатели дали рукописи вылежаться ещё десяток лет – но уж зато когда всё-таки напечатали (1740), то книга реально «выстрелила» и здесь. В 1756 её, одумавшись, всё-таки запретили (до кого-то, наконец, дошло), но и то ненадолго. Уже через пять лет «Разговоры о множестве ми-

ров» были не только снова разрешены, но и переизданы огромным тиражом (более тысячи экземпляров) – один-в-один по первому изданию.

Инициатором реабилитации и движущей силой переиздания книги Фонтенеля-Кантемира выступил никто иной, как Ломоносов. Оно и понятно – кому как не корифею науки было вступать в бой с воинствующим мракобесием. Сегодня запретят Фонтенеля, завтра – Ньютона, а там и вообще «дело в даль зайдёт». Но кроме чисто профессионального мотива («ничего личного, только бизнес»), у Ломоносова в этом его заступничестве за перевод Кантемира было ещё нечто как раз «очень личное».

У всех великих людей бывает в жизни особый острый момент. Назовите это «откровением», или «озарением», или «просветлением», да хоть «метамфетамином» – суть при этом одна: человек получает, причём «из ниоткуда», мандат на противостояние всему остальному человечеству. «Десять миллиардов не правы, а я прав!» И это (и только это) даёт силы для действий, которые в случае удачного стечения звёзд могут привести к успеху.

У Ломоносова такой момент был в 1743. Всё шло наперекосяк. Ему уже тридцать два, перевал жизни пройден, дальше только спуск – а он только-только перестал быть «вечным студентом». И хотя он вроде-бы получил должность «адъюнкта», но, похоже, скоро потеряет и её. За злостное хулиганство в государственном учреждении он в том году восемь месяцев проводит под арестом в ожидании суда, от которого не ожидается ничего хорошего. Зарплату ему не платят, денег нет. Да и с самим выбором жизненного пути он никак не может окончательно определиться. Кто он – литератор? химик? риторик? горных дел мастер? стекольщик? А в августе он ещё и заболевает. В довершение ко всему в Петербурге объявляется его законная жена, от которой он благополучно сбежал пару лет назад. И вот нашла-таки. Короче, всё плохо.

Но в один прекрасный день (точнее, ночь) с ним происходит нечто – и жизнь Ломоносова начинает стремительно идти в гору. Он перестаёт пить. Смиряется с наличием жены. Практически не дебоширит. И, главное, он наконец определяется. Из всех лежащих перед ним туманных путей он выбирает науку.

И уже через полтора года – он полный профессор. Достижения сыплются, как из рога изобилия, одно открытие теснит другое. Вот он уже патриарх науки. Вот он уже статский советник. Вот он уже отставляет от себя Академию и приставляет её, если захочет, обратно. Вот он уже поучает венценосцев. Если и дальше так пойдёт, то его именем, глядишь, что-нибудь даже назовут.

А толчок всему этому дало то самое исходное событие, произошедшее в 1743. В какой точно день оно произошло мы не знаем. Но в чём оно заключалось – знаем как раз хорошо. Поскольку Ломоносов это детально описал, в цветах и красках.

Однажды вечером ему «открылась бездна, звезд полна; звездам числа нет, бездне дна». И было там «разных множество светов» (читай: миров).

Испытанное Ломоносовым мистическое переживание имело следствием практические действия. Он сделал, наконец, свой выбор. Впрочем, у него и выбора-то особого не было – от предложений, исходящих от таких инстанций, не отказываются.

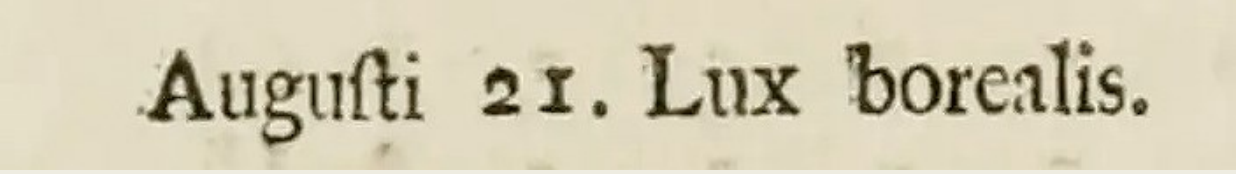
Тот пронзительный момент «откровения» будет стоять у Ломоносов перед глазами до самого конца жизни. И хотя прямо он о нём больше не говорит – шила в мешке не утаишь.

Так случилось, что «откровение» произошло в тот момент, когда Ломоносов разглядывал на небе «северное сияние». Данный факт он честно отразил в своём тексте, снабдив его подзаголовком: «При случае великого северного сияния». При этом мощь «откровения» была такова, что его аура перекинулась и на данное «северное сияние», а через него – и на все прочие «северные сияния», которые с того момента заняли исключительное место в сознании Ломоносова. Ключевое слово здесь – «с того момента», поскольку «до того момента» Ломоносов был к северным сияниям совершенно равнодушен (с раннего детства он видел их постоянно). А вот «после того момента» он сделался их реальным фанатом. Это чётко зафиксировано в его собственных записках – как всегда кратких и ясных:

> Родившись и жив до возраста в таких местах, где северные сияния часто случаются, не без сожаления воспоминаю, что не мог пользоваться внимательным наблюдением… Причина тому первая, что ради привычки частое и почти повседневное их (п)оказание редко возбуждает в тамошних жителях внимание.
>
> [Но начиная] с 1743 года редко пропущено мною северное сияние… без записки.
>
> (Ломоносов, «Испытание причины северного сияния…», подготовительные материалы к книге, 1764. Кн. 1, гл. 1, §1-2)

Теперь, кстати, мы можем попытаться установить точную дату «откровения» Ломоносова. Одним из профессоров, подписавших жалобу на его хулиганство (на основании которой Ломоносов и оказался под стражей), был профессор Георг Вольфганг Крафт (в целом относившийся к Ломоносову неплохо, однако не к таким его выходкам). Так вот, Крафт оставил нам журнал «северных сияний», наблюдавшихся в Петербурге в течение всего 1743 («Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», т. XIV, с. 248-249). Всего их за год было девять.

Давайте посмотрим. Под стражу Ломоносов был взят 28 мая 1743, а вышел на свободу только 18 января 1744 (всё – по старому стилю). На всё время этой его отсидки приходится только два «северных сияния» из девяти зафиксированных, а именно – 21 августа и 13 ноября. При этом, согласно Крафту, 13 ноября сияние было слабым и едва пробивалось сквозь облака («Vestigia lucis borealis inter nubes paullo diuisas»), а в описании «откровения» Ломоносова фигурирует определённо чистая, ясная ночь. Таким образом, наиболее вероятной датой «откровения» является 21 августа (1 сентября по новому стилю, «День знаний») 1743.


Augusti 21. Lux borealis.

[Илл. 08-08-24-1. Запись академика Крафта о «северном сиянии» («Lux borealis») 21 августа 1743. Журнал «Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», т. XIV, с. 249]

Данная дата хорошо согласуется с общими обстоятельствами дела. Из-за начавшейся болезни, Ломоносов был переведён, в качестве послабления, под домашний арест именно в августе. Так что, с одной стороны, болезнь ещё больше усилила его психическое напряжение (расчистив тем дорогу для «откровения»), а с другой стороны – смягчение режима и перевод на квартиру сделали созерцание вечернего неба физически возможным.

Два слова о механике явления. Сам вид «северного сияния», имевшего место 21 августа 1743, сыграл, очевидно, известную роль в провоцировании «откровения» Ломоносова. Но эту роль не следует переоценивать. Данное «сияние» видели в тот день десятки тысячи людей, если не сотни тысяч. И почему-то никто из них, кроме Ломоносова, не испытал на себе касания небесных крыл. Очевидно, что была ещё какая-то компонента «просветления», при этом – ключевая.

Так ведь же вот она, эта компонента. Просто сравним слова из книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» в переводе Кантемира – и слова из стихотворения «Вечернее размышление о Божием величестве» Ломоносова, где описано его «откровение». Хочу особо подчеркнуть: на Ломоносова воздействовали не только мысли Фонтенеля, но и конкретные слова Кантемира. В скобках указаны номера страниц книги (1740) – и номера строк стихотворения (1743).

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Небо блистающее неисчетным числом огней (146).

ЛОМОНОСОВ: Звездам числа нет (6)

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Сему своду дана гораздо большая глубина и бесконечное протяжение (138).

ЛОМОНОСОВ: Открылась бездна (5). Бездне [нет] дна (6).

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Бесчисленные иные солнцы (146)

ЛОМОНОСОВ: Несчетны солнца там горят (15)

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Звёзды суть солнца, из которых всякая целому миру светит (9).

ЛОМОНОСОВ: Там разных множество светов [миров] (14).

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Есть ещё другие… звёзды, кроме тех, которые ты видишь (144).

ЛОМОНОСОВ: И что малейших дал(ьш)е звезд? (46)

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Ты мне предлагаешь… некую перспективу так долгую, что зрение не может сягнуть края её (138).

ЛОМОНОСОВ: Скажите ж, коль пространен свет [мир]? (45)

***

ФОНТЕНЕЛЬ-КАНТЕМИР: Жители планет прочих… в таком множестве миров (139).

ЛОМОНОСОВ: Там разных множество «светов» (14), народы там… (16)

Когда именно мог Ломоносов ознакомиться с данной книгой? Он вернулся из-за границы в январе 1741. А книга Фонтенеля в переводе Кантемира вышла буквально накануне (1740), так что была не только на слуху, но и легко доступна. Вроде бы, Ломоносов должен был, изголодавшись по русским книгам вообще, жадно накинуться на чтение.

Однако, первое время по приезде ему было не до куртуазных книг, надо было срочно устраивать заново свою жизнь в новом месте. Как мы видели, этот хлопотный период растянулся на два года. А потом произошёл арест.

И вот там-то Ломоносову только и было что делать, как читать. Все остальные его привычные занятия сделались разом невозможны («Отлучен будучи от наук, а особливо от сочинения полезных книг и от чтения публичных лекций… искренняя моя ревность к наукам в упадок приходит» и т.п. Доношение в Академию наук от 23 июня 1743). Особенно же расширились возможности по чтению после перевода Ломоносова под домашний арест, на его собственную квартиру с личной в ней библиотекой. И здесь-то и должен был сработать в полную силу эффект «отложенного спроса», когда ударными темпами навёрстывается всё ранее упущенное.

Так что, опять-таки, наиболее вероятным временем прочтения Ломоносовым книги Фонтенеля-Кантемира был август 1743, то есть непосредственно перед «откровением».

А теперь суммируем. Ментальная реакция в голове Ломоносова протекала, судя по всему, по следующему сценарию. Сначала он увидел внутренним взором глобальную картину мира, явленную в тексте (прочитав книгу), а потом увидел ту же самую картину воочию (выглянув в окно). Две эти компоненты, сложившись, и произвели на свет то самое «откровение», со всеми вытекающими. Фонтенель, кстати, был тогда ещё жив. Кантемиру оставалось жить 222 дня.

Перевод Кантемира «Разговоров о множестве миров» царил на русскоязычных просторах на протяжении целых двухсот сорока лет (что для перевода нереально

много) – до тех пор, пока не появился современный перевод Сесили Шейнман-Топштейн, наконец-то вернувший действие книги из «зверинца» в «парк» («Рассуждения о множественности миров», в составе сборника: «Б. Фонтенель. Рассуждения о религии, природе и разуме», 1979, с. 68-172).

Понятно, что за это время книга Фонтенеля из «острия науки» перешла в разряд «истории науки» (не сделавшись от этого менее интересной, а может даже и наоборот). Но это что касается изложенных там идей. Что же до слов, произведённых Кантемиром в ходе его работы над переводом, то они сейчас, спустя триста лет, живее, чем когда бы то ни было. Я говорю вот о чём.

Приступая к работе над переводом, двадцатилетний Кантемир столкнулся с неразрешимой, на первый взгляд, проблемой. Книга Фонтенеля оказалось сплошь соткана из понятий, каких в русском понятийном пространстве просто не существовало.

В подобных случаях в принципе возможны следующие варианты. Можно оставить всё как есть, переложив проблему на будущее поколение (а до тех пор «mathématicien» так и писать «mathématicien»). Можно записать незнакомое иностранное слово русскими буквами согласно его звучанию (в данном случае это станет «масематисьян»). Можно иностранное слово просто транслитерировать в лоб («матхематисиен»). А можно изобрести что-нибудь новенькое в национальном духе (типа «счислитель» или «цифрочёт»).

Кантемир выбрал пятый путь, оказавшийся самым продуктивным. Беря за основу транслитерацию, он в каждом отдельном случае переделывал её так, чтобы получившееся слово хорошо ложилось на русский язык. Так что в данном конкретном примере у него получался наш современный «математик». Речь здесь идёт именно о человеке, а не о науке. Для обозначения же науки Кантемир предложил другое наше слово «математика».

И таких слов, введённых Кантемиром в наш языковый оборот, в том его переводе видимо-невидимо. Сейчас эти слова кажутся совершенно естественными, но на тот момент все они являлись чистыми неологизмами, придуманными двадцатилетним переводчиком.

Само собой, каждое такое слово требовало детального разъяснения. Как результат, перевод Кантемира разбился на две части, практически равноценные: собственно перевод текста Фонтенеля – и комментарии Кантемира к нововводимым им словам. Таких комментариев в его переводе насчитывается сто шестьдесят два. Не могу отказать себе в удовольствии привести хотя бы некоторые из них. Все эти слова на тот момент были неведомыми и диковинными. Даю их в алфавитном порядке (в скобках указаны номера соответствующих комментариев):

> ГЛОБУС (72). Тело со всех сторон круглое, каков есть мяч; по-русски «пуля».
>
> ИДЕЯ (10). Начертание предлежащей вещи, которая в уме нашем изображается через чувство, или через другой какой образ разумения.
>
> КАРТА (108). Чертёж, в котором земля какая описана.

КОМЕДИЯ (24). Живое изображение какого простого и смешного действа к исправлению нравов и к увеселению смотрителей.

МАТЕМАТИК (53). Тот что знает «математику». Есть же «Математика» наука, которая учит всему тому, что исчислять и мерять можно.

МАТЕРИЯ (13). Разные значения имеет. [В том числе] То, из чего вещь какая сделана (вещество).

МАШИНА (29). Собрание многих частей деревянных, железных или другого какого вещества, <…> что можно теми прибавить или убавить силу движущую.

МЕТАФИЗИКА (2). Даёт нам знание сущего в обществе, и о сущих бесплотных, каковы суть душа, духи и Бог. Она же «Преестественница».

НЕПРОЗРАЧНЫЙ (117). Тело такое, сквозь которое свет проходить не может.

ОКЕАН (105). Большое море, которое всю землю со всех сторон окружает.

ПЕРСПЕКТИВА (135). Здесь значит такое расположение вещей, что зрение наше в великой дальности видит, но убавляется всегда их величина и ясность, сколь далее от глаз отстоят.

ПОЕМА (86). Стихотворная повесть Ариостова.

СИСТЕМА (7). Изобретённый закон или правило, по которому вещи какой причину и действия все с околичностями оных изъяснить можно.

ТЕАТР (27). Место, где комедианты стоя изображают действо своё.

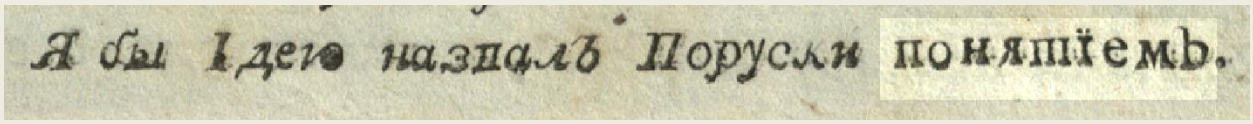
ФИЗИКА (2). Учит познавать причину и обстоятельства всех естественных действий и вещей. Она же «Естественница».

ЧАСЫ (38). Тут не время часовое значит, но машину, которая часы показывает.

ЭЛЕГИЯ (23). Род стихотворного сочинения, которым описуются печальные или полюбовные дела.

Следующую позицию я хочу дать отдельно. Похоже, что именно Кантемир ввёл в наше понятийное пространство понятие «понятие». Хотя слово такое в употреблении было и до него, но оно использовалось исключительно в значении «понять», «уразуметь» что-либо. А после Кантемира оно стало обозначать одно из самых фундаментальных понятий:

Я бы «идею» назвал по-русски ПОНЯТИЕМ (10).


Я бы Ідею назвалъ Порусски понятїемъ.

[Илл. 08-08-25-1. Введение Кантемиром в русский обиход понятия «понятие». «Разговоры о множестве миров», 1740, подстрочный комментарий на с. 7 «Авторова предисловия» (не нумеровано)]

Скажу, чтобы уж совсем было понятно: сейчас мы все говорим словами Кантемира. Так что стихи стихами, но если на одну чашу весов положить все его великолепные сатиры, а на другую – введённые им в русский язык слова, я даже и не знаю, которая из этих чашей перевесила бы.

Хотя нельзя исключить, что перевесили бы всё-таки сатиры. Слова ведь ценны не сами по себе, а результатом своего функционирования. Сатиры же Кантемира фактически породили всю русскую поэзию. Которой, напомню, Кантемир считается («has been called») биологическим «отцом».

Всего этих сатир девять. И все они были впервые изданы на языке оригинала лишь через восемнадцать лет после смерти автора, в 1762. Возможно, свою роль в этом прорыве сыграл факт переиздания годом ранее (после периода запрета) кантемировского перевода «Разговоров о множестве миров». Какие-то плотины в головах каких-то чиновников были этим разрушены – и Кантемир сделался «печатабельным».

Кстати, здесь опять видна рука Ломоносова, даже две. Во-первых, сатиры были напечатаны в типографии Академии Наук, где Ломоносов распоряжался тогда, как у себя дома. А во-вторых, сборник Кантемира был составлен любимым учеником Ломоносова – Иваном Барковым (тем самым), который написал также к нему и своё предисловие, в высшей степени цензурное.

Впрочем, и до этой публикации Баркова, сатиры Кантемира были известны всем и каждому, так как широко ходили в списках. Сейчас нам в первую очередь будет интересно наличие в них «китайского следа», порождённого эпохой «пре-шинуазри».

След такой есть. Перейдём сразу к цитатам.

***
Как войско расположить, как раскопать шанцы,
Столь дико тебе, как нам – китайские танцы.

(Кантемир, 2-я сатира, ранняя редакция, ст. 150)

***
Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая
Пойло, что шлёт Индия иль везут с Китая

[Примечание Кантемира:] «Везут с Китая». Сиречь чай. Всем известно же, что лучший чай (пахучий и вкусный листок древа, так называемого)

приходит из Китая и что, того листика вложив щебень в горячую воду, вода та становится, приложив кусок сахару, приятное пойло.

(2-я сатира, ст. 142 и комментарий к ней)

***

Когда в чём барыш достать надежда какая,
И саму жизнь [Хрисипп] не щадит. Недавно с Китая,
С край света прибыв, тотчас в другой уж край света
Сбирается, несмотря ни на свои лета.

[Примечание Кантемира:] «Недавно с Китая». Китай, по-европейски Хина, La Chine – великое и богатое государство, российскому смежное и царству Сибирскому.

[Примечание моё: Прототипом «Хрисиппа» являлся насомненно Рагузинский]

(3-я сатира, ст. 22 и комментарий к ней)

***

Сегодня услышал, что караван с Китая
Прибыл, в нём фарфорная посуда драгая
Множеством привезена…

(3-я сатира, ранняя редакция, ст. 25)

Сего дня Услыша Что Караванъ с Китая
Прибылъ, внемъ фарфорная Посуда драгая

[Илл. 08-08-26-1. «Караван с Китая…в нём фарфорная посуда драгая». Рукописная копия первых пяти сатир Кантемира в начальной редакции, 1733. ОР РНБ, F.XIV.3, с. 54]

Однако, всё это ещё не говорит о реальном влиянии китайской культуры на стихи Кантемира. Это говорит лишь о зорком глазе поэта, запечатлевшем характерные приметы своего времени, а именно – эпохи «пре-шинуазри» (речь, напомню, о 1730). Но вот следующая позиция интересна по-настоящему.

Всего у Кантемира было девять сатир. Это не так мало, как кажется. Сатиры у него – это большие произведения, в среднем по триста строк каждое. По объёму это фактически поэмы. А девять поэм – это будь здоров сколько, не у каждого поэта наберётся.

Из девяти означенных сатир не все, впрочем, равноценны. Для начала, их можно разделить на две большие группы. Первые пять сатир были написаны в Москве за два первые года стихотворчества (1729-1731), буквально на одном дыхании. После чего у Кантемира следует большой период творческого молчания (начиная с момента его отъезда за границу). И только через несколько лет он начинает понемногу «оттаивать» – и в конце концов Муза к нему постепенно возвращается. Происходит это далеко не сразу: первое время вдохновения хватает лишь на то, чтобы перерабатывать свои прежние сочинения (Кантемир полагает, что новых сатир уже не будет). Но мало-помалу он втягивается. Короче, ему удаётся написать ещё четыре сатиры.

Однако «свежесть и порыв» начального периода воспроизвести уже не удаётся. Последние четыре сатиры получаются хоть и вполне профессиональными, но литературным событием они не становятся. Отведённый Кантемиру запас поэтического топлива был, как видно, полностью сожжён на первых пяти сатирах.

Смотрим дальше. Пять первых сатир в свою очередь также не однородны. В данном случае не важно, какие из них больше нравятся лично мне – по совокупности параметров последнюю сатиру (5-ю) следует рассматривать, как итоговую. Во-первых, она хронологически завершает «золотой этап» творчества Кантемира, и с этой точки зрения является его «вершиной» («зрелая стадия наивности»). Во-вторых, это самая большая и самая содержательная сатира из всех. Но, главное, 5-я сатира решительно возвышается над всеми предыдущими по уровню заявленной в ней темы.

У Кантемира каждая его сатира посвящена осмеянию того или иного человеческого недостатка. Так, 1-я сатира клеймит «невежество», 2-я – «заносчивость», 3-я – уже целую группу пороков («жадность», «сластолюбие» и так далее). 4-я сатира, правда, несколько выбивается из этого ряда, она – о неблагодарности такого занятия, как стихосложение. Но это чисто профессиональное; что называется, нагорело (вспомним Ювенала).

И вот после этой небольшой паузы появляется 5-я сатира. Её замах впечатляет. Она выносит обвинительный приговор ни больше ни меньше, как «человечеству в целом». Человечеству, как популяции, как биологическому виду.

Называется эта сатира подобающе: «На человека» (здесь и далее речь о первой, исходной версии сатиры). Содержит она более трёх тысяч слов, но если свести всё это к одной фразе, то прозвучит она так: «Главная болезнь на Земле – человек».

Не удивительно, что с такими параметрами 5-я сатира стала олицетворением всей поэзии Кантемира, в каком-то смысле её вершиной.

Впрочем, при всей свой грандиозности, великолепии и неподражаемости, 5-я сатира была тоже не без некоторой, скажем так, специфики. Если называть вещи своими именами, то она была полностью заимствованной. Практически целиком 5-я сатира Антиоха Кантемира была срисована с 8-й сатиры Николя Буало, включая название («Sur l’homme», «На человека»).

Не думаю, что сейчас имеет смысл подробно разбирать степень этого «заимствования». В целом оно укладывается в диапазон от «вольного перевода» до «авто-

ризованного пересказа». Все свои темы и посылы Кантемир берёт у Буало напрямую, но иллюстрирующие примеры он иногда изобретает собственные. А так – в его тексте мы видим и образцы «локализации» («clercs» и «procureurs» становятся у него «стряпчими» и «дьяками»), и примеры дословного перевода («муравей» у него теми же самыми словами запасается зимой «богатствами Цереры», «медведи» у него также не воюют с другими медведями, а животные у него также не поклоняются отлитым из металла «идолам»).

Впрочем, подобная практика воспринималась тогда спокойно (вспомните Спафария с его «Описанием Китая»). Да Кантемир данный источник своей сатиры и не скрывает. Наоборот, выпячивает:

> Сатирик наш (Кантемир пишет о себе в третьем лице) <…> написал сию сатиру, которая почти вся сделана на подражание Боаловой сатиры VIII-й <…> в августе месяце 1731 года.
>
> (Послесловие Кантемира к первой редакции 5-й сатиры)

Так что с этим всё нормально. Ко времени написания Кантемиром своей 5-й сатиры (1731) 8-я сатира Буало литературной новинкой не являлась. Она гремела в Париже ещё тогда, когда не то что сам Кантемир, но даже и его отец не появился ещё на свет. В-общем, это была классика.

И это было хорошо. Классика – это всегда хорошо. А собственные отечественные стихи по классике – ещё лучше. Главное, чтобы работало.

А оно работало. Человечество, правда, тогда одномоментно не самоуничтожилось, проникшись аргументами Кантемира – но работа в правильном направлении была продолжена с новой силой.

Выше я сказал, что 5-я сатира Кантемира была полностью заимствованной у Буало. Это не совсем точно. Полностью, да не полностью. Есть там место, не имеющее никаких аналогов в тексте-прототипе. Располагается оно практически в начале сатиры, сразу после формального зачина. Условно обозначу этот фрагмент (строки с 21 по 74), как «фрагмент-А».

Согласно теории «Самоорганизующихся текстовых сред» (СТС), художественные тексты, как сложноорганизованные системы, обладают способностью к саморазвитию. В первую очередь это относится к стихам. В которых, в рамках СТС, можно выделить одну или несколько «точек роста», которые и запускают процесс выстраивания всего остального текста. Если такая «точка» одна, то стихотворение растёт линейно, если их несколько – формируются отдельные самостоятельные кластеры, срастающиеся затем в единый текстовый массив.

Так вот, «фрагмент-А» по всем признакам являлся для 5-й сатиры такой начальной «точкой роста», то есть своеобразным катализатором появления всего этого произведения. Смотрите. Фрагмент располагается в начале сатиры, он достаточно автономный и при этом пространный (более 1/9 части всего текста), он единственный во всей сатире полностью оригинальный (в смысле авторской принадлежности), а кроме того – он самый яркий и вдохновенный во всём произведении, тщательнее всего прописан и отмечен самыми выпуклыми и сочными образами.

Более того, когда шесть лет спустя Кантемир полностью переделает данную сатиру (вдвое увеличив и так большой объём, и практически не оставив при этом не единого старого слова) – единственное, что он сохранит от прежней версии, будет «фрагмент-А». Который: а) он сохранит целиком, слово в слово, б) расположит его опять в ключевом месте (на этот раз в ещё более важном – в самом конце).

Суть же «фрагмента-А» такова – человек всеми силами старается сменить своё текущее состояние – не понимая при этом, что новое состояние скорее всего подойдёт ему ещё меньше.

Купец хочет быть судьёй – но едва став им, начинает завидовать прежней своей жизни с высокими доходами и отсутствием сомнительных служебных обязанностей. Крестьянин завидует солдату (отсутствию у того бытовых забот), но попав в армию, плачет по прошлой крестьянской (относительно вольной) жизни. Монах, желавший вкусить высших плодов «святости», теперь жалеет, что дал обет безбрачия и аскезы – и завидует «белым» священникам (с попадьями, богатым столом и общим комфортом).

Все эти истории сводятся к одному – только вовремя остановившийся в своих метаниях человек оказывается на своём правильном месте.

«Фрагмент-А» никоим боком, повторюсь, не происходит от 8-й сатиры Буало. А тогда – от чего же? Давайте посмотрим по сторонам.

На дворе у нас лето 1731. А совсем незадолго перед этим, весной 1731, вышла в свет книга Байера «Museum Sinicum» (в выходных данных ошибочно указан 1730, но реально это начало 1731).

То, что подобная книга вообще оказалась включена в издательский план Академии Наук – вещь сама по себе сюрреалистическая. И объяснение этому только одно – «пре-шинуазри». Набирающая силу мода на «всё китайское» сделала невозможное возможным – и диковинный «Museum Sinicum» издали.

А там имелось кое-что как будто специально для Кантемира.

Похоже, что Кантемир был одним из первых, кто получил эту книгу от Байера. Что, впрочем, не удивительно, поскольку связь между ними на тот момент была чрезвычайно тесной. Кантемир был учеником Байера, причём учеником любимым. У них как раз в это время был в работе совместный большой проект (Байер, по просьбе Кантемира, готовил к печати книгу его отца). Они состояли в активной переписке. Оба открыто признавали таланты друг друга.

> ***
> Если я редко пишу Тебе, славнейший муж, то не приписывай это моей нерадивости. Ведь я так люблю Тебя и мне доставляет величайшее удовольствие делать то, что, как я знаю, сколько-нибудь Тебе приятно.
>
> (Письмо Кантемира к Байеру от 16 июля 1730, оригинал на латыни. Архив АН, ф. 784, оп. 2, д. 3, л. 50)
>
> ***
> Кантемир <…> – отец русской поэзии.

(Байер, рукопись 1730, оригинал на латыни. Glasgow Univ. Lib., Hunter 211, f. 25v)

Да что говорить. Свой недавний перевод книги Фонтенеля, выполненный летом 1730, Кантемир посвятил фактически Байеру (формально это звучало так: «Императорской Академии Наук <…> в знак своего благодарства за полученное от ея мудрых членов воспитание и наставление, сей перевод усердно приносит и посвящает князь Антиох Кантемир»). «Мудрый член Академии» здесь – это, конечно, Байер.

Свой экземпляр книги «Museum Sinicum» Кантемир хранил всю свою жизнь, во всех своих переездах. Этот двухтомник значится в описи его личной библиотеки, сделанной в Париже сразу после его смерти («La Description des livres [de Prince Cantemir]», опубликовано в сборнике «К биографии князя А. Д. Кантемира», Варшава, 1896), где означенная книга, благодаря описке, забавным образом превратилась в «Baieri, Musaeum graecum, in 8, Petropoli, 1730, 2 t.» (№ 422 «Описи»).

О фундаментальной книге Байера «Museum Sinicum» я уже немного рассказывал (эпизоды «Последний герой», «Шесть девяток» и другие) – в связи с материями самыми серьёзными.

Но есть там глава, посвящённая материям не самым серьёзным, а именно – китайской «изящной словесности» (том 1, книга 2, глава 5 «De Eloquentia»).

И вот там-то, в разделе «китайской поэзии» (разделы 3 и 4 «Poesis Sinensium»)., Кантемир (сам новоявленный поэт) и увидел некие слова из древнего китайского стихотворения. Эти слова Байер приводит и в оригинале (иероглифами), и в фонетической записи (транслитерация латиницей), и в собственном переводе (на латинский). Ограничусь здесь последним вариантом, как наиболее доступным Кантемиру. Так вот, там значилось следующее:

In statione (consistendo) ostendit se decere stationem.

(Байер, «Museum Sinicum», т. 1, с. 132)

То есть:

Остановившийся вовремя оказывается на своём месте.

Это было попадание в самую точку. В самый центр нерва. Именно эта проблема была как никогда остра для Кантемира в тот момент – в силу личных его обстоятельств. Предыдущие три года он только и делал, что «прыгал с места на место». Сначала он был «учёным», потом «военным», потом «поэтом» и вот теперь (в середине 1731) ему предстояло снова переменить судьбу и стать записным «госслужащим» (карьерным дипломатом). Так что указанные слова из «китайского стихотворения» ему определённо «зашли».

Как результат прочтения Кантемиром этой «триггерной фразы» – появляется «фрагмент-А» (включающий, кстати, и такие слова: «А теперь – чёрт, не житье: волочись по свету», ст. 61), а уже этот фрагмент, в качестве «точки роста», тянет

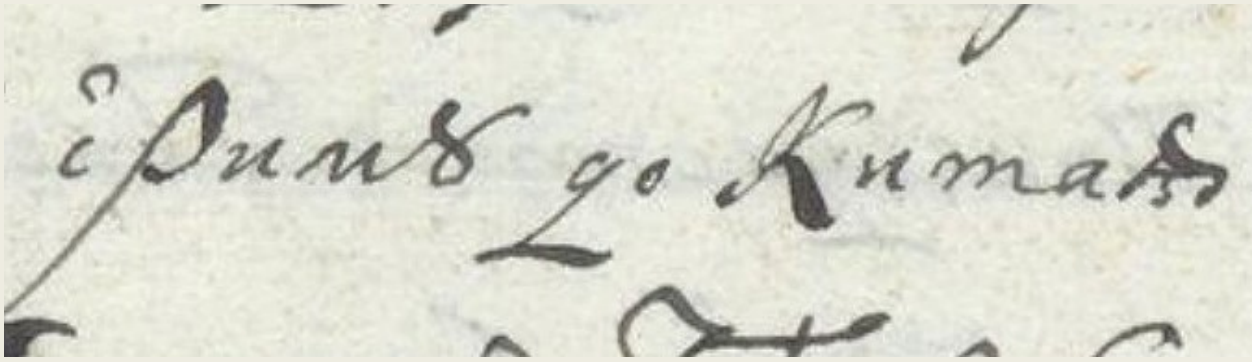
за собой и всю остальную 5-ю сатиру. Которая окончательно делает Кантемира «отцом русской поэзии». Amen.

[Илл. 08-08-27-1. Слева: «триггерная фраза» в оригинале: «Остановившийся вовремя оказывается на своём месте» (читаем сверху вниз). Справа: «Жёлтая птица в лесистых горах чувствует себя безопасно и комфортно». Байер, «Museum Sinicum», том 1, таблица VIII]

О китайских ветрах, надувших Кантемиру 5-ю сатиру, он в одном её месте проговаривается сам, хотя и косвенно. В начале этой сатиры, ещё до «фрагмента-А», у него идут чисто переводные строки. В оригинале у Буало они звучат так: «De Paris au Pérou, du Japon jusqu'à Rome» («От Парижа до Перу, от Японии до Рима…», ст. 3).

Кантемир же, полностью сохраняя структуру и смысл фразы, подсознательно заменяет индифферентную ему Японию на актуальный для него тогда Китай (с его «классической поэзией» вообще, и «триггерной фразой» в частности). А заодно –

чего уж там – он и Париж заменяет Москвой. В результате получается так: «Зачни с Москвы до Перу, с Риму до Китая…» (ст. 16).



[Илл. 08-08-28-1. «…с Риму до Китая». 5-я сатира Кантемира в первой редакции. Рукописная копия 1733. ОР РНБ, F.XIV.3, с. 93]

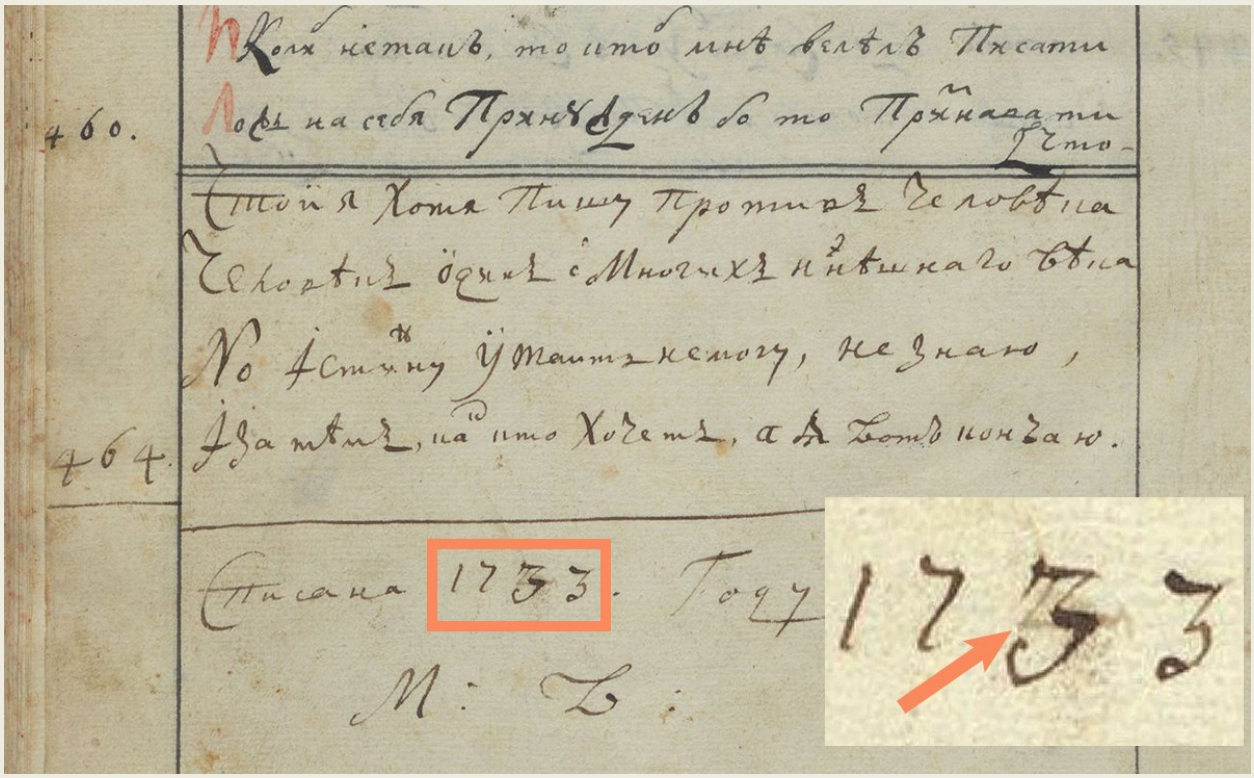
Выше показан фрагмент рукописной копии первых пяти сатир Кантемира в их первоначальной версии (ОР РНБ F.XIV.3), которая была выполнена, как полагают почерковеды, собственноручно Ломоносовым. В конце копии прямо указан год её снятия – «1733» и инициалы переписчика – «M. L.» (то есть «Михаил Ломоносов»). Таким образом копия была снята всего через два года после завершения 5-й сатиры, когда Кантемир только-только отбыл из Москвы в Лондон, а Ломоносов (22) всё ещё продолжал учиться в «Спасских школах» в Москве.

Если посмотреть рукопись внимательно, то можно увидеть, что указанная дата имеет отчётливые следы правки. Первоначально рука переписчика вывела «1743», а потом исправила это на «1733». С учётом ряда особенностей рукописи, я предполагаю следующий сценарий.

В 1733 Ломоносов-школяр скопировал для личного пользования все пять существующих на тот момент сатир Кантемира, оставив на каждой странице место для авторских подстрочных примечаний, но до копирования самих примечания дело по каким-то причинам тогда не дошло. В 1743, будучи уже «адъюнктом», Ломоносов взялся перечитывать этот свой список десятилетней давности, который к тому моменту лишился последней страницы, содержавшей четыре последние строки 5-й сатиры. Эти четыре недостающие строки Ломоносов, любивший во всём порядок, тогда же и восстановил – после чего принялся (тем же пером и теми же чернилами) дописывать отсутствовавшие в рукописи примечания. Но тоже оставил эту работу, не доведя до конца.

Насчёт исправленной даты – тут так. Ломоносов собирался указать (по памяти) исходный год изготовления копии (1733), но чисто машинально поставил год текущий (1743). Однако он вовремя спохватился и исправил своей рукой дату на правильную – 1733. Что мы в рукописи и видим.

А что во всём этом самое замечательное – так это то, что Ломоносов, находясь летом 1743 под арестом, обратился там именно к сатирам Кантемира. Так что возможно, именно они подтолкнули тогда Ломоносова к прочтению другой работы Кантемира – его перевода книги Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Что, как мы знаем, вызвало тогда у Ломоносова (удачно наложившись на «северное сияние» 21 августа 1743) его судьбоносное «откровение» (см. выше).



[Илл. 08-08-29-1. Последняя страница рукописной копии первых пяти сатир Кантемира в начальной редакции. Выполнена предположительно Ломоносовым. Последние четыре строки восполняют (другими чернилами, но той же рукой) отсутствовавшее окончание. Год изготовления копии («Списана 1733 Году») носит следы исправления (см. врезку). ОР РНБ, F.XIV.3, с. 124]

Но вернёмся к Кантемиру. Точнее, к Байеру. Точнее – к «триггерной фразе» из его книги «Museum Sinicum». Что это, вообще, такое?

Здесь мы имеем дело со случаем «цитирования цитирования». Байер цитирует некое китайское философское сочинение, которое в свою очередь само цитирует строчку из знаменитого классического стихотворения в сопровождении комментария Конфуция. Так вот, наша «триггерная фраза» – это и есть тот самый комментарий.

А породившее данный комментарий исходное стихотворение – это стихотворение «緜蠻» из книги «Ши цзин» (раздел «Малые оды», часть VIII, № 6). Точно перевести данное название затруднительно, это – звукоподражание птичьему щебетанью. Переведу его условно, как «Птичка-невеличка» (хотя, возможно, точнее было бы «Чик-чирик»).

Действие стихотворения разворачивается одновременно в двух плоскостях. Некая «жёлтая птица», «хуан няо» (Байер полагает, что это «феникс», «фен хуан» – но на самом деле это «черноголовая иволга», «Oriolus chinensis») – так вот, маленькая жёлтая птичка скачет по краю своего холма, никуда не высовывается и всем довольна («Жёлтая птица в лесистых горах чувствует себя безопасно и комфортно»). А рядом проходит армия – и её солдаты (на примере одного из них) изнемогают в пути от ран и болезней, и с каждым шагом (то есть с каждой очередной строфой) становятся на шаг ближе к смерти («Боюсь, я уже не дойду»). И в конце

концов умирают в дороге, так и не поняв ради чего. «Птичка-невеличка» из «Ши цзина» – стихотворение невесёлое.

Но полезное. В частности тем, что заключающееся в нём назидание разразилось – через века и пространства – 5-й сатирой Кантемира. А через неё – и всей русской поэзией.

Через шесть лет после завершения 5-й сатиры, Кантемир полностью её переделал. И в этой обновлённой пламенной сатире появился, наконец, и сам «Сатир», и его неугасимый «вечный огонь».

> САТИР: <…> Дрова метая в огонь, пожар гасить трудно!
>
> (Кантемир, 5-я сатира, 2-я редакция, строка 308)

А ведь это было ещё только «пре-шинуазри».

Прямо комедия

От «отца русской поэзии» логично перейти к «отцу русской комедии». Так что – Денис Фонвизин, 1782. Эпоха «зрелого шинуазри».

Вроде бы это лежит на поверхности, но как-то всегда забываешь, что «Фонвизин» на самом деле «фон Визин». Как он, собственно, себя и писал – намекая тем, возможно, на свои «визингские» корни. Но как бы там ни было, в 1782 он публикует комедию «Недоросль» и сразу взлетает на вершину Олимпа, где и пребывает до сих пор.

Комедия реально ржачная. Вот уж, действительно, «живое изображение простого и смешного действа к исправлению нравов и увеселению смотрителей». Короче, там так.

Обычное семейство провинциальных помещиков – папа, мама и сын-подросток. Рулит всем, конечно, мама.

Ещё у них в доме воспитывается дальняя родственница-сирота, девушка на выданье. Мама, чтобы сбыть её с рук, планирует выдать её замуж за своего немолодого брата, имеющего поместье по-соседству. При этом брат жениться на бедной не слишком-то рвётся.

Сама девушка в целом не перечит, но тайно влюблена, понятно, в молодого офицерика, с которым когда-то где-то пересекалась. Данной расстановкой фигур пьеса начинается.

Вскоре после поднятия занавеса девушка получает письмо от своего дяди, считавшегося погибшим. Он сообщает, что сказочно разбогател в Сибири, вернулся в Москву и делает девушку своей единственной наследницей. О данном письме узнаёт всё семейство.

Ввиду новооткрывшихся обстоятельств, мама срочно всё переигрывает. Теперь она продвигает в женихи своего сына-подростка, а брату (тоже вдруг резко воспылавшему) даёт от ворот поворот (следует ряд беспроигрышных боевых сцен, неизменно вызывающих гогот зала). И всё бы хорошо (брат отшит, а девушку никто и не спрашивает), но неожиданно в поместье объявляется сам дядя-богач.

Беда не приходит одна – в поместье, волей провидения (а вообще-то – автора), появляется также и тот самый офицерик – да не один, а в сопровождении некого праведного чиновника с инспекцией.

Мамаша, как женщина решительная, идёт ва-банк и пытается тайно вывезти свою воспитанницу и насильно обвенчать её со своим сынком (ибо тогда обратного хода уже не будет). Это уже тянет на «похищение», уголовное преступление. К счастью, троица наших положительных героев блестяще срывает данные злодейские планы.

Мамаша разоблачена, имение отписано в казну, девушка тает в объятиях офицерика (с которым, я думаю, она ещё нахлебается), дядюшка-богач их благословляет. Все, включая зрителей, счастливы.

Зал смеётся последней ударной фразе («Вот злонравия достойные плоды!») и рукоплещет стоя.

Лучшие реплики, как всегда, достаются здесь злодеям:

> «Вот до чего дожили... Девушки грамоте умеют!»
>
> «Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.»
>
> «За ноги, да об угол!»
>
> «Ночь всю такая дрянь в глаза лезла... то ты, матушка, то батюшка.»
>
> «Ежели столбняк и попройдёт, то занесёт <…> такую дичь, что у бога просишь опять столбняка.»
>
> «То бранюсь, то дерусь; тем и дом держится.»

Комедию эту проходят в школе.

И тут я даже не знаю. Что лучше: чтобы её всю жизнь потом понимали превратно, или чтобы о ней так и не узнали вовсе? Лучше, наверно, всё-таки первое. А с «превратностью» сейчас разберёмся.

Описанная мной сюжетная схема разворачивается не в воздухе, а на фоне ярко раскрашенного автором задника. Чтобы поместить своих персонажей в живую и колоритную среду, Фонвизин вводит некую побочную бытовую тему, не имеющую прямого отношения к сюжету. Сынка-подростка пытаются учить специально нанятые домашние учителя – а он это не любит, учится плохо и всячески отлынивает («Не хочу учиться, хочу жениться», «Дверь – это прилагательное, поскольку прилагается к косяку» и т.д. и т.п.).

И как раз данная чисто техническая тема почему-то и была объявлена школьными методистами главным предметом «Недоросля». Впрочем, понятно почему. Педагогический посыл, тешащий самолюбие всех учителей, изнемогающих в неравной битве с целыми ордами недорослей – этот посыл, зелёным шёлком вышитый на их истерзанных сердцах, получил в «Недоросле» нежданную поддержку. Воистину, «ученье – свет, неученье – тьма». Пусть знают, что бывает с теми, кто не делает домашку. Как блестяще показано в «Недоросле», человек не стремящийся к знаниям – ничтожен и жалок. Только наука дарует благо.

С данными тезисами спорить трудно. Одна беда – в «Недоросле» их нет. Наоборот, Фонвизин их как раз оспаривает, выдвигая встречные тезисы, в чём-то прямо противоположные. Какие именно – скоро скажу, но пока разберёмся с этими.

Итак – «знания», «образование» и «наука». Если читать пьесу беспристрастно, то быстро обнаруживается, что главный отрицательный персонаж, «мама недоросля» – не только не противница наук, но из всех персонажей комедии является самой горячей их поборницей. Причём не только на словах, но и на деле. Именно по её инициативе для сына наняты целых три высокооплачиваемых преподавателя. Учителю французского языка, например, она платит 300 рублей в год плюс дополнительные бонусы. Сравните с окладом Ломоносова в должности «адъюнкта»

в Академии наук в 1743, который составлял 360 рублей в год, да и то практически не выплачивался, а временами и вовсе отменялся.

То, что эти учителя не самые выдающиеся – так какие есть. Это вам не Петербург, тут и пономарь – иерей. Самой «маме» образования получить так и не удалось, время было другое. Обратите внимание на такую деталь – у её родителей было восемнадцать детей, из которых выжили только двое – а у неё самой уже только один ребёнок, которому она и пытается изо всех сил дать, как умеет, настоящее образование.

Теперь другой отрицательный персонаж – «сын-подросток». Главным его преступлением принято считать отказ от учёбы. А я бы данный пункт обвинения снял вообще. Подросток не хочет учиться, а хочет гонять балду? А где вы видели подростка, который хотел бы учиться. При том, что этот – когда мамаша его всё-таки припирает к стенке – особо и не противится, а что-то всё-таки учит помаленьку. Так что и по данной линии ожидаемый моралистами вывод (типа, «Презрение к науке – признак злодея») не вырисовывается совершенно.

Далее. Комедия Фонвизина – бинарная, все персонажи в ней чётко делятся на две категории – тех, кто даёт положительный пример (девушка, её дядя, офицер, праведный чиновник) и тех, кто даёт пример отрицательный (папа, мама, её брат, её сын, учителя-халтурщики). А теперь считаем.

Слово «наука» звучит в комедии двенадцать раз. Из которых десять раз его произносят персонажи отрицательные, причём произносят с большим пиететом. А вот два оставшихся на долю положительных персонажей раза – оба эти раза слово «наука» звучит как раз с явно пренебрежительным оттенком (Действие 5, Явление 1).

Другое ключевое слово – «ученье» («обученье», «учиться» и т.п.). Его в комедии произносят тридцать раз. Из которых двадцать один – персонажи отрицательные (с пиететом), и только девять – положительные (причём зачастую в неодобрительном тоне).

Сухой остаток. «Науку» и «обучение» Фонвизин помещает чётко на «тёмной стороне» мира.

Что же тогда у него на «светлой стороне»? А вот что – «добродетель», «благонравие» и «воспитание» (причём последнее – лишь как инструмент для достижения «добродетели»).

По цифрам тут так. «Добродетель» – девятнадцать раз, «благонравие» – шесть, «воспитание» – пятнадцать. И всё это – исключительно и только вложено в уста персонажей положительных. Один только раз отрицательная «мама» заикается про «воспитание», но звучит это как откровенная насмешка, поскольку происходит в контексте нарушения ею элементарных этических норм («я, благодаря бога, не так воспитана»).

А теперь прочитаем под данным углом самую последнюю фразу комедии, резюмирующую всё произведение. Дядя-богач, указывая жестом на распростёртых в ничтожестве злодеев, произносит, в назидание человечеству, своё сакраментальное: «Вот злонравия достойные плоды!». Обратите внимание – плоды отнюдь не

«невежества» (то есть отсутствия «образования»), а именно «злонравия» (то есть отсутствия «добродетели»).

Итак, Фонвизин декларирует по факту следующее: «Добродетель – свет, наука же (в общем случае) – подозрительна и опасна». Это и есть главный посыл «Недоросля».

Если я здесь несколько и утрирую, то лишь самую малость. Смотрите.

Текст «Недоросля» радует приятным разнообразием. В нём есть сцены чисто развлекательные (они-то и нравятся публике), а есть – базовые, основополагающие, ради которых автор своё произведение, собственно, и писал (а публика, пришедшая поржать, хочешь-не-хочешь вынуждена с ними мириться).

Всего в комедии пять действий. И последние три – третье, четвёртое и пятое – все они открываются сценами как раз серьёзными. В них «дядя-богач» беседует либо со своей «племянницей», либо с «праведным чиновником». Я бы даже сказал – «типа беседует». На самом деле никакой «беседы» нет. Фонвизин в этих сценах от лица своего «альтер эго» откровенно резонёрствует – а можно сказать и проповедует – в то время, как его собеседники ему в этом лишь ассистируют, вовремя накидывая нужный мяч.

И вот эти-то «речи Стародума» (вот наш «дядя-богач» и назван по имени) и составляют истинную дидактическую суть всего произведения. Давайте послушаем, что там Стародум (Фонвизин) говорит нам по поводу взаимоотношения между «образованием» и «моралью»:

> «[Образование – это] чужим умом набивать пустую голову.» (III, 1)
>
> «Без неё (души) просвещённейшая умница – жалкая тварь.» (там же)
>
> «С великим просвещением можно быть великому скареду (негодяю).» (там же)
>
> «Ум, коль он только что ум, самая безделица.» (IV, 2)
>
> «С пребеглыми (т.е. «блестящими») умами видим мы худых мужей.» (там же)
>
> «Без него (благонравия) умный человек – чудовище.» (там же)

А вот и апофеоз всего «Недоросля», отлитая в каслинский чугун целая философская программа. Фонвизин, устами Стародума, постановляет:

> «Наука в развращённом человеке есть лютое оружие делать зло.»
>
> (Фонвизин, «Недоросль», V, 1)

Данная мысль сама по себе вопросов не вызывает. Однако в тексте (и контексте) русской комедии последней четверти XVIII она смотрится несколько странно. Ведь и сюда, наконец, докатился Век Просвещения, а «просвещение» – это в первую очередь культ «науки» и «образования». А тут декларируется такое.

И кто бы ещё подобное говорил – а то ведь Фонвизин всю свою сознательную жизнь только и делал, что непрерывно учился, буквально с пелёнок. При этом везде был круглым отличником, реально «золотым медалистом». В качестве какового он был даже лично представлен как-то Ломоносову.

И, потом, глупо отрицать очевидное – самые удавшиеся Фонвизину сцены и самые сочные эпизоды в «Недоросле» – это именно сцены, связанные с учебным процессом, а вовсе не экзистенциальные концепты Стародума.

И вот несмотря на всё это, главной темой комедии становится неуместный в свете Просвещения тезис о том, что «Наука без добродетели вредна».

Этот ключевой тезис «Недоросля» настолько нетипичен для Фонвизина, что невольно напрашивается мысль, что он был им откуда-то позаимствован, причём в готовом виде. Но откуда?

Вы будете смеяться, но именно этот тезис, практически слово в слово, мы видим в классическом китайском сочинении «Да сюэ», «Великое учение». Где буквально сказано следующее:

> Если министр завидует достоинству (т.е. не имеет «добродетели»), то чем более имеет он остроты, проницания и опытов (т.е. чем более «образован»), тем более отъемлет он пособий у государя.
>
> («Да сюэ», комментарий к «Циньской клятве»)

Книга «Да сюэ» не зря называется «Великим учением» («大學»). Она входит в самый узкий круг важнейших книг китайской цивилизации. Она не только является частью так называемого «Четверокнижия», но и открывает его. Написана «Да сюэ» была за несколько столетий до нашей эры (точная дата дискуссионна) и достаточно быстро стала обязательным пунктом любого системного образования.

Все чиновники Поднебесной на протяжении многих столетий учили текст «Да сюэ» наизусть и сдавали по нему экзамены. За это время книга обросла неисчислимым количеством комментариев.

Что было, кстати, совершенно не лишним. При том, что книга эта по китайским меркам очень короткая (менее двух тысяч иероглифов), понять о чём она – без комментариев затруднительно. На первый взгляд она представляется пёстрой подборкой случайных пассажей, перемешанных со случайными цитатами из других классических книг. И на второй тоже.

Единственная более-менее просматривающаяся здесь общая тема – это государственное управление (как общие его принципы, так и конкретные технологии).

Так что в зависимости от статуса читателя, эту книгу понимают в Китае либо как секретное пособие по политтехнологиям (для высших государственных деятелей), либо как расхожий учебник для сдачи экзаменов начального уровня (для всех прочих, преимущественно школяров). Собственно, название «Да сюэ» можно перевести как «Великое учение», а можно и как просто «Высшее образование», бук-

вально. Например, «Шанхайский университет» по-китайски звучит, как «Шанхай Да сюэ» («上海大學»).

Структурно, «Да сюэ» – это набор разрозненных фрагментов. Впрочем, многие поколения комментаторов самоотверженно выстраивают из этих фрагментов (переставляя их местами и поправляя их, если нужно) некие глобальные конструкции, той или иной степени стройности.

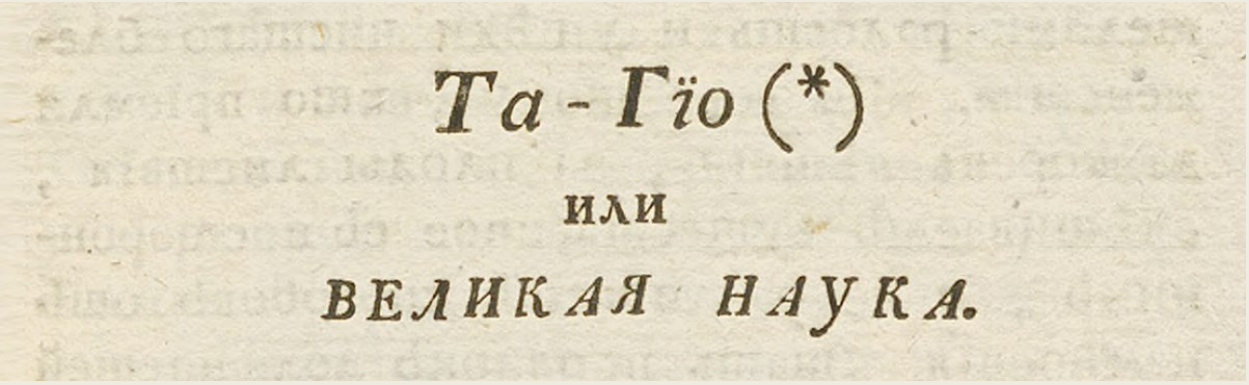
На это можно было бы заметить, что любую совокупность случайных точек на бумаге можно, при желании, соединить линией. Однако придумывать уравнение, решением которого стала бы функция данной запутанной формы, а потом подводить под данное искусственное «уравнение» ещё и некий «закон природы» – всё это дело не слишком благодарное.

Но есть у этой истории и другая сторона. Данная последовательность иероглифов, загружаемая на протяжении многих сотен лет в сознание многих миллионов людей – возможно именно она и сформировала (и продолжает формировать) китайскую область глобального «понятийного поля» в его настоящем виде. Как утверждают люди знающие, образованные китайцы мыслят и говорят готовыми конструкциями, почерпнутыми из «Да сюэ». При этом говорят смачно, а мыслят быстро.

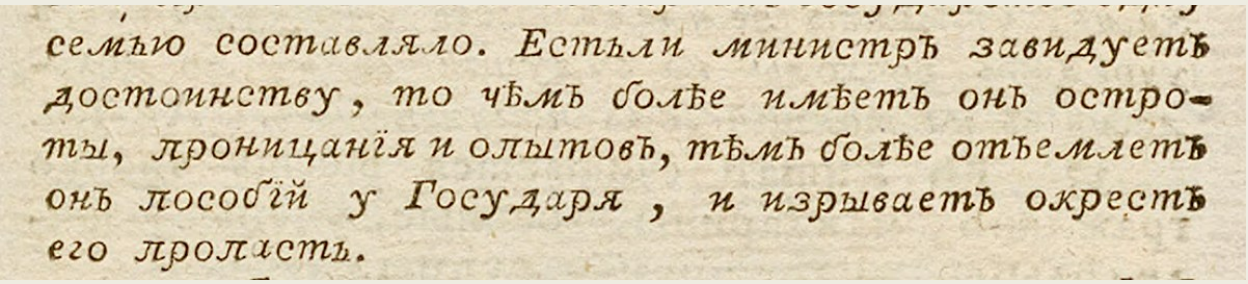
Здесь всплывает традиционный наш вопрос – а какое отношение ко всему этому имеет Фонвизин. Мог ли он вообще знать «Да сюэ»?

Скажу так. Непосредственно перед началом работы над «Недорослем», Фонвизин собственноручно полностью перевёл «Да сюэ» на русский язык – и опубликовал свой перевод в периодике («Та Гио, или Великая наука», журнал «Академические известия»,1779, май, с. 59-101). Приведённую выше цитату из «Да сюэ» я дал как раз в переводе Фонвизина.

А начёт «знал» – я не знаю. Мы себя знаем?


Та-Гіо (*)
или
ВЕЛИКАЯ НАУКА.

[Илл. 08-08-30-1. «Да сюэ» в переводе Фонвизина. «Академические известия»,1779, май, с. 59]


семью составляло. Естьли министръ завидуетъ достоинству, то чѣмъ болѣе имѣетъ онъ остроты, проницанія и опытовъ, тѣмъ болѣе отъемлетъ онъ пособій у Государя, и изрываетъ окрестъ его пропасть.

[Илл. 08-08-31-1. «Чем более министр имеет опыта… тем глубже изрыват он пропасть». Там же, с. 99. Комментарий 29]

Переводил Фонвизин, понятно, не с китайского оригинала, а с французского перевода «Да сюэ», выполненного незадолго перед этим пекинским миссионером Пьером-Мартиалом Сибо (Cibot) и опубликованном в 1776 в Париже («Ta-Hio, ou la Grande Scence», в сборнике «Mémoires concernant… des Chinois», т. 1, 1776, с. 436-458). Сибо же переводил непосредственно с китайского оригинала.

В целом, русский перевод Фонвизина получился вполне адекватным. Фонвизин достаточно точно следует тексту Сибо, включавшему в себя и пространные комментарии.

Интересующий нас посыл, давший главную тему «Недорослю» и инициировавший его написание, локализован у Сибо в двух местах – в основном тексте «Да сюэ» (так называемая «Циньская клятва»), и в комментарии к этому месту. Сначала об основном тексте.

Речь там идёт о принципах кадровой политики, конкретно – о технике подбора первого министра. Разбираются два примера – положительный и отрицательный. Отрицательный сводится к следующему – если министр будет даже высокообразованным, но при этом лишённым добродетели, то государству от него будет только вред. Вот данная часть «Циньской клятвы». Тексты привожу в обратном хронологическом порядке:

> ФОНВИЗИН:
>
> Если б избрание моё пало на человека надменного <...> тогда, с какою б высотою ума и дарований он ни был, тогда <...> всё государство моё не подвергнется ли конечному бедствию? (1779, с. 79)
>
> СИБО:
>
> Mais si mon choix venoit à tomber sur un homme plein de lui-même <...> quelque supériorité de génie & de talens qu’il ait <...> mon Royaume entier ne fera-t il pas exposé aux derniers malheurs? (1776, с. 454-455)
>
> ОРИГИНАЛ:
>
> 人之有技媢疾以惡之人之彥聖 <...> 亦曰殆哉。(фрагмент II.10.14 по Чжу Си)

С оригиналом есть одна тонкость. Текст, как можно видеть, идёт здесь без разрывов, единой строкой (а вообще-то – единым столбцом). И в зависимости от того, в каких именно местах читатель сделает смысловые разрывы (в переводе обозначаемые запятыми) – в зависимости от этого смысл всей фразы будет несколько меняться. В данном конкретном случае одинаково допустимы два варианта прочтения (это при том, что в великом и могучем старокитайском языке часть слов всё равно приходится домысливать):

> Вариант А: «[Но если министр,] пусть даже человек образованный, будет ревновать к людям инициативным… тогда как же это не считать бедствием [для государства]?»
>
> Вариант Б: «[Но если министр] к людям образованным будет ревновать, как и к людям инициативным… тогда как же это не считать бедствием [для государства]?»

Большинство комментаторов предпочитают сейчас вариант «Б». Но конкретно Сибо выбрал тогда вариант «А». Как результат – для «образованности без добродетели» отчётливо прозвучал первый звоночек.

Но главные события разворачиваются в этом деле в комментарии. Если в основном тексте говорится, что «образованность» не может являться «смягчающим» обстоятельством, но в комментарии она уже становится обстоятельством сугубо «отягчающим»: чем злодей образованней – тем хуже. Вариант Фонвизина я уже приводил, а вот и его источник – вариант Сибо:

> Si un Ministre est jaloux du mérite, plus il a de génie, de pénétration & d'expérience, plus il ôte de ressources à son Maître.
>
> (Если министр завистлив, то чем больше он одарён, проницателен и квалифицирован, тем больший ущерб он нанесёт своему господину)
>
> (Сибо, «Та-Hio», 1776. Комментарий 29, с. 454-455)

Всё, приговор «чистым знаниям» вынесен. Осталось только понять источник данного комментария.

Комментарии у Сибо имеют смешанное происхождение. Какие-то из них принадлежат его собственному перу. В частности те, где европейскому читателю объясняются элементарные китайские реалии (типа, «Один «ли» составляет почти десятую часть европейской мили»).

Но есть у него и комментарии выдающиеся. Некоторые из них опередили своё время века на два с гаком. Например, в первом же собственном комментарии Сибо указывает на один момент, являющийся следствием фундаментального и при этом отнюдь неочевидного явления. Формально, речь идёт о технике научного перевода. Сложности с переводом у Сибо возникли сразу же, на первом же подлежащем первого же предложения («道», «дао»). И он считает необходимым объясниться:

> Те, кто обращает внимание только на отдельные слова и символы текста, могут обнаружить, что мы дополнили смысл <…> в первом предло-

жении и в нескольких других местах нашего перевода; но мы просим их обратить внимание на следующее:

1. Значения слов и иероглифов («la signification des mots & des caracteres») зависят от понятий («des idées»), которые им приписывает тот, кто их использует. Учёный, философ, моралист и священник – все они используют слово «мудрость» (каждый в своём значении): но кто осмелится сказать, что у одного это значение «правильнее», чем у другого?

2. Поскольку философия Конфуция – это философия «мудрости», добродетели и религии, почерпнутая из чистейших источников древних традиций, неудивительно, что он задаёт (для данного слова) более высокую планку («prenne son effor plus haut»), чем это мы видим у философов-стоиков (у которых к этому слову отношение было специфическое).

3. Поскольку в «Да сюэ» <…> всё взаимосвязано и развивается поступательно, то уровень («la sublimité») понятия в любом текущем высказывании определяется его уровнем в высказывании последующем.

4. Даже располагая китайскими комментариями и глоссами, нам не всегда удавалось передавать смысл текста столь точно («laissé le sens du texte aussi haut»), как хотелось бы.

5. Поскольку иероглифы состоят из изображений и символов («Caracteres étant composés d'Images & de Symboles»), даже самые удачно подобранные наши выражения никогда не передают их смысл точно. Например, насколько точно наше слово «освещать» («eclairer») передаёт понятие, задаваемое совокупностью знаков «солнца» и «луны» в иероглифе «мин» («明»)?

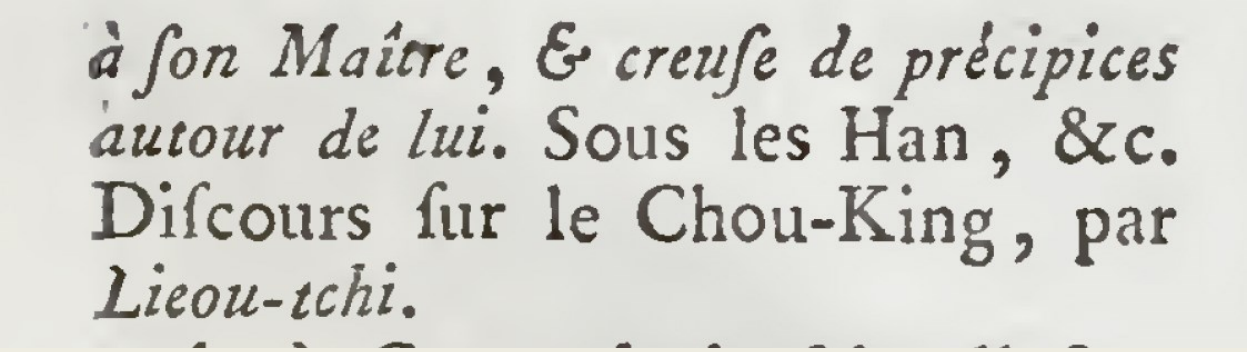
(Сибо, 1776, комментарий 1, с. 436)

Это что касается собственных комментариев Сибо. Но там, где речь заходит о вопросах сугубо текстологических, там Сибо своё мнение оставляет при себе и цитирует авторитетных китайских учёных. Причём разных. Нескольких он перечисляет в своём Предисловии, остальные же привлекаются им по мере надобности.

К счастью, у Сибо прямо указан источник интересующего нас комментария (Фонвизин эту ссылку, к слову, пропустил). К несчастью, это указание недостаточно конкретно. Вот как данное место выглядит в тексте:

Sous les Han, &c. Discours sur le Chou-King, par Lieou-tchi.

(Там же, с. 455)


à ſon Maître, & creuſe de précipices autour de lui. Sous les Han, &c. Diſcours ſur le Chou-King, par Lieou-tchi.

[Илл. 08-08-32-1. «Да Сюэ» в переводе Сибо. Ссылка на источник комментария 29. «Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, les usages, &c. des Chinois. Par les Missionnaires de Pekin», т. 1, 1776, с. 455]

Забыл сказать, что «Циньская клятва» в «Да сюэ» является цитатой, целиком взятой из другой (ещё более древней) классической книги – «Шу цзин» (которая этой «Циньской клятвой» фактически заканчивается). А потому неудивительно, что в качестве комментария к этому месту из «Да сюэ» приводится комментарий к аналогичному месту из «Шу цзина» («Chou-King»). С этим по крайней мере разобрались.

Но вот «Lieou-tchi» пока так и остаётся для меня тёмной лошадкой. Возможными кандидатами, по моему скромному мнению, здесь могут быть и Люй Цзу(цянь) (автор «Шо шу» – знаменитейших комментариев к «Шу цзину»), и Лю Чжи (автор сборника «Хань Китаб», выпустивший на свободу дюжего джина неоконфуцианского ислама), и даже, по-приколу, Ли Чжи (автор соответствующих комментариев «Сы шу пин», а заодно и «Книги для сожжения» – действительно сожжённой, но читаемой с тех пор всеми и каждым). Скажу сразу – ни у кого из этой троицы я искомого пассажа обнаружить так и не смог. Но это говорит скорее о недостаточности моих поисков, чем о реальном его там отсутствии. Надеюсь, что тем, кто пойдёт по моим стопам, повезёт больше.

Но в конце концов – исходное авторство данного комментария не так уж и важно. В любом случае – главное случилось. Тезис о «вреде науки без добродетели» в «Да сюэ» прозвучал, до Фонвизина он дошёл, Фонвизин его принял к исполнению – и «Недоросль» распустил над миром свои цветные крылья.

И не только он. В том же самом году, что и «Недоросль», появилось другое знаковое литературное произведение – «Диалог между священником и умирающим» («Dialogue entre un Prêtre et un Moribond», 1782).

Название здесь полностью соответствует содержанию. Священник приходит к умирающему, и между ними завязывается диалог. Который скоро скатывается к монологу умирающего, который развёртывает перед нами грандиозное полотно своего видения мира. Бедный пастырь едва успевает вставлять служебные реплики, часто сводящиеся к междометиям.

Главная тема «Диалога…», в полном соответствии с «Да сюэ» – роль «добродетели» в этом мире. По ходу рассуждений (порой несколько заумных, если не сказать занудных) умирающий дважды упоминает Конфуция, которого он ставит выше Христа. Высказав всё, что накопилось на сердце за долгую жизнь, умирающий,

чувствующий себя подозрительно бодро, подаёт условный знак шести заранее оплаченным девицам и они ввосьмером приступают к небольшой, но грамотно организованной оргии.

Автор произведения – Донасьен де Сад, к вашим услугам, писатель и маркиз. А к тому моменту уже и «КОТ», «коренной обитатель тюрьмы». Данный «Диалог…» (первое своё произведение) он писал в Венсенском централе.

И в этом своём сочинении де Сад строго следует посылу «Да сюэ», но только развёрнутому на сто восемьдесят градусов. Если там было – «Добродетель превыше всего», то здесь – «Добродетель не стоит и су». Надо признать, что за данным тезисом стоит своя правда.

Действительно, «Да сюэ» учит, что для того, чтобы пробиться на самый верх, начинающему чиновнику следует отказаться от всякой конкурентной борьбы, продвигать тех, кто метит на твоё место и всячески благодушествовать. Но даже ребёнку понятно, что это так не работает. Как говорит пословица, «скромность – прямой путь к безвестности». Не хочешь биться за своё место – отправляйся в деревню, разводить гусей и писать стихи. А должность нужно зубами выгрызать.

Так что де Сад просто озвучил то, что и так все знают, но не решаются сказать. А вот как так случилось, что в тюремной библиотеке оказался экземпляр «Да сюэ» в переводе Сибо, выполненном с китайского оригинала в редакции Чжу Си, который за эту редакцию попал в тюрьму, где и погиб – я этого и сам в толк взять не могу.

Надо сказать, что в своём «Диалоге…» де Сад ещё только нащупывает тему. Мир здесь пока что амбивалентен, «добродетель» и «порок» мирно сосуществуют, гармонично дополняя друг друга. Кому что нравится, просто дело вкуса. Послушаем «умирающего» (который и сейчас живее всех живых):

> - Природа одинаково нуждается как в пороках (vices), так и в добродетелях (vertus).
>
> - Нет ни одной добродетели (vertu), которая не была бы необходима Природе, и, наоборот, нет ни одного преступления (crime), в котором она не нуждалась бы; и именно в идеальном равновесии, которое она поддерживает между ними, состоит вся её наука.
>
> (Де Сад, «Диалог священника с умирающим», 1782)

Обратите внимание на эту «всю науку» (toute sa science). Ненавязчивый привет от «Да сюэ», «Великого учения» («la Grande science»).

В тексте «Да сюэ» слово «добродетель» («дэ», «德») присутствует постоянно. Соответственно, в переводе Сибо оно («vertu») мелькает буквально на каждой странице. И слово это вступает там в интересные реакции с другими словам, не только со «знанием» и «образованием». В частности, первые же слова «Великого учения» представляют собой следующую концептуальную декларацию: «Источник счастья – добродетель»:

> Счастлив тот, кто ведает предел, <…> добродетель входят в его душу, а вместе с добродетелью – радость и наслаждение чистого блаженства.

(Heureux qui sait le terme, <…> toutes les vertus entrent à la sois dans son ame, & avec les vertus, la joie & les délices d'une pure félicité.)

(Сибо, «la Grande Science», 1776, с. 436)

Данную формулу «добродетели», почерпнутую из «Великого учения», Фонвизин также не оставил без внимания в своём «Недоросле». Там племянница Стародума, девушка стопроцентно положительная, выдаёт прямым текстом.

Нельзя не любить правил добродетели. Они – способы к счастью.

(Фонвизин, «Недоросль», IV, 1)

Так что, куда ни кинь, везде мы видим эту формулу: «Счастье – от добродетели».

Де Сад и на это дал свой ответ. Уже во время отсидки в Бастилии он написал свою нетленную «Жюстину». Но давайте вспомним, что полностью эта книга называлась так: «Жюстина, или Несчастья от добродетели» («Justine ou les Malheurs de la vertu», 1791).

Ещё раз: «Несчастья – от добродетели». Ответный привет французского Просвещения китайскому Неоконфуцианству.

«Жюстина» была опубликована ещё при жизни Фонвизина. Помогла в этом Великая французская революция, которую де Сад по-факту запустил собственными руками. Находясь в Бастилии, он как-то начал через окно призывать граждан к её штурму и освобождению невиновных. Эти-то призывы и стали той искрой, что подожгла пламя стихийного восстания – и уже через несколько дней народ ринулся на штурм твердыни. Бастилия пала и невиновные были освобождены. Но де Сада в их числе не оказалось. За нарушение режима он буквально накануне был переведён в другое исправительное учреждение.

Однако Революция его на забыла. Вскоре он вышел-таки ненадолго на свободу, а «Несчастья от добродетели» пошли в типографский набор. Теперь они с «Великим учением» стоят на одной полке.

И чтобы уж закончить с «Да сюэ», с его глобальностью и всепроникающестью. То стихотворение «Птичка-невеличка» из «Ши цзина», которое Кантемир в 1731 вычитал у Байера в его «Museum Sinicum» и которое подвигло его на написание 5-й сатиры – оно ведь было у Байера не само по себе. А в виде цитаты, инкорпорированной в текст «Да сюэ» вместе с комментарием к ней Конфуция. Так что – да, ещё в 1731 в Петербурге была опубликована (в латинском переводе Байера) начальная часть «Великого учения» (примерно десять процентов объёма), плюс несколько его отдельных фрагментов из середины (в их числе та самая «Птичка-невеличка»).

Впрочем, пассаж из «Да сюэ» про «добродетель и науку», что дал толчок Фонвизину, в ту публикацию тогда не вошёл. А потому отечественной Талии пришлось ждать ещё почти пол века французского перевода Сибо.

И, наконец, самый последний вопрос. Что такого особого окружало Фонвизина в 1779, что его вдруг потянуло на китайскую классику?

Простой вопрос – простой ответ. «Высокое шинуазри».

Просто сказка

Хватит с нас уже этих «отцов чего-то там». Пора брать выше. Пусть будет сразу Пушкин, «мать вообще всего». А теперь посмотрим.

Год 1834, время «пост-шинуазри», то бишь «чайного шинуазри». Чай Пушкин любил.

Ну, как любил? Конечно, не так, как вино. Одних только различных видов шампанского в поэтическом погребе Пушкина мы видим как минимум четыре марки – «Аи», «Моэ э Шандон», «Вдова Клико» и «Силлири» (по десять рубликов за бутылку, между прочим, в ценах 1827).

Но это – по молодости. С годами же, как любой зрелый человек, Пушкин всё больше склоняется к бордоским винам, в частности – к «Château Lafite» из аппеласьона «Pauillac» (будущий «Лафит-Ротшильд», входящий сейчас в десятку самых дорогих вин мира, а тогда просто «лафит»). Впрочем, и на бургундские вина у Пушкина тоже губа была не дура. «Chambertin» мы, правда, в его послужном списке не видим, но ничуть не менее знаменитое «Clos de Vougeo» знакомо ему не понаслышке («кло-д-вужо», «Послание Давыдову», 1821).

Так что вся сознательная жизнь Пушкина буквально протянулась «между Клико и Лафитом». Но не только. Находилось в ней место и для чая. Причём чем дальше, тем больше этого места находилось. Вкус чая для Пушкина – вкус «дома», бытовой устроенности и столь желанного ему (но недоступного) покоя. Ради встраивания «чая» в строку, Пушкин готов идти даже на сделку с посредственной рифмой («чай – погоняй»):

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!...

(«Дорожные жалобы», 1830)

Подаёт Пушкин чай умело, сервирует со вкусом:

***
По чашкам тёмною струёю
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал…

(ЕО, 3:37)

***
И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином…Мы время знаем…

(ЕО, 5:36).

***
Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю

Слугу, несущего мне утром чашку чая,
Вопросами…

(«Зима. Что делать…»)

Причём Пушкин, похоже, чётко отдавал себе отчёт, что он живёт во времена «чайного бума», когда чай вдруг стали пить все – и воры, и прокуроры. И – что ещё не так давно такого и в помине не было. Когда у него молодой Гринёв (именно что вчерашний «недоросль») в 1773 (по сюжету) угощает переодетого Пугачёва чаем, тот, не оценив жеста, отвергает этот непонятный и не слишком желанный напиток:

Я поднёс ему чашку чаю; он отведал и поморщился. Ваше благородие, сделайте мне такую милость, – прикажите поднести стакан вина; чай не наше казацкое питьё.

(«Капитанская дочка», 1836, глава «Вожатый»)

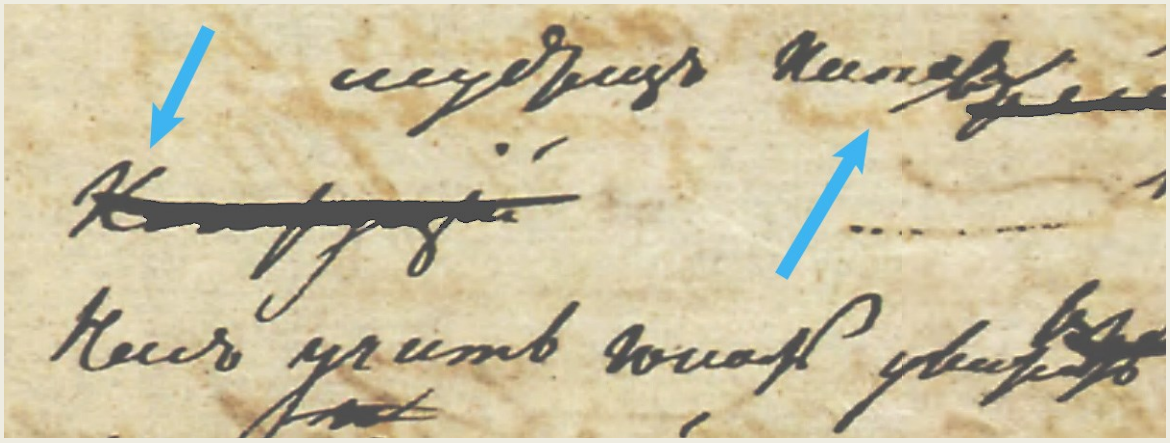
Так что, по всему, с чаем Пушкин был знаком накоротко. А где «чай», там и «Китай».

«Китайский чайник» («Евгений Онегин», 3:37), «китайский соловей» («Руслан и Людмила», сцена в замке Черномора), «китайцы» в театральной постановке («Ещё китайцы, боги, змеи // На сцене скачут и шумят…», «Евгений Онегин», 1:22, черновой вариант).

Пушкин знает даже Конфуция (как Онегин – Ювенала) – во всяком случае достаточно, чтобы при случае ввернуть его в строку:

Конфуций, <…> мудрец Китая,
Нас учит юность уважать,
От заблуждений охраняя,
Не торопиться осуждать…

(«Евгений Онегин», 1:7, черновой вариант)



[Илл. 08-08-33-1. «Конфуций» и «мудрец Китая» (показаны стрелками) у Пушкина в черновике 1-й главы «Евгения Онегина». «Первая масонская тетрадь», 1822-1824. Рукописный отдел Пушкинского Дома, ф. 244, оп. 1, д. 834, л. 6]

Кое-какие книги, касающиеся Китая, у Пушкина имелись и дома. В частности, у него был французский перевод Журнала путешествия в Пекин Лоренца Ланга за 1721-1722 (в составе второго тома путешествий Белля; Париж, 1766, с. 125-362). Или, например, китайская пьеса XIII века «Сирота из рода Чжао» (также во французском переводе; Париж, 1834), по мотивам которой Вольтер написал в своё время знаменитого «Китайского сироту».

Или вот такое интересное издание – «Сань-цзы-цзин, или Троесловие», своеобразный китайский «букварь». Эту книгу Пушкин имел сразу в двух разных русских переводах (Леонтьева, 1779, и Бичурина, 1829), при этом второе издание было подарено ему самим переводчиком. В нём, параллельно с русским переводом, был приведён полный китайский оригинал, исполненный великолепным по качеству китайским шрифтом Павла Шиллинга. Именно в данной книге, на странице 13, Пушкин и мог видеть название «Книги Перемен» в оригинальном его написании. Соответствующее изображение я давал в эпизоде «Шесть девяток».

Впрочем, все эти Пушкинские «китайские» штучки – и «тёмные» чаи, и соловьи, и книги – всё это не выходит за рамки обычных «примет времени». Тезис же о том, что «Пушкин хотел сбежать из России в Китай» – он хоть формально и верный, но требует пояснений.

В целом отношение Пушкина к стране своего проживания известно. На протяжении жизни это отношение было подвержено некоторым естественным колебаниям, но итоговый вывод свёлся у него к следующей формуле из одиннадцати слов:

> Чёрт догадал меня родиться в России с душою и с талантом!
>
> (Письмо Пушкина к жене от 18 мая 1836)

Это было сказано за год до смерти. Но и за десять лет до этого, настроения Пушкина отличались не сильно:

> Я, конечно, презираю отечество моё с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в России? если царь даст мне слободу (так!), то я месяца не останусь. <…>
>
> Когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые корабли, английские журналы или парижские театры и бордели – то моё глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство. <…>
>
> Когда-нибудь <…> спросишь с милою улыбкой: где ж мой поэт? <…> И услышишь: <…> он удрал в Париж и никогда в проклятую Русь не воротится – ай да умница.
>
> (Письмо Пушкина к Вяземскому от 27 мая 1826)

Следующие строки этого письма отношения к нашей теме не имеют, но приведу их для передачи общего настроения:

> Я теперь во Пскове, и молодой доктор спьяна сказал мне, что без операции я не дотяну до 30 лет. Незабавно умереть в Опоческом уезде.
>
> (Там же)

Понятно, что в данном письме мы видим не конкретные планы эмиграции, а выплеск эмоций. До конкретных же планов руки дойдут у Пушкина только через три года. Музы бегут впереди Мойр, так что сначала поэт проговорился в стихах. 23 декабря 1829 он пишет:

> Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
> Куда б ни вздумали, готов за вами я
> Повсюду следовать, надменной убегая:
> К подножию ль стены далёкого Китая,
> В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
> Где Тасса не поёт уже ночной гребец,
> Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
> Где кипарисные благоухают рощи,
> Повсюду я готов…
>
> (Пушкин, «Поедем, я готов…», 1829)

Здесь под «надменной» можно одинаково понимать как «невесту», так и «Россию». Скорее же – и то, и то. В качестве стран возможной эмиграции здесь названы Китай, Франция и Италия.

Вроде бы – чисто игра поэтического воображения. С равным успехом можно было бы и на «Луну» пожелать улететь, вслед за Астольфом. Однако, ровно через две недели Пушкин направляет в правительство официальное прошение (как принято в делопроизводстве – на французском). А это уже не шутки – с шефом жандармов шутить не принято. Прошение такое:

> Приемлю смелость изложить вам письменно просьбу, с которой вы разрешили к вам обратиться. <…>
>
> Я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющейся туда миссией (mission).
>
> (Официальный запрос Пушкина на имя Бенкендорфа от 7 января 1830. Перевод с французского)

Тут мы видим те же самые страны, что и в стихотворении, только в иной последовательности – Франция, Италия и Китай. Причём Китай фигурирует здесь как запасной вариант. В котором, впрочем, Пушкину также было отказано – как и в двух основных. Так что никуда он не поехал тогда. И никогда уже.

Ради справедливости следует сказать, что для отказа в поездке конкретно в Китай имелись объективные причины. Поминаемая Пушкиным «миссия» – это готовившаяся в тот момент ротация сотрудников Пекинской духовной миссии. Новый состав которой должен был быть (и был) заранее поимённо утверждён китайским правительством. Каждый раз проходило это со скрипом. Так что начинать сейчас

заново согласовывать уже согласованный список было чрезвычайно проблематично. Китайцы могли, например, воспользовавшись случаем, вычеркнуть оттуда гиттенфервалтера Алексей Кованько, со всеми вытекающими. В любом случае это означало задержку отправки всей миссии на пару лет.

Так что Пушкину по этому пункту было отказано совершенно обоснованно. Но на включение его в состав следующей «миссии» он становился при этом первым претендентом. Так что доживи он до следующей ротации, и он в Китай определённо бы поехал. Единственно, что ждать надо было ещё десять лет. Которых, как мы знаем, у Пушкина не случилось.

Но Китай до Пушкина всё-таки дотянулся. «Сказка о золотом петушке», сентябрь 1834.

Некогда грозный царь к старости устал от войн и хочет отдохнуть, но соседи не дают ему это сделать. Очень кстати появляется некий звездочёт-колдун, который даёт царю волшебный артефакт – род флюгера, который в случае неожиданного наступления врага загодя предупреждает о нём, поворачиваясь в соответствующую сторону. Это реально работает, соседи оказываются приструнены, царь счастлив.

Но однажды волшебный флюгер вновь сигнализирует об опасности, однако никаких вражеских войск в указанном направлении обнаружить так и не удаётся. Вместо этого там находят царь-девицу невиданной красоты, которую царь и берёт себе в качестве трофея.

Буквально сразу же эта девица полностью завладевает волей царя, ни о чём другом он думать уже не может. Тут-то звездочёт-колдун и напоминает царю о его перед ним долге за волшебный предмет. В качестве награды звездочёт требует девицу.

Царь в принципе не отказывается платить, но о царь-девице не может идти и речи. Звездочёт тоже непреклонен. Между ними возникает конфликт. В результате царь лишается и девицы и флюгера, и для него вообще всё заканчивается плохо. Тут и сказке конец.

Это я пересказал новеллу Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочёте» («Legend of the Arabian Astrologer») опубликованную во французском переводе в сборнике «Les contes de l'Alhambra» в 1832. Единственно, «царь» здесь зовётся «королём» («roi»), а «Шамаханская царица» – «Готской принцессой» («La princesse gothe»).

Сочинения Ирвинга, получившего своё имя в честь Джорджа Вашингтона, в петербуржских литературных кругах известны были хорошо. Более того, у этого американского писателя и у Пушкина имелся даже общий хороший знакомый – Дмитрий Долгоруков, который как раз сопровождал Ирвинга во время его путешествия по югу Испании, в ходе которого и была написана означенная новелла.

Экземпляр «Сказок Альгамбры» в 1834 Пушкин имел под рукой (№ 1019 в его личной библиотеке по «Списку Модзалевского»). Впрочем, происхождение пушкинской «Сказки о золотом петушке» от «Легенды об арабском звездочёте» Ин-

винга и без этого ни у кого не вызывает сомнений. Совпадения порой просто текстуальные.

Но, опять-таки, есть нюансы. И главный «нюанс», произведший в своё время на меня самое сильное впечатление во всей этой сказке (и напрочь отсутствующий у Ирвинга), это нагнетание тревожного ожидания и ужаса от невидимой, но угадываемой чёрной магии, что предшествует у Пушкина появлению «царь-девицы». У Ирвинга её просто обнаруживают на дальних подступах и привозят королю. У Пушкина же это происходит так.

По тревоге, поднятой «золотым петушком», в поход отправляется старший сын царя. И исчезает с концами. Выждав положенное время, на его поиски царь отправляет младшего сына. И тот тоже исчезает бесследно. Тогда царь решает лично возглавить спасательную операцию, уже и «сам не зная, быть ли проку». На восьмой день он подходит к горам:

…И промеж высоких гор
Видит шёлковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущелье тесном
Рать побитая лежит…

Перед ним его два сына
Без шеломов и без лат
Оба мёртвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга…

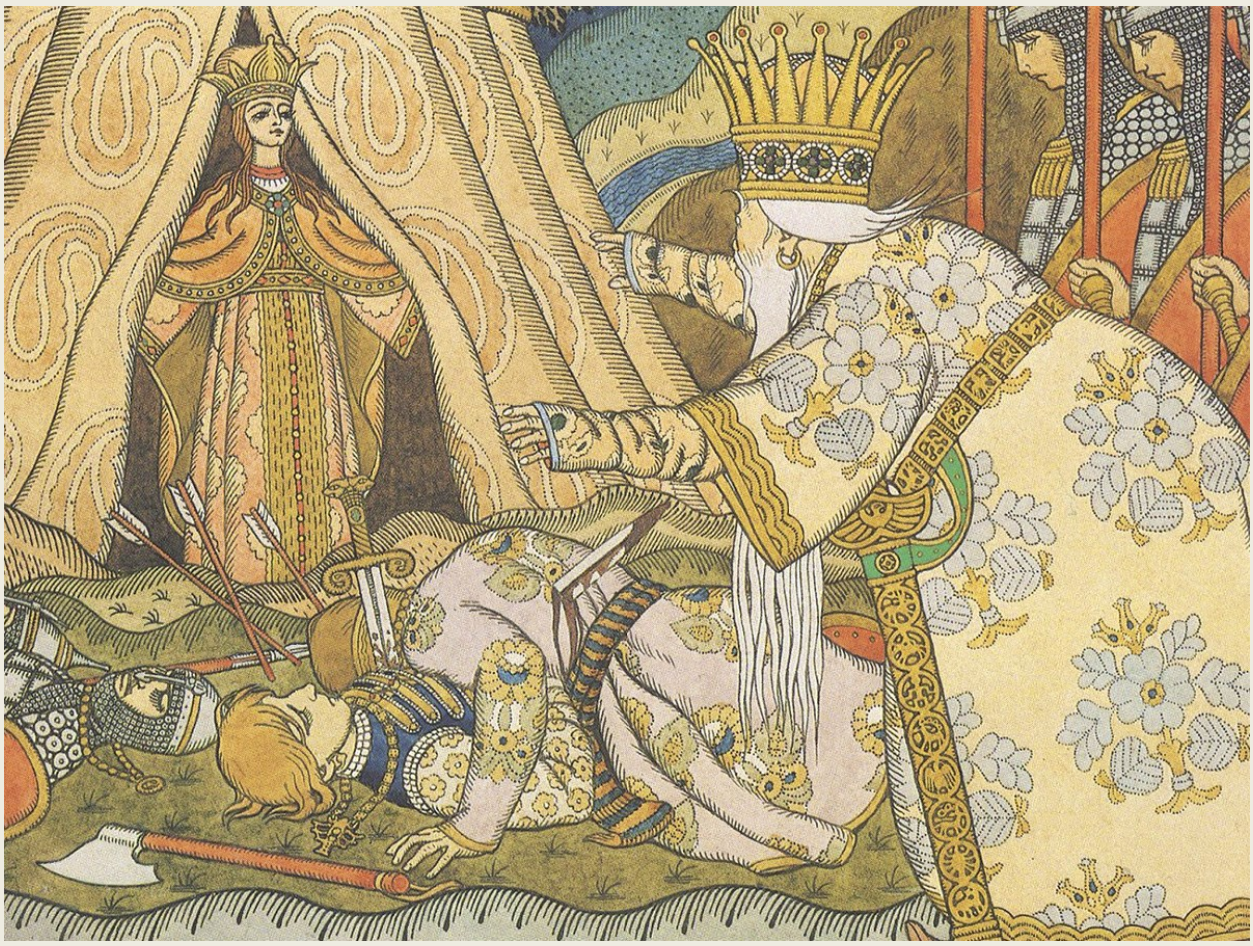
...Вдруг шатёр
Распахнулся…

(Пушкин, «Сказка о золотом петушке», 1834)

Это даже не «нуар», это – чистый «саспиенс». Резня уже кончилась, но мы чувствуем, что этим дело не ограничится. И данное предчувствие нас не обманет.

Заявленная здесь тема – «убийство родственниками друг друга из-за женщины» – личный вклад Пушкина в сюжет Ирвинга.

Похоже, что эта сцена произвела впечатление не только на меня. Художник Иван Билибин под тем же впечатлением изобразил её в цветах и красках.



[Илл. 08-08-34-1. Иллюстрация Ивана Бибибина к «Сказке о золотом петушке», 1906. Сцена убийства сыновьями царя Додона друг друга из-за Шамаханской царицы. Фрагмент]

Итак, «шатёр распахнулся»… И оттуда выходит «Шамаханская царица», из-за которой два царских сына зарубили друг друга насмерть. Но царь, гладя на её сияние, забывает и бога и чёрта. Дальше всё плывёт по течению.

А где есть течение, там был и исток. Так что ищем.

Незадолго до написания «Сказки о золотом петушке», в том же 1834 Пушкин приобретает уже упоминавшуюся мной книгу – свеже опубликованную китайскую пьесу «Сирота из рода Чжао» в переводе знаменитого французского китаиста Станисласа Жюльена («Tchao-Chi-Kou-Eul, ou l'Orphelin de la Chine, par Stanislas Julien», Paris, 1834)..

Сама пьеса ничего особенного из себя не представляет. Но в том же томе, в качестве приложения, было помещено несколько образцов других китайских сочинений, на пробу. В их числе – текст под названием «Смерть Дун Чжо» («La mort de Tong-tcho», с. 135-192).

Генерал Дун Чжо (лицо историческое) на самом излёте династии Хань становится фактическим правителем Китая, узурпировав власть при номинальном императоре. Он – стопроцентный злодей, тиран, душегуб, да в добавок ко всему ещё и бездарный менеджер. Даже свою собственную команду он умудрился настроить про-

тив себя. Придворные устраивают один заговор за другим, но все они раскрываются, с печальными для заговорщиков последствиями. Но делать что-то надо.

И тогда первый министр придумывает следующее. У узурпатора есть сын (правда, приёмный), первый боец во всей империи. И вот этого сына (тоже, кстати, лица исторического) будто ненароком министр сталкивает с девицей невиданной красоты. Сын воспламеняется. Министр соглашается отдать девицу ему в наложницы – но не прямо сейчас, а в ближайший благоприятный по гороскопу день. После чего, буквально тут же, эту же самую девицу также ненароком показывают отцу-узурпатору. Тот, без лишних разговоров, тут же забирает её себе.

Оказавшись во дворце, девица подыгрывает одновременно и отцу, и сыну, провоцируя между ними распрю. Здесь я пропущу сцену, в которой отец, обуянный ревностью, гонится за сыном с алебардой, пытаясь разрубить его на куски – и перейду сразу к сцене, в которой сын протыкает отцу горло такой же алебардой. Миссия выполнена – и буквально в тот же момент наша девица, словно по волшебству, практически исчезает из дальнейшего повествования. Конец эпизода.

Данный текст – это не отдельное произведение, а отрывок из знаменитого китайского романа «Троецарствие» (впервые, как мы помним, доставленного в Москву в 1730 Лоренцом Лангом по заказу Байера). Эпизод соответствует восьмой и половине девятой главам романа (из ста двадцати). Сквозная тема всего эпизода – «убийство родственниками друг друга из-за женщины». Это – хрестоматийное место хрестоматийного романа.

Все страницы данного отрывка из «Троецарствия» Пушкиным были тщательно разрезаны, что говорит о том, что он его читал – и как раз незадолго до своего «Золотого петушка».

Эпоха, описанная в «Троецарствии» (с 184 по 280 г. н.э.), в реальности представлявшая из себя непрерывную тотальную резню всеми всех, дала миру не только великий роман, но и такое культовое культурное явление, как «китайский чай».

Если, наслушавшись общих рассуждений на тему древности китайского чая, вы захотите перейти к изучению источников – вы с изумлением обнаружите практически полное их отсутствие. Реальность заключается в том, что до начала 700-х годов (нашей эры) во всём грандиозном массиве китайских письменных документов упоминания чая единичны и туманны. Да ещё и отделены они одно от другого чуть ли не столетиями. Конфуций, при всём уважении, чая не знал (а вот зерновое «вино» – очень даже).

Ярким индикатором катастрофического дефицита ранних данных по чаю служит то, что появление в неком проходном документе («Контракт» Вана Бао, «王褒童约», 59 г. до н.э.) всего лишь иероглифа «ту» («荼»), означающего любую «горькую траву» (но внешне похожего на иероглиф «ча», «茶», означающий собственно «чай») – так вот, разовое появление такого иероглифа возвело этот документ в ранг чуть ли не «Чайного Ветхого Завета».

При этом надо понимать, что как минимум до начала эпохи Троецарствия чайные листья (даже если это были они) использовались исключительно как дешёвый наполнитель овощной похлёбки (наподобие молодой крапивы), причём как правило совместно с другой съедобной растительностью и злаками («Книга Мань»,

«蠻書», т. 7, п. 5; Комментарии Guo Pu к словарю «Er Ya», 郭璞 «尔雅注»; Словарь «Guangya», «廣雅», и т.д.).

Хотя, чисто формально, то или иное употребление чая в Китае, по-видимому, действительно имело место ещё до начала нашей эры. Во всяком случае, можно считать установленным фактом обнаружение остатков чая в сианьской гробнице Янлин императора Цзин-ди (142 г. до н.э.). В одном из боковых захоронений (не императорском) был обнаружен комок слежавшейся массы растительного происхождения (размером с ладонь), из которого были уверенно выделены остатки листьев и почек растения рода Camellia sinensis, то есть именно «чая» в современном понимании. Химический анализ подтвердил вывод ботаников, выявив в образце характерное для чая содержание танинов и кофеинов. А радиоуглеродный анализ подтвердил датировку – середина второго века до нашей эры. Правда, обнаруженный комок состоял не только из чайных листьев, а представлял из себя пёструю смесь разных трав и зёрен. Какое назначение мог иметь данный продукт – каждый волен додумывать сам.

На столь размытом и зыбком информационном фоне, яркой звездой сияет «чайная» запись, содержащаяся в «Троецарствии». Но не в художественном романе с таким названием (сочинённом ровно через тысячу лет после описываемых в нём событий), а в историческом документе «Хроники Троецарствия» («三國志»), составленном по свежим следам (и ставшим одним из источников для будущего романа).

Так вот, в «Хрониках Троецарствия», в биографии первого ректора Нанкинского университета, учёного Вэя Чжао, детально описываются его взаимоотношения с алкоголем. В частности сообщается, что в молодости он был большим оригиналом, а именно – «отказывался от вина в пользу чая» («或密賜茶荈以當酒», п. 9). Данные слова можно рассматривать, как а) свидетельство всё ещё маргинального положения чая в качестве статусного напитка, и б) фиксацию далеко идущего прецедента.

Но я-то в связи с «Троецарствием» собирался рассказать не об этом. А о легендарном деятеле той эпохи Чжугэ Ляне. В мультивселенной «Троецарствия» (и романа, и хроник) это – звезда первой величины. Премьер-министр царства Шу (нынешние Сычуань и Юньнань), чьё имя в китайском языке вошло во множество поговорок и стало словом нарицательным (типа «чжугэлянить»), означающим высшее стратегическое и тактическое мастерство.

В рамках нашей темы он тоже засветился. В юго-западном Китае, в тех областях, которые являются сейчас центром производства чая вида «пуэр», Чжугэ Лян в народном сознании стал верховным «чайным богом». Местные жители уверенно показывают гигантское чайное дерево, которое Чжугэ Лян «посадил собственными руками» (никого не смущает то, что этому дереву должно было бы сейчас быть более полутора тысяч лет). Все шесть «Великих чайных гор» (реальные места нынешнего сбора чая) напрямую соотносят с шестью магическими предметами, якобы оставленными на них Чжугэ Ляном. День рождения Чжугэ Ляна отмечается в этих местах, как «праздник чая». Да чего уж там – в провинции Юньнань установлен не один памятник Чжугэ Ляну именно, как «чайному богу».

Всё это – не новомодные веяния. У поэта VIII века Ду Фу несколько стихотворений прямо построены на факте обожествления Чжугэ Ляна, который предполагается общеизвестным. Например,

> ***
> В запущенном храме [Чжугэ Ляна] осыпаются росписи (遺廟丹青落),
> пустынные горы вокруг поросли высокой травой и деревьями.
>
> (Ду Фу, «Храм Князя-воина», 15.12 по ПСС, 1703)
>
> ***
> Перед храмом Чжугэ Ляна стоит старый кипарис (孔明廟前有老柏),
> его ствол подобен зелёной бронзе, а корни – камню. <…>
> Когда дерева много, его трудно использовать всё.
> [В смысле: слишком большому таланту трудно найти достойное применение]
>
> (Ду Фу, «Старый кипарис», 15.70)
>
> ***
> Долго путешествовал я по земле Ба
> и часто заходил в храм «князя-воина» [Чжугэ Ляна] (屢入武侯祠).
> Солнце окрашивает бамбуковую кровлю его пустого святилища,
> лёгкий ветерок шевелит тонкие занавески.
>
> (Ду Фу, «Храм Чжугэ Ляна», 19.27)

Если принять во внимание исторические реалии, то обретение Чжугэ Ляном статуса «чайного божества» в юго-западных областях Китая выглядит более чем странно. Ведь как раз он, в качестве командующего войсками царства Шу, неоднократно совершал сюда карательные экспедиции с целью подчинения местных «варваров» (то бишь всех местных жителей). А нам тут рассказывают, в качестве «материалистической» версии происхождения культа, что хотя Чжугэ Лян деревьев сам, может быть, и не сажал, но зато лично доставил сюда семена чайного дерева и научил местных жителей его выращивать. Даже комментировать не хочу.

Но факт есть факт, на юге провинции Юньнань Чжугэ Лян стал «чайным богом».

Никому не навязываю своё видение, но для себя все известные мне факты по этому делу я складываю в следующую картину. Которая включает в себя и версию распространения чая вообще.

Охотно допускаю, что самое старое из обнаруженных на Земле растущее чайное дерево находится на территории Китая. Допускаю также, что растение «Camellia sinensis», как биологический вид, исходно появилось где-нибудь там же, и только потом распространилось по остальному миру. И я допускаю даже, что жители юго-западных областей нынешнего Китая испокон веков так или иначе использовали в пищу листья этого растения. Вот только данное «использование» сводилось к наполнению этими листьями (как и другой сколько-нибудь съедобной травой) похлёбки – в отсутствие наполнителей настоящих, то есть злаков. Все ранние документы вписываются в эту автохтонную линию.

На неё накладывается другая линия, независимая. Концепция чая, как статусного и церемониального напитка, олицетворяющего высокий уровень жизни и интеллектуальные претензии – эта волна, я полагаю, пришла в Китай сугубо извне, вместе с пришлыми буддистами. По мере распространения Учения, крепла и данная мода. Буддисты пили чай и медитировали – и при дворе тоже начинали пить чай и делать серьёзные лица. И отсчёт этому даёт как раз эпоха Троецарствия.

С Чжугэ Ляном же я вижу ситуацию так. Завоеватель вряд ли вёл культурно-цивилизаторскую деятельность. Но местные жители могли с изумлением обнаружить, что у пришельцев с севера (уже затронутых буддизмом) загораются глаза при виде определённых местных листьев и они готовы, в случае чего, платить за них деньги – и это при том, что данная мало питательная зелёная масса использовались здесь испокон веков и в грош не ставилась.

Неожиданно объявившийся спрос должен был подтолкнуть целенаправленное производство соответствующего продукта (хорошо растущего в данной местности), которое и положило начало принципиально новому этапу чайной индустрии. А последовавшее вскоре обожествление Чжугэ Ляна дало, в свою очередь, этому явлению идеологическую поддержку, способствуя ещё большему ускорению процесса.

Результат налицо. До Чжугэ Ляна листья чайного дерева не стоили здесь ничего – а сейчас стандартный блин (375 гр.) старого коллекционного «пуэра» может на шанхайском аукционе быть продан по цене нового «роллс-ройса». Такое может сотворить только бог.

Итак, эпоха Троецарствия дала Китаю «чай» в современном его понимании. Что позволило Спафарию в нужное время открыть этому самому «чаю» дорогу в Московское царство («чайные» главы его «Описания Китая», 41 и 43). А это, спустя ещё некоторое время, вылилось уже в целое «чайное шинуазри», буквально сунувшее в 1834 в руки Пушкину роман «Троецарствие».

А уже от данного романа произошла «родственно-убийственная линия» всеми нами любимой «Сказки о золотом петушке», последней сказки Пушкина.

Не хочу выходить за рамки темы, а потому скажу только, что данная линия получила в русской литературе дальнейшее развитие. И в «Подростке» Достоевского (в облегчённой версии), и, конечно, в «Братьях Карамазовых» – тут уж в полную силу.

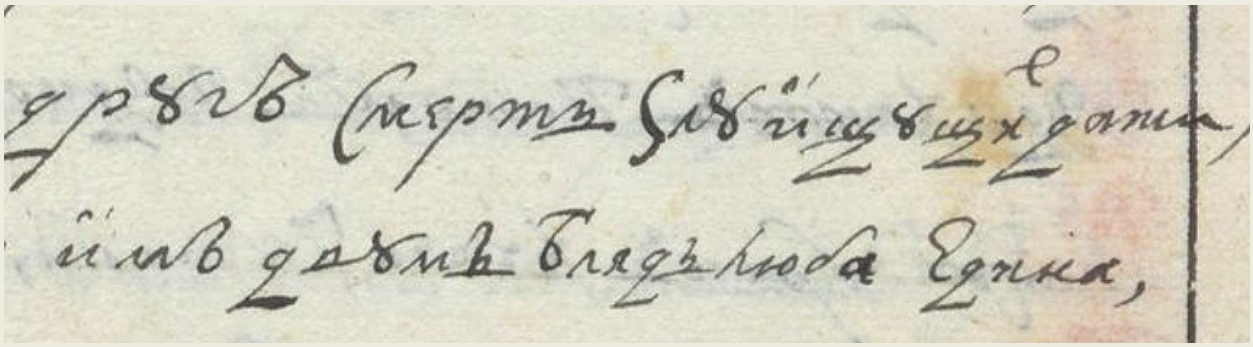
Но сам «сапожник» и на этот раз остался без сапог. Пушкин своей собственной сказки, похоже, так и не понял. Описанная там роковая сцена – и по составу участников, и по мотивам, и по результату – она никак в его голове не связалась с его собственной жизненной ситуацией. А ведь всего через два с небольшим года всё произойдёт с ним как по-писанному. Напомню, что Пушкин и Дантес на тот момент являлись родственниками («свояками»), поскольку их жёны были родными сёстрами.

Один умный человек написал: «Сказка ложь, да в ней намёк! Добрым молодцам урок». Но два «добрых молодца» 27 января 1837 этому предупреждению не вня-

ли. Впрочем, данную фразу как раз и вычеркнул при публикации коварный цензор Никитенко.

Как тут не вспомнить 5-ю сатиру Кантемира, старательно скопированную в 1733 молодым Ломоносовым в свою ученическую тетрадь:

Увидишь двух с ярости вне себя бывати,
Мечами друг другу смерть злу ищущих дати –
За что? за то, что им двум блядь люба едина.
Куды важна не щадить жизнь свою причина!



[Илл. 08-08-35-1. Первая редакция 5-й сатиры Кантемира, строки 301-302. Рукописная копия, сделанная рукой Ломоносова в 1733. ОР РНБ, F.XIV.3, с. 113]

В результате Пушкин в Китай так и не попал. Несмотря на всю свою любовь к чаю.

Чисто лирика

А вот Париж двенадцать лет спустя.
Пишу, признаться, рукава спустя,
хоть осень и прозрачна и ясна.
Двенадцать лет назад была весна.

И вот Париж спустя двенадцать лет.
Уже сто евро ломят за билет
на «Crazy Horse» – ни чести, ни стыда.
Приезжих объезжаются стада.

Аншлаги в галерее Лафайет.
Купили просто так китайский плед
и нож для сыра, чтобы не везти.
Всё остальное есть уже, прости.

Но вместе с тем уже чего-то нет.
Двенадцать лет, ну да, двенадцать лет.
И пассии в Пасси, Трокадерó,
пасутся у метро, но *pas si trop*.

Проблемы с Оперой – то святки, то ремонт,
то Лина незабвенная Лемонт.
На три квартала очередь на рок.
В «Musée Cluny» живёт единорог.

Какой там Юнг! Тут полный Леви-Стросс.
Наш стол усыпан лепестками роз.
Кафе «Пти Пон», гудит норвежский газ.
Певица в «леви’с» – чистая Каас.

Нет, натурально: лепестками роз.
Я долго жил – и только вот дорос.
А ведь плясали под Патрисию вот-вот –
двенадцать лет назад, в тот Новый год.

Вот улица, где кончил путь «Улисс».
Здесь столько умных, интересных лиц.
Как красен лист! Как воздух синь и свеж!
Quartier Latin, отель «Труа Коллеж».

Из комнаты – прямой на крышу ход.
До нас здесь Маркес жил какой-то год.
И заработал Нобелевку в ней.
Мои успехи несколько скромней.

От Сохо – до республики Сахи,
и про Париж, и прочие стихи,
как ветер, не оставили следа –
ни в прошлом, ни теперь, и никогда.

Через дорогу – Люксембургский сад.
Его здесь не было двенадцать лет назад.
А, может, был уже. Пока пишу –
китайцы учат тётушек «у-шу».

Настоящий эпизод – вне времени. В том или ином воплощении он мог произойти когда угодно. Но в воплощении конкретном он произошёл во времена «пост-шинуазри», 1835.

Два великолепных поэта написали два великолепных стихотворения, удивительно схожих по настроению. И один из них написал своё стихотворение вскоре после того, как прочитал стихотворение другого. Это – всё.

Один поэт – Пушкин, элегия «Вновь я посетил…», осень 1835. Другой – Ду Фу, элегия «Деревня Циан» («羌村»), осень 757. И между этими двумя точками проскочила искра.

Элегию Пушкина я воспроизводить не буду, её и так все знают. А элегию Ду Фу – напомню. Причём в таком именно виде, в каком её, во французском переводе, читал Пушкин во всё том же приложении к пьесе «Сирота из рода Чжао» (Париж, 1834, с. 347-352), все сорок строк. В китайском оригинале каждая строка укладывается ровно в пять иероглифов, образующих к тому же нужный тональный рисунок. Русский перевод того французского перевода выглядит так:

«Деревня Циан»

1.
Край солнца медленно касается горизонта,
и горы пылающих облаков окрашивают запад в багряный цвет.
В одинокой хижине птицы испуганно кричат,
завидев путника, пришедшего за тысячу «ли».

2.
Моя жена и дети поражены, увидев меня живым.
Оправившись от изумления, они вытирают слёзы.
В период анархии я был игрушкой бурь,
и лишь по случайности я всё ещё дышу.

3.
Соседи перелезают через стену, чтобы получше меня разглядеть.
Потеряв речь от волнения, они издают лишь долгие вздохи.
Ночь проходит незаметно, одна лампа сменяет другую.
Они смотрят на меня молча, как на человека, который привиделся им во сне.

4.
На закате лет («Sur le soir de l'année») я вырвал у судьбы продолжение своего бренного существования,
и вернулся к своей семье, чтобы насладиться мгновеньями счастья.
Мои дети не отпускают мои колени:
они боятся, что я снова уйду.

5.
Раньше, я помню, мне нравилась прохлада,
мне нравилось гулять вокруг пруда и сидеть там под сенью деревьев.
Теперь же северный ветер пронзает меня острыми стрелами;
теперь тревога за семью наполняет меня болью.

6.
Зерно для перегонки уже собрано;
я чувствую запах спирта, исходящий от чана.
Вино не успело набрать ещё силы,
но оно уже способно притупить боль в моём сердце.

7.
Всполошённые петухи оглашают воздух криками,
которые вспыхивают с новой силой при подходе очередных гостей.
Изгнанные со двора, они рассаживаются на деревьях.
Снова слышится стук в дверь.

8.
Пришли четверо старцев, их волосы седы.
Они расспрашивают меня о моём долгом путешествии.
Каждый принёс с собой скромный дар:
у одного вино мутное, у другого – чистое.

9.
Трогательными голосами они извиняются за слабость вина:
«На этих полях, когда-то столь тучных, некому больше работать.
Увы! Огонь распри ещё не погас.
Все наши сыновья ушли на войну.»

10.
«Тронут вашим вниманием, облегчающим мои страдания, – говорю я.
Я хочу, добрые старики, спеть вам одну песню.»
Песня моя смолкает… а они всё продолжают слушать, и сердца их полны печали.
Подняв лица к небу, они украдкой вытирают слёзы, катящиеся по щекам.

(Ду Фу, «Деревня Циан», 757)

Вот такое стихотворение.

Надо сказать, что французский перевод Станисласа Жюльена, опубликованный в 1834, на удивление точно соответствует оригиналу, совершенно адекватно передавая не только общий дух стихотворения Фу Ду, но и большинство тонких его нюансов. А последняя строка третьего четверостишия у переводчика вообще получилась лучше, чем в оригинале. Человек, которого его бывшие соседи давно в уме похоронили, так и продолжает оставаться для них мертвецом – несмотря на то, что он выжил, вернулся домой и сидит напротив них («ils me regardent… comme un homme qu'on voit en songe»). У Ду Фу этот момент решён проще – «Всё выглядит, как во сне» (相對如夢寐).

Особые сложности могли возникнуть с переводом самой последней строки, которая про «слёзы». В оригинале она представляет из себя невообразимое нагромождение идиом, что в подстрочном переводе звучало бы, как «Четыре площадки слёз по вертикали и горизонтали» (四座淚縱横). Мало того, даже простое понятие «горизонталь» дано у Ду Фу иероглифом, составленным из двух графем, которые, будучи прочитанными раздельно, означали бы всего лишь «желтизну дерева» (横). Да и остальные иероглифы здесь не лучше. При этом, всё вместе это даёт что-то вроде «Всё [испещрено] слезам вдоль и поперёк», чему переводчик нашёл блестящий французский эквивалент. А «Поднятые к небу лица» у него просто переехали сюда из предыдущей строки (仰天歎).

Но всё-таки имеется в данном переводе одно существенное отличие от оригинала – вторая строка четвёртого четверостишия, про «наслаждение семейным счастьем».

Данное место принципиально. В переводе оно выглядит достаточно банально – как простая констатация совершенно ожидаемых эмоций, испытываемых героем при возвращении: «Вернулся к своей семье чтобы насладиться мгновеньями счастья». А что – кто-то ожидал чего-то другого?

Если да, то этот «кто-то» – гений. Ибо в оригинале мы видим как раз совсем другое. В чём-то – прямо противоположное.

> [Пусть] На склоне лет мне удалось выжить,
> но возвращение домой принесло мало (少) радости.
>
> 晚歲迫偷生,
> 還家少歡趣。
>
> (Ду Фу, «Деревня Циан», строки 13-14)

Данная фраза направляет смысл всего стихотворения в другое русло. Другое – и более глубокое. Даже если всё вокруг снова станет прежним, это ничего уже не изменит – жизнь делает человека реально «другим человеком». Которого даже на тёплом юге «северный ветер пронзает острыми стрелами». Такое вот стихотворение.

А что у Пушкина? У Пушкина всё это несколько мягче (другой градус жизненных проблем), но фабула его элегии совпадает с фабулой «Деревни Циан» в точности.

Осенью (!), конкретно в сентябре (!), в семейное (!) деревенское (!) гнездо после долгих скитаний (!) возвращается столичный (!) житель. Тут всё осталось прежним (!) – озеро (!), рощи (!) – но всё это его не слишком радует (!), ибо сам он безвозвратно изменился (!).

Между двумя элегиями есть, впрочем, и отличия. Пушкин, предчувствуя своё предстоящее схождение со сцены, возлагает надежды на следующее поколение. Ду Фу, видя ситуацию глубже – пьёт и смотрит в небо.

Ладно уж, поцитирую чуть-чуть и пушкинскую элегию. Как-никак, «род стихотворного сочинения, которым описуются печальные или полюбовные дела». Вот самое начало:

...Вновь я посетил
тот уголок земли, где я провёл
изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
переменилось в жизни для меня,
и сам, покорный общему закону,
переменился я – но здесь опять
минувшее меня объемлет живо… <…>
Вот холм лесистый, над которым часто
я сиживал недвижим – и глядел
на озеро…

(Пушкин, «Вновь я посетил…», 26 сентября 1835. Фрагмент)

Этому беловому варианту вторит вариант черновой:

В разны годы
под вашу сень, Михайловские рощи,
являлся я; когда вы в первый раз
увидели меня, тогда я был
весёлым юношей, беспечно, жадно
я приступал лишь только к жизни; годы
промчалися, и вы во мне прияли
усталого пришельца…

(То же. Черновой вариант)

Показательно, что современники Пушкина именно данную элегию считали последним его стихотворением, в котором поэт подводит итоги и которым замыкает круг своей земной жизни. В любом случае, в первом посмертном номере пушкинского «Современника» (том 5, 1837, №1), в завершающем разделе под названием «Последние три стихотворения А.С. Пушкина», эта элегия шла самой последней (с. 320-322), завершая собой весь мемориальный номер журнала (за вычетом чисто технических страниц). К слову, даже здесь не обошлось без редактуры. Так, «изгнанник» был ничтоже сумляшеся заменён «отшельником», «опальный домик» – «смиренным домиком», а в первую строку волевым усилием была вставлена непонятно откуда взявшаяся и непонятно что здесь делающая «родина» («Опять на родине! и т.д.» вместо простого «…Вновь»). Одним словом, опять на родине.

Как мы сейчас хорошо знаем, данное стихотворение последним у Пушкина не было. Но распространённость данного представления ярко показывает восприятие читателями этой элегии именно как итоговой. Заканчивалась она соответствующе:

Но пусть мой внук
Услышит [выросших деревьев] приветный шум <…>
И обо мне вспомянет.

Всё правильно. Вот, я вспомянул.

Для Ду Фу его элегия «Деревня Циан» также не была последним стихотворением. Наоборот, после неё у Ду Фу начался чрезвычайно плодотворный период, его собственная «Болдинская осень», которая длилась без малого пять лет кряду. И тоже вдалеке от «родных» мест – в провинции Сычуань, в городе Чэнду. Где сейчас располагается невероятный по красоте мемориальный комплекс поэта.

Пора и нам подводить итоги. В 1834, благодаря эпохе «пост-шинуазри», Китай дотянулся до Пушкинской музы – через элегию Ду Фу и роман «Троецарствие». А в назначенное небесами время – и Пушкин дотянулся до Китая. К столетию смерти поэта русские эмигранты установили в Шанхае соответствующий памятник. Через десять лет, правда, этот памятник снесли – но ещё через сорок лет его восстановили – ко всеобщему торжеству дела поэзии во всём мире.

[Илл. 08-08-36-1. Памятник Пушкину в Шанхае, исходно установлен в 1937. Для выбора дальнейшего пути теперь всегда есть целых четыре секудны. Фото автора]

[Илл. 08-08-37-1. Надпись на постаменте памятника Пушкину в Шанхае: «Пу-си-цзинь». Последний иероглиф означает «золото». Фото автора]

Данный бронзовый Пушкин символически закрыл сразу две лакуны в биографии поэта, реализовав сразу два его заветных, но неосуществлённых желания – попасть в Китай, и попасть во Францию. Шанхайский памятник был установлен в той части города, которая, начиная с 1847, относилась к Французской концессии, то есть была экстерриториальной зоной, юридически являющейся территорией Франции. А практически – этот район стал реально «маленьким Парижем» – с французскими парками, виллами арт-деко, променадами и бистро.

Прямо напротив памятника, буквально в нескольких десятках метров, сейчас находится французская пекарня-boulangerie («Горячий хлеб») – и каждое утро ласковый ветерок доносит до поэта запах свеже испечённых круассанов. Здесь за двадцать юаней мы с женой купили великолепный хрустящий «багет».

Через дорогу – Люксембургский сад.
Его здесь не было двенадцать лет назад.
А может был уже… Пока пишу –
китайцы учат тётушек «у-шу».

Париж, он ведь не сам же по себе,
его все подгоняют по себе –
из променадов, парков и террас.
Здесь каждый раз – всегда последний раз.

Здесь каждый раз – всегда последний раз.
Парит в лазури башня Монпарнас.
Серёжками качает бересклет.
Вокруг Париж. Спустя двенадцать лет.

Элегия… а с ними так всегда.
Осенний жанр: ветер и вода.
А главный атрибут – былого тень.
Элегия, такая хренотень.

Летели в ночь. Купили алкоголь.
И «Помпиду» исчез, и «Шарль де Голль».
Лишь плед остался. И для сыра нож.
Элегия, ну что с неё возьмёшь.

Воздух

И вот к чему мы пришли. Книга Спафария о его путешествии в Пекин дала исходный толчок русскому увлечению Китаем («шинуазри»), а оно в свою очередь оказало (во всех трёх своих фазах) глубинное влияние на русскую литературу и поэзию. Остаётся понять, какую роль играет эта самая «поэзия» в нашей повседневной жизни.

Дам своё понимание вопроса в виде набора тезисов. Итак:

106 ТЕЗИСОВ О «СТИХАХ»

1. Слово «стихи» известно всем.
2. Есть люди, которые «стихи» делают.
3. Есть люди, которые «стихи» потребляют.
4. «Стихи» это некие специальные тексты.

5. «Стихи» производят и потребляют преимущественно в молодом возрасте.
6. Профессиональные производители «стихов» по достижении зрелости это занятие как правило оставляют.
7. Рьяные производители «стихов» умирают рано.
8. Моя бабушка в гимназии писала «стихи» («И ветер – как парное молоко!»).

9. Статус производителей «стихов» не определён. Это профессия? Специальность? Род занятий? Особенность характера?
10. Функционально, стихосложение – хобби (как складывание пазлов, игра в шахматы или разведение цветов на даче).
11. Для подавляющего большинства людей смысл их жизни де-факто заключается в их хобби.
12. Роль профессиональных составителей «стихов» – в установлении правил игры и в создании образцов, стимулирующих интерес к этому занятию у любителей (аналогично роли профессиональных шахматистов, поддерживающих своей игрой интерес к шахматам у остального населения).
13. Составители «стихов» – организаторы досуга?

14. Потребители и производители «стихов» – одни и те же люди.
15. «Стихи» циркулируют в сообществах. Сообщества конкурируют между собой.
16. Стиховое сообщество – секта, где у рядовых членов искусственно поддерживается ощущение избранности.
17. Выгодоприобретатели – организаторы сект.
18. Демонстрационный отказ от стремления к успеху является успешной стратегией продвижения.

19. В жизни подавляющего большинства людей «стихи» не играют абсолютно никакой роли.
20. Населению «стихи» известны в объёме, требующемся для получения школьного аттестата (то есть включённые в обязательную школьную программу).
21. Иногда «стихи» произносят вслух под музыку. Тогда это называется «песня». Успешность «песни» практически не зависит от качества использованных в ней «стихов».

22. Одна небольшая история. К моим родственникам как-то должны были приехать знакомые. Даже не их личные, а знакомые их знакомых, в-общем – седьмая вода на киселе. И даже ехали они не к ним, а просто оказывались здесь проездом и хотели остановиться где-нибудь на несколько дней. И мои родственники попросили поселить гостей у нас, поскольку мы с женой жили тогда на даче.

Приезжающие были люди положительные, взрослые, интеллигентные, практикующие врачи, давно уже живущие в маленьком городке в Европе, но исходно родом с Урала. Туда они и летели.

Здесь же у них не было никаких дел, просто им хотелось окунуться в столичную культурную жизнь. У них была заранее детально проработаная сверх-насыщенная программа – выставки, концерты, театры – и всё это они просто заглатывали в невероятных количествах трое суток кряду. Они, как потом мы узнали, даже в кино здесь ходили, реально в кинотеатр – смотрели какой-то «редкий» документальный фильм про кукольного режиссёра. В общем, изголодались невероятно.

Через три дня они полетели дальше, мы с ними так и не пересеклись. Когда же мы вернулись с дачи, то обнаружили, что они забыли на подоконнике стопку купленных ими книг, целых шесть штук. И это были – стихи! Все шесть книг – стихи. Причём не Баратынского или Цветаевой – а современных поэтов. Новенькие, красивые, отлично напечатанные книги.

А потому представьте себе, какую гордость я ощутил, когда увидел, что с одним из этих авторов я даже немного знаком.

Так, во всём этом мне открылась следующая картина. Люди летят сюда за тысячи километров, может быть первый раз за двадцать лет, рассчитывая пробыть здесь всего несколько десятков часов – и часть этих драгоценных часов они тратят на то, чтобы добыть здесь (куда-то, наверно, специально ездили) стихи моего знакомого. Которые (стихи) сами прилетели сюда из-за океана лет десять назад, чтобы тут быть изданными. И вот они встретились – «стихи» и «читатели». Это и называется «место встречи изменить нельзя». У меня аж дух перехватило. Ради этого, собственно, и живём.

И вот всё это богатство оказалось забыто. Я попросил родственников узнать у этих их знакомых, куда мне переслать для них забытые ими книги.

Недели через две пришёл ответ. Нет-нет, всё в порядке. Они их просто оставили. Им всё это всучили в нагрузку, бесплатно – то ли к билетам на мюзикл, то ли при покупке других, настоящих, книг. Очень извиняются, что не выбросили их сами, просто они не знали, как у нас здесь принято утилизировать подобные отходы.

Я присмотрелся. По корешкам было видно, что ни одну из этих шести книг даже не пытались раскрыть. Вот и вся история.

23. «Стихи» – это ментальный продукт, имеющий ограниченное хождение.
24. Вместе с тем стихосложение – широко распространённое явление.
25. Производство «стихов» – обеспечивает ли оно высокое положение производителю?
26. Потребление «стихов» – способствует ли оно жизненному успеху потребителя?

27. «Стихи» – это лифт к богатству и славе?
28. Главная загадка «стихов» – устойчивость массового производства этого слабо востребованного продукта.

29. При всём при том, не подлежит сомнению, что в истории имелись периоды и страны когда и где «стихи» считались крайне ценным продуктом, а статус «производителей стихов» был чрезвычайно высок.
30. Не единичны случаи, когда у производителя «стихов» уходила целая жизнь на изготовление одного-единственного (длинного) «стихотворения», которое по завершении становилось «национальным сокровищем» и «символом нации».

31. Формальный признак «стихов» – их форма.
32.

Исторически, «поэзия» –
род мнемотехники. Индонезия.

33. Рифма и ритм обеспечивают «стихам» повышенную запоминаемость, которая делает их удобным инструментом для сохранения и устного распространения информации в допечатную (тем более в дописьменную) эпоху.
34. «Стихи» нужны царям для собственного обессмерчивания (панегирики) и обессмерчивания собственных кланов (эпопеи).
35. В закрытых социальных системах возможны рецидивы до-печатных эффектов, в частности ремиссия «стихов».
36. «Стихи» – слова, умеющие убеждать без аргументов («доказательство рифмой»).
37. «Стихи» – инструмент пропаганды?

38. В общественном сознании «стихи» делятся на «серьёзные» и «расхожие».
39. «Серьёзные стихи» – это ритуальные тексты абстрактного и возвышенного содержания, составленные из ритмически организованных и рифмованных строк.
40. «Расхожие стихи» – забавные складные пассажи, в которых шаблонные ситуации обыгрываются в парадоксальном ключе и приправляются вольностями по вкусу.
41. «Сегодня мы идём на вечер начинающих авторов стихов на заброшенном заводе». Почему-то никто не зовёт на вечер начинающих стоматологов в недостроенной клинике, или вечер начинающих сантехников в ремонтируемой бойлерной.
42. «Стихи» в целом проходят по разряду развлечений.
43. Маньчжурия:

[…Китайцы сажают капусту.
Под праздник борчихи «сумо»
пускают друг другу кровь из-носу.]

Поэзия – архаичная форма искусства.
Которое, в свою очередь, само –
архаичная форма шоу-бизнеса.

44. Рабочим пространством «стихов» являются эмоции.
45. Эмоции – естественный продукт жизнедеятельности. У человека может быть их как недостаток, так и избыток.
46. «Стихи» – наработанные «трипы» по эмоциям. С помощью чужих «стихов» человек может эти «трипы» самостоятельно повторять.

47. Посредством «стихов» люди пытаются решать личные психологические проблемы.
48. Вид терапии – «собрание анонимных стихотворцев».
49. Здоровым «стихи» не нужны.
50. «Стихи» – средство расцвечивания мира.
51. «Стихи» – праздное занятие, отвлекающее человека от дела. Прилипчивая привычка.
52. Это – пагуба.
53. «Стихи» – опиум для стихотворцев.
54. Каждому отдельному человеку выгодно, чтобы его конкуренты находились под действием «стихов», а он сам – нет.
55. Так или иначе, «стихи» – концентрат эмоций, готовый для применения.

56. Как правило, из «стихотворения» можно вычленить короткие удачные высказывания. Всё остальное служит «оправой» и «гарниром» к этим строкам, то есть – контекстом. Читатели этот контекст в голову особо не берут.
57. «Стихи» – это красивые слова.
58. «Стихи» – это острые слова.
59. «Стихи» – это короткие сильные слова.
60. «Стихи» – это глубокие свежие мысли в изящной формулировке. Род мнемонизированных «крылатых выражений».
61. Производитель «стихов» – человек, видящий суть вещей и умеющий выразить её в удобной для запоминания форме.
62. Не можешь выразить законченную мысль в двух строках – пиши прозу.

63. «Стихи» – снимки тонкой структуры мира. Кто умеет их читать – обретает дополнительное «глубинное зрение».

64. «Стихи» – психический стимулятор.
65. «Стихи» – психический симулятор.
66. «Стихи» – консервы эмоций.
67. «Стихи» – вербализованные порывы.
68. «Стихи» – активатор пассионариев.
69. «Стихи» – слабительное для чувств.
70. «Стихи» – реальная виртуальность.
71. «Стихи» – вериги совести.
72. «Стихи» – мёд богов.
73. «Стихи» – полигон катастроф.
74. «Стихи» – розы Небесного сада.
75. «Стихи» – это школа для дураков, путешествие на край ночи, макулатура, мёртвые души, речные заводи, преступление и наказание, вешние воды, сентиментальное путешествие, всадник без головы.
76. «Стихи» – это подберёзовая турбина (радикулитный антрацит).
77. Правильное определение не исключает другие правильные определения.

78. «Стихи» бывают: плохие, хорошие, и работающие.
79. «Хорошие стихи» в прозаическом пересказе как правило выигрывают, хотя их запоминаемость при этом снижается.
80. «Работающие стихи» пересказу поддаются плохо.
81. «Стихи» это некие специальные тексты.
82. Не все «стихи» достигают своей цели.

83.

***
Как наслажденье рисовать,
так наслажденье рифмовать.

***
Мне рифмы просто жгут карман.
Какой шарман, какой шарман!

***
Какой-то просто рифм я спрут:
ну так и прут, ну так и прут.

***
Чем проще, тем лучше,
не надо «идей».
Сравнивай всё со всем –
и балдей.

***
Поменьше аллюзий,
побольше иллюзий.

***
Коли деньги есть и слава –
мощный стих течёт, как лава.
А без славы и без денег –
дёрган он, как неврастеник.

***
Есть благая весть:
с рифмы можно слезть.
Но когда стезя –
слезть уже нельзя.

***
Падёшь ли в рифму, как герой,
с красивой в голове дырой,
иль тихо свинтишь в Эмпирей
(или Элизий, что скорей) –
оно не суть. Твои лексемы
бессмертны (впрочем, как и все мы).

***
Сейчас умеет рифмовать
практически любая блядь.

84. Не выраженные в словах эмоции несут дискомфорт. «Стихи» его снимают.
85. Хотя эмоции, пережитые человеком, и сохраняются в его памяти – однако человек не может их по своему желанию из памяти вызывать, если они предварительно не были кем-то вербализованы.

86. Люди хотят высказываться, но не умеют. «Стихи» это делают за них – и для них («Прямо с языка снимают»).
87. Массив «стихов» представляет собой библиотеку эмоциональных паттернов.
89. Совокупность испытанных эмоций – основной жизненный капитал человека. Открывая к ним доступ, «стихи» открывают человеку дверь в его же собственную жизнь.

90. «Стихи» это некие специальные тексты.
91. «Стихи» – особые смысловые траектории, а именно – каналы, соединяющие накоротко далёкие области понятийного пространства.
92. «Стихи» – это смысловые структуры, обеспечивающие апгрейд «понятийного поля».
93. «Стихи» – особые скрипты, соединяющие далёкие понятия и при этом разграничивающие понятия близкие. Что не позволяет трещинам в «понятийном поле» развиваться в глобальные разломы, а сгусткам не позволяет разрастаться до критических размеров и провоцировать «схлопывание» поля.
94. Как Атланты держат на каменных руках небо, так и «стихи» держат мир, не давая ему развалиться.
95. Никто не любит узнавать, что кто-то спасает его от угроз, о которых он даже не подозревал.
96. Никто не хочет оплачивать из своего кармана спасение мира.
97. Производство «стихов» не профессия, а миссия.
98. Родители невест выдают своих дочек за изготовителей «стихов» крайне неохотно.
99 «Стихи» – особый класс апргейдов «понятийного поля», а именно – критические «патчи устойчивости», удерживающие поле от коллапса.
100.

И можно жить, доколе,
назло планиде злой,
стихи сшивают поле
контекстною иглой.

101. Итак, семь функций «стихов». Стихи это:
а) Исторически – эликсир бессмертия.
б) Составная часть индустрии развлечений.
в) Инъекции чувств.
г) Суть вещей, выраженная в простой для запоминания форме.
д) Окно в невидимое, снимки тонкой структуры мира (для умеющих пользоваться).
е) Вербализованные эмоциональные архетипы (открывают читателям доступ к их же собственному эмоциональному опыту).
ё) Для всех и каждого (в том числе и тех, кто о стихах даже не слышал) – критические стабилизаторы «понятийного поля». Удерживают поле от коллапса.

102. Из перечисленных основных функций «стихов», две последние («е» и «ё») по-видимому уникальны.
103. Присутствие «стихов» неощутимо, исчезновение фатально.
104. Делающий «стихи» человек называется «поэт».
105.

Поэт всегда живой,
поэт всегда с тобой
идёт босой стопой
по кромке ножевой.

Поэт живей живых.
Но мёртвых он мертвей.
Как яростен и тих
ширазский носорог!

Вот так и ты, поэт:
спускаешь всех собак
догнать незримый свет –
хоть ты поэт и так.

Какой закат долин!
Как воздух синь и свеж!
Поэт – не Сахалин.
Поэт, он – Бангладеш.

Богатый, словно Крез,
облобызает крест,
достанет свой обрез –
и в Польшу, через Брест.

Поэт, так он такой –
на то он и поэт,
что левою ногой
собачит всякий бред.

Поэт всегда один.
Ну максимум их два.
Далёко среди льдин
торчит его ботва.

Таков и ты, поэт,
когда без дураков:
едва держать ответ –
и ты, поэт, *таков*.

Поэт – до тридцати,
а дальше надо есть,
как воду ни мути –
и в этом что-то есть.

Но в этом что-то нет,
каких-то тонких нот.
Запутывая след,
поэт и есть поэт.
Не булка, не енот.

106.

***

Не то, чтобы не прав поэт,
но он немного жалок,
когда язвит он целый свет,
не экономя жалок.

Когда работает поэт
на основной работе,
он, как и все, берёт обед
и устаёт к субботе.

Он в точности такой как все.
Ну, разве, чуть надменней.
И дату смотрит колбасе,
во всём ища знамéний.

А может – знáмений, как знать.
Везде свои порядки.
Главней литературна знать
поэта на порядки.

Но трётся ль он среди Харит,
беседует ли с вами –
словами он не говорит,
колдует он словами.

И жизнь, как цепь простых чудес,
течёт в дуге разряда,
пока не кончится замес,
иль не насыплют яда.

Стихи – не просто «слов ручей».
Сложны ль они, просты ли –
шепни их лидер басмачей –
и всех следы б простыли.

Поэт плетёт понятий вязь.
Ценнеет мочевина.
Причинно-следственная связь
не слишком очевидна.

Но лишь он зарифмует нас
(хотя б не бескорыстно) –
о! сколько в тех словах тотчас
и глубины, и смысла.

Лал

(*Добыча – На самых верхах – Двоелалие – Размер имеет значение – Эстафета – Чистой воды Водокшан – Грани*)

Добыча

В Китае можно делать много чего. Но одного там нельзя не сделать. Там нельзя не закупиться. Привезти из Китая хоть что-то путешественник просто обязан, иначе вас не поймут.

И Спафарий закупился. Первого сентября 1676 он приобрёл в Пекине драгоценный красный камень. Так называемый «лал» – то есть шпинель, турмалин или рубин. В то время их теоретически хоть и умели различать (по твёрдости), но на практике постоянно путали.

Торг шёл мощно и продолжался сорок дней кряду. Процесс стоит того, чтобы о нём рассказать.

Установка на закупку драгоценностей у Спафария имелась изначально. Если должность «картографа» в штатное расписание его посольства так в результате и не вписалась, то «ювелир» был взят без всяких разговоров.

С трудом верится, но:

> Со мною и чертещ[и]ка нет.
>
> (Отписка Спафария из Тобольска, л. 166. Планировавшийся «чертёжник» в список был сначала внесён (Степан Скнар), но потом оказался вычеркнут. «Наказная память», л. 75)

Зато:

> Взят был для знатия каменя гречанин Спиридон Евстафьев.
>
> (Статейный список, л. 1)

Вообще, на протяжении всех своих пекинских закупок Спафарий непрерывно жалуется – какие китайцы ушлые и прожжённые торгаши. Но, как показала жизнь, и ему самому в этом деле было палец в рот не клади. Так что обе стороны оказались достойны друг друга.

Процесс покупки «лала» разворачивался по всем правилам искусства продаж, ибо здесь столкнулись нос к носу опытнейший «сейлс» и одарённейший «байер». Коса и камень, лёд и пламень.

Принцип, которому по-науке должны в таком деле следовать обе стороны – он ровно тот же, что и в «американской дуэли» – кто первым потянется к револьверу, тот и труп. В данном случае – кто первым обозначит свою позицию, тот и проиграл.

Но это только сказать просто. В итоге бой длился сорок дней и состоял из пяти раундов.

Исходно силы сторон будем считать равными. Гонг.

Раунд первый. «Предварительный прогрев».

20 июля 1676 к Спафарию в Пекине приходят серьёзные торговые люди, и он, в числе прочего, спрашивает у них про драгоценные камни. Ему их приносят – разумеется, всякую ерунду. Тогда Спафарий уточняет вопрос – нету ли «настоящего» товара? (При этом его позиция ослабевает, ибо он просит товар «под заказ».)

Продавец, пользуясь моментом, пытается ещё больше ослабить позицию покупателя. Он говорит, что – да, есть один такой камень, но он Спафарию всё равно не подойдёт – слишком дорог. А потому нечего его зря и таскать. При этом цену продавец не называет, что принципиально.

Это ловушка. Ожидается, что для того, чтобы снять возражения продавца, покупатель заявит, что денег у него хватит в любом случае, лишь бы товар подошёл. Этим покупатель лишает себя на будущее главного аргумента в торге – «мол всё хорошо, только денег вот у меня немного не достаёт, так что надо слегка скинуть».

Но Спафарий ловко обходит капкан. Не отвечая на вопрос о своей платёжеспособности по-существу, он приводит контр-аргумент в пользу того, чтобы показ товара всё-таки состоялся. А именно – что это по-всякому будет хорошей рекламой для самого товара. На том и расстаются.

Документальная база – «Статейный список» Спафария.

> ***
> Посланник говорил и роспрашивал, какие у них дорогие каменья сыщутся? (л. 223 об.)
>
> ***
> И принесли к посланнику алмазы для отведывания, также и яхонты красные и изумруды, и просили за них против московского десять цен <…> только нечисты и мелки. (там же)
>
> ***
> И посланник говорил, чтоб они радели сыскать такого каменя лала, чтоб был чистой и велик. (л. 224)
>
> ***
> И они говорили: не знаем ни у кого такого каменя, кроме того, что знают у боярина китайского <…> только тот камень гораздо дорог, и не будет у тебя, посланника, столько денег. (там же)
>
> ***
> И посланник говорил, чтоб тот камень показали видеть <…> и тогда государству их слава будет. (там же)

Раунд второй. «Обозначение позиций».

Спафарий через вторые руки (миссионера Фердинанда Вербиста) начинает регулярно посылать сигналы, что осмотр означенного камня его по-прежнему интересует. И по прошествии двух недель продавец, полагая что игра уже сделана, привозит «лал» на показ. При этом он вынужден озвучить свою цену – 8000 лянов серебра, где-то около 300 килограмм. (Позиция продавца при этом ослабляется, поскольку верхняя граница цены отныне зафиксирована.)

Спафарий эту цену никак не комментирует (чем оставляет свою позицию сильной), но отказывается от покупки под предлогом, что камень недостаточно хорош. Ему нужно что-нибудь получше. Продавец божится, что ничего лучше во всём Китае просто не существует. На том опять расстаются.

> ***
> И езуиты про тот камень знали. <…> И бил челом посланник и им, чтоб они радели. (л. 224 об.)
>
> ***
> И насилу тот боярин <…> послал, и запечатан в ящике, и пришит на атласе. И показали посланнику.<…> И они говорили, что меньши 8000 лан сребра отнюдь не дадут. (там же)
>
> ***
> А посланник <…> говорил им, что ему не надобен и не годен, и чтоб они нашли лутчи того. (там же)
>
> ***
> И они говорили, что лутчи того в Китаех нет. <…> И посланник за тот камень не подал ничего и не торговал, и они взяли и пошли назад. (там же)

Раунд третий (заочный). «Стимулирование интереса при сохранении неопределённости».

Спафарий всё через того же Вербиста посылает продавцу сигнал за сигналом, что к вопросу о покупке того камня можно в принципе и вернуться. И опять без никакой конкретики. Эта психологическая обработка длится почти четыре недели.

> ***
> А посланник с стороны говорил езуитом, чтоб они бутто про себя торгуют. (там же)
>
> ***
> А про каменья, что выше сего писали, опять [посланник иезуита] спрашивал. (л. 232 об.)

Раунд четвёртый. «Каскадная сдача позиций одной из сторон».

В последние дни августа продавец, наконец, ломается. Он сообщает, что готов отдать камень за 5000 лянов. А нет – так даже и за 3000. Спафарий держит паузу, давая цене опуститься до самого дна.

> ***
> А талмачи часто приходили к людем ево посланниковым и говорили, что за тот камень даст ли 5000 лан (л. 266 об.)
>
> ***
> И талмачи опять приходили и говорили, что велел отдать на 3000 лан. И опять им отказали ж, что не надобно. (л. 267)

Раунд пятый. «Обозначение встречной позиции и нахождение компромисса».

И вот первого сентября продавец называет, наконец, настоящую цену – 2000 лянов. Только теперь, собственно, можно начинать торговаться. Особую остроту моменту придаёт то, что на этот день назначен отъезд посольства из Пекина, так что для обеих сторон это действительно последняя возможность договориться.

Но Спафарий умудряется обернуть в свою пользу и этот обоюдный «дедлайн». Он заявляет, что даже и таких денег сейчас физически нет в наличии, так как вся казна уже отправлена с передовым обозом. Но… если собрать всё, что у него есть по карманам… да занять ещё и у слуг… то он мог бы... в принципе… наскрести где-то тысячи полторы. Да, ровно 1500 лянов. (Так обозначилась нижняя граница цены.)

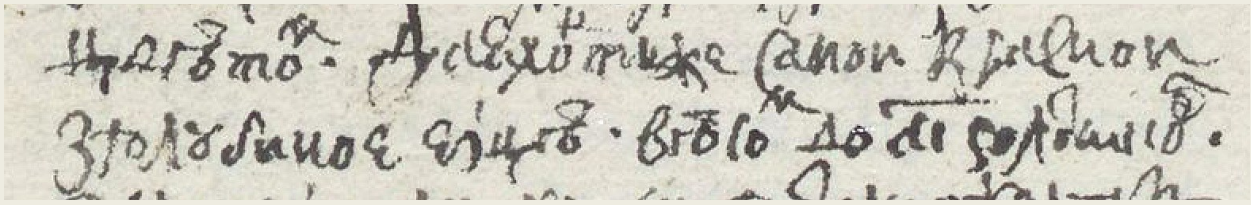
Окончательный компромисс был найден опять-таки за явным преимуществом Спафария. Стороны согласились на 1600 лянов серебра (что отнюдь не середина между 1500 и 2000).

Таким образом сделка была закрыта. С причитаниями, что их обобрали до нитки, счастливые продавцы удалились.

> ***
> И будучи уже в готовости ехать, пришли к посланнику <…> и говорили, чтоб купил большой камень лал <…> на 2000 лан. (л. 272 об.)
>
> ***
> И посланник им говорил, что ныне уже и телеги отпущены и купить нечим. Однако ж де, буде они отдадут на 1500 лан, и я буду купить. (там же)
>
> ***
> И по многим розговором просили 1800 лан; потом пришли до 1600 лан и стали. И видя посланник, что они хотят с каменей отъехать <…> дал им 1600 лан и взял камень. (там же)
>
> ***
> И они божились пред бурганом своим, что иного такого каменя в государстве их нет. (л. 273)

Последнее утверждение китайских торговцев насчёт уникальности данного камня, как это ни странно, соответствовало действительности. Слава об этом камне шла задолго до приезда Спафария в Пекин. В русской рукописной книге «Ведомость о Китайской земле», составленной в Тобольске не позднее 1669 (то есть как минимум за семь лет до описанных выше торгов) – там данный камень уже фигурирует в качестве одной из достопримечательностей Китая. То, что речь идёт о том же самом камне, что и у Спафария – это с большой вероятностью следует из точного совпадения их весов. Камень Спафария весил одиннадцать золотников – и в «Ведомости о Китайской земле» указана точно такая же цифра.

> Да яхонт же самой красной з голубиное яйце, весом во 11 золотников.
>
> («Ведомость о Китайской земле», 1669)



[Илл. 08-09-01-1. «…весом во 11 (аі) золотников». Упоминание редкого драгоценного камня в «Ведомости о Китайской земле», 1669. РНБ ОР, ф. 855, Эрм. 237, л. 113 об.]

Показательно, что сообщение об этом конкретном камне идёт в «Ведомости» в одном ряду с самыми общими сведениями о Китае – такими, например, как существование здесь фарфора («А ядят они из ценинных чаш»), или описанием особенностей здешнего климата («…радуга в тамошней стороне болши русского»). Со слов китайских торговцев этот камень раньше уже пытались купить некие европейские послы, но не смогли.

И вот Спафарий – смог.

Итак, буквально на последней минуте своего пребывания в Пекине Спафарий покупает уникальный гигантский «лал». И направляется с ним навстречу неизвестному – на родину.

На самых верхах

На родине Спафария ждало известно что – арест. Если уж совсем птичьим юридическим языком – задержание и арест имущества. Не успел Спафарий сойти на берег у Енисейского острога (7 июня 1677), как его ладьи окружила стража, всех обыскали (включая посланника), всё перерыли (включая подарки царю), опечатали всё имущество (включая личное) и задержали до дальнейших распоряжений.

Дело обычное – царь сменился.

В Москву Спафария доставили в начале января 1678. Следствие длилось около года. И хотя Спафарию удалось в конце концов отмазаться, карьера его рухнула навсегда. И то спасибо, что на части не разрубили.

Понятно, что при таком раскладе никакого торжественного подношения Спафарием царю добытого им в Китае драгоценного «лала» не было. По-тихому сдали-приняли, без шуму и пыли. Чтобы в случае чего и следа подследственного в этой истории было не отыскать.

Но отыскался след Спафариев. Багряным пожаром вспыхнул драгоценный «лал», ослепив бояр-царедворцев в объяринных кафтанах.

Случилось это всего через год после возвращения Спафария в Москву, в Вербное воскресенье. И засиял его «лал» на самом верху новой царской «алмазной шапки».

Царская «алмазная шапка» – это протокольный эвфемизм, означающий царскую корону – высшую ритуальную регалию державы. Посредством которой осуществляется прямая связь государя с Небом, и уже только через него небесная благодать простирается потом на всех прочих холопов.

Так что «алмазная шапка» – это главный сакральный инструмент царя. А сакральное ядро «алмазной шапки» – это венчающий её драгоценный камень. В данном случае – «лал» Спафария.

Излишне говорить, что ни по какой документации этот камень не числился, как «лал Спафария». Так что для данной идентификации требуются некоторые дополнительные усилия. Не такие уж и большие, кстати.

Сначала – о самом факте появления «лала» на царской «алмазной шапке». Он зафиксирован в так называемой «Выходной книге» за 1679.

Поскольку царские одеяния во время протокольных мероприятий (преимущественно – больших церковных служб) играли ключевую роль в механизме сакрализации царской фигуры, то эти самые одеяния тщательно фиксировались. Записи велись день за днём, год за годом в течение всего правления трёх первых Романовых – Михаила Фёдоровича, Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича. Это и были «Книги царских выходов», они же – «Выходные книги».

В нашем случае речь идёт о 1679, то есть о третьем годе правления царя Фёдора Алексеевича. Так вот, в записи за тридцатое марта мы видим следующее. Я, пожалуй, дам здесь полное описание царского наряда – дабы не поставить нас всех

в положение программиста Привалова из повести «Понедельник начинается в субботу» (3:2). Герой, попав на машине времени в «описываемое будущее» (то есть будущее, придуманное разными писателями-фантастами), обнаружил там людей, одетых очень странно – скажем, только в «мохнатую шапку и тёмные очки» – и больше ничего (включая ботинки, штаны или трусы), поскольку автор соответствующего опуса дал внешний вид персонажа именно так – шапка и очки.

Итак, «Выходная книга». Выделение моё.

> В неделю Ваий <…> на Великом Государе был наряд царской: крест золот с алмазы, с Спасовою ризою; диадима греческого дела; платно царское, отлас по серебреной земле травы золоты; кафтан царской становой, зарбаф серебрен, по нём травки золоты с алым да с зелёным шолком; круживо и запястья низано жемчюгом с каменьи; зипун теплой, тафта бела, испод черева бельи; **шапка царская, алмазная с лалом, новая**.
>
> («Выходная книга за 7187 год», запись за 30 марта. РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 1, д. 626, л. 29-30)

В тот день это был уже второй выход царя на публику, при этом в первый раз наряд был другим. Так что не ропщите на «зарбаф». В первый раз были вообще «опошень», «объярь», «ферези» и «зуфь». Шапка же тогда, если кому интересно, была просто «горлотная с колпаком».

Итак, «Шапка царская, алмазная с лалом, новая». Впервые публично надета 30 марта 1679. То есть всего через год после доставки Спафарием в Москву драгоценного «лала».

И это была не просто новая корона нового царя. С этого момента она стала для царя «первой» и «основной». А для окружающих – «знаковой».

Но если эта «алмазная шапка» являлась «новой», то значит была и какая-то «старая»?

Да, была. Но с ней существовали проблемы – возможно психологические, но неразрешимые. После своего воцарения, Фёдор Алексеевич целых пол года не решался надеть «алмазную шапку» своего отца (Алексея Михайловича). И когда он это всё-таки сделал, то что-то, очевидно, пошло настолько не так, что к ней он больше не пытался даже и прикасаться – а терпеливо ждал, перебиваясь проходными головными уборами (это более двух с половиной лет), пока не обзавёлся уже собственной «алмазной шапкой».

После введения в оборот «новой» шапки, царь только единожды (по неизвестной мне причине) надевал шапку «старую» (конкретно 28 марта 1680; шапка обозначена, как «прежняго дела»).

До наших дней дошло несколько «алмазных шапок» русских царей. Но та «новая шапка» Фёдора Алексеевича не была похожа ни на одну из них. Это не была привычная нам полусфера, опушённая по низу соболем – это были как бы три полусферы, поставленные одна на другую, чем-то в сумме напоминающие «трёхъярусную золотую корону» («三额金冠») Сунь У-куна («Путешествие на Запад», гл.

80). Некоторые современные исследователи видят в данной конструкции демонстрацию претензии на «третьеримскость». Как бы там ни было, но форма шапки действительно необычная.

В «Описи казны царя Фёдора Алексеевича», сделанной в 1682, эта «алмазная шапка» описана детальнейшим образом. Причём «запоны с финифтью», «алмазные искры» и «алмазы» даются отдельно «в нижнем ободу», отдельно «в среднем ободу» и отдельно «в верхнем венце».

Та же самая «Опись казны» даёт нам и уверенную идентификацию драгоценного «лала», расположенного на самом верху этой «алмазной шапки». А именно – как «лала Спафария».

Спафарий, имевший при себе в Китае ювелира Спиридона Евстафьева, указывает вес своего «лала» конкретно:

> 11 золотников с лишком.
>
> («Статейный список» Спафария, л. 224).

А в «Описи казны» по этому поводу говорится вот что:

> Под крестом лал велик, весу в нём 10 золотников без четверти; да около ево две дуги золоты ж, в них 30 искр алмазных.
>
> («Опись казны…в 7190», РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 1, д. 600, л. 21-25)

Итого – «11 с лишком» против «10 без четверти». То есть «11,2» против «9,75». Разница в весе 13 %.

Специалисты по истории царских регалий настроены признавать эту погрешность допустимой. С учётом редкости чистых камней такого размера вообще, и точности совпадения веса, результирующий вывод таков – речь идёт об одном и том же камне.

Аргумент, без спору, сильный. Но я попробую усилить его ещё.

Если читать внимательно, то у Спафария написано следующее:

> Тот лал великой весом по их 11 золотников слишком.
>
> («Статейный список», там же)

Ключевое слово здесь – «по их». То есть Спафарий указывает вес в «китайских золотниках».

Как известно, такой единицы веса, как «золотник», в Китае не существует. Но русские путешественники и купцы, описывая китайские торговые реалии, это понятие используют широко – имея при этом ввиду одну десятую часть китайского «ляна», то есть «цянь» («钱», Спафарий называет его «чин»). Поскольку «лян» равнялся 37 граммам, то «цянь» был равен 3,7 граммам. А русский «золотник» – это 4,266

граммов. Так что «цянь» и «золотник» – вещи действительно весьма близкие. Но не равные. И разница между ними – те самые 13 %.

Мог ли Спафарий всё это знать и применять на практике? Ещё как мог. Послушаем людей сведущих:

> ***
> А «лан» у них весом в их вес 10 «золотников», а нашего весу 9 «золотников».
>
> (Байков, «Статейный список», 1654)
>
> ***
> А вес в Китайском государьстве русково легче; В фунте по 11 лан; А лан их по 10 золотников; А московским весом в лане 9 золотников.
>
> («Ведомость о Китайской земле», 1669. РНБ ОР, ф. 885, Эрм. 237, л. 111)
>
> ***
> В «лане» весу 10 «чинов» (се есть 10 «золотников» [китайских])
>
> (Спафарий, «Статейный список», 1676)
>
> ***
> Называют они «лан» <…>, в котором весу наших руских полдевята «золотника» [то есть «восемь с половиной»]. В «лане» считают 10 «чинов».
>
> (Писарев, «Записка о путешествии в Цинскую империю», 1725)

Итого, отношение «их золотника» («цяня», «чина») к «нашему золотнику» лежит в диапазоне между «10 : 9» и «10 : 8,5».

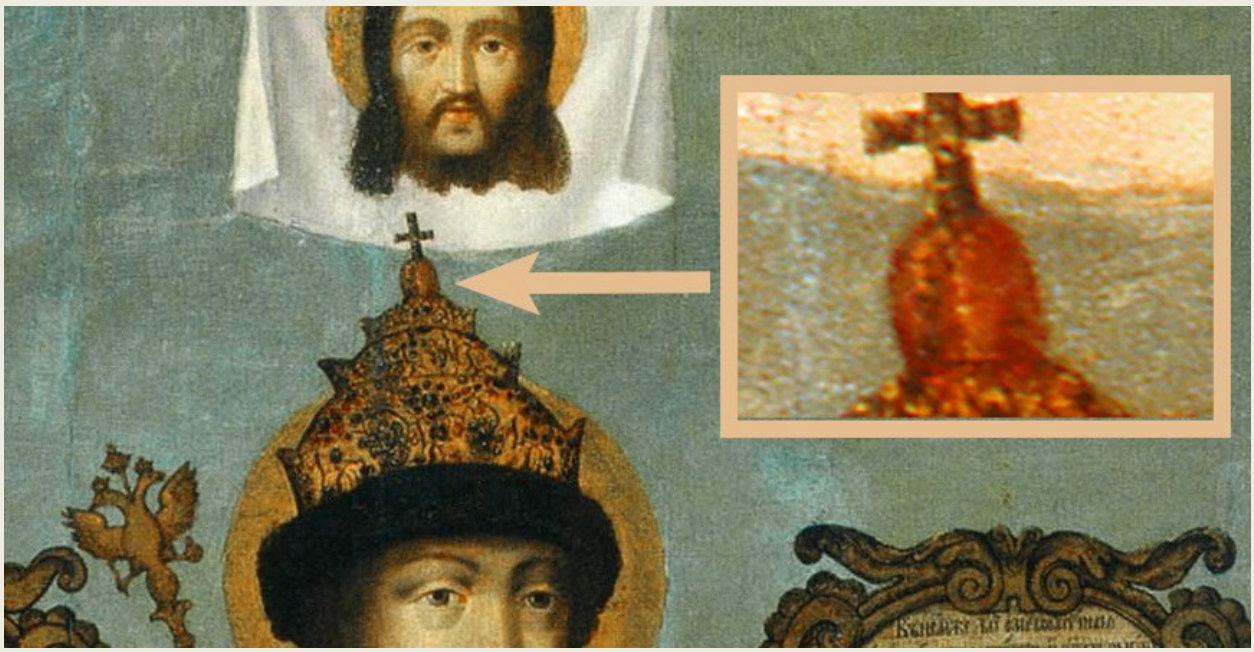
Самую точную цифру даёт, как всегда, Лоренц Ланг. Байер фиксирует следующие его слова:

> In ponderibus Langius me docuit, unum «lean», in pondere regio... esse 8 3/4 «Solotnicas» Russicas.
>
> По поводу [китайских] мер веса, Ланг сказал мне, что один «лян» [то есть 10 «цяней»]… равняется 8,75 «русских золотников».
>
> (Байер, «Museum Sinicum», т. 1, 1730, с. 135 Предисловия)

Так что если считать по «курсу Ланга» (10 : 8,75), то вес «лала Спафария» (11, 2 «китайских золотников») равен 9,80 «золотников русских». Что совпадает с данными «Описи казны» (9,75) в точностью в 0,5 % (или 0,2 грамма).

Вот это уже железный аргумент.

«Новая алмазная шапка» Фёдора Алексеевича не сохранилась. Но сохранилось её изображение. Одновременно это – единственное известное мне изображение «лала Спафария».



[Илл. 08-09-02-1. Посмертная «парсуна» царя Фёдора Алексеевича из Архангельского собора, 1684. Это единственное сохранившееся изображение «лала Спафария». Показательно, что даже чисто композиционно камень расположен как элемент, осуществляющий связь царя с Богом. Художник Иван Салтанов (предположительно). Оружейная палата]

В 1682 царь Фёдор Алексеевич умер. Уже через два года его «алмазная шапка» была разобрана. И «лал» Спафария с её вершины перешёл на вершину «алмазной шапки» нового царя – Петра Алексеевича (Петра I).

Когда говорят, что у Петра I никогда не было своей короны, имеют ввиду – «короны европейского образца». Но «алмазная шапка» у него была, и на начальном этапе правления она играла важную роль. Идентификация драгоценного «лала» на её вершине делается на основании всё той же «Описи казны» от 1682. Там напротив «алмазной шапки» Фёдора Алексеевича в 1684 была сделана приписка, сообщающая о разборке шапки на детали и дальнейшем использовании её камней, в том числе «лала» Спафария.

Как бы ни менялись в течение жизни вкусы Петра I в плане одежды, но эта «алмазная шапка», венчаемая «лалом» Спафария, оставалась его главным личным монаршим атрибутом все годы его долгого правления.

«Шапка» эта сохранилась. Правда, сейчас её венчает другой «лал» – дешёвый камень технического качества, напоминающий исходный лишь формой и размером. Всё-таки я это покажу, для общего представления.

[Илл. 08-09-03-1. «Алмазная шапка» Петра I, современный вид. Красный камень на верху – НЕ «лал Спафария», а имитирующий его дешёвый камень, совпадающий с оригиналом лишь по форме и размеру]

И раз уж пошли такие материи, не могу не показать маленький коммерческий шедевр – картонную модель «Алмазной шапки Петра I», которую благодарная публика в канун «Хэллоуина» сметает с прилавков, как горячие пирожки.

[Илл. 08-09-04-1. Картонная модель «Алмазной шапки» Петра I для маскарадов]

В рекламном релизе к данному товару говорится следующее:

> Надев такой головной убор можно не только позировать перед фотографом, но и отправиться на карнавал или маскарад. Успех обеспечен. Оборот головного убора не имеет рисунка, но после того, как он будет надет, об этом никто не узнает.

Всё верно. Оборот исходной «алмазной шапки» Петра I рисунка тоже не имеет.

Двоелалие

Факт царствования Петра I иногда кажется вещью само собой разумеющейся, этакой железобетонной данностью, неотъемлемой частью мирового хода. Но в реальности Пётр шёл к своему трону долго, тяжело и на грани. На начальном этапе его жизни имели место два очень сложных момента, когда всё его будущее висело реально на волоске. И весы тогда склонились в его пользу за крохотным перевесом, в общем-то случайно. Я говорю о 1682 и 1689 годах. Сейчас речь пойдёт о первом эпизоде.

В апреле 1682 на двадцать втором году жизни умер царь Фёдор Алексеевич. Прямого и очевидного наследника он не оставил, так что возможными кандидатами на престол теоретически стали два его меньших брата – родной Иван и сводный (по отцу) Пётр. Причём оба не очень подходили – Иван (16) по скудности тела и духа, Пётр (10) по малолетству. За каждым из братьев стоял свой клан.

И вот клан Петра «подсуетился» – другого слова тут не подберёшь – и умудрился возвести Петра «на царство» буквально в день смерти предыдущего царя, ещё даже до похорон. Это при том, что такие кардинальные вопросы (неочевидное наследование престола) должны были решаться исключительно «всенародным волеизъявлением», то есть «Земским собором». С выборным представительством всех сословий из всех регионов, утверждением списков, протоколированием прений и так далее.

Такой «Собор» только готовить нужно год. Но с этим не стали заморачиваться – вышли на крыльцо и прокричали в разношёрстную толпу (которую потом объявили требуемым представительством) своё предложение. Толпа, толком не расслышав, приветственно загудела. «Вот и хорошо. Предложение принято», – резюмировал патриарх. Так Пётр стал новым царём.

Но родственники нового царя упустили из виду одну вещь. Уже некоторое время в московском военном гарнизоне шло брожение и разложение. А теперь смерть царя стала своеобразным спусковым механизмом для взрыва. Всего через несколько дней в Москве вспыхнул тотальный военный мятеж. Неорганизованный, слепой, лютый и успешный.

Расправившись со своими ненавистными командирами, солдатская масса двинула в Кремль, прихватив бердыши. Почему охрана Кремля их пропустила, спросите вы? Да потому что они и были эта самая «охрана Кремля», навроде французских «мушкетёров» (по-русски – «стрельцы»). Привилегированные военные части – гвардия, полиция и «служба охраны первых лиц» в одном флаконе. Противостоять им оказалось просто некому. В качестве аргумента в предстоящей дискуссии прикатили с собой пушку с тлеющим фитилём.

Пламя адской ненависти было направлено против «начальства вообще», которое теперь олицетворяли собой родственники нового царя. Так что для разогрева начали рубить родственников.

Нарубили много. Декорации первой сцены оперы Мусоргского «Хованщина» показывают Красную площадь уже на следующий день – и то смотреть жутко. Министров, воевод и думских (кого поймают) рубили долго и от души, «в мелочь». Не зря у Мусоргского стрельцы хохочут, как валькирии.

При этом на словах мятежники не были «против государства», ни-ни. Наоборот, они были его «спасителями», настоящими «патриотами» и «защитниками». Они спасали «настоящего царя» от злодеев-бояр, задумавших его погубить, а «родину» продать иноверцам. Просто царь сейчас был «не тот». Лозунгом восставших стало, если коротко, «Хотим Ивана» (и денег).

Я думаю, что если бы первыми до этого подсуетились родственники Ивана, и посадили бы на царство его, то лозунг мятежников в этом случае был бы «Хотим Петра» (со всеми вытекающими для родственников Ивана). Народные чаяния – они чисты и прозрачны, как Кастальский ключ.

Но сейчас на повестке было «Хотим Ивана». Загвоздка была в том, что такого понятия, как «развенчание назад» действующего царя, просто не существовало – ни в уложениях, ни в головах, ни на Небесах. Царя нельзя уволить.

Но можно убить. И дело к этому шло полным ходом. Ждали лишь мельчайшего предлога и удобного (скрытного) момента. Дело всё-таки деликатное. Но иначе – никак.

И тут кого-то озарила безумная идея. А что, если царя не убивать – а добавить к нему второго царя, хорошего. И сделать его «главным царём».

Идея реально больная. Возможно этим она и проняла массы. Её оформили в виде главного требования мятежников к «правителям» (уж и непонятно в чьём теперь лице).

В Кремле же за эту идею ухватились, как за соломинку. Да это и была соломинка – совершенно невозможная, но единственная возможность сохранения жизни Петру и оставшимся его родственникам. Так что мгновенно организовали новый «Земский собор» (в ещё больших кавычках, чем предыдущий) и «приняли» на нём положение о возведении на один и тот же престол одновременно двух царей – Ивана и Петра. Именно в такой последовательности.

С введением «двоецарствия» непосредственная опасность для жизни Пётра миновала, но мятеж на этом не закончился.

Мятежники, одержав политическую победу и ощутив себя полными хозяевами положения, никуда уходить не собирались. Наоборот. Оба царя и весь двор в Кремле стали их заложниками, в прямом смысле. Всё, что мятежники приносили, цари безропотно подписывали – и весь этот бред мгновенно становился совершенно законным «законом» для всей страны.

Тут надо немного вернуться назад и сказать, что после того, как в первые же минуты восстания мятежники изрубили своего высшего начальника, главу «Стрелецкого приказа», у царицы-регентши выбор оставался небольшой. И она назначила на эту «расстрельную» должность единственного, кто на это тогда согласился – князя Ивана Хованского.

И так случилось, что назначение это оказалось сверх-удачным, прямо-таки спасительным. Хованский не перечил мятежникам, зря их не раздражая, но при этом мало-помалу вводил мятеж в подобие организованного русла, если можно так вы-

разиться применительно к мятежу. По крайней мере установилась некая процедура подачи ультиматумов (уже без дымящейся пушки), и даже начал восстанавливаться минимальный уличный порядок в городе. В результате Хованский, изначально отданный мятежникам на растерзание, незаметно начал становиться их как-бы представителем, а там уже и главой (кем он формально, по должности, собственно и являлся, напомню).

В среде же «кремлёвских заложников» тоже обозначились перемены. Ответственность за их жизни, как и за судьбу страны в целом, за неспособностью к этому царицы-регентши взяла в свои девичьи руки 24-летняя сестра Ивана и Петра, царевна Софья.

Не буду задерживаться на деталях, но в августе месяце Софье удалось-таки вывезти братьев и практически весь двор прочь из Москвы. Это был реально побег, с уловками, прикрытием и риском. Мятежники сначала не поняли (всё проходило под видом паломничества в Донской монастырь), потом не придали значения, а когда придали – было уже поздно. Царский двор, совершив многодневный кружной марш-бросок, объявился у стен Троице-Сергиевой лавры, самой мощной крепости из имеющихся в наличии.

И отсюда по сёлам и весям полетели уже настоящие царские указы – о всеобщей мобилизации. Если вооружённых мятежников насчитывалось в Москве около двадцати тысяч, то Софье за месяц удалось собрать под свои знамёна раз в пять больше. Но на одной стороне были профессиональные и безбашенные «мушкетёры» («Стрельцы! Заряжены ль мушкеты?»), которым, вдобавок, нечего уже было терять, а на другой – рыхлые отряды помещиков с вооружённой дворней, воевать вовсе не рвавшейся и, главное, не умевшей. Ситуация была патовой.

И тут Софья придумала как сделать, чтобы мятежникам снова стало «чего терять». Нужно всю вину за совершённые ими зверства с них снять, полностью взвалив её на кого-нибудь другого. Но на кого?

Решение было сколь циничным по существу, столь и безукоризненно точным по расчёту. Для заклания был выбран тот же самый князь Хованский, одним росчерком пера превратившийся из спасителя царской фамилии – в организатора мятежа и главного (и единственного) злодея.

Обвинение, основанное всецело на сфабрикованном доносе, было столь нелепым, что Хованскому даже и в голову не пришло отказаться от приглашения в царскую ставку на какое-то мелкое церемониальное мероприятие.

По дороге он был арестован, и на следующий же день – без следствия, без суда, и даже без приговора – публично казнён прямо в царской ставке недалеко от Троице-Сергиевой лавры, в селе Воздвиженском.

Мятежники, узнав об этом, ударили было в набат. Но быстро сообразили, что всё это было сделано исключительно ради них. Теперь стало возможным всего лишь немного повиниться в излишнем служебном рвении – и все их преступления будут забыты. Да, собственно, никаких преступлений и не было – как всем известно, всё зло сотворил лично князь Хованский. Так в царской бумаге сказано.

В ноябре месяце царский двор смог вернуться в Кремль. Практически никаких репрессий не последовало. Если бы тогдашний Суриков задумал писать «Утро стрелецкой казни» с натуры, он был бы разочарован. Мятежники вернулись к прежней своей службе, в прежних должностях. Единственное кадровое нововведение – это на место выбывшего главы «Стрелецкого приказа» князя Хованского был поставлен деятельный помощник Софьи, не-князь Фёдор Шакловитый.

Шакловитый, как до него и Хованский, прекрасно справился с новым назначением, спокойно и безконфликтно восстановив в частях порядок и воинскую дисциплину. Вопрос с мятежом был закрыт.

В ходе урегулирования всей той ситуации, Софья твёрдо выдвинулась на первую роль.

Итого, мятеж в сумме продлился около шести месяцев. Но самой острой его фазой были первые десять дней – с начала бунта (15 мая) и до принятия положения о «двоецарствии» (23 мая). В эти дни жизнь Петра реально висела на волоске. И введение «двоецарствия» было единственным для него спасением.

Однако даже в той безвыходной ситуации многим участникам того «Земского собора» идея об учреждении «двоецарствия» представлялась неприемлемой и абсурдной. Так что голоса пришлось натягивать изо всех сил – и то удивительно, что натянулись. Вполне пристрастный (в пользу принятия решения) свидетель событий (Сильвестр Медведев) вынужден был констатировать:

> И паки о том многое глаголание в полате о избрании [двух царей] бысть. Ови убо глаголаху, что дву царем в едином государстве быти трудно.
>
> (Сильвестр Медведев, «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92»)

То, что решение в конце концов было всё-таки принято – это следует расценивать как чудо. Рассмотрим поближе внутренний механизм этого «чуда».

Главная проблема была в том, что решение о двоецарствии являлось для Руси совершенно беспрецедентным. А в патриархальном «прецедентном мире» ничего «беспрецедентного» случится не может по определению. Всему нужен прецедент, желательно Небесный.

К слову, «Собор» пытался апеллировать к прецедентам, как мог. Это известно из той же хроники Медведева. Но притянутые за уши примеры были мало того, что совершенно из другой оперы (где «двоецарствием» и не пахло – библейский Иосиф, сыновья Феодосия I), так ещё и все они были из чужой, не русской, практики.

Однако, оказывается, в русской практике на эту тему также кое-что имелось. Причём свежее и у всех на виду.

В течение всех сроков правления всех предыдущих русских царей (общим числом девять) в стране всегда существовала одна и только одна корона («царская шапка»), которую венчал бы драгоценный красный камень («лал»). При этом данный «лал» был всегда один и тот же, переходя в случае надобности с шапки на шапку.

Конкретно, сначала это была так называемая «Казанская» шапка (с 1553), а когда пришёл черёд шапки «Астраханской» (в 1627), «лал» для неё был взят с «Казанской»

> ***
> Из тое шапки [«Казанской»] лал снят и положен на новую шапку [«Астраханскую»], которая делана при Ефиме Телепневе в 1627 году, а вто место положен тумпаз жёлт.
>
> ***
> Да на верху на коруне [«Астраханской» шапке] поставлен лал велик, что снят с Государевы Казанские шапки»
>
> («Опись 1628 года», процитированная в «Описи 1642 года», процитированной в сборнике «Древности Российского государства. Отделение II», 1851, с. 7, 12)

Но в 1679 в добавление к «Астраханской» шапке появилась вторая «царская шапка», увенчанная также драгоценным красным камнем – та самая «новая алмазная шапка» Фёдора Алексеевича с «лалом Спафария» на верху.

В результате, на небосводе державных регалий впервые воссияли одновременно две «царские шапки», увенчанные двумя разными «лалами». И уже через три года после этого встал вопрос о возведении на престол двух царей одновременно.

Этот знак («два лала – два царя») нельзя было не видеть. А поскольку принятие «двоецарствия» прошло на том «Соборе» с минимальным перевесом, то голоса тех, кто отнёсся к данному «небесному знаку» серьёзно, и решили в результате исход дела. Да, раньше было нельзя, но теперь стало можно. «Как два лала на венцах – так и два царя на престолах».

Данная связь подтверждается дополнительно следующим фактом. Когда некоторое время спустя пришёл черёд делать собственные «алмазные шапки» двум новым царям (Ивану и Петру), то их обе увенчали – что бы вы думали? – именно «лалы». Причём это были не просто «лалы», а «те самые лалы», то есть снятые с тех двух предыдущих «знаковых» шапок. Конкретно, на шапку Ивану пошёл «лал» с «Астраханской» шапки, а на шапку Петру – «лал Спафария» с «новой шапки» Фёдора Алексеевича.

> В сей шапке [«Астраханской»] крест золот с алмазы, под ним лал снят на шапку алмазную новаго дела Государя Царя и Великого князя Иоанна Алексеевича.
>
> («Опись казны…в 7190», пометка от 1687. РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 1, д. 600, л. 21-25)

Итак, 23 мая 1682 при непосредственном участии «лала Спафария» было принято решение о введении «двоецарствия» – что спасло тогда десятилетнему Петру жизнь.

Так что Спафарий оказал Петру неоценимую услугу. И не только своим «лалом». Он был в числе тех, кто с оружием в руках прибыл в августе 1682 на защиту Петра в Троице-Сергиеву лавру, в которой почти три столетия спустя родился я.

А первые два года своей жизни я провёл рядом, в шести километрах от лавры – в закрытом военном городке, который местные звали «Вакцин». Где в соседнем селе, в Воздвиженском, и был казнён Хованский с сыном.

Оперу Мусоргского я впервые услышал много позже, в Киеве. Этот мой контакт с русским оперным искусством был самым мучительным из всех. С самого начала и до самого конца было невыразимо тоскливо и тягостно, даже «гадание Марфы» не помогло. А чего я ожидал от дидактической «love-story», начинающейся с массовой расчленёнки, а кончающейся массовым самосожжением.

А касательно Спафария – тут следует ради справедливости сказать, что его услуга Петру была вскоре оценена.

> За его службу, что он [Спафарий] был в Троецком монастыре за государями в походы, придано к поместному 50 четь, денег 5 рублей.
>
> (РГАДА, ф.159, оп..2, ч. 2, д. 2646, л. 93)

«Четь», если кто забыл – это царское дозволение обзавестись (кто как сможет) половиной гектара земли. Сама земля не прилагалась.

Но всё лучше, чем «приять венец славы вечной».

Размер имеет значение

С событий прошлого эпизода прошло семь лет. Софья прочно подмяла государственный аппарат и утвердилась в качестве верховного правителя (весьма толкового). Пётр из 10-летнего дитяти вымахал в 17-летнего детину, обзавёлся личным вооружённым формированием и женился. У обоих царей появились их собственные «алмазные шапки».

Но юридически статус Софьи был зыбок – не царица, не регентша, а – так, «ИО», «исполняющая обязанности». Я бы даже сказал «ВРИО». И вот время пришло.

Взрыв случился, как всегда, в августе. В общем-то не из-за чего. То есть из-за всего.

Прошёл некий слух, что люди Петра придут сегодня ночью из Преображенского шерстить Кремль. На всякий случай Софья распорядилась усилить ночную охрану. Петром это было воспринято, наоборот, как подготовка к нападению на его резиденцию в Преображенском. А тут ещё кто-то кого-то где-то не к месту задержал. Скоро всех отпустили, но поступившее известие о задержании Пётр понял, как сигнал о начавшейся военной операции против него – с целью его устранения. Поднятый данным известием среди ночи, он в одном исподнем бежит из своей резиденции – и к утру обнаруживается в той же Троице-Сергиевой лавре, бьющимся в истерике и рыдающим на плече келаря.

То, что никакой подготовки к нападению на Петра не было (по крайней мере в тот момент) явствует из того, что в Кремле бегство Петра даже и не заметили. Когда же о нём всё-таки стало известно, то, опять-таки, это было расценено, как очередная (в ряду многих предшествующих) экстравагантная выходка сумасбродного юнца.

Но Пётр, судя по всему, искренне поверил в якобы готовившееся на него покушение. И настроен оказался вполне серьёзно.

С этого момента (8 августа 1689) начинается месяц открытого противостояния – вооружённого, но бесконтактного. Это была своеобразная «война нервов».

Пётр, к которому в лавру подтянулись его личные отряды, начал засыпать войска Московского гарнизона (полностью подчиняющиеся Софье) «царскими указами», предписывавшими оставить Софью и явиться к нему в лавру. Софья выпускала встречные распоряжения, строго-настрого запрещавшие это делать.

В руках Софьи были реальные инструменты управления (предыдущие кадровые назначения и текущее финансирование), в руках Петра – единственно «царская легитимность». Если по-простому – Софья нанимала и платила, Пётр – пытался давить своей «короной».

Исходно, расклад сил был полностью в пользу Софьи. Но шло время, и это соотношение постепенно менялось. То один полк, то другой, дрогнув, уходил из Москвы в лавру. Перебежчиков становилось всё больше. И в какой-то момент (конкретно 29 августа) Софья поняла, что она, похоже, проигрывает. Она отправилась к Петру мириться – и вот тут-то проиграла окончательно. Уже в конце сентября она была заперта в монастыре. А Пётр взял всю власть в свои руки.

Не сомневаюсь, что знатоки «диалектического материализма» легко объяснят эту маловероятную победу Петра соответствующими «социально-экономическими предпосылками». Я же предлагаю посмотреть на это с другой стороны.

Пётр выиграл не за счёт силы своих сторонников (которой не было), а за счёт слабости своих противников. Причём слабости именно идеологической, поскольку в плане численности, материально-технического обеспечения и реального боевого опыта преимущество армии Софьи являлось абсолютным.

Но её стрельцы (люди старых понятий) достаточно серьёзно относились к вопросам небесной легитимности. Пётр был какой-никакой, но царь. А Софья – не знамо кто.

Впрочем, не совсем. В пылу «холодной войны» августа 1689 мы как-то забыли о существовании второго царя, причём «главного». Брат Иван всё это время преспокойно просидел в Москве, возможно ничего даже и не заметив. Но ему и не требовалось что-либо замечать, ибо Софья поставила дело так, что она правила как-бы от его имени. А в случае полного ухода Петра со сцены (не конкретизируемым образом), оставшийся Иван полностью её устраивал.

Так что стрельцы были поставлены перед непростым иерархическим уравнением, точнее – неочевидным неравенством. С одной стороны – Софья и «главный царь» (но реально овощ), с другой – «младший царь» (зато тот ещё фрукт). Кто из них правильней? Бог весть.

В ситуации шаткого равновесия дело решают детали. «Главенство» Ивана существовало лишь на бумаге. А вот в том, что каждый мог видеть собственными глазами – в царском облачении во время ритуальных церемоний – там главенство Петра было очевидным. «Алмазные шапки» царей, олицетворяющие собой силу их власти, были похожими, но не одинаковыми. При этом главное и хорошо видимое их отличие заключалось в венчающих эти шапки «лалах». Камень Ивана был маленьким и жидким, а камень Петра (то есть «лал Спафария») – огромным и истинно царским. Да сами посмотрите.

[Илл. 08-09-05-1. «Алмазные шапки» Ивана (слева) и Петра (справа) в одном масштабе. «Древности Российского государства, отд. II», Приложение (Альбом), 1851, рис. 11, 12]

[Илл. 08-09-06-1. «Алмазные шапки» Ивана (слева) и Петра (справа), современный вид. Красный «лал» в навершии шапки Петра – НЕ аутентичен, но совпадает с исходным по размеру]

[Илл. 08-09-07-1. Камни на «шапках» Ивана (слева) и Петра (справа) в одном масштабе]

Тут достаточно одного взгляда, чтобы понять – кто здесь реально главный. Ивану и голову бы не пришло «меряться лалами» с Петром.

Если кому-то не достаточно изящного языка плаката, могу сказать то же самое грубым языком бухгалтерии. В «Оценочной описи казны Мастерской палаты… за 1702» (РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 1, д. 606) обе царские шапки выражены непосредственно в деньгах – как целиком, так и отдельными частями. И если «лал» Ивана оценен там в триста целковых (л. 25), то «лал» Петра – в «пять тысяч рублёв» (л. 3). Так или иначе, но «лал» с шапки Ивана против «лала» с шапки Петра просто не имел шансов.

Примерно это должны были ощущать (даже если буквально так и не думали) стрелецкие командиры, принявшие решение увести свои полки из Москвы в Троицу. Что и обеспечило Петру требуемый перевес.

Так что «лал Спафария» во второй раз спас Петра, снова определив вектор истории в точке её неопределённости.

Из символических деталей. При попытке примирения, Софья на своём пути в лавру была завёрнута назад всё в том же селе Воздвиженском.

Фёдор Шакловитый, столь удачно заменивший в 1682 казнённого князя Хованского и давший затем в руки Софье замирённые стрелецкие полки, 12 сентября 1689 был казнён Петром прямо в Троице-Сергиевой лавре.

Шакловитого заменил на должности главы «Стрелецкого Приказа» (и опять удачно) князь Иван Троекуров, чья фамилия мне что-то смутно напоминает.

А вот Спафарий в том противостоянии сам уже не участвовал. В качестве сотрудника «Посольского приказа» он был приставлен к прибывшему в Москву дипломату – Фуа де ля Нёвилю, которому было настоятельно рекомендовано в те тревож-

ные дни сидеть дома запершись – пока общая ситуация не разрядится. Так они со Спафарием и провели в обществе друг друга несколько дней кряду. И все эти дни Спафарий, как «Декамерон», рассказывал гостю о своём китайском путешествии. Последней точкой которого, буквально «вишенкой на торте», стало тогда приобретение рассказчиком огромного драгоценного «лала».

В книге Нёвиля («Новое любопытное сообщение о Московии»), вышедшей в Париже девять лет спустя, эти рассказы Спафария стали главным хитом. Настолько, что имя Спафария даже попало на обложку.

А, ну да. Спокойно, Маша, я Дубровский.

Эстафета

Тридцать пять лет спустя после прихода Петра I к реальной власти, во весь рост встал вопрос о новой короне. Теперь уже именно «короне».

Со времён Софьи в мире кое-что изменилось. Пётр объявил свои владения империей. Царские «алмазные шапки» оказались уже не в тренде. А обзавестись собственной короной Пётр так и не удосужился.

Так что первой русской императорской короной стала та, которой короновали супругу действующего императора, Екатерину I. Произошло это в мае 1724.

Но корону сначала нужно было ещё сделать. А перед этим – изобрести.

Впрочем, голову тут долго не ломали. В качестве образца была взята корона одного из недавних императоров «Священной римской империи» (читай: Германии и прилегающих земель), Леопольда I.

На стадии изготовления, русская корона представляла собой точную копию священно-римской. Но когда корона была уже полностью готова, в её конструкцию в самый последний момент было внесено одно принципиальное изменение.

Так, корону Леопольда I и корону Екатерины I (до её коронации) венчала небольшая золотая сфера под крестом, символизирующая весь Земной шар – и, соответственно, «владение» им (Письмо гоф-интенданта от 13 марта 1724, РГАДА, ф. 9, отд. II, оп. 4, кн. 67, с. 751). Но когда Екатерина появилась на церемонии, её новую корону вместо этого «золотого яблока» венчал огромный драгоценный красный камень.

> У всей оной короны виден был только один цветной камень <…> величиною болше голубиного яйца, <…> он поставлен был на верху диадимы о средине короны вместо «глобуса».
>
> («Описание коронации», 1724, с. 25).

Мне не известны документы, в которых бы указывалось по чьему именно распоряжению было внесено столь радикальное изменение в дизайн. Но я абсолютно уверен, что человек, имевший право это сделать, был тогда в стране только один. Так что пока не доказано обратное, я буду исходить из того, что увенчать корону красным драгоценным камнем распорядился лично Пётр.

Символический смысл этого решения хорошо просматривается. Страна перенимает весь передовой европейский опыт по форме, но смысловое «ядро» государства сохраняет при этом преемственность и идентичность. «Алмазные шапки» ушли в прошлое, но будущее по-прежнему будет озарено тем же самым сияющим «лалом». Олицетворяющим собой уже не просто Земной шар, а всю горячую Вселенную.

С первых русских царей и до данного момента включительно «главный лал страны» по мере смены венценосцев переходил с шапки на шапку. Но сейчас это было невозможно – Пётр был жив и его «алмазная шапка» являлась абсолютно неприкосновенной. Так что «лал Спафария» остался где был. Но он породил тот

образ, который и был воплощён в первой русской короне в её окончательном виде.

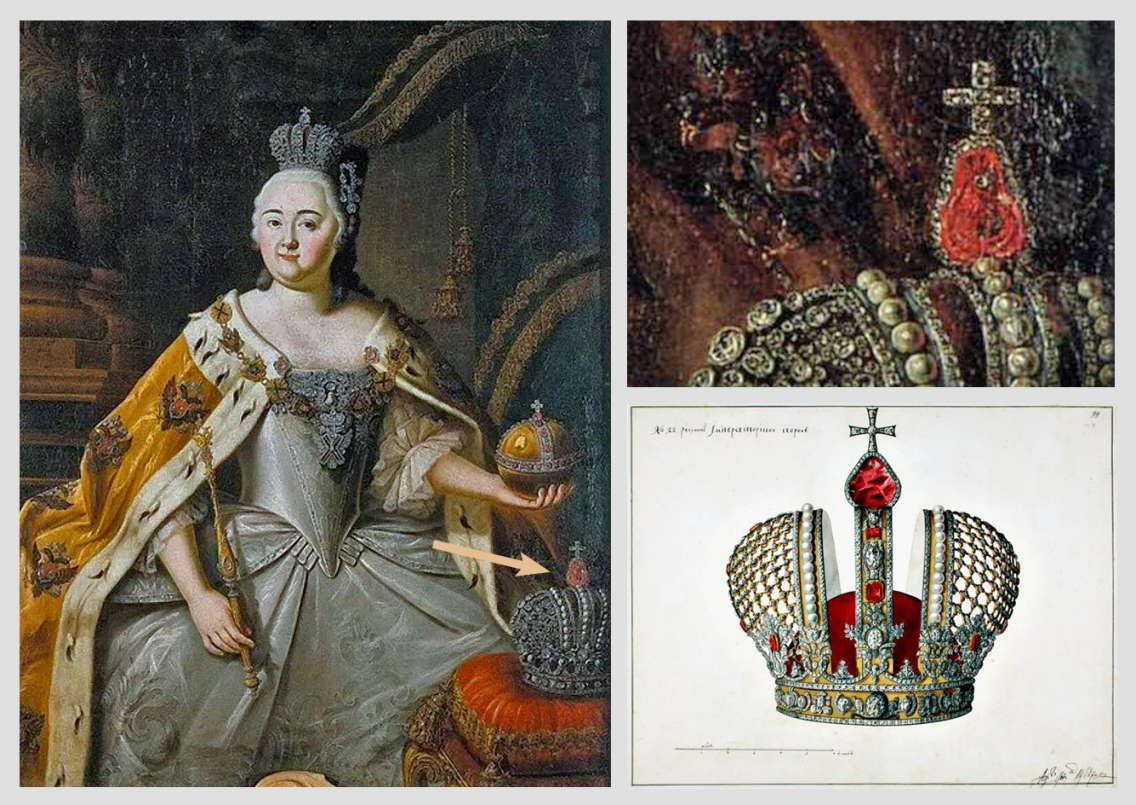
А «лал» для короны Екатерины подыскали другой – и даже больший по размеру. Им стал так называемый «камень Меншикова» – драгоценная шпинель весом около 80 граммов (то есть более 18 «русских золотников»). Символично, что этот «лал» был привезён также из Китая (в 1702). И что уж совсем удивительно, за него было заплачено ровно столько же, сколько со Спафария изначально просили за его камень (то есть 8000 лянов серебра).

«Лал» с короны Екатерины I имел большую жизнь. Он последовательно увенчивал все до единой русские Большие короны, переходя с одной на другую. Так, после короны Екатерины I он попал на корону Петра II, потом на корону Анны Иоанновны, потом на корону Елизаветы Петровны, и, наконец, на Большую Императорскую корону Екатерины II. Данная корона стала последней Большой короной вообще, поскольку все последующие русские императоры стали венчаться именно ей.

Камень этот сохранился и неплохо изучен. Его можно посмотреть, даже в исторической динамике.

[Илл. 08-09-08-1. Камень на короне Екатерины I. Слева: Иван Адольский, «Портрет Екатерины I с арапчонком», вторая половина 1724, Русский музей, Ж-5487. Рисунок справа: весна 1724. РГАДА, ф. 156, оп. 1, д. 246, л. 35. На портрете видно (увеличенная деталь), что венчавший корону камень был с неё к тому времени (то есть почти сразу) снят]

[Илл. 08-09-09-1. Камень на короне Анны Иоанновны. Слева: Луи Каравак, «Портрет Анны Иоанновны», 1730, Третьяковская галерея, инв. 25551. Рисунок справа: «Коронационный альбом Анны Иоанновны», 1730, вкладка после с. 6. На рисунке камень изображён гранёным, что явное «художественное преувеличение», ибо данный камень был и остаётся «кабошоном»]



[Илл. 08-09-10-1. Камень на короне Елизаветы Петровны. Слева: Алексей Антропов, «Портрет Елизаветы Петровны», 1755, Киевская картинная галерея. Рисунок справа: Иван Мичурин, «№ 22 рисунок императорской короне». «Коронационный альбом Елизаветы Петровны», 1742, рукописный экземпляр. СПбФ АРАН, р. II, оп. 1, д. 235]

[Илл. 08-09-11-1. Камень на короне Екатерины II. Начиная с этого момента камень на короне перевёрнут и установлен широкой стороной вверх. Слева: Вигилиус Эриксен, «Портрет Екатерины II перед зеркалом», 1779, Русский музей, Ж-5380. Второй «лал» – это отражение первого в зеркале. Рисунок справа: «Коронационный альбом Николая II», 1896, с. 41]

[Илл. 08-09-12-1. Камень в Большой императорской короне сейчас]

Это всё был «камень Меншикова». А собственно «лал Спафария», послуживший прототипом и давший исходный толчок всей этой роскоши, вскоре после смерти Петра I исчез. Последний раз он фигурирует в документах 4 января 1732, когда он был «взнесён в комнату императрицы» Анны Иоанновны (РГАДА, ф. 1239, оп. 3, ч. 79, д. 35275, л. 1-3).

Дальше его след теряется.

Чистой воды Водокшан

Что ж, можно подводить итоги. Их три.

А можно ничего и не подводить. А просто насладиться чтением старинных описей царских сокровищ. И обнаружить, что там в связке с лалом Спафария часто всплывает новое интересное слово. Как то:

> ***
> Камень лал большой водокшанской.
>
> («Оценочная опись казны Мастерской палаты… за 1702». РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 1, д. 606, л. 3)
>
> ***
> Под крестом был камень лал большой водокшанской.
>
> («Опись вещей Мастерской палаты» за 1745, РГАДА, ф. 396, оп. 2, ч. 3, д. 1231, л. 5-5 об.)

Резко войдя в оборот в самом конце XVII века, слово «водокшанский» сразу образует с «лалом» устойчивую пару. При том, что само это слово выплыло не очень понятно откуда.

Хотя некоторые зацепки здесь есть. Благо, Марко Поло рассказал о «Водокшане» всё, что о нём следует знать. Это место, где много воды и много шансов озолотиться.

> ***
> Через город [Кишм] протекает большая река. <…> Через три дня – область «Водокшан». <…> [Там] большая река Водокшана. <…> Двенадцать дней <…> едешь по той реке.
>
> ***
> Здесь, <…> скажу вам, богатые серебряные копи.
>
> (Марко Поло, «Книга о разнообразии мира», гл. 46, 47. Пер. Бориса Дубина)

[Илл. 08-09-13-1. «Grandisme flun de Badasian», «Великая река Водокшана». Марко Поло, Manuscrit «F», f. 21v. Bibliothèque nationale de France, Département des Manuscrits, Français 1116]

Находится этот самый «Водокшан» к востоку от Балха, если это кому-то что-то говорит. Есть у Марко Поло и другие ориентировки.

> ***
> Страна холодная.
>
> ***
> Отсюда <…> поднимаешься в самое высокое, говорят, место в свете. На том высоком месте между двух гор находится равнина, в которой течёт славная река. <…> Называется [это место] Памиром («Pamier»).
>
> ***
> Птиц тут нет оттого, что высоко и холодно. От великого холоду и огонь не так светел, и не того цвета как в других местах, и пища на так хорошо варится.
>
> ***
> Узких проходов, неприступных мест много, и вражеских нападений народ не боится. Города их и крепости на высоких горах, в неприступных местах.
>
> ***
> Цари наследственные, произошли они от царя Александра и дочери царя Дария.
>
> (Там же, гл. 47, 50)

Уверен, что уже всем стало понятно, что речь идёт о Бадахшане – исторической области, охватывающей Памир с прилегающей территорией и часть Гундукуша. Эти места некогда являлись окраиной Согдианы и Греко-бактрийского царства.

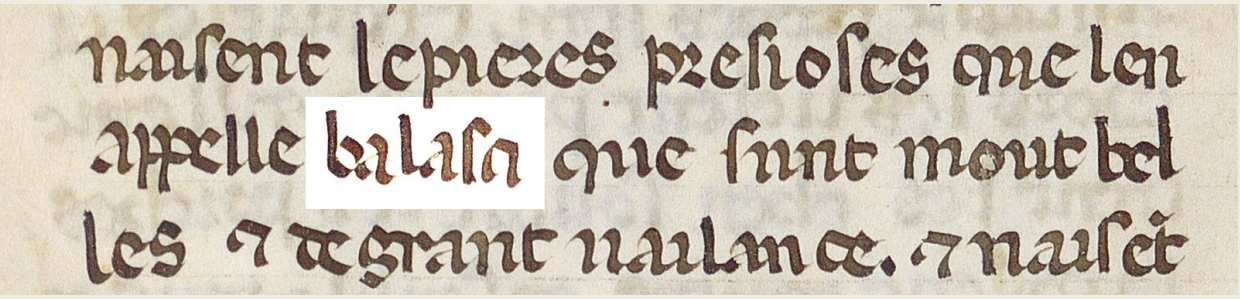
Последнее возвращает нас к Александру Македонскому, геройствовавшему здесь в 329-327 годах (до н.э.). А также к «птицам» и «неприступным местам». Именно с этим регионом связан колоритный эпизод штурма «Согдийской скалы». Точное её местоположение не установлено (так что каждый краевед и тур-оператор размещает её у себя), но по всем признакам она находилась где-то здесь. Историю рассказал Флавий Арриан в своём «Анабасисе» (кн. 4, п. 18-19). Источник считается достаточно надёжным.

Очередные «варвары» укрылись от «греков» на совершенно неприступной скале, отвесной со всех сторон. На предложение сдаться, они (имея большой запас воды и еды) дерзко посоветовали осаждавшим поискать «крылатых воинов» («πτηνοὺς στρατιώτας», «птинус стратиотас»). Тогда Александр послал добровольцев-скалолазов ночью штурмовать скалу с самой отвесной её стороны – там, где верх стены поднимался выше основной площадки противника. Греческие «коммандос» использовали ледовые и скальные крючья (железные колышки от палаток), а также страховочные верёвки. Десятая часть участников сорвалась в пропасть, но остальные (двести семьдесят человек) сумели-таки покорить стену, оставаясь при этом незаметными для осаждённых. А утром они распустили по ветру специально для этого взятые с собой белые полотнища, как огромные крылья. Данная картина

настолько потрясла воображение «варваров», что они немедленно сдались (с плачевными для себя последствиями, впрочем).

Вот такие вот дела творились в Бадахшане. Который, кстати, был сказочно богат не только (и не столько) серебром. Главным хитом этого места было другое. Предоставляю слово опять Марко Поло.

> В той области («Balasiam») водятся драгоценные камни «балаши» («balasa»); красивые и дорогие камни; родятся они в горных скалах. Народ, скажу вам, вырывает большие пещеры и глубоко вниз спускается. <…> Роют пещеры в горе Шигхинан и добывают там «балаши» по царскому приказу, <…> потому что «балаши» очень дороги и ценны.
>
> (там же, гл. 47)



[Илл. 08-09-14-1. «Бадахшанские лалы» («balasa») у Марко Поло. Там же, f. 20v]

Здесь под «горой Шигхинан» («une montangne que s’apelle Sighinan») подразумевается, конечно, горная местность Шугнан – часть Бадахшана в верхнем течении реки Пяндж, где и находится знаменитый исторический рудник бадахшанской шпинели («лалов») с говорящим названием «Кух-и-лал». Рудник этот не выработан полностью до сих пор.

Марко Поло подробно рассказывает, как царь Бадахшана различными мерами строго ограничивает объём добычи этих своих «лалов», чтобы не сбить на них рыночную цену.

> Позволь он всем вырывать их [«балаши»] и разносить по свету, добывалось бы их много, подешевели бы они и не были бы так ценны, потому-то царь и смотрит за тем, чтобы никто их не добывал без позволения.
>
> (там же)

На своём пути в Китай, Марко Поло (вместе со своим отцом и дядей) прошёл Бадахшан насквозь где-то в 1272. Было ему тогда восемнадцать лет, «возраст согласия» даже в Калифорнии. Так что:

> Знатные мужчины и женщины [в Бадахшане] носят вот какие штаны: у иной на штаны, что на ногах, пойдёт более ста «брасов» бумажной материи, <…> а всё это для того, чтобы задница («natege») казалась потолще; толстых женщин мужчины очень любят.

(Там же)

Марко Поло не был первым, кто рассказал о «бадахшанских лалах». За двести с лишним лет до него это сделал, например, Абу Рейхан ал-Бируни в своём фундаментальном труде «Собрание сведений для познания драгоценностей» (закончен в 1048).

Здесь мы уже не найдём жаргонных «балашей», камень называется строго – «Ал-лал ал-бадахши», «бадахшанский лал». Ему посвящена отдельная глава. В которой Бируни подробно рассказывает о физических различиях «лала» и «рубина», о практических способах их определения, о разновидностях «лалов», об их копях, о технике добычи и об искусственном ограничении циркуляции «лалов» на рынке драгоценных камней. Всё это изложено настолько ясно, сжато и ярко, что пересказывать это своими словами – только портить. Так что просто процитирую избранные места.

***

Это камень [«бадахшанский лал»] красный, прозрачный, чистый и походит на превосходный рубин по цвету, а иногда и превосходит его по красоте и блеску, но уступает ему в твёрдости.

***

Об открытии впервые этого драгоценного камня рассказывают, что во время одного землетрясения там раскололась и разделилась на части гора, <…> тогда-то и обнаружился лал.

***

Копи лала [Бируни приводит ряд конкретных названий] находятся <…> на границе Вахана, <…> столица которого Ишкашим («Шикасим») близка к этим копям. Путь туда более удобный из Ишкашима, так что когда идут от копей к Шугнану («Шикинану»), то проходят через него.

***

Лал находят в оболочке из белого камня <…> величиной от ореха до дыни. <…> Когда сдерут оболочку, то показывается драгоценный камень или в виде одного куска – а это бывает редко – или же в виде нескольких правильно расположенных кусков, подобно тому, как расположены зёрна граната в его кожуре.

***

Камни, в [разных] копях, различаются по цвету – одни имеют белый, другие чёрный оттенок; некоторые имеют чистый красный цвет. <…> Лал [также] бывает фиалкового, синего, зелёного и жёлтого цветов.

***

Добывать [лал] в копях – всё равно, что делать ставки в азартной игре, или блуждать, не зная пути, по степям или безводным пустыням, или безрассудно пускаться в плавание по морю, когда предпринимающие это не имеют никаких проводников. <…> В таком же положении и те, кто приступают к данной работе и начинают долбить гору, как точат её черви или термиты, вслепую, надеясь при этом только на «авось» и на «может быть».

> ***
> Однако, если они натыкаются на белый камень, похожий по цвету на мрамор, но мягкий и рыхлый,<…> это [даёт] первый <…> [проблеск] надежды. После этого они добираются до того, что называется «шириста». Это рыхлая порода, <…>, но для них это предвестник желаемого. Затем они доходят до некой плотной породы, <…> поддающиеся сверлению. <…> Когда проходят [и её], достигают места нахождения драгоценного камня [скрытого пока в белой оболочке].<…> Для нашедшего [такую оболочку] в ней иногда заключено богатство на всю жизнь.
>
> ***
> Властитель Вахана присваивает дорогие лалы <…> запретив добывающим лал уносить куда-либо большие камни.
>
> (Бируни, «Собрание сведений для познания драгоценностей», ч. 1, гл. «Бадахшанские лалы»)

Всё это было написано, напомню, в первой половине XI века.

Ну, и ещё оттуда же. Это уже не Бадахшан, но тематически (и географически) к нему примыкает довольно близко:

> Однажды пришлось мне увидеть нечто удивительное в одной горной пещере <…> вблизи Кашмира. На полу этой пещеры я увидел красное полушарие величиной с крупный плод граната и подумал, что это один из [тех красных драгоценных] камней. <…> Оказалось, что это полушарие состоит из глины и к нему [снаружи] приросли зерна, похожие на зёрна граната, совершенно красные, как гранат, а внутри каждого зерна просвечивает тонкое удлинённое ядрышко. Величина каждого зерна равна была двум или трём зёрнам жирного продолговатого сорта граната; из основания каждого выступало, [проникая] в глину, нечто похожее на то, что видно и в зерне граната, вроде нити, которая врастает в его мякоть.
>
> Я извлёк эти зёрна и посеял их. Но они не проросли.
>
> (Там же)

На этом закончим с древней суровой прозой. И перейдём к сладостной поэзии, ещё более древней.

Фирдоуси. В принципе, можно было бы больше ничего не говорить. Автор одной поэмы – но такой, что она одна перевесила бы все поэмы всех остальных поэтов вместе взятых, если можно было бы поэмы взвешивать. Короче, «Шахнаме» (ок. 1000).

Писал её Фирдоуси всю жизнь. Только документированный период работы над поэмой составляет тридцать пять лет. Произведение получилось циклопическим по объёму, неисчерпаемым по содержанию, основополагающим по значению, фундаментальным по присутствию в языке и сознании, и фактически волонтёрским по статусу. За свою работу Фирдоуси получил гонорар в размере стоимости одного хорошего обеда.

Поэма, вобравшая в себя весь мир, должна, по уму, содержать в себе и «бадахшанские лалы». Она их и содержит. Сначала дам контекст.

Дочка царя вступила в интимную связь с малознакомым заезжим красавцем. Царь пришёл в ярость. Причём не столько из-за самого факта связи, сколько из-за того, что вследствие этой связи другой правитель, ещё более могущественный, идёт теперь на него войной. При этом мотивы «другого правителя» для его нападения имели генеалогическо-пророческую природу – кто-то кому-то предсказал, что если… и так далее.

И вот наш царь посреди ночи кричит на жену, что сейчас собственными руками зарубит и её, и дочь (надеясь таким образом предотвратить нашествие). На что царица резонно возражает, что не нужно рубить с плеча, и что всё ещё может быть образуется и так. Короче, «утро вечера мудренее».

И вот эта-то простая мысль, вложенная в уста царицы, и становится у Фирдоуси маленьким поэтическим бриллиантом (точнее сказать «лалом»). Сначала подстрочник

Да, эта ночь ужасна.
Но как бы ни была длинна ночь,
тьма в конце-концов рассеется –
и наступит день – светлый, как весна,
и мир засияет, как драгоценный камень Бадахшана.

(Фирдоуси, «Шахнаме», эпизод «Синдухт отправляется к Сану»)

Две последние строчки на языке оригинала (в транслитерации) звучат так:

Shod ruz chon cheshmeh roshen shod
Jacpehan chon negin badkhshan shod

(Там же)

И, наконец, в рифмованном переводе Семёна Липкина это выглядит примерно так:

Но день придёт, спадёт покров тумана,
И мир сверкнёт, как камень Бадахшана.

У переводчика, правда, здесь значится «перстень Бадахшана», но в оригинале стоит всё-таки «драгоценный камень» («negin»). Так что я немного поправил.

Кстати, царица, призывавшая царя не торопиться с решениями, оказалась в результате абсолютно права. Красавец-витязь (оказавшийся не из простой семьи) надавил на своего отца, отец надавил на того «другого правителя», предсказание быстренько пересмотрели – и военное вторжение было отменено. А вместе с ним отменились и причины царю убивать свою жену и дочь. В результате родился мальчик – который станет героем из героев, звездой эпических звёзд и спасителем человечества – Рустам (по совместительству – пушкинский «Руслан»).

Во всём этом эпизоде самое удивительное то, с какой неудержимой истовостью и безоглядством молодая царевна прыгнула в объятия первого встречного, совершенно не знакомого ей молодца (прекрасно осознавая все последствия). По моему скромному предположению, это могло стать следствием распознанного ею (например, по запаху) редкостно удачного, даже уникального, сочетания их генных кодов – что гарантировало исключительные качества их возможному потомству. Так и случилось: родился былинный герой.

Если уж речь зашла о «ночи» и «рассвете», то ту строфу, что открывала эпизод про Лоренца Ланга («Навстречу утренним лучам», раздел «Перемены») – её ведь можно и продолжить:

Бледнеют звёзды над Хевроном,
к западу сползает ночь.
Горит Восток огнём зелёным,
и некому ему помочь.

Позади – сады Моссада,
впереди – Речной вокзал.
После – ничего не надо,
как Саади тут сказал.

Впереди – круиз по Стиксу.
Три звезды, обед включён.
Кто сумеет открутиться –
грохнут гаечным ключом.

Как уже все, конечно, догадались, на повестке у нас Саади.

Книга «Гулистан», то есть – «Розовый сад». Написана в 1258, относительно Фирдоуси это уже совершенно другая эпоха. Хотя, в поэзии время распространяется по более сложным траекториям. Но чисто формально – Саади практически современник Марко Поло.

«Розовый сад» – это собрание всевозможных «мудростей», прозаических и поэтических, в восьми книгах. Последнюю книгу составляют совсем короткие высказывания. Нас будет интересовать высказывание «Ночь Могущества».

***
Если бы все ночи были «Ночами Могущества»,
то «Ночь Могущества» не ценилась бы так.

Если бы все камни были «бадахшанскими лалами»,
то «лалы» стоили бы, как простые камни.

(Саади, «Гулистан», кн. 8, высказывание «Ночь Могущества»)

Тут фигурируют уже не просто «драгоценные камни Бадахшана» (как у Фирдоуси, «negin badkhshan»), а именно «бадахшанские лалы» («lal badkhshan»).

Данный стих интересен не столько центральным посылом (достаточно очевидным), сколько виртуозностью внутренней «прошивки» темы. Чтобы иметь возмож-

ность это оценить, надо кое-что знать. Кое-что, находящееся за пределами указанных строк.

«Ночь Могущества» – ночь праздничная. В эту ночь Мухаммеду были сверху впервые продиктованы первые слова из «Корана». Первые по времени поступления, но не по расположению в книге. Впоследствии эти слова образовали начало 96-й суры (фрагменты «Корана» упорядочены не хронологически, а по размеру отрывков – от длинных к коротким, а сура 96 – короткая).

Эта сура называется «аль-Аляк», что переводится иногда как «Искра», а чаще как «Сгусток». Что – точнее, поскольку в тексте центральным является образ «сгустка крови», из которого был «сотворён человек». Таким образом стих Саади «Ночь Могущества» в первом двустишии отсылает нас к красному «сгустку крови», а потом этот «сгусток» во втором двустишии прорастает кроваво-красными «бадахшанскими лалами». О том, что в этом «высказывании» имеется скрытая отсылка к практике ограничения добычи «лалов», я уж и говорить не буду. Всё это, собственно, и есть поэзия.

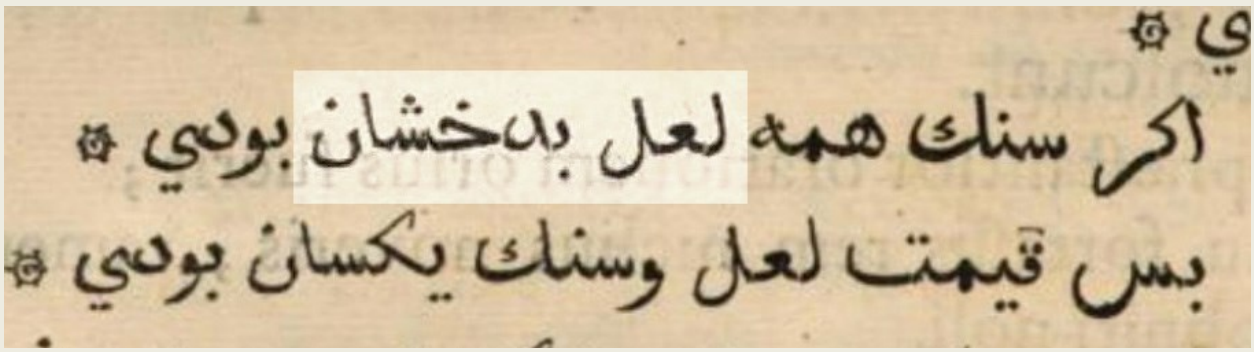
Вот такие замечательные стихи. Но могли ли на Руси в конце XVII в принципе знать эти строки Саади? Давайте посмотрим.

Первый перевод «Гулистана» на европейский язык (1634, Андрэ де Рие, французский) данного фрагмента не содержит.

А вот первый латинский перевод (1651) – уже да. Кроме того, в том издании был приведён также и полный персидский оригинал. Строки про «лалы» на латыни выглядели там так:

> Si quivis lapis esset Lalus Badachschanus,
> Tum pretium Lali atque vilis lapidis idem esset.
>
> (Sadi, «Rosarium politicum», пер. Georgio Gentio, 1651, Амстердам, с. 487)

А вот и оригинал:



[Илл. 08-09-15-1. Так выглядят «лалы Бадахшана» из «Гулистана» Саади в оригинале, на фарси (читаем справа налево). Опубликовано в Амстердаме Georgio Gentio, параллельно с его латинским переводом. «Rosarium politicum», 1651, f. 486]

На латыни читали тогда все, так что вопрос можно считать закрытым. Но был ещё один перевод «Гулистана», сыгравший даже более существенную роль в проник-

новении «водокшанности» в русское сознание. Я говорю о переводе Адама Олеария (на немецкий язык).

В одном только XVII веке перевод Олеария переиздавался трижды – в 1654, в 1660 и в 1696 (в составе сборного четырёхтомника). И во всех трёх изданиях смысл «Ночи Могущества» пояснялся в подробном комментарии, размещённом непосредственно под стихами (однако, без упоминания суры «Сгусток», в которой и состоит суть этого стиха).

«Бадахшанские лалы» удостоились у Олеария ещё более пристального внимания. В комментарии было раскрыто местонахождение Бадахшана («между Каспийским морем и Индией») и даже указаны его точные географические координаты («104 градуса долготы и 37 градусов широты»). При этом указанная широта была точна безоговорочно, а долгота – с той оговоркой, что «нулевой меридиан» отмерялся от Азорских островов (что тогда вполне практиковалось), и что бралась самая восточная точка «Бадахшана» (под которым автор понимал в том числе и весь Памир).

Завершался же комментарий Олеария прямой констатацией того, что «самые красивые и лучшие рубины («Rubinen») добывают именно здесь».

Само двустишие Саади в переводе Олеария вполне соответствует оригиналу. Единственно, «лалы» здесь были поняты, как «рубины» (что и в реальном ювелирном деле будет происходить сплошь и рядом ещё долго):

> Wenn alle Steine Badachschanische Rubinen waren
> so wurde der Preis solcher Rubinen und der gemeinen Steine eins seyn.
>
> (Adamo Oleario,«Persianischer Rosenthal», Шлезвиг, 1654, с. 161)

Заслуги Олеария перед человечеством отнюдь не ограничиваются переводом «Гулистана» на немецкий. Главное (в смысле востребованности) его произведение – это описание им своих путешествий в Московию (два раза) и Персию, совершённых в составе немецкого (голштинского) посольства между 1633 и 1639. Книга Олеария (первая публикация 1647) стала издательским хитом века. Многие исторические факты (в том числе и о городе Москве) мы знаем единственно из подробнейшего (день за днём) рассказа Олеария.

Следующий пассаж, например, не устарел до сих пор, а ведь написан он был за пятнадцать лет до путешествия в Китай Сеиткула Аблина. Дело происходит в Исфахане.

> Здесь есть гостиница, которую персияне называют «Tzai Chattai Chane». В которой, как и в других местах, они пьют некую горячую чёрную воду («heiß schwarß Wasser») – отвар из растения, привозимого узбекскими татарами в Персию из Китая. Листья этого растения продолговаты, остроконечны, около дюйма в длину и полдюйма в ширину. Будучи высушены, они обретают черноватый вид, свёртываются и закручиваются словно червячки. Это именно то растение, которое китайцы, японцы и индийцы называют «Thee». <…> Персияне варят его в чистой воде, прибавляют туда сахару, а также анису, укропу, а некоторые немного гвоздики. Напиток имеет вяжущий или стягивающий как бы вкус. <…>

> Ему приписывают большую силу и действенность: он благоприятно влияет на желудок, печень, лёгкие, на кровь и вообще на внутренние органы, очищает их, укрепляет, изгоняет камень, облегчает головные боли и уничтожает все мокроты, от которых человек делается вялым и сонным. Человек, напившийся вдоволь этого напитка, может несколько ночей кряду сидеть свежо и бодро, без обременения сном, и с удовольствием заниматься умственной работой («Kopff Arbeit mit Lust»). Употребляя его умеренно, человек может не только обрести хорошее здоровье, но и достичь глубокой старости. Это растение – «Thee» – хорошо известно теперь и в Голландии. Его привозят туда мореплаватели из Восточной Индии. Его можно найти в Амстердаме, хотя и не в большом количестве. Как извещали меня, французы закупают его чрезвычайно много.
>
> (Олеарий, «Путешествие в Московию и Персию», по изданию 1663, кн. 5, гл. 17)

О Саади и его «Розовом саде» Олеарий также не забывает упомянуть (начиная с издания 1656):

> Если говорить об изяществе языка, то персияне с большим удовольствием и прежде всего читают книгу «Гулистан» («Külustan») высоко прославленного на всём Востоке поэта Саади («Saadi»). Эту книгу я в прошлом году издал на верхненемецком языке, с примечаниями и иллюстрациями, резанными на меди. Поэт этот в своих стихах изящным слогом формулирует мудрые правила. В Персии нет грамотного человека, который бы не имел у себя в доме этой книги. Те же, кто хочет выглядеть хоть сколько-то образованным, у того эта книга содержится и в голове. Это легко можно видеть и на их пирах, и при всякого рода личном общении. При этом обыкновенно цитируется стихотворение, которое содержит в себе какую-нибудь поговорку или наводит на размышление.
>
> (Там же, гл. 24)

Но не Саади единым. На Олеария может быть в первую очередь произвело впечатление общее состояние поэтической индустрии в Персии. Слово «поэт» звучало там – вы не поверите – гордо.

> Что касается поэзии, то она до того любима персиянами, что, по-моему, на свете нет другого народа, который был бы предан ей более их. По всей стране везде есть множество стихотворцев, которые не только пишут на бумаге забавные или серьёзные стихи, но и декламируют их, в расчёте на вознаграждение, на собраниях у знатных господ, на площадях, на постоялых дворах и на всякого рода пирушках. Нередко важные особы приглашают к себе таких стихотворцев ради своего и гостей своих удовольствия.
>
> Шах и ханы также имеют каждый своих собственных стихотворцев, которые уже не работают на улицах, не бродят по разным местам, но сидят дома и трудятся над созданием сочинений, которые должны доставить удовольствие только их господам. Вознаграждение за это бывает иногда значительным.

> Между поэтами наблюдается большая разница: одни сочиняют отличные стихи, другие же, как это случается и у нас, плохие. <…> Эти последние довольствуются тем, что, украсив себя чужими перьями, таскаются по постоялым дворам и базарам и собирают там с простого люда по нескольку грошей за своё непритязательное искусство.
>
> (Там же, гл. 26)

Кстати, в составе немецкого посольства также имелся свой профессиональный поэт – Пауль Флеминг, реально классик немецкого барокко. Тут надо немного промотать вперёд.

Когда некогда созданная мною «геопоэзия» оформилась в самостоятельное направление, у меня возникло понятное желание как-то вписать это направление в традицию. То есть попытаться обнаружить примеры «геостихов» у поэтов прошлого. В результате за несколько лет я нарыл неплохую коллекцию «исторической геопоэзии».

Для включения в эту коллекцию того или иного стихотворения требовалось, чтобы оно удовлетворяло трём необходимым условиям: 1) Стихотворение должно было быть написано профессиональным поэтом (при всей условности этой дефиниции), 2) Поэт должен был реально совершить то или иное заграничное путешествие (перемещения по своей стране не считались), и 3) Текст стихотворения должен был так или иначе отражать это путешествие.

Кому-то может показаться, что при выполнении третьего условия, второе является избыточным. Но это не так. Я столкнулся с таким количеством стихов, в которых поэты описывали свои вымышленные путешествия (местный колорит для которых черпался из справочной литературы), что мне пришлось даже создать специальный раздел «псевдо-геопоэзии». Куда вошли, например, отличные стихи Есенина о Персии (в которой он никогда не был) – или китайские эпизоды «Неистового Роланда» Ариосто.

Так вот, (отматываем обратно) Пауль Флеминг в указанном смысле был стопроцентным «геопоэтом». С широко открытыми глазами он путешествовал по Московии и Персии – и писал в дороге стихи о Московии и Персии. В частности, его стихотворение о городе Москве (1636) стало чуть ли не первым стихотворением о Москве в мировой поэтической практике вообще. Мне же лично безумно нравятся его речные «пермские нимфы», спустившиеся по Каме до её слияния с Волгой (в этом месте стихотворение и было написано), и плескающиеся вокруг судна, на котором поэт на просторе речной волны плывёт в Персию:

> Schwimmt näher zu uns her und stellt euch furchtsam nicht,
> ihr wilden Fürstinnen des öden Permerstrandes.
> Kommt Nymphen an den Port, das Ufer dieses Randes
>
> (Подплывайте к нам поближе и не бойтесь,
> дикие принцессы пермских пустынных берегов.
> Заходите, нимфы, в тихие заводи этого спокойного края.)
>
> (Пауль Флеминг, «Über den Zusammenfluß der Wolgen und Kamen», 1636)

Если с наполнением «иностранной» части моей коллекции дело продвигалось неплохо, то с «отечественной» её частью я быстро упёрся в начало XVIII века – и дальше начались пробуксовки. Из-за двух фундаментальных причин: отсутствия здесь (за единичными исключениями) «профессиональной» поэзии как таковой – и тотально невыездного населения. Это вам не Персия.

Тем не менее, мне удалось-таки отжать ещё почти сто лет. На данный момент «первым русским геопоэтом» у меня числится Иван Наседка («приказная школа»), в чьём стихотворном опусе «Изложение на люторы» отразился его личный опыт посещения им Дании в 1622 (в составе посольства).

Должен сказать, что данный автор мне в целом не слишком симпатичен – ни как поэт, ни как человек. Так что я с интересом посматриваю на его современников в надежде найти там кого-нибудь ещё.

И вот пожалуйста, как специально. В группе путешественников, направлявшихся вместе с Олеарием в Персию, обнаруживается некто Алексей Романчуков, русский поэт.

Тридцатилетний Романчуков ехал в Персию вполне официально. Формальный его статус – русский «малый посол» к персидскому шаху, едущий вполне самостоятельно, но просто с немецкой оказией. Олеарий же поначалу подозревал в нём негласного соглядатая, посланного властями следить за немцами – да чего уж там, попросту шпионить.

Даже если такая задача Романчукову и ставилась (чего нельзя исключать), то отнёсся он к ней исключительно формально. Я делаю такое заключение на основании анализа хотя бы его логистики. На пути в Персию Романчуков присоединился к немцам только в Астрахани. Через некоторое время он оставил медленное посольство и уехал вперёд в Исфахан. Там он проживал отдельно от немцев, что не давало возможности осуществлять реальную слежку. На обратном пути он также оставил посольство в Астрахани и поехал вперёд один, везя царю лишь «любительскую грамоту» от шаха, весь смысл которой сводился к превознесению невероятных личных достоинств адресата («Белого хана»), являющегося, по утверждению шаха, «храбрым, как Рустам». И даже «Статейный список» Романчукова, то есть его официальный отчёт о выполнении поставленных задач, ничем не отличается от подобных списков многих других послов. Хорошие шпионы так себя не ведут.

На начало своего контакта с немцами, Романчуков немецкого языка не знал совсем, а из латинского знал всего несколько слов (это к вопросу о шпионской версии). Однако он оказался человеком живым, любознательным и открытым всему новому. За время совместного путешествия он, по свидетельству Олеария, освоил латинский язык до вполне разговорного уровня, а также научился пользоваться сложным физическим прибором – астролябией, которую просто полюбил.

С участниками немецкого посольства у него сложились нормальные человеческие отношения. Даже больше – отношения взаимной симпатии. Это хорошо видно из разных мелких нюансов рассказа Олеария. И это, пожалуй, явилось главным итогом данного межнационального контакта.

Как я сказал, Романчуков был поэт. Как и от всех русских поэтов его времени, стихов его до нас почти не дошло. Но существует такая присказка: истинным поэтом следует считать любого, кто смог написать хотя бы четыре настоящих строки о любви и разлуке.

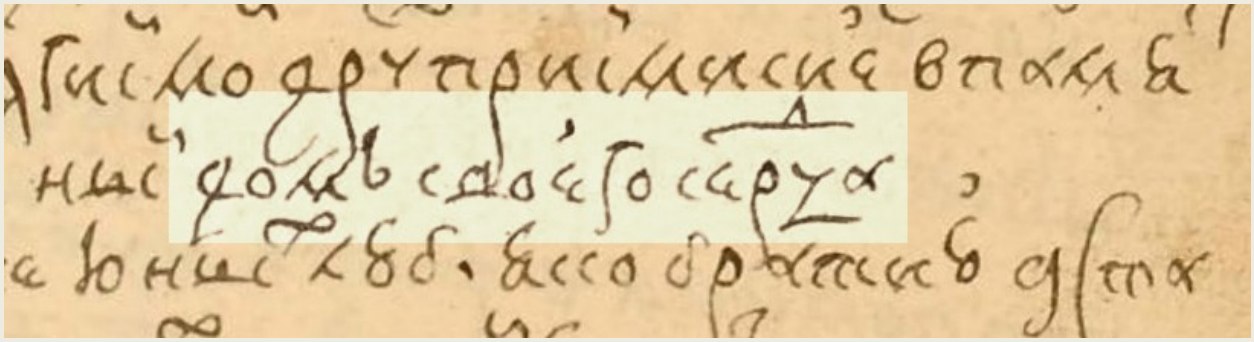
У Романчукова таких строк в десять раз больше. В одном только стихотворении «Аз же отгонИм бываю…» их аж целых тридцать шесть. Текст этого стихотворения дошёл до нас благодаря незабвенной «Архангельской библиотеке Голицына» (сейчас находится: БАН, Архангельское собрание, д. 527, лл. 91-94). Той библиотеки, которой в 1729 пользовался Антиох Кантемир, стоя на самом пороге своей поэтической славы (см. «Библиотека Пандоры»).

Всего мне известно два стихотворения Романчукова. Кроме упомянутого, это ещё акростих «Не дивно…». И вот он-то и подводит нас к теме «исторической геопоэзии».

Из уже сказанного видно, что первым двум критериям «геопоэтичности» Романчуков вполне соответствует. По меркам своего времени он вполне может считаться «профессиональным» поэтом – и он совершил реальное путешествие в Персию. И хотя в обоих его известных стихах Персия в явном виде не присутствует, но к одному из них она имеет прямое отношение.

А именно – стихотворение «Не дивно» было написано непосредственно во время путешествия и вобрало в себя некоторые его обстоятельства. Известна точная дата и место его написания (что бывает исключительно редко) – 15 января 1638 (по новому стилю), персидский город Казвин.

Стихотворение это вводит в русское понятийное пространство новую – и отныне вечную – поэтическую формулу: «дом своего сердца».



[Илл. 08-09-16-1. «Дом своего сердца» в стихотворении Алексея Романчукова. «Альбом записей и рисунков…» Гартмана Грамана. Запись сделана рукой Романчукова и им же датирована: 15 января 1638. РГБ ОР, ф. 201, д. 40, л. 47]

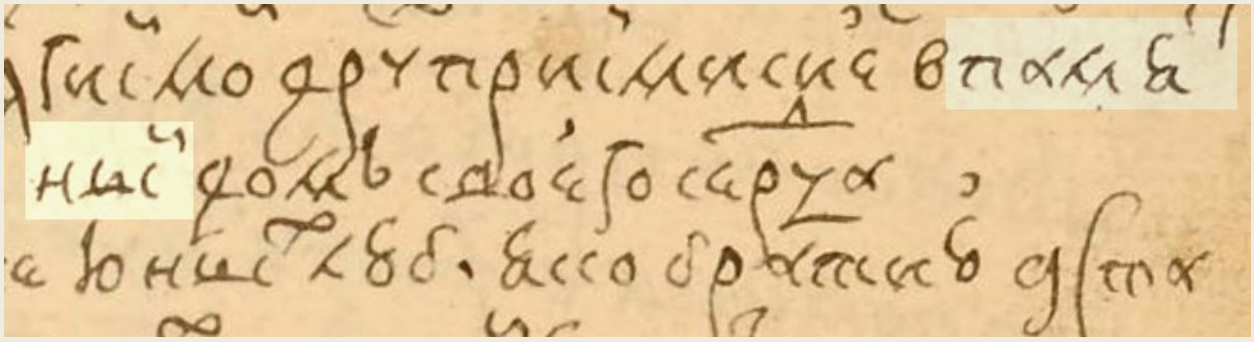
«Дом сердца» – глубокий образ. Причём образ сугубо «геопоэтический». Твой настоящий «дом» – это твоё собственное «сердце», а не твоя жилплощадь на окраине Москвы. Если ты в мире с собой, ты везде будешь дома. Путешествуй, весь мир перед тобой.

Романчуков, похоже, в мире с собой не был, но об этом чуть позже.

Ради полноты картины следует сказать, что как истинный «раб рифмы», Романчуков жертвует ради неё всем, включая грамматику. Ничтоже сумляшеся, он, во имя рифмы, меняет ударение – так что рассматриваемая нами фраза звучит, строго говоря, как «дом своего сердцА» (чтобы в следующей строке рифмовалось с «яко отцА»). Какие ещё нужны доказательства в принадлежности Романчукова к «поэтическому цеху»?

Если данное стихотворение читать подряд, то в строке, содержащей «дом сердца», обнаруживаются и другие интересные вещи. Вот указанная строка целиком (выделение моё).

> О благий мой друже, приими сие в **памятный дом своего сердца**
>
> (Романчуков, «Не дивно…», 1638)



[Илл. 08-09-17-1. «Памятный дом своего сердца». Там же, тогда же]

Итак, «дом сердца» у Романчукова почему-то оказывается «памятным». Тут следует внимательней присмотреться к обстоятельствам написания этого слова.

О дате и месте написания я уже говорил, а обстоятельства следующие. В тот день Романчуков, предчувствуя скорое расставание, устроил в городе Казвин для своих немецких друзей банкет, которым все остались чрезвычайно довольны (Олеарий, кн. 6, гл. 2).

Судя по всему, наше стихотворение было сочинено именно в ходе этого мероприятия – и записано автором собственноручно в альбом молодому немецкому доктору Гартману Граману (Hartmann Gramann), с трогательным ему посвящением.

Похоже, всё происходило в подпитии, то есть в состоянии, в котором в стихи выливается то, что у трезвого только «на уме». Кстати, лучшие стихи часто рождаются именно таким образом, когда накопившееся – просто берёт и выплёскивается на бумагу, минуя цензуру разума. При этом, однако, само «накопление чувств» должно происходить загодя. А потому посмотрим, что такого было у наших путешественников «памятного» в предыдущие несколько дней.

И вот мы видим, что за одиннадцать дней до написания стихотворения, ещё в священном городе Кум, в ночь с 4 на 5 января имело место тоже застолье, но совершенно иного рода. Если в Казвине был шумный общий банкет, то в Куме состоялась «задушевная встреча в тесном кругу» (но тоже, конечно, со спиртным). Олеарий это описывает следующим образом:

> Следующую ночь, так как русский Посланник, размещённый в одном помещении с [немецкими] Послами, совершенно не хотел спать, мы провели в весёлых беседах («lustigen Gesprächen»), за бокалом доброго вина.
>
> (Олеарий, кн, 6, гл. 2. Город Кум, ночь с 4 на 5 января 1638)

Эта скупая запись говорит о многом. Но главное – о характере сложившихся отношений между Романчуковым и его спутниками. Похоже, что имевшая место ночная задушевная беседа произвела на него неизгладимое впечатление.

А после «ночи откровений» наступил «день отрезвления». И в буквальном смысле, и в прямом. В этот день (5 января) произошло сразу два символических события.

Прямо при выезде из города Кум мир в глазах путешественников вдруг потемнел – всех с головой накрыло солнечное затмение (не «полное», но тем не менее).

А потом они подъехали к некой странной горе. Задним числом Олеарий рассказывает о ней с долей юмора и здравого скепсиса. Но я не уверен, что в реальном времени это воспринималось путниками столь же легко.

Гора была не высокой, но имела необычную форму. Её склоны были сплошь покрыты как бы «волдырями», то есть небольшими округлыми холмами. А вся земля перед горой была белой от селитры и соли, словно засыпана снегом. Впрочем, в этом ещё не было ничего слишком уж необычного.

Необычным было то, что согласно единодушным утверждениям местных жителей, ни один человек, поднявшийся на эту гору, не способен был потом спуститься назад. И дело было не в усталости, высоте или крутизне – а в каком-то мистическом исчезновении воли к спуску. Это было ровно то же самое, что и в фильме Бунюэля «Ангел-истребитель». Там некое светское общество собирается в роскошном особняке на званый приём, но в какой-то момент каждый осознаёт, что он не может выйти наружу, поскольку не способен переступить некую невидимую черту посреди зала. И это было вовсе не то, как если бы он наталкивался на невидимую прозрачную стену. Это было хуже. Человек просто лишался воли к следующему шагу. Как если бы ему нужно было поднять руку, но он переставал понимать как это вообще делается.

Также было и с горой. Местные жители, добывавшие около неё соль, приводили конкретные примеры – с именами и живописными подробностями. А гора была – вот она. Олеарий даже зарисовал её и записал её название – «Kilissim». Каждый может посмотреть этот рисунок.

[Илл. 08-09-18-1. Гора «Килиссим» около персидского города Казвин, с которой нельзя спуститься (справа вдали). Рисунок с натуры Олеария. «Путешествие…» Олеария, 1647, с. 469]

Романчуков воспринял эти два эпизода, как некое предзнаменование. Свет меркнет. На гору можно подняться, но спуститься с неё уже нельзя. Открывшийся для него вчера ночью дружеский «дом сердца» так во вчера и останется. В путешествие можно отправиться, но вернуться из него нельзя.

Я вовсе не утверждаю, что «затмение» и «заколдованная гора» стали причиной крушения иллюзий Романчукова. Это крушение он предчувствовал и без них. Но «затмение» и «гора» просто предельно обострили эти предчувствия поэта – настолько, что превратили их в ощущение свершившейся данности. Обретённый было «дом сердца» останется теперь только «в памяти».

Если кому-то кажется, что я перебираю с сентиментализмом ситуации, то вот несколько фактов. Романчуков пишет свои стихи собственноручно Граману в его альбом. Граман на соседней странице с большой любовью рисует портрет Романчукова (очень неплохой). Романчуков, кроме обращения «благий мой друже», пишет для Грамана ещё и проникновенное посвящение. Граман, как оказывается, ещё в Исфахане много раз ходил к страдавшему лихорадкой Романчукову, причём ходил он с реальным риском для своей жизни. Тут нужно пояснить.

В то время у немецкого посольства возник кровавый конфликт с соседним индийским посольством. Ситуация была вполне серьёзной, доктору для выхода за ворота приходилось маскироваться.

> И с тех мест стали индейцы по всем улицам ждати немецких людей великими зборами для того: которого где ни застать, того убита до смерти. И в то время к Олексею [Романчукову] ездил ночьми дохтур посольской [Граман] для его болезни и нарядяся в руское платье в Олексеево.
>
> («Статейный список» Романчукова. РГАДА, ф. Посольский приказ, Сношения России с Персией, 1636 г., д. 1, л. 22)

Примеры взаимной приязни Романчукова и Грамана можно продолжать. Но лучше всего её характеризует одна рифма из нашего стихотворения, ставшая впоследствии самой известной рифмой русской поэзии. А зафиксирована она впервые именно в этом стихотворении Романчукова (посвящённом, напомню, Граману). Рифма эта такая: «любовь» – «кровь». Да-да, она самая.

Я это всё вот к чему. Приведённые выше соображения дают определённые основания квалифицировать стихотворение Романчукова, как «историческую геопоэзию». Хотя «Персия» там прямо не упоминается, но стихотворение а) было написано в Персии, и б) события, произошедшие в Персии, стали прямым источником его слов и образов. Так что – барабанная дробь – перед нами один из самых ранних русских «геопоэтов» – Алексей Романчуков. Отметка – 1638.

В том же году, вскоре после возвращения в Москву, Романчуков покончит с собой.

Пауль Флеминг, которому во время путешествия не было и тридцати, умрёт год спустя.

Доктор Граман будет жить относительно долго и относительно счастливо.

Подведём промежуточный итог. Романчуков ездил в Персию с Олеарием. Олеарий перевёл «Гулистан» Саади на немецкий. Саади в «Гулистане» воспел «бадахшанские лалы».

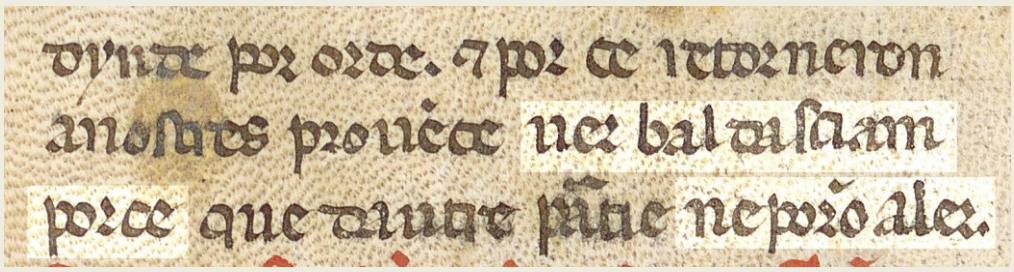
Но и Романчуков не остался совсем уж в стороне от «лалов». В своём «Статейном списке» (который он перед смертью успел-таки написать) он перечисляет дары, которые индийский посол привёз персидскому шаху. В их числе – «30 фунтов каменья яхонтов червчетых и лалов» («Статейный список», л. 12). Эпитет «водокшанский» у него, понятное дело, пока ещё отсутствует.

Так что вот он, Романчуков. Вы говорите, что есть ещё Тимофей Анкундинов? Да, конечно, но это уже 1647, Турция. А вот что действительно стоит сделать, так это пристальней присмотреться к Алексею Зюзину (1613, Англия). С ним у меня связаны большие надежды.

С «геопоэзией» вроде бы всё.

А теперь вернёмся к Бадахшану, а то некуда идти.

(Марко Поло, ««Книга о разнообразии мира», гл. 49, 1296)



[Илл. 08-09-19-1. «Вернёмся к Бадахшану, и то некуда идти» («Retorneron… ver Baldasciam… por ce… ne poron aler»). Марко Поло, «Книга о многообразии мира», Manuscrit «F», f. 21v]

Из всех переводов «Гулистана» Саади, перевод Олеария (1654) особенно важен для нас потому, что этот перевод, как ни удивительно, был в свою очередь полностью переведён на русский язык всё в том же XVII веке. Сохранились два рукописных списка этого перевода (РНБ ОР, ф. 550, F.XVII.4 и F.XV.12), сделанного по разным оценкам между 1680 и 1699.

«Розовый сад» Саади, а точнее «Persianischer Rosenthal» Олеария, превратился на русской почве в «Персидский кринный дол», то есть «Лилейный сад» (в русском языке «кринн» означает «лилию»). Что не так уж и плохо, поскольку «Гулистан», строго говоря, это вовсе не обязательно «Розовый сад», это слово можно перевести и как просто «Цветочный сад». Со своей стороны, «лилия» в русском языке является «синекдохой» (выражением общего через частное) понятия «просто цветок». Так что – ещё одно очко в пользу неизвестного переводчика «Персидского кринного дола». Чью работу – вне зависимости от её качества – следует всячески приветствовать.

К этому можно добавить, что рукопись «Персидского кринного дола» F.XV.12 происходит прямиком из всё той же «библиотеки Голицына» (№ 134 по «Описи» 1737), откуда ж ещё.

Так или иначе, но слово «Водокшан» взошло и осветило небосклон русского языка. Произошло это около 1696.

А уже в 1702 это слово ярко сверкнуло в «Описи казны Мастерской палаты», в описании навершия «алмазной шапки» Петра I, то есть конкретно – «лала Спафария».

Я думаю, свою роль в победоносном шествии этого слова могло сыграть его случайное сходство со старым русским словом «водОкша», имевшим исключительно позитивную коннотацию и обозначавшим крещенскую прорубь («иордань»), святое дело. Короче, «Водокшан» на русский язык «лёг» легко.

И уже очень скоро все «лалы» (а не только Спафариев) в дворцовом ювелирном лексиконе становятся «водокшанскими».

> ***
> Тресилка, в ней – лал водокшанский, 1 шт.
>
> («Опись короне…» царевны Наталии Алексеевны, 1729. РГАДА, ф. 396. оп. 2, ч. 3, д. 1230, л. 14об.-19об.)
>
> ***
> Около этих камней в двух репьях по 5 алмазов <…>, в них же лал водокшанский. <…> Сверх той окружности лал большой водокшанский.
>
> (Опись Большой короне Анны Иоанновны, 1741. Там же, л. 30 об. – 53 об.)

В последнем примере речь идёт уже не о «лале Спафария», и даже не о «камне Меншикова» (который изначально венчал корону Анны Иоанновны), а о камне, ко-

торым «камень Меншикова» был в своё время на ней заменён. Но это уже не важно – все они теперь «лалы водокшанские».

Вполне ожидаемым образом, круг вскоре замкнулся. Сначала «лалы» (через Саади и Олеария) стали на Руси «водокшанскими», а потом – благодаря уже этим «лалам» – сам «Водокшан» попал в зону пристального внимания российской Короны.

Это особенно хорошо видно на примере Петра I.

Слово «Водокшан», несущее на себе по-факту отблеск «лала Спафария», который сам только недавно стал «водокшанским» – это слово обрело над Петром, чей царский венец «лал Спафария», собственно, и венчал – так вот, слово «Водокшан» обрело над Петром определённую власть, со временем завладев его мыслями и чаяниями. Пётр Водокшан возжелал.

Показателен в этом смысле случай, произошедший во время так называемого «Персидского похода» Петра на Каспийское море (1722). Молодой флотский офицер, Фёдор Соймонов, воспользовавшись редкой возможностью, начал было «агитировать» Петра за прокладывание морского пути в Китай вдоль берегов Сибири.

Пётр от всего этого отмахнулся («Я то всё знаю, да не ныне, да то далеко»), и тут же завёл речь о своём-наболевшем. Предварительно удостоверившись, что Соймонов бывал в области Астрабад (на юго-восточном берегу Каспийского моря), Пётр выдал следующее:

> Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана на верблюдах только 12 дней ходу? <…> И тому пути никто помешать не может.
>
> («Журнал Каспийского похода Петра Великого», РНБ ОР, ф. 550, Q.IV.63, л.52 об.-53 об.)

Так ненароком открылась истинная цель всего «Персидского похода».

Эта тяга Петра к Водокшану возникла не на пустом месте. Имелись предварительные наводки.

За четыре года до «Персидского похода» Пётр отправил в Бухару под видом «посла» своего человека – Флорио Беневени. Он был рагузинцем и попал на русскую службу за много лет до этого, в Константинополе, где он устроился переводчиком в русское посольство – скорее всего, по рекомендации Саввы Рагузинского. Там Беневени натерпелся много всякого, потом в команде Толстого поучаствовал во всеевропейской охоте на царевича Алексея, а потом осел в России при Коллегии иностранных дел на небольшой должности. И тут он вдруг в 1718 назначается «послом» в Бухару. Без штата, без бюджета и без полномочий – но послом. Его задача – разузнавать что нужно и слать шифрованные донесения. А нужно было известно что.

И Беневени из Бухары докладывает:

> Доношу Вашему Величеству, что <…> река Гиокча заподлинно из самых богатых руд начало имеет, а именно близко Бадакшану. <…>
>
> За пять ден от Бадаксана горы суть, в которых всякое удовольство, ни Хиве ни Бухарам не в пример.
>
> Два часа далеко от города Батфав (?) одна большая гора есть, в которой драгоценный лал.
>
> На сходу, отколе лал вынимают, железные суть ворота поделаны и накрепко затворены за печатью ханскою и всех тамошних бегов, которые в сороке считаются, и без позволения оных хан один отворить не посмеет.
>
> Когда отец сего бухарского хана <…> владел Балхом, во все годы <…> посылал туда лалов собирать. <…> [А потом правители Бадахшана] всем генерально отказали, и с того времени помянутые ворота не отворены и лалу никто не бирывал.
>
> («Цифровая реляция» Беневени из Бухары от 10 марта 1722. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, оп. 109/1, 1722 г., д. 1, л. 48—51 об.)

Данная горячая информация, посланная Беневени с курьером, застала Петра уже в «Персидском походе», но ещё в Астрахани, примерно за месяц до того памятного разговора с Соймоновым.

В другой реляции Беневени мы читаем:

> Из Астрабату то будет езды до Балху дней двадцать, а до Бадаксану – с месяц.
>
> (Там же, 1724 г., д. 1, л. 1)

Где-то мы это уже видели. Ах, ну да. И хотя цифры несколько разнятся с озвученными Петром, но сам вектор опознаётся безошибочно.

Итак – даёшь Водокшан!

Однако в тот раз из всех этих намерений ничего не вышло. А там и император умер.

Но только не его дело. Интерес Империи к Водокшану вскоре материализовался в проекте обер-секретаря Ивана Кириллова, поданном на рассмотрение императрице Анне Иоанновне весной 1734.

Документ длинный, но если самую суть, то – «Водокшан нужно брать».

Иван Кириллов – человек не совсем уж безызвестный. Он, в частности, составил и издал самый первый Атлас всей (теоретически) Российской империи (существует в виде разрозненных и разношёрстных карт в количестве 41, поскольку закончить проект Кириллов не успел). Также он был своего рода «куратором» «Второй Кам-

чатской экспедиции» (то бишь «Великой Северной»). А вот теперь ещё и Водокшан.

Сам документ, как и положено, назван размыто: «Проект обер-секретаря Ивана Кириллова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими», 1734.

Опубликован он в региональном издании «Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734 год, составитель А. И. Добролюбов», Оренбург, 1900. Цитировать буду по нему.

Составлен проект толково. Сначала сформулированы основные тезисы. Потом обрисована конкретная ситуация. Потом сделаны практические предложения. Не вижу причин отклоняться от этой схемы.

Исходные тезисы. В Средней Азии царит неразбериха; много мелких государств, которые сами не знают чего хотят; самая лакомая среди них добыча (но и самая дальняя) – Водокшан.

> ***
> В сей Водокшанской земле богатые горы <…> с каменными лалами. (с. 15)
>
> ***
> Водокшанская провинция нужна в российское владение для многова имеющагося в ней богатства, что золота, лалов, лапис-лазори в ней довольно. <…> В Россию в последнем 1729 году караване не мало бухарских червонных, также лалов и изумрудов ввезено. (с. 42-43)

Далее Кириллов приводит данные по всем восемнадцати субъектам (они же и объекты). Всё – сжато и предельно конкретно. В Водокшане сейчас происходит то же, что и всегда – местные власти искусственно ограничивают объём добычи своих «лалов».

> Богатая земля Водокшанская, где хана нет, но, как от Бухарского владения отложилась, с того времени старшины народные наподобие республики содержут, и около сорока человек таких старшин есть. <…> Как старшины в сём месте офундовались, то уставили между себя, что им в каждом году съезжаться со своими людьми в одно время и десять дней в тех горах выше помянутый камень и золото доставать, и кому сколько по счастию достанется, тем во весь год и довольствоваться, чего ради у каждаго, не веря друг другу, крепкие караулы содержусь, и никого в те горы и места не впускаюсь, однако ж и потому худому распорядку в городах жители богатства много имеют, продавая вышепомянутые каменья и золото. (с. 15)

И, наконец – детально проработанный план осуществления экспансии. Хотя Водокшан и является конечной целью, но он находится за всеми этими государствами, так что начать придётся не с него. Однако и в Водокшане уже есть что делать, а именно – под видом караванной торговли собирать практические данные.

> В том караване, как возможно вместо шпионов человек двух или трёх послать из ученых людей геодезии <…> ехать до богатой Водокшанскай землицы, <…> под образом любопытства, у гор, где лал <…> берут, побывать, и с подлинною ведомосгыо возвратиться. (с. 26)

Но подготовка подготовкой – а конечные цели и средства по Водокшану Кириллов сформулировал чётко. Это:

> Поход <…> для доставания во владение Водокшанской землицы с богатством дорогих камней. (с. 29)

На проект Кириллова обычно медлительная Корона отреагировала быстро и с воодушевлением. Уже 1 мая 1734 вышел благосклонный Указ Анны Иоанновны. Детализированный Указ Сената последовал 13 мая. Ещё через пять дней, 18 мая, вышла подробная Инструкция императрицы что и как Кириллову следует делать. Фактически, Инструкция повторяла Проект Кириллова (и структурно, а порой и дословно), только предложительное наклонение заменялось в ней на предписательное.

Например, цитировавшийся выше пункт о шпионаже под видом караванов выглядел в Инструкции так:

> Наипаче в Водокшане, где известно, есть что золото, лал, изумруд, лапис-лазори, в те места вскоре не вступать, и явнаго никакого вида не давать, но прежде через посылку в караванах надёжных людей всякие известия собрать, и какие удобные к получению тех мест способы найдутся, о том писать к Нам. (с. 70)

Начинать практические действия Кириллов предлагал с закладки нового города во чистом поле. Предложение было принято и город Оренбург был заложен. Потом его, правда, перенесли, а на старом месте сделали город Орск, но это уже детали.

Так процесс продвижения «северного брата» в Среднюю Азию начАлся.

И уже через 130 лет империя вплотную придвинулась к Бадахшану.

Но времена изменились – свои войны теперь приходилось «объяснять». И тогдашний российский министр Иностранных дел разработал целую концепцию, согласно которой «цивилизованные» страны просто обязаны покорять соседние «дикие» народы. И не потому, что им так хочется – а потому, что иначе просто нельзя, таков «закон природы».

Данная яркая мысль была изложена в специальном «Разъяснении» (на французском), направленном в 1864 от лица России Английскому правительству. Вот некоторые цитаты:

> Положение России в Средней Азии такое же, как и у всех цивилизованных государств («états civilisés»), которые оказываются в соприкосновении с полудикими, кочевыми народами («peuplades à demi-sauvages, errantes»).

> В таких случаях всегда случается так, что интересы безопасности границ и торговых отношений требуют, чтобы более цивилизованное государство осуществляло определённое доминирование («certain ascendant») над соседями.
>
> Мы вынуждены приводить соседние народы к более или менее прямому подчинению («soumission plus ou moins directe»).
>
> («Разъяснение русского правительства» от 21 ноября 1864. В сборнике документов «Central Asia and the Anglo-Russian Frontier question», 1874, London, с. 62)

В данном документе министр говорит пока о необходимости и оправданности завоеваний «в целом», без имён. Но в 1872 вопрос встал уже конкретно о Бадахшане.

Кстати, этого министра звали Александр Горчаков, лицейский товарищ Пушкина.

В какой степени «товарищ»? Вопрос действительно тонкий. Послушаем Пушкина образца 1817:

> Князю А. М. Горчакову
>
> Встречаюсь я с осьмнадцатой весной.
> В последний раз, быть может, я с тобой, <…>
> Над озером иду рука с рукой. <…>
> Мой милый друг, мы входим в новый свет… и т.д.

Итак, в руке рука. Вскоре один из них отправится на запад – где закат, а другой – на юг, как сиротиночка, где будет всё не по дороге.

Научности ради, приведу полный комплект характеристик, данных Пушкиным Горчакову в стихах.

1814: Любезный Горчаков. Сиятельный повеса. 1817: Быстрый ум. Блестящий дар нравиться другим. 1819: Питомец мод. Друг большого света. Приятный льстец. Язвительный болтун. Небогомольный остряк. Философ. Шалун. 1825: Счастливец с первых дней.

После 1825, когда Горчаков вылез со своими менторскими наставлениями по поводу «Бориса Годунова», Пушкин его пропуск в свои последующие стихи аннулировал.

Со своей стороны, пятьдесят пять лет спустя Горчаков не приедет на открытие памятника своему «товарищу». И это при том, что на тот момент он был одним из двух оставшихся в живых одноклассников поэта. Да, ему было уже 82. Возможно, он действительно был не здоров. Но давайте спросим себя – а нашлись бы у него силы, если бы его тогда пригласил на встречу, скажем, Бисмарк?

Думаю, что физическое состояние стало удобным предлогом, чтобы уклониться от церемонии восхваления бывшего одноклассника, с которым у Горчакова имелось застарелое соперничество. Кто из них «главный лицеист»? И почему Лицей име-

нуют «пушкинским», а не «горчаковским»? А теперь вот его приглашают на торжества, где журналистов будет интересовать единственно то, как он с Пушкиным шестьдесят пять лет назад курил в кустах краденые у сторожа папиросы. Целая жизнь с тех пор прошла, жизнь в трудах государственного масштаба, между прочим.

А тут, совсем недавно, был ещё случай. Очередной, так сказать, привет от «солнца русской поэзии».

Самый влиятельный французский журнал «Revue des Deux Mondes» опубликовал огромную статью (на шесть номеров) о нём, Горчакове. Подробно анализируя его роль в мировой истории и сравнивая её с ролью Бисмарка. И вот, в самом начале этой статьи журналист приводит (в собственном изложении) отрывок из стихотворения Пушкина, посвящённого Горчакову. Вот это место в оригинале:

> …когда Стигийской брег
> Мелькнёт в туманном отдаленьи,
> Дай бог, чтоб в страстном упоеньи,
> Ты с томной сладостью в очах, <…>
> Вступая в мрачный чолн Харона,
> Уснул... Ершовой на грудях!
>
> (Пушкин, «Пускай, не знаясь с Аполлоном…», 1814)

В журнале же это выглядело вот как:

> Пушкин желает своему другу «иметь Амура неразлучным спутником вплоть до берегов Стикса, и заснуть в ладье Харона на пышном бюсте Елены».
>
> (Pouchkine souhaite à son ami «d’avoir Cupidon pour compagnon inséparable jusqu’aux bords du Styx, et de s’endormir sur le sein d’Hélène dans la barque même de Charon».)
>
> («Revue des Deux Mondes», № 3 (за май-июнь) 1875, т. 9, с. 724. Статья «Les deux Chanceliers» par Julian Klaczko)

По поводу превращения тридцатилетней Авдотьи Семёновны в «Елену Троянскую» у меня претензий к автору статьи нет. Вплоть до 1919 данное стихотворение печаталось исключительно в цензурированном виде, где имя героини плавно трансформировалось, в соответствии с веяниями времени, от «Эллены», через «Элен», к «Елене». И это при том, что во всех известных рукописных копиях этого стихотворения (в том числе той, которую Горчаков хранил у себя всю жизнь) это именно и только «Ершова».

Но это бы ещё ладно. Однако, с подачи данной статьи, в среде британского истэблишмента широко разошлась полу-шутливая аллегория, что Англия это – Менелай (старая империя), Индия – Елена Троянская (законная жена Менелая), а Россия – Парис (молодая империя). Причём Россия, олицетворяемая конкретно Горчаковым – который, как известно, большой охотник до Елен. Так сказано в стихотворении великого поэта.

Если данную конструкцию перевести на язык реальной политики, то выходило, что «Россия собирается украсть Индию у Англии». И в этом всём как-то замешан Горчаков (которому на тот момент уже стукнуло семьдесят семь). Какие тут ещё, к чёртям, «памятники Пушкину».

Надо сказать, что при всём изяществе аллегории, она не соответствовала действительному положению дел. Только недавно (1873) завершились переговоры между Англией и Россией по разграничению зон их влияния в Средней Азии. И ни о какой Индии там и речи не стояло. Битва умов шла за Бадахшан.

Базовым документом (с русской стороны) в этом деле является письмо Горчакова к русскому послу в Англии Филиппу Брунову (ноябрь 1872). В нём Горчаков детально излагает историю вопроса и формулирует русскую позицию по предстоящим переговорам. Бадахшан в этом письме упоминается тринадцать раз, Индия – ни одного.

О Бадахшане Горчаков знал много чего. Им заранее было отдано указание собрать разведданные по этому вопросу. И своё письмо в Англию Горчаков сопровождает полученным им докладом с мест. Где, в частности, сообщается, что:

> Правитель Бадахшана, чтоб обеспечить своё спокойствие, обязался <…> передать рубиновые и лазуриновые копи в руки Эмира Дост-Мохаммед-Хана. Но это обязательство не было приведено в исполнение.
>
> (Доклад о положении дел в Бадахшане. Приложение к письму Горчакова к Брунову от 29 ноября 1872)

Сбор данных по Бадахшану организовывал лично генерал-губернатор Туркестана Константин Кауфман, буквально за год до этого получивший самое большое в своей жизни повышение. Путешественник Алексей Федченко, открывший высочайший (на то время) пик на Памире, назвал его «пиком Кауфмана» (7127) – коим он и пребудет вечно, пока не превратится в «пик Ленина», а затем в «пик Ибн Сины» (современника и коллеги Бируни).

Переговоры с Англией прошли в 1873 в рабочей деловой атмосфере и закончились с неплохим результатом. В российскую зону влияния попал «Горный Бадахшан» (вместе со всеми рудниками драгоценных лалов), а «Вахан» и «Равнинный Бадахшан» были отданы эмиру Кабула.

Какая, казалось бы, связь между Бадахшаном и Кабулом, разделённым труднопроходимым хребтом Гиндукуш? Оказывается, очень даже прямая, хотя и ментальная. В 1722 русский агент в Бухаре Беневени сообщил Петру I не только о «бадахшанских лалах», но и кое-что интересное об Амударье. Согласно расширенным сведениям в его слудующей реляции от 10 апреля 1723, река Амударья берёт своё начало около Кабула и протекает через Бадахшан. И хотя сейчас эта река, пишет Беневени, заканчивается в Аральское море, но в прошлом Амударья впадала в Каспий – пока её не перекрыли искусственной дамбой. Так что в принципе, если дамбу разрушить, может быть налажен прямой водный путь от верховьев Волги до Кабула – то есть до Индии.

> Оная река Дарья идёт из Индианской земли из гор от города Кабула мимо некоторых индианских городов и подошла под Бадаксан, а из-под Бадаксана идёт мимо некоторых городов и деревень бухарских и хивинских и впадает в Аральское море. А из Каспийского моря водою до той реки хотя и бывал путь, <…> токмо де ныне пресекли тот путь хивинцы и виден токмо один знак, где хаживали и был проток из Дарьи реки в Каспийское море.
>
> (Опрос Николая Минера, курьера от Беневени, от 15 апреля 1724. АВПР, ф. Сношения России с Бухарой, оп. 109/1, 1724, д. 1, л. 3-4)

Насчёт Бадахшана это была истинная правда, насчёт Каспийского моря – под большим вопросом, насчёт же Кабула – неправда без вопросов. Амударья не вытекает из Кабула и дорога вдоль неё не ведёт в Индию. Потому что она вытекает из Горного Бадахшана (Памира) и дорога вдоль неё ведёт в Китай.

Именно через Бадахшан, по ущелью реки Пяндж, издревле проходил самый короткий маршрут «Шёлкового пути», ведший из средне-азиатского Балха в китайский Кашгар. При этом Бадахшан (Памир, «Ваханский коридор») являлся одновременно и самым «узким местом» всего «Шёлкового пути». Узким, тяжёлым и опасным – но коротким.

За шестьсот лет до Марко Поло этим путём прошёл великий китайский путешественник Сюань-цзан.

Читатели уже имели, надеюсь, возможность заметить, что я не очень-то разбрасываюсь эпитетом «великий». Но в данном случае это соответствует абсолютно. Это необходимо отметить потому, что через тысячу лет после завершения того путешествия, Сюань-цзан оказался воспет – но одновременно и как-бы высмеян – в знаменитейшем романе У Чэнэня «Путешествие на Запад» (1592).

Роман представляет из себя чистое «фэнтези». Однако сильно сбивает с толку то, что его общая фабула достаточно точно соответствует реальному путешествию Сюань-цзана. Мало того, вымышленного героя романа зовут тоже «Сюань-цзан», а название романа звучит практически неотличимо от названия реальных записок путешественника (сохранившихся и хорошо известных специалистам). Два иероглифа из трёх в этих названиях точно совпадают, а третий хоть и пишется по-другому, но звучит очень похоже. В русской транскрипции это будет «Си юй цзи» (путевые записки), и «Си ю цзи» (роман). То есть, если буквально – «О Западных Странах Записки» (травелог), и «О Западном Путешествии Записки» (роман). В художественном переводе роман Чэнэня известен под названием «Путешествие на Запад». Травелог же всемирной известности у широкого читателя не обрёл.

Путешествие реального Сюань-цзана грандиозно. Он пробыл в пути семнадцать лет и прошёл расстояние не меньше, чем Марко Поло. Маршрут его был весьма извилистым, поэтому на карте он смотрится не столь эффектно, как должен бы.

Хочу особо отметить, что это путешествие было сугубо частной инициативой путешественника. Никакие императоры никуда его не посылали (как впоследствии это дело пытались представить). Наоборот, ему было категорически отказано в выезде, так что операция по пересечению им государственной границы родины являлась полностью незаконной и подпадала под статью «побег».

Как бы там ни было, в 629 Сюань-цзан вышел из китайской столицы Чанъань, прошёл по прямой до Самарканда, там резко повернул на юг, через нынешний Афганистан проник в Индию – и это было только начало. Бескрайний субконтинент Индии Сюань-цзан прошёл вдоль и поперёк, посетив чуть ли не каждый монастырь каждой буддийской общины. Дойдя до самого юга, до священного города Канчипурам, он повернул назад – и уже другим путём в 645 вернулся туда, откуда вышел – в Чанъань. С собой Сюань-цзан привёз огромную библиотеку буддийских классических текстов.

В романе «Путешествие на Запад» его герой, тоже буддийский монах, тоже идёт из Чанъаня в Индию за буддийскими книгами – и тоже успешно доставляет их в конце романа в Чанъань. Но сам маршрут его путешествия (не говоря уж о дорожных коллизиях) не соответствует ни чему. Коллизии – это непрерывные битвы помощников монаха с сонмами демонов, бесов и оборотней всех мастей. А маршрут – он не выстроен вовсе. Монах и три его спутника (плюс полу-волшебная лошадь) просто идут «на запад», видят очередную гору, преодолевают её, видят очередную реку, переплывают её, видят новую гору – и так до бесконечности. Точнее – пока число препятствий не достигнет восьмидесяти одного («девять девяток»), только после чего монаху будет дозволено выполнить свою миссию и благополучно вернуться домой.

Первое, за что хватается всякий, кто приступает к изучению «Путешествия на Запад», это идея привязать к реальной местности описываемые в романе события. Но дело это безнадёжное. В общем случае реальных привязок просто не существует. Возможно это сознательное решение автора – фантастические события должны разворачиваться в фантастической местности.

Это всё я говорю к тому, что те единичные случаи, когда в тексте романа удаётся-таки усмотреть хотя бы некий намёк на геопозиционирование событий – их следует воспринимать, как чудо. И, как от чуда, не требовать от них слишком многого – например таких глупостей, как соблюдение реальной последовательности объектов вдоль предполагаемого маршрута, или соответствие описываемой природы существующим климатическим зонам.

Но вернёмся к реальному путешествию Сюань-цзана. В своих путевых записках он прописал его подробнейшим образом. Конечно, некоторые пункты идентифицируются лишь предположительно, однако в целом маршрут Сюань-цзана установлен надёжно.

В некоторых местах, в которых побывал Сюань-цзан, мы с женой, как оказалось, побывали тоже. Например, в городе Чанъань (ныне Сиань), на Тянь-Шане, на Иссык-Куле, в Самарканде, в Непале, в Индии вообще и в городе Канчипурам на крайнем юге в частности. Специально мы не подгадывали, так вышло само. Так что к Сюань-цзану у меня ещё и некое личное расположение. Вот восемь его расцветших на земле следов.

1. Тянь-Шань. Эту горную систему Сюань-цзан пересекал с юга на север через высокий ледовый перевал. Вот как это описано в его «травелоге»:

> Миновал каменистую пустыню и подошёл к Ледяной горе.

> В горных ущельях лежит снег, который хранит в себе холод и весной, и летом. И если иногда он тает, то тут же замерзает вновь. Дороги опасны. Свирепствуют холодные ветры.
>
> Много неприятностей доставляют злые драконы, которые нападают на путников. Идущий по этой дороге не должен носить красной одежды, брать с собой тыкву-горлянку или громко кричать. Если нарушишь эти запреты – быть беде. Очевидцы рассказывают: поднимается жестокий ветер, летит песок и камни сыплются дождём. С кем случится это – погибнет, уцелеть трудно.
>
> (Сюань-цзан, «Записки о западных странах», цзюань 1. Год написания 648)

Данный перевал идентифицируется лишь с точностью до района. Сюань-цзан пересекал Тянь-Шань в месте, расположенном в самых верховьях реки, которая выходила из гор на юг в районе посёлка Аксу в Таримской низменности. На север этот перевал вёл к восточной оконечности озера Иссык-Куль, к нынешнему городу Каракол.

Мы с женой двигались в обратном направлении – от города Каракол шли на юг к перевалу, перейдя который оказались в самых верховьях реки, текущей в Таримскую низменность и выходящей из гор около посёлка Аксу.

Перевал назывался Котор (4250). Под описанные выше критерии «перевала Сюань-цзана» подходят несколько перевалов в этом районе, так что почему бы не этот. Все реки в этих местах несут в себе небесные звуки – что «Сары-джаз», что «Муз-арт». В соседней горной долине, скрытой от всего мира, сияет на рассвете «Мёртвый город», так никогда и не бывший «живым».

Что же касается романа «Путешествие на Запад», то под формальные признаки этого перевала там подходит единственно седловина горы «Провал в пустоту» (гл. 81).

В целом автор романа представляет себе все горы по образу горы Хуашань – посреди равнины возвышается отдельная крутая скала, до самой вершины покрытая по распадкам густым лесом. То есть речь всегда идёт о сравнительно небольших высотах.

И лишь в одном месте романа появляется гора столь высокая, что она покрыта вечными снегами и ледниками. Это гора «Провал в пустоту», в бездонной пещере которой находится другой мир (со своим солнцем и персиковыми садами), в котором правит прекрасная (но недобрая) волшебница по имени «Взрыхлительница земли». Сражается она сразу двумя мечами.

Итак, гора «Провал в пустоту» («陷空山», «Сянькон-шань»). Об этом месте в романе сказано (стихами) следующее (гл. 81):

> Пики достигают самого неба.
> Вершина протыкает лазурный свод.
> Здесь вечные снега и льды никогда не тают.
> Горы суровы…

И эта-то вымышленная гора и стала, похоже, отражением реального тянь-шаньского ледового перевала, преодолённого Сюань-цзаном за тысячу лет до написания романа.

Хотя автор «Путешествия на Запад» и относит «Провал в пустоту» к некой «южной стране» – но это неопределённое указание с лихвой перекрывается тем фактом, что у реального Сюань-цзана тот перевал через Тянь-Шань был самым ярким (и первым) опытом перехода через снежные горы с ледниками (а вплоть до достижения им Гиндукуша – и единственным). А то, что гора «Провал в пустоту» появляется на завершающей стадии романа – это вообще ни о чём. Как я уже говорил, все эпизоды в романе перемешаны совершенно произвольно.

И немного о погоде. Неимоверной силы ветер, дувший на Сюань-цзана во время прохождения им тянь-шаньского перевала, нашёл отражение в другом эпизоде романа – в рассказе о «Демоне Жёлтого ветра». Отрывок из реального травелога о «свирепствовавшем холодном ветре», во время которого «летит песок, камни сыплются дождём, и с кем случается это – погибнет» – этот отрывок почти дословно совпадает со следующим пассажем романа (гл. 21):

> Ветер, вызываемый Демоном Жёлтого ветра – страшная вещь. <...> Этот ветер может окутать мраком всю вселенную; он может нагнать печаль даже на чертей; он так свиреп, что раскалывает камни и обрушивает вниз утёсы; человек, встретивший такой ветер – погибает.

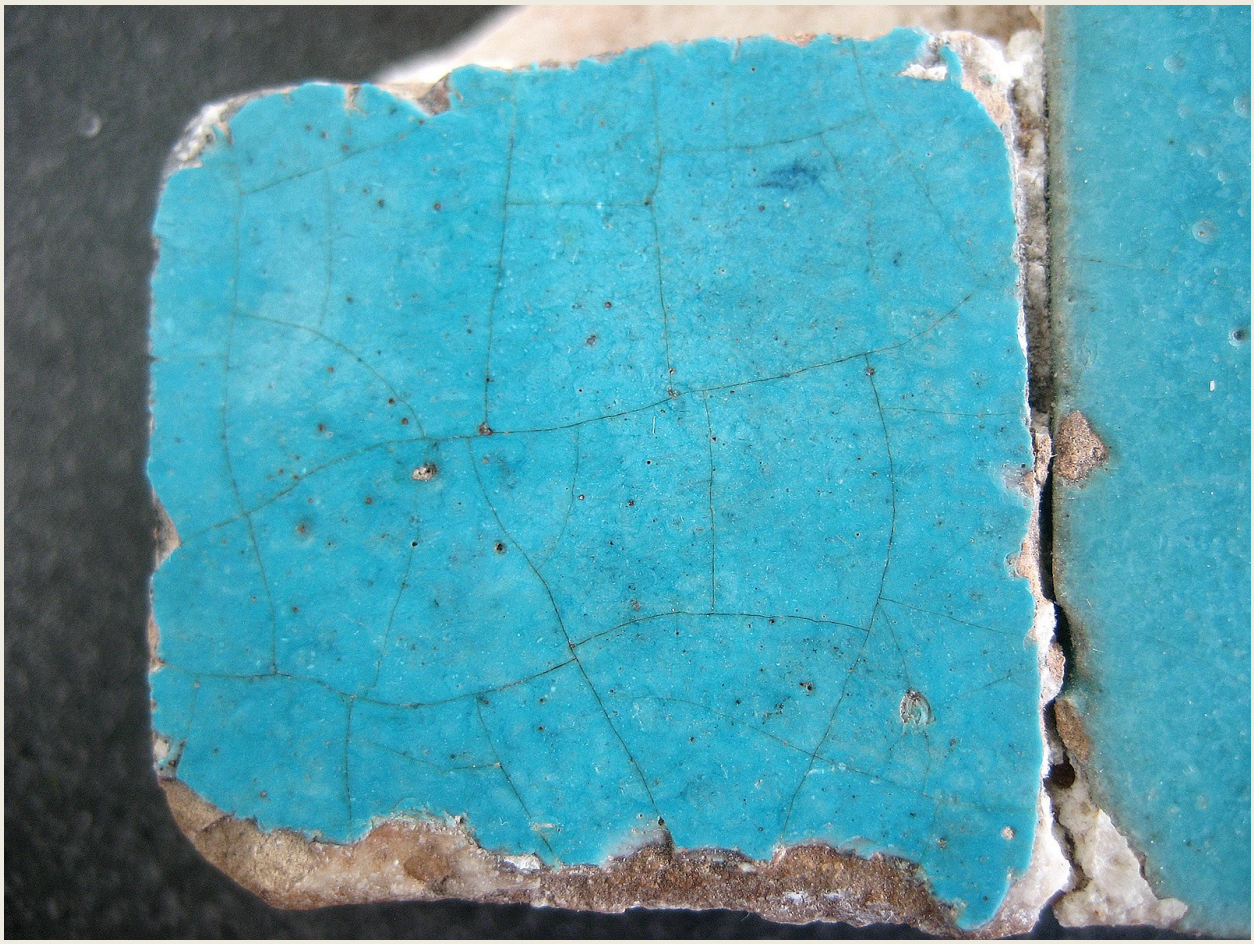
А вот – какими эти места увидели мы. Следуя рекомендации Сюань-цзана, при переходе через перевал мы красного не надевали, тыкву-горлянку с собой не брали и, само-собой, громко не кричали. Так что всё обошлось.

[Илл. 08-09-20-1. Тянь-Шань, перевал Котор, вид с севера. Фото автора]

[Илл. 08-09-21-1. Тянь-Шань, перевал Котор (4250), вид с перевала на юг. Собственно перевального седла здесь нет. Если с севера ледник обрывается крутым ледопадом, то на юг идёт ровная и широкая ледовая долина, плавно понижающаяся километр за километром. Но имеется много скрытых снегом трещин (отсюда и верёвка). Река, берущая начало из этого ледника, прорезает видимые вдали снежные горы и протекает через посёлок Аксу в Таримской низменности. Фото автора]

2. Самарканд. У Сюань-цзана – «Самоцзянь». Мои непередаваемые впечатления от Регистана, Гур-Эмира, Биби-Ханым, Шахи-Зинда или обсерватории Улугбека – передавать их здесь и не потребуется. Ибо ничего из этого великолепия при Сюань-цзане не было, и быть не могло. Так что ограничусь, с прицелом на будущее, фразой о «бирюзовом глазуревом куполе, расширяющимся вместе со Вселенной на зыбких окраинах пустынь».

Моя фотосъёмка Самарканда видимо утеряна. Единственный сохранившийся материальный след – кусок обливной глазуревой плитки от того самого «бирюзового купола», зачем-то подобранный мною среди руин. А может – как знал.



[Илл. 08-09-22-1. Плитка с древней облицовки куполов Самарканда. Время написало на ней для меня послание]

3. Индия. Львиную долю времени своего путешествия Сюань-цзан провёл на просторах Индии. В романе же герой добрался до неё только к восемьдесят седьмой главе (из ста). Здесь всё оказалось немного не таким, как он себе представлял, но из любого тупика здесь имелся выход. В результате всё завершилось великолепно.

В Индии природы нету.
Чая тоже нету здесь.
Есть ашрамы, есть аскеты,
ядерные ракеты.
Миллиард индийцев есть.

Веды ведают печали,
Гита учит в ум не брать:
если чакры подкачали –
можно взять и подкачать.

Здесь луна творит кошмары
из отравленной слюны.
Трасса Бангалор–Помары.
Комары здесь – как омары,
и летают как слоны.

4. Непал. Герой романа там не был вовсе, реальный Сюань-цзан совершил туда короткий радиальный выход.

> Перебирался через горы, входил в долины, прибыл в страну Непалу. <…> Страна расположена посреди Снежных гор. <…> Горы и долины тянутся чередой. <…> Много цветов и плодов. <…> Климат холодный, морозный. В обычае коварство и обман.
>
> К юго-востоку от столицы есть небольшая река и озеро. Если бросить туда огонь, то в воде займётся пламя, если бросить другие вещи, они тоже воспламеняются и превращаются в нечто иное.
>
> (Сюань-цзан, цз. 7)

При Сюань-цзане города Катманду ещё не было. Около какой-такой «столицы» находилось то место на «воспламеняющей реке» (Пашупатинатх?) – непонятно. В любом случае:

> Гималаи – это круто.
> В Катманду *«Червону Руту»*
> крутят утром. Гор Видал
> Камасутру здесь видал.
>
> Аннапурна, Аннапурна –
> молчалива и бледна.
> На заре она пурпурна,
> а с обеда – не видна.
>
> А ещё, в ущелье Кали,
> через дырочку в полу
> муравьи у нас таскали
> перекусную халву.

Река Кали-Гандаки является воплощением чёрной богини Кали, о которой интересующиеся могут узнать всё из «Индианы Джонса 2». Река перерезает Гималаи поперёк. В её верховьях находится королевство Мустанг, географически это уже Тибет. Ущелье Кали-Гандаки является самым глубоким ущельем на Земле. В нём есть место, от которого оба берега круто поднимаются в обе стороны – и так они и поднимаются, пока не достигают вершин двух восьмитысячников – Дхаулагири (8167) и Аннапурны (8091). В самом глубоком месте этого много-километрового (по глубине) ущелья я встретил свой полу-круглый день рождения.

5. Тибет. Здесь ситуация обратная. Реальный Сюань-цзан в нём не был, а герой романа – был. Но тоже как-то неуверенно. То он зайдёт в Тибет, то – снова зайдёт (хотя, вроде, и не выходил). Чисто формально, в тибетском селении был завербовал второй спутник монаха – свиноподобный обжора и охальник, но в целом славный малый, бывший бес с боевыми граблями Чжу Ба-цзе.

По-настоящему красивый и символо-ёмкий «тибетский» эпизод в романе – это встреча наших путешественников с неким тамошним отшельником. Начиналось всё как всегда (гл. 19):

> И вот однажды, пересекая границу Тибета, они увидели вдали высокую гору.

Под горой обнаружилось жилище отшельника. Оно располагалось на дереве и было увито лотосами. Отшельник спустился на землю и подарил монаху некую «Сутру мудрости» из пятидесяти четырёх слов (прочитав её вслух всего один раз). Которая, по его словам, обладала не меньшей силой, чем сама «махамантра» из «Сутры сердца». Понимающие поймут.

Монах, в частности, всё понял и растёкся в благодарностях. А Сунь У-кун, наоборот, усмотрел в поведении отшельника неуважительность – и кинулся было на него со своим грозным посохом. Но отшельник превратился в луч света и мгновенно оказался в своём жилище на дереве. А дальше произошло следующее. Воспринимайте это не как отрывок из романа, а как ремарку в сценарии:

> [Сунь У-кун] поднял свой посох и стал колотить им по воздуху. В тот же миг цветы лотоса покрылись тысячами бутонов и с неба опустился радужный туман, окутавший всё вокруг.

Особую прелесть этой истории придаёт то, что упомянутую «Сутру сердца» привёз в Чанъань и перевёл на китайский язык именно реальный Сюань-цзан. Вообще, главным его достижением, как переводчика, было ясное осознание того, что нельзя «перевести» на родной язык слово, обозначающее отсутствующее здесь понятие. Соответствующее слово нужно в язык «вводить». Именно с его лёгкой руки в китайском языке появились многие санскритские термины в их исходном (насколько возможно) звучании.

Конкретно в случае с «махамантрой» из «Сутры сердца» такими терминами оказались все слова до единого. Так что наше родное и любимое «Гатэ, гатэ, парагатэ, парасамгатэ, бодхи, сваха» – оно на китайском языке таким же примерно и осталось. Ну, почти.

О «символоёмкости» эпизода. Глаз внимательного читателя наверняка споткнулся о те самые «лотосы на деревьях», совершенно несостоятельные с ботанической точки зрения. Но природа Тибета не ботаническая, а кармическая. Лотос здесь – вещь мирообразующая, он везде и во всём. Чтобы не ходить далеко за примером, Падмасамбхава – он ведь никто иной, как «Рождённый в лотосе». И даже в мантре «Ом мани падме хум» на третьей позиции мы видим тот же «лотос» («падме»). К слову, в том же ряду, но даже раньше «лотоса», числится «драгоценный камень» («мани»), то есть – «лал».

В целом же, тема Тибета в «Путешествии на Запад» только намечена пунктиром. Но если говорить о манифестации буддизма в современном мире, то это – не про Индию, и даже не про Непал. Это – именно про Тибет.

> По Тибету ходят кони,
> пошатываясь от высоты.
> Будда на большой иконе
> дхармой утоляет рты.

Бонски боги едут по-бок –
чётко катит «Беларусь».
Радиаторы без пробок
избывают кармы грусть.

Хочешь пой под сенью слив ты,
хочешь пей прогорклый чай –
туалет – как шахта лифта:
бросил камень – и считай.

– *Tashi dele!* Доброе утро!
Где, скажите, Брахмапутра?
– Да везде. Земля большая.
(Час стоим, соображая.)

Край Тибета – Царство света,
хоть лежит на Зла оси.
Ламы режут амулеты,
пишут демонов портреты.
По Тибету ходит лето.
Дети лыбятся в грязи.

Если хотите узнать, что было дальше, читайте дальше.

6. Канчипурам. Священный город в Южной Индии. Это та крайняя точка субконтинента, до которой дошёл Сюань-цзан.

> Страна Дравида, <…> столица имеет название Канчипура. <…> Много цветов и плодов.
>
> К югу от города, недалеко, есть большой монастырь, в котором собираются и остаются жить учёнейшие люди этой страны. Здесь есть ступа высотой около ста «чи», построенная царём Ашокой. В прошлом Татхагата [Будда Шакьямуни] на этом месте проповедовал Учение, сокрушал иноверцев, обращал людей и дэвов. Рядом есть место, где четыре будды прошлого сидели и ходили, и остались их следы.
>
> (Сюань-цзан, цз. 11)

Если Тибет – это царство лотосов ментальных (на той высоте они попросту не растут), то Канчипурам – это лотосы наяву. И в деревенских прудах, и в священных бассейнах, и на цветочных развалах. При наличии соответствующего желания во всём этом легко можно увидеть одну только грязь, мусор, мух, жару и чад. И неизбывный дамоклов меч диареи.

Но именно здесь то место на Земле, где ваши следы вдруг распускаются волшебными цветами, небо полнится мириадами светлячков, на рассвете тёмный пруд вдруг на глазах становится розовым от тысяч одномоментно раскрывшихся лотосов, где веет благоуханный ветер, где бабочки садятся и читают вашу распустившуюся книгу, и всё вокруг покрывает, но не скрывает, радужный туман. Как по мне, это и есть реальный Канчипурам.

Очень примерно, юг Индия состоит из двух частей. На западном (Малабарском) берегу – штат Керала, на восточном (Коромандельском) – штат Тамил Наду. И вот в нём-то, к югу от бывшего Мадраса, и находится всё то самое – Тируваннамалаи, Махабалипурам, Пондишерри, город дауншифтерской мечты Ауровиль – и, конечно, собственно Канчипурам. Ни одного храма, что видел здесь Сюань-цзан, не сохранилось. Если же брать Южную Индию в целом, то:

В сторону Канчипурама –
меняющаяся панорама
величественных картин.
Здесь не был Святой Августин.

А Фома Неверующий – тот был.
И веру здесь крепко привил.
В Христа и в Маркса, придя с Урала
(как думал – в Басру). Сперва – Керала.

Край манго (пронзительно-кислых),
блистательный Траванкор-Кочин.
С испокон здесь рулят коммунисты,
но кулачат не очень.
Оно и понятно: сплошные плавни.
Прыжок в пралайю проходит плавно.

По внутренним водам плывёт гиацинт, женщины щиплют копру.
В первый же день мы уделались так, что чуть не сели на кобру.
От биомассы, признаться, слегка ошалев.
Христиан, кстати, в Индии больше живёт, чем в РФ.

Как водится, сирийского толка.
Что до Фомы, в Коттаяме он пробыл недолго.
А путь свой окончил в Мадрасе, ныне – Ченнае.
Где многие брахманы только, сказать, начинали.

Рамануджа, хотя бы. Что ушёл в лес
и об «относительности недвойственности» разрулил базар.
Махабалипурамская АЭС
здесь сейчас выпускает пар.

Близ Пондишерри есть одно место:
маленький пруд, на пригорке – сельцо.
Сладкоголосая птица Юнеско
в джунглях снесла золотое яйцо.

У Пондишерри есть три довеска:
на этом – и на другом Берегу.
Зимний муссон шевелит занавеску.
Ситчик нагпурский натянут на леску.
Тут на развалах купил Ионеску.
А прочитать вот его – не могу.

Но где бы я ни был, от Пизы до Ганы,
я память о том берегу:
живут малабарские тараканы
на Коромандельском берегу.

Основное ощущение от Индии – её огромность. И безвременность. В том смысле, что самые простые вещи могут занять там бесконечное время. Нигде мои планы на будущее не представляли из себя более воздушных замков, чем здесь. Едешь, едешь, едешь и едешь. И едешь.

Барон фон Лео Блум
имел не-женский ум,
столица у Кералы – Тривандрум.

Угодник Николай
убогим дарит рай,
есть город в Тамил Наду – Мадурай.

От моря и до гор
невиданный простор,
несёт нас по нему таксомотор.

Не светится прибор,
свистит бензозабор,
но лихо прёт вперёд «Ambassador».

От моря и до гор
по сторонам простор,
вперёд-назад один сплошной затор.

Ведёт неспешный спор
с баранкой Черномор,
на голове шафрановый убор.

От моря и до гор
всему наперекор
ползём четвёртый день во весь опор.

7. Чанъань. Из южно-индийского Канчипурама Сюань-цзан повернул назад – и, замкнув большую многолетнюю петлю по Индии, стал новым путём пробиваться в Китай – куда в конце-концов и пробился. Описание своего обратного путешествия он закончил при этом на границе Китая, так что его возвращение в Чанъань в тексте уже не отражено.

Зато в романе этому возвращению посвящена целая глава (последняя). Чтобы не писать ещё 99 глав об обратном пути, автор решил транспортировать монаха и его спутников из Индии в Чанъань волшебным образом. Помощники Будды их подхватили и понесли.

И донесли бы – если бы в небесной канцелярии случайно не обнаружили, что из предписанных монаху «восьмидесяти одного испытания», он испытал, оказывается, только восемьдесят. Тогда воздушную флотилию срочно посадили – и заста-

вили наших героев ещё раз переплыть через «Реку Зыбучих песков», теперь уже в обратном направлении. В ходе чего злопамятная черепаха чуть было монаха не утопила. Бесценная библиотека при этом вся намокла и частично испортилась (чем объясняется неполнота некоторых реальных индийских рукописей в китайских архивах).

Небесные власти этим вполне удовлетворились, и монах со спутниками был мгновенно доставлен по воздуху в Чанъань.

Там их уже ждали, поскольку правильно поняли имевшее место предзнаменование. При полном безветрии верхушки деревьев вдруг стали клониться в одну сторону – что было истолковано, как скорое возвращение путешественника.

Впрочем, монах прибыл в Чанъань ненадолго. После того, как бесценные рукописи были переданы лично императору, монах со спутниками был тут же забран обратно на Небо, буквально вознёсся. Произошло это у всех на глазах в монастыре, который в романе носит название «Яньта сы», что означает «монастырь Пагоды Дикого гуся».

Так это значится в романе. В реальности же, к моменту возвращения Сюань-цзана в Чанъань (645), никакой «Пагоды Дикого гуся» там ещё не было. Но вскоре она, действительно, появилась (652), и именно под этим названием. На мой вкус, «Дикий гусь» («янь») – прекрасный образ для путешественника, пересёкшего континенты и миры.

После возвращения, Сюань-цзан прожил в Чанъане ещё девятнадцать лет, осуществив за это время титаническую работу по переводу на китайский привезённых им текстов. Сейчас Сюань-цзан считается одним из «отцов» китайского буддизма.

Свои путевые «Записки о Западных странах» Сюань-цзан закончил в 648 в монастыре, стоявшем как раз на месте будущей «Пагоды Дикого гуся». С чьей верхней террасы мне в положенное время и открылся, в виде чёткого зрительного образа, тот самый Путь, которым за тысячу четыреста лет до этого простой китайский путешественник пустился на Запад.

Мне хорошо понятен и близок этот человек, отправившийся в многолетнее путешествие единственно затем, чтобы добыть в нём для людей слова, которые дадут их существованиям смысл.

[Илл. 08-09-23-1. Вид на запад с «Большой пагоды Дикого гуся» в городе Сиань (бывший Чанъань). Именно в этой точке Сюань-цзан закончил в 648 свои «Записки о Западных странах». С верхнего, седьмого яруса Пагоды открываются прямые дороги на все четыре стороны. Конкретно эта – дорога на Запад, по которой пошёл Сюань-цзан. Фото автора]

Последним словом в романе «Путешествие на Запад» стало слово «pāramitā». Что переводится, как «парамита».

А понимается, как «Ведущее на другой Берег». То есть в «Просветление».

8. Бадахшан. Здесь мы в своём неостановимом движении вперёд подошли к той точке, с которой начали весь этот разговор о Сюань-цзане. К прохождению им «бадахшанского» отрезка «Шёлкового пути». Произошло это уже на обратной дороге, в 645.

Незадолго до этого Сюань-цзан, двигаясь от Кабула на север, перевалил через снежный хребет Гиндукуш (видимо, по приснопамятному перевалу Саланг), и, покинув ареал Индии, оказался в ареале Средней Азии. Пятнадцать лет назад он прибыл в эту точку с далёкого севера, из Самарканда. Но сейчас он решил идти другим путём. Прямым, то есть строго на восток.

Я не знаю, чем в точности было обусловлено это решение, но то ли случайно, то ли нет – но именно в том году волна арабского завоевания докатилась-таки до тех мест. В том же 645 соседний с Бадахшаном город Балх пал под ударами с запада чёрнознамённых армий.

А Сюань-цзан пошёл на восток. Названия территорий и владений, которые он указывает в своих путевых записках – они с тех пор сто раз поменялись, как и их гра-

ницы. Но тем не менее, за всей этой топонимической вольницей общая линия движения просматривается неплохо.

А именно – Сюань-цзан прошёл насквозь через «равнинный Бадахшан» («Бо-дуо-чуань-на», «鉢鐸創那»), Шугнан, Вахан и Памир. Всё вместе это и есть «Бадахшан» в широком смысле слова.

Участок этот оказался чуть ли не самым трудным на всём пути, включая Тянь-Шань и Гиндукуш. Если в трёх словах – высоко, холодно, голо.

> Страна Бодочуанна («Равнинный Бадахшан»). <…> Горы и долины тянутся чередой, повсюду пески и камни. <…> Климат очень холодный.
>
> Перейдя в этой стране большие горы и направляясь на север, можно добраться до страны Шицини (Шугнан). <…> Повсюду песок и камни. <…> Леса редки, цветов и плодов совсем мало. <…> В заблуждении своём местные жители не заботятся о несчастье и счастье в будущем, а боятся лишь сиюминутных бед.
>
> Страна Дамоситэди (Вахан) находится между двумя горными хребтами. <…> У многих жителей глаза бирюзового цвета. <…> Горные духи, жестокие и злобные, постоянно насылают бедствия. <…> Если им не помолиться, то поднимется ветер и пойдёт град.
>
> Преодолевая грозные кручи и ступая по опасной высоте, <…> прибыл в долину Бомило (Памир, он же «Горный Бадахшан»). <…> Долина расположена между двумя грядами Снежных Гор (Памир), и потому здесь дуют сильные и холодные ветры, весной и летом падает снег, днём и ночью бывают ураганы. Всё покрыто мелким камнем.
>
> Здесь есть большое Драконье озеро (Зоркуль). <…> Во всей Джамбудвипе (мифический континент) это место самое высокое. <…> Цвет воды тёмно-синий. <…> В глубине его водятся водяные чудища, рыбы-драконы, крокодилы и черепахи.
>
> Взойдя на горы, преодолев опасные высоты, где лежат лишь снега и льды, <…> прибыл в страну Цепаньто (см. ниже).
>
> (Сюань-цзан, цз. 12)

Последнее указанное место («страна Цепаньто») – это уже выход в Восточный Туркестан. Так что – всё, «бадахшанский коридор» пройден.

На этом дневник Сюань-цзана практически заканчивается. Но в некотором смысле здесь он только начинается. Ибо автор подходит, наконец, к главному.

Космическое одиночество человека, идущего к цели, которую другие даже не видят. Эта тема выступает в тексте Сюань-цзана только на последней странице дневника – но выступает она, как гранитная скала из моря белоснежных облаков. В расширенном понятийном пространстве это переформатируется в следующий вопрос – «Может ли быть одиноким летящий к звёздам?» Дословно данное место звучит так.

> Воистину, когда приходит солнце, всё купается в его благодати. <…> И действительно ли одинок путник, идущий по дороге длиной «в десять тысяч ли»?

Чтобы уж понимать совсем. Использованный в оригинале иероглиф «wan» («萬») означает «десять тысяч» – но также и «бесконечность» в строгом смысле слова. И эту самую «бесконечность» Сюань-цзан прошёл пешком четыре раза, если не пять.

В дневнике Сюань-цзана, там где он описывает свой путь через Бадахшан, мы видим топоним «Бомило». Это – первый известный случай (645) использования слова «Памир» («Bō mí luó», «波謎羅») для обозначения Памира.

А в 1894 году солдаты 4-й Туркестанской линейной бригады генерала Ионова, вооружённые секретными и сверхмощными «магазинками» системы Мосина, вошли по притоку Пянджа, реке Шахдарье, в Шугнан. Завершив этим завоевание Памира («Горного Бадахшана») для своей Короны – со всеми рудниками драгоценных лалов.

Так колесо, которое «лал Спафария» толкнул некогда в сторону «Водокшана», докатилось.

Как сказал, уж и не знаю к чему, Фирдоуси:

> Пусть мысли ночные черней баклажана –
> с зарёй они вспыхнут, как лал Бадахшана.

«Шахнаме», эпизод «Синдухт отправляется к Сану». Перевод мой.

Грани

А вот теперь можно итоги и подвести. Их, как мы помним, было три. И во всех присутствовал «лал Спафария». Итак.

1. Во время военного мятежа в Москве в 1682 «лал Спафария» спас Петру I жизнь и обеспечил возможность его формального царствования на пару с братом Иваном.

2. Во время противостояния Петра I с сестрой Софьей в 1689, «лал Спафария» обеспечил Петру победу, исходно маловероятную.

3. В качестве навершия «алмазной шапки» Петра I, «лал Спафария» явился прототипом всех наверший всех последующих корон империи, определив таким образом их конкретный вид. Не будь этого камня – и русские императорские короны выглядели бы иначе – и, соответственно, имели бы другое символическое наполнение. Что, возможно, привело бы к другой конфигурации формируемой этими символами реальности.

Итак, три итога. Но теперь у этого эпизода появилась и четвёртая грань.

4. «Лал Спафария» дал магистральной мысли Империи определённое направление – и империя, вслед за мыслью, двинулась на юг, достигнув в этом движении почти Индии.

К 1895 империя дотянулась уже до самих «бадахшанских лалов». Чтобы коснуться их – и, ярко вспыхнув, сгореть в два приёма дотла. Бадахшан стал крайней и последней точкой империи. Вот к чему, выходит, был тогда Фирдоуси.

И теперь на месте мира алых лалов и купцов Кирибеевичей здесь простирается мир алых и сиреневых маков и не-купца Калашникова.

Но для чего всё это было? То есть – чего бы конкретно мир лишился, не зайти тогда Спафарий в Пекине в нужную ювелирную лавку?

Ну, мир лишился бы трёх трансцендентных трипов Вилли Рикмера Рикмерса к «вершине мира».

Лишился бы факта обнаружения в древнем бадахшанском руднике «Кух-и-лал» (давно считавшимся уже полностью выработанным) – обнаружения там самого большого в мире драгоценного «лала» ювелирного качества, весом почти в шесть килограмм – который, будучи надёжно задокументированным, вскоре после этого бесследно исчез.

Мир также лишился бы города Оренбурга (который, по хорошему, следовало бы переименовать в «Спафарий») – и, соответственно, лишился бы «Капитанской дочки».

Но, главное, мир так бы и не узнал об «эффекте Выстроенности».

В Горном Бадахшане, недалеко от тёмно-синего озера Зоркуль, мимо которого в 645 году пробирался Сюань-цзан, хоронясь от кишащих в нём драконов – короче,

в памирском урочище «Ак-Архар» на высоте 4370 метров была организована охота за космическими лучами сверх-высоких энергий. Таких высоких, каких на Земле просто не бывает. Подобными энергиями обладают лишь частицы, что родились непосредственно в момент Большого взрыва, создавшего из ничего нашу Вселенную. С тех пор они и летят – всё время существования Времени – и время от времени врезаются в Землю.

И вот с этими частицами (конкретно – «гамма-адронами» с энергиями больше десяти миллионов миллиардов электрон-вольт) обнаружился эффект, который не наблюдался ни на одном, самом мощном, ускорителе. Физически это проявилось в виде «выстраивания» (отсюда название) продуктов распада вдоль неких прямых линий – что в принципе исключено в изотропном Пространстве.

Данное явление в рамках всех существующих теорий является невозможным. Точнее, чтобы объяснить его, приходится допустить одно из двух – либо разрыв «кварк-глюонных струн» (что нарушает «целостность» мира), либо – изменение здесь и сейчас самой «размерности» Пространства. И ещё неизвестно ~~что хуже~~ что глобальней.

А всё с того, что некогда «лал Спафария» явился своему очередному венценосному владельцу в зачарованном предутреннем сне, в котором чистые, как слеза «Шамбертена», водокшанские лалы рекой текли по Волге-матушке в Петербург, минуя Китай.

Тонкая ниточка

(Пунктир – Мириады слепящих миров – Точка схождения – Хризантема ветров – Земные шнуры)

Пунктир

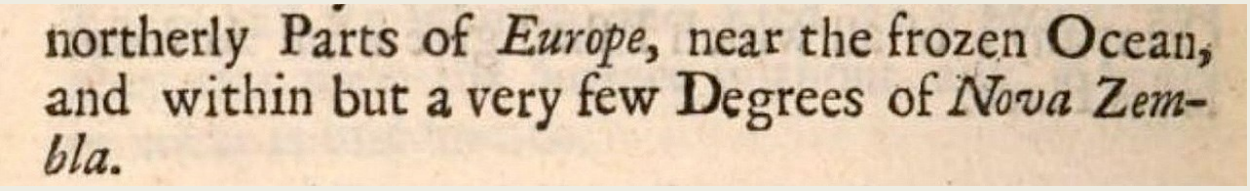
Я вот всё жду – когда кто-нибудь скажет? Ведь нельзя не видеть, что начиная с некоторого момента в данном повествовании стало как-то уж больно много Китая. Что со стороны должно было восприниматься, как отход от главной темы. Действительно, где Китай – и где Новая Земля?

Однако на деле связь здесь теснее, чем может показаться на первый взгляд. Связи не всегда определяются расстоянием. И, кстати, даже здесь, в рассказах о Китае, Новая Земля уже несколько раз промелькнула, наметив пунктиром некую интересную траекторию.

1719. Во второй части книги Даниэля Дефо о Робинзоне Крузо («Дальнейшие приключения…») Робинзон идёт с караваном купцов из Пекина в Европу по пути, впервые проложенному Николаем Спафарием. В Тобольске Робинзону (как некогда Спафарию) приходится надолго задержаться.

> Удивительнее всего было то, что здесь оказалось возможным найти хорошее общество – здесь, в варварской стране, на самом севере Европы, на краю Ледовитого океана, всего в нескольких градусах широты от Новой Земли.
>
> The most wonderful Thing of all, was, that it should be possible to meet with good Company here [Tobolski], in a Country so barbarous as that of the most northerly Parts of Europe, near the frozen Ocean, and within but a very few Degrees of Nova Zembla.
>
> (Дефо, «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», 1719)

И хотя Робинзон немного сгущает краски (от Тобольска до Новой Земли целых двенадцать широтных градусов, а отнюдь не «несколько»), но суть он ухватил верно: по пути из Китая в Москву трудно не зацепить, хотя бы ментально, Новую Землю.


northerly Parts of *Europe*, near the frozen Ocean, and within but a very few Degrees of *Nova Zembla*.

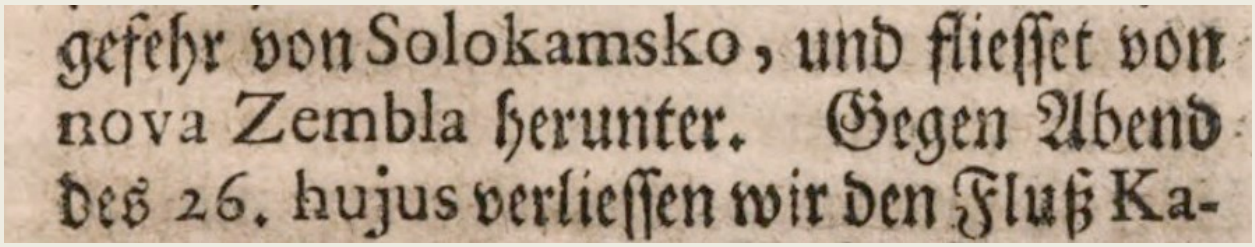
[Илл. 08-10-01-1. Defoe, «The Farther Adventures of Robinson Crusoe», 1719, London, Taylor, p. 350]

1698. Адам Бранд, совершивший вместе с Избрантом Идесом в 1692 путешествие из Москвы в Пекин точно по маршруту Спафария, видит (как ему представляется) в верховьях реки Камы «призрак» Новой Земли. На самом деле никакого «призрака» нет, но в его голове – он есть.

Течение [в Каме] очень быстрое; в неё впадают многочисленные небольшие реки – в том числе, примерно в пяти [немецких] милях от Соликамска, река «Wiesetzka» (Вишера?), которая течёт прямо с Новой Земли.

Wasser führeste / fliesset dabeneben sehr schnell / in welchen unterschiedene kleine Revieren fallen / insonderheit aber Wiesetzka, 5. Meil ohngefehr von Solokamsko, und fliesset von nova Zembla herunter.

(Бранд, «Описание путешествия в Китай», 1698)


gefehr von Solokamsko, und fliesset von
nova Zembla herunter. Gegen Abend
des 26. hujus verliessen wir den Fluß Ka-

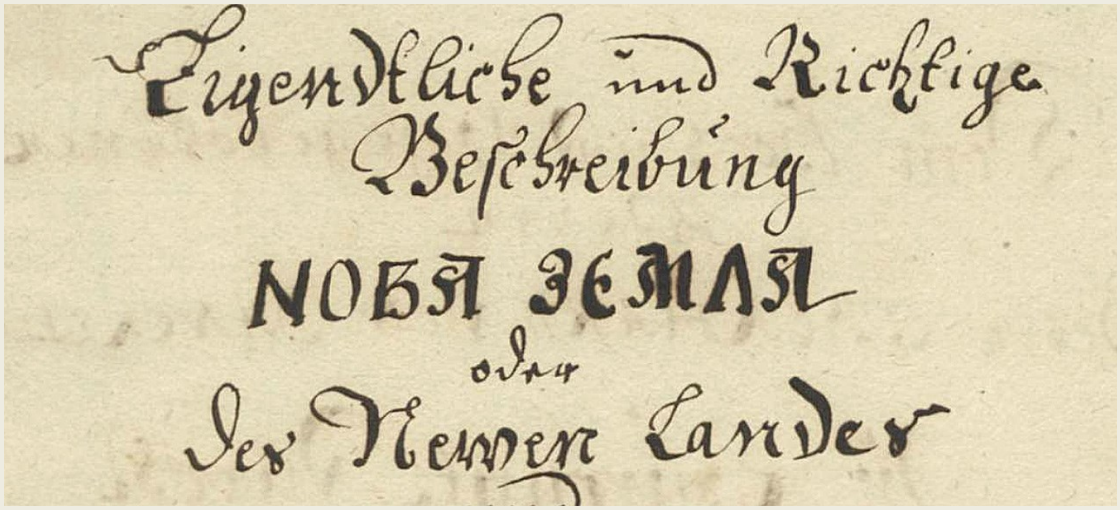
[Илл. 08-10-02-1. Adam Brand, «Beschreibung Der Chinesischen Reisen», 1698, Hamburg, p. 27]

1697. Эрнст фон Берген составил в Берлине вольную компиляцию из «Описания Китая» Спафария и «Описания Сибири» Венюкова – а затем перевёл всё это на немецкий язык. Любопытно, что в названии его труда Новая Земля во-первых присутствует, а во-вторых – фигурирует непосредственно в русском написании.

«Eigendtliche und Richtige Beschreibung NOBA ЗЕМЛА oder des Neuen Landes und Königreichs SIBERIEN»

(«Подлинное и достоверное описание NOBOЙ ЗЕМЛИ, то есть «Новой Земли» и Сибирского царства»)

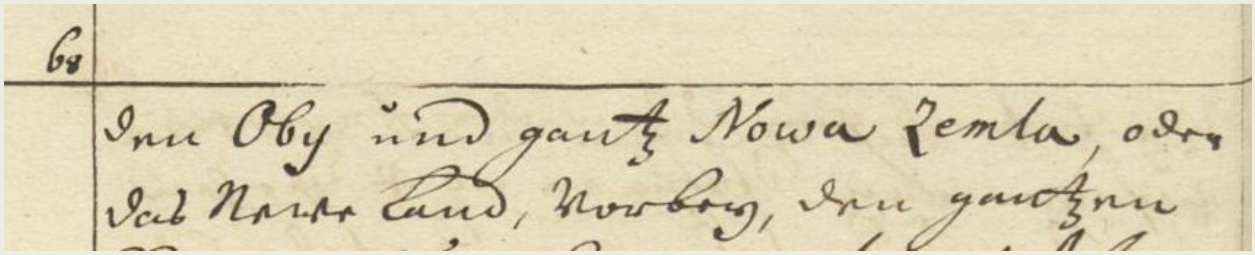
(Берген, «Подлинное и достоверное…», 1697. Заглавие книги.)


Eigendtliche und Richtige
Beschreibung
NOBA ЗЕМЛА
oder
des Neuen Landes

[Илл. 08-10-03-1. Bergen, «Eigendtliche und Richtige Beschreibung NOBA ЗЕМЛА…», 1697, рукопись. Berlin StadBibl MS Germ Qu 231, f. 2]

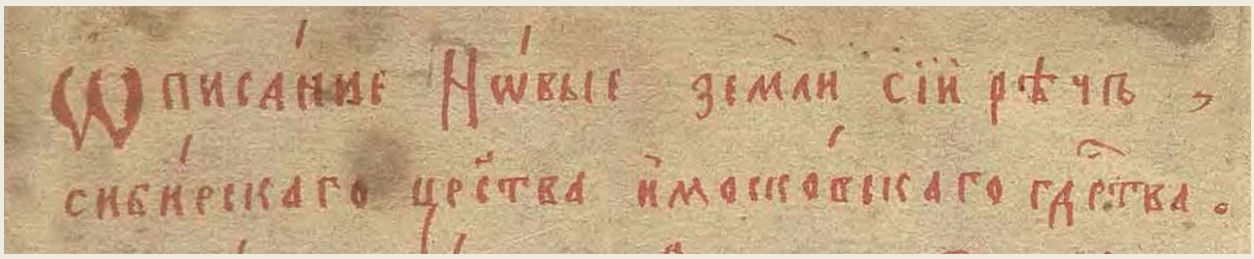
Но не только это. Хотя в самих исходных текстах Спафария и Венюкова Новая Земля не упоминается, в переводе Бергена она откуда-то тем не менее выплывает.

> Оттуда [из Туруханска] требуется целый месяц, чтобы доплыть до Ледовитого океана, который в течение всего лета гонит айсберги к Оби и к Новой Земле.
>
> Von wannen man mit dem Strom eines vollen Monats benöthigt ist, bis ans Eismeer, welches den Oby und ganz Nova Zemla, oder das neue Land vorben, den ganzen Sommer durch voll grosser Eisberge treibt.
>
> (Там же, f. 68)



[Илл. 08-10-04-1. «…den Oby und ganz Nova Zemla». Там же.]

1685. Своё «Описание Сибири» Никифор Венюков создал по впечатлениям от путешествия, совершённого им из Москвы в Пекин в составе посольства Спафария. Однако приведённое выше название его сочинения – это современный научный жаргон. Автор же озаглавил его так – «Описание Новые Земли… и т.д.». Хотя Венюков и поясняет, что он имеет ввиду «Сибирское царство» (или попросту «Сибирь») – но присутствие в названии Новой Земли как минимум символично, если не симптоматично.



[Илл. 08-10-05-1. Венюков, «Описание Сибири», рукопись. Jagiellonian Library, Krakow, MS Slav Fol 23, p. 1]

1680. Юрий Крижанич, католический учёный родом из Хорватии, учившийся в Загребе, Вене и Риме. Волею судеб провёл в Сибири в качестве пленника значительную часть своей жизни. Шёл пятнадцатый год его ссылки в Тобольск, когда его там застал Спафарий, только ещё направлявшийся в Китай.

Хотя Крижанич ни в Даурии, ни на Камчатке, ни на Новой Земле сам не был – он (в силу ряда обстоятельств) из всех людей, живших тогда на Земле, имел самое, возможно, полное представление о Сибири в целом. С его собственных слов,

именно он убедил Спафария идти в Пекин новым, неизвестным ещё путём – через Байкал, Нерчинск и Манчжурию (письмо Крижанича к Афанасию Осколкову от 18 июня 1676, РГБ ОР, ф. 178, д. 9415, л. 2-3). Более того, его служебная записка «О Китайской торговле», ранее отправленная в Москву, сыграла, похоже, решающую роль в самой посылке Спафария в Китай.

Так случилось, что вскоре после отъезда Спафария из Тобольска умер царь Алексей Михайлович. По этому поводу вышла широкая амнистия – и Крижаничу, в числе прочих, удалось вернуться сначала в Москву, а затем и вырваться на Запад. Так что возвращения Спафария из Пекина Крижанич сам уже не застал.

Погиб Крижанич семь лет спустя, случайно оказавшись не в том месте не в то время. А именно – направляясь из Варшавы в Рим докладывать о своих сибирских изысканиях, он оказался проездом в Вене ровно в день эпохальной «Венской битвы» между объединёнными европейскими войсками с одной стороны – и армией Османской империи, с другой. В тот день, 12 сентября 1683, мир обрёл такую непреходящую ценность, как «кофе по-венски» (и вообще «венские кофейни», начавшие жарить и применять непонятные зелёные зёрна, захваченные в огромном количестве у турок), но потерял Юрия Крижанича.

Крижанич оставил множество научных трудов на самые животрепещущие темы (типа «божественного провидения», или «владетельства»), но среди них нет ни одного, посвящённого специально географии Сибири, и вообще сибирскому опыту его ссылки. Всё что мы от него знаем на этот счёт, Крижанич изложил в одном-единственном частном письме (от 1680), по счастью сохранившимся. Письмо длинное, и озаглавлено оно – «Historia de Sibiria» («История Сибири»).

Документ реально сносящий крышу. По множеству позиций он является первым письменным сообщением на соответствующие темы. И если это письмо не стало абсолютно хрестоматийным и основополагающим, то только потому, что в силу своей приватности не было своевременно опубликовано, а также не было пущено в оборот в виде списков. Но когда в книгах того времени мы видим, без указания источника, сообщения о Сибири, опережающие своё время – это с большой вероятностью мы видим следы того письма Крижанича.

Из данного письма мы, в частности, узнаём (ещё до всякого Венюкова) о начальном этапе завоевания Сибири и роли в этом Ермака («Iarmacus»).

Узнаём о существовании в прошлом русского острога в низовьях (!) Амура, в устье реки Шингал.

Узнаём историю польского пленника Никифора Черниговского (не называемого по имени, «militum tribunus erat quidam Polonus»), образовавшего на Амуре собственное государство.

Узнаём текст главной тибетской мантры «Ом мани падме хум» («Ommani Batmechû»).

И – что совсем уж невероятно – узнаём о доподлинном существовании пролива между Азией и Америкой, причём с указанием тех, кто самолично прошёл будущий Берингов пролив (не поняв, что это «пролив») задолго до Беринга (и чей от-

чёт об этом лежал в тот момент в Якутской Приказной избе, где он преспокойно пролежит ещё пятьдесят лет, никому не нужный).

> Сомнение это [о существовании пролива между Азией и Америкой] в самое последнее время было разрешено военными людьми Ленской и Нерчинской области: они, собирая с туземцев дань, прошли всю эту страну до самого океана и утверждают, что к востоку нет никакой твёрдой земли, и что сказанные моря [Ледовитый океан и Восточно-китайское море] ничем друг от друга не отделены, и что Сибирь, Даурия, Никания и Китай с востока омываются единым сплошным океаном.
>
> Sed hoc dubium novissime resolutum est a militibus provinciae Lenensibus et Nercinensibus, qui tributorum exigendorum causa totam illam oram usque ad Oceanum peragrarunt et affirmant: nullum terrae tractum exporrigi ad ortum, nec dicta maria dirimi, sed Sibiriam, Dauriam, Nikaniam et Kitaium uno continuo oceano ab ortu ablui.
>
> (Письмо Крижанича к Гильдебранду фон Горну, 1680, на латинском языке. РНБ, ОР, Q.IV.65-66)

Крижанич в Китае не был, но много знал о нём из первых рук и из служебных документов, проходивших через Тобольск. Поэтому Спафарий и просил Крижанича поделиться с ним своими обширными знаниями в этой области – и даже несколько задержал своё отправление из Тобольска, чтобы Крижанич успел подготовить для него соответствующую записку.

И вот у этого самого Крижанича, реального эксперта по Сибири, Новая Земля и Китай стоят буквально через запятую:

> Этот полярный край населён различными народностями. <…> Они поклоняются деревянным идолам, которые видели голландцы, пытавшиеся проникнуть по Ледовитому океану в Китай между Новой Землёй и этими областями Сибири.
>
> In hoc boreali climate et in contiguo babitant varii populi, proprio quisque idiomate loquentes, videlicet: Vagulci, Ostiaci, Ziriani, Brati, Dauri, et si qui sunt alii Omnes autem sunt idololatrae [idola lignea, quas viderunt illi Holandi, qui transire volebant Mare Glaciale ad Chinam inter Novam Zemlam et istas Siberiae regiones.
>
> (Там же)

1675. В рамках подготовки в Москве сразу двух посольств на Восток – в Китай (Спафарий) и в Индию (Юсуф Касимов) – в Приказе Тайных дел в 1675 была подготовлена справка о возможных туда путях. Об этом документе я уже говорил в главе «Москва», но преимущественно о второй его части. А вот и первая.

В этом небольшом тексте, посвящённом пути в Китай, Новая Земля упоминается аж пять раз (больше, чем сам Китай). Общий вывод – преодолеть морем Новую Землю на пути в Китай ни у кого пока не получалось, но было бы хорошо.

«Описание, чего ради невозможно от Архангельского города морем проходити в Китайское государство и оттоле к Восточной Индии.»

В прошлых годех в различные времена агличане и галанцы посылали по 2 и по 3 корабли изыскати ход мимо Новые Земли в Китайское государство и оттоле в Восточную Индию. Понеж зело ближе бы было, аще ли тем путем могли проходити, однако ж сего учинити не возмогли и далее Новые Земли проходити великих ради льдов и стужи и тьмы и мгла, и того ради иные возвратились назад, а иные и погибли, потому что льды бывают толщиною по 20 и по 30 сажен и больши и движаютца в море, яко великие острова, и корабли разбивают, понеж не все море оледенеет, и на тех льдах бывают звери-медведи белые и пессы и иные, которые кидаются на карабли, и солнце едва только 3 месяца видится от июния до сентября, но и тогда малая теплота бывает, а тьма чрез 3 месяцы непрестанная, только луна светит и день и ночь, есть же и пролива морская, имянуемая Аипан [«Anian» у Меркатора], которою естьли б могли проплывати, мошно бы им было в Китай и во Индию пройти, однако ж так то Леденое море, яко и Новую Землю, ни кто не может проведати, пролива ли есть или море. И Новая Земля остров ли есть или твердая земля соединена со Америкою, се есть с Новым Светом, зане многие земле писатели чают, что Новая Земля соединяется с Северною Америкою. А ради выше причин ни кто те береги окияна отведати не может, даже до Обь-реки. <…>

(РГАДА, ф. 27, оп. 1, д. 333, лл. 1-1а).

Если совсем коротко: цель человечества – Китай, а критическая точка в достижении Китая – Новая Земля.

Мириады слепящих миров

А в самом-то Китае про Новую Землю вообще слышали?

Оказывается, очень даже слышали. Причём – ещё до того, как первый русский человек (Иван Петлин, 1618) успел ступить на китайскую землю.

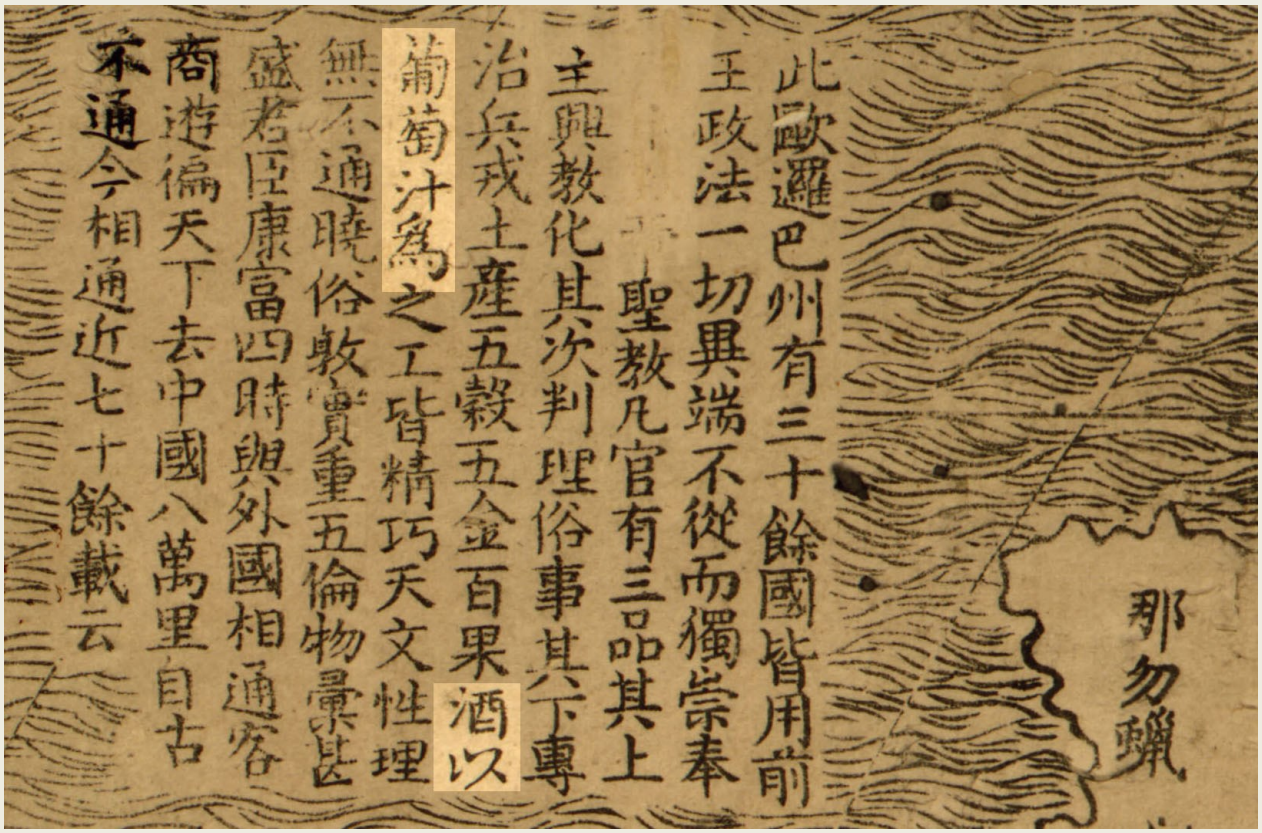
В 1602 в Пекине была составлена и напечатана новая географическая карта, получившая название «Kūnyú Wànguó Quántú» (坤輿萬國全圖).

Карта эта распахнула представления жителей Поднебесной об окружающем их мире до невообразимости. До этого в Китае представляли мир, как собственно Китай, окружённый тремя более-менее различимыми странами – Кореей, Японией и Индией. Всё остальное, даже если и существовало, терялось в дымке недосягаемости и безразличия.

На карте же «Куньйу Ваньгуо» кроме Китая, и вообще Азии, имелась и Европа, и Африка, и обе Америки, и даже Антарктида («Магелланика»). Всё – в весьма реалистичной конфигурации.

Карта была огромной (полтора метра в высоту и почти четыре метра в ширину) и чрезвычайно подробной (более тысячи двухсот географических наименований на китайском). И вообще – соответствовала самым передовым на тот момент представлениям человечества о Земном шаре.

По китайской традиции, карта содержала много пространных пояснительных текстов с разными восхитительными подробностями. Например, про Европу сообщалось, что вино там, оказывается, изготавливают не как везде (то есть из проса), а – вы не поверите – «из сока винограда» («酒以葡萄汁爲»). Такой вот привет хуаншаньскому «Маофену» от луарского «Божанси» и бургундского «Шамбертена».



[Илл. 08-10-06-1. «Вино [в Европе] делают из виноградного сока» (читаем сверху вниз, справа налево). Текст на карте «Куньйу Ваньгуо», относящийся к Европе. Справа видна часть Франции. University of Minnesota, James Ford Bell Library, ID: Bell Call № 1602 XRI (далее: «экземпляр Миннесоты»)]

Хотя карта «Куньйу Ваньгуо» родилась в Китае, автором её являлся католический миссионер Маттео Риччи (Matteo Ricci).

На момент выхода данной карты, Маттео Риччи уже двадцать лет безвыездно жил в Китае и свободно владел китайским языком. Личность эта просто легендарная. Во всём, что касается цивилизационных (не «барышнических») контактов Европы и Китая, он является абсолютным основоположником. Риччи стал первым (и долгое время единственным) европейцем, добившимся права постоянного проживания в Китае. Он дал европейцам Конфуция, дал китайцам Евклида.

Кто хоть раз пробовал, тот знает, что невозможно вместить жизнь человека в ограниченный объём книги. Даже для описания какого-нибудь одного дня (скажем, 16 июня) отдельной книги совершенно недостаточно. Но чем ничего, лучше уж хоть так.

Так вот. Маттео Риччи [здесь идёт текст большой книги] – вот кто он такой был. Если интересно, почитайте его дневники.

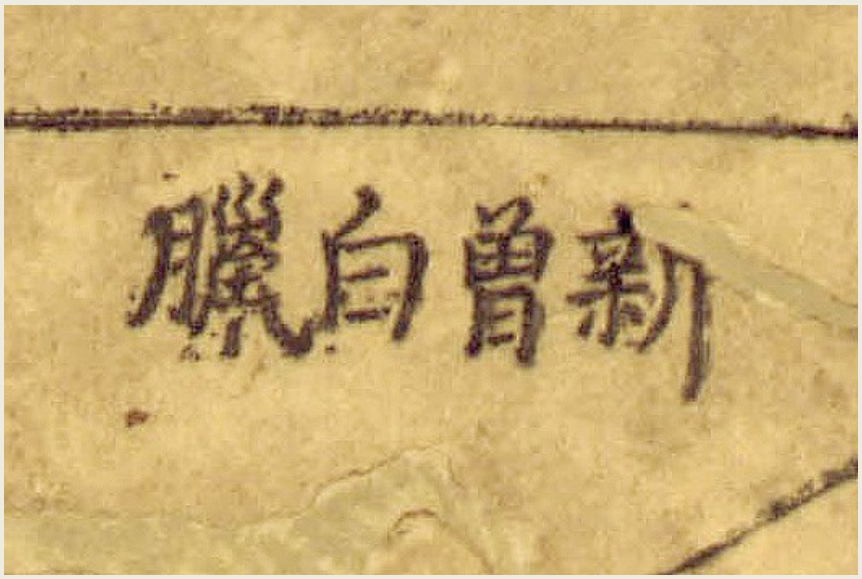
По датам: в 1552 родился, в 1583 проник в Китай, в 1595 переехал из Кантона в Нанкин, в 1601 впервые смог въехать в Пекин, в 1610 умер. В 1602 опубликовал карту «Куньйу Ваньгуо».

Карта эта авторская. В том смысле, что она не копирует целиком никакую другую известную карту – ни европейскую, ни китайскую. При этом, разумеется, Риччи пользовался всеми достижениями современной ему мировой картографии. В том, что касалось Европы, части Азии, всей Африки, Америки и Антарктиды – он ориентировался на знаменитые карты Ортелия, де Йоде, Планция, Меркатора. А вот Китай, а также Юго-восточную и Северо-восточную Азию (а возможно и север Северной Америки) – их он рисовал, похоже, по каким-то местным источникам.

И вот на этой самой карте около северных берегов Европы мы видим полярный остров – Новую Землю.

[Илл. 08-10-06-2. Новая Земля на карте Маттео Риччи. На фрагменте видна вся Европа, северный берег Африки (внизу слева), часть Азии, часть Атлантического и Ледовитого океанов, моря – Балтийское, Средиземное, Чёрное, Азовское, Каспийское. Там же.]

То, что перед нами именно Новая Земля – об этом прямо гласит сделанная на ней надпись: «新曽白臘».



[Илл. 08-10-06-3. Надпись «Новая Земля» на карте Риччи. Внимание: горизонтальные надписи я везде пишу слева направо (как принято сейчас), но на карте они идут наоборот – справа налево (как было принято тогда). Часть первого иероглифа (крайний справа) повреждена. Там же]

Надпись эта сформирована по смешанному принципу. Первый иероглиф «新» («xīn») используется в своём словарном значении – «Новая» (у Меркатора – «Nova»). А следующие три иероглифа «曾白臘» фонетически передают звучание слова «Земля» (у Меркатора – «Zembla», у Риччи – «Zēng-bo-là»). То, что последний из указанных трёх иероглифов в написании Риччи выглядит несколько непривычно – это не должно никого смущать, с иероглифами бывает и не такое.

Итак, «Новая Земля». Пекин, 1602.

Карта Риччи имела колоссальный успех. Китайские губернаторы, придворные и чиновники писались в очередь, чтобы заполучить её экземпляр. Сам император заказал сначала один комплект, а когда понял что к чему – потребовал ещё двенадцать (1608, «Дневник» Риччи). Редкий китайский учёный не включил тогда эту карту (в уменьшенном виде) в своё географическое сочинение или энциклопедию. Карта ходила по стране как в печатной версии (известно шесть дошедших до наших дней экземпляров первого тиража), так и в рукописных копиях. И ходила она не только «по стране». В японских библиотеках хранится много реплик карты Риччи, переведённых на японский язык.

От открывшихся вдруг пространств захватывало дух. Согласно надписи на карте, расстояние от Европы до Китая (морским ходом) составляло «80,000 ли» (40 тысяч километров). При этом, как сообщалось тут же, «последние семьдесят лет подобные расстояния стали для европейцев легко преодолимы». Представьте, как это звучало в стране, где выражение «10,000 ли» использовалось для обозначения понятия «бесконечность».

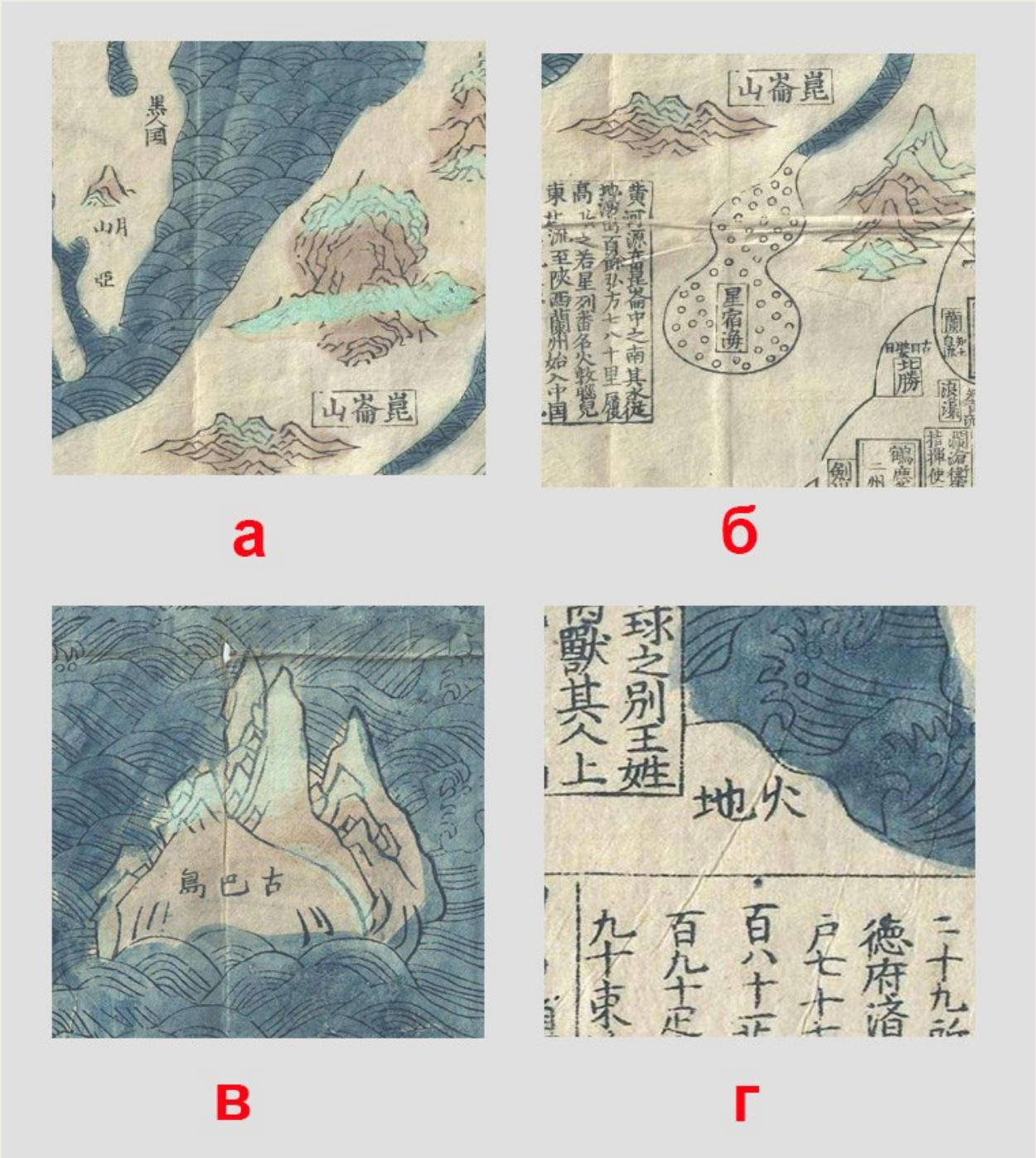
Впрочем, старые представления сдавать свои позиции не торопились. Наряду с революционной картой Риччи (с шарообразной Землёй, пятью континентами, координатной сеткой, меркаторской проекцией и сотнями стран) – наряду с ней про-

должали составляться (и издаваться) карты старого образца, по-прежнему находившие своих покупателей. На таких картах вся земная суша была представлена одним-единственным прямоугольным континентом (идеально ложащимся на прямоугольный же – какое совпадение – лист бумаги). Четыре пятых этой «суши» занимал Китай, а на оставшихся узких полосках вдоль западной и северной сторон листа – там ютились все остальные удостоившиеся того страны.

Но даже и в таком раскладе Новая Земля на этих картах уже наличествовала – либо под своим именем, либо как «Остров Маленьких людей», «Сяожень дао».

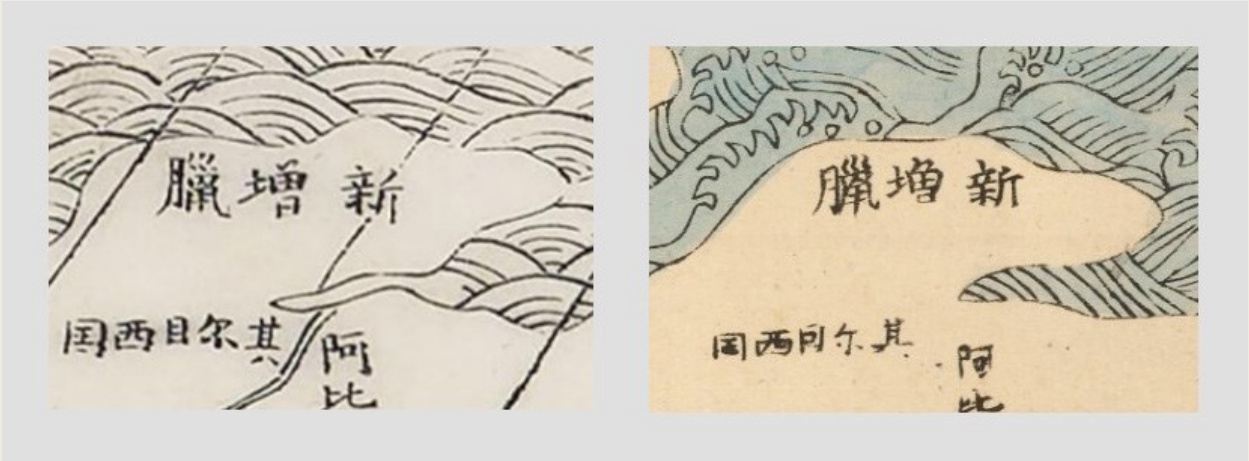
Показательна в этом смысле карта мира, изданная картографом Цао Цзюаньи в 1644 в Нанкине («Полная карта всего, что обретается под Небесами»). Здесь мы видим с одной стороны торжество классических средневековых представлений, где река Хуанхэ очерчивает собой весь цивилизованный мир (читай: Китай), в тексте о Макао (здесь «Сянь шань») нет ни слова о населяющих его европейцах (зато не упущен случай указать место на берегах Янцзы, где жили персонажи «Троецарствия»), а список стран, достойных упоминания, насчитывает всего тридцать три позиции. А с другой стороны, здесь уже пробиваются ростки нового – такие как остров Свободы «Куба» (помещённый в районе Берингова пролива), Огненная Земля (примерно на своём месте) и крохотная Африка (с истоком Нила в её «Лунных горах», расположенных прямо через узкий пролив от гор Куньлунь и истока Хуанхэ).

[Илл. 08-10-07-1. Кроме первого своего издания (Нанкин, 1644), карта мира Цао Цзюаньи переиздавалась с минимальными изменениями в Сучжоу (1663, издатель Ван Цзюньфу), а потом и в Киото (1680-е, Умемура Михаку). Здесь я привожу именно японскую реплику, поскольку она раскрашена и более контрастна. Но в плане содержания – это всё копии карты 1644. Центральное белое пятно – вся земля (за исключением эфемерных Америки и Антарктиды). Область, плотно заполненная надписями (основная часть суши) – это Китай, ограниченный с запада рекой Хуанхэ, а с севера – Великой стеной. Маленький полуостров на левом краю карты – Африка. Отмеченные прямоугольниками области я покажу отдельно. Частная коллекция]



[Илл. 08-10-07-2. Детали с карты Цао Цзюаньи, все подписаны: а) Слева от пролива – африканские «Лунные горы» (в середине), из которых вытекает Нил (вверху), справа от пролива – горы Куньлунь; б) Исток реки Хуанхэ, расположен рядом с горами Куньлунь; в) Остров Куба (понимайте как хотите); г) «Огненная Земля» (буквально: «огонь – земля»). Не забываем, что читать следует справа налево]

Так вот – даже в такой картине мира нашлось место для Новой Земли. Которая хотя и стала временно полуостровом (с лёгкой руки Джулио Алени, по следам Ричи издавшего в Пекине в 1623 собственную версию карты мира), но зато стала называться более точно – «新增臘», то есть «Nova Zemla» (без лишнего «b» – как у Ортелия и де Йоде).

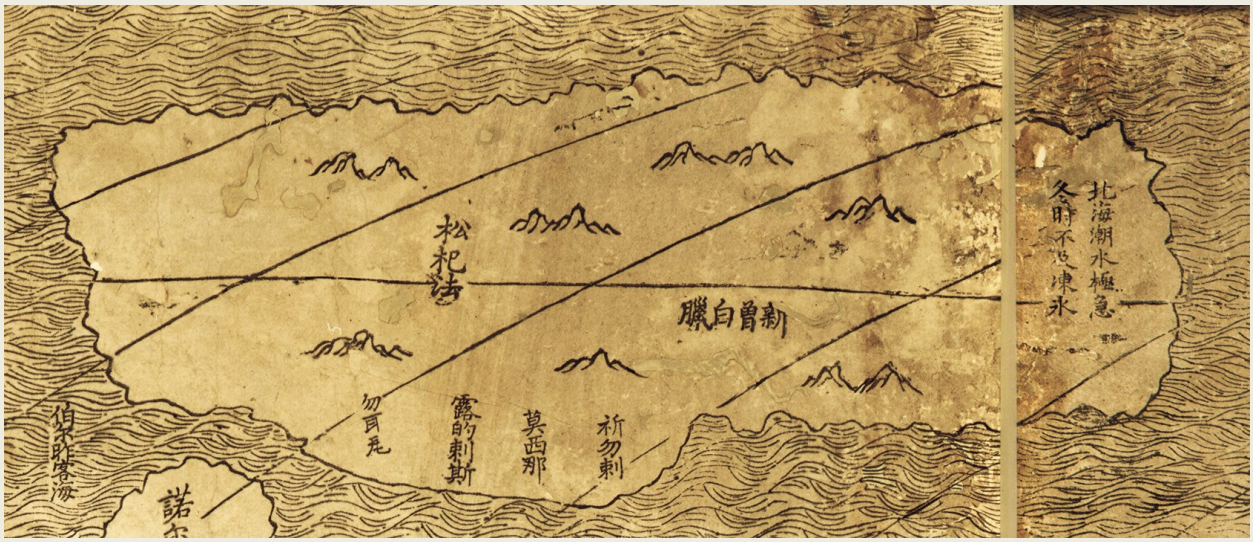


[Илл. 08-10-08-1. «Новая Земля» на карте Цао Цзюаньи (1644, слева, частная коллекция) и на японской реплике карты Вана Цзюньфу (1680-е, справа, частная коллекция). И там и там это полуостров. На карте 1644 имеется река Обь (так и подписано: «Ā - bǐ»), впадающая в Обскую губу. На японской же реплике название «Обь» есть, а вот самой реки нет. Зато волны здесь выразительней]

Но вернёмся к исходной карте Риччи (1602). За последующие четыре столетия большинство названий на ней были идентифицированы. Но не все.

Конкретно, на Новой Земле на карте Риччи имеется семь надписей – одна горизонтальная, одна вертикальная двойная, и пять вертикальных одинарных.

Горизонтальную надпись мы уже разобрали (это собственно «Новая Земля»). Двойная вертикальная (в правой части острова) прочитывается легко. В ней сообщается, что «В Северном океане течения очень сильные. // Зимой море не замерзает».



[Илл. 08-10-09-1. Новая Земля на карте Риччи (1602). Здесь имеется семь надписей. Экз. Миннесоты, фрагмент]

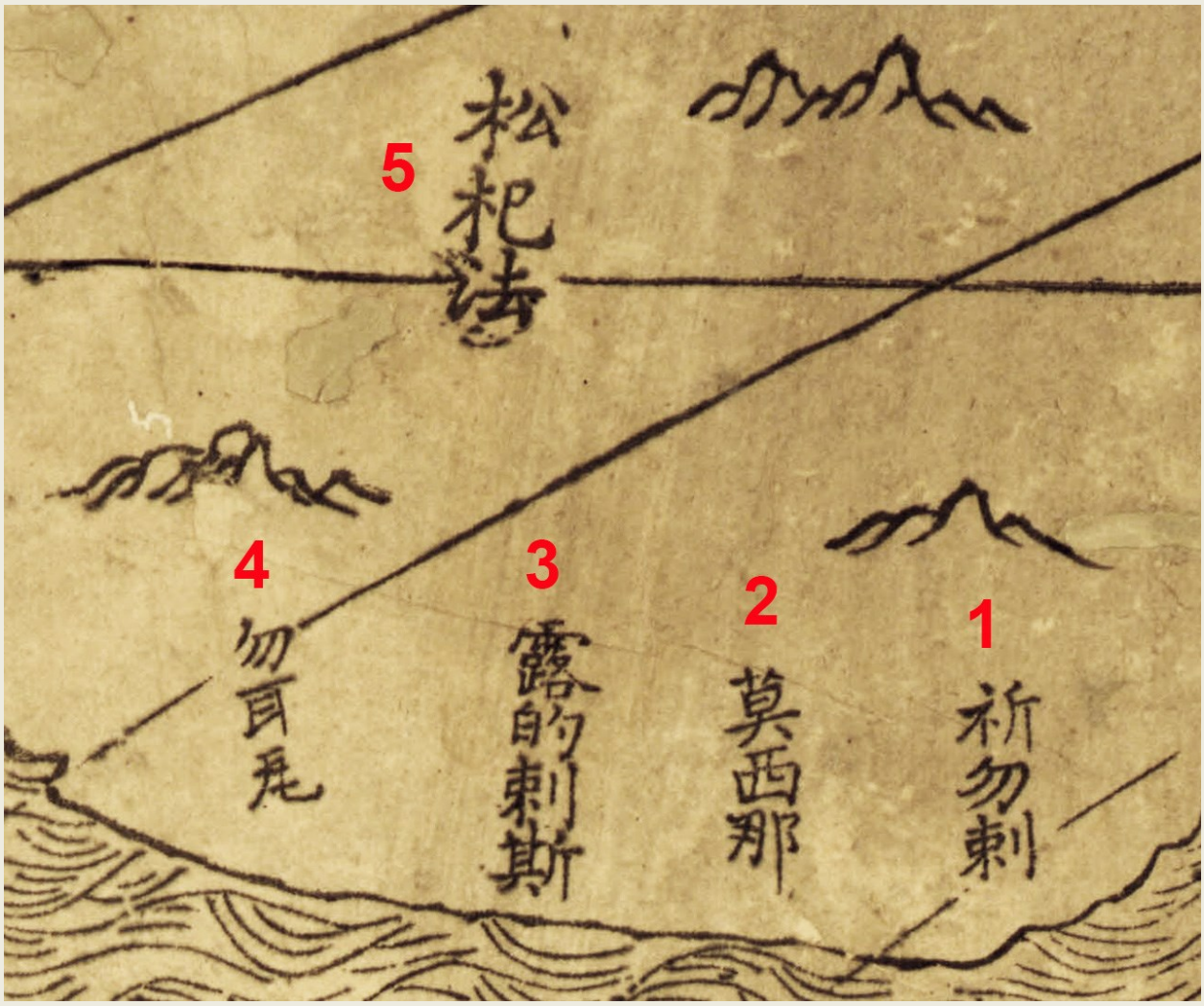
А вот расшифровку оставшихся пяти надписей Новой Земли, насколько мне известно, никто пока не предложил. Попробую это сделать я.

Небольшое предварительное замечание. При записи европейских топонимов китайскими иероглифами со словами происходят удивительные вещи. В первую очередь это следующие три трансформации: а) Идущие подряд согласные обязательно перемежаются произвольными гласными; б) Звук «р» (отсутствующий в китайском языке) заменяется на «л»; в) Звуки «д» и «т» произвольно меняются местами в обе стороны, поскольку китайское ухо их не различает. Так слово «вдруг» превращается во что-нибудь вроде «вы-та-лу-го», что записывается четырьмя иероглифами соответствующего звучания.

При обратном же переводе с китайского языка европейских топонимов нужно иметь ввиду следующие моменты: а) Некоторые иероглифы используются только в словарном своём значении и их следует переводить буквально (например, «新», «Новая»); б) Некоторые иероглифы используются как в словарном значении, так и для обозначения звука (например, «西» – это может быть «Западный», а может быть просто звук «си»); в) Подавляющее большинство иероглифов используются только для передачи соответствующего им звука; г) Один и тот же иероглиф может использоваться в одном топониме в своём классическом звучании, а буквально рядом – в каком-нибудь звучании редком; тут надо знать привычки конкретного картографа.

Самое лучшее, что можно здесь сделать – это для каждого автора (в данном случае для Риччи) составить список иероглифов, которые лично он предпочитает использовать для передачи конкретных звуков. Поскольку значительная часть топонимов с карты Риччи была уже идентифицирована моими предшественниками, то сделать такой список не составило мне большого труда. К примеру, иероглиф «瓦» (который Риччи также пишет своеобразно) по правилам произносится как «wa» – но у Риччи это будет либо «uo», либо вообще «ga» или «ge» (как, например, в его надписях «ВолГА» или «МаГЕлланика»).

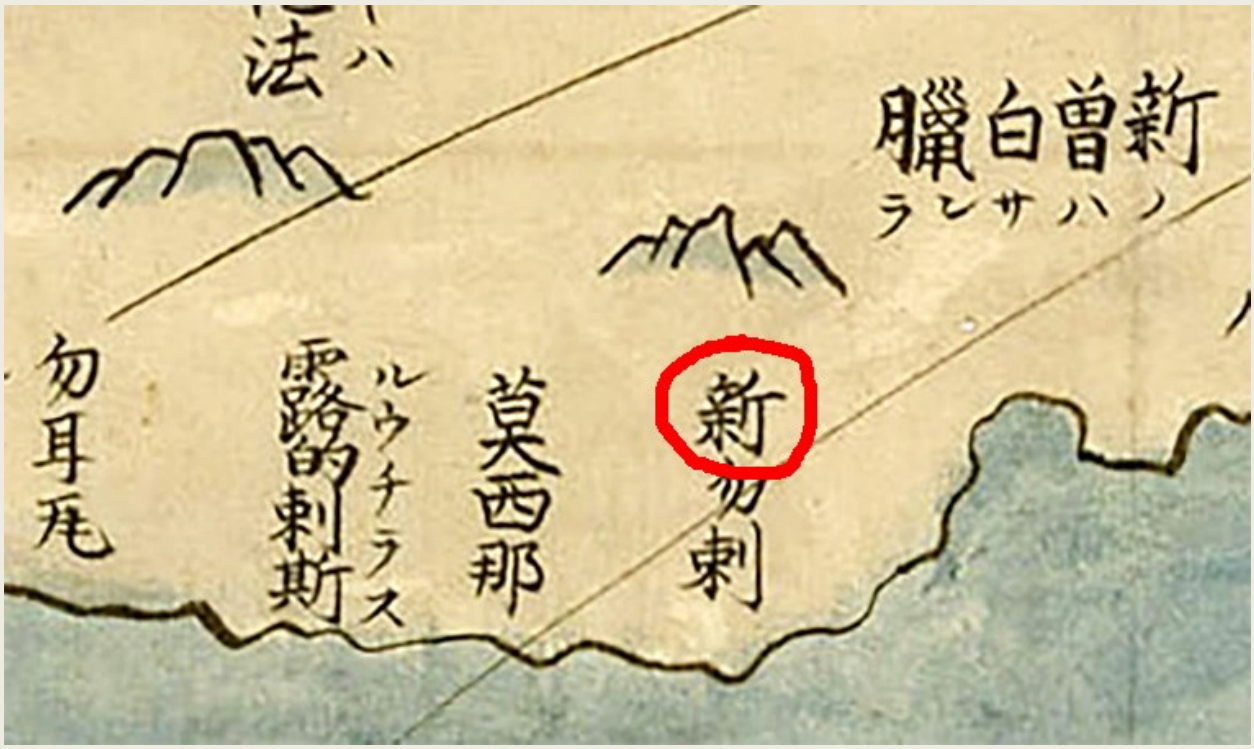
Итак, на карте Риччи «Куньйу Ваньгуо» на Новой Земле имеется пять надписей, требующих идентификации. Для удобства я их пронумерую.



[Илл. 08-10-10-1. Пять не-идентифицированных надписей на Новой Земле на карте Риччи. Там же]

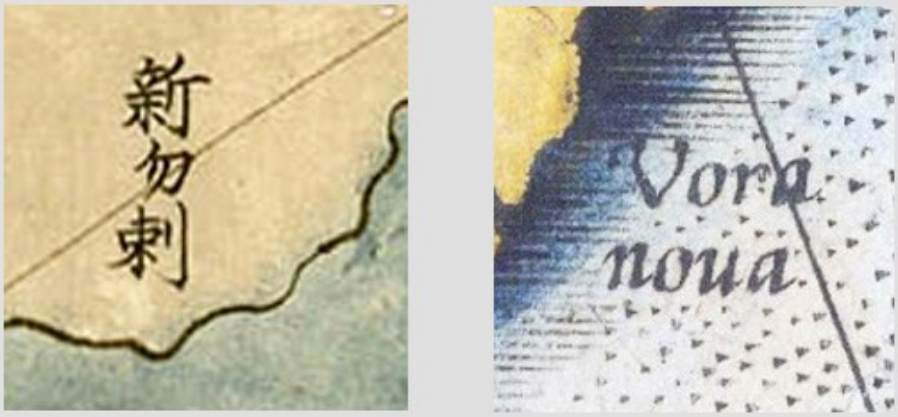
1. «祈勿剌». Читается это, как «Qi-wu-la», какая-то «Кивула» (или «Цивула»). Ничего не понятно.

Ключом к разгадке является здесь то, что первый иероглиф – это очевидная описка, и вместо «祈» здесь должен был стоять близкий по написанию иероглиф «新». Собственно, его мы и видим в данной надписи на одной из ранних версий карты Риччи.



[Илл. 08-10-11-1. Раскрашенный вручную экземпляр карты Риччи. Отмеченный иероглиф отчётливо прочитывается, как «新», «новый» (ср. с первым иероглифом в надписи «Новая Земля» вверху справа). Tohoku University Library (Япония), Kano Collection, ID: 10010000025430]

Итак, «新勿剌». А это уже совсем другое дело. Первый иероглиф здесь следует переводить буквально – «новый» (на латыни «nova»). А по поводу третьего иероглифа нужно вспомнить, что звук «la» с равной вероятностью может соответствовать как исходному «la», так и «ra». В результате мы имеем – «Nova Vu-ra», то есть – «Vora nova» с карты Меркатора. Что есть ничто иное, как «остров Воронова», находящийся у южной оконечности Новой Земли.



[Илл. 08-10-12-1. «Остров Воронова». Надпись «新勿剌» на карте Риччи (слева, экз. Tohoku Univ.) – и «Vora noua» в Атласе Меркатора (справа, лист «Russia», разд. XXVI)]

2. «莫西那». Здесь всё достаточно просто. Данная надпись читается без затей – «Mo-si-na». Что точно соответствует (с учётом удаления технической гласной «i») новоземельскому топониму «Musna» с карты Меркатора. Именно так (см. главу «Шар») Меркатор обозначил «Мучную губу» Новой Земли.

[Илл. 08-10-13-1. «Мучная губа». Надпись «莫西那» у Риччи (слева, экз. Миннесоты) – и «Musna» у Меркатора (справа)]

3. «露的剌斯». Вот эта загадка была поинтересней. Если читать здесь в лоб, то получается «Lu-di-la-si», «Лудиласи». Бред какой-то.

И даже если многоопытно углядеть в этом «Ru-ti-ra-si», сильно лучше не становится.

Однако, стоит предположить здесь описку инверсного типа (перестановку местами соседних слогов, очень частое явление) – и ситуация сразу сдвигается с мёртвой точки. Теперь мы имеем «Ru-ti-sa-ri», а с этим уже можно работать.

Потому что на карте Меркатора на Новой Земле мы видим труднопроизносимый топоним «Rustiutsars». В котором, если огрубить слоги и оставить лишь фонетический каркас – RU(s)-TI(ut)-SA-R(s) – то хорошо просматривается как раз наше «Ru-ti-sa-ri».

Сам же «Rustiutsars» раскрывается весьма элегантно – как всего-навсего новоземельский «Костин шар» в специфической записи Меркатора (в своё время он произвольно заменил «K» на «R» и ввёл несколько других усовершенствований, см. главу «Шар»).

[Илл. 08-10-14-1. «Костин шар». Надпись «露的刺斯» у Риччи (слева) – и «Rustiut-sars» у Меркатора (справа)]

4. «勿耳瓦». Если пользоваться обычным словарём, то читать это следует, как «Wu-er-wa». А вот если обратиться к нашему специальному словарю фонетических предпочтений Риччи, то звучать это станет вот как – «Wo-e-ga». Что вполне могло бы быть «Волгой» (собственно, похожим образом Риччи её и пишет, только в другом месте). Но в данном случае так обозначен остров «Вайгач» («Waygats» у Меркатора), только без «ч» на конце.

[Илл. 08-10-15-1. «Остров Вайгач». Надпись «勿耳瓦» у Риччи (слева) – и «Waygats» у Меркатора (справа)]

5. «松杞法». И последняя надпись. Тут всё строго по-правилам – «Song-qi-fa», «Сун-ки-фа». Что бы это ни было, но именно это мы видим на карте Меркатора в

качестве самого северного новоземельского топонима – «Sunkyfa». Впрочем, из главы «Шар» мы уже знаем, что этим загадочным словом Меркатор обозначал «Максимков остров», являвшийся крайней северной точкой, куда в принципе доходили поморы в добыче морского зверя.

[Илл. 08-10-16-1. «Максимков остров». Надпись «松杞法» у Риччи (слева) – и «Sunkyfa» у Меркатора (справа)]

Итак, все пять загадочных надписей прочитаны. Что ж, мы хорошо поработали – теперь можно и развлечься.

Приведённая выше расшифровка – реальная. Но по ходу работы у меня возникали и разные фантазийные версии. Например, название соседнего с Новой Землёй полярного острова «大茶荅島» я сгоряча перевёл буквально – «Великий Чайный остров». А как же? Ведь там прямо написано – «великий», «чай», «остров». Но здравый смысл всё-таки возобладал. Ибо речь там шла всего-то навсего о «Тазовском острове» (в реальности – полуострове), находящемся в устье реки Таз («Tazata Insula» у Меркатора, что превратилось у Риччи в «Ta-cha-ta»).

Ещё смешнее было с нашим незабвенным «Lu-di-la-si». В минуту отчаяния я был близок к тому, чтобы увидеть в данном наборе звуков выражение «Люди-лоси». Тут ещё так совпало, что хотя тотем «людей-лосей» чрезвычайно редкий, но он имел место как раз недалеко (в масштабах карты Риччи) от указанной точки – в северной части пермского края. Так что это яркое прочтение вовсю назревало, даром что на Новой Земле и лосей-то никаких нет. С другой стороны – в Тазовской губе чай тоже не растёт. По счастью, в последний момент Будда уберёг меня от этого наваждения, и вместо «людей-лосей» (не встречающихся, к слову, ни на одной известной мне карте) мне в этой надписи открылся истинный «Костин шар» – во всём своём величии и блеске. А теперь снова о серьёзном.

Известно, что стремление к совершенству до добра не доводит. Так случилось и в этот раз. Удачно расшифровав пять новоземельских надписей с карты Риччи, я стал смотреть – нельзя ли что здесь улучшить ещё. И нашёл.

В полученной мной схеме я обратил внимание на одну небольшую шероховатость. Даже не «шероховатость», а скорее «не-идеальную гладкость». Короче – порядок, в котором следовали топонимы на карте Меркатора вдоль береговой линии Новой Земли, и их порядок (в соответствии с моей расшифровкой) на карте Риччи – в четырёх случаях из пяти эти порядки точно совпадали, но в одном случае – нет. Я говорю о надписи «勿耳瓦», которую я интерпретировал, как остров «Вайгач». На карте Риччи эта надпись почему-то находилась к западу от «Костина шара», хотя согласно карте Меркатора (и реальному землеустройству) она должна была бы быть к востоку.

[Илл. 08-10-17-1. Соответствие взаимного расположения топонимов Новой Земли в Атласе Меркатора (внизу) – и тех же топонимов на карте Риччи (вверху). Из общего порядка выбивается только «勿耳瓦» (предположительно «Вайгач»)]

Но это, действительно, такая мелочь, что и говорить о ней неудобно. Тем более, что если не «Вайгач», то как ещё можно интерпретировать надпись, звучащую как «Wa-e-ga»?

Но тут к делу, меня не спросясь, подключилась тяжёлая артиллерия – цифры. Помните, я давал сверх-краткую биографию Риччи, буквально в двух строках. Но даже там хорошо видно, что из двадцати лет, которые Риччи провёл в Китае до составления им карты «Куньйу Ваньгуо» – из всех этих двадцати лет он прожил в Пекине всего один год. А вот первые двенадцать лет он безвыездно провёл в окрестностях Кантона, где и освоил в совершенстве китайский язык. Это был, естественно, «кантонский китайский».

Разумеется, официальным «мандаринским» диалектом Риччи также со временем овладел. Но всё-таки первым, «родным» для него диалектом был именно «кантонский».

Во внешнем виде иероглифов разница между диалектами несущественна. А вот в звучании – очень даже. О том как «пекинец» и «кантонец» произносят один и тот же текст ходят бесчисленные анекдоты.

Конкретно в нашем случае, надпись «勿耳瓦» в кантонском прочтении звучит следующим образом – «Mat-ii-naa». Никаких тебе «wa», никаких «ga». А теперь вернёмся к пункту «4».

4а. «勿耳瓦», читается «Mat-ii-naa» (кант.). Давайте посмотрим что имеется подходящего на карте Меркатора в интересующем нас месте (то есть к западу от «Костина шара»).

А имеется здесь «Matens kinsarch». Отбрасываем в первом слове латинизирующую букву «s» на конце (как это часто делает Риччи, например в словах «Atla(s)», «Hondura(s)» или «Tanai(s)») – и мы получаем тот самый «Mat-e-na», то есть – точнёхонько «勿耳瓦» в кантонском прочтении.

[Илл. 08-10-18-1. «М-шар». Надпись «勿耳瓦» у Риччи в кантонском прочтении (слева) – и «Matens» у Меркатора (справа)]

Должен сразу сказать – кантонский акцент прорывается у Риччи в его карте редко. Например, в соседней надписи иероглиф «勿» звучит вполне по-мандарински (как «wo»). Так что данная транслитерация могла возникнуть у Риччи только как случайный сбой. Но сколько разных сбоев мы тут уже видели – и сколько их всего имеется в прочих местах данной карты.

Остаётся лишь напомнить, что «Matens kinsarch» у Меркатора – это ничто иное, как пролив «М-шар», разрезающий Новую Землю на две неравные части (и изображённый на его карте в виде узкого петляющего канала).

Сухой остаток этого эпизода следующий. Начиная с 1602 благодаря карте «Куньйу Ваньгуо» в Китае не только «слышали» про Новую Землю, но и знали о таких её географических объектах, как «Воронов остров», «Мучная губа», «Костин шар», «Максимков остров» и «М-шар» / «Вайгач».

Да, много всего нового сразу свалилось тогда на китайских учёных. Вот уж действительно – «Мириады слепящих миров».

А что вы хотели? «Ваньгуо» (萬國) буквально и означает – «Бессчётное количество стран».

Точка схождения

Путешествие Спафария в Китай в 1675 было расценено властями, как абсолютно безрезультатное. На нескольких сотнях предыдущих страниц я кратко перечислил лишь самые очевидные результаты этой «безрезультатности».

Свершились глобальные перемены, воссиял венец, определился вектор, сменился вектор, возникла «поэзия», вырос город в степи, взошло «солнце», высохли чернила на рисунке пустынного острова в черновике неоконченного стихотворения, сменилась «размерность» мира, дрогнул принцип «причинности» – и всё это стало следствием небольшой книжечки Спафария, так и оставшейся неизданной, которую он написал по результатам своего «безрезультатного» путешествия в Китай.

Но до главного я всё ещё так и не добрался. А ведь все сюжетные линии вели к этой сингулярной точке. И вот наконец привели.

Так вот. В ходе своего путешествия в Китай, Спафарий создал собственную карту мира, куда вошла часть Европы и вся Азия. Вот она, эта карта.

[Илл. 08-10-19-1. Карта Спафария, 1678. Север – внизу. Пунктиром (виден при увеличении) Спафарий отметил маршрут своего путешествия, в обе стороны. Harvard, Houghton Library, Leo Bagrow Collection, MS Russ 72 (2)]

Данная карта создавалась в рамках подготовки отчётной документации по путешествию, проделанному на казённый счёт. Так что многие вещи в ней были достаточно стандартными. Многие, но не все.

И пусть сейчас всё ещё не время, но это всё равно нельзя не озвучить: иначе текущее смывает косые тоны.

Вряд ли Спафарий предполагал, чертя данную карту, что сам он войдёт в историю благодаря одной-единственной ворсинке, прилепившейся у самого обреза того его чертежа. Одной маленькой ворсинке.

Но именно данная ворсинка превратила карту Спафария из проходного технического документа в нечто кардинальное и знаковое – «Первую русскую карту, на которой в масштабах всей Азии полярная Новая Земля обрела первую свою детализацию». И этой «деталью» стал пролив «М-шар».

Одна маленькая «ворсинка», длиной меньше дюйма, пока ещё без названия.

[Илл. 08-10-19-2. Новая Земля и пролив «М-шар» на карте Спафария. Север – внизу. Там же]

Когда в своём обзоре отечественной новоземельской картографии я говорил о некой ключевой «Третьей карте» (глава «Москва», эпизод «Козмографы-землеписцы») – я имел ввиду именно эту карту Спафария.

Если Герману с его третьей картой решительно не повезло (дама – она и в Африке дама), то Спафарию выпал стопроцентный туз. Как и обещала графиня-процентщица.

Итак, он появился – первый новоземельский объект на русской карте Азии.

Интересно, какие ветры надули Спафарию на Великой китайской равнине этот полярный пролив, находившийся в «10,000 ли» от Пекина?

Хризантема ветров

С самой картой Спафария всё просто – она стала прямым следствием его путешествия в Китай. Её составление вменялось инструкцией, предписывавшей по возвращении сдать «статейный список», «роспись пути» и «чертёж». В такой комплектации Спафарий свой отчёт и представил. Эта причинно-следственная связь тривиальна.

Но вот почему на его карте Новая Земля, ни с того ни с сего, обрела тонкую детализацию, которая не имела никакого отношения к его путешествию в Китай (и которая отсутствовала на всех предыдущих аналогичных русских картах) – вот это вопрос интересный. Попробуем посмотреть на процесс в динамике.

Хотя на карте Риччи (1602) название «М-шар» уже присутствовало, но самого обозначения пролива там ещё не было. Однако к тому моменту, когда Спафарий прибыл в Пекин (1676), со времени опубликования карты Риччи прошло уже три четверти века. Много чего успело произойти.

В частности, через тринадцать лет после того, как Риччи умер в Пекине – на другой стороне Земли, во Фландрии, родился мальчик. Он рос, хорошо учился, сдал экзамены, получил духовный сан – и отправился в Китай. Это был Фердинанд Вербист, уже знакомый нам по эпизоду «Под небом Поднебесной».

О Вербисте рассказывать легко, поскольку его можно достаточно точно охарактеризовать всего двумя словами – «пекинский Леонардо». Астроном, математик, лингвист, писатель, переводчик, полиглот, конструктор парового автомобиля, металлург, пушечных дел мастер – и прочая, и прочая. В том числе и картограф.

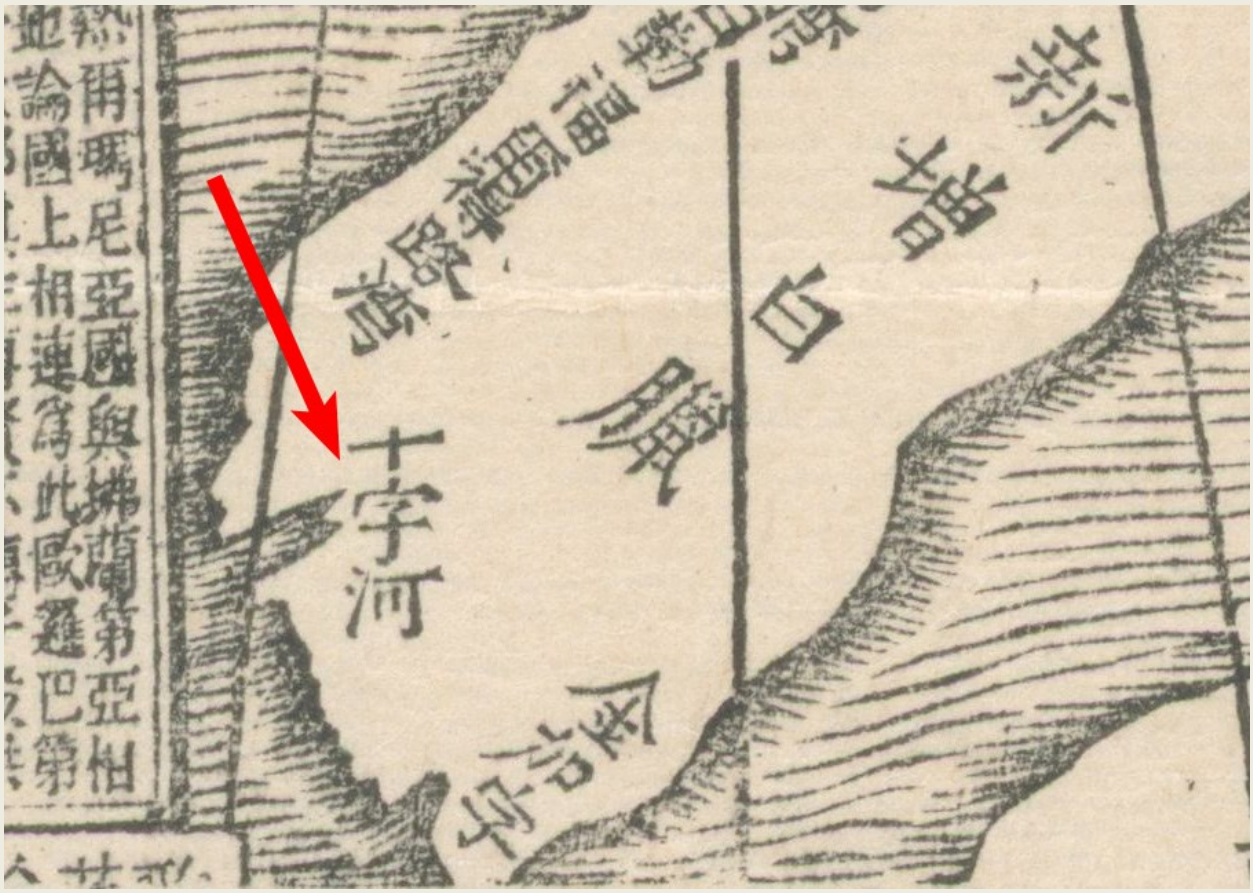
Буквально накануне прибытия Спафария в Пекин, Вербист в 1674 выпустил там собственную версию карты мира.

Карта Вербиста базировалась на наиболее продвинутом на тот момент голландском «Атласе Блау» (1665), так что в целом она была точнее карты Риччи. Но тут есть нюансы.

Взять, к примеру, Новую Землю. С одной стороны, её геометрия стала у Вербиста реалистичней (вытянута с юга на север и одним торцом близко походит к материку). Но в смысле топонимики это был шаг в тупиковом направлении. В упомянутом выше «Атласе Блау» (как и во всех прочих картах после плавания Баренца) использовались названия, присвоенные голландцами островам, мысам и заливам без оглядки на местную традицию. В таком виде они и достались Вербисту.

И вообще, Новая Земля на карте Вербиста оказалась бедна на детали. Единственная интересная там вещь – это отчётливо прорисованное начало некого большого пролива, идущего с запада на восток. Этот пролив на карте Вербиста вскоре обрывается – что точно воспроизводит соответствующее место у Блау, который этим показывал, что достоверно не знает – сквозной пролив или нет.

Так вот. Блау может быть и не был уверен, но Вербист на своей карте добавил надпись, развеивающую малейшие сомнения: «十字河» («Shizi He»). Что в данном случае означает «Сквозной канал».



[Илл. 08-10-20-2. Надпись «Сквозной канал» («十字河») на Новой Земле («新增白臘») на карте Вербиста (1674). Yokohama University Collection, ID: WC-0/163/1-6]

Итак, новоземельский «Сквозной канал» на карте Вербиста. Пекин, 1674.

А теперь посмотрим – имел ли Спафарий возможность в 1676 видеть в Пекине эту карту, и конкретно данное на ней место?

Ну, для начала, вспомним, что Спафарий встречался с Вербистом множество раз, и каждый раз они плотно общались. Как ни крути, а их знакомство никак не назовёшь «шапочным». А ещё вспомним, что Вербист только-только закончил работу над своей картой мира и эта тема была для него всё ещё горячей. А применительно к его контактам со Спафарием она была даже ещё горячее. На тот момент самым слабым местом всех карт мира, их самым «белым пятном» и самой «тёмной зоной» являлась северо-восточная часть Азии. Именно та её часть, откуда, в представлении Вербиста, Спафарий только что прямиком прибыл. Спафарию же, с его стороны, служебная инструкция прямо вменяла разузнать как можно больше о расположении Китая. Так что картография была для них обоих естественной точкой пересечения интересов.

Даже в официально запротоколированных разговорах Вербиста и Спафария (представляющих, понятно, только вершину айсберга их тёплого общения) – даже в них то и дело всплывают некие карты, на которых присутствует Московское царство.

> ***
> А езуит [Вербист] меж розговоров сказал посланнику [Спафарию], что <…> ведает он <…> про государство Российское, что сколь велико в чертеже.
>
> («Статейный список» Спафария, РГАДА, ф. 62, оп. 1, кн. 4,, л 128 об.)
>
> ***
> И посланник [Спафарий] ему [асканьяме] сказал, что <…> у них [китайцев] чертежи есть ж и мочно смотрить [по этим картам] царского величества государство и бугдыханово [государство] сколь велико. И асканьяма говорил, что ведаем и мы, что царского величества государство зело велико.
>
> (Там же, л. 130 об.)

При таком раскладе Вербист по-всякому должен был показывать Спафарию свою новую карту – и пытаться верифицировать с его помощью собственные китайские надписи, расположенные на «русских» территориях (в частности – на Новой Земле).

Помимо общих соображений, есть и прямое указание. Спафарий высказывается на эту тему вполне определённо:

> И в том же числе [9 августа 1676] приехал езуит алихахава [Вербист] и говорил <…> он де, алихахава, пошлёт к великому государю книгу от себя, что он делал в Китаех, «мапи», се есть китайские чертежи, и лист к великому государю, только чтоб было в тайне и никто не знал.
>
> (Там же, л. 232-232 об.)

Да не вопрос, тайна есть тайна. Молчим, никто ничего и не знает. Только вот мы с вами.

Кстати, есть два возможных прочтения слова «мапи» в приведённой цитате, и оба они верные. Знатоки китайских церемоний предлагают нам видеть в этом слове «máobǐ» («毛筆»), что буквально означает – «кисть», но понимается при этом как «рисунки сделанные при помощи кисти» (то бишь «карты»). Однако я думаю что дело обстояло даже проще. Спафарий, ещё не слишком твёрдый в русском языке, использовал итальянское слово «mappa» («карта»), отважно образовав множественное число по правилам русского языка. Какое бы объяснение вы ни выбрали, речь здесь идёт о карте Вербиста.

Итак. В Пекине в 1676 Спафарий узнал из карты Вербиста о существовании «сквозного канала», прорезающего Новую Землю с запада на восток. И когда он составлял уже собственную карту, он посчитал необходимым отразить на ней это важное (и новое для него) знание.

«Идею» пролива Спафарий взял у Вербиста, однако сам рисунок (тонкую ниточку, упирающуюся в обрез карты) он скопировал, судя по всему, из Атласа Меркатора. Этот Атлас Спафарий также мог видеть в Пекине, поскольку у тамошних иезуитов он был в широком ходу. Впрочем, данный Атлас теоретически мог иметься и в

Москве. Например – тот его экземпляр, с которого в 1637 в Посольском приказе делали перевод его текстовой части (ставший затем исконно русской книгой «Космография»). Как бы там ни было, геометрия Меркатора (в её новоземельской части) перешла на карту Спафария с подачи Вербиста.

Вот, оказывается, откуда дул тогда ветер. Спафарий пришёл в Пекин, узнал из карты Вербиста про «Сквозной канал» на Новой Земле, и – изобразил. Изобразил этот «канал» на своей карте, как мог.

Земные шнуры

Мел ломается. Но Виктор Никитич Корчагин оставшимся кусочком дорисовывает на доске свой любимый треугольник ABC. Нам предстоит его решить.

И не только решить, но и определить расстояние между точкой пересечения его медиан и точкой пересечения его биссектрис. Зачем-то требуется это расстояние.

Я думаю. Что такое, вообще, «расстояние»? Длина отрезка прямой, соединяющей две точки. А что такое «прямая»? Линия, задающая расстояние между двумя точками. При этом «длина» пути определяется временем его преодоления. Которое определяется много чем. Так – что же такое «расстояние», которое нам требуется определить?

В реальной жизни расстояния не определяются прямыми. Да, мир более-менее связан и не распадается на куски – но связи эти отнюдь не линейны, а запутаны и темны. Мир – это не радужная магистраль в будущее, это скорее клубок туго сплетённых проводов, по которым текут, бурля, невидимые сигналы – непонятно откуда, непонятно куда.

Мир связывают в единое целое «земные шнуры». И всё, что имеет хоть какой-то смысл, проходит именно по ним. Путь из Москвы к новоземельскому проливу «М-шар» пролегает через Пекин. Кружной путь короче, короче.

Так что простая линия в реальном мире не такая уж и простая. Она огибает горы и уходит под воду, теряется в песках, а потом неожиданно выныривает на мокрых площадях запретных городов. Порой эта линия слабеет и истоньшается, особенно на влажной поверхности, и чтобы она была хоть как-то видна, приходится нажимать сильнее.

Мел снова ломается. Но Светлана Александровна Тихомирова уже совсем крохотным кусочком дописывает на доске дату Полтавского сражения и имена главных его героев. Предполагается, что мы должны запомнить это наизусть. Имена и даты, не подлежащие забвению. Они потребуются на экзамене.

Вот только она забыла, что мел.

Мел. То, чем она пыталась писать на непросохшей доске являлось спрессованными останками самого великого из всех, кто когда-либо озарял своим присутствием эту планету – останками бессмертного героя и беззаветного патриота – Кокколитофорида Великого. Этот Спаситель популяции победил в мезозое всех врагов своего планктона и освободил углеродолюбивых «кокколитофоридов» от ига ненавистных «фораминиферов» (одно слово: «дырочники»), изгнав их из благословенного моря Тетис в дикие степи океана Панталасса.

И вот теперь он – мел, и никто не помнит о его сиянии и славе, и им пишут на досках всякую чушь, и звать его никак.

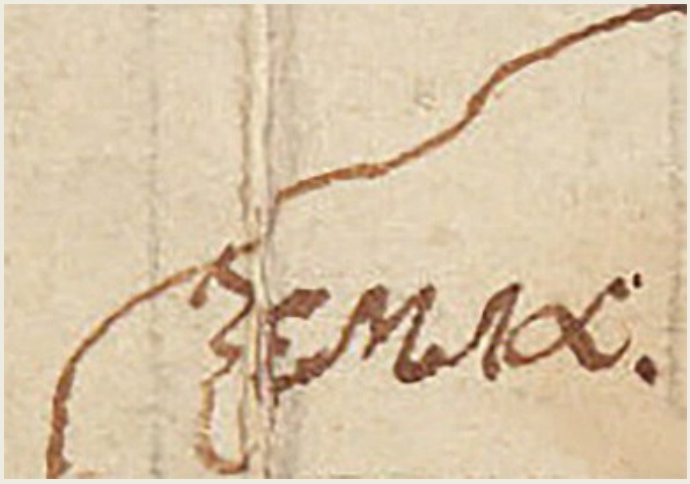
Любое событие является следствием ряда предшествующих событий. Из глубины времени соки поднимаются по тонким корням частных историй, сливаются в ручейки сюжетов, образуют мощные токи фабул – и непробиваемую поверхность жизни пробивает новый росток. Росток нового.

Но это идеальная схема. В реальности миллионы событий не имеют ровно никаких последствий, и лишь единицы создают будущее.

Но даже и они, а вместе с ними и все задействованные в них персонажи, неуклонно погружаются в глубину, и видны они всё меньше и меньше, а там и исчезают совсем.

Но есть третий вид событий – трансвременные, отложенного действия. Они как бы прошивают время насквозь и выходят на другой его стороне. Исходно они кажутся малозначимыми и незаметными. Но задним числом оказывается, что они-то и составляли истинный смысл всего происходившего. Царства рождались и реки меняли русла единственно для того, чтобы в нужном месте в нужное время бабочка взмахнула крыльями.

И когда такое событие всплывает из холодной глубины, то оно вытягивает за собой на поверхность времени и все связанные с ним истории. И именно это и дарит миру его целостность, а героям тех историй – заслуженное бессмертие. А всем остальным – надежду.



[Илл. 08-10-21-1. «М-шар» на карте Спафария]

Так, тонкая ниточка «М-шара» на карте Спафария, длиной двадцать два миллиметра, связала в единый континуум будущее и прошлое. Что дало некому куску бытия крохотный шанс ожить и выйти на понятийный простор.

Иначе – нора времени.